ПРАВЛЕНИЕ
ВОЛКОВ
18+
От автора бестселлера «Шестерка воронов»
ЛИ БАРДУГО

Миры Ли Бардуго. Grishaverse

Ли Бардуго

Правление волков

«Издательство АСТ»
2021

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4

Бардуго Л.

Правление волков / Л. Бардуго — «Издательство АСТ», 2021 — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse)

ISBN 978-5-17-138086-1

Волки кружат вокруг добычи, а юному королю предстоит принять самый главный вызов своей жизни. Пока огромная армия Фьерды готовится к вторжению, Николаю Ланцову придется призвать всю свою изобретательность, обаяние и таящегося в глубине души монстра, чтобы выиграть эту битву. Только тогда он сможет устранить нависшую над Равкой угрозу, ведь на этот раз одной удачи будет недостаточно. Зоя Назяленская потеряла в этой войне слишком много. Наставник погиб у нее на глазах, а ее смертельный враг, напротив, стал еще опаснее. Зоя больше не готова хоронить друзей. Она должна стать той силой, которая защитит ее людей. И неважно, какой ценой. Нина Зеник находится под прикрытием в самом сердце вражеской столицы. Если ее разоблачат, живой она не выберется. Но ее желание отомстить может стоить стране свободы, а ей самой – возможности залечить раненое сердце. Король. Генерал. Шпион. Вместе они должны найти свет во тьме будущего. Иначе все, что им дорого, навсегда превратится в руины.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-138086-1

© Бардуго Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

1. Королева Макхи 8
2. Нина 14
3. Николай 22
4. Нина 31
5. Зоя 37
6. Николай 44
7. Нина 52
8. Николай 61
9. Зоя 68
10. Нина 78
11. Зоя 87
12. Николай 95
13. Нина 106
14. Зоя 116
15. Николай 124
16. Нина 131
17. Зоя 140
18. Николай 144
19. Майю 149
20. Зоя 160
21. Монах 169
22. Нина 173
23. Николай 179
24. Майю 183
25. Нина 192
26. Монах 199
27. Николай 204
28. Зоя 211
29. Майю 219
30. Нина 223
31. Николай 233
32. Майю 242
33. Монах 247
34. Николай 253
35. Нина 259
36. Зоя 266
37. Николай 269
38. Монах 274
39. Зоя 277
40. Майю 282
41. Нина 287
42. Николай 289
43. Зоя 291
44. Нина 296
45. Николай 300
46. Зоя 305

47. Нина 311
48. Николай 317
49. Зоя 325
Благодарности 332

Ли Бардуго
Правление волков

Leigh Bardugo
Rule of Wolves

Rule of Wolves. Copyright © 2021 by Leigh Bardugo
Jacket art © 2021 Leigh Bardugo
Book design by Ellen Duda
Map art by Sveta Dorosheva
Imprint logo designed by Amanda Spielman
© И. Меньшакова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Исследуя утесы на побережье близ Ос Керво, можно наткнуться на пещеру, которая, как поговаривают, когда-то была лежбищем дракона. И пусть существование дракона было фактом весьма спорным, сырость в пещере царила неоспоримая. Так вот, если вы посмеете украсть или исказить текст этой книги, то будете обречены провести вечность – невероятно сырую вечность – в этой пещере, дрожа от холода, давясь поганками и мечтая о драконьем пламени, способном согреть вас.

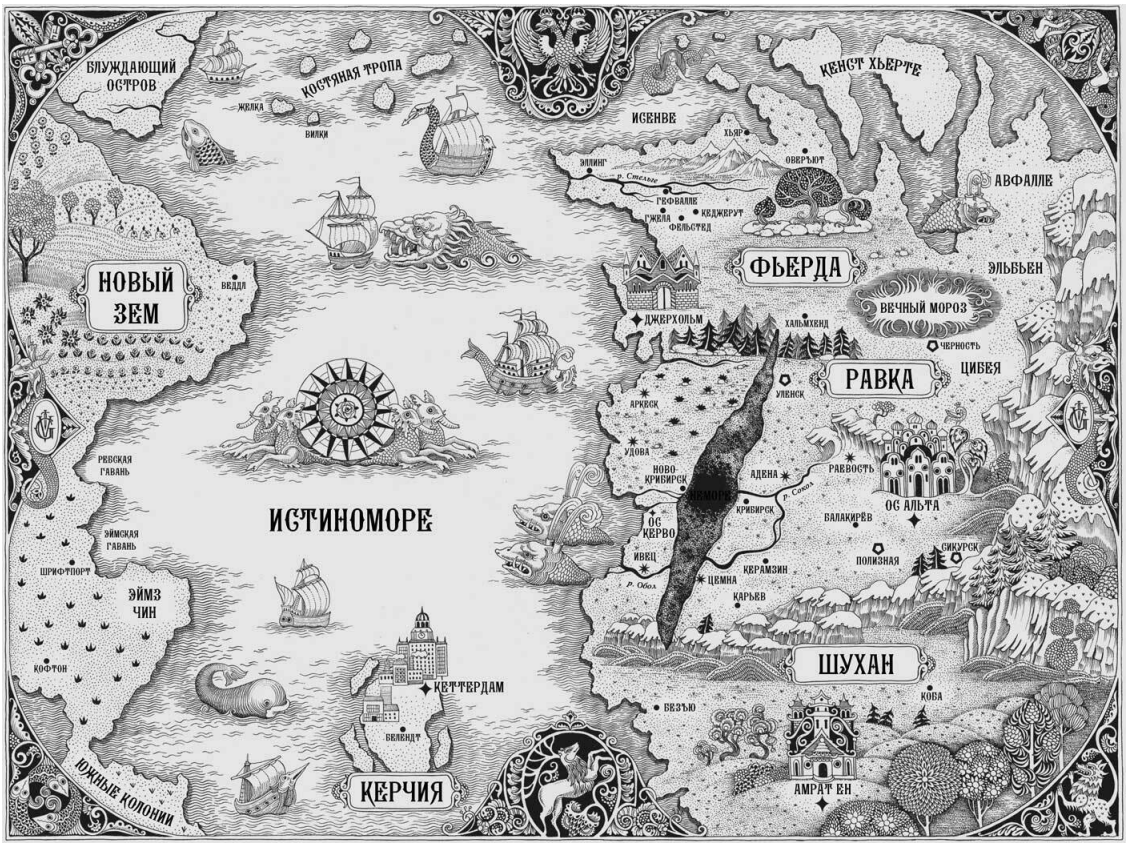
EDA, который помог мне найти свое место среди волков

ГРИШИ
СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(Орден живых и мёртвых)
Сердцебиты
Целители

ЭФИРЕАЛЫ
(Орден Заклинателей)
Шквальные
Инферны
Проливные

СУБСТАНЦИАЛЫ
(Орден Фабрикаторов)
Прочники
Алкемы


БЛУЖДАЮЩИЙ ОСТРОВ
КОСТЯНАЯ ТРОПА
ЖЕЛКА
ВИЛКИ
КЕНСТ ХЬЕРТЕ
ИСЕНВЕ
ХЬЯР
ЭЛЛИНГ
ОВЕРЪЮТ
АВФАЛЛЕ
ГЕФВАЛЛЕ
РЖЕЛА
КЕДЖЕРУТ
ФЕЛЬСТЕД
ФЬЕРДА
НОВЫЙ ЗЕМ
ВЕДДА
ЭЛЬВЬЕН
ВЕЧНЫЙ МОРОЗ
ДЖЕРХОЛЬМ
ХАЛЬМХЕНД
ЧЕРНОСТЬ
РАВКА
ЦИБЕЯ
УЛЕНСК
АРКЕСК
УДОВА
НОВО-КРИВИРСК
АДЕНА
РАЕВОСТЬ
ОС АЛЬТА
ОС КЕРВО
КРИВИРСК
БАЛАКИРЕВ
ИВЕЦ
ПОЛИЗНАЯ
СИКУРСК
ЦЕМНА
КЕРАМЗИН
КАРЬЕВ
ИСТИНОМОРЕ
РЕВСКАЯ ГАВАНЬ
ЭЙМСКАЯ ГАВАНЬ
ШРИФТПОРТ
ЭЙМЗ ЧИН
КОФТОН
КЕТТЕРДАМ
ВЕЗЬЮ
КОВА
ШУХАН
ВЕЛЕНДТ
АМРАТ ЕН
КЕРЧИЯ
ЮЖНЫЕ КОЛОНИИ

1. Королева Макхи

Макхи Кир-Табан, Небеснорожденная, происходила из древней династии королев.

«И все они были дурами, – думала она, чувствуя, как учащается пульс по мере прочтения зажатого в руке приглашения. – *Не будь они дурами, я бы не оказалась сейчас в таком положении».*

На лице ее не отразилось даже тени пылавшей внутри ярости. Краска гнева не запятнала ее нежные щеки. Она была королевой и умела держать себя соответственно статусу – спина прямая, поза непринужденная, лицо спокойное. Пальцы ее не дрожали, несмотря на то что каждым своим мускулом она стремилась стереть покрытый изящными буквами листок в пыль.

Король Николай, Великий князь Удовы,
единовластный правитель великой Равки,
и принцесса Эри Кир-Табан,
Небеснорожденная из Божественной династии Табан,
рады пригласить королеву Макхи Кир-Табан
на празднование бракосочетания
в королевской часовне Ос Альты.

Венчание планировалось через месяц, считая с этого дня. Придворным Макхи хватит времени на то, чтобы упаковать соответствующие наряды и драгоценности, собрать свиту и подготовить отряд ее Тавгарадов, элитных солдат, охранявших королевскую семью с тех пор, как первая королева династии Табан заняла трон. Достаточно времени на то, чтобы совершить путешествие по земле или по воздуху, на одном из роскошных дирижаблей, сконструированных ее инженерами.

Более чем достаточно времени на то, чтобы разумная королева смогла развязать войну.

Но сейчас Макхи была вынуждена держать лицо перед министрами, собравшимися возле нее в зале совета. Ее мать покинула этот мир всего лишь месяц назад. Корона могла вернуться к бабке Макхи, но Леути Кир-Табан стояла на пороге восьмидесятилетия и не желала вновь взваливать на себя всю тяжесть управления страной. Ей хотелось лишь пестовать свои розы в сельской глуши и предаваться утехам с чередой красавцев-любовников, и поэтому, одарив Макхи своим благословением, она отбыла в дальние владения. Макхи короновали всего через несколько дней после похорон матери. Она была пока в самом начале пути правительницы, но намеревалась сделать все, чтобы он был долгим. Она планировала ускорить наступление века благополучия и процветания для своей страны – а для этого нуждалась в поддержке тех самых королевских министров, которые сейчас смотрели на нее в напряженном ожидании.

– Я не вижу письма, написанного лично Эри, – произнесла она, откинувшись на спинку трона. Она положила приглашение на колени и позволила себе чуть нахмуриться. – Это вызывает беспокойство.

– Нам следует радоваться, – заметил министр Нагх.

Он был одет в темно-зеленое платье с медными пуговицами и двумя скрещенными ключами Шу на лацканах – наряд чиновничьего сословия, как и у прочих министров. Вместе они походили на лес строевых деревьев.

– Разве не на такой результат мы надеялись? Свадьба, скрепляющая союз между нашими народами?

На этот результат вы *надеялись. Дай вам волю, мы будем вечно прятаться под прикрытием наших гор.*

– Да, – согласилась она с улыбкой. – Именно поэтому мы рискнули отправить нашу драгоценную принцессу Эри в те дикие земли. Но она должна была написать нам послание собственной рукой, подтверждая, что все хорошо.

Министр Цзиун откашлялась.

– Ваше небесное величество, Эри, возможно, не особо счастлива, скорее, покорилась обстоятельствам. Она никогда не желала жизни в центре внимания, не говоря уже о том, чтобы жизнь эта проходила вдали от единственного места, которое она может назвать своим домом.

– Мы – Табан. И все, чего мы желаем, это то, в чем нуждается наша страна.

Министр почтительно склонила голову.

– Конечно, ваше величество. Следует ли нам подготовить ваш ответ?

– Я отвечу сама, – заявила королева. – В знак особого уважения. Будет лучше начать наши союзнические отношения на правильной ноте.

– Очень хорошо, ваше величество.

Нагх сказал это так, словно Макхи удалось исполнить особо удачный реверанс.

Почему-то одобрение министра вызвало у Макхи больше раздражения, чем его несогласие.

Она поднялась, и министры, все как один, тут же сделали шаг назад, следуя протоколу. Она спустилась с тронного возвышения, и отряд Тавгарадов последовал за ней, держась на шаг позади, пока она шла по длинному коридору, ведущему в покои королевы. Шелковый шлейф ее платья шуршал по мраморным полам, раздражая не меньше, чем шепот советников. Макхи точно знала, сколько шагов отделяет зал советов от уединенной тишины ее покоев. Прежде ей приходилось проделывать этот путь бесчисленное множество раз вместе с матерью, а до этого – с бабушкой. И вот теперь она считала – пятьдесят шесть, пятьдесят пять, – пытаясь избавиться от раздражения и вернуть ясность ума.

Она чувствовала, что министр Йервей следует за ней по пятам, несмотря на то что шорох его мягких туфель успешно скрывался в ритмичном стуке сапог Тавгарадов. Казалось, ее преследует привидение. Вели она своим стражам перерезать ему горло, они выполнят приказ без малейших сомнений. А затем, когда ее будут судить за убийство – ведь в Шухане это может ждать и королеву, – они дадут показания против нее.

Когда их группа добралась до покоев королевы, Макхи, миновав позолоченную арку, вошла в маленькую приемную, отделанную светло-зеленым мрамором. Взмахом руки отпустив ждущих здесь слуг, она повернулась к Тавгарадам.

– Не беспокойте нас, – последовал приказ.

Йервей прошел следом за ней через гостиную и комнату для музицирования в большой зал, где Макхи когда-то сидела на коленях у матери, слушая истории о первых королевах династии Табан – воительницах, которые в сопровождении своих ручных соколов спустились с высочайших гор Сикурзоя, чтобы править Шуханом. *Табан йенок-йун* звались они. Буря, которая осталась.

Дворец был выстроен первыми королевами, но до сих пор считался чудом инженерной и архитектурной мысли. Он принадлежал династии Табан. Он принадлежал народу. А в этот короткий миг – всего-то на пару шагов в параде королев Табан – он принадлежал и Макхи. Но стоило ей войти в покои Золотого Крыла, как настроение сразу же поднялось. Этот зал наполняли золотистые блики и шум струящейся воды, а изящные повторяющиеся арки террасы, примыкающей к нему, служили прекрасным обрамлением ухоженным изгородям и искрящимся фонтанам королевского парка, раскинувшегося внизу, и продолжающих его цветущих садов Амрат Ена, с ровными рядами сливовых деревьев, напоминающими полки солдат. В Равке царила зима, но здесь, в Шухане – этой благословенной земле, – солнце по-прежнему согревало все своим теплом.

Макхи вышла на террасу. Это было одно из немногих мест, где она могла говорить с кем-нибудь без опаски, не беспокоясь о любопытных взглядах и чутких ушах слуг и соглядатаев. На столе из зеленого стекла стояли кувшины с вином и водой, а также блюдо поздних фиников. В парке внизу она увидела племянницу Акени, играющую с одним из мальчишек-садовников. Если случится так, что у Макхи с ее консортами не выйдет зачать дочь, Акени станет наследницей короны, решила Макхи. Она не была старшей из девочек рода Табан, но даже в свои восемь определенно была умнейшей. Весьма неожиданно, учитывая то, что ум ее матери был глубиной с обеденную тарелку.

– Тетушка Макхи! – окликнула Акени снизу. – Мы нашли птичье гнездо!

Мальчишка-прислужник не осмеливался заговорить или даже поднять глаза на королеву и молча стоял позади приятельницы по играм, разглядывая сбитые носки сандалий.

– Вы не должны прикасаться к яйцам, – сказала Макхи детям. – Смотрите, но не трогайте.

– Я не стану. Хочешь, нарву тебе цветов?

– Принеси мне лучше желтую сливу.

– Но они же кислые!

– Принесешь мне сливу, и я расскажу тебе историю.

Она проводила взглядом детей, кинувшихся к южной стене парка. Плоды висели высоко на ветках, поэтому требовалось немало времени и изобретательности, чтобы добраться до них.

– Она – чудесное дитя, – заметил Йервей, остановившийся в арочном проеме позади нее. – Хотя, возможно, слишком послушное для того, чтобы стать хорошей королевой.

Макхи проигнорировала его слова.

– Принцесса Эри жива, – продолжил он.

Она схватила кувшин со стола и швырнула его на каменные плиты внизу.

Она сорвала занавеси с окон и ногтями разодрала их в лохмотья.

Она упала лицом в шелковые подушки и закричала.

На самом деле ничего этого она не сделала.

Она всего лишь швырнула приглашение на стол и сняла с головы тяжелый обруч короны. Отлитая из чистой платины и густо усеянная изумрудами, она всегда заставляла шею Макхи болеть. Королева положила венец рядом с финиками и налила себе стакан вина. Подобные действия входили в обязанности ее слуг, но прямо сейчас она не желала видеть никого из них поблизости.

Йервей скользнул на террасу и, не спрашивая разрешения, плеснул себе вина.

– Не предполагалось, что ваша сестра выживет.

Принцесса Эри Кир-Табан, самая любимая, самая почитаемая народом – по причинам, которые Макхи никогда не могла понять. Сестра не была мудра, красива или интересна как личность. Единственным ее талантом был *хатуур*. И все равно люди ее обожали.

Эри должна была умереть. Что же пошло не так? Макхи тщательно продумывала свои планы. В результате их осуществления должны были умереть оба – и король Николай, и принцесса Эри, – а на Фьерду легли бы все обвинения в заказных убийствах. Под предлогом мести за смерть возлюбленной сестры она ввела бы войска в оставшуюся без короля, обезглавленную страну, потребовала бы отдать ей гришей для участия в программе по созданию *кергудов* и использовала бы Равку как базу для ведения войны с Фьердой.

Она тщательно выбирала своего человека: Майю Кир-Каат была членом личного отряда Тавгарадов принцессы Эри. Отличный боец и талантливая мечница, она обладала еще одним, весьма важным качеством – уязвимостью. Ее брат-близнец исчез из своего полка, а его семье сообщили, что парень был убит в бою. Но Майю догадывалась о том, что произошло на самом деле: он был выбран, чтобы стать *кергудом*, и включен в программу «Стальное сердце», благодаря чему должен был стать более сильным, смертоносным, однако в значительной мере утра-

тить человеческие черты. Майю умоляла, чтобы его освободили прежде, чем произойдет это преобразование, и вернули в полк в качестве обычного солдата.

Королева Макхи знала, что процесс становления *кергудом* — когда кости усиливали сталью гришей и крепили механические крылья к спине – был болезненным. Но поговаривали, что это было не главной проблемой, что солдаты, прошедшие это превращение, менялись самым ужасным образом, что *кергуды* теряли в этом процессе значительную, важнейшую часть своей личности, как будто боль погребала под собой то, что делало их людьми. И, само собой, Майю Кир-Каат не желала такой участи своему брату. Они были близнецами, *кеббен.* Не существовало связи ближе. Майю отдала бы и собственную жизнь, и жизнь короля, чтобы спасти его.

Королева Макхи отставила стакан с вином, налив себе вместо этого воды. Для того, что ее ожидало, требовалась ясная голова. Ее нянька как-то сказала ей, что и она должна была иметь близнеца и что ее брат родился мертвым.

– Вы поглотили его силу, – выдохнула служанка, и Макхи еще тогда поняла, что однажды станет королевой. Что бы случилось, останься ее брат в живых? Кем была бы Макхи?

Теперь это не имело значения.

Король Равки был живее всех живых.

Как и ее сестрица.

И это было плохо. Но королева Макхи была не до конца уверена, насколько плохо.

Знал ли Николай Ланцов о заговоре против него? Неужели у Майю сдали нервы и она рассказала принцессе Эри, каким был настоящий план? Нет. Такого не могло случиться. Она отказывалась в это верить. Слишком крепкие узы связывали *кеббен*.

– Это приглашение похоже на ловушку, – сказала она.

– То же можно сказать о большинстве браков.

– Избавь меня от проявлений твоего остроумия, Йервей. Если король Николай знает…

– И что же может доказать его величество?

– Полагаю, Эри сможет немало рассказать. Зависит от того, что ей известно.

– Ваша сестра – нежное создание. Она ни за что не поверит, что вы способны на подобное коварство, и определенно никогда не станет свидетельствовать против вас.

Макхи хлопнула по приглашению.

– Тогда объясни это!

– Возможно, она влюбилась. Я слышал, король может быть весьма очаровательным.

– Не говори глупостей.

Принцесса Эри заняла место Майю среди Тавгарадов. Майю изображала принцессу Эри. Задача Майю – подобраться поближе к королю Николаю, убить его и лишить себя жизни. Насколько известно принцессе Эри, на этом все и заканчивается. Но в ходе вторжения, последовавшего бы за этим, неизбежны были бы потери, и Тавгарады получили приказ удостовериться, что Эри станет одной из них. Хоть они и считались стражами принцессы Эри, приказы королевы были для них на первом месте. Министры Макхи никогда бы не узнали о придуманном ею плане. Так почему же он провалился?

– Вы должны посетить церемонию венчания, – наставлял Йервей. – Все ваши министры будут ждать этого от вас. Ведь это шаг к осуществлению их планов о мире. Они полагают, что вы должны быть в восторге.

– На твой взгляд, я выглядела недостаточно восторженной?

– Вы, как, впрочем, и всегда, были идеальной королевой. И лишь я заметил определенные знаки.

– Министры, слишком много замечающие, рискуют однажды лишиться зрения.

– А королевы, слишком мало доверяющие, рискуют однажды лишиться трона.

Макхи вскинула голову.

– Что ты этим хочешь сказать?

Только Йервею была известна правда – и речь вовсе не о деталях ее планов убийства короля Равки и собственной сестры. Он был личным доктором ее матери и бабушки. И он находился у смертного одра ее матери, когда королева Кейен Кир-Табан, Небеснорожденная, назвала своей преемницей Эри, а не Макхи. Каждая королева из рода Табан имела право сама выбирать свою преемницу, но почти всегда ею становилась старшая дочь. Так было на протяжении сотен лет. Макхи *должна* была стать королевой. Она была рождена для этого, ее для этого растили. Она была столь же сильна, как любая из Тавгарадов, умело управляла лошадью, являлась блестящим стратегом, коварным, как паук. И все же. Ее мать выбрала Эри. Мягкую, милую, очаровательную Эри, обожаемую народом.

– Обещай мне, – потребовала тогда мать. – Обещай мне, что последуешь моей воле. Поклянись в этом перед Шестью Стражами.

– Я обещаю, – прошептала Макхи.

И Йервей все это слышал. Он дольше всех остальных служил у матери советником, и Макхи даже представления не имела, сколько он уже живет на этой земле. При этом он, казалось, совсем не старел. Она смотрела на него, прямо в слезящиеся глаза на морщинистом лице, и гадала, не рассказал ли он матери о совместно начатой ими работе, о секретных экспериментах, о зарождении программы по созданию *кергудов*. Ведь это вполне могло привести к передаче трона Эри.

– Но Эри не хочет править… – сделала попытку Макхи.

– Лишь потому, что она всегда полагала, что править будешь ты.

Макхи взяла руку матери в свои.

– Но я и должна. Я училась. Меня к этому готовили.

– Но ни один из уроков не научил тебя доброте. Ни один из наставников так и не смог научить тебя милосердию. Твое сердце жаждет войны, и мне непонятно почему.

– У меня сердце сокола, – гордо ответила Макхи. – Сердце истинной Хан.

– Речь о воле сокола. А это совсем другое дело. Поклянись мне, что сделаешь, как я сказала. Ты из рода Табан. Мы хотим того, что нужно стране, а стране нужна Эри.

Макхи не стала рыдать и спорить; она просто принесла клятву.

И с этим ее мать испустила последний вздох. Макхи вознесла молитвы Шести Стражам, зажгла свечи в память о всех ушедших королевах Табан. Она прибрала волосы и отряхнула руки о шелковый подол своих одежд. Вскоре ей предстоит надеть голубой – цвет скорби. И ей воистину было о чем скорбеть – о потере матери, о потере короны.

– Вы сами скажете Эри или придется мне? – спросила она у Йервея.

– Скажу ей что?

– Моя мать…

– Я ничего не слышал. Рад, что она отошла легко.

Так, над остывающим телом ее матери, сложился их союз. Так появилась новая королева.

И вот теперь Макхи стояла, облокотившись на перила террасы, и вдыхала ароматы цветущих садов – жасмин, сладкий запах апельсинов. Она слушала смех племянницы и мальчишки-садовника. Забирая корону у сестры, она не понимала, как мало это изменит, что ей по-прежнему постоянно придется соревноваться с доброй, рассеянной Эри. И только одно может положить конец этим мучениям.

– Я буду на венчании сестры. Но сначала мне необходимо отправить послание.

Йервей приблизился.

– Что вы задумали? Знаете, ваши министры прочтут это послание, даже если оно будет запечатанным.

– Я не глупа.

– Можно совершить глупость и не будучи глупцом. Если…

Йервей резко умолк, не закончив нравоучительную речь.

– В чем дело? – спросила Макхи, проследив за его взглядом.

Тень двигалась сквозь сады слив у дворцовых стен. Макхи подняла глаза, ожидая увидеть воздушное судно, но небеса были чисты. Тень продолжала расти, растекаясь, как чернильное пятно, прямо в их направлении. Деревья, которых она касалась, падали, как подкошенные, чернели на глазах и тут же исчезали, не оставляя никаких следов – лишь выцветшую землю и завитки дыма.

– Что это? – выдохнул Йервей.

– Акени! – закричала королева. – Акени, спускайся с дерева! Уходи оттуда сию же секунду!

– Я собираю сливы! – смеясь, крикнула в ответ девочка.

– Я сказала, сию секунду!

Акени не могла видеть то, что скрывалось за стеной, эту черную волну смерти, наступающую совершенно беззвучно.

– Стража! – завопила королева. – Помогите ей!

Но было слишком поздно. Тень скользнула по дворцовой стене, превращая золотистые кирпичи в уголь, и опустилась на сливовое дерево. Казалось, на Акени и мальчишку-садовника опустилась темная вуаль, приглушившая их смех.

– Нет! – крикнула Макхи.

– Моя королева, – настойчиво сказал Йервей. – Вам нужно уходить.

Но пятно тлена замерло прямо у кромки фонтана, оставив четкий след, словно волна прибоя на песке. Все, чего она коснулась, превратилось в серую пыль. Все, что осталось вне зоны поражения, зеленело и дышало жизнью.

– Акени, – приглушенно всхлипнула королева.

Ей ответил лишь ветер, гулявший по саду и развеивавший последние, едва заметные клочки тени. Ничего не осталось, лишь сладкий аромат обративших головки к солнцу цветов, счастливых в своем неведении.

2. Нина

Нина ощущала вкус соленого ветра на губах, окунаясь в рыночный шум – призывы торговцев, нахваливающих свои товары, крики чаек над бухтой Джерхольма и ругань солдат на палубах кораблей. Она кинула взгляд на вершину утеса, оккупированную нависающим над всей этой картиной Ледовым Двором, чьи высокие белые стены блестели ярко, словно обнаженные кости, и с трудом подавила дрожь. Здорово было оказаться на свежем воздухе, подальше от уединенных комнат Белого острова, но ей казалось, будто древнее здание следит за ней, будто до нее доносится шепот: *«Я знаю, кто ты. Тебе здесь не место».*

– Со всем уважением, умолкни, – буркнула она.

– Хм-м? – отозвалась Ханна, прогуливавшаяся вместе с ней по набережной.

– Да ничего, – поспешно ответила Нина.

Разговоры с неодушевленными объектами были недобрым знаком. Слишком уж долго она пробыла в заточении, не только в Ледовом Дворе, но и в теле Милы Яндерсдат, чье лицо и фигура были созданы специально, чтобы скрыть личность самой Нины. Она бросила на Ледовый Двор очередной злобный взгляд. Утверждалось, что эти стены неприступны и ни разу не были преодолены вражеской армией. Но ее друзьям вполне удалось с ними справиться. Они пробили дыру в одной из этих величественных стен с помощью фьерданского же танка. А теперь? Нина сама себе напоминала мышь – огромную блондинистую мышь в ужасно тяжелых юбках, – роющуюся у подножий Ледового Двора.

Она задержалась у лавки торговца шерстью, битком забитой традиционными жилетами и шарфами, которые носили в Винеткаллу. Несмотря на все свои усилия, Нина была очарована Джерхольмом с первого же взгляда. Он был таким аккуратным, каким может быть только фьерданский город, с домами и лавками, выкрашенными в розовый, голубой и желтый цвета, со спускающимися прямо к воде зданиями, жмущимися друг к другу, словно в поисках тепла. Большинство городов, виденных Ниной, – сколько же таких было? И на скольких языках говорила она там? – строились вокруг главной площади или улицы, но только не Джерхольм. Его кровью была соленая вода, и рынок его смотрел на море, растянувшись вдоль набережной: магазинчики, тележки и лавки, предлагающие свежую рыбу, сушеное мясо, тесто, обернутое вокруг горячих прутьев, испеченное на углях и посыпанное сахаром. Каменные залы Ледового Двора были полны величия и холода, а здесь царила суматоха и жизнь била ключом.

Куда бы Нина ни взглянула, всюду были напоминания о Джеле, ветви его священного ясеня сплетались в узлы и сердца в преддверии зимних празднеств Винеткаллы. В Равке сейчас, должно быть, готовятся к Дню Санкт-Николая. И к войне. Это знание камнем давило ей на грудь каждую ночь, стоило улечься спать, змеей стягивало горло и лишало ее воздуха каждый день. Ее народ был в опасности, а она не знала, как ему помочь. Вместо этого она примеряла шляпки и шарфы во вражеском городе.

Ханна стояла рядом, одетая в пальто оттенка цветов чертополоха, который придавал ее смуглой коже сияние, заметное даже в пасмурный день, элегантную вязаную шапочку, прикрывшую ее остриженные волосы, чтобы не привлекать ненужного внимания. Как бы Нина ни страдала в ненавистной клетке Ледового Двора, страдания Ханны были намного сильнее. Ей нужен был вольный бег, скачка во весь опор; нужен был запах снега и хвои и успокаивающая тишина леса. Она прибыла в Ледовый Двор с Ниной добровольно, но, без сомнений, длинные дни, заполненные вежливыми разговорами за утомительными обедами, оставили свой след. Даже этого крошечного глотка свободы – выход на рынок с родителями и охраной в хвосте – было достаточно, чтобы снова вернуть румянец ее щекам и блеск глазам.

– Мила! Ханна! – окликнула Ильва. – Не уходите слишком далеко.

Ханна закатила глаза и взяла моток голубой пряжи с прилавка торговца.

– Будто мы дети.

Нина кинула взгляд за ее спину. Родители Ханны, Ярл и Ильва Брум, отставшие от них всего лишь на несколько ярдов[1], привлекали восхищенные взгляды, прогуливаясь по набережной, – Ильва в коричневом шерстяном пальто с воротником из рыжего лисьего меха, Брум в черном мундире с вышивкой на рукаве в виде серебряного волка *дрюскелей*, вызывающем у Нины прилив ненависти. Двое молодых дрюскелей, с гладко выбритыми подбородками и зачесанными золотыми волосами, шли следом. Лишь закончив свое обучение и услышав слово Джеля во время Рингкаллы, они получали разрешение отрастить бороду. А затем они вприпрыжку отправлялись навстречу огромному миру, убивать гришей.

– Папа, там готовятся к какому-то представлению, – сказала Ханна, указав отцу в ту сторону набережной, где возводили самодельную сцену. – Можно нам пойти посмотреть?

Брум слегка нахмурился.

– Там ведь не одна из этих керчийских трупп, да? С их глупыми масками и грязными шутками?

«Ох, если бы», – мелькнула у Нины мрачная мысль. Она тосковала по диким улицам Кеттердама. Она бы предпочла сотню раз посмотреть довольно непристойную и попахивающую дурным вкусом жестокую комедию, чем высиживать все пять нескончаемых актов фьерданской оперы, как ей пришлось вчера вечером. Ханна была вынуждена то и дело пихать Нину в бок, чтобы та не задремала.

– Ты начинаешь храпеть, – шепнула она, вытирая слезы, выступившие на глазах от с трудом сдерживаемого смеха.

Ильва, заметив покрасневшее лицо и полные слез глаза дочери, утешающе похлопала Ханну по колену.

– Это и *впрямь* трогательная часть, да, дорогая?

Ханна в ответ смогла лишь кивнуть, и то сжав руку Нины.

– О, Ярл, – теперь к мужу обратилась Ильва. – Я уверена, все будет совершенно пристойно.

– Очень хорошо.

Брум сдался, и они направились к сцене, оставив позади разочарованного торговца шерстью.

– Но ты будешь весьма удивлена, узнав, во что превратилось это место. Взяточничество. Ересь. Прямо в сердце нашей столицы. Видишь? – Он указал на сгоревший дом, мимо которого они как раз проходили. Похоже, когда-то это была лавка мясника, но теперь окна в ней были выбиты, а стены покрыты копотью.

– Всего две ночи назад эту лавку досмотрели. Нашли алтарь так называемой Солнечной святой и еще один… этой, как же ее? Линнея Водная?

– Леони, – тихо поправила Ханна.

Нина слышала о рейде от своих связных из Рингсы, сети разведчиков, созданной для того, чтобы спасать гришей по всей Фьерде. Пожитки мясника вышвырнули прямо на улицу, все шкафы и ящики вскрыли, чтобы обнаружить спрятанные реликвии – кость пальца Солнечной святой и икону, написанную в любительском стиле, на которой явно изобразили прекрасную Леони с убранными в узел косами и воздетыми к небу руками в тот момент, когда она очищала реку от яда, чтобы спасти город.

– Это даже хуже, чем просто поклоняться святым, – продолжал Брум, так яростно тыча пальцем в воздух, словно тот нанес ему смертельное оскорбление. – Они заявляют, что гриши – возлюбленные дети Джеля. И что их силы на самом деле знак его благословения.

---

[1] 1 ярд = 1 метр.

От этих слов сердце Нины заныло. Именно это сказал Матиас. Прежде чем умереть. Дружба с Ханной помогала ей залечить эту рану. Ее миссия и высшая цель помогали тоже, но боль все еще таилась в сердце и, как подозревала Нина, вряд ли когда-нибудь исчезнет полностью. У Матиаса украли жизнь, не оставив ему и шанса найти свое собственное место и предназначение. *Я исполнял его, любовь моя. Я защищал тебя. До самого конца.*

Нина сглотнула комок, набухший в горле, и заставила себя сказать:

– Ханна, не сходить ли нам за медовым взваром?

Она бы предпочла вино, а может, и чего-нибудь покрепче, но женщинам во Фьерде алкоголь не разрешали, особенно в публичных местах.

Приглашающая улыбка продавца взвара сменилась отвисшей челюстью, когда он заметил мундир Брума.

– Коммандер Брум! – воскликнул он. – Желаете чего-нибудь горяченького для вашей семьи? Чтобы укрепить силы в этот холодный денек?

Мужчина был обладателем широких плеч, бычьей шеи и длинных огненно-рыжих усов. Вытатуированные на его запястьях круги волн, вероятно, указывали на то, что он бывший моряк. Или на нечто большее.

Наблюдая за тем, как Ярл Брум пожимает руку продавцу, Нина ощутила, как ее накрывает странное чувство раздвоенности. Около двух лет назад, всего в нескольких ярдах отсюда, она победила этого человека. С коммандером *дрюскелей* она столкнулась в своем истинном обличии, как Нина Зеник, в тот самый момент, когда наркотик *юрда-парем* бурлил в ее крови. Этот наркотик позволил ей повергнуть сотни солдат, сделал ее неуязвимой для пуль и навсегда изменил ее дар гриша, подарив ей власть над мертвыми вместо живых. В тот день она пощадила Брума, пусть и сняв с него скальп. Нина стала причиной тому, что голова у него теперь была совершенно лысая, а в основании черепа змеился толстым розовым крысиным хвостом уродливый шрам.

Матиас молил о пощаде – для своих братьев по ремеслу, для того, кто стал для него вторым отцом. Нина до сих пор не знала, правильно ли она сделала, исполнив эту просьбу. Убей она тогда Брума, и они с Ханной никогда бы не встретились. Она никогда бы не вернулась во Фьерду. И Матиас мог бы остаться в живых. Стоило ей вспомнить прошлое, она терялась в нем, во всех этих множествах «если бы». А ей нельзя было себе этого позволять. Несмотря на фальшивое имя и лицо, скроенное ей благодаря невероятному портновскому таланту Жени, Нина оставалась гришом, солдатом Второй армии и равкианским шпионом.

«Так что соберись, Зеник», – отчитала она себя мысленно.

Брум хотел было заплатить торговцу взваром, но мужчина отказался брать с него деньги.

– Подарок на Винеткаллу, коммандер. Пусть ночи ваши будут коротки, а чаша всегда полна.

Бодрый хор флейт и барабанов грянул со сцены, сообщая о начале представления, а следом поднялся и занавес, открывший нарисованную вершину утеса и крошечную торговую площадь внизу. Толпа разразилась восторженными аплодисментами. Они видели перед собой Джерхольм, тот самый город, где они жили, и плакат, на котором значилось «История Ледового Двора».

– Вот видишь, Ярл, – заметила Ильва. – Никаких непристойностей. Абсолютно патриотическая история.

Брум, похоже, в этот момент отвлекся, чтобы проверить карманные часы. *«Чего ты так ждешь?»* – задумалась Нина. Дипломатические переговоры между Фьердой и Равкой все еще шли, и Фьерда пока не объявляла войну. Но Нина была уверена, что битвы не избежать. Брум бы не согласился на меньшее. Она передавала все те крохи информации, что ей удавалось подслушать под дверями и во время приемов. Но этого было недостаточно.

Зазвенели тарелки, знаменуя начало рассказа об Эгмонде, гении, который проектировал и строил невероятные замки и здания, будучи совсем ребенком. Акробаты тянули за длинные шелковые шнуры, изображая строительство массивного особняка, украшенного серыми шпилями и сверкающими арками. Зрители воодушевленно хлопали, но тут актер с надменным лицом – дворянин, отказавшийся платить за свой новый роскошный дом, – разгневался на Эгмонда, и вот уже молодой красавец-архитектор в цепях, и его ведут в старую крепость, когда-то охранявшую вершину утеса над заливом.

Сцена поменялась – теперь Эгмонд сидел в своей камере, в то время как под грохот барабанов налетел сильнейший шторм. Синие отрезы шелка взлетали и опадали, струясь, по всей сцене, воплощая потоки воды, хлынувшие в крепость, где в тот момент были король Фьерды со своей королевой.

Работа под прикрытием требовала намного больше, чем просто блестящее знание языка или знакомство с некоторыми местными обычаями, поэтому Нина отлично разбиралась в фьерданских мифах и легендах. В этой части истории Эгмонд должен был прижать руку к корням дерева, пробившегося сквозь стены его каменной темницы, и, при помощи Джеля, использовать силу священного ясеня, чтобы укрепить стены крепости, спасти короля с королевой и заложить основание для неприступного Ледового Двора.

Вместо этого на сцене возникли три фигуры – женщина, оплетенная лозами красных бумажных роз, девушка в белом парике с ошейником из оленьих рогов на шее и черноволосая красавица в синем наряде.

– Что это? – рявкнул Брум.

Но шепот толпы немедленно все прояснил: Санкта-Лизавета Роз, Солнечная святая Алина Старкова и – великолепный заключительный штрих, похвалила саму себя Нина, – Грозовая ведьма, Зоя Назяленская, появились в истории.

Святые положили руки на плечи Эгмонда, затем прижали их к стенам темницы, и тут скрученные полотна ткани, призванные изображать священный ясень, начали взлетать и разворачиваться, словно корни, вырывающиеся из плена земли.

– Довольно, – громогласно, перекрывая гул толпы, заявил Брум. Его слова прозвучали спокойно, но Нина услышала напряжение в его голосе, когда он вышел вперед. Двое *дрюскелей* шагнули следом, на ходу доставая дубинки и хлысты, закрепленные на поясах.

– Погода портится. Представление продолжится в другой раз.

– Оставьте их в покое! – крикнул кто-то из толпы.

Заплакал ребенок.

– Это, что, часть пьесы? – удивленно спросила какая-то женщина.

– Нам пора, – сказала Ильва, пытаясь оттеснить Ханну и Нину назад.

Но толпа вокруг них была слишком плотной и прижимала их к сцене.

– Расходитесь, – властно велел Брум. – Или вас арестуют и оштрафуют.

Внезапно прогремел гром – настоящий гром, а не жестяные тарелки актеров. Темные тучи набежали с залива с такой скоростью, что, казалось, резко опустились сумерки. Море внезапно потемнело, волны, увенчанные белыми барашками пены, накатывали все яростнее, заставляя снасти кораблей тревожно скрипеть.

– Джель гневается, – раздался голос из толпы.

– Святые гневаются, – поддержал его другой.

– Немедленно *разойтись!* – рявкнул Брум, с трудом перекрикивая надвигающийся шторм.

– Смотрите! – крикнул кто-то.

С залива к ним неслась волна, росшая прямо на глазах. Легко миновав волнорез, она двинулась прямо на набережную. И теперь над толпой возвышалась яростно бурлящая стена

воды. Люди закричали. Казалось, волна изогнулась в воздухе и лишь затем обрушилась на набережную – точно на Брума и его солдат, силой потока разметав их по камням мостовой.

Толпа ахнула, а затем разразилась смехом.

– Ярл! – воскликнула Ильва, пытаясь пробраться к нему.

Ханна удержала ее.

– Останься здесь, мама. Он не захочет, чтобы его посчитали слабаком.

– Санкта-Зоя! – раздался чей-то вопль. – Она наслала шторм!

Несколько людей из толпы опустились на колени.

– Святые! – вторил другой голос. – Они все видят и хранят верующих.

Море разбушевалось, и волны, казалось, неслись в каком-то бешеном танце.

Брум, красный от натуги, в насквозь промокшей одежде, с трудом поднялся на ноги.

– Встать! – Его рык не хуже веревки вздернул молодых солдат на ноги. Сам он ринулся в толпу, за воротники поднимая кающихся с колен. – Поднимайтесь с колен или будете арестованы за мятеж и распространение ереси!

– Думаешь, мы зашли слишком далеко? – шепнула Ханна, находя руку Нины и крепко ее сжимая.

– Недостаточно далеко, – пробормотала Нина.

Потому что и представление, и даже волна были всего лишь отвлекающим маневром. Пьесу поставили члены Рингсы. Волна появилась благодаря любезности проливного под прикрытием, работавшего с одной из лодок в заливе. Но в этот момент, пока Ярл Брум и его солдаты неистовствовали в толпе, продавец напитков, ускользнувший в боковую улочку, едва началось представление, быстро взмахнул руками, разгоняя тучи.

Поток солнечного света хлынул с небес на лавку мясника, разгромленную несколько дней назад. Сначала на стене ничего не было, но затем торговец вынул пробку из бутылки, которую Нина тайком поставила на его лоток. Он направил облако аммиака на стену, и на ней, словно по волшебству, возникло послание, нацарапанное вдоль всего фасада: *Linholmenn fe Djel ner werre peje.*

Дети Джеля среди вас.

Это был один из дешевых трюков, которые они с другими сиротами использовали, чтобы оставлять друг другу тайные послания. Но, как Нина не так давно узнала в Кеттердаме, хорошая афера – это всегда хорошее зрелище. Повсюду вокруг себя она видела жителей Джерхольма, глазеющих на послание, начертанное на фасаде, указывающих на море, которое понемногу успокаивалось, на облака, вновь открывшие небо, стоили продавцу напитков привычно отряхнуть руки и вернуться к своему лотку.

Принесет ли это пользу? Нина не знала, но маленькие чудеса, подобные этому, случались по всей Фьерде. В Хьяре разбитая рыбацкая лодка чуть не затонула, но тут бухта покрылась прочным льдом, и рыбакам удалось вернуться на берег невредимыми и даже сохранить свой улов. Следующим утром на стене местной церквушки появилась фреска, изображающая священный маяк Санкт-Владимира.

В яблоневом саду Фельстеда, несмотря на холода, внезапно созрел богатый урожай, словно Санкт-Феликс своими руками согрел деревья. Ветви яблонь были переплетены с веточками ясеня – символом благословения Джеля.

Половина городка Кьерик свалилась с огненной оспой, почти всегда приводящей к смерти. На следующее утро после того, как одному фермеру явилось видение парящей над городским колодцем Санкты-Анастасии с венком из листьев ясеня в волосах, горожане проснулись здоровыми, без каких-либо отметин на теле или жара.

Чудо за чудом создавали члены Рингсы и соглядатаи Второй армии. Проливные заморозили бухту, но до этого они подняли шторм, разбивший лодку. Шквальные наслали ранние морозы на Фельстед, а солнечные солдаты заставили деревья цвести. И пусть агенты Рингсы

не были причиной появления оспы, они сделали все, чтобы гриши-корпориалы вовремя оказались на месте и исцелили больных. А что касается явления Анастасии, то просто удивительно, сколького можно добиться всего лишь с помощью правильного освещения и рыжего парика.

Но была еще и странная гниль, поразившая север Джерхольма. Нина не знала, что это – природное явление или плоды работы какого-нибудь мерзкого оперативника Рингсы. Но она знала, что ходили слухи, будто это дело рук Беззвездного святого, воздаяние за религиозные облавы и аресты, производимые людьми Брума.

Сначала Нина сомневалась, что устраиваемые ими чудеса могут что-то изменить, боялась, что все их усилия сведутся к ряду неудачных ребяческих розыгрышей, которые закончатся ничем. Но тот факт, что Брум посвящал все больше и больше сил и времени попыткам найти истоки растущего поклонения святым, давал ей надежду.

Брум, печатая шаг, подошел к ним с застывшим от ярости лицом. Но воспринимать его гнев серьезно было весьма непросто, с учетом того, что он вымок до костей, и казалось, что из сапога у него вот-вот может выскользнуть рыбешка. И все же Нина опустила голову, отвела взгляд и придала лицу как можно более бесстрастное выражение. В данный момент Брум был опасен, как заведенная бомба. Одно дело, когда тебя ненавидят или боятся, и совсем другое, когда высмеивают. Но именно этого Нина и добивалась – чтобы Фьерда перестала смотреть на Брума и его *дрюскелей* с благоговейным страхом и поняла, кто они на самом деле: трусливые бандиты, достойные скорее насмешек, нежели раболепного поклонения.

– Я провожу семью в Ледовый Двор. – буркнул он своим солдатам. – Добудьте имена. Всех актеров, каждого, кто был на рыночной площади.

– Но толпа…

Голубые глаза Брума превратились в щелки.

– *Имена.* От всего этого за милю несет Рингсой. Если по моим улицам, в моей столице ходят гриши, я это выясню.

«Гриши уже в твоем доме», – злорадно подумала Нина.

– Не задирай нос, – шепнула ей Ханна.

– Поздно.

Они забрались в просторную карету. Король и королева подарили Бруму один из тех шумных новых экипажей, движущихся без лошадей, но Ильва предпочитала карету, которая не плевалась клубами черного дыма и вряд ли бы сломалась посреди крутого подъема к Ледовому Двору.

– Ярл, – попробовала заговорить Ильва, стоило им разместиться на обитых бархатом сиденьях. – Какой от этого вред? Чем острее ты реагируешь на подобные представления, тем важнее себя считают их создатели.

Нина ожидала, что Брум в ответ взорвется, но он довольно долго молчал, уставившись из окна на серое море, плещущее внизу.

Когда он все-таки заговорил, голос его звучал ровно и гнев тщательно сдерживался.

– Мне следовало быть более сдержанным.

Он потянулся и сжал руку Ильвы.

Нина заметила, какой эффект этот простой жест произвел на Ханну, как вина и тревога затуманили ее взгляд. Нине было легко ненавидеть Брума, считать его всего лишь злодеем, которого нужно сокрушить. Но для Ханны он был отцом, и в такие моменты, как этот, когда он был добр, когда был справедлив и нежен, казалось, что он вовсе не монстр, а всего лишь человек, готовый на все ради своей страны.

– Но ведь проблема не в том, что кто-то устроил беспорядки на рынке, – продолжил Брум устало. – Если люди начнут видеть в наших врагах святых…

– Но ведь есть и фьерданские святые, – подсказала Ханна с нотками надежды.

– Они не гриши.

Нина прикусила язык. Может, и так, а может, и нет. Говорят, Санкт-Эгмонд, великий архитектор, вознес молитвы Джелю, чтобы укрепить Ледовый Двор против буйства стихии. Но были и другие истории, в которых он обращался за помощью к святым. А кое-кто считал, что чудеса, сотворенные Эгмондом, вовсе не потребовали божественного вмешательства, поскольку были результатом применения его дара гриша, а сам он был талантливым фабрикатором, который мог силой воли управлять камнем и металлом.

– Фьерданские святые были праведными людьми, – сказал Брум. – Они были избраны Джелем, а не этими… демонами. Но есть кое-что еще. Вы узнали третью святую, расхаживавшую по той сцене? Это была Зоя Назяленская. Генерал Второй армии. В этой женщине нет ни капли праведности и человечности.

– Женщина служит генералом? – невинно уточнила Ханна.

– Если подобное создание вообще можно назвать женщиной. В ней собрано все, что есть отвратительного и непотребного. Гриши – это Равка. Фьерданцы, поклоняющиеся этим фальшивым святым… Они буквально присягают на верность чужой стране, стране, с которой мы вот-вот вступим в войну. Эта новая религия опаснее, чем любая из побед на поле битвы. Если мы потеряем наш народ, то любая битва будет проиграна, даже не начавшись.

«Если я сделаю свою работу как надо», – подумала Нина.

Ей оставалось лишь надеяться на то, что простые фьерданцы ненавидят гришей меньше, чем любят собственных сыновей и дочерей, что каждый из них знает кого-то из внезапно пропавших людей – друга, соседа, даже родственника. Женщину, вынужденную покинуть родной кров и семью из страха, что ее сущность раскроют. Мальчика, вырванного из рук родителей, чтобы подвергнуться пыткам и встретить смерть от рук охотников из отряда Брума. Может, своими маленькими чудесами у Нины получится дать Фьерде возможность сплотиться, усомниться в необходимости всей этой ненависти и страха, что многие годы были главным орудием Брума.

– Присутствие здесь Апрата сводит на нет все наши труды, – продолжил Брум. – Как могу я очищать от вражеского влияния наши города и деревни, если в самом сердце нашего правительства засел еретик? В глазах народа мы – худшие из лицемеров, а у него, к тому же, шпионы в каждом углу.

Ильва содрогнулась.

– В нем есть что-то невероятно пугающее.

– Это все образ. Эта борода. И темная ряса. Ему нравится приводить дам в ужас своими странными высказываниями и манерой появляться ниоткуда, но на деле он всего лишь громко каркающий ворон. Но он нужен нам, если мы хотим посадить на трон Демидова. Поддержка священника будет важна для равкианцев.

– От него пахнет кладбищем, – вставила Ханна.

– Всего лишь ладаном. – Брум побарабанил пальцами по дверце. – Трудно сказать, во что на самом деле верит этот человек. Он утверждает, что король Равки одержим демонами, что Вадик Демидов помазан на царство самими святыми.

– Откуда вообще появился Демидов? – спросила Нина. – С нетерпением жду возможности увидеть его.

– Мы держим его в безопасном месте, на случай, если равкианские убийцы попробуют его пристрелить.

Как жаль.

– Он на самом деле Ланцов? – продолжила она.

– У него больше прав на корону, чем у бастарда Ланцова.

Карета дернулась, останавливаясь, и они вышли, но не успела нога Нины коснуться посыпанной гравием дорожки, к Бруму подбежал солдат со сложенным листом бумаги в руке. Нина

краем глаза заметила королевскую печать – серебристый воск и увенчанный короной волк Гримьеров.

Брум сломал печать, прочел послание, а затем поднял голову, и от выражения его лица у Нины сердце оборвалось. Несмотря на мокрую одежду и испытанное на рынке унижение, Брум сиял.

– Время пришло, – заявил он.

Нина заметила, какой печальной стала улыбка Ильвы.

– Так, значит, ты нас покидаешь. А я снова каждую ночь буду ждать, тая страх в сердце.

– Бояться нечего, – возразил Брум, запихивая послание в карман мундира. – Им не выстоять против нас. Наконец-то, настал наш час.

Он был прав. У фьерданцев были танки. А еще пленные гриши, подсаженные на *парем*. Победа была гарантирована. Особенно если Равка останется без союзников. «*Я должна быть там. Мое место – на поле сражения*».

– Вы отправляетесь далеко? – спросила Нина.

– Вовсе нет, – ответил Брум. – Мила, у тебя такой испуганный вид! Неужели ты так слабо веришь в меня?

Нина заставила себя улыбнуться.

– Нет, сэр. Я лишь беспокоюсь за ваше благополучие, как и все мы. Вот, – продолжила она, – позвольте мне взять ваши пальто, чтобы вы наконец-то прошли в дом и согрелись. Вашей семье нужно проводить как можно больше времени вместе, пока вы не уехали.

– Мила, ты – настоящее благословение, – благодарно сказала Ильва.

Нина взяла пальто у нее, у Ханны и у Брума, и ее рука тут же змеей скользнула в карман, куда он сунул письмо.

Война приближалась.

Ей нужно было известить своего короля.

3. Николай

Николай пытался успокоить своего нервничавшего жеребца, похлопывая его по холке. Королевский конюх полагал, что недостойно короля ездить на лошади по прозвищу Изюмчик, но Николай питал особую слабость к этому пегому пони с неровными ушами. Он определенно не был самым красивым скакуном в королевских конюшнях, но мог без устали проскакать много миль и был спокоен, как скала. Обычно. В данный момент он едва мог устоять на месте, натягивая поводья и прискакивая то вправо, то влево. Изюмчику не нравилось это место. И Николай его за это не винил.

– Скажите мне, что я не вижу то, что я вижу, – попросил он со слабой надеждой в голосе.

– А что, по-твоему, ты видишь? – уточнила Тамара.

– Масштабные разрушения. Неизбежную гибель.

– Не то чтобы совсем неизбежную, – заметила Зоя.

Николай кинул на нее взгляд. Она собрала волосы на затылке, перевязав их темно-синей лентой. Это было в высшей степени практично, но оказывало на него странное действие, вызывая желание развязать ленту. – Я что, слышу оптимизм в голосе моего самого пессимистичного генерала?

– *Вероятную* гибель, – внесла ясность Зоя, мягко пришпоривая свою белоснежную кобылу. Все лошади беспокоились.

Рассвет крался по Ярености, купая крыши и улицы города в розоватом свете. На пастбищах вдалеке Николай видел табун пони, еще по-зимнему лохматых, постукивающих копытами от холода. Из этого могла бы выйти дремотно-мирная картина, пейзаж в старинном стиле, который какой-нибудь ремесленник от искусства мог бы написать для богатенького купца, с избытком денег и недостатком вкуса, – если бы не мертвая, покрытая пеплом земля, пачкающая ландшафт, как пятно пролитых чернил. Тлен распространился от загонов лошадиной фермы вдалеке прямо до окраины городка у подножия холма.

– Две мили[2]? – прикинул Николай, пытаясь оценить размер ущерба.

– По меньшей мере, – заметил Толя, смотрящий в подзорную трубу. – Может, и три.

– В два раза больше, чем в случае рядом с Балакиревым.

– Ситуация ухудшается, – сказала Тамара.

– Мы пока не можем этого утверждать, – возразил Толя. Как и сестра, он был одет в оливково-серый мундир, обнажавший, несмотря на зимний морозец, мощные бронзовые руки, покрытые татуировками солнечных символов.

– Это не обязательно закономерность.

Тамара фыркнула.

– Это Равка. Здесь ситуация всегда ухудшается.

– А вот это закономерность. – Голубые глаза Зои исследовали горизонт. – Но связана ли эта закономерность с *ним*?

– А это вообще возможно? – спросила Тамара. – Мы держим его взаперти в солнечной тюрьме с тех пор, как он… вернулся.

Вернулся. Было что-то неточное в этом слове. Словно Дарклинг просто ездил отдохнуть на Блуждающий остров, сделать пару набросков замковых руин и попробовать местные блюда, а не возвратился к жизни после древнего ритуала, организованного кровожадной святой, обожавшей пчел.

– Я стараюсь не недооценивать нашего выдающегося пленника, – сказал Николай. – А что до возможного…

[2] 1 миля = 1,6 км.

Похоже, это слово потеряло свое значение. Он встретил святых, стал свидетелем их уничтожения, сам чуть не погиб и стал хозяином демона. Увидел, как воскресает давно умерший, и был практически уверен, что дух древнего дракона скрывается где-то внутри женщины рядом с ним. Если бы понятие *возможного* было рекой, оно бы давно вырвалось из берегов и затопило все кругом.

– Смотрите, – сказал Толя. – Дым.

– И всадники, – добавила Тамара. – Похоже, нас ждут проблемы.

На окраинах городка, рядом с тем местом, где появилось пятно тлена, Николай разглядел группу всадников. Ветер донес разгневанные голоса.

– Там стоянка сулийцев, – сказала Зоя напряженным, отрывистым голосом.

Прогремел выстрел.

Они обменялись быстрыми взглядами, а затем ринулись вниз с холма в долину у его подножия.

Две группы людей стояли в тени огромного кедрового дерева, росшего в каких-то двух шагах от места, из которого тлен вытянул все крохи жизни. Они остановились на границе лагеря сулийцев, и Николай обратил внимание на то, что фургоны выстроены не для удобства, а для обороны. Не было видно ни одного ребенка. Лагерь был готов к вероятному нападению. Возможно, потому что им всегда приходится быть настороже. Старинные законы, запрещающие сулийцам как владеть землей, так и кочевать по ней, были отменены еще до восшествия на престол отца Николая, но стереть предубеждение из людских мыслей оказалось намного сложнее. И оно становилось только сильнее в тяжелые времена. Толпа – глядя на ружья и лихорадочные лица людей, назвать их по-другому было невозможно, – напиравшая на сулийцев, была тому доказательством.

– Отставить! – крикнул Николай, стоило им подъехать ближе.

Но лишь пара людей обратила на него внимание.

Толя выехал вперед и направил своего массивного скакуна между двух групп.

– Сложите оружие во имя короля! – проревел он.

В этот момент он походил на святого воина, сошедшего со страниц книг.

– Очень впечатляюще, – оценил Николай.

– Позер, – фыркнула Тамара.

– Не придирайся. Надо же хоть иногда пользоваться тем, что ты размером с вековой дуб.

И горожане, и сулийцы отступили, ошарашенные появлением гигантского шуханца в мундире с татуированными руками прямо у них под носом. Николай узнал Кирилла Мирова, местного главу. Он заработал неплохие деньги на продаже соленой трески и теперь вкладывал их в производство новых транспортных средств, быстро вытесняющих повозки и кареты. В нем не было дворянской крови, зато была масса амбиций. Он хотел, чтобы его считали настоящим лидером, а значит, ему казалось, что он должен что-то кому-то доказать. Сплошное беспокойство.

Николай воспользовался возможностью, предоставленной ему Толей.

– Доброе утро, – радостно заявил он. – Мы тут собрались на ранний завтрак?

Горожане опустили головы в низких поклонах. В отличие от сулийцев. Те не признавали королей.

– Ваше величество, – поприветствовал его Миров. Он был сухощавым, с чуть оплывшим, как подтаявший воск, подбородком. – Я понятия не имел, что вы в наших местах. Иначе непременно выехал бы вам навстречу.

– Что здесь происходит? – спокойно спросил Николай, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал как претензия.

– Поглядите, что они сотворили с нашими полями! – выкрикнул один из людей Мирова. – Что они сделали с городом! Десять домов исчезли, как дым. Пропали две семьи, а еще Гавош, ткач.

Исчезли, как дым. Такие же сообщения поступали со всех концов Равки: пятна тлена, появляющиеся из ниоткуда, теневая волна, накрывающая города, поля, порты, превращающая в прах все, до чего дотянется, с той же легкостью, как задувают свечу. После себя тлен оставлял леса и поля, лишенные малейших признаков жизни. *Киликлава* – так, он слышал, называли ее, сравнивая с монстром из легенд – вампиром.

– Но это не объясняет того, почему вы взялись за ружья, – мягко заметил Николай. – Здесь случилось ужасное. Но сделали это не сулийцы.

– Их лагерь остался нетронутым, – возразил Миров, и Николаю не понравилась убежденность в его голосе. Одно дело успокаивать огрызающегося пса, и совсем другое – пытаться переубедить человека, образно говоря, выкопавшего себе аккуратную траншею и успевшего ее укрепить. – Эта… мерзость, этот ужас появился через несколько дней после того, как они разбили свой лагерь на нашей земле.

– На *вашей* земле, – повторил сулиец, стоящий во главе своего отряда. – Сулийцы путешествовали по землям каждой из стран по эту сторону Истиноморя, прежде чем у этих стран появились названия.

– И что вы здесь построили? – спросил мясник в заляпанном фартуке. – Ничего. Это наши дома, лавки, пастбища и имущество.

– Они – проклятый народ, – заявил Миров, словно констатируя факт – как прошлогодний уровень осадков или цены на зерно. – Все это знают.

– Ненавижу оставаться не у дел, – заявил Николай, – но я ничего такого не знаю, а эта зараза появилась не только здесь. Это природное явление, которое мои субстанциалы исследуют и скоро смогут останавливать.

Опрометчиво непропорциональное сочетание лжи и оптимизма, но чуть-чуть преувеличения еще никому не вредило.

– Они проникли на земли графа Неренского.

Николай позволил флеру власти Ланцовых опуститься себе на плечи.

– Я король Равки. Граф владеет этими землями с моего соизволения. И я говорю, что эти люди могут здесь остановиться и находятся под моей защитой.

– Сказал королевский ублюдок, – пробурчал мясник.

Наступила тишина. Зоя сжала кулаки, и над полями громыхнул гром.

Но Николай поднял руку. Эту битву нельзя было выиграть силой.

– Не мог бы ты повторить? – попросил он.

Щеки мясника побагровели, брови сошлись у переносицы. Похоже, у этого мужчины были все шансы умереть от сердечного приступа, если, конечно, невежество не убьет его раньше.

– Я сказал, вы – бастард и недостойны даже сидеть на этом роскошном скакуне.

– Ты слышал, Изюмчик? Он назвал тебя роскошным.

Николай снова обратил свое внимание на мясника.

– Ты вот утверждаешь, что я – бастард. А почему? Потому, что так говорят наши враги?

Тревожный шепот всколыхнул толпу. Зашаркали ноги. Но никто ничего не сказал. *Хорошо.*

– Так вы теперь считаете фьерданцев своими господами? – Его голос разнесся над толпой горожан, над сулийцами. – Станете учить их язык? Склонитесь перед их чистокровными королем и королевой, когда их танки прорвут границы Равки?

– Нет! – воскликнул Миров. И плюнул на землю. – Никогда!

Один готов.

– Фьерда зарядила ваши ружья ложью о моем происхождении. Они рассчитывают, что вы обратите их на меня, на ваших соотечественников, которые защищают наши границы прямо сейчас, готовые умереть за родную землю. Они надеются свалить на вас всю грязную, кровавую работу под названием «война».

Конечно, сейчас лжецом был именно Николай. Но только короли могут делать что им угодно; бастардам приходится делать то, что нужно.

– Я не предатель, – прорычал мясник.

– Но говоришь именно как он, – заметил Миров.

Мясник выпятил грудь.

– Я сам служил в Восемнадцатом полку, и туда же пойдет мой сын.

– Могу поспорить, немало фьерданцев улепетывали от тебя во все лопатки, – польстил Николай.

– И будете чертовски правы, – подтвердил мясник.

Но мужчина за его спиной вовсе не горел энтузиазмом.

– Я не хочу, чтобы мои дети сражались в очередной войне. Пусть эти ведьмы идут на фронт.

И тут Зоя все же выпустила несколько ветвистых молний в воздух над толпой.

– Гриши возглавят наступление, а я приму первую пулю, если в этом будет нужда.

Люди Мирова дружно отшатнулись.

– Должен предупредить вас, – с улыбкой заверил Николай. – Когда Зое взбредает в голову погеройствовать, она может быть довольно пугающей.

– Заметно, – пискнул мясник.

– Здесь люди погибли, – вмешался Миров, пытаясь вернуть утраченный авторитет. – Кто-то должен ответить…

– Кто несет ответственность за засуху? – спросила Зоя. Ее голос взрезал воздух как остро отточенный клинок. – За землетрясения? За ураганы? Так вот мы какие. Жалкие создания, ноющие при малейшем намеке на трудности? Или мы равкианцы – практичные, свободно мыслящие, не являющиеся больше рабами суеверий?

На лицах некоторых горожан читалось возмущение, но прочие, похоже, были изрядно пристыжены. В другой жизни из Зои вышла бы весьма устрашающая правительница – высокомерная, с вечно недовольным лицом, она легко могла бы заставить любого из присутствующих намочить штаны от страха. Но одна из сулиек смотрела на Зою с задумчивым выражением, а его генерал, которая на любое нетактичное внимание отвечала взглядом, способным выжигать дотла целые леса, этого не замечала или нарочно игнорировала.

– *Khaj pa ve,* – произнесла женщина. – *Khaj pa ve.*

И пусть Николаю было любопытно, что это значит, но на повестке дня были и более насущные вопросы.

– Я знаю, что это небольшое утешение, но нужно обсудить, чем может корона помочь вам, чтобы хоть отчасти компенсировать потерю земель и жилищ. Я готов.

– Я поговорю с главой, – внезапно сказала Зоя.

Николай собирался поговорить с Мировым сам, ведь статус для того играл весьма важную роль, а значит, внимание королевской особы ему бы весьма польстило. Но Зоя уже направила свою лошадь в сторону главы.

– Будь очаровательной, – шепнул он еле слышно.

Она послала ему теплую улыбку и лукаво подмигнула.

– Буду.

– Это было очень убедительно.

Улыбка испарилась в ту же секунду.

– Мне пришлось годами наблюдать, как ты улещиваешь людей по всей Равке. Кое-чему научилась.

– Я не улещиваю.

– На самом деле улещиваешь, – вмешалась Тамара.

– Ладно, – сдался Николай. – Но это мило.

Он посмотрел, как Зоя спешилась и отвела Мирова в сторону. Мужчина, казалось, был совершенно ошеломлен, что, впрочем, было весьма частым побочным эффектом при общении с Зоей из-за ее красоты в сочетании с окружающей ее убийственной аурой. Возможно, для Мирова существовала-таки пара вещей, более значимых, чем статус.

Но Зоя не собиралась использовать это преимущество в беседе с Мировым. Она просто пыталась сбежать. Она не хотела столкновения с той сулийкой, а это совсем не в духе его генерала. По крайней мере, не было до этого момента. С тех пор, как она потеряла Юриса, со времени их сражения в Каньоне, Зоя изменилась. Казалось, он смотрит на нее издали, словно она отгородилась от всех и вся. И все же она оставалась так же остра на язык, и броня высокомерия прочно прикрывала ее – женщину, легко идущую точно к цели и не тратящую время на милосердие.

Он снова обратил свое внимание на сулийцев.

– Ради вашей безопасности было бы лучше, если бы вы двинулись в дорогу сегодня же вечером.

Их предводитель ощетинился.

– Что бы это ни был за ужас, это не наших рук дело.

– Я знаю, но стоит настать ночи, и горячих голов может стать больше, чем думающих.

– Так вот как выглядит защита короля Равки? Всего лишь приказ скрыться в тенях?

– Это не приказ, это предложение. Я, конечно, могу выставить вооруженных стражников, которые будут охранять ваш лагерь, но сомневаюсь, что вас обрадует их присутствие.

– И будешь прав.

Николаю не хотелось бросать этих людей без пристанища.

– Если хотите, я могу отправить просьбу графине Грециной, чтобы она пустила вас на свои поля.

– И она согласится пустить сулийцев на свои земли?

– Согласится или не получит ни одной новой молотилки, которые мы отправляем большим хозяйствам.

– Этот король использует не только оружие, но и шантаж.

– Этот король правит людьми, а не ангелами. Иногда требуется средство посильнее молитвы.

Сулиец одобрительно хохотнул.

– Тут мы спорить не станем.

– Скажите, – обратился Николай к женщине, стоящей рядом с сулийским предводителем, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. – Вы что-то сообщили генералу Назяленской.

– *Назяленской,* – повторила та со смехом.

Николай вздернул бровь.

– Да. Что вы ей сказали?

– *Yej menina enu jebra zheji, yepa* Korol Rezni.

Сулиец рассмеялся.

– Она говорит, что ее слова были для генерала, а не для тебя, Король…

– Эту часть я понял прекрасно, – перебил Николай.

Korol Rezni. Король шрамов. Из множества прозвищ, что когда-либо ему давали, это определенно было не худшим, но при этих словах внутри него беспокойно ворочался демон. *Полегче, мы вроде как достигли понимания, ты и я.* Хотя демон не был особо последователен.

В течение следующего часа Николай с Тамарой опрашивали сулийцев, которые согласились описать им тлен, а затем присоединились к Зое и Толе.

– Ну и? – спросил он, стоило им только подняться на холм.

– То же, что и под Балакиревом, – ответил Толя. – Пятно темноты, расплывающееся по местности, словно раньше времени опустившаяся ночь. Все, чего касается тьма, превращается в тлен: животные, имущество, даже люди растворяются, как дым, не оставляя ничего, кроме бесплодной пустоши.

– Всего день назад здесь проходили пилигримы, – добавила Зоя. – Последователи Беззвездного святого. Они утверждают, что это наказание за правление неверующего короля.

– Вздор. Я очень даже верую, – возразил Николай.

Толя вздернул бровь.

– Во что?

– В хороших инженеров и выдержанный виски. Миров со своими приятелями встретили пилигримов хлебом-солью и с удовольствием выслушали их изменнические речи?

– Нет, – ответила Зоя с ноткой удовлетворения в голосе. – Большинство из них помнят и войну, и разрушение Дарклингом Новокрибирска. Они прогнали этих фанатиков из города.

– Похоже, в Ярености действительно любят собираться толпой. Что эта женщина тебе сказала?

– Без понятия, – сказала Зоя. – Я не говорю по-сулийски.

Тамара уставилась на нее.

– А по виду казалось, что *ты* ее поняла. Было похоже, что ты изо всех сил пыталась скрыться с ее глаз.

Так, значит, не только Николай это заметил.

– Не неси чушь, – огрызнулась Зоя. – Мне дело нужно было сделать.

Толя кивнул Николаю.

– Сулийцы от тебя не в восторге, да?

– Я не уверен, что у них есть поводы для восторга, – сказал Николай. – Они не должны жить в страхе на нашей земле. Я недостаточно времени уделял тому, чтобы обеспечить их безопасность.

Еще один пункт в его список провалов. С тех пор как занял трон, он успел столкнуться с множеством врагов – с Дарклингом, фьерданцами, шуханцами, *юрда-паремом,* проклятым демоном, живущим внутри него.

– Мы все живем в страхе, – с этими словами Зоя послала лошадь в галоп.

– Полагаю, это ее способ сменить тему, – заметил Толя.

Они последовали за ней и как только добрались до вершины холма, Тамара обернулась и окинула взглядом рану, нанесенную полям пятном тлена. – Беззвездные правы только в одном. Это как-то связано с Дарклингом.

– Боюсь, что так, – согласился Николай. – Мы все видели пески Каньона. Серые и безжизненные. Такие же, как и земля после гнили. Я думал, что стоит Теневому Каньону исчезнуть и тьме рассеяться, как земля, которую он занимал, исцелится сама собой.

– Но там так ничего и не растет, – сказал Толя. – Это проклятая земля.

На этот раз Николаю не удалось отмахнуться от его слов, как от обычного суеверия. Долина Тулы когда-то была одной из самых плодородных частей Равки, той, где Санкт-Феликс, вероятно, выращивал свои сады – или терновый лес, – зависит от того, в какую историю верить. А еще именно там была проведена первая *обисбайя*, ритуал, призванный отделить зверя от человека. Но Дарклинг запятнал это место. Его попытка создать собственные усилители и

использование им *мерзости* для этих целей исказило его силу, превратив прежде святую землю во владения тьмы, полные чудовищ. Иногда Николай задумывался, удастся ли им хоть когда-нибудь избавиться от этого наследства.

Нет, если ты не признаешь, что ты – часть его. Пришло время признать неприятную правду об истинной природе этой заразы.

– Другого объяснения нет, – сказал он. – Каньон расширяется. И мы стали тому причиной.

– Вы не можете этого утверждать… – начала Тамара.

– Можем, – возразила Зоя. В ее голосе был лед.

Николай вспомнил землетрясения, волной прошедшие по Равке и за ее пределами, когда границы Каньона были стерты. Елизавета была повержена. Трое святых, гриши неизмеримой силы, пали жестокой смертью. Попытка Николая выдержать *обисбайю* и избавиться от своего демона провалилась. Сила Дарклинга по-прежнему жила в нем, а теперь и он сам снова ходил по земле. Конечно, такое не могло обойтись без последствий.

– Мы возьмем пробы почвы, – продолжил он. – Хоть и так знаем, что здесь происходит.

– Хорошо. Виноваты вы, – сказала Тамара. – Но как нам теперь это остановить?

– Убить Дарклинга, – предложила Зоя.

Толя закатил глаза.

– У тебя это ответ на все вопросы.

Зоя пожала плечами.

– Как мы узнаем, если не попробуем?

– А как насчет демона, запертого в теле нашего короля? – спросила Тамара.

Зоя нахмурилась.

– Детали.

– Мы можем попробовать провести обисбайю еще раз, – предложил Толя. – Я обнаружил новый текст, в котором…

– Предыдущий обряд его практически убил, – отрезала Зоя.

– Детали, – возразил Николай. – Мы должны это обдумать.

– После свадьбы, – вставила Зоя.

– Хорошо, – согласился Николай, пытаясь изобразить хоть тень энтузиазма. – После свадьбы.

Не отрывая взгляда от горизонта, Зоя спросила:

– Пожалуйста, скажи, что ты добился прогресса с принцессой Эри.

– Прихожу к выводу, что охмурить принцессу сложнее, чем еще раз вогнать терновый шип в сердце.

– И определенно требует большей ловкости, – заметила Зоя. – Чего у тебя в избытке.

– Не скажу, что это прозвучало как комплимент.

– Это им и не было. У тебя больше обаяния, чем здравого смысла. Но хоть ты иногда весьма раздражаешь, твой шарм может быть весьма неплохим подспорьем в тонких вопросах дипломатии.

– Сказать по правде, у меня почти не было возможности поговорить с ней.

Он собирался пригласить ее на празднование дня своих именин, но почему-то никак не мог выбрать подходящий момент. Николай понимал, что ему нужно поговорить с ней. Он *должен*, если планирует с успехом воплотить в жизнь свои планы на будущее. Но избегал общения с принцессой с той самой ужасной ночи, когда умер Исаак, а та, которую все считали Эри, оказалась убийцей. С тех самых пор настоящую принцессу Эри держали в полной изоляции, в роскошных покоях, которые, тем не менее, не переставали быть тюрьмой. Ее личный отряд Тавгарадов держали в самой комфортной части подземелий, под старыми конюшнями, а убийца – девушка, всадившая нож в сердце Исаака, полагая, что это сердце короля, – была под

замком и все еще не оправилась от полученных ран. А что насчет другого пленника Николая? Что ж, тому досталась уникальная тюремная камера.

– Эри смягчается, – продолжил Николай. – Но она упряма.

– Хорошая черта для королевы, – сказала Зоя.

– Ты так считаешь?

Николай посмотрел на Зою. Не мог не посмотреть. Ее ответный взгляд был таким быстрым, что, возможно, ему просто показалось, – вспышка синего, словно небо, мелькнула средь ветвей. Что этот взгляд значил? Что-то. Ничего. У него было больше шансов предсказать свою судьбу по облакам.

Удерживая поводья одной рукой, другой Зоя поправляла перчатки.

– Меньше чем через месяц прибудет королева Макхи, уверенная, что попадет на грандиозный праздник. Без поддержки предполагаемой невесты ты рискуешь оказаться в центре международного скандала.

– Это Николая может ждать в любом случае, – сказала Тамара.

– Да, но если свадьбы не будет, то Николаю больше не придется беспокоиться ни о фьерданцах, ни о шуханцах или Каньоне.

– Не придется?

– Нет, потому что Женя сама тебя убьет, с особой жестокостью. Ты хоть представляешь себе, сколько сил она потратила на организацию этого грандиозного мероприятия?

Николай вздохнул.

– Оно состоится. Мне уже и новый костюм сшили.

– Костюм, – передразнила Зоя, возведя глаза к небу. – Ты будешь шикарно одет на собственных похоронах. Поговори с Эри. *Очаруй* ее.

Она была права, и от этого ему было еще досаднее. Поэтому он обрадовался, заметив всадника, приближающегося к ним, даже несмотря на то, что мрачное лицо гонца заставило сердце Николая пуститься вскачь. Таким галопом с хорошими новостями не скачут.

– В чем дело? – спросил Николай, едва гонец приблизился.

– Из Ос Альты прибыл флайер, ваше величество, – выпалил тот на одном дыхании. – У нас сообщение от Термита.

И передал Николаю запечатанный конверт.

Он заметил, как Зоя наклонилась вперед в седле, и понял, что она готова вырвать бумагу прямо у него из рук. Кодовое имя Нины Зеник было Термит.

Николай пробежал глазами письмо. Он надеялся, что у них будет больше времени. Но Нина, по крайней мере, дала им возможность подготовиться к битве.

– Нам нужно возвращаться в лагерь. Скачи вперед и передай, чтобы приготовили два флайера, – велел Николай гонцу, который тут же исчез в облаке пыли.

– Время вышло, да? – спросила Зоя.

– Фьерда объявила войну. Тамара, тебе нужно доставить сообщение Давиду и нашим фабрикаторам, а я отправлю флайер нашим связным на западе.

– Снаряды еще не готовы к использованию, – заметила Тамара.

– Не готовы, – согласился Николай. – Но фьерданцы ждать не станут. – Он повернулся к Зое. – Хайрем Шенк в Ос Керво. Ты знаешь, что делать. У нас лишь один шанс провернуть все правильно.

– Мы готовы? – спросил Толя.

– Вряд ли, – сказала Тамара. – Но мы все равно устроим им ад.

При этих словах демон внутри Николая проснулся. Война напоминала пламя – внезапное, всепоглощающее, которому проще не дать разгореться, чем потом тушить. И он собирался сделать для этого все возможное. Его обуревал страх и за страну, и за самого себя. Он был

бы дураком, если бы не боялся. Но какая-то часть его – может быть, бывший рядовой, может быть, внутренний демон, а может, и принц, пробивший себе путь на трон, – жаждала схватки.

– Считайте, что это своего рода вечеринка, – сказал он, щелкая поводьями. – Как только гости нагрянут, сразу станет понятно, кто из них настоящий друг.

4. Нина

Нина проснулась от того, что у ее кровати стояла Ханна и трясла ее за руку. Сердце в груди бешено билось, а простыни, судя по ощущениям, насквозь промокли от пота. Разговаривала ли она во сне? Ей снились льды и волк Матиаса. Трассел ел с ее руки, но стоило приглядеться, она заметила, что белая морда волка испачкана кровью, а сам он пожирает мертвое тело.

– Кто-то пришел, – сказала Ханна. – Кто-то из монастыря.

Нина села, чувствуя, как ночная прохлада остужает покрытую потом кожу. Она тут же проснулась, и теперь бешеный стук ее сердца не имел ничего общего со сновидениями об окровавленных мордах. Ханна была послушницей в Гефвалле, где они с Ниной раскрыли чудовищную схему Брума, в которой были задействованы монахини и расположенная неподалеку военная крепость. Они положили этому ужасу конец и освободили всех гришей, которых только смогли, а Нина к тому же без капли жалости приговорила мать-хранительницу к ужасной смерти.

– Кто же? – шепнула она, натягивая шерстяное платье с закрытым воротником и тщательно его застегивая. Затем сунула ноги в тапочки. По крайней мере, Белый остров мог похвастаться полами с подогревом.

– Я не знаю. Мама послала за нами обеими.

– Милостивый Джель, надень платье. Разве тебе не холодно?

На Ханне не было ничего, кроме хлопковой ночной рубашки. Свет масляной лампы, которую она держала в руках, золотил рыжеватый ежик волос на ее стриженой голове.

– Я слишком боюсь, чтобы мерзнуть, – ответила Ханна, пока они поспешно проходили по гардеробной, соединявшей небольшую спальню Нины с покоями Ханны.

Крепость в Гефвалле была разрушена в результате взрыва, устроенного командой Нины, и в последовавшем за этим хаосе им с Ханной удалось сделать вид, что они совершенно непричастны ко всей этой заварушке. Ярл Брум даже не догадывался о том, кем Нина была на самом деле, как и о том, что именно она стала причиной уничтожения его лаборатории и сворачивания пыточной программы. Он принял Милу Яндерсдат в своем доме, полагая, и не без оснований, что она помогла его дочери спасти ему жизнь. Конечно, он и понятия не имел о том, что, будь ее воля, Нина бы раз и навсегда положила конец его существованию.

Все это время Нина с Ханной были уверены, что это сошло им с рук. Но может быть, и нет. Возможно, когда все улеглось, кто-то из монастыря смог догадаться о том, что они устроили. Возможно, монахини обнаружили форму *дрюскеля*, когда-то похищенную Ханной. Возможно, кто-то видел, как Ханна и Нина вытаскивали бессознательное тело Ярла Брума из фургона.

– Вот, – сказала Нина, протягивая Ханне халат, чтобы та накинула его на плечи. Согласно фьерданской моде, он был сшит из тускло-серой шерстяной ткани, но подбит роскошным мехом, как все, что могло намекать на роскошь или комфорт, должно быть скрыто.

– Что будем делать? – спросила Ханна. Она дрожала.

Нина развернула ее к себе и туго затянула пояс халата.

– Позволим говорить гостям.

– Не нужно изображать мою горничную, – пробурчала Ханна. – По крайней мере, когда мы одни.

– Я не против. – Глаза Ханны в свете лампы казались озерами расплавленной меди. Нина постаралась сосредоточиться на том, чтобы завязать пояс аккуратным бантом. – Мы будем изображать невинность и добродетель, вызнаем все, что им известно, будем отрицать все обви-

нения. Если дело дойдет до крайности, я – безжалостная шпионка, обманом заманившая тебя в свои сети.

– Тебе пора прекратить читать романы.

– А может, лучше тебе начать читать их почаще. У тебя руки ледяные.

– Я вся как лед.

– Это от страха. – Нина взяла руки Ханны в свои ладони, растирая их, чтобы согреть. – Используй свою силу, чтобы слегка замедлить пульс и успокоить дыхание.

– Ханна? – окликнула Ильва из прихожей.

– Идем, мама! Только оденемся! – Она понизила голос. – Нина, я сама сделала свой выбор. Я не позволю тебе взять всю вину на себя, чтобы прикрыть меня.

– А я не позволю тебе пострадать из-за того, что ты оказалась втянута в мой обман.

– Ну почему тебе нужно быть такой упрямой?

Потому, что Нина бывала безрассудной и неосторожной, из-за чего иногда страдали невинные люди. А Ханна за свою жизнь и так достаточно настрадалась.

– Давай не будем такими пессимистками, – сказала Нина, игнорируя вопрос. – Может быть, монахини просто передали нам памятный подарок.

– Конечно, – подыграла Ханна. – Как же я об этом не подумала. Надеюсь, это пони.

Дорога по узкому коридору напоминала путь на виселицу. Нина тщательно поправила шпильку в волосах. Во Фьерде незамужние женщины не могли появляться на публике с волосами, не убранными в косы. От всей этой благопристойности у Нины начиналась головная боль. Но именно роль благочестивой Милы Яндерсдат позволила ей оказаться в самом сердце Ледового Двора, в идеальном месте для постановки ее маленьких представлений с чудесами.

Ханна после их выступления на рынке уже не выглядела столь убежденной.

– Стоит ли оно того? – спросила она у Нины тем же вечером, стоило им оказаться в уединении их покоев. – Всех тех горожан ждут неприятные последствия. Мой отец не выносит подобной ереси. Он начнет принимать более жесткие меры, а пострадают от них невинные люди.

– Невинные люди уже вовсю платят, – напомнила ей Нина. – Просто это не фьерданцы.

– Осторожнее, Нина, – сказала тогда Ханна, поудобнее устраиваясь под одеялом. – Не превратись в ту, кем тебя считает мой отец.

Нина знала, что Ханна права. Зоя тоже всегда ругала ее за безрассудство. Но проблема была в том, что Нина видела – то, что они делают, работает. Да, вокруг по-прежнему была масса фанатиков вроде Брума, которые всегда будут ненавидеть гришей, а еще масса тех, кто готов их поддерживать. Но культ Солнечной святой нашел первых последователей много лет назад, когда Алина Старкова решилась уничтожить Теневой Каньон и погибла мученической смертью в итоге. Оспорить истинность этого чуда было не под силу даже Бруму. А ведь были еще и те чудеса, которые стали происходить в разных частях Равки в последний год: плачущие статуи, выстроенные из костей мосты. По обе стороны границы ходили слухи, что грядет время Святых. Подобные настроения давно витали в воздухе, и Нине всего лишь нужно было слегка направить их в нужное русло.

Кроме того, если бы ее сейчас не было в Ледовом Дворе, то Равка не получила бы предупреждения о готовящемся вторжении фьерданцев.

Но какой ценой?

Она подозревала, что скоро узнает.

Главная комната их апартаментов в Ледовом Дворе производила грандиозное впечатление: высокие беломраморные стены, сводчатый потолок и огромный каменный очаг, искусно украшенный резьбой в виде переплетающихся ветвей священного ясеня Джеля. Все это было свидетельством высокого статуса коммандера Ярла Брума – того, который ему с таким трудом

приходилось восстанавливать теперь, после вторжения чужаков в Ледовый Двор и унижения, которому его подвергла одна из гришей в доках.

В данный момент Брум предстал перед ними в мундире и с шинелью, перекинутой через руку. Он готовился отправиться на фронт. На его лице застыла бесстрастная маска. Мать Ханны выглядела слегка встревоженной, что, впрочем, было для нее характерно. В очаге потрескивал огонь.

Женщина средних лет с темно-каштановыми волосами, убранными в замысловатые косы, сидела, выпрямив спину, в одном из обитых кремовым бархатом кресел, стоящих у огня, и держала в руках чашку чая. И это оказалась не просто одна из сестер монастыря. На ней была темно-синяя мантия и пелерина, предназначенная для матери-хранительницы, самой главной монахини в монастыре. Ее лицо не показалось Нине знакомым, и Ханна, судя по краткому обмену взглядами, ее тоже не узнала. А ведь Ханна прожила в монастыре несколько лет. Но эта женщина определенно не могла быть и недавно поступившей послушницей. Так кем же она была и зачем появилась в Ледовом Дворе?

Нина и Ханна склонились в глубоких реверансах.

Брум указал рукой на женщину.

– Энке Бергстрин приняла на себя управление монастырем в Гефвалле после трагического исчезновения предыдущей хранительницы.

– Разве ее до сих пор не нашли? – спросила Нина голосом столь же невинным, как лепет младенца.

Было бы неплохо вынудить Брума занять оборонительную позицию, если он начнет задаваться вопросами, что произошло тогда в монастыре. А еще ей нравилось наблюдать, как он нервничает.

Брум переступил с ноги на ногу, метнув короткий взгляд на жену.

– Полагают, что она могла оказаться в крепости, когда прогремел взрыв. Монастырь брал в стирку одежду солдат.

На самом деле это было не более чем прикрытием их настоящей работы – присмотра за беременными гришами, которых пичкали *юрда-паремом* по приказу Брума.

– Но с чего бы матери-хранительнице отправляться туда лично? – настаивала Нина. – Почему бы просто не послать одну из послушниц или монахинь?

Брум стряхнул воображаемую пылинку со своей шинели.

– Справедливый вопрос. Возможно, у нее было какое-то другое дело или она просто решила проверить работу сестер.

А возможно, ее утащили в ад мои потусторонние помощницы. Кто теперь может сказать?

– Какая вы любознательная девушка, – заметила новая мать-хранительница.

Ее серо-голубые глаза блеснули под нахмуренными бровями, а губы сурово сжались. Неужели все хранительницы прямо из утробы матери появляются с таким кислым лицом? Или это раздраженное выражение приклеивается к лицу только после того, как они занимают этот пост?

– Простите меня, – потупилась Нина, присев в сдержанном реверансе. – Я не воспитывалась в монастыре, и, боюсь, по моим манерам это видно сразу.

– Ты не сделала ничего плохого, Мила, – сказала Ильва. – Нам всем любопытно.

– Что бы там ни произошло с прежней хранительницей, – быстро вставил Брум, – теперь энке Бергстрин заняла ее место и пытается навести порядок в монастыре после трагических событий в Гефвалле.

– Но зачем она здесь, пап? – спросила Ханна.

– Я не знаю, – резко ответил Брум. – Хранительница отказалась обсуждать цель своего визита в ваше отсутствие.

Хранительница отставила свою чашку в сторону.

– Вследствие разрушения крепости и усиления еретических настроений в Гефвалле монастырю пришлось ужесточить правила для своих послушниц и сильнее ограничить их свободу.

Еретических настроений. Нина просмаковала эти слова. Гефвалле стал первым шагом, первым устроенным ей чудом, когда Леони и Адрик спасли деревню от яда, хлынувшего в реку с завода. Вся затея была крайне безответственной, абсолютно необдуманной – но все сработало как часы. Она изучала науку обмана под руководством самого Каза Бреккера, и не существовало лучшего учителя. Двое гришей – фабрикатор и эфиреал – спасли жителей деревни. Чудо? Нет, просто хорошие люди, умеющие использовать свои способности, готовые подвергнуть себя гонениям, если не хуже, но все же спасти людей. Двое людей, которым теперь поклонялись как святым и ставили свечи в темных уголках, тайком, по всему Гефвалле. Санкт-Адрик Калека и Санкта-Леони Водная.

– Но какое отношение все это имеет к нашей дочери? – потребовал ответа Брум.

– В ходе осмотра монастыря мы нашли множество запрещенных вещей, включая рисованные иконы и языческие молитвенники.

– Они просто молоды, – вставила Ильва. – Я тоже бунтовала, когда была в их возрасте. Но именно благодаря этому я и стала женой *дрюскеля*.

Нина ощутила резкий болезненный укол, заметив, какими теплыми взглядами обменялись Брум и его жена. Ильва была из хедьютов, которых на севере считали богоподобными, живущих на затерянных берегах неподалеку от Кенст Хьерте, Разбитого Сердца. Неужели в юности она была похожа на Ханну – такая же неукротимая? Полная любви к земным просторам и вольному небу? Казался ли ей Ярл Брум, юный солдат из самой столицы, загадочным и чужим? Нина полагала, что Брум всегда был чудовищем, но, возможно, он превратился в монстра со временем.

– Мы не можем так рассуждать, – возразил Брум. – Эти веяния должны быть искоренены до того, как укрепятся, или вся Фьерда может сойти с пути истинного.

Хранительница кивнула.

– Не могу не согласиться, коммандер Брум. Потому-то я и здесь.

Ильва села прямее, и лицо ее застыло.

– Вы хотите сказать, что все эти вещи были найдены в комнате Ханны?

– Мы нашли мужской мундир, спрятанный в щели под крышей часовни. А еще четки и икону Санкты-Васильки.

Санкта-Василька. Покровительница незамужних женщин. Она была равкианской святой, которая, говорят, стала первой жар-птицей.

– Этого не может быть, – заявил Брум, встав перед Ханной, словно в попытке защитить ее. – У Ханны бывали трудности с послушанием. Но она бы никогда не стала поклоняться этой языческой мерзости.

– Никогда, – горячо шепнула Ханна, и никто бы не усомнился в искренности ее слов в этот момент.

Нина старалась не улыбаться. Ханна никогда бы не стала поклоняться гришам, потому что, черт возьми, сама была одной из них, целительницей, вынужденной скрывать свои силы, но по-прежнему находящей способы использовать их для помощи людям.

Хранительница поджала губы.

– Значит, вероятно, вы полагаете, что я проделала весь этот путь, чтобы попотчевать вас сказками.

В комнате повисло молчание, нарушаемое лишь треском огня в очаге. Нина ощущала страх, волнами расходящийся от Ильвы, злость, идущую со стороны Брума, – и неуверенность,

захлестывающую их обоих. Они знали, что в прошлом Ханна не отличалась послушанием. Но насколько далеко она зашла? Нина и сама не знала.

Ханна сделала глубокий вдох.

– Костюм для верховой езды был моим.

Проклятье, Ханна. Что тебе Нина говорила? Отрицай все.

– О, Ханна, – воскликнула Ильва, прижимая пальцы к вискам.

Лицо Брума залило краской.

Но Ханна шагнула вперед, подняв подбородок, излучая гордость и непреклонность, унаследованную ею от отца.

– Я не стыжусь этого. – Голос ее звучал уверенно и чисто. Ее взгляд встретился с Нининым и тут же метнулся прочь. – Тогда я не знала, кто я, чего я хочу. Теперь я знаю, где мое место. Здесь, рядом с вами.

Ильва поднялась и взяла Ханну за руку.

– А иконы? Четки?

– О них мне ничего не известно, – без заминки ответила Ханна.

– Их нашли вместе с костюмом Ханны? – спросила Нина, воспользовавшись моментом.

– Нет, – признала хранительница. – Не вместе.

Ильва притянула Ханну поближе к себе.

– Я горжусь твоей честностью.

– Матушка, – заговорил Брум, и в его голосе отчетливо звякнули льдинки, – вы, конечно же, слышите слова Джеля, но ведь и *дрюскели тоже.* Подумайте хорошенько, прежде чем еще раз прийти в мой дом, чтобы обвинять мою дочь.

Хранительница поднялась. На лице ее застыла решимость, которую ничуть не поколебали слова Брума.

– Я стою на страже духовного благополучия страны, – сказала она. – Апрат, языческий священник, находится под этой крышей. До меня доходят слухи о языческих обрядах, проводящихся в этом городе. Я не позволю сдвинуть себя с праведного пути. И все же, – добавила она, расправляя складки своей шерстяной мантии, – я рада, что Ханна наконец нашла свой путь. Я исповедую ее, прежде чем отправлюсь обратно.

Ханна присела в реверансе, со склоненной головой, являя собой идеальную картину послушания и смирения.

– Да, матушка.

– И Милу Яндерсдат исповедую тоже.

Нина не смогла скрыть своего удивления.

– Но я была лишь гостьей в монастыре. Я никогда не была послушницей.

– Значит ли это, что у тебя нет души, Мила Яндерсдат?

Да уж души у меня побольше, чем у тебя, Чернослива. Но возражать дальше Нина не посмела, не в присутствии Брумов. Кроме того, ей хотелось петь от облегчения. Их не раскрыли. И пусть обвинение Ханны в язычестве могло стать немаленькой проблемой, но она не шла ни в какое сравнение с тем, о чем могла бы завести разговор мать-хранительница. Поэтому, раз уж мадам Чернослива желает заполучить в свою коллекцию пару новых грешков, Нина с радостью потратит четверть часа, чтобы развлечь ее.

– Я пойду первой, – сказала она Ханне и бодро направилась вслед за хранительницей в маленькую приемную, которая временно превратилась в исповедальню.

Комнатка была узкой, и помещались в ней лишь письменный стол и небольшой диванчик. Хранительница уселась за стол и зажгла масляную лампу.

– Вода слышит и понимает, – пробормотала она.

– Лед не прощает, – произнесла Нина традиционный ответ.

– Закрой дверь.

Нина сделала, как ей велели, и тепло улыбнулась, демонстрируя готовность угождать. Хранительница повернулась, и в глазах ее блеснула сталь.
– Здравствуй, Нина.

5. Зоя

В высокой башне ратуши Ос Керво Зоя мерила шагами плиточный пол. Хайрем Шенк опаздывал, и она не сомневалась, что это оскорбление было намеренным. Как только керчийское правительство получило секреты *моросеев*, смертоносных кораблей Николая, способных незамеченными плавать под водой, Равка потеряла все рычаги давления на маленькую островную страну и Торговый совет, стоящий во главе. Шенк просто хотел убедиться, что она это понимает.

Ей нужно было сохранять спокойствие, быть дипломатом, а не воином. Или так, или придется снести патлатую рыжую голову Шенка с плеч.

Из окна открывался вид на волны, неспешно бьющиеся об основание знаменитого городского маяка. Говорили, что Санкт-Владимир Блаженный сдерживал океанские волны, пока закладывались камни в основу волнореза и громадного маяка. Зоя подозревала, что он был просто весьма сильным проливным. *«Не особо сильным»,* – решила она. За все труды его впоследствии утопили в этой самой бухте.

Ее место не здесь. Ее место на фронте, на поле битвы, вместе с ее шквальными. С ее королем.

– Мы не можем допустить, чтобы фьерданцы узнали, что мы замышляем, – объяснял Николай. – Тебе необходимо встретиться с Шенком.

– А если фьерданцы нападут с моря?

– Они не смогут пробить блокаду Штурмхонда.

Он казался абсолютно уверенным, но в этом был его талант – всегда казаться уверенным в своих словах. Штурмхонд, легендарный корсар – и второе «я» короля Равки – послал свой флот, чтобы охранять равкианское побережье. В теории, король и Триумвират должны были возложить эту обязанность на равкианский флот. Но флот был слишком тесно связан с Западной Равкой и их интересами, чтобы Николай мог спокойно на него положиться. Сейчас, когда ставки были так высоки, доверять им было нельзя.

По крайней мере, сообщение Нины дало им время на подготовку. По крайней мере, оно означало, что Нина все еще жива.

– Прикажи ей вернуться, – настаивала Зоя, изо всех сил стараясь скрыть умоляющие нотки в голосе.

Но король отказал ей.

– Она нужна нам там.

Он был прав, и ее это бесило.

«Пусть фьерданцы нападут с моря, – думала Зоя*, – пусть Ярл Брум и его проклятые охотники на ведьм приплывут к нам по волнам. Мы с моими шквальными окажем им самый теплый прием».*

Она прислонилась лбом к прохладному камню оконной ниши. Какая-то часть ее была рада уехать от короля. Сбежать от понимающего взгляда Тамары. В голове все еще звучали слова сулийки, бесстрашно стоящей перед ней под раскидистым кедром. *Khaj pa ve. Мы видим тебя.* Зоя была воином, генералом, гришом с браслетами из чешуи дракона на запястьях. Так почему какие-то слова наполнили ее всепоглощающим страхом?

Она взглянула на часы, висящие на драгоценной цепочке, пристегнутой к поясу ее *кафтана.* Они были подарком от короля, и серебряная крышка была сделана в форме дракона, свернувшегося вокруг цветка айвы. Когда она откинула крышку, перламутровый циферблат вспыхнул тысячей радуг, отражая свет. Серебряные стрелки спешили вперед.

– Он опаздывает, – процедила она.

– Может быть, он заблудился, – нервно предположил князь Крыгин. Он всегда нервничал в ее присутствии. Это утомляло. Но он был очень богат, а его неистребимо жизнерадостное настроение делало его идеальным посредником. В присутствии Крыгина невозможно было ни к чему относиться слишком серьезно. Кроме того, его отец неплохо нажился именно на войне, из-за чего считался злодеем в большей части страны, но был весьма уважаем среди знати Западной Равки, поскольку многим из них старший Крыгин помог разбогатеть. – Судя по моим часам, у него есть еще две минуты до того, как его можно будет считать опоздавшим.

– У нашего короля на счету каждая минута.

Лицо Крыгина вспыхнуло. Он побарабанил пальцами по столу.

– Да. Да, конечно.

Зоя снова повернулась к окну.

Она *ощутила* его стыд, его рвение, его жажду. Они налетели внезапно, как ураган, порыв ветра, оторвавший ее от земли и отправивший в свободное падение. Вот она твердо стоит на ногах в залитой солнцем комнате в Ос Керво и смотрит на море. А вот уже глаз не может оторвать от прекрасной девушки, стоящей перед ней, с черными как смоль волосами и отстраненным взглядом чудесных синих глаз. Вот она потянулась к гладкой щеке девушки.

– Зоя?

Зоя рывком вернулась в сознание, как раз вовремя, чтобы успеть шлепнуть Крыгина по руке.

– Я не разрешала вам прикасаться ко мне.

– Прошу прощения, – сказал он, баюкая руку, словно Зоя сломала ему палец. – Вы просто казались такой… потерянной.

А она и была потерянной. Ее взгляд скользнул по блестящим черным оковам, обхватившим запястья. На вид они казались неудобными, но на деле ощущались как нечто естественное, словно были предназначены прохладной лентой обвивать ее кожу. *Сила.* Жажда ее сравнима с сердцебиением, столь же постоянная и неотступная. Это было искушением для всех гришей, и с приобретением усилителя все становилось только хуже. *Открой дверь, Зоя.*

Она никогда не могла с уверенностью сказать, чей голос звучал теперь в голове – ее собственный или Юриса. Но точно знала, что он живет в ней по-настоящему. Ни один плод воображения не мог бы быть столь раздражающим. Иногда за Юрисом она улавливала присутствие еще одного разума, не человеческого, никогда человеческим не являвшегося, чего-то древнего, – а затем мир приходил в движение. Она слышала слуг, сплетничающих на кухне, чувствовала запах цветущих яблонь в садах Велинки – почти в пятидесяти милях от нее. И все это было еще терпимо, но вот эмоции, внезапное погружение в чужую боль или радость… Это было слишком.

«А может быть, ты просто сходишь с ума», – предположила она. Такая вероятность существовала. После того, что она увидела в Каньоне, после того, что она сделала – убила святую, помешанную на разрушении, вогнала клинок в сердце дракона, в сердце друга. Спасла жизнь Николаю. Спасла Равку от Елизаветы. Но не смогла предотвратить возвращение Дарклинга, ведь так? И теперь не могла перестать думать о том, сможет ли спасти свою страну от войны.

– Я просто задумалась, – сказала Зоя, отряхивая рукава своего синего *кафтана.* – Вот и все.

– А, – выдохнул Крыгин. Но убежденным не выглядел.

– Вы ведь не служили, да?

– Не служил, – подтвердил князь, усаживаясь в конце длинного прямоугольного стола, украшенного резным гербом Западной Равки – двумя орлами по обе стороны от маяка. На нем был яично-желтый пиджак и коралловый жилет, что в сочетании с его бледной кожей и ярко-рыжими волосами делало его похожим на экзотическую птицу, усевшуюся на жердочку. – Отец

отослал меня в Новый Зем, едва началась гражданская война. – Он откашлялся. – Зоя… – Она обожгла его яростным взглядом, и он торопливо исправился: – Генерал Назяленская, тешу себя надеждой, что вы не откажетесь побывать в моей усадьбе под Карьевом.

– Мы на войне, Крыгин.

– После войны. Может быть, как-нибудь летом. Мы могли бы посетить скачки.

– А вы уверены, что будет «после»?

Крыгин, казалось, опешил.

– Король – блестящий тактик.

– Но мы уступаем в численности. Если ему не удастся остановить фьерданцев у Нежек, эта война закончится, не успев начаться. А для того, чтобы победить, нам необходима подмога.

– И мы ее получим! – заявил Крыгин. Зоя позавидовала его оптимизму. – Однажды снова наступит мир. И даже во время войны мы могли бы ускользнуть ненадолго. Чтобы спокойно пообедать, побеседовать, узнать друг друга получше. Теперь, когда король собирается жениться…

– Планы короля никоим образом вас не касаются.

– Само собой, но я просто подумал, что теперь вы можете быть свободны…

Зоя обернулась к нему. Она чувствовала, как бежит по венам ток, как ветер шевелит волосы.

– Свободна для чего?

Крыгин поднял руки, словно пытаясь отгородиться от нее.

– Я только хотел сказать…

Она знала, что он хотел сказать. Слухи о ее связи с Николаем ходили уже много месяцев, и она сама их поощряла, чтобы скрыть тайну существования демона, живущего внутри короля, и все попытки удержать этого демона под контролем. Так почему теперь эти слова так ее разозлили?

Она сделала глубокий вдох.

– Крыгин, вы очаровательный, привлекательный, очень… приятный мужчина.

– Я… да? – переспросил он, а затем добавил увереннее: – Да.

– Да, вы такой. Но мы не подходим друг другу характерами.

– Я думаю, если бы только вы…

– Никаких *«только»*. – Она снова глубоко вздохнула и заставила себя следить за своим тоном. Присела к столу. Крыгин был верным другом короля и в последние годы шел на огромный риск, позволяя использовать собственный дом как базу для разработки оружия. И он не был так уж плох. Можно было постараться вести себя *повежливее.* – Думаю, я знаю, как, по-вашему, все должно случиться.

Крыгин покраснел еще сильнее.

– Я очень в этом сомневаюсь.

Зоя подозревала, что в его воображении присутствовали два тела, слившиеся в одно, и, может быть, даже серенада, сыгранная им для нее на флейте, но она решила избавить их обоих от этого конкретного образа.

– Вы пригласите меня на ужин. Мы оба выпьем немало хорошего вина. Вы позволите мне выговориться, рассказать о себе, о тяжести моего положения, о печалях моего прошлого. Возможно, я даже пролью пару слезинок. Вы будете внимательным и чутким слушателем и сможете увидеть настоящую меня. Что-то вроде того?

– Не совсем. Но… да! – Он наклонился вперед. – Я хочу узнать вас настоящую, Зоя.

Она потянулась и коснулась его руки. Та была липкой от пота.

– Князь Крыгин. Эмиль. Нет никакой другой меня. Я не стану вам демонстрировать свою другую сторону. Вам меня не приручить. Я – генерал короля. Я – командующий Второй армии, и прямо сейчас мои солдаты готовятся встретиться с врагом в мое отсутствие.

– Но если бы вы только…

Зоя отбросила его руку и откинулась в кресле. Все, довольно вежливости.

– Война или нет, но если я услышу из ваших уст еще хоть одно слово о любви и взаимопонимании, я вырублю вас прямо последи людной улицы и позволю уличным мальчишкам обчистить вас вплоть до сапог, ясно?

– Сапог?

Хайрем Шенк влетел в дверь, не утруждая себя стуком. Его лицо сияло, а на лацкане строгого черного купеческого сюртука, кажется, остался кусочек чего-то подозрительно напоминающего омлет. Зоя опешила от его павлиньей горделивости, уверенности, светившейся в каждом жесте.

– Доброе утро, – объявил он, потирая руки. – Видит Гезен, в этой комнате ужасный холод.

– Вы опоздали.

– Правда? Князь Радимов устраивает отличные завтраки. Воистину превосходный хозяин. Вашему королю есть чему у него поучиться.

Радимов и прочая знать Западной Равки развлекали сановников Керчии со стилем. Слухи об отделении ходили с тех самых пор, как Каньон был уничтожен и Равка снова стала единой. Запад и так был недоволен тем, что его нагрузили долгами востока, а угроза войны с Фьердой свела на нет всю дипломатическую работу, проведенную Николаем, чтобы склонить его на свою сторону. Они не желали отправлять своих детей на фронт и не хотели, чтобы их налоги тратили на войну, в которой у короля, по их мнению, практически не было шансов победить.

– Пока вы пируете, равкианские солдаты, возможно, идут навстречу своей смерти.

Шенк похлопал себя по животу, словно успех военных действий напрямую зависел от его пищеварения.

– Это очень, очень печально.

«Дипломатия, – напомнила она себе. – *Вежливость».* Зоя поймала взгляд Крыгина и жестом попросила его налить вина, превосходного, марочного, прямиком из легендарных винных погребов князя, того самого, которое практически невозможно было достать на родине Шенка.

– Вы ведь не откажетесь выпить с нами по стаканчику, правда? – предложил Крыгин. – Это карьевское вино, выдержанное в глине.

– Неужели?

Глаза Шенка вспыхнули, и он тут же уселся за стол. Керчийский Торговый совет исповедовал умеренность и экономию, но у Шенка явно был вкус к роскоши. Зоя подождала, пока вино будет выпито, с трудом заставив себя смотреть в до неприличия довольное лицо купца.

– Исключительно! – заявил он.

– Не правда ли? – подхватил Крыгин. – У меня припасено несколько бочонков, если вам вдруг захочется заказать себе немного. Придется, правда, приказать одному из слуг доставить его вручную, иначе путешествие его погубит.

Зоя ощутила прилив благодарности к Крыгину за его способность жизнерадостно болтать обо всякой чепухе. Благодаря этому ей удалось собрать все свое красноречие и подавить порыв выбить стакан из рук Шенка. Если Равке нужно, чтобы она была любезной, она, черт побери, такой будет.

– Я слышала разговоры о том, что морское сообщение Нового Зема практически сошло на нет, – заметила она, – доставка грузов нарушена, а корабли лишены эффективных средств защиты.

– Да, просто ужасно. Говорят, их суда разнесли в щепки, от всего флота остались разве что дрейфующие по волнам обломки. Выживших нет. – Шенк изо всех сил старался удержать на лице скорбное выражение, но радость в голосе, словно собака, рвущаяся с поводка, нет-нет да и проскакивала. – Пираты, знаете ли.

– Конечно.

Но эти трагические события не были последствием нападения пиратов. К ним приложила свою руку Керчия, использовавшая равкианские технологии, которые Торговый совет вытребовал в обмен на согласие продлить сроки займа для Равки. Эти технологии позволили им напасть на земенский флот, не боясь быть узнанными или даже просто замеченными, ведь подводным судам не нужно было подниматься над волнами, рискуя самим стать мишенями.

– Экономика земенцев, должно быть, несет сокрушительные потери, – продолжила Зоя. – Полагаю, цены на *юрду* и сахар высоки как никогда.

Шенк нахмурился.

– Нет, пока нет. Земенцы не показывают ни малейших признаков финансовых трудностей, и всякая попытка поднять цены на *юрду* встречает резкое недовольство среди наших заграничных клиентов. Но их капитуляция – лишь вопрос времени.

– Кому? Пиратам?

Шенк в смятении схватился за пуговицу жилета.

– Да. Именно. Пиратам.

– Вы продолжаете продавать *юрду* Фьерде и Шухану, – сказала Зоя. – Хоть и знаете, что *юрду* превратят в *парем* и станут использовать, чтобы пытать и порабощать гришей.

– Ни о чем подобном мы не знаем. Досужие сплетни, красочные выдумки. Керчия всегда придерживалась политики нейтралитета. Мы не можем позволить себе оказаться втянутыми в свары прочих стран. Мы торгуем со всеми, звонкая монета в обмен на хороший товар. Сделка есть сделка.

Зоя поняла, что он говорит сейчас не только о торговле *юрдой*. Он со всей ясностью обозначал позицию своей страны.

– Вы не придете на помощь Равке.

– Боюсь, это невозможно. Но, прошу вас, помните, что наши мысли всегда с вами.

Зоя бросила на него косой взгляд. До определенной степени, подумала она, это было правдой. Керчия не любила войн, потому что из-за них торговые пути становились небезопасными, к тому же из мирных, процветающих стран получались намного лучшие партнеры. Но с другой стороны, керчийцы довольно легко могли получать прибыль и от торговли оружием и военным снаряжением, от продажи стали, пороха, свинца и алюминия.

– А вы уверены, что, если Фьерда вторгнется в Равку, шуханцы смогут удержать ее в узде? – спросила Зоя.

У шуханцев была мощная наземная армия, но никто до конца не знал истинной мощи фьерданской военной машины. И Керчия могла оказаться следующей в их списке завоеваний.

Шенк в ответ просто улыбнулся.

– Возможно, зубы у волков изрядно поредеют после длительной схватки с соседями.

– Значит, вы надеетесь, что мы ослабим Фьерду. Однако не желаете помогать нам в этом. У северных берегов стоят на якоре керчийские суда. У нас есть флайер. Самое время отправить сообщение.

– Мы *могли* бы стянуть сюда наши корабли. Если бы Керчия отправила меня, чтобы предложить помощь Равке, мы бы именно так и сделали.

– Но это не так.

– Нет.

– Вас отправили, чтобы я тратила свое драгоценное время, находясь не там, где должна быть.

– Несмотря на то, что я оценил и вино, и вашу очаровательную компанию, боюсь, я не вижу смысла в этой встрече. Вам нечего предложить, мисс…

– Генерал.

– Генерал Назяленская, – продолжил он снисходительно, как дядюшка, потакающий капризам любимой племянницы. – У нас есть все, что нам нужно.

– Так ли это?

Шенк выгнул бровь в притворном удивлении.

– Что это значит?

Это был последний козырь Зои, последний шанс спасти эту партию.

– У нашего короля дар делать невозможное возможным, а еще изобретать невероятные машины, способные покорять новые горизонты. Он собрал группу из величайших ученых умов как среди гришей, так и среди отказников. Вы уверены, что хотите оказаться на противоположной всему этому стороне?

– Мы не выбираем сторону, мисс Назяленская. Мне кажется, я довольно ясно это объяснил. И мы не заключаем сделки наперед. Возможно, Равка продемонстрирует изобретения, о которых мы пока ничего не знаем, но Фьерда уже сейчас показывает мощь, хорошо известную всему миру.

Зоя посмотрела на него долгим взглядом.

– Вы собирались отдать свою дочь в жены Николаю Ланцову. Вы знаете, что он порядочный человек.

Простые слова, но Зое было слишком хорошо известно, как они редко звучат.

– Дорогая моя, – начал Шенк, допив свое вино и отодвигаясь от стола. – Возможно, у шуханцев стандарты ниже, но я собирался выдать дочь замуж за короля, а не за бастарда.

– Что это значит? – резко спросила Зоя, чувствуя, как ее выдержка дает трещину.

Неужели этот червь в человеческом обличии смеет открыто сомневаться в происхождении Николая? Если это так, значит, их дела идут намного хуже, чем даже она себе представляла.

Но Шенк в ответ лишь хитро улыбнулся.

– Просто разговоры. Слухи.

– Будьте осторожны, чтобы слухи не сочли вашими словами. Это отличный способ лишиться языка.

Шенк округлил глаза.

– Вы угрожаете представителю керчийского правительства?

– Я угрожаю только сплетникам и трусам.

Глаза Шенка округлились еще сильнее. Зоя задумалась, смогут ли они вообще вылезти из глазниц.

– Я опаздываю на встречу, – заявил он, поднимаясь и направляясь к двери. – А вы, полагаю, опаздываете поучаствовать в битве на стороне проигравших.

Зоя вонзила ногти себе в ладони. Она практически услышала, как голос Николая в ее голове просит ее быть осторожнее. Во имя всех святых, как удается ему встречаться с подобными скользкими, мерзкими, самодовольными жабами, не убив ни единую за день?

Но она справилась. Лишь после ухода Шенка она выпустила порыв ветра, расколотившего бутылку отличного карьевского вина о стену с радующим душу *звоном.*

– Шенк вовсе не собирался предлагать нам помощь, не так ли? – уточнил Крыгин.

– Конечно, нет. Единственной целью Шенка было посильнее унизить нас.

Ее король столкнется с фьерданцами, а помощи от Хайрема Шенка и его клики не будет. Николай знал, что эта попытка ни к чему не приведет, но все равно отправил ее. *«Пойди на это безнадежное дело ради меня, Зоя»*, – попросил он. И она, само собой, согласилась.

– Нужно ли нам послать сообщение королю Николаю? – спросил Крыгин.

– Мы сами его и доставим, – ответила Зоя. Возможно, она еще успеет встретить фьерданские танки и ружья во главе своих солдат. Она решительно поспешила прочь из комнаты. Снаружи уже ждал слуга. – Идите, скажите пилоту, чтобы готовил наш флайер.

– Наш багаж? – напомнил Крыгин, догоняя ее в холле.

– Забудьте о багаже.

Они зашли за угол и стали спускаться по лестнице, затем миновали двор и вышли к докам, где остался их водный флайер. Зоя не была создана для дипломатии, для тесных комнат и вежливой болтовни. Она была создана для битвы. Что же касается Шенка, князя Радимова и всех прочих предателей, посмевших выступать против Равки, с ними можно будет разобраться после того, как Николай найдет способ выиграть эту войну. *Мы – дракон*, и *наше время грядет*.

– Я… Я никогда еще не поднимался в воздух, – сказал Крыгин, стоило им добраться до доков, где был пришвартован флайер. Возможно, ей следовало оставить его здесь. В бою ему было совсем не место. Но ей не хотелось, чтобы он попал под влияние знати Западной Равки.

– Все будет в порядке. А если нет, просто постарайтесь, чтобы вас рвало за борт, а не на собственные колени. И не на мои.

– Есть ли хоть малейшая надежда? – спросил Крыгин. – У Равки?

Она не ответила. Ей когда-то говорили, что надежда есть всегда, но она уже слишком выросла и поумнела, чтобы продолжать верить в сказки.

Зоя ощутила движение рядом еще до того, как увидела его.

Она обернулась и уловила отблеск света на лезвии ножа. Из тени на нее ринулся незнакомец. Она вскинула руки, и порыв ветра впечатал его спиной в стену. Раздался тошнотворный хруст костей, и нападавший умер, не успев упасть на землю.

Слишком легко. Ловушка…

Крыгин прыгнул вперед, сшибая второго убийцу на землю. Князь взвел курок пистолета.

– Нет! – крикнула Зоя, отправив очередной порыв ветра, чтобы сбить пулю с курса. Она, никого не задев, срикошетила от корпуса близстоящего корабля.

Зоя кинулась к убийце, встав коленями ему на грудь, и сжала кулак, забирая воздух из его легких. Он схватился за горло, лицо покраснело, глаза выкатились и слезились.

Она разжала пальцы, позволяя воздуху снова хлынуть в легкие, и он судорожно вдохнул, словно рыба, сорвавшаяся с крючка.

– Говори, – потребовала она. – Кто тебя послал?

– Новая эра… грядет, – прохрипел он. – Фальшивые святые… будут… повержены.

Он выглядел и говорил, как равкианец. Она снова забрала воздух из его легких, а затем позволила ему потечь в легкие тонкой струйкой.

– Фальшивые святые? – повторил Крыгин, сжимая окровавленную руку.

– Кто тебя послал? – повторила Зоя.

– Твоя сила… противоестественна, и ты будешь… наказана, Санкта-Зоя. – Он выплюнул последние два слова, как ругательство.

Зоя замахнулась и врезала ему в челюсть. Он уронил голову.

– Разве вы не могли придушить его до потери сознания? – спросил Крыгин.

– Ужасно захотелось кого-нибудь стукнуть.

– А. Понятно. Рад, что досталось ему. Но что он хотел сказать этим «Санкта-Зоя»?

– Насколько мне известно, я никогда не творила чудес и не объявляла себя чудотворцем.

Глаза Зои превратились в щелки. Она со всей ясностью поняла, кого следует в этом винить.

– Чтоб тебя, Нина Зеник.

6. Николай

– Спасибо тебе, Нина Зеник, – прошептал Николай, следуя вдоль линий равкианских войск, без единого звука лежащих в укрытиях из грязи и веток. В предрассветной тьме он поднял свой флайер в воздух, взяв на борт Адрика – одного из самых талантливых шквальных Зои, – чтобы тот заглушал шум двигателя. Фьерданцы были уверены, что на их стороне элемент неожиданности, и Николай хотел оставить их в этом заблуждении.

Но ему пришлось задуматься, а нужно ли это их врагу. Со своего наблюдательного пункта в небе он смотрел, как цепочка танков катится к границам Равки в сером рассветном мареве. Наверное, ему следовало бы помолиться, но он не особо полагался на религию – ведь у него была наука и пара отлично сделанных револьверов. Однако прямо сейчас он надеялся, что любой равкианский святой, каэльский дух или другое всемогущее божество посмотрит вниз и проникнется сочувствием к его стране, потому что в данных обстоятельствах ему сгодилась бы совершенно любая поддержка.

– По крайней мере, больше одной руки я не потеряю, – мрачно заметил Адрик. Несмотря на весь его талант гриша, это был один из самых депрессивных людей, которых когда-либо встречал Николай. У него были волосы песочного цвета и мальчишеское веснушчатое лицо, но сам он являлся эквивалентом занудного насморка в человеческом обличии. Николай понятия не имел, что такого в нем нашла Леони. Эта девушка была воплощением жизнерадостности и чертовски хорошим фабрикатором к тому же.

– Веселей, Адрик, – подбодрил Николай с кубрика. – Может, мы все вскоре и умрем, но тогда уже твой неупокоенный дух сможет делать мрачные предсказания.

Чтобы не выдавать свое местоположение, они посадили корабль на импровизированной полосе в двух милях к югу от лагеря и проделали оставшийся путь верхом, торопясь присоединиться к войскам Равки.

– Сколько? – спросил Толя, едва подошел, чтобы протянуть Николаю ружье. Второе висело на его огромном плече. Они уже получили донесения от разведчиков, но Толя все еще надеялся. Так же, как надеялся и Николай, пока на его собственных глазах не разрушилась эта надежда самым жестоким образом.

– Слишком много, – ответил он. – Я надеялся, что все это просто игра света. Ряды фьерданских военных машин были намного протяженнее, чем предполагалось согласно данным разведки.

Тамара и Надя молча поприветствовали их. Надя отдельно кивнула брату, здороваясь. И она, и Адрик были шквальными, зеленоглазыми и гибкими. Но Надя была оптимисткой, а вот Адрик явно был членом клуба мрачных прогнозов – причем тем самым, которому запретили ходить на собрания клуба, чтобы не портить настроение другим.

Николай проверил прицел своего ружья. Это было хорошее оружие для предстоящего сражения, но револьверы на бедрах его успокаивали намного больше.

Фьерда и Равка враждовали уже сотни лет, иногда переходя к открытым столкновениям, иногда устраивая мелкие стычки, если действовал очередной мирный договор. Но эту войну Фьерда намеревалась выиграть. Фьерданцы знали, что превосходят равкианцев числом и что поддержки тем ждать неоткуда. Они планировали прорвать северную границу внезапной танковой атакой на Нежки и Уленск. После молниеносной победы они бы двинулись на юг, к столице, к которой жалкая армия Николая должна была бы отступить, чтобы устроить нечто вроде героического противостояния.

Николай окинул взглядом поле. Землю к северу от Нежек можно было назвать мелким, полным грязи бассейном, наводящей тоску пустошью, застрявшей где-то посередине между полем и болотом, непригодной для земледелия и сражающей наповал резким запахом серы. Ее

прозвали Ночным Горшком, и это место определенно было не из тех, что воспевают в балладах. Здесь негде было укрыться, и почва совсем не подходила для маршей, поэтому его пехота была уже в грязи по самые икры. Но он сомневался, что эта грязь способна остановить фьерданские танки.

Для командиров Николая построили деревянные платформы и башенки для лучшего обзора поля боя, замаскировав их за чахлыми кустиками и низкими искореженными деревцами, которыми славился Ночной Горшок.

Солнце едва успело показаться над горизонтом. С севера до Николая долетал бурчащий звук, словно какое-то гигантское чудище откашливалось, – фьерданские военные машины заводили свои двигатели. На горизонте возникли столбы черного дыма, целый лес, предвестник грядущего вторжения.

Танки, грохочущие словно гром, перевалили через линию горизонта, напоминая при этом выползающих прямо из грязи монстров с тускло поблескивающими серыми панцирями и громадными лапами-гусеницами, пожиравшими землю ярд за ярдом. Зрелище было обескураживающим, но если бы не Нина, их чудесный термит, прогрызший себе путь прямо в сердце фьерданского правительства, Равка даже не знала бы об их появлении.

В сообщении Нины были указаны две точки, в которые враг собирался нанести внезапный удар. Равке едва хватило времени, чтобы мобилизовать все силы и создать подобие защиты.

Николай предпочел бы встретить врага в чистом поле, под развернутыми знаменами, с выстроившимися в ряд войсками. Демонстрация силы. Это было бы проявлением истинной доблести, храбрости. Но Николай решил, что его солдат больше интересует возможность выжить, нежели падение смертью храбрых под градом фьерданских пуль, и сам их в этом поддерживал.

– Думаешь, они знают? – спросил Толя, глядя в бинокль, в его огромных руках казавшийся детской игрушкой.

Тамара покачала головой.

– Если бы знали, они бы стояли очень-очень тихо.

Бум. Первый взрыв эхом разнесся над пустошью, казалось, сотрясая землю, на которой они стояли.

Беззвучный сигнал прошел по рядам – *удерживать позиции.*

Еще один взрыв разорвал воздух неподалеку. Еще. И еще.

Но это были не выстрелы танковых орудий. Это были мины.

Первый фьерданский танк вспыхнул. Второй опрокинулся набок, и теперь его гусеницы беспомощно вращались. *Бум.* Следующий обратился в столб огня, в тот момент, когда водитель и экипаж пытались выбраться.

Фьерданцы полагали, что их танки прокатятся по пустоши, что их атака будет быстрой и решительной, что у равкианцев не будет ни малейшей возможности создать даже видимость отпора. Они бы заняли ключевые города на севере и передвинули линию фронта на юг, пока войска Николая собирались, чтобы встретиться с ними на поле боя.

Именно так все бы и вышло – если бы не предупреждение Нины Зеник. За несколько часов до рассвета фьерданские бомбы начали падать на равкианские военные базы – места, в которых, по их мнению, располагались равкианские флайеры, фабрика боеприпасов, верфь. С верфью Николай сделать ничего не успел; просто не хватило времени. Но из всех остальных точек флайеры и воздушные суда, а также все без исключения работники были перемещены в безопасные места.

И пока фьерданцы обрушивали град бомб, особые солдаты Николая, нулевые гриши и военные Первой армии, работающие вместе, – тенями перемещались вокруг Нежек и Уленска, под покровом ночи размещая противотанковые мины, чудовищный сюрприз для врага,

уверенного, что не встретит ни малейшего сопротивления. Расположение мин тщательнейшим образом наносилось на карты. Николай надеялся, что когда-нибудь они все-таки смогут назвать фьерданцев друзьями, и не хотел, чтобы их общая граница стала запретной зоной.

Поле битвы представляло собой мрачную картину: чад и грязь, фьерданские танки, превратившиеся в груду покореженного, дымящегося металла. Но мины лишь замедлили врага, не сумев остановить его. Танки, уцелевшие после взрывов, бросились вперед.

– Надеть маски! – Он услышал, как приказ от командира к командиру идет по рядам бойцов Первой и Второй армий. У них были все основания полагать, что приближающиеся танки будут стрелять не минами, а снарядами, заряженными *юрда-паремом*, газом, который мог убить обычного человека и мгновенно вызывал зависимость у гриша. – Приготовиться к атаке!

Николай поднял глаза к небу. Там, в вышине, равкианские флайеры патрулировали облака, чтобы убедиться, что фьерданцы не станут бомбить их войска с воздуха, и использовать любую возможность прорвать линии противника. Равкианские флайеры были легче и маневреннее. Если бы только у них были деньги на то, чтобы сконструировать больше машин.

– Держать позиции! – крикнул Адрик. – Пусть сами идут к нам.

– За Равку! – взревел Николай.

– За двуглавого орла! – донесся в ответ слаженный крик сотен солдат.

Фьерданские войска, вооруженные винтовками, следовали за танками, сумевшими преодолеть минное поле и теперь прокладывавшими тропу в дыму. Их встречали равкианские солдаты, бьющиеся бок о бок с гришами.

Николай понимал, что королю нельзя оставаться на передовой, но также понимал, что не сможет отступить в тыл, оставляя других в пламени битвы. Его офицеры по большей части когда-то были пехотинцами, простыми солдатами, честно заслужившими свои чины, а вместе с ними и уважение солдат. Среди них были и аристократы, но Николай не мог полностью положиться на них в опасных ситуациях. Старики вроде князя Керамзина сражались в войнах давно минувших дней и, хотя могли поделиться ценным опытом, отказались откликнуться на призыв. Дни их боевой славы остались в прошлом. Они выстроили себе дома и теперь хотели лишь полеживать в кровати, рассказывать истории о прежних битвах и победах да жаловаться на болезни и старые раны.

– По моей команде, – сказал он.

– Это ужасная идея, – мрачно заявил Адрик.

– У меня с избытком ужасных идей, – заверил его Николай. – Надо же их где-то воплощать.

Тамара коснулась своих топоров. Когда у нее закончатся пули, придет их время. Она подала знак своим сердцебитам. Надя предупредила своих шквальных.

– Вперед! – рявкнул Николай.

И они кинулись вперед, с головой погружаясь в битву. Шквальные, под прикрытием сердцебитов, смогли отбросить фьерданские танки. Отряд инфернов использовал догорающие обломки танков, чтобы создать стену огня – еще один барьер на пути у фьерданских войск.

Все равкианские солдаты носили специальные маски, созданные фабрикаторами и защищающие их от *юрда-парема.* Этот наркотик все изменил, сделал гришей настолько уязвимыми, как никогда прежде, но они отказывались считать эти маски знаком своей слабости и бессилия. Они разрисовали их клыками, извивающимися языками, скалящимися пастями. В своих боевых *кафтанах* они походили на фантастических чудищ, наводнивших поле боя.

Николай бежал пригнувшись, чувствуя, как бьет по ушам грохот ружейных выстрелов. Он стрелял снова и снова, видел, как падают люди вокруг. Демон внутри него чуял хаос и стремился наружу, требуя крови. Но, пусть *обисбайя* и не освободила Николая от твари, однако

позволила намного лучше ее контролировать. Сейчас он должен быть хладнокровным стратегом, а не жаждущим крови монстром.

Толя вскинул руки, сжал кулаки, и фьерданские солдаты попадали замертво со взорванными сердцами.

Николай ощутил слабый отблеск надежды. Если в арсенале Фьерды были только танки и пехота, то у Равки был шанс выстоять. Но стоило ему увидеть громадную машину, с грохотом выползающую на поле, и он понял, что у фьерданцев огромный запас ужасающих изобретений. Это был не танк. Это была повозка. Огромные гусеницы взрывали грязь и слякоть, рев двигателя сотрясал воздух, выплевывая столбы дыма в серое небо. Мина взорвалась под одной из чудовищных гусениц, но машина просто поехала дальше.

Николай посмотрел на запад. Добилась ли Зоя успеха в своей миссии? Придет ли помощь?

Это был ключевой момент. Здесь и сейчас решалось, появится ли у Равки шанс или Фьерда прорвется сквозь границу, как ледяной ураган. Если они провалят это испытание, враг поймет, в каком тяжелом положении оказалась Равка, без денег и почти без сил. А победа, пусть даже шаткая, поможет выиграть время, в котором его страна так отчаянно нуждается. Но для этого им потребуется подмога.

– Они не придут, – сказал Толя.

– Придут, – возразил Николай. *Они должны.*

– Мы дали им все, что они хотели. Зачем им приходить?

– Потому что договор должен значить хоть что-то, иначе зачем мы все здесь?

Раздался высокий металлический визг, обозначивший остановку чудовищного транспортера, и его гигантские металлические двери распахнулись, словно пасть древнего чудища.

Когда пыль улеглась, из транспортера потянулась цепочка солдат. Но на них не было формы, лишь какие-то лохмотья, а некоторые были босыми. Николай в ту же секунду понял, кто это: гриши, подсаженные на *парем.* Их тела были истощены, а головы клонились вниз, словно увядшие цветы на тонких стеблях. Но все это не будет иметь никакого значения, стоит им получить дозу наркотика. Он увидел, как облако газа, выпущенное из трубок где-то внутри транспортера, окутывает гришей. Внезапно они вытянулись по стойке смирно.

Этого момента Николай с ужасом ждал и именно его отчаянно надеялся предотвратить.

Трое получивших дозу гришей бросились вперед.

– Ложись! – взревел Николай. Земля перед вражескими гришами поднялась приливной волной, взрывая мины, опрокидывая танки. Равкианских солдат раскидало в стороны и накрыло грязью и камнями.

– Шквальные! – скомандовала Надя своим войскам, и они с Адриком вскочили на ноги, объединяя силы, чтобы расчистить завалы из земли и камня, освободить своих товарищей.

И тут Надя замерла.

– Амелия! – воскликнула она. Ветер, призванный ею, стих. Она уставилась на одну из одурманенных гришей, худенькую девушку с каштановыми волосами, в выцветшем комбинезоне и ботинках, явно слишком тяжелых для похожих на палочки ног.

– Святые, – выдохнула Тамара. – Она фабрикатор. Пропала во время миссии неподалеку от Черности.

Николай вспомнил. Надя работала с ней вместе до того, как ее пленили.

Тамара схватила Надю за плечо, потянув назад.

– Ты сейчас ей ничем не поможешь.

– Я должна попытаться!

Но Тамара не разжала руку.

– Она считай что мертва. Я скорее топор ей в голову кину, чем позволю тебе сунуться в эту ловушку.

Амелия, вместе с прочими одурманенными фабрикаторами, вскинула руки, намереваясь вызвать еще одно землетрясение.

– Они у меня на мушке, – сказал Толя, вскинув ружье.

– Постой, – велел Николай. Он снова посмотрел на запад с надеждой – ведь им оставалось лишь надеяться.

– Стреляй, черт тебя подери! – процедил Адрик.

Надя сбила его с ног порывом ветра.

– Они не смогут заставить нас убивать наших друзей, таких же, как мы! Мы делаем работу фьерданцев за них.

– Это уже не наши друзья, – отрезал Адрик. – Они призраки, не сумевшие уйти в лучший мир, проклятые, отчаявшиеся и жаждущие крови.

Николай дал знак второй волне атакующих приготовиться, в то время как их флайеры старались подобраться к фьерданским позициям достаточно близко, чтобы обстрелять транспортер и самим не попасть под перекрестный огонь.

И тут он услышал его, звук, напоминающий мерное *тум-тум-тум*, словно биение сердца, слишком ровное для громовых раскатов.

Все головы повернулись на восток, к небу, в котором три огромных дирижабля – больше, чем любые другие воздухоплавающие машины, виденные Николаем прежде, – показались из-за облаков. На их корпусах не было керчийской летающей рыбы. Там горели оранжевые звезды земенского морского флага.

– Они пришли, – выдохнул Николай. – Думаю, ты задолжал мне извинения.

Толя нахмурился.

– Признай, что ты тоже в этом сомневался.

– Я надеялся. Надежда – совсем не то же самое, что сомнения.

Николай знал, что дипломатические переговоры Зои с керчийцами заранее обречены на провал. Знала это и она сама. Керчийцы всегда руководствовались только выгодой и наверняка собирались держать нейтралитет. Но Равке необходимо было изобразить просьбу – причем весьма отчаянную – о помощи. Нужно было убедить керчийских и фьерданских шпионов, что у них нет союзников.

За несколько месяцев до этого Николай отдал керчийцам именно то, что они требовали: планы постройки и вооружения *моросеев*, подводных кораблей, которые можно было использовать, чтобы нанести удар по морской торговле земенцев, уничтожив их флот. Керчийцы именно так и поступили. Но они и понятия не имели, что на тех кораблях, которые они с таким успехом уничтожили, не было ни людей, ни груза. Это были корабли-призраки, приманка, отправленная в море, чтобы подарить керчийцам иллюзию успеха, в то время как земенцы переместили свои торговые пути в небо с помощью равкианских технологий постройки дирижаблей.

Керчия могла оставить себе море. Ведь у земенцев были небеса. Равка сдержала слово, отдав Керчии именно то, что та требовала, но не то, что ей было нужно. Этот урок Николай получил от своего собственного демона.

– Керчийцы придут в ярость, когда все узнают, – сказала Тамара.

– Делать людей счастливыми не входит в обязанности королей, – ответил Николай. – Вот будь я булочником или кукловодом…

Пока они смотрели, в днищах кораблей распахнулись люки, и оттуда плотным облаком вылетел серовато-зеленый порошок.

– Шквальные! – рявкнула Нина, лицо которой теперь сияло, а по щекам струились слезы. И равкианские флайеры в воздухе, и гриши на земле в едином порыве направили порошковый антидот на полк одурманенных гришей.

Антидот покрывал их фигуры, как толстый слой изморози, и Николай увидел, как они изумленно поднимают руки к лицу. Затем они подняли лица к небу, глубоко вдыхая поро-

шок. Сейчас они были похожи на детей, впервые попавших на магическое представление. Они открывали рты, высовывали языки. Он видел, как они поворачиваются друг к другу, словно очнувшись от кошмара.

– К нам! – скомандовала Тамара, как только они с Толей двинулись вперед, стрельбой прикрывая пленных гришей.

Рука в руке, истощенные гриши ковыляли к равкианским линиям, к дому и свободе.

Фьерданские офицеры приказали солдатам открыть огонь по уходящим гришам, но флайеры Николая были начеку. Они начали обстрел фьерданских линий, заставив неприятеля спешно искать укрытие.

Равкианские гриши и солдаты двинулись навстречу, готовые подхватить своих измученных друзей. Те и в самом деле напоминали призраков, странных духов, покрытых серебристой пылью.

– Ваше величество? – пораженно окликнула Амелия, когда Николай перекинул ее руку себе на плечи. Ее ресницы покрывал слой порошка, зрачки были расширены.

Николай видел, как повсюду фьерданцы ломают строй под напором смуты, вызванной прибытием земенцев. Небеса кишели земенскими и равкианскими флайерами. Фьерда лишилась своих гришей-убийц, и половина фьерданских танков лежала на поле боя дымящимися обломками.

Николай, в числе прочих, спешно миновал поле, ведя с собой бывших пленников. Он передал Амелию целителю, а затем потребовал лошадь и крикнул Толе:

– Идем!

Ему хотелось увидеть всю картину с воздуха. Добравшись до взлетной полосы, они запрыгнули во флайер. Мотор взревел, и они рванули ввысь.

Вид сверху одновременно дарил надежду и ужасал. Фьерданские линии были смяты, они отступали, но какой бы короткой ни была битва – даже не битва, скорее, стычка, – ущерб потрясал. Котлован, полный грязи, вырытый гришами-фабрикаторами, воронки от мин и борозды от гусениц, изуродовавшие землю. Тела, лежащие в грязи: фьерданцы, равкианцы, гриши в ярких *кафтанах*, хрупкие истощенные пленники, не сумевшие перейти поле.

И это было лишь началом.

– Это будет совсем другая война, да? – тихо спросил Толя.

– Если мы ее не остановим, – ответил Николай, глядя на отступление фьерданцев.

Крошечная победа не решила проблем с его происхождением, не наполнила казну и не увеличила число солдат в их армии, но, по меньшей мере, заставила фьерданцев перегруппироваться. Равке было не под силу усеять всю северную границу минами. Но фьерданцы этого не знали наверняка, поэтому им придется потратить драгоценное время на то, чтобы найти новые потенциальные места вторжения. Они больше не могли полагаться на *парем*, как на оружие против равкианских гришей. И самое важное – земенцы показали, что Равка не осталась одна. Фьерданцы хотели сыграть быстро и грязно. Этот день показал им, какой на самом деле будет их война. *Посмотрим, что ваша страна скажет о сражениях теперь, когда и ее солдатам пришлось пролить кровь.*

Николай аккуратно посадил свой флайер на летную площадку самого большого воздушного корабля, резко останавливая машину, тормоза которой натужно скрипнули.

Калем Керко тут же подошел поприветствовать их с Толей. На нем был синий комбинезон, короткие волосы завивались.

– Ваше величество, – произнес он, коротко поклонившись.

Николай хлопнул Керко по спине.

– Давайте без церемоний. – Он проходил обучение в семье Керко, когда знакомился с оружейным искусством, и поэтому был ничуть не удивлен тому, как земенцам удалось улучшить равкианские корабли. – Вы только что спасли наши задницы.

– Вы подарили нам небо, – сказал Керко. – Мы по меньшей мере постараемся помочь вам сохранить эту несчастную страну. Вы будете преследовать фьерданцев? Они бегут.

– Нам это не по силам. Пока нет. Но вы дали нам драгоценное время.

– Мы проводим вас до Полизной.

– Запас антидота? – спросил Николай.

Керко указал на стену из тюков, похожих на мешки с зерном.

– Можете сказать, что вы рассчитывали на большее. Меня это не обидит. Выражение лица вашего солдата говорит само за себя.

– Толя всегда так выглядит. Кроме тех моментов, когда читает стихи, но тогда так выглядят окружающие. – Николай посчитал тюки с антидотом и вздохнул. – Но вы правы, мы надеялись на большее.

– *Парем* довольно легко приготовить, если удастся вывести формулу. А антидот? – Керко пожал плечами. – На него требуется слишком много сырой *юрды.* Возможно, ваши фабрикаторы найдут новый способ обработки сырья.

Формула была разработана Давидом Костюком, самым талантливым субстанциалом Равки, работавшим вместе с Кювеем Юл-Бо, сыном человека, который изобрел *парем.* Но идея пришла из места произрастания *юрды*, Нового Зема, от парнишки, выросшего на местной ферме. Он как-то сказал Кювею, что во время сбора урожая земенские матери наносили детям на губы и веки бальзам из сока стеблей *юрды*, чтобы защитить их от воздействия пыльцы.

– Требуется огромное количество сырья, чтобы изготовить антидот, – сказал Керко. – А хуже всего то, что, заготавливая стебли, мы опустошаем поля. Если мы продолжим давить на наших фермеров, они взбунтуются. И еще кое-что. Один из наших поставщиков рассказал о странном явлении на своих полях – пятне, возникшем словно из ниоткуда. Оно превратило два его пастбища в безжизненную пустошь, и животные, которые паслись там, тоже исчезли, как…

– Дым, – закончил за него Николай. Так, значит, вампир вонзил свои клыки и в Новый Зем.

– Так вы знаете, что это за чума? Наша страна сталкивается с подобным уже второй раз за два месяца. В Равке тоже происходило что-то подобное?

– Да, – признал Николай. – Одно пятно появилось рядом с Сикурском, а второе к югу от Ос Керво. Сейчас мы берем пробы почвы, проводим исследования. И сообщим вам, если что-нибудь обнаружим.

Но Николай и так знал, что они обнаружат – смерть. На этой почве больше ничего не будет расти. А если тлен продолжит распространяться, кто знает, где он появится в следующий раз и смогут ли его остановить? Одной мысли об этом было достаточно, чтобы разбудить демона внутри, словно тот узнал силу, создавшую его, в источнике этих бедствий.

– Это как-то связано с Каньоном? – спросил Керко.

Толя удивленно взглянул на него.

– Вы там бывали?

– После объединения. Я хотел увидеть все это собственными глазами. Проклятое место.

И снова это слово: *проклятое.*

– Связь есть, – подтвердил Николай. – Но мы пока не знаем какая. – Эта часть была правдой. А вот говорить Керко о том, что Дарклинг вернулся, Николай был пока не готов. – Я провожу вас до Полизной. Мы можем хранить запас антидота на базе.

– Керчия захочет отомстить, – предупредил Керко, когда они возвращались к флайеру. – Всем нам. Они найдут способ.

– Мы понимаем, – подтвердил Толя серьезно. – И понимаем, на какой риск вы пошли, придя нам на помощь.

Керко усмехнулся.

– Они решили напасть на наши корабли и наших моряков, даже не объявляя нам войну. Керчийцы никогда не были друзьями земенцам, так что пусть лучше знают, что мы все-таки не остались без союзников.

Они пожали руки, а затем Николай с Толей залезли во флайер.

– Николай, – окликнул Керко. – Положите конец этой войне, и как можно быстрее. Докажите, что этот Магнус Опьер – лжец, и прогоните самозванного наследника Ланцовых. Вы должны доказать, что вы не бастард и что достойны трона.

«Что ж, – подумал Николай, когда мотор флайера заработал и они взмыли в ослепляющую синь неба. – *Одно из двух тоже неплохо».*

7. Нина

Здравствуй, Нина.

Нина была опытным шпионом под прикрытием. Она выжила в борделях Кеттердама и водила дружбу с самыми отъявленными головорезами и мошенниками Бочки. Она встречала убийц всевозможных мастей, а бывало, и сама разговаривала с мертвецами. Но когда хранительница произнесла эти слова, ей показалось, что сердце вырвалось из груди и покатилось прямо к носам ее подбитых мехом тапочек.

Однако она просто улыбнулась.

– Мила, – поправила она вежливо. Перепутанное имя, невинная ошибка.

Хранительница подняла руку, и порыв ветра заставил заплясать пламя, отражение которого искрами вспыхнуло в ее глазах.

– Вы – гриш, – потрясенно прошептала Нина. – Шквальная.

– Лисы прячутся под землю зимой, – произнесла хранительница по-равкиански.

– Но не потому, что боятся холода, – ответила Нина.

Она тяжело рухнула на диванчик. Колени ослабли, а на глазах, к ее величайшему стыду, выступили слезы. Она так долго не говорила на родном языке.

– Наш добрый король шлет тебе свою благодарность и наилучшие пожелания. Он крайне признателен за сведения, которые тебе удалось добыть. Они спасли жизнь множеству равкианцев. И множеству фьерданцев тоже.

Нина чуть не разрыдалась от благодарности. Конечно, она встречалась со связными и агентами Рингсы, но вот чтобы поговорить с одним из соотечественников? Она не понимала, какую тяжесть носит в своем сердце.

– Вы правда из монастыря?

– Да, – подтвердила женщина. – Когда исчезла предыдущая хранительница, Тамара Кир-Батар воспользовалась возможностью посадить на это место своего человека. А я до этого работала под прикрытием в монастыре в Элбьене.

– Сколько вы уже так живете? Как фьерданка?

– Тринадцать лет. Несмотря на войны, смену королей, перевороты.

Тринадцать лет. Нина не могла такого даже представить.

– А вы никогда… вы скучаете по дому? – Спросив, она тут же поняла, какой это детский вопрос.

– Каждый день. Но у меня есть цель, так же, как и у тебя. Твоя кампания по пропаганде довольно дерзкая. Я вижу результаты собственными глазами. Девушки, находящиеся под моей опекой, тайком рассказывают друг другу истории о святых под покровом ночи.

– И их за это наказывают?

– О да, – подтвердила она со смехом. – Чем больше мы запрещаем говорить о святых, тем более пылко и решительно они нарушают запреты.

– Так, значит, у меня не будет проблем?

Она не следовала никакому приказу, когда отправилась вслед за Ханной в Ледовый Двор и начала ставить представления с чудесами. После спектакля, устроенного ей в Гефвалле, ее могли бы силой привезти назад в Равку и отдать под трибунал.

– Генерал Назяленская сказала, что ты непременно об этом спросишь, и велела ответить, что конечно же будут.

Нине пришлось подавить нервный смешок.

– Как она?

– Ужасающе компетентна.

– А Адрик? Леони?

– Теперь, когда они стали святыми, путь в шпионы для них закрыт, но Адрик командует отрядом шквальных, а Леони работает с Давидом Костюком и его фабрикаторами. Они внесли существенный вклад в работу над антидотом к *юрда-парему*.

– Так, значит, – сказала Нина, – они оба сейчас в Малом дворце.

Легкая улыбка тронула губы хранительницы.

– Я слышала, они частенько проводят время вместе. Но я здесь не для того, чтобы обменяться сплетнями или утешить тебя. У короля есть задание.

Нина оживилась. Она нарушила прямой приказ Адрика, отправившись в Ледовый Двор, чтобы найти себе место, откуда она сможет помочь гришам и Равке. Она старалась как могла, устраивая свои фальшивые чудеса; она подслушивала и использовала все имеющиеся в ее арсенале уловки, чтобы собрать побольше сведений и передать зашифрованным посланием все, что ей удавалось наскрести, о передвижении войск или разработке оружия. Но то, что Брум раскрыл места, с которых Фьерда намеревалась начать свое вторжение, было простой удачей, а не серьезным шпионажем.

– Слушай внимательно, – продолжила хранительница. – Времени у нас немного.

– Она хочет, чтобы ты сделала что? – прошептала Ханна, распахнув глаза цвета меди, стоило им вернуться в комнаты, а Нине рассказать ей о своем задании. – И кому я только что исповедалась?

– Шпионке-гришу. О чем ты ей рассказала?

– Сочинила что-то об излишней любви к сладкому и ругательствах в священные дни Джеля.

Нина рассмеялась.

– Идеально.

– Вовсе нет, – возразила Ханна, поморщившись. – Что, если бы я рассказала ей что-то личное о… чем-угодно?

– Например?

– Так, ничего, – ответила Ханна, покраснев. – Так что она хочет, чтобы ты сделала?

Распоряжения хранительницы были просты и понятны, но Нина даже представления не имела, как подступиться к их выполнению.

– Выяснить, где хранятся письма от Татьяны Ланцовой.

– Эта часть не так уж и плоха.

– И подобраться поближе к фальшивому Ланцову, – продолжила Нина. – Выяснить, кто он на самом деле, и, если получится, дискредитировать его.

Ханна прикусила губу. Они устроились на ее кровати с горячим чаем и тарелкой печенья.

– А не могли бы мы просто… ну, не могла бы ты просто устранить его?

Нина рассмеялась.

– Полегче. Это я здесь безжалостная убийца, а ты – голос разума, не забыла?

– Полагаю, мои слова в высшей степени разумны. Король Равки на самом деле бастард?

– Я не знаю, – медленно, словно раздумывая, призналась Нина. – Но, если фьерданцы это докажут, я сомневаюсь, что ему удастся удержать трон. В тяжелые времена люди, как правило, сильнее тяготеют к традициям и суевериям. – Гришей королевская кровь волновала меньше, но даже Нину с детства растили с мыслью о том, что Ланцовы избраны свыше, чтобы управлять Равкой.

– А Вадик Демидов? – спросила Ханна. – Самозванец?

– Его смерть не вернет Николаю статус законнорожденного. А вот если мальчишку выставить лжецом, это заставит сомневаться во всей ситуации, да и во всех словах фьерданского правительства. Вот только… как, предположительно, мы должны это сделать?

Брум весьма тесно общался с королевской семьей Фьерды и, вероятно, с Демидовым, но Нина и Ханна видели их лишь издали. Брумы время от времени ужинали с высшими армей-

скими чинами и военными министрами, и Ильва иногда отправлялась играть в карты с аристократками из дворца. Но всему этому было весьма далеко до встреч с нужными людьми, у которых можно было выудить сведения о фальшивом Ланцове.

Ханна встала и медленно прошлась по комнате. Нине нравилось, какой Ханна становилась, когда они оставались наедине. Рядом с родителями в ней чувствовалось напряжение, неуверенность, словно она по нескольку раз обдумывала каждое слово, каждый жест. Но стоило им остаться вдвоем за закрытой дверью, и Ханна становилась той самой девушкой, которую Нина когда-то встретила в лесах, с легкой, уверенной походкой и прямыми, словно сбросившими с себя груз плечами. Теперь ровные белые зубки Ханны терзали нижнюю губу, и Нина поймала себя на том, что рассматривает ее, как произведение искусства.

Ханна, похоже, пришла к какому-то решению. Она стремительно направилась к двери и открыла ее.

– Что ты задумала? – спросила Нина.

– У меня есть идея.

– Это я поняла, но…

– Мама? – крикнула Ханна вглубь коридора.

Ильва появилась мгновением позже. Она уже расплела косы, и ее волосы спускались на спину густой рыжевато-каштановой волной, но было видно, что она еще не ложилась, возможно, обсуждая с мужем визит хранительницы.

– В чем дело, Ханна? Почему ты еще не спишь?

Ханна пригласила мать войти, и Ильва присела на край кровати.

– Визит матери-хранительницы заставил меня задуматься.

Брови Нины удивленно приподнялись. *Ох, да неужели?*

– Я хочу участвовать в *Йерянике*.

– Что? – воскликнули Ильва и Нина в один голос.

Йеряник означал «сердцевину» и совпадал с зимним праздником Винеткаллой, который только что начался. Название было связано со священным ясенем Джеля. Само событие брало начало из традиции представлять молодых девушек ко двору с тем, чтобы они могли найти себе подходящую партию. Идея с участием Ханны была просто великолепной. Таким образом они обе сразу оказывались втянуты в шестинедельный водоворот различных событий при дворе, а это давало потенциальную возможность встретить тех самых людей, которые помогут подобраться к Вадику Демидову. Но Нина думала… Она сама не знала, о чем думала… Мысль о том, что за Ханной будет ухаживать толпа знатных фьерданцев, вызывала у нее желание что-нибудь пнуть.

– Ханна, – осторожно начала Ильва. – К этому вопросу нельзя подходить так легкомысленно. Предполагается, что ты выйдешь замуж по окончании Сердцевины. Ты никогда прежде не изъявляла такого желания. Почему именно сейчас?

– Мне пора задуматься о своем будущем. Визит матери-хранительницы… Он напомнил мне о том, какой дикой я была. Я хочу доказать вам с отцом, что все это осталось в прошлом.

– Тебе не нужно ничего доказывать нам, Ханна.

– Я думала, тебе хотелось, чтобы я присоединилась ко двору? Чтобы нашла мужа?

Ильва замялась.

– Пожалуйста, не делай этого, чтобы порадовать нас. Я не могу вынести мысли о том, что ты будешь несчастлива.

Ханна села рядом с матерью.

– А какие варианты у меня еще есть, мама? Я не вернусь в монастырь.

– Я отложила немного денег. Ты могла бы отправиться на север, к хедьютам. У нас там есть родственники. Я знаю, что ты не сможешь быть счастлива, если окажешься запертой в Ледовом Дворе.

– Папа тебе этого никогда не простит, а я не хочу знать, что тебя наказывают из-за меня. – Ханна сделала глубокий вдох. – Я хочу этого. Я хочу жить жизнью, в которой каждому из нас найдется место.

– Я тоже этого хочу, – сказала Ильва. Ее голос упал до шепота, и она обняла дочь.

– Отлично, – подытожила Ханна. – Тогда все решено.

Нина все еще не знала, что и думать.

– Ханна, – начала она, едва Ильва ушла, – участие в ритуале Сердцевины накладывает обязательства. Если кто-то тебе сделает достойное предложение, тебя заставят его принять.

– А кто сказал, что я получу хоть одно достойное предложение? – возразила Ханна, поерзав под одеялом.

Предложение должно быть сделано мужчиной равного с ней положения, способным достойно обеспечить Ханну и получившим одобрение ее отца.

– А что, если получишь? – спросила Нина.

Ханна не хотела такой жизни. А может, это Нине казалось, что она не хочет. Может, это Нине не хотелось такой жизни для нее.

– Я точно не знаю, – ответила Ханна. – Но если мы собираемся помочь твоему королю и остановить войну, это единственный подходящий способ.

Подготовка началась следующим же утром с череды занятий и примерок. Нина все еще не была уверена, что это правильный выбор, но, если быть до конца откровенной с самой собой, вся эта суматоха вокруг подготовки к Сердцевине оказалась возмутительно, ужасающе… забавной. Ее огорчало, насколько легко получилось с головой уйти в выбор новых нарядов и туфель для Ханны, погрузиться в уроки танцев и обсуждение тех, с кем им доведется встретиться на Представлении Дев, первом событии *Йеряника*, где все многообещающие молодые леди будут представлены королевской семье.

Какая-то часть Нины отчаянно скучала по всему этому легкомыслию. В последние два года в ее жизни было слишком много печали – борьба с зависимостью, потеря Матиаса, длинные, одинокие месяцы в Равке, где она пыталась справиться со своим горем, а затем жизнь среди врагов, в постоянном страхе. Иногда она задумывалась, не совершила ли ошибку, покинув своих друзей в Кеттердаме. Она скучала по спокойствию Инеж, по уверенности, что ей можно рассказать все что угодно, без страха осуждения. Она скучала по весельчаку Джесперу и по милашке Уайлену. Она успела соскучиться даже по безжалостности Каза. Святые, каким облегчением было бы свалить весь этот хаос на чертова подонка из Бочки. Он бы разузнал все о происхождении Вадика Демидова, ограбил фьерданскую сокровищницу и занял бы трон раньше, чем она успела накрутить дурацкие косы на голове. Но, если хорошо подумать, возможно, лучше бы Казу здесь не появляться.

– Ты наслаждаешься всем этим, правда? – спросила Ханна, сидевшая за их общим туалетным столиком, пока Нина наносила сладкое миндальное масло, чтобы завить короткие волосы подруги блестящими золотистыми, рыжими, каштановыми локонами. Цвет, который она никогда не могла определить.

– А если и так?

– Наверное, я завидую. Мне бы тоже хотелось.

Нина попыталась поймать ее взгляд в зеркале, но Ханна не поднимала глаз от целого батальона притирок, лосьонов и пудрениц на столике.

– Это была твоя идея, помнишь?

– Да, но я забыла, как сильно все это ненавижу.

– Что тут ненавидеть? – удивилась Нина. – Шелк, бархат, драгоценности.

– Тебе легко говорить. А я чувствую себя еще более *неправильной*, чем обычно.

Нина не могла поверить в то, что услышала. Она вытерла руки от масла, а затем присела на скамью.

– Ты больше не неловкая маленькая девочка, Ханна. Почему ты не видишь, какой великолепной девушкой ты стала?

Ханна взяла в руки одну из маленьких баночек с блеском.

– Ты не понимаешь.

– Не понимаю. – Нина забрала баночку из ее пальцев и развернула Ханну к себе. – Закрой глаза. – Ханна послушалась, и Нина нанесла крем сначала ей на веки, а потом и на скулы. Он придавал коже легкий перламутровый блеск, отчего казалось, что Ханна облита солнечным светом.

– Знаешь, когда я единственный раз почувствовала себя красивой? – спросила Ханна, по-прежнему не открывая глаз.

– Когда?

– Когда перекроила себя, чтобы стать похожей на солдата. Когда мы обрезали мои волосы.

Нина сменила блеск на баночку с розовым бальзамом.

– Но ты не выглядела как *ты*.

Глаза Ханны распахнулись.

– Нет, выглядела. Первый раз. Единственный раз.

Нина макнула большой палец в бальзам и нанесла его на нижнюю губу Ханны, плавными движениями распределяя по нежному рту.

– Знаешь, я ведь могу отрастить волосы, – призналась Ханна и провела рукой по одной стороне головы. Рыжевато-каштановый локон скользнул по уху девушки.

Нина уставилась на него.

– Ты – сильная портниха, Ханна.

– Я тренировалась. – Она вытащила из выдвижного ящичка маленькие ножницы и отрезала локон. – Но мне нравится, какие они сейчас.

– Тогда оставь все как есть. – Нина забрала ножницы у Ханны, скользнув пальцем по ее костяшкам. – В брюках, в платьях, с обрезанными волосами или с косами до пояса, ты никогда не сможешь стать некрасивой.

– Ты правда так считаешь?

– Правда.

– Я никогда не видела твоего настоящего лица, – сказала Ханна, вглядываясь в Нинины черты. – Ты скучаешь по нему?

Нина не была уверена, что ей ответить. Долгое время она вздрагивала каждый раз, видя себя в зеркале, замечая бледно-голубые глаза, шелковистый водопад прямых светлых волос. Но чем дольше она изображала Милу, тем легче ей это давалось, так, что иногда ее это даже пугало. *Кем я буду, когда вернусь в Равку? Кто я сейчас?*

– Я начинаю забывать, как выглядела, – сказала она. – Но можешь поверить, я была великолепна.

Ханна взяла ее за руку.

– Ты такая и есть.

Дверь распахнулась, и влетела Ильва в сопровождении горничных, заваленных платьями.

Ханна и Нина вскочили со скамьи, глядя, как горничные сваливают груды шелка и кружева на кровать.

– О, Мила, ты творишь чудеса! – воскликнула Ильва, увидев сияющие щеки Ханны. – Она похожа на принцессу.

Ханна улыбнулась, но Нина заметила, как сжались ее кулаки. *Во что же мы себя втянули?* Праздник Сердцевины мог принести им все, чего они хотели, – доступ к Вадику Демидову, шанс обнаружить любовные письма королевы Татьяны. Но то, что на первый взгляд

казалось прямой дорогой, теперь все сильнее напоминало лабиринт. Нина подняла янтарный завиток, который Ханна уронила на столик, и сунула его в свой карман. «*Что бы ни случилось, я найду выход,* – поклялась она. – *Для нас обеих*».

Представление Дев проходило в главной бальной зале дворца, расположенной совсем недалеко от их апартаментов на Белом острове. Нина уже бывала здесь, правда, в другой личине, под видом девушки из пресловутого «Зверинца». Дело было во время Ринг-каллы, шумной вечеринки, полной всевозможных увеселений. Сегодняшнее мероприятие было намного более сдержанным. Знатные семьи заняли все альковы[3]. Длинный светло-серый ковер протянулся через всю залу к гигантскому фонтану в форме двух танцующих волков, а затем взбегал на помост, где разместилась королевская семья. Собравшиеся там Гримьеры походили на коллекцию прекрасных кукол – все светловолосые, голубоглазые и изящные. Они любили заявлять о наличии хедьютской крови, и свидетельством тому могли служить смуглая теплота кожи короля и густые кудри младшего принца. Мальчик дергал мать за изящную руку, а она смеялась над его проделками. Он имел здоровый и цветущий вид. О наследном принце сказать того же было нельзя. Принц Расмус, долговязый и болезненный, казался почти зеленым на фоне алебастрового трона, на котором сидел подле отца.

Из высокого островерхого окна Нина видела окружавший Белый остров блестящий ров, покрытый тонкой корочкой льда. Сам ров опоясывал круг зданий – посольский сектор, тюремный сектор и сектор *дрюскелей,* – все защищенные предположительно неприступной стеной Ледового Двора. Говорили, что столица строилась в виде колец священного ясеня Джеля, но Нина предпочитала смотреть на нее глазами Каза: как на круги мишени.

Девушки, участвующие в Сердцевине, собрались со своими родителями в задней части залы.

– Они все на меня глазеют, – заявила Ханна. – Я слишком стара для всего этого.

– Нет, ничего подобного, – возразила Нина. Сказать по правде, большинство девушек действительно казались на пару лет моложе и совершенно точно все они были ниже.

– Я похожа на великаншу.

– Ты похожа на королеву-воительницу Джамелию, спустившуюся со льдов. А все эти девочки с их жеманными улыбками и блондинистыми кудряшками похожи на недопеченный пудинг.

Ильва рассмеялась.

– Мила, какие недобрые слова.

– Вы правы, – согласилась Нина, а затем едва слышно продолжила: – Зато точные.

– Ханна? – Миловидная девушка в бледно-розовом платье, с огромными бриллиантами, подошла к ним. – Не знаю, помнишь ли ты меня. Я была в монастыре два года назад.

– Брина! Конечно, я помню, но я думала… Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь найти мужа. Я путешествовала со своей семьей с тех пор, как покинула монастырь, поэтому чуть опоздала со всем этим.

Ильва улыбнулась.

– Тогда вы можете быть опоздавшими вместе. Сейчас мы вас оставим, но будем ждать после церемонии.

Нина подмигнула Ханне, а затем они с Ильвой присоединились к Бруму, который беседовал с каким-то генералом и пожилым *дрюскелем* по имени Редвин, который учился с Брумом в молодости. Это был злобный сухарь без чувства юмора, и его попытки изображать горькое смирение бесконечно веселили Нину. Она наслаждалась, ведя себя при нем как можно более нелепо.

---

[3] Альков – углубление, ниша в комнате или другом помещении.

– Разве все это не великолепно, Редвин? – воскликнула она восторженно.

– Если вы так считаете.

– Разве они все не прелестны?

– Я не заметил.

Было похоже, что он с радостью кинулся бы с обрыва, лишь бы не проводить с ней лишней минуты. Девушкам следует развлекаться при любой возможности.

Брум передал Нине бокал с тошнотворно сладким пуншем. Если его и беспокоило поражение фьерданцев под Нежками и Уленском, он умело это скрывал. «*Было бы здорово пристрелить лису на первой же охоте*, – заявил он, вернувшись с фронта. – *Но зато теперь мы знаем, на что способны равкианские войска. В следующий раз они не успеют подготовиться».*

Нина тогда лишь улыбнулась, кивнула и подумала про себя: *«Посмотрим».*

– Трудно, наверное, наблюдать, как другие женщины разгуливают в шелках и купаются во внимании? – спросил Брум низким, напрягающе-интимным тоном.

– Нет, если речь о Ханне. – Прозвучало немного резко, и она почувствовала, как напрягся стоящий рядом Брум. Нина прикусила язык. Иногда покорность давалась ей труднее, чем обычно. – Она – добрая душа и заслуживает всех радостей и удовольствий. К тому же, вся эта роскошь не предназначена таким, как я.

Брум расслабился.

– Ты к себе несправедлива. Ты была бы очень хороша в шелке цвета слоновой кости.

Нина пожалела, что не может покраснеть по команде. Ей пришлось ограничиться робким смешком и потупленным взглядом.

– Дворцовая мода намного больше подходит фигуре Ханны.

Нина ожидала, что Брум отмахнется от разговоров о моде, но вместо этого сальный блеск в его глазах сменился расчетливым выражением.

– Ты не ошибаешься. Ханна расцвела под твоей опекой. Я и не думал, что она может составить приличную партию, но ты все изменила.

У Нины внутри все сжалось. Возможно, она *действительно* ревновала. При мысли о Ханне, просватанной за какого-нибудь знатного отпрыска или военного, у нее желудок узлом завязывался. Но что, если Ханна сможет быть здесь счастлива? Счастлива рядом с семьей, рядом с любящим мужем? Что, если она наконец-то получит одобрение, которого так жаждала? Кроме того, вряд ли у них с Ниной может быть какое-то общее будущее, раз уж Нина собирается всеми правдами и неправдами прикончить ее отца.

– У тебя такое свирепое лицо, – заметил Брум, усмехаясь. – Куда унесли тебя твои мысли?

К твоему непрерывному унижению и скорой смерти.

– Надеюсь, она найдет кого-нибудь достойного ее. Я желаю Ханне только лучшего.

– Как и мы. И нам, пожалуй, следует заказать пару новых платьев и для тебя.

– О, нет, не нужно!

– Я так хочу. Станешь со мной спорить?

«*Я бы столкнула тебя в море и сплясала джигу, пока ты тонешь».* Но Нина подняла на него глаза, широко распахнутые и блестящие глаза молодой женщины, польщенной вниманием, которое ей оказывает великий человек.

– Никогда, – выдохнула она.

Глаза Брума неспешно прогулялись по ее лицу, шее и опустились ниже.

– Возможно, мода и отдает предпочтение стройным, но мужчин мало заботит мода.

Нине захотелось немедленно вылезти прочь из этого тела, но она уже знала правила игры. Брума не интересовала красота или желанность. Его волновала только власть. Мысль о том, что она – его жертва, замершая под его взглядом, как замирает безобидный зверек под лапой волка, приводила его в возбуждение. Ему доставляло удовольствие предлагать Миле подарки, которые она не могла себе позволить воображать ее благодарность.

Так почему бы не позволить ему это? Все что угодно, чтобы добыть сведения о Вадике Демидове, помочь гришам, освободить свою страну. Расплата не за горами. Она не собиралась прощать Бруму его преступления, особенно учитывая, что он стремился совершать новые. Какими бы ни были ее чувства к Ханне, она намеревалась увидеть Брума мертвым и сомневалась, что Ханна сможет простить ей это. Пропасть была слишком велика. У шуханцев было выражение, которое ей всегда нравилось: *Yuyeh sesh.* Презирай свое сердце. Она будет делать то, что должна.

– Вы слишком добры ко мне, – льстиво сказала она. – Я этого не заслуживаю.

– Позволь мне самому судить об этом.

– Начинается! – радостно воскликнула Ильва, совершенно не подозревая об авансах, которые ее муж раздает в каком-то ярде от нее. Но так ли это? Может быть, она просто радуется, что Брум обратил своем внимание в другую сторону. А может быть, она так долго смотрела на поступки мужа сквозь пальцы, что это давно стало привычкой.

Нину ее вмешательство обрадовало. Благодаря этому у нее появился шанс рассмотреть толпу в бальной зале, пока девушки, одна за другой, подходили к фонтану в центре, где их встречал наследный принц. Принц Расмус был среднего для фьерданца роста, с золотыми длинными волосами, но его худоба, вместе с угловатым, остроскулым лицом, производили жутковатое впечатление. Ему лишь недавно исполнилось восемнадцать, но хрупкое телосложение и неуверенность движений делали его похожим на подростка, на молодой саженец, еще не привыкший к тяжести своих ветвей.

– Принц болен? – тихо спросила Нина.

– С первого дня своей жизни, – с отвращением процедил Брум.

Редвин покачал седеющей головой.

– Гримьеры – род воинов. И лишь Джелю известно, как они породили такого слабака.

– Не говорите так, Редвин, – попросила Ильва. – Он перенес ужасную болезнь, будучи совсем ребенком. То, что он выжил, – настоящее чудо.

На лице Брума застыло непреклонное выражение.

– Было бы большим милосердием дать ему умереть.

– Вы пошли бы за этим мальчишкой в бой? – спросил Редвин.

– Нам, возможно, придется, – ответил Брум. – Когда старый король упокоится с миром.

Но от Нины не укрылся взгляд, которым он обменялся со своим боевым *товарищем.* Мог ли Брум подумывать о заговоре против принца?

Пытаясь скрыть свой интерес, Нина обратила все внимание на процессию девушек. Когда каждая из них достигала фонтана, она опускалась в реверансе перед королевской семьей, взиравшей на всех с высоты помоста, а затем еще одним реверансом приветствовала принца. Принц Расмус брал оловянный кубок с подноса в руках у слуги, окунал его в фонтан и протягивал девушке, которая делала большой глоток воды Джеля, прежде чем вернуть кубок, снова приседала в реверансе, а затем возвращалась назад тем же путем, каким пришла, – тщательнейшим образом следя, чтобы не повернуться спиной к семейству Гримьер, – и там уже ее встречали семья и друзья.

Этот странный маленький ритуал должен был означать, что Джель благословил начинающийся сезон балов и празднеств. Но монотонное шествие лишь частично привлекало внимание Нины. Все остальное было отдано толпе. Ей не потребовалось много времени, чтобы найти того, кто, по ее мнению, мог оказаться Вадиком Демидовым. Он стоял рядом с помостом, среди избранных, и Нина с гневным потрясением разглядела на нем голубую с золотом перевязь, украшенную равкианским двуглавым орлом. *Маленький Ланцов.* Он был невероятно похож на портреты, виденные ей в залах Большого дворца. Может, даже чересчур похож. Неужели они нашли гриша-портного, чтобы сделать мальчишку похожим на отца Николая? И если дело в

этом, тогда кто же он на самом деле? Нина собиралась подобраться к нему как можно ближе, чтобы выяснить это.

Ее взгляд скользнул дальше и столкнулся с другим. Глаза, смотревшие на нее в упор, были настолько темными, что казались двумя черными провалами. По телу Нины пробежала дрожь. Она заставила себя проигнорировать пронизывающий взгляд Апрата, сосредоточиться на разглядывании толпы, словно самый обычный любопытствующий. Но ей казалось, будто сердце сжала холодная рука. Она знала, что священник находится при фьерданском дворе, что он заключил союз, чтобы поддержать Вадика Демидова, но почему-то оказалась не готова встретить его здесь. *«Ему никоим образом не удастся узнать тебя»*, – убеждала она себя. И все же взгляд, прожигавший ее, казался всезнающим. Оставалось лишь надеяться, что такое пристальное внимание связано с ее отношением к семейству Брумов.

Тонкие пальцы Ильвы впились в Нинину руку.

– Наша очередь! – шепнула она взволнованно. Ханне следующей предстоял путь по проходу. – Ее платье идеально.

Оно было именно таким – чудесный наряд с высоким воротом, расшитый медными бусинами и длинными нитями розоватого речного жемчуга, идеально подошедший к цвету кожи и волос Ханны. Ее остриженная голова производила шокирующее впечатление, но ее было решено не прятать под шарфом или головным убором. В сочетании с роскошным платьем и аскетичной красотой черт лица Ханны эффект получился сногсшибательным. Она походила на статую, отлитую из жидкого металла.

В ожидании возвращения предыдущей девушки Ханна принялась оглядывать залу, явно с трудом сдерживая панику. Нина не была уверена, что Ханна сможет ее разглядеть в такой толпе, но сосредоточилась на том, чтобы мысленно отправить подруге каждую частичку своей силы.

Легчайшая улыбка скользнула по полным губам Ханны, и она поплыла вперед.

– *Ulfleden*, – произнесла Ильва. – Ты знаешь, что это означает?

– Это хедьютский? – спросила Нина. Она никогда не изучала этот диалект.

Ильва кивнула.

– Это значит «волчья кровь». Среди хедьютов это комплимент, а здесь скорее наоборот. Когда ребенок растет необычным или странно себя ведет, обычно говорят «его место с волками». Это вежливый способ дать понять, что он не вписывается.

Нина сомневалась, что это можно было назвать вежливостью, но выражение очень подходило Ханне, которой всегда было лучше под вольным небом.

– Но теперь Ханна нашла свое место здесь, – с гордостью заметил Брум, следя за тем, как изящно шагает дочь по серому ковру.

Когда она дошла до фонтана, принц Расмус протянул ей оловянный кубок и улыбнулся. Ханна приняла его, сделала глоток. Принц закашлялся, прикрыв лицо рукавом, – и не смог остановиться.

Королева подскочила с трона, немедленно принявшись звать на помощь.

Принц пошатнулся. К нему кинулась охрана. На губах королевского отпрыска была кровь; брызги ее осели на бусинах платья Ханны. Она подхватила его, и ее колени подогнулись, после чего они вместе осели на пол.

8. Николай

Как только антидот был доставлен в Полизную, Николай со спутниками простились с земенцами и поскакали в сторону Ос Альты. Адрик и Надя должны были остаться в Нежках на некоторое время.

– Насладиться пейзажем, – сказал Адрик, махнув рукой на перерытую, искореженную местность.

А Николаю нужно было время на размышления, к тому же их флайеру требовалась починка, поэтому он, Тамара и Толя решили отправиться верхом. На базе в Полизной его ждали сообщения, подтвердившие полученные ранее разведданные: при помощи земенцев генералу Раевскому удалось остановить фьерданцев под Уленском. Северные верфи и хранилища Равки серьезно пострадали от фьерданской бомбежки. К счастью, флайеры фьерданцев были слишком тяжелыми и прожорливыми, чтобы забраться дальше на юг, поэтому большинство равкианских военных объектов оставались вне досягаемости.

Победа под Нежками и Уленском подарила им шанс, время, чтобы закончить работу над ракетами, восстановить воздушный флот и, самое главное, договориться с шуханцами. Грядущее бракосочетание могло бы помочь отвлечь королеву Макхи, и, возможно, если бы ему удалось изящно разыграть эту дипломатическую карту, сделать их союзниками. Конечно, цена непомерно высока, но ради Равки он готов ее заплатить.

Николай как раз диктовал ответ генералу Раевскому, пытаясь не обращать внимания на шум, устроенный Толей и Тамарой, которые тренировались у конюшен, когда почувствовал ее. Пережитое в Каньоне неким образом связало их, и, оборачиваясь, он уже знал, что увидит Зою, – и все же ее появление потрясло, как внезапная смена погоды. Похолодание, электрический разряд в воздухе, ощущение приближающейся грозы. Ветер развевал ее черные кудри, полы синего шелкового *кафтана* хлестали по телу.

– Ваши глаза застилает розовый туман, ваше величество, – пробормотала Тамара, вытирая пот со лба.

Толя ткнул сестру в плечо кончиком тренировочного меча.

– Тамара в этом разбирается, потому что смотрит на жену такими же глазами.

– На свою жену я могу смотреть так, как мне захочется.

– Но ведь Зоя Николаю *не* жена.

– Я все еще здесь, – вставил Николай. – И если мои глаза что и застилает, так это пыль, которую вы двое тут подняли.

Он был рад увидеть своего генерала. В этом не было ничего необычного. Ее присутствие принесло вполне объяснимое облегчение, спокойствие, пришедшее от осознания, что, какой бы ни была проблема, они справятся, что, если один споткнется, второй поддержит. Он не мог позволить, чтобы это вошло у него в привычку, но, пока есть шанс, мог наслаждаться этим ощущением. Если бы только она снова не завязала проклятую синюю ленту.

– Слышала, тебя опять пытались убить, – поприветствовала Тамара, едва Зоя подошла.

– Не в первый и не в последний раз, – ответила Зоя. – Один из убийц все еще жив. Я отправила его в Ос Альту для допроса.

– Один из шайки Апрата?

– Полагаю, что так. Слышала, мы победили.

– Я бы скорее назвал это ничьей, – заметил Толя.

Николай дал знак, чтобы привели еще одну лошадь. Он знал, что Зоя предпочитает легконогую кобылку по прозвищу Серебрина.

– В данный момент фьерданцы не идут маршем к нашей столице, – сказал он. – Я называю это победой.

– Так наслаждайся ей, – съязвил Толя, взбираясь на своего громадного жеребца.

– Так говорят, когда понимают, что такое положение вещей не навсегда.

– Конечно, не навсегда, – согласилась Зоя. – А что навсегда?

– Истинная любовь, – предположила Тамара.

– Великое искусство, – добавил Толя.

– Настоящая обида, – продолжила Зоя.

– Да, мы выиграли время, – признал Николай. – А не войну.

Им необходимо вывести из игры королеву Макхи до того, как Фьерда предпримет очередную попытку нападения. А Фьерда предпримет, в этом Николай не сомневался.

Когда Зоя уселась в седло, они присоединились к отряду охраны и выехали за ворота. Некоторое время они ехали в тишине, не разговаривая, и лишь топот копыт и свист ветра сопровождали их в пути. Сделали остановку они только возле ручья, чтобы дать коням напиться и самим размять ноги. А затем снова пустили коней рысью. Всем хотелось поскорее добраться до столицы.

– У нас преимущество, и мы должны его использовать, – сказала Зоя, не в силах больше сдерживаться. Николай знал, что так и будет. – Фьерда не ожидала, что мы дадим такой отпор. Мы должны продолжить наступление, пока их войска ослаблены.

– Ты так жаждешь отправить на смерть хороших людей?

– Если это спасет детей этих хороших людей и бесчисленное количество прочих, я сама возглавлю наступление.

– Дай мне шанс добиться мира, – попросил Николай. – У меня талант к безумствам – позволь применить его. Дозорные отряды летают вдоль всей границы, к тому же мы усилили местные войска. Несостоявшееся вторжение должно было стать наконечником стрелы для Фьерды. Теперь эта стрела сломана, и им придется выработать другой план.

У Фьерды было два огромных преимущества: размер армии и скорость, с которой они создавали танки. Николай не мог не признать и того, что танки отлично сконструированы. Они, правда, нередко взрывались из-за топлива, но были прочнее и быстрее, чем те, что собрали его инженеры в своих мастерских, пусть даже и при участии гришей-фабрикаторов.

– Мины Давида не смогут выиграть для нас много времени, – сказала Тамара. – Как только фьерданцы поймут, как отслеживать металлы в земле, они прочешут всю границу.

– Граница длинная, – заметил Толя.

– Точно, – согласился Николай. – И дыр в ней больше, чем в зубах моей тетушки Людмилы.

Зоя кинула на него недоверчивый взгляд.

– У тебя на самом деле *была* тетушка Людмила?

– Еще как была. Страшная женщина. Обожала читать нам мораль и считала лакричные леденцы угощением. – Он содрогнулся. – Да пребудут с ней святые.

– В общем, речь о том, что времени у нас совсем мало, – подытожил Толя.

Тамара щелкнула языком.

– Надеюсь, его хватит, чтобы заключить союз с шуханцами.

Николаю не хотелось думать о том, что в это время может пойти не так.

– Так вознесем же наши молитвы всем святым и духам наших усопших злобных тетушек.

– Если бы только нам удалось поднять в воздух побольше флайеров, все это было бы совсем неважно, – сказала Тамара.

Но, как и на все остальное, на это требовались деньги. А еще им не хватало обученных пилотов.

Зоя нахмурилась.

– Все вообще *станет* неважным, если нам придется вести войну на два фронта. Нам нужен мир с шуханцами.

– Механизм уже запущен, – сказала Тамара. – Но если принцесса Эри не согласится…

– Она согласится, – пообещал Николай с гораздо большей уверенностью, чем чувствовал на самом деле.

– Фьерданцы могут собраться намного быстрее, чем мы надеемся, – сказала Тамара. – И Западная Равка все еще может принять решение об отделении.

И она была права. Но, возможно, их успехи на границе помогут Западной Равке вспомнить, что нет востока или запада, есть одна страна – страна с друзьями и ресурсами.

Толя накинул поводья на луку седла, чтобы заплести свои длинные черные волосы.

– Если фьерданцы на самом деле решатся на опрометчивый шаг, поддержит ли их Керчия?

Все посмотрели на Зою.

– Думаю, Торговый совет разделится, – сказала она наконец. – Хайрем Шенк вовсю кичился тем, что Керчия стремится соблюдать нейтралитет, к тому же они всегда предпочитали тайные операции открытому противостоянию. Но когда перед ними во всей красе предстанет полная картина нашего предательства в истории с земенцами…

– Предательство кажется мне неподходящим словом, – заметил Николай.

– Двойная игра? – предложила Тамара. – Обман?

– Я не *лгал* Керчии. Они хотели технологию, которая сделала бы их владыками морей. Они ничего не говорили про небо. И вообще, требовать в единоличное пользование сразу две стихии – верх жадности.

Зоя вздернула брови.

– Ты забыл, что в Керчии жадность – добродетель.

Они перевалили через гребень, и вдали показались знаменитые двойные стены Ос Альты. Ее называли Городом мечты, и глядя на белоснежные башни издали, не видя переполненных улиц нижнего города и претенциозных кварталов верхнего, в это было легко поверить.

Тамара, потягиваясь, привстала в стременах.

– Керчийцы могут тайком предложить свою поддержку Вадику Демидову.

– Маленькому Ланцову, – пробормотала Зоя.

– Он, что, низкорослый? – спросил Николай.

Тамара рассмеялась.

– Никому прежде не приходило в голову спросить. Но он *действительно* молод. Недавно отметил двадцатилетие.

На самом деле Николаю стоило задать совсем другой вопрос.

– А он правда Ланцов?

– Мои источники не могут ни подтвердить это, ни опровергнуть, – ответила Тамара. Она создала разведывательную сеть Равки, вербуя шпионов среди потенциальных дезертиров и готовя солдат и гришей, которых потом перекраивали, чтобы отправить работать под прикрытием, но в их системе сбора информации все еще хватало дыр. – Надеюсь, Термиту с этим повезет больше.

Николай заметил, как Зоя при этих словах поджала губы. Она так до конца и не простила ему, что он позволил Нине остаться в Ледовом Дворе, но не могла оспорить ценность сведений, полученных из этого источника.

Они миновали ворота и начали неторопливо подниматься вверх по холму, через рынок, затем через мост, проехав по которому они оказались среди красивых домов и парков верхнего города. Люди махали Николаю и его спутникам, кричали:

– Победа за Равкой!

Новости об их успехах под Нежками и Уленском уже просочились. *«Это только начало»*, – хотелось ему предостеречь полных надежды людей, высыпавших на улицы и высунувшихся из окон. Но он лишь улыбался и махал в ответ.

– Большую часть рода Ланцовых уничтожили на той злосчастной вечеринке по поводу моего дня рождения, – сказал Николай, не переставая махать. Он не любил вспоминать ту ночь, когда Дарклинг напал на столицу. Пусть ему не особо нравился его брат Василий, но увидеть его смерть он оказался совсем не готов. – Но, возможно, остались неизвестные родственники.

– И что, Демидов – один из них? – уточнил Толя.

Тамара пожала плечами.

– Он утверждает, что происходит из семейства князя Лимлова.

– Я, помнится, гостил у них, когда был ребенком, – сказал Николай.

– Там был мальчик по имени Вадик? – спросила Зоя.

– Да. Маленький паршивец, любивший мучить кошку.

Тамара фыркнула.

– Похоже, теперь у него планы на дичь покрупнее.

Может быть, этот парень и был из Ланцовых. А может, он был сыном камердинера. Возможно, он действительно имел право на трон, а возможно, был просто пешкой. Почему имя должно было дать ему какие-то права на престол Равки? И все же оно давало. То же самое можно было сказать о Николае. Он не был королем потому, что умел строить корабли или выигрывать битвы. Он был королем потому, что в нем, предположительно, текла кровь Ланцовых. Его мать была фьерданской принцессой, младшей дочерью, отосланной из дома, чтобы заключить очередной договор с Равкой, который никто не собирался соблюдать. А настоящий отец Николая? Что ж, если верить его матери, он был фьерданским корабельным магнатом из простого сословия по имени Магнус Опьер – тот самый человек, который не так давно отдал врагам Николая любовные письма его матери. Плохо было уже то, что Опьера ничуть не заботил незаконнорожденный сын, которого он породил, зачем же подливать масла в огонь, пытаясь лишить его отличного местечка на троне? Это говорило о полном отсутствии манер.

Николай отправил родителей в изгнание в южные колонии Керчии во время гражданской войны. Решение далось ему нелегко. Но его отец не был любим в народе, и солдаты были готовы дезертировать, лишь бы не вставать под его знамена. Когда стали известны все подробности его преступлений против Жени Сафиной, Николай дал отцу выбор: предстать перед судом по обвинению в насилии или сложить корону и отправиться в вечное изгнание. Совсем не так мечтал Николай стать королем, к тому же он понимал, что, скорее всего, никогда не сможет решить, прав был или нет.

Они миновали мост и выехали на Герский проспект, где в скверах прогуливались пары и няни катали коляски с малышами. Это место казалось невообразимо далеким от залитого грязью поля боя, которое они оставили позади. Но потерпи они поражение под Нежками и Уленском, прямо сейчас по этим красивым улицам и зеленым паркам катили бы фьерданские танки.

Дворцовые ворота, украшенные золотым двуглавым орлом, распахнулись перед ними, и только когда они лязгнули, закрываясь за из спинами, Николай смог облегченно выдохнуть. Бывали времена, когда он с трудом выносил все эти ухоженные клумбы, похожие на свадебный торт ярусы террас и повсеместную позолоту, украшавшую Большой дворец. Его смущала эта избыточная роскошь и приводила в ужас необходимость ее содержать. Но, в последний раз покидая дворец, он был совсем не уверен, что вернется. Он был рад, что остался в живых, рад, что самые близкие его друзья целы и невредимы, рад холодному зимнему ветру и похрустыванию гравия под копытами Изюмчика.

Когда они достигли ступеней дворца, появились слуги, готовые принять лошадей.

– Ростик, – поприветствовал он грума. – Как поживают мои любимые члены королевского семейства?

Грум улыбнулся.

– Игрунок повредил заднюю ногу на прошлой неделе, но мы его сразу же вылечили. Изюмчик вас порадовал?

Николай нежно похлопал коня по холке.

– Я считаю, что он великолепно проявил себя.

Тут раздался резкий хлопок, словно пробка вылетела из бутылки, за ним еще один. Откуда-то из дворца донесся крик.

– Выстрелы! – вскинулась Тамара.

Николай пихнул грума себе за спину и достал один из револьверов.

– Пригнись, – велел он Ростику.

Толя с Тамарой встали бок о бок с ним, а Зоя вскинула руки в боевую стойку. Королевская стража выстроилась у начала лестницы.

– Николай, – окликнул Толя, – нам нужно уходить отсюда. На озере пришвартованы флайеры.

Но Николай не имел намерения бежать.

– Кто-то проник в мой дом, Толя. Они стреляют в моих людей.

– Ваше величество…

– Святые сохрани, – выдохнула Зоя.

Отряд Тавгарадов высыпал на лестницу, на ходу выстраиваясь в боевом порядке.

Их было одиннадцать, все женщины, в черных мундирах с нашитыми соколами из сердолика. Двое успели забрать ружья у дворцовой стражи, но и те, что были безоружными, оставались одними из самых опасных бойцов в мире.

– Эри, что вы делаете? – осторожно спросил Николай.

Принцесса Эри Кир-Табан стояла в центре этой группы в зеленом бархатном платье и плаще – дорожной одежде. Это оказалась не очередная попытка убийства. Это было нечто совсем другое.

Острый подбородок Эри был решительно поднят.

– Николай Ланцов, мы больше не будем вашими пленниками.

– Так, значит, в ухаживаниях ты преуспеваешь? – шепнула Зоя.

– Понятно, – медленно произнес Николай. – И куда же вы планируете отправиться?

– Домой, – заявила принцесса.

– А как вашим друзьям удалось выбраться на волю?

– Я… – Ее голос дрогнул. – Я ударила охранника. Сомневаюсь, что я убила его. Все остальное было легко.

Это была вина Николая. Он держал Тавгарадов за решеткой в дворцовых подземельях, но предоставил Эри возможность свободно перемещаться по дворцу и саду. Ему не хотелось, чтобы она чувствовала себя пленницей. И теперь он подозревал, что как минимум двое его стражников мертвы, а ему так не хотелось больше видеть насилие в этот день.

Николай убрал револьвер в кобуру и шагнул вперед, подняв руки вверх.

– Пожалуйста, – попросил он. – Ведите себя разумно, принцесса. Вы не можете надеяться на то, что вам удастся сбежать. Вы слишком далеко от Сикурзоя.

– Вы обеспечите нас транспортом. Вы не можете причинить нам вред, не вызвав гнев моей сестры и всего Шухана. Свадьба, которой вы так ждете, это обман и фарс.

– С этим не поспоришь, – согласился Николай. – Но разве я был к вам жесток? Плохо с вами обращался?

– Я… Нет.

Одна из Тавгарадов метнула взгляд на другую. Демон внутри него зарычал. Что-то шло не так. Он упускал что-то прямо у себя под носом.

Одна из вооруженных Тавгарадов положила оружие не землю, но едва ли это можно было расценить как мирный жест. Ее лицо было словно вытесано из камня.

– Что это за запах? – спросила Зоя.

– Я ничего не чую, – сказал Толя.

Зоя шевельнула пальцами, и с лестницы на них повеяло легким ветерком.

– Жидкость для розжига, – сказала Тамара, подбираясь поближе к лестнице. – Ей пропитана вся их одежда.

Понимание, смешанное с ужасом, накрыло его волной. Они же не могут…

– Освободите нас! – потребовала Эри. – Королева Макхи ни за что не потерпит…

– Эри, отойдите от них, – велел он, глядя, как одна из Тавгарадов сует руку в карман. – Это не побег. Это…

– Я никогда…

– Эри!

Но было слишком поздно. Та из Тавгарадов, что отложила ружье, крикнула что-то на шуханском. Николай заметил спичку у нее в руке.

Одна за другой Тавгарады вспыхивали, становясь живыми факелами, брызжущими огнем. Все произошло слишком быстро, как резкий удар по клавишам, как внезапный обреченный взмах.

– Нет! – крикнул Николай, кидаясь вперед. Он видел потрясенное лицо Эри, огонь, охватывающий ее юбки, раскрытый в крике рот.

Зоя действовала без промедления, сбив разбушевавшееся пламя ледяным порывом ветра. Но этого было недостаточно. Жидкость, которой Тавгарады облили свою одежду, оказалась слишком эффективной. Эри каталась по земле, крича от боли. Остальные лежали на ступенях кучами обугленной плоти и пепла. Слуги рыдали от ужаса, а дворцовые стражи потрясенно застыли.

Ладони и руки Николая жутко обгорели, там, где он касался Эри, куски одежды пристали к дымящейся плоти. Но по сравнению с состоянием принцессы это были мелочи. Ее кожа обгорела до черноты, а там, где огонь успел сожрать верхнюю часть плоти, все было красным и влажным. Николай чувствовал жар, исходящий от ее тела. Она тряслась и захлебывалась криком, прерывавшимся конвульсиями, которыми тело реагировало на шок.

– Тамара, замедли ей пульс и погрузи в кому, – приказал Николай. – Толя, приведи целителя.

Крики Эри стихли, стоило Тамаре присесть рядом и взяться за дело.

– Зачем они это сделали? – спросила Зоя, и лицо ее исказилось при виде последствий этой внезапной бойни – обгорелых, окровавленных, изломанных тел, которые еще мгновение назад были женщинами.

Руки Тамары дрожали, пока она нащупывала пульс Эри.

– Мы дали ей слишком много свободы. Мы должны были держать ее в подземельях, а Тавгарадов вообще отправить в военную тюрьму в Полизной.

– Она не знала, – выдавил Николай, глядя на израненное тело Эри с едва заметно вздымающейся грудной клеткой. Нужно было доставить ее в лечебницу. – Она не знала. Я понял это по ее лицу. Жидкость для розжига была только на подоле ее платья.

– Где они вообще ее достали? – удивилась Зоя.

Николай покачал головой.

– На кухнях, когда сбежали из тюрьмы? А может, сделали сами?

Тамара поднялась, едва появился Толя с носилками, в сопровождении двух корпориалов в красных *кафтанах.* На их лицах было смятение, но, если кто и мог исцелить Эри, так это только гриши.

Николай стоял на ступенях, окруженный мертвыми телами, и смотрел, как Эри в сопровождении двух хранителей исчезает в направлении Малого дворца.

– Но почему? – снова повторила Зоя.

– Потому, что это Тавгарады, – ответила Тамара. – Потому, что они служат королеве до самой смерти. А Эри не королева.

9. Зоя

Зоя устроилась у окна в спальне Николая, глядя, как зимний ветер играет в дворцовом саду, заставляет голые ветви деревьев скрипеть и вздыхать, словно смиряясь с приходом темных времен. В это время года сад, все еще не укрытый снегом, выглядел ужасно уныло. Эри забрали в Малый дворец, где она должна была находиться под присмотром тех же целителей-гришей, которые вернули ее двойника, Майю Кир-Каат, практически с того света всего несколькими неделями раньше.

Зоя слышала, как за ее спиной Николай судорожно втянул воздух. Он лежал на кровати, прямо поверх покрывала, пока целитель занимался его ожогами. Еще на месте он обработал его руки, которые пострадали сильнее всего, но на все остальное требовалось гораздо больше времени.

Зоя подошла к нему.

– Ты что, не можешь дать ему что-нибудь от боли?

– Я дал ему самое сильное лекарство из всех, что у меня есть, – ответил целитель. – Если принять еще что-нибудь, он может просто не проснуться. Я мог бы погрузить его в кому, но…

– Нет, – выдохнул Николай, распахнув глаза. – Ненавижу это чувство.

И Зоя знала почему. Когда он боролся с демоном, она месяцами поила его мощным сонным зельем, чтобы он спал всю ночь. Он тогда сказал, что по ощущениям это было похоже на смерть.

Целитель наполнил миску каким-то резко пахнущим раствором.

– Было бы проще, будь он под наркозом. Нельзя, чтобы он шевелился, пока я работаю.

Зоя присела на кровать рядом с Николаем, стараясь не задеть его.

– Ты должен лежать спокойно, – прошептала она.

– Не уходи.

Он прикрыл глаза и сжал ее руку в своей. Зоя знала, что целитель все видит, понимала, что он, возможно, начнет распускать сплетни. Но сплетни она могла пережить. Святые свидетели, она сталкивалась с вещами и похуже. И, возможно, ей самой нужно было ощутить его руку в своей после того потрясения, которое они сегодня пережили. Видение горящих заживо женщин никак не хотело покидать ее.

– Вам не стоит при этом присутствовать, – заметил целитель. – Зрелище отвратительное.

– Я никуда не уйду.

Целитель вздрогнул, и Зоя задумалась, не вылез ли опять на свет дракон, мелькнув серебром в глазах. Что ж, пусть посплетничают и об этом тоже.

Николай вцепился в Зою, едва целитель начал удалять обгоревшую плоть с его рук. Только после этого можно было начать восстанавливать кожные покровы. Казалось, процесс – сперва одна рука, за ней другая – растянулся на много часов. Стоило Зое отлучиться от кровати короля – взять прохладный компресс ему на голову, зажечь лампы, чтобы целителю хватало света, – как Николай тут же открывал глаза и бормотал: «Где мой генерал?»

– Я здесь, – отвечала она снова и снова.

Когда целитель закончил работу над обожженными руками короля, на них не осталось даже волоска, но вот шрамы на ладонях – прожилки теней, оставленные Дарклингом, – никуда не делись.

– Ему нужен отдых, – сказал целитель, поднимаясь и распрямляя спину после отлично выполненной работы. – Повреждения были довольно поверхностными.

– А принцесса Эри? – спросила Зоя.

– Я не знаю. Ее ожоги значительно более серьезны.

Целитель ушел, и Зоя принялась ждать, пока дыхание Николая станет глубоким и ровным. Наступили сумерки. В саду зажгли фонари, похожие на скопления звезд, раскиданные по окрестностям. Она скучала по этой комнате и по тому, каким Николай был в этой комнате, когда позволял мантии королевского авторитета скользнуть с плеч, по тому, как он доверял ей, погружаясь в сон под ее присмотром. Ей нужно было вернуться в Малый дворец, проверить, как там принцесса Эри, поговорить с Тамарой, разработать план. Но, возможно, это последний раз, когда она видит его таким.

Наконец она поднялась и погасила лампы.

– Не уходи, – попросил он сквозь сон.

– Мне нужно помыться. От меня пахнет горелым лесом.

– От тебя пахнет полевыми цветами. Как обычно. Что мне сказать, чтобы заставить тебя остаться?

Его слова превратились в невнятное бормотание, и он снова погрузился в сон.

«Скажи, что ты говоришь мне эти слова не только из-за войны и тревог. Скажи, что они могли бы означать, не будь ты королем, а я – твоим солдатом». Но на самом деле она не желала ничего из этого слышать. Сладкие слова и обещания были для других людей, для другой жизни.

Она убрала прядь волос, упавшую Николаю на лицо, и поцеловала его в лоб.

– Я бы осталась навсегда, если бы могла, – шепнула еле слышно. Он все равно ничего не вспомнит.

Несколько часов спустя Зоя сидела в своей гостиной, полной людей. Она никого не приглашала; они сами собрались здесь, устроившись у камина и попивая сладкий чай. И, видят святые, она была этому рада. Обычно она тщательно оберегала свое уединение, но сегодня нуждалась в компании.

Несмотря на принятую ванну, ей казалось, что запах смерти пристал к ней – к ее волосам, к ее одежде. Она свернулась калачиком рядом с Женей, на диване у огня. Его подушки были вышиты парчовой нитью, и обычно она не позволяла людям забираться на него с ногами, но сегодня ей было абсолютно все равно. Она отхлебнула из кружки приличный глоток подогретого вина. Чая ей сегодня было недостаточно.

Давид и Надя устроились за круглым столом в центре комнаты. Он раскладывал небольшие аккуратные стопки бумаги в, вероятно, очень важном порядке и с головой погрузился в ряды сложных вычислений. Время от времени он передавал какую-нибудь бумагу Наде, которая работала над собственными расчетами, уместив ноги на коленях Тамары. Толя сидел на коврике у выложенного плиткой камина и смотрел на огонь. Сцена была бы более чем уютной, но ужас произошедшего этим утром навис над ними черной тучей.

Женя изучала свои эскизы свадебного платья традиционно золотого цвета, с дополнением в виде расшитого драгоценностями кокошника. Она выбрала один.

– Это не слишком?

Зоя коснулась пальцами искусно разрисованного подола платья.

– Для королевской часовни? Нет. Чем больше блеска, тем лучше.

В часовне было довольно мрачно.

– Я понимаю, – сказала Женя. Она поправила повязку на отсутствующем глазу. – Если бы только мы могли провести церемонию в саду.

– В середине зимы? – спросил Николай, заходя в гостиную и направляясь сразу к графину с вином, стоящему на боковом столике. Выглядел он так, словно недавно и не лежал раненый, совершенно беспомощный. Он принял ванну, надел свежий костюм. И теперь просто излучал уверенность. – Ты хочешь заморозить всех приглашенных насмерть?

– Что ж, это был бы неплохой способ выиграть войну, – предположила Женя.

– Тебе не стоит пить вино, – укорила Зоя. – Твой организм еще не успел очиститься от обезболивающего.

Николай наморщил нос.

– Тогда, полагаю, мне придется пить чай, словно какой-нибудь пожилой даме.

– В чае нет ничего плохого, – возразил Толя.

– Я далек от того, чтобы вступать в споры с великаном размером с гору. – Николай налил себе чаю и принялся рассматривать бумаги, лежащие на столе. – Это все расчеты для нашей системы запуска? – Давид кивнул, не отрываясь от бумаг. – И как они продвигаются?

– Никак.

– Почему?

– Меня все время отвлекают, – многозначительно сказал Давид.

– Чудесно. Приятно знать, что я тоже внес свой вклад.

Николай устроился в огромном кресле рядом с камином. Зоя видела, что он пытается собраться с мыслями, чтобы подколоть Давида или восславить преимущества, которые дадут им новые ракеты против фьерданцев. Но даже неиссякаемый оптимизм Николая пасовал перед тем, что они увидели сегодня на дворцовой лестнице.

Наконец он опустил свою чашку на колено и сказал:

– Помогите мне понять, что произошло этим утром.

Тамара с Толей обменялись взглядами.

– Это было послание от королевы Макхи, – сказала Тамара.

– Так она *не* одобряет свадьбу? Могла бы просто выразить сожаления по этому поводу в письме.

– Она сделала ход, – продолжила Тамара. – И почти выиграла. Если бы ей удалось убить Эри, у нее появился бы и повод развязать войну, и возможность хорошо обыграть свой план покушения на тебя.

– Нам было бы чертовски нелегко, если бы пришлось объяснять все произошедшее как есть, – добавила Зоя. – Как бы мы объяснили смерти восьми важных заключенных, находившихся на нашем попечении?

– Эри видела, что произошло, – спокойно сказал Толя. – И от нее зависит, скажет ли она правду. Всю правду.

– Всю, – повторила Тамара.

Надя положила ручку на стол и взяла жену за руку.

– Вы полагаете, что королева Макхи действительно прибудет на свадьбу?

– Прибудет, – заверила Тамара. – Но я бы не стала исключать возможности того, что она использует этот визит для какой-нибудь провокации. Она коварный тактик.

– Хорошая королева, – заявила Зоя.

– Да, – не стала спорить Тамара. – Или, лучше сказать, решительная. Ее мать проводила политику запретов в отношении экспериментов над гришами и даже начала наделять их определенными правами в обмен на согласие служить в армии или работать на государство.

– Как в Равке, – сказал Николай.

Толя кивнул.

– Пусть гришам по-прежнему не разрешалось владеть никакой собственностью или занимать государственные посты, но начало было весьма неплохим.

– Там нас никогда не считали неправильными, – продолжила Тамара, – просто опасными. Но не все поддержали реформы. Некоторым шуханцам не по вкусу пришлась идея, что гриши могут считаться обычными людьми.

– Так Макхи тоже не нравилась политика ее матери? – спросил Николай.

Теперь Тамара нахмурилась. Она взяла свою и Надину чашки и направилась к сервировочному столику, чтобы наполнить их.

– Еще до того, как получила корону, Макхи высказывала собственные идеи того, как укрепить Шухан. Когда изобрели *юрда-парем*, у нее был выбор. Она могла бы попытаться сохранить все в секрете, уничтожив Бо Юл-Баюра. Вместо этого Макхи решила восстановить старые лаборатории и начать использовать *парем* как оружие.

– Именно это привело к появлению *кергудов*, – подхватил Толя, и голос его был полон скорби, как у человека, указывавшего на пробоину в судне, а затем ставшего свидетелем кораблекрушения. *Вот когда все пошло не так.*

Кергуды были самым смертоносным оружием Шухана, хотя правительство никогда и не признавало их существования официально. Они были перекроены портными-гришами под воздействием *парема,* получив в процессе обострение всех чувств, а также укрепленный и отчасти измененный скелет. Некоторые даже могли летать. Зоя вздрогнула, вспомнив, как ее оторвали от земли, как сомкнулись на ней стальными обручами руки *кергуда*.

Тамара поставила полные чашки на стол, но садиться не стала. Она возглавляла разведывательную службу Николая. И знала лучше, чем кто-либо из присутствующих, что творили с гришами под руководством и с благословения Макхи.

– Создание *кергудов*… – Она замялась. – Это процесс проб и ошибок. Гриши, которых приводят в лаборатории, считаются добровольцами, но…

– Нам-то лучше знать, – прорычал Толя.

– Именно, – согласилась Тамара. – Выбор, предоставляемый этим гришам, в основном иллюзорный. Власть, которой наделено правительство Табан, слишком близка к абсолютной.

– Так, значит, это и не выбор вовсе, – подытожила Женя.

Толя пожал плечами.

– Именно таким образом Дарклинг собрал свою Вторую армию.

Услышав это, Зоя ощетинилась.

– Вторая армия была убежищем.

– Может, для кого-то и так, – не стал спорить Толя. – Дарклинг забирал гришей у родителей, когда они были еще совсем детьми. Они учились забывать родные места и тех, кого когда-то знали. Они служили короне, чтобы не пострадали их семьи. Разве это выбор?

– Но экспериментов на нас не ставили, – возразила Зоя. «*А некоторые из нас были просто счастливы забыть родителей*».

– Нет, – подтвердил Толя, устраивая свои огромные ладони на коленях. – Вас просто сделали солдатами и отправили сражаться в чужих войнах.

– Не скажу, что он не прав, – сказала Женя, вглядываясь в свой бокал. – Разве вы никогда не задумывались, какой была бы наша жизнь, не окажись мы в Малом дворце?

Зоя откинула голову на шелковую спинку дивана. Да, она задумывалась. Когда она была маленькой, эти мысли преследовали ее в кошмарных снах, заставляя просыпаться с криком. Она закрывала глаза и видела себя, идущую между рядами скамей. Видела тетушку, истекающую кровью на полу. А еще в этих снах всегда была ее мать, подталкивающая Зою вперед, озабоченная тем, чтобы дочь не наступила на подол своего маленького подвенечного платья золотого цвета, и отец, молча сидящий на скамье. Он тогда опустил голову, вспомнила Зоя. Но не сказал ни слова в ее защиту. И лишь Лилиана осмелилась возразить. Но Лилиана уже давно умерла. Была убита Каньоном и непомерными амбициями Дарклинга.

– Да, – сказала Зоя. – Я думаю об этом.

Тамара пробежала рукой по своим коротким волосам.

– Наш отец пообещал матери, что у нас будет выбор. Поэтому после ее смерти он отвез нас в Новый Зем.

Был бы этот путь лучше? Может быть, и Лилиане стоило посадить ее на корабль, чтобы пересечь Истиноморе, вместо того чтобы приводить ее к воротам дворца, где обучали гришей. Николай положил конец обычаю разлучать маленьких гришей с родителями. Не существовало

никаких правил, обязывающих забирать детей из их домов. Но для гришей, у которых не было дома, для тех, кто никогда не чувствовал себя в безопасности там, где всегда должно быть безопасно, Малый дворец всегда был убежищем, местом, где можно укрыться. И Зоя должна была уберечь это место, что бы ни устраивали фьерданцы, шуханцы или керчийцы. И, возможно, когда завершится эта нескончаемая война, наступит будущее, в котором гришам не нужно будет жить в страхе, в котором они сами перестанут вызывать страх, в котором «солдат» станет для них лишь одним из возможных путей.

Она поднялась и встряхнула свои браслеты. Хотелось и дальше сидеть у огня, спорить с Толей, рассматривать Женины наброски и наблюдать, как Николай хмуро всматривается в свой чай. И именно поэтому пришла пора уходить. Времени на отдых не было. По крайней мере, пока ее страна и народ не будут в безопасности.

– Ваше величество? – позвала она. – Мы и так слишком долго откладывали.

Николай поднялся на ноги.

– По крайней мере, не придется больше пить чай.

– Нужна компания? – спросила Женя.

Зое она была нужна. Ей бы хотелось, чтоб за спиной стояла целая армия. Но она видела, как Женя сжала в руках свои наброски, как Давид кинул на нее встревоженный взгляд, ведь лишь желание защитить жену могло оторвать его от работы.

– Когда ты будешь готова, – спокойно ответила Зоя. – Не раньше. – Она хрустнула костяшками пальцев. – Кроме того, – добавила она, уже выплывая из комнаты, – этому платью необходим подобающий шлейф. Мы же не хотим, чтобы королева Шухана сочла нас деревенщинами.

– Это был правильный поступок, – сказал Николай, когда они шли по дворцовому парку в сторону старого зверинца. Поднималась полная луна.

Зоя комплимент проигнорировала.

– Почему здесь все не может быть так же просто, как на войне? Противники встречаются в честном поединке. Но нет, наш противник – какая-то чудовищная зараза.

– Равка заставляет оставаться в тонусе, – сказал Николай. – Разве тебя не радуют новые испытания?

– Меня радует возможность вздремнуть, – отрезала Зоя. – Я уже и не помню, когда в последний раз мне позволяли выспаться.

– Ни в коем случае. Целая ночь крепкого сна приведет тебя в благодушное настроение, а ты нужна мне в сильнейшем раздражении.

– Продолжай молоть чепуху и сможешь увидеть его собственными глазами.

– Святые угодники, так ты утверждаешь, что сильнейшей степени твоего раздражения я до сих пор не видел?

Зоя перекинула волосы на спину.

– Не видел, иначе сидел бы тихонько под одеялом, бормоча молитвы.

– Неординарный способ затащить меня в постель, но кто я такой, чтобы оспаривать твои методы.

Зоя демонстративно закатила глаза, но на самом деле была благодарна за этот отвлекающий обмен колкостями. Это было безопаснее, проще, ничуть не напоминало тишину его спальни и их соединенные руки. А что она станет делать, когда Николай женится и между ними стеной встанут приличия?

Она выпрямила спину и потуже затянула ленту в волосах. С этим она справится, как всегда. В конце концов, она боевой генерал, а не жеманная девчонка, чахнущая от недостатка внимания.

Старый зверинец расположился в небольшой рощице в западной части дворцовых владений. Его забросили много поколений назад, но почему-то здесь до сих пор пахло зверями,

которых держали в неволе. Зоя как-то разглядывала ветхие иллюстрации: леопарда в драгоценном ошейнике, лемура в бархатном жилете, показывающего трюки, белого медведя, привезенного из Цибеи и покалечившего трех смотрителей, прежде чем ему удалось сбежать. Его так и не поймали, и Зоя надеялась, что он смог добраться до дома.

Зверинец был построен в форме гигантского круга, состоящего из клеток решетками наружу, которые практически целиком заросли ежевикой. В центре возвышалась башня, на вершине которой когда-то располагался вольер для хищных птиц. Теперь он стал домом для другого хищника.

Взбираясь по лестнице следом за Николаем, Зоя чувствовала, как внутри пробуждается древняя сущность – размышляя, рассчитывая. Казалось, к жизни ее всякий раз пробуждает Зоин гнев или страх.

«Каньон разрастается. Николай произнес это так буднично, словно говорил о погоде. *Я слышал, на завтра обещают дождь.*

Каллы снова в цвету.

Ничто медленно поглощает наш мир, и мы должны найти способ остановить это. Еще чаю?»

Но так было всегда. Мир вокруг мог рушиться на куски, а Николай Ланцов, придерживая потолок одной рукой, другой небрежно стряхнет пылинку с лацкана, когда все пойдет прахом.

Они с Зоей тщательно строили эту тюрьму, оставив от птичника лишь каркас. Стены здесь теперь были полностью стеклянными, позволяющими солнечным лучам освещать камеру целый день. А по ночам свет поддерживали солнечные солдаты, наследники Алины Старковой, многие из которых сражались с Дарклингом в Каньоне. Со всех них взяли клятву неразглашения, и Зоя надеялась, что они ее не нарушат. Дарклинг воскрес в новой жизни без прежних своих сил – или так казалось на первый взгляд. Они не хотели рисковать.

Когда дверь открылась, пленник поднялся со своего места на полу, двигаясь с таким изяществом, которого в Юрии Веденине никогда не было. Юрий, молодой монах, проповедовавший Евангелие от Беззвездного святого, возглавил культ, который славил Дарклинга. Они верили в то, что Беззвездный принял мученическую смерть в Каньоне и что он воскреснет. И к величайшему удивлению Зои, Юрий и его помешанные фанатики в черных хламидах, восхвалявшие мертвого диктатора, оказались правы: Дарклинг воскрес. Его сила наполнила тело самого Юрия, и теперь… Зоя не знала, кем или чем является этот человек. На узком лице с бледной гладкой кожей мерцали серые глаза под темными бровями. Длинные черные волосы отросли почти до ключиц. Он был одет лишь в темные брюки, грудь и ступни оставались голыми. Тщеславен, как всегда.

– Визит королевских особ. – Дарклинг изобразил едва заметный поклон. – Польщен.

– Надень рубашку, – потребовала Зоя.

– Тысяча извинений. Здесь жарковато из-за постоянного солнечного света. – Он накинул на плечи домотканую рубашку, которую Юрий носил под монашеской рясой. – Я бы предложил вам присесть, но… – Он обвел рукой пустую комнату.

Мебели здесь не было. Не было книг, которые помогли бы убить время. Был лишь проход в соседнюю камеру, где он мог помыться и справить нужду. Между лестницей и уборной расположились еще две двери, запертые на мощные замки.

Новая резиденция Дарклинга была пуста, но вид из нее открывался отличный. Сквозь стеклянные стены Зоя могла разглядеть территорию дворца, крыши и сады верхнего города, огни на судах, плывущих по опоясывающей его реке, и лежащий дальше нижний город. Ос Альта. Столица стала ее домом с тех пор, как ей исполнилось девять, но Зое крайне редко удавалось взглянуть на нее с такого ракурса. Она почувствовала, как закружилась голова, и тут вспомнила. Конечно. Этот город был знаком ей, как и его окрестности. Она когда-то уже пролетала над ним.

Нет. Не она. Дракон. У него было имя, известное лишь ему самому и, когда-то очень давно, ему подобным, но сейчас оно не хотело всплывать в памяти. Хоть и вертелось прямо на кончике языка. Это злило.

– Я всегда рад компании, – заявил Дарклинг.

Зоя ощутила внезапный всплеск его злобы, ярости из-за того, что его пленили, – гнев Дарклинга. Присутствие дракона в ее голове делало ее уязвимой. Она втянула в себя воздух, заставляя мысли вернуться сюда, в эту странную стеклянную тюрьму, ощутить каменный пол под своими ногами. *«Что бы ты узнала,* – голос Юриса или ее собственный? – *чему бы смогла научиться, если бы только позволила себе открыть эту дверь?»*

Еще один вдох. «*Я – Зоя Назяленская, и меня начинает серьезно раздражать эта вечеринка в моей голове, ты, старая ящерица».* Она могла поклясться, что в ответ раздался смешок Юриса.

Николай прислонился к стене.

– Прости, что не навещаем чаще. Идет война и, знаешь, ты никому не нравишься.

Дарклинг приложил руку к груди.

– Твои слова ранят меня.

– Всему свое время, – вмешалась Зоя.

Дарклинг поднял бровь. Легкая улыбка коснулась его губ – вот в этом выражении лица она ясно увидела того человека, которого помнила.

– Знаешь, она меня боится.

– А я нет.

– Она не знает, что я стану делать. Или что я могу.

Николай махнул одному из солнечных солдат, чтобы принесли стулья.

– Может, она боится того, что о ней в ее присутствии станут говорить так, словно ее тут нет.

Они все уселись. Каким-то образом Дарклинг, даже сидя на обшарпанном стуле, казался сидящим на троне.

– Ненавижу быть предсказуемым, – обратился к Зое Николай. – Может, нам сейчас уйти? Пусть понервничает?

– Он знает, что мы не уйдем. Знает, что нам что-то нужно.

– Я это почувствовал, – поддержал Дарклинг. – Тень наступает. Каньон разрастается. И ты тоже это чувствуешь, правда, Ланцов? Эту силу, впитавшуюся в мои кости, силу, все еще просачивающуюся в твою кровь.

По лицу Николая скользнула тень.

– А самое главное, это та сила, которая создала Каньон.

– Говорят, некоторые теперь называют это чудом.

Зоя поджала губы.

– Не бери в голову. В наши дни чудесами зовут все подряд.

Дарклинг склонил голову набок, разглядывая их обоих. Под тяжестью его взгляда Зое захотелось с разбега пробить одну из стеклянных стен, но она не подала вида.

– В этом месте у меня появилась масса времени, чтобы поразмышлять, чтобы вспомнить свою долгую жизнь. Я допустил множество ошибок, но всегда находил новый путь, новый способ двигаться к своей цели.

Николай кивнул.

– Не считая этого маленького недоразумения с твоей смертью.

Теперь помрачнел Дарклинг.

– Оглядываясь назад в попытке понять, когда же все пошло не так, где мои планы были нарушены, я нахожу лишь одну причину, приведшую к катастрофе, – доверие, оказанное мной пирату по имени Штурмхонд.

– Корсару, – поправил Николай. – И я, конечно, ничего не утверждаю, но если корсару, которого ты нанял, можно довериться полностью, то он, вероятно, не самый лучший корсар.

Но Зоя не могла говорить о прошлом в столь же шутливой манере.

– И это причина? Не попытка манипулировать юной девушкой, чтобы лишить ее силы, не уничтожение половины города с невинными людьми, не истребление гришей и ослепление собственной матери? Ни один из этих поступков не стал толчком к размышлениям?

Но Дарклинг лишь пожал плечами и развел руками, словно демонстрируя, что у него нет тузов в рукаве.

– Ты перечисляешь эти злодеяния, словно надеешься, что я устыжусь содеянного. Я бы, может, так и сделал, если бы не сотни подобных преступлений, совершенных ранее, и еще столько же после них. Одна человеческая жизнь ценна. А жизни многих людей? Они приходят и уходят безликой массой, не качнув чаши весов.

– Какой замечательный расчет, – вставил Николай. – И очень удобный для массового убийцы.

– Зоя понимает. Дракон знает, насколько людишки жалки, насколько утомительны. Они как мотыльки. Искры, гаснущие в ночи, в то время как мы продолжаем пылать.

Всех глубоких вздохов мира не хватило бы, чтобы сдержать вспыхнувший внутри Зои гнев. Как Николаю удается сохранять самообладание, да еще и болтать без умолку? И зачем они вообще тратят время на то, чтобы воззвать к рассудку Дарклинга? Ее тетя, ее друзья, люди, которых он поклялся защищать, ничего не значили в масштабах его чудовищно длинной жизни.

Она наклонилась вперед.

– Ты – украденное пламя, и время твое взято взаймы. Не ищи у меня поддержки. – Она обратилась к Николаю: – Зачем мы здесь? Когда он рядом, мне хочется что-нибудь разбить. Давай отвезем его в Каньон и убьем там. Может, так мы все исправим.

– Это не сработает, – сказал Дарклинг. – В твоем короле живет демон. Его тоже придется убить.

– Не подкидывай ей идеи, – попросил Николай.

– Единственный способ исцелить разрыв, появившийся в Каньоне, это закончить то, что вы начали, и провести *обисбайю.*

Толя предполагал то же самое. Обряд Тернового огня. Попробовать провести обряд их убедила Елизавета, которая надеялась использовать его для того, чтобы убить Николая и воскресить Дарклинга. Если бы им пришло в голову повторить обряд, сейчас, когда Дарклинг лишился своих сил, а фьерданцы убрались зализывать раны, было бы самое время. Но риск был слишком велик. И даже если бы они решились на него, у них не было средств.

– У нас нет тернового леса, – заметила Зоя. – Он превратился в пепел, когда погибли святые и пали границы Каньона.

– Но мы можем найти новый, – заявил Дарклинг.

– Понятно. И где же?

– У монахов.

Зоя вскинула руки.

– Ну почему всегда монахи?

– Из тернового леса, когда он был еще юн, вынесли плод. Его семена хранились в ордене Санкт-Феликса.

– И где же он находится?

Теперь Дарклинг уже не казался столь уверенным.

– Я точно не знаю. Меня он никогда не интересовал. Но я могу рассказать вам, как его найти.

– Чую в твоих словах намек на сделку, – сказал Николай, потирая руки. – И во что нам обойдется эта информация?

В искусственном свете глаза Дарклинга сверкнули, как драгоценные камни.

– Приведите ко мне Алину Старкову, и я расскажу все, что вам нужно знать.

Дурашливое выражение разом исчезло с лица Николая.

– Чего ты хочешь от Алины?

– Возможность извиниться. Шанс увидеть, что стало с девочкой, вонзившей нож в мое сердце.

Зоя покачала головой.

– Я не верю ни одному слову, выходящему из твоих лживых уст.

Дарклинг пожал плечами.

– Это взаимно. Но мои условия вам известны.

– А что, если мы не согласимся? – спросила она.

– Тогда Каньон продолжит расти и поглотит весь мир. Наш юный король падет, а я навеки упокоюсь в этой клетке.

Зоя встала.

– Мне все это не нравится. Он что-то задумал. Даже если мы найдем монастырь и семена, что мы станем с ними делать? Нам нужен будет фабрикатор невиданной силы, чтобы вырастить из них лес, как это сделала Елизавета.

Дарклинг улыбнулся.

– Так, значит, ты не освоила все, чему Юрис тебя научил?

Зоя ощутила, как дамба, сдерживающая ее гнев, дает трещину. Она бросилась к Дарклингу, но Николай успел схватить ее за руку и потянул назад.

– Не смей произносить его имя. Попробуешь еще раз, и я вырежу твой язык, а потом сделаю из него брошь.

– Не надо, – попросил Николай тихо, перехватив ее покрепче. – Он не достоин твоего гнева.

Дарклинг смотрел на нее так же, как в те времена, когда она была ученицей, словно в ней было нечто, видимое только ему одному. И это его забавляло.

– Они все умирают, Зоя. Рано или поздно. Все, кого ты любишь.

– Да неужели? – удивился Николай. – Как печально. Успокоилась, Зоя?

Она стряхнула руки Николая.

– Ненадолго.

– Как она бьется, – восхитился Дарклинг, и в голосе его звучало нескрываемое веселье. – Как бабочка, пришпиленная к листу.

– Поэтично, – одобрил Николай. – У тебя что-то в бороде застряло.

К изумлению Зои, Дарклинг поднял руку к своему гладкому подбородку и тут же уронил ее, словно обжегшись. Во взгляде его полыхнуло нечто, весьма похожее на ненависть.

Теперь пришла очередь Николая улыбаться.

– Так я и думал, – заявил король. – Юрий Веденин все еще там, внутри тебя. Поэтому твоя сила к тебе не вернулась?

Дарклинг окинул короля взглядом сузившихся глаз.

– Какой умник.

– Вот почему ты хочешь, чтобы мы вырастили терновый лес и провели новый обряд *обисбайи.* Тебя ни капли не беспокоит, какой вред наносит Каньон. Ты хочешь избавиться от Юрия и стать хозяином моему демону. Хочешь вернуть себе власть.

– Я сказал вам, чего хочу. Приведите ко мне Алину Старкову. Это мое условие.

– Нет, – отрезала Зоя.

Дарклинг повернулся к ним спиной и посмотрел вниз, на огни раскинувшегося под ними города.

– Тогда я и дальше буду жить слабаком, а вы сможете собственными глазами увидеть гибель мира.

10. Нина

Нина оказалась рядом с Ханной через секунду. Глаза принца были широко распахнуты, тело сотрясали конвульсии, а хилая грудь ходила ходуном. Но хуже всего был звук, исходивший откуда-то из глубины его груди, – тихие, болезненные хрипы. Нина увидела, как Ханна протянула вперед руку, как только упала на колени рядом с ними. Рука легла на грудь принца – словно по своей воле, – и почти в то же мгновение его кашель стал стихать.

– Возьми меня за руку, – прошипела Нина яростно. – Молись. *Громко.*

Она схватила костлявую руку принца, чтобы из них троих получился круг, и вместе с Ханной начала отрывисто твердить фьерданские молитвы Джелю и его священному источнику.

– *Как воды очищают ложе реки, позволь им очистить и меня. Как воды очищают ложе реки, позволь им очистить и меня.*

Принц Расмус уставился на них. Его кашель стих, и теперь, когда целительский дар Ханны унял пожар в его легких и освободил дыхательные пути, он жадно хватал воздух. Считаные мгновения спустя королевская стража окружила их, оттолкнув Ханну с Ниной, когда к сыну кинулись король с королевой.

– Нет! – выдохнул Расмус. Голос его был слабым, прерывающимся. Он снова зашелся кашлем. – Верните их. Верните их обеих.

Но вокруг них уже собралась толпа, и Расмуса спешно вынесли через двойные двери позади королевского помоста из залы, переполненной потрясенными, озадаченно перешептывающимися людьми.

Внезапно рядом с Ханной и Ниной появился Брум и начал теснить их в сторону выхода, пока Ильва и Редвин пытались успокоить толпу любопытствующих. Окруженные дрюскелями, они торопливо миновали коридор, а затем извилистые переходы, ведущие к их апартаментам.

– Принц Расмус… – начала Ханна, но Брум взглядом велел ей замолчать.

– Слуги, – объяснил он тихо, пока они шли в комнату, которую Брум использовал как кабинет. Она целиком была отделана темным деревом и светлым камнем, и сквозь покрытые морозным узором окна Нина заметила, что начался снег.

Ильва исчезла, а затем появилась с чашкой теплой воды и двумя мягкими кусками ткани, которые передала Нине и Ханне. Нина даже не осознавала, что кровь Расмуса попала и на нее тоже. Она начисто вытерла лицо и руки.

Затем старательно округлила глаза, заставила губы дрогнуть, но каждая ее частичка была настороже, напряженная, готовая ринуться на защиту Ханны. На Белом острове было кладбище, а значит, и мертвые, которых она могла призвать к себе на службу. Что увидел Брум? Что он узнал?

На лице Ханны застыл ужас. Она использовала свою силу перед всем фьерданским двором, безо всякой задней мысли исцелив принца. У Нины голова кружилась при мысли о риске, на который они пошли, и об их беспечности. И все же, даже негодуя и трясясь от страха, Нина знала, что Ханна не могла поступить иначе. Она не могла смотреть на чужие страдания и ничего не предпринимать. Попытаться все исправить было частью ее природы, а вот Нина могла лишь разрушать. Понял ли кто-нибудь из присутствующих, что она сделала? Понял ли Брум? Он был опытным охотником на ведьм. Здесь, вдали от суетной пышности королевского двора, уловка Нины с молитвой казалась невероятно наивной.

– Что случилось? – спросила Ильва, и в голосе ее слышался отчаянный испуг.

Лицо Брума было мрачным.

– Принц очень болен.

– Но не настолько же! – воскликнула Ильва. – Он потерял сознание!

– А почему, вы думаете, его держат вдали от людей?

– Он… он никогда не бывает на светских мероприятиях, но…

– Дело в том, что король и королева избаловали его. Они позволяют ему появляться на публике лишь ненадолго и в строго контролируемых ситуациях, вроде сегодняшнего начала обряда Сердцевины.

– Что, по-вашему, вызвало у него этот приступ? – спросил Редвин, делая солидный глоток из фляжки.

Брум пожал плечами.

– Слишком много шума. Слишком жарко. Кто знает?

– Его слабость отвратительна, – заявил Редвин.

– Он еще ребенок, – возразила Ильва.

Брум усмехнулся.

– Ему восемнадцать лет. Ты забываешь об этом, потому что он совсем не такой, каким должен быть настоящий мужчина.

При этих словах взгляд Ханны заледенел.

– Он не может отвечать за то, каким был рожден.

– Может, и нет, – сказал Брум. – Но пробовал ли он? Бросал ли вызов самому себе? Я сделал все, что мог, чтобы помочь ему, стал наставником и проводником. Он – наследник трона, но если то, насколько он слаб, станет известно всем вокруг, думаете, Фьерда примет его как своего короля?

И Нина снова задумалась о том, какую игру ведет Брум. Она не сомневалась, что он верит во всю ту чушь, которую несет о мужественности и фьерданской силе. Также было совершенно ясно, что он абсолютно не уважает принца. Но крылось ли за этим что-то большее?

Вот уже неделю после поражения Фьерды под Нежками и Уленском Брум делал все возможное, чтобы скрыть свое плохое настроение. Провалившееся вторжение означало, что Фьерде придется хотя бы рассмотреть возможность дипломатических переговоров вместо войны. Но если бы принц умер или стал бы недееспособен, у Фьерды остался бы лишь престарелый король и несовершеннолетний младший принц. Это могло бы стать для кого-то идеальной возможностью выступить из тени и принять бразды правления из рук благодарной королевской семьи. А если это случится, кто сможет убедить Брума вернуть их назад? Он пользовался уважением и поддержкой военных. Он знал, как устроен двор изнутри. Нина почувствовала, как ужас удавкой сдавливает горло. Политика Фьерды стала более жестокой под влиянием Брума. Что будет с ее страной, с ее народом, если коммандер получит неограниченную власть?

Ильва покачала головой.

– Почему ты никогда не говорил, что принц в таком тяжелом состоянии?

– Наше место при дворе, и моя позиция в армии тесно связаны с благоволением королевской семьи. После побега из тюрьмы и разрушения сокровищницы… Мне приходится бороться за них, и я не могу позволить себе неосторожные поступки. Гримьеры сделают все возможное, чтобы свести к минимуму этот инцидент и дискредитировать тех, кто видел все вблизи.

– На меня попала его кровь, – сказала Ханна. – Он умирает.

Нине захотелось пнуть ее. Им нужно было затаиться до тех пор, пока не станет ясно, что Брум видел или решил, что видел. И все же ей начинало казаться, что им удалось скрыть этот срыв Ханны. Похоже, Брум слишком увлекся, наблюдая за публичным проявлением слабости принца, чтобы понять, что произошло на самом деле.

– Возможно, – согласился Брум. – Но он оказывает трону медвежью услугу, не торопясь этого делать. Королевская семья захочет закрыть Ханне рот. Ведь девушки любят посплетничать.

– Но не Ханна! – воскликнула Ильва.

– Но откуда они могут узнать об этом? При дворе о ней ничего не известно. Она так долго отсутствовала, и мало кто знаком с ее характером.

– Но ведь ты, конечно, сможешь защитить ее?

– Я не знаю.

Ильва застонала.

– Скажи, что они не причинят ей вреда.

– Нет, но могут отослать ее прочь.

– Ссылка? – Ильва обвила дочь руками. – Я этого не допущу. Мы слишком долго ждали, когда она к нам вернется. Я не позволю, чтобы ее снова у меня отняли.

Нина смотрела, как Ханна испуганно льнет к матери, и не знала, что делать. Она чувствовала приближение опасности. Ей всегда хорошо удавалось предугадывать угрозы, для нее это было необходимостью, но теперь, похоже, источником угрозы было хрупкое тело больного юноши.

В дверь постучали. За дверью оказался парень в мундире дрюскеля. Нина вспомнила, что он был в свите принца на балу.

– Йоран. – Брум взмахом пригласил его войти. – Йоран – телохранитель принца.

– С ним все в порядке? – спросила Ханна.

Йоран кивнул. Его слишком хорошо вымуштровали, чтобы он мог позволить себе заламывать руки или ерзать, но Нина прекрасно видела, что он нервничает.

– Сэр, – начал он, но тут же смолк. – Коммандер Брум, королевская семья требует присутствия вашей дочери и ее горничной.

У Ильвы вырвался тихий всхлип. Но Брум лишь кивнул.

– Понятно. Тогда нам нужно идти.

Йоран откашлялся.

– Приглашение звучало весьма четко. Ждут только девушек.

– Джель, что же это? – сказала Ильва, и слезы потекли по ее щекам. – Мы не можем этого позволить. Ханне нельзя встречаться с ними одной.

– Я не одна, – возразила Ханна. Она слегка дрожала, но поднялась вполне уверенно. – У меня есть Мила.

– Переоденься, – велел Брум.

Она посмотрела на пятна крови на платье.

– Конечно. Мне нужна минута.

Ильва схватила Ханну за руку.

– Нет. *Нет.* Ярл, ты не можешь позволить ей сделать это.

– Ей придется. – Он положил руку на плечо Ханны. – Ты – моя дочь, не смей опускать голову.

Ханна поняла подбородок.

– Никогда.

Чувство, мелькнувшее в глазах Брума, похоже, было гордостью.

Ханна и Нина поспешили в свои комнаты, чтобы переодеться.

Стоило им закрыть дверь, как Ханна выпалила:

– Я не хотела.

– Я знаю, знаю, – заверила Нина, уже успевшая выбрать платье для Ханны, из скромной шерстяной ткани цвета слоновой кости, без малейшего намека на вычурный блеск предыдущего наряда, который ей довелось носить так недолго. Затем подобрала похожее невзрачно-коричневое платье для себя.

– Думаешь, принц знает?

– Нет. Может быть. Я не знаю. Он был не в том состоянии, чтобы делать какие-то выводы.

– Мой отец… я думала, он видел.

– Знаю.

Нина поверить не могла, что Ханне удалось исцелить принца на глазах у Брума и он ничего не понял. Но люди привыкли видеть лишь то, что хотели. Брум ни за что бы не поверил, что его дочь – вместилище скверны.

Ханна надела платье. Ее трясло.

– Нина, если они меня проверят…

В тюрьме Ледового Двора держали гришей-усилителей, людей, наделенных способностью определять силы других гришей.

– Есть способы это обойти, – сказала Нина. Эти способы она узнала у Отбросов. Джеспер Фахи покрывал руки парафином, чтобы участвовать в карточных играх с высокими ставками, где присутствие гришей – способных манипулировать чем угодно, от колоды до настроения противника – не приветствовалось.

Но сейчас, похоже, времени на использование подобных хитростей не было. Нина не знала, сможет ли она помочь Ханне. Они были заперты на Белом острове, в сердце Ледового Двора, и если выяснится, что Ханна – гриш, у них не будет путей отступления.

– Если тебя раскроют, то посадят в тюрьму дожидаться суда. Это даст мне время.

– Для чего?

– Чтобы разработать план. И вытащить тебя.

– Как?

– Я училась у лучших в Кеттердаме. Я найду способ. – Она поймала взгляд Ханны. – Не сомневайся в этом.

Йоран ждал у дверей, когда они вышли. Он проводил их из апартаментов назад во дворец через запутанную паутину коридоров. Нина сомневалась, что ей самой удастся найти обратную дорогу. Возможно, в этом-то и был смысл.

– С принцем все хорошо? – спросила Нина.

Йоран не ответил. Его плечи застыли. Нина знала, что дрюскели, особенно проходящие обучение, очень тщательно соблюдают протокол, но этот казался самым чопорным из всех. Он был высок, даже по фьерданским меркам, но вряд ли ему исполнилось больше шестнадцати или семнадцати лет – совсем мальчишка, тем более похожий на подростка, что не имел пока права отрастить бороду.

– Как давно ты служишь телохранителем принца? – спросила она.

– Почти два года, – коротко ответил он.

Нина с Ханной переглянулись. Вряд ли им удастся многое из него вытянуть. Нина взяла Ханну за руку; пальцы у той были ледяными.

Они подошли к двери, охраняемой королевской стражей, и были препровождены в гостиную, полную кремовых и золотых подушек. Панорамные окна выходили на сверкающую ленту Ледового моста, соединяющего Белый остров с внешним кольцом Ледового Двора, и можно было наблюдать, как пушистые хлопья снега кружат за стеклом в сером свете зимнего дня. Нина полагала, что они предстанут перед своего рода королевским трибуналом, но, помимо слуг в королевских ливреях, единственным человеком в комнате оказался принц Расмус, устроившийся на диване, расшитом парчой.

– Так себе вид, правда? – сказал принц. Он выглядел бледным и хрупким, как яичная скорлупа, цветом лица почти сливаясь с горой белых подушек, на которых возлежал. Его ноги укрывало одеяло, а в руках была чашка чая.

Когда Ханна не ответила, Нина пробормотала:

– Я прямо сейчас думала о том, что он потрясающий.

– Возможно, для тех, кто не стремится увидеть весь мир. Сядьте.

Они опустились в плюшевые кресла, сделанные таким образом, чтобы ни один посетитель никогда не возвышался над наследным принцем.

– Оставьте нас, – велел принц слугам, подтверждая приказ взмахом руки. Йоран закрыл за ними дверь и встал по стойке смирно, уставившись в пустоту. – Я доверяю Йорану свою жизнь. Мне приходится. У нас нет тайн друг от друга.

Нина заметила, как челюсти Йорана чуть заметно сжались. *Интересно.* Возможно, какие-то тайны все же были.

– Йоран на два года младше меня, ему только шестнадцать, но он выше и крепче, чем я когда-либо смогу стать. Он может поднять меня по лестнице, так, словно я вешу не больше вязанки дров. И к моему величайшему стыду, ему приходилось это делать далеко не один раз. – На лице Йорана застыла непроницаемая маска. – Он никогда не показывает эмоций. Это очень утешает. Жалости мне хватает с избытком. – Он окинул Ханну изучающим взглядом. – Ты совсем не похожа на своего отца.

– Да, – подтвердила Ханна дрогнувшим голосом. – Я пошла в предков моей матери.

– А вот я, похоже, ни в кого не пошел, – вздохнул принц. – Разве что где-то в роду Гримьеров затесался гоблин. – Он наклонился вперед и похлопал по руке сначала Ханну, а затем Нину. – Все в порядке. Я не позволю вас выслать. Давайте-ка налейте себе чаю.

Ханна по-прежнему выглядела напуганной, и Нина беспокоилась, наливая чай сначала подруге, а затем себе. Трудно было позволить себе ощутить облегчение после всего, что наговорил Брум.

– С вами ничего не случится! – повторил принц. – Я запретил. – Он наклонился поближе и понизил голос: – Я устроил форменную истерику. В том, что ты хилый, есть свои плюсы.

– Но… но почему, ваше величество? – спросила Ханна.

Вопрос был закономерным, но рискованным. Знал ли он, что Ханна – гриш? Играл ли он с ними?

Принц откинулся на подушки, и выражение лукавства пропало с его лица.

– Я был болен всю свою жизнь. С самого детства. Я и не помню, когда не был объектом насмешек или беспокойства. И даже не знаю, что из этого хуже. Другие люди чураются моей слабости. Ты… ты подошла ко мне.

– Болезнь есть болезнь, – сказала Ханна. – Тут нечего боятся.

– Моя кровь была у тебя на руках. На платье. Тебе велели переодеться? – Ханна кивнула. – Ты не испугалась?

– В вашей чашке отвар полыни, да?

Принц заглянул в чашку, которая теперь остывала на столике рядом с ним.

– Он самый.

– Я воспитывалась в монастыре в Гефвалле, но всегда больше интересовалась травами, целительством.

– Тебя учили монашки? Это не похоже на предмет, который одобрила бы мать-хранительница.

– Видите ли, – осторожно начала Ханна, – вышло так, что я, некоторым образом, изучала его сама.

Принц рассмеялся и тут же закашлялся. Нина заметила, как чуть дрогнули пальцы Ханны. Она покачала головой. *Нет, это далеко не самая хорошая идея.*

Но Ханна просто не могла видеть чьи-то страдания и не откликнуться.

Кашель принца стих, и он длинно, судорожно вздохнул.

– Монастырь в Гефвалле, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Я думал, туда отправляют строптивых девиц, чтобы из них выбили весь бунтарский дух и подготовили к роли послушных жен.

– Так и есть.

– Но твой дух им сломить не удалось? – спросил принц, пристально глядя на Ханну.

– Надеюсь.

– И у тебя нет мужа.

– Нет.

– Ты поэтому вернулась в Ледовый Двор? И надела тот роскошный наряд?

– Да.

– А вместо этого к твоим ногам свалился задыхающийся принц.

Нина чуть не подавилась чаем.

– Можешь смеяться, – позволил принц. – Я не стану тебя казнить. – Он склонил голову набок. – У тебя обрезаны волосы. Это знак преданности Джелю, ведь так?

– Так и есть.

– И вы обе молились надо мной. – Его взгляд остановился на Нине. – Ты взяла меня за руку. Некоторых казнили за попытку коснуться руки принца.

– Но это была не я, – набожно заявила Нина. – Дух Джеля руководил мной.

– Так вы истинно верующие?

– А разве вы – нет? – спросила Нина.

– Трудно верить в бога, лишающего меня возможности дышать.

Ханна с Ниной промолчали. Это прозвучало как богохульство, откровенное и неприкрытое, и им явно не стоило отпускать на этот счет замечания. Кто был главным в этой комнате? Джель или принц?

Наконец Расмус сказал:

– Целительство и травничество – не то, чем занимается большинство знатных дам.

Ханна пожала плечами.

– Я не похожа на большинство знатных дам.

Принц оценил расправленные плечи Ханны, упрямую линию подбородка.

– Я это вижу. Если преданность Джелю сделает меня таким же крепким, как вы, девушки, я думаю, стоит все-таки попробовать помолиться. – Он расправил складки одеяла. – Приходите навестить меня снова. Я нахожу ваше присутствие… умиротворяющим.

Потому что Ханна лечит тебя, пока мы болтаем.

– Ступайте, – велел он, взмахнув рукой. – Йоран проводит вас назад в ваши комнаты. Передавай привет отцу.

В его голосе безошибочно чувствовался сарказм. Так, значит, презрение Брума не осталось незамеченным.

Ханна с Ниной поднялись, присели в реверансах и, пятясь, покинули комнату.

– Ты лечила его, – обвиняюще шепнула Нина.

– Дух Джеля руководил тобой? – переспросила Ханна едва слышно. – Бесстыжая.

Йоран вывел их за дверь, но не успели они пройти по коридору и пары шагов, как были остановлены двумя королевскими стражами.

– Мила Яндерсдат, – произнес один. – Вы пойдете с нами.

Нина знала, что они не станут отвечать на вопросы. Простые люди не могли допрашивать королевскую стражу.

Она сжала Ханну в быстром объятии.

– Я вернусь, не успеешь оглянуться.

Пока ее вели по коридору, она оглянулась и увидела, что Ханна смотрит ей вслед застывшим от ужаса взглядом. *«Я вернусь к тебе»,* – поклялась она. Оставалось только надеяться, что она сможет сдержать клятву.

Коридор сменился другим, и Нина, следовавшая за стражами, поняла, что оказалась в той части дворца, что была ей совершенно незнакома. Камень стен здесь выглядел древнее и был скорее не белым, а цвета слоновой кости, а когда она посмотрела вверх, то увидела

украшавшую стены резьбу в виде гребней, отчего создавалось ощущение, будто идешь внутри грудной клетки громадного чудовища, в туннеле из костей.

Это место было построено, чтобы подавлять, но архитекторы Ледового Двора выбрали не тот мотив. «*Смерть – это мой дар,* – думала Нина, – *и я не боюсь ушедших».* Она всегда носила с собой два крохотных осколка кости, спрятанных в рукаве, на случай если ей вдруг потребуются дротики. И пуговицы у нее были костяными. А еще, само собой, были мертвецы. Королей и королев, а также их важнейших приближенных хоронили на Белом острове задолго до того, как вокруг него возвели Ледовый Двор, и Нина слышала их шепот. Армия, ждущая ее приказа.

Стражи остановились у высоких двустворчатых дверей, лишь немного не доставaвших до потолка. Их украшала фигура скалящегося волка Гримьеров с короной меж остроконечных ушей, подпирающего лапой земной шар. Двери распахнулись, и Нина оказалась в длинном зале, украшенном резными колоннами, похожими на березы. Все вокруг светилось голубым, словно вырезанное из настоящего льда, и Нине на миг показалось, что она в зимнем лесу.

Старый зал для приемов, поняла она, пока они шли к трону с высокой спинкой, вырезанному из алебастра так искусно, что он походил на кружево. Королева Агата восседала на нем в том же самом белом платье, в котором присутствовала на церемонии ранее. Спина ее была выпрямлена, гладкие волосы струились вниз жемчужной волной, а на голове сиял венец с опалами.

Нина понимала, что лучше не заговаривать первой. Она присела в глубоком реверансе, опустив глаза в пол, и застыла в ожидании, чувствуя, как путаются мысли. Зачем ее привели сюда? Что могло понадобиться от нее королеве Гримьер?

Мгновение спустя она услышала, как с глухим стуком захлопнулись двери, и поняла, что осталась наедине с королевой Агатой.

– Ты молилась сегодня над моим сыном.

Нина кивнула, не поднимая глаз.

– Молилась, ваше величество.

– Я, конечно же, знаю Ханну Брум. Но я не знаю девушку, преклонившую колени перед моим сыном и осмелившуюся взять его за руку, произносившую слова Джеля, чтобы облегчить его страдания. Поэтому я спросила у своих советников, кто же ты. – Королева Агата сделала паузу. – И, похоже, это никому не известно.

– Потому что я никто, ваше величество.

– Мила Яндерсдат. Вдова купца, торговавшего рыбой и замороженными продуктами. – Она произнесла эти слова так, словно полагала, что прозвучавшее в них презрение может изменить их смысл. – Молодая женщина простого происхождения, втеревшаяся в доверие семейства Ярла Брума.

– Мне очень посчастливилось, ваше величество.

Нинина легенда создавалась с таким расчетом, чтобы выдержать самую пристальную проверку. Мила Яндерсдат из маленького городка на северном побережье была реальным человеком. И ее муж действительно пропал в море. Но когда Мила сбежала в Новый Зем, чтобы начать там все сначала с симпатичным фермером, агенты Рингсы позаимствовали ее личность для Нины.

– Я отправила людей разузнать, кто такая Мила Яндерсдат, выяснить, как она выглядит, узнать, не затесалась ли в наше окружение шпионка.

При этих словах Нина позволила себе вскинуть голову, изобразив потрясение.

– Шпионка, ваше величество?

Королева поджала губы.

– Талантливая актриса.

– Ваши люди узнают, что я именно та, кем себя называю. У меня нет причин лгать.

Внешность Нины перекроили, чтобы она походила на Милу. Этого должно было хватить для сходства по описанию. Но если дознаватели королевы, чтобы подтвердить личность Милы, привезут с собой кого-нибудь из друзей или соседей Милы, это будет уже совсем другое дело.

Долгое мгновение королева сверлила Нину взглядом.

– Мой старший сын не должен был пережить младенчество. Ты знала об этом, Мила Яндерсдат? У меня было три выкидыша, прежде чем удалось родить его. Чудом было то, что он сделал первый вдох, пережил первую ночь, первый год. Я молилась за него каждое утро и каждый вечер и продолжаю делать это с тех самых пор. – Королева побарабанила пальцами по подлокотнику трона. – Возможно, мне не стоит ждать возвращения моих дознавателей. Мой сын уязвим. Ты сама прекрасно это видела сегодня, а я всегда крайне серьезна, когда речь заходит о его безопасности и безопасности моей семьи. Проще всего было бы отправить тебя собирать вещи.

Так чего же ты медлишь? Нина ждала.

– Но, полагаю, его это может слегка расстроить, и… и я хочу знать, что сегодня произошло.

Теперь Нина поняла. Быстрое выздоровление принца не озадачило ни Брума, ни самого принца Расмуса. Но королевой двигала материнская забота, тревога – и надежда.

Она решила допросить Милу Яндерсдат, а не Ханну Брум, так как знала, что Мила беззащитна и не имеет ни имени, ни положения. Если бы Миле хотелось королевских милостей или остаться в Ледовом Дворе и если бы она что-то знала о Ханне или о случившемся, она, вероятнее всего, рассказала бы.

И Нина собиралась сделать именно это.

Впервые услышав голоса мертвых, она шарахалась от них, пыталась их игнорировать. Она слишком погрузилась в свое горе, отчаянно пытаясь удержать тонкую нить, связывающую ее с Матиасом. Смерть тогда была врагом, чудовищем, которое внезапно нападает и забирает все самое дорогое. Она не собиралась с этим мириться. Просто не могла. Но с тех пор ей удалось отпустить Матиаса, хоть ее сердце по-прежнему не могло смириться с тем, что нет никакой лазейки, никакого тайного заклинания, чтобы вернуть его, вернуть потерянную любовь. Нет, она не примирилась со смертью, но они смогли достигнуть некоторого понимания.

Говори. Нина потянулась к своей силе, ощущая ледяной поток смертности, бегущий через всех и вся, позволяя нести ее к освященной земле погоста, который находился в тени Эльдерклока, в паре сотен ярдов отсюда. *Кто обратится к Агате Гримьер, королеве Фьерды?*

Голос, ответивший на призыв, был громким и ясным – голос сильной души, ушедшей совсем недавно. И ей было что сказать.

– Шесть выкидышей, – сказала Нина.

– *Что?* – Слово упало как камень, глухим эхом раздавшись в старинном тронном зале.

– У вас было шесть выкидышей, прежде чем вы дали жизнь Расмусу. Не три.

– Кто тебе рассказал об этом? – Голос королевы посуровел, маска спокойствия дала трещину.

Линор Рундхольм, лучшая подруга королевы и первая фрейлина, мертвая и похороненная на кладбище Белого острова.

– Вы потеряли веру в молитвы, – заявила Нина, прикрыв глаза, раскачиваясь, словно вошла в транс. – Поэтому вам из подземелий доставили целительницу-гриша, которая поддерживала вас всю беременность.

– Это ложь.

Это не было ложью. Обо всем этом Нине нашептала Линор. Королева прибегла к тому, что считалось колдовством.

– Вы думаете, что ваш мальчик проклят. – Нина распахнула глаза, уставившись прямо на королеву. – Но это не так.

Тонкие пальцы королевы Агаты вцепились в подлокотники трона, как белые когти.

– Если бы то, что ты говоришь, оказалось правдой, тогда мой поступок был бы ересью. Мой сын был при рождении отмечен демонами, покинут Джелем. Для него не осталось бы никакой надежды, неважно, сколько бы я ни молилась.

Нине стало почти жаль эту женщину, отчаявшуюся мать, желающую всего лишь дать здоровую жизнь ребенку. Но как только Расмус был рожден, а затем и отнят от груди, она отправила целительницу, помогавшую ей, на смерть. Она не могла позволить кому-нибудь узнать о том, что сделала. Знала лишь Линор, ее ближайшая подруга, настолько дорогая, что королева запретила ей отправляться вслед за мужем на фронт. *«Ты нужна мне здесь»*, – заявила тогда Агата, а пожелание королевы было равно приказу. Муж Линор погиб на поле боя, а Линор многие годы провела на Белом острове, обхаживая эгоистичную королеву и ее больного сына, и горе ее превращалось в злость.

– Когда я была маленькой девочкой, – начала Нина, – я свалилась в реку. Была середина зимы. Я должна была замерзнуть. Должна была утонуть. Но когда родители нашли меня на берегу двумя милями ниже того места, где я упала, я оказалась целой и невредимой, щеки мои были розовыми и сердце билось ровно. Сам Джель благословил меня. Я была отмечена даром ясновидения. С тех самых пор я узнала много вещей, знать которые просто не могла. И я точно уверена в одном – ваш сын не проклят.

– Так почему он страдает? – В голосе королевы слышалась мольба, все ее высокомерие смыло отчаянием.

Отличный вопрос. Но Нина была к нему готова. Будучи гришом, она научилась использовать мертвых и как информаторов, и как оружие. Будучи шпионом, она могла использовать таким же образом живых. Иногда им требовался всего лишь хороший толчок. Она нашла те слова, которые королева хотела услышать, не из-за того, что ей нашептала мертвая фрейлина, а из-за того, в чем сама нуждалась, когда умер Матиас, из-за сильнейшей потребности поверить, что у ее страданий есть причина.

– У всего этого есть цель, – выдала она обещание, предсказание. – И у ваших страданий тоже. Джель говорил через воды сегодня. Ваш сын поправится, станет сильным и достигнет величия.

Королева судорожно, длинно всхлипнула. Нина поняла, что она отчаянно старается сдержать слезы.

– Оставь меня, – велела она дрогнувшим голосом.

Нина присела в реверансе и попятилась прочь из зала. Прежде чем двери захлопнулись, она услышала звуки, похожие на рыдания, и увидела, как королева рухнула на колени, обхватив голову руками.

11. Зоя

Николай с Зоей молчали, спускаясь вниз по лестнице, погруженной в унылый сумрак по сравнению с залитой светом тюрьмой Дарклинга.

Снаружи царила луна, низко висящая над горизонтом, и ее свет разбавлял темноту ночи голубыми пятнами. Белый гравий дорожки, ведущей к Большому дворцу, сиял ярко, как россыпь звезд. Они не проронили ни слова, пока не добрались до гостиной Николая и не закрыли дверь.

– Он забавный, – сказал Николай, наливая бренди в стакан. – Я и забыл, какой он забавный.

Она взяла предложенный ей стакан.

– Алина должна решить сама.

– Ты знаешь, какое решение она примет, когда узнает, что на кону.

Зоя сделала большой глоток и двинулась прямиком к камину. Она поставила стакан на полку сверху. Тепло огня дарило уют, и зверь внутри нее словно бы вздохнул от удовольствия.

– Нельзя снова заставлять ее геройствовать.

– Он хочет разговора, а не реванша.

– Ты в этом уверен?

– Ты носишь часы, что я подарил.

Зоя посмотрела на маленького серебряного дракона.

– Лучше бы ты дал мне повышение.

– Нам это не по карману.

– Тогда блестящую медаль. Или симпатичное поместье.

– Как только война закончится, сама выберешь.

Зоя снова пригубила бренди.

– Выбираю дачу под Удовой.

– Это же дом моих предков!

– Что, уже берешь назад свое предложение?

– Конечно, нет. В ней жарковато летом и адски холодно зимой. Тебе оно надо?

– Мне нравится вид.

– Да из этой дачи всего вида, что разрушенная мельница и замшелый городишко.

– Я знаю, – сказала она. Она могла остановиться на этом. И должна была. Но почему-то продолжила: – Я там выросла.

Николай изо всех сил постарался скрыть удивление, но Зоя слишком хорошо его знала. Она никогда прежде не заговаривала о своем детстве.

– О? – выдал он слишком беспечно. – Так у тебя там семья?

– Не знаю, – призналась она. – Я не разговаривала с родителями с тех пор, как они пытались продать меня знатному богачу, едва мне исполнилось девять. – Она никогда никому не рассказывала, что произошло в тот день. Она позволила прежней жизни, семье и всем прочим потерям кануть в прошлое. Но в последнее время все труднее становилось держать все в себе, словно оставаться самой собой было тяжело, если никто не знал, кто ты на самом деле.

Николай поставил свой стакан.

– Это не… не… Законы запрещают…

– А кто следит за их исполнением? – мягко спросила Зоя. – Богачи. Которые делают, что пожелают. С властью к человеку не приходит мудрость.

– И я тому пример.

– Ты частенько ведешь себя, как настоящий идиот. Но ты хороший человек, Николай. И хороший король. Я бы не стала служить другому.

– Мне не нравится это слово.

– Служить? Это честное слово. Ты – король, которого я выбрала. – Она сделала еще один глоток и повернулась к огню. Было легче рассказывать о своих тревогах пламени. – В прошлый раз, когда мы пробовали провести *обисбайю*, ты почти умер. Ты не можешь снова подвергать себя такой опасности. Даже ради Равки.

– Дарклинг тоже будет уязвим. И сейчас самое время попытаться. Мы не знаем, вернутся ли к нему силы и когда это случится, и я не собираюсь позволить ему уничтожить Юрия.

– Вместо этого ты намерен выдворить Дарклинга.

– Но ведь это он захватчик. А монашек все еще там. Ты сама видела.

Зоя смотрела, как пляшут языки пламени, рассыпая искры.

– Ты не должен его недооценивать.

Как многие другие. Как она сама.

– Зоя.

– Что?

– Зоя, взгляни на меня.

Зоя обернулась и ахнула. Руки сами взлетели в боевую позицию, стакан выскользнул из пальцев и разбился об пол.

Николай стоял рядом со столом.

А рядом с ним стоял демон. Казалось, что он парит над полом – пятно тьмы в форме ее короля, с черными, дымом завивающимися на концах крыльями.

– Это… Как?

– Монстр – это я, и я – монстр. Если Дарклинг прав и все это не очередная уловка, *обисбайя* может быть именно тем, что поможет нам раз и навсегда разобраться с Каньоном. Демон сможет выбраться из меня и навсегда слиться с тьмой.

Демон зашипел, и Зоя отступила назад, едва не угодив ногой в огонь.

– Но это мой демон, а не Дарклинга, – продолжал Николай. Он протянул ей руку, покрытую шрамами под перчаткой. – Не бойся.

Она чувствовала мольбу в его голосе так ясно, словно услышала ее из его уст. *Не отворачивайся от меня. Только не ты.* Открылось ли в ней снова драконье видение? Или она просто приняла это за отражение собственных желаний? Никому другому она не могла бы позволить увидеть свою слабость, свой страх. Своего зверя.

Зоя встретила взгляд Николая.

– Ты можешь его контролировать?

– Могу.

Она шагнула вперед, затем еще раз, заставляя себя пересечь комнату, пока не остановилась перед ними обоими. Ее разум кричал, что нужно бежать от неправильности, которую она видит, от этой твари, созданной из ничего и стоящей рядом с ее королем.

– Может быть, *обисбайя* сработает, – сказал Николай, и взгляд его ореховых глаз был спокоен. – Но что, если нет? Что, если демон навсегда останется со мной? И часть меня всегда будет связана с Дарклингом, с его темной силой? Останусь ли я твоим королем? Или ты будешь бояться меня? Начнешь ли ненавидеть меня, как ненавидишь его?

Ответа на это у нее не было. Она всегда предполагала, что рано или поздно они как-нибудь найдут способ избавить Николая от этой твари. Возможно, поэтому она и хотела попробовать обисбайю снова, несмотря на огромную угрозу его жизни. Не ради того, чтобы уничтожить Каньон, а потому, что ей была ненавистна сама мысль о том, что часть силы Дарклинга живет внутри короля.

Теневая тварь подняла лапу, и Зоя сжала кулаки, решительно настроенная стоять до конца. Края фигуры демона расплывались, напоминая густой туман. Его длинные пальцы оканчивались когтями.

Он потянулся к ней, и Зоя усилием воли заставила себя остаться на месте. Он провел костяшками по ее щеке, и она рвано вздохнула. Его прикосновение было холодным. Он был плотным. Имел форму.

Сила. Древняя сущность внутри нее узнала эту тьму, саму основу вселенной. Это был и Николай, и в то же время нет.

– Ты бы все равно остался моим королем, – сказала она, следя, как демон ведет пальцами от щеки к горлу. – Я знаю, кто ты.

Кто сейчас прикасался к ней – монстр или ее король? И была ли теперь разница? В молчании комнаты было слышно потрескивание пламени, тишина ночного дворца окутывала их, заворачивая в плотное покрывало.

Демон подцепил когтями ленту в ее волосах и потянул. Развязавшись, она скользнула на пол. Медленно он убрал лапу. Почудилось ли ей его сожаление?

Существо снова растворилось в теле Николая, словно тень, слившаяся с фигурой хозяина.

У Зои вырвался прерывистый вздох.

– Думаю, мне не помешает еще стаканчик. – Николай протянул ей свой, и она опрокинула в себя остатки бренди. Он пристально следил за ней. Она видела, как он сгибал пальцы, словно сам касался ее. – Как давно ты умеешь… вот так?

– С Каньона.

– Еще, – попросила Зоя, протягивая стакан. Он наполнил его. Она разом опустошила. – И ты правда считаешь, что стоит попытаться найти этих монахов, чтобы вырастить терновый лес?

– Правда.

– Я не знаю, – сказала Зоя. – Эта задумка с Алиной. Мне кажется, он тянет время. Или у него какой-то другой план.

– Я уверен, что так и есть. Но нам нужно найти способ остановить распространение этой заразы. Если бы фьерданцы не дышали нам в спину, если бы не надвигалась эта свадьба, мы бы попытались справиться с этим явлением сами. Мы бы натравили на эту дрянь всех ученых во главе с Давидом. Но Давид не должен отвлекаться от работы над тем, как нам выиграть войну. Поэтому сейчас нам нужен Дарклинг, как я когда-то и подозревал.

– Алина отдала свою силу, чтобы победить его. Скорее всего, она захочет убить нас обоих с особой жестокостью за то, что мы умудрились его вернуть.

Николай грустно усмехнулся.

– Хуже всего то, что я сомневаюсь, что она попалась бы на его уловку. Как только бы она взглянула на Елизавету, сразу бы пошла обратно. Сироты, знаешь ли. Сама проницательность.

Зоя подумывала над еще одним стаканом бренди, но ей не хотелось завтра мучиться похмельем.

– Мы не можем привезти ее сюда, особенно с учетом всех прибывающих гостей. И даже речи быть не может о том, чтобы подпустить его к Керамзину.

– Нам понадобится безопасное место. Уединенное. Со множеством солнечных солдат вокруг.

– Недостаточно. Если Алина согласится, я отвезу его к ней сама. Я найду то, что поможет нам вырастить терновый лес.

Николай помедлил, положив руку на бутылку.

– Свадьба меньше чем через две недели. Я… Ты нужна мне здесь.

Зоя изучала свой пустой стакан, поворачивая его то в одну, то в другую сторону.

– Было бы лучше, если бы я отсутствовала. Слухи о нас… Нет сомнений, что они дошли до королевы Макхи. И мое присутствие все только усложнит. – Но это была лишь часть правды. – Кроме того, кому еще ты можешь доверить отправиться с ним? Сдержать его, если что-то пойдет не так.

– Я мог бы поехать с тобой. Хотя бы часть пути.

– Нет. Нам нужен король, а не искатель приключений. Твоя работа здесь. С принцессой Эри. Поговори с ней. Укрепи связь между вами. Нам необходимо ее доверие.

– Ты говоришь так, словно завоевать ее доверие легко.

– Ее раны могут стать хорошим подспорьем. Преданно сиди у ее постели. Рассказывай истории или попроси Толю выбрать какие-нибудь стихи.

Николай покачал головой.

– Святые свидетели, ты совершенно бессердечна. Она чуть не сгорела заживо.

– Я знаю. Но тем не менее тебе следует прислушаться. Дарклинг всегда знал, как использовать окружающих его людей.

– А мы должны быть такими же, как он?

Зоя хрипло рассмеялась.

– Король с демоном внутри. Монах с Дарклингом внутри. Генерал с драконом внутри. Мы теперь все монстры, Николай.

Она поставила стакан и направилась к двери. Пришло время отправляться ко сну.

– Зоя, – окликнул Николай. – На войне тяжело помнить о том, кто ты есть. Давай не забывать о том человеческом, что в нас осталось.

Хотела ли она забыть? Каким это стало бы подарком. Никогда не чувствовать того, что чувствуют люди, никогда не знать горя. Тогда ей не было бы так тяжело уходить из этой комнаты. Закрыть дверь перед тем, что могло бы произойти.

Сказать «прощай».

Ранним утром следующего дня Зоя с Тамарой уселись решать, кого из солнечных солдат ей нужно будет взять с собой, и искать подходящее место для этой проклятой встречи. Сначала выбирали между бывшей военной базой и виноградником, пораженным тленом. Но база находилась неподалеку от города, а виноградник не подходил, потому что Зоя боялась везти Дарклинга в место, хоть как-то связанное с Каньоном. Возможно, этот страх был безосновательным, но она не хотела оставлять даже малейшего шанса тому, что эти мертвые земли могут как-то подстегнуть возвращение силы к Дарклингу. Наконец, остановились на заброшенном санатории между Крибирском и Балакиревом. От Керамзина туда можно было добраться за день – если предположить, что Алина согласится им помочь.

Как только Зоя свернула карту, Тамара положила руку ей на плечо.

– Это правильный выбор.

– А кажется ошибкой.

– Его можно победить, Зоя.

Даже если так и было, доказательств Зоя пока не видела. Даже смерти не удалось побороть Дарклинга.

– Может быть.

– Нам нужно что-то предпринять. Вчера вечером мне донесли, что пятно тлена возникло под Шурой. Оно раскинулось на десять квадратных миль.

– *Десять?* Значит, оно растет.

– У нас не осталось времени, – сказала Тамара.

Зоя потерла лицо рукой. На сколько же фронтов они смогут биться одновременно?

– Тебя не будет на свадьбе, – продолжила Тамара, и ее губы изогнулись в грустной полуулыбке. – Все изменится, когда ты вернешься.

Зое не хотелось об этом думать.

– Обещай мне, что будешь бдительной. Невозможно предсказать, что может выкинуть Макхи. Или принцесса Эри, если уж на то пошло.

– Это игра, – заявила Тамара и, усмехнувшись, щелкнула пальцами по рукояткам своих топоров. – Но я готова и к хорошей драке.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

Тамара пожала плечами.

– Надежду я оставляю в сердце, а вот топор держу в руке.

Зое еще многое хотелось сказать, но все это сводилось к одной невыполнимой просьбе: будьте осторожны.

Зоя выслала вперед разведчиков, чтобы проверили местность вокруг санатория и убедились, что неподалеку есть ровная площадка, где можно посадить дирижабль. Другие приготовления могли подождать. Ей необходимо было поговорить с Женей и Давидом.

Она нашла их в мастерских субстанциалов. Когда Триумвират восстановил Малый дворец после нападения Дарклинга, эти помещения были расширены, чтобы отразить возросшее значение субстанциалов в военных действиях. У Давида был свой собственный кабинет и трое помощников, трактовавших и реализовывавших его планы. Он делил все свое время между этим кабинетом и лабораторией в поместье Крыгина, и Женя частенько работала рядом, перекраивая шпионов, помогая людям избавиться от шрамов, смешивая тонизирующие зелья и яды, если в этом была нужда.

Вот и сейчас Зоя обнаружила ее, уютно устроившуюся на диване у стола Давида, в круге света от его рабочей лампы, охватывающем их обоих. Туфли она скинула, а яркие, бронзовые кудри стянула в узел. В руке у нее было надкушенное яблоко, на коленях – книга, солнце, вышитое на закрывающей глаз повязке, поблескивало. Она походила на прекрасную лихую пиратку, сошедшую со страниц книги и принесшую капельку сверкающего хаоса в упорядоченный мир Давида.

– Что читаешь? – поинтересовалась Зоя, устраиваясь рядом с Жениными ногами в ярких чулках.

– Керчийская книга о распознавании ядов. Пришлось заказывать отдельный перевод на равкианский.

– Полезная?

– Посмотрим. Описанные случаи прелестно кровавы. Все остальное – большей частью нотации о вероломстве женщин и опасностях нашего времени, но можно почерпнуть несколько идей.

– Насчет ядов?

– И лекарств. Это зачастую одно и то же. Дело только в дозе. – Женя нахмурилась. – Что-то случилось?

– Дарклинг хочет видеть Алину.

Женя отложила яблоко в сторону.

– Разве мы теперь исполняем его желания?

– Он заявил, что знает, как остановить разрастание Каньона.

– И мы ему верим?

– Я не знаю. Он говорит, что нужно повторить *обисбайю*.

Беспокойство во взгляде Жени казалось Зое совершенно разумным.

– Тот обряд, что чуть не убил Николая.

– Он самый. Но чтобы провести его, потребуется снова вырастить древний терновый лес. По крайней мере, таковы его слова. Что ты об этом думаешь, Давид?

– Хм-м?

Женя захлопнула лежащую на коленях книгу.

– Зоя хотела узнать, стоит ли позволить нашему злейшему врагу попробовать еще раз убить короля, чтобы, возможно, успокоить Каньон. Может это сработать?

Давид отложил ручку и снова взял ее. Его пальцы были в чернильных пятнах.

– Возможно. – Он на мгновение задумался. – Каньон появился в результате неудачных экспериментов по воскрешению, когда Морозов пытался вернуть животных из мертвых, чтобы сделать из них усилители. Ему это удалось с оленем и морским хлыстом.

А затем и с собственным ребенком. Алина рассказала им эту историю, правду, прячущуюся за этими легендами. Илья Морозов, Костяной кузнец, намеревался сделать третий усилитель из жар-птицы. Вместо этого им оказалась его дочь, девочка, которую он воскресил из мертвых и напоил своей силой. Эта сила через ее потомков перешла к следопыту – Алининому следопыту, Мальену Оретцеву, – который тоже погиб и был воскрешен в песках Каньона.

– Вы помните Юрия? – спросила Зоя. – Дарклинг хочет использовать обряд, чтобы вытеснить из тела то, что еще осталось от монашка, и поглотить демона короля. Он полагает, что это поможет ему вернуть силу.

Своего рода теневая игра в наперстки. Зою выводила из себя сама мысль об этом.

Женя сжала кулаки, сминая ткань своего *кафтана.*

– И мы ему это позволим?

Зоя замялась. Ей хотелось дотронуться до Жени, утешающе обнять ее. Вместо этого она сказала:

– Ты же знаешь, что я бы ни за что не позволила подобному случиться. Николай уверен, что сможет предотвратить это.

– Риск слишком велик. Неужели это на самом деле остановит разрастание Каньона?

Давид уже некоторое время сидел, уставившись в пространство и постукивая пальцами по губам. Рот его уже был испачкан в чернилах.

– Это было бы своего рода возвращение к изначальному порядку вещей, но…

– Но? – уточнила Женя.

– Трудно сказать. Я читал заметки об исследовании, проведенном Толей и Юрием. Там в основном религия, сказки о святых и очень мало фактов. Но есть и некая закономерность, что-то, чего я не могу до конца понять.

– Что за закономерность? – спросила Зоя.

– Малая наука зиждется на принципах сдерживания силы в узде и укрепления связи гришей с основой творения в сердце мира. Каньон стал их нарушением, разрывом в ткани вселенной. Этот разрыв так до конца и не закрылся, и я не уверен, что *обисбайи* для этого будет достаточно. Но старые истории о святых и происхождении силы гришей связаны между собой.

Зоя скрестила руки на груди.

– Так, значит, все, что мне может сказать величайший ум Второй армии, это: «Полагаю, стоит попробовать»?

Давид задумался.

– Да.

Зоя не знала, зачем она снова и снова старается найти подтверждение.

– Если сведения Дарклинга верны, нам потребуется сильный фабрикатор, чтобы помочь вырастить терновый лес, когда мы добудем семена.

– Я могу попробовать, – сказал Давид. – Но это не совсем моя сфера. Нужно подумать насчет Леони Хилли.

Зоя знала, что Давид не станет изображать ложную скромность. И если он сказал, что Леони – лучший выбор, значит, имел в виду именно это. Странно было осознавать, что, не считая короля, она никому в мире больше так не доверяла, как людям, сидящим в этой комнате. Вместе их собрала Алина, решив, что каждый из них станет представлять свой орден гришей – субстанциалов, эфиреалов и корпориалов. Она поручила им реорганизовать Вторую армию, объединить обломки, оставленные Дарклингом после себя, и создать из них нечто сильное и боеспособное. И каким-то образом вместе им это удалось.

В те времена она проклинала Алину. Ей не хотелось работать с Женей и Давидом. Но ее амбиции – и уверенность, что она лучше всего подходит для этой работы, – не позволили ей отказаться от такой возможности. Она полагала, что заслуживает своей должности и что со временем ей удастся подчинить Женю с Давидом своей воле или заставить их отказаться от своих постов. Но вместо этого она научилась ценить их мнение и полагаться на их суждения. Снова и снова она ловила себя на мысли, что ей не приходится проходить через все это в одиночестве.

– Чего это ты так нахмурилась, Зоя? – спросила Женя, лукаво улыбнувшись.

– Нахмурилась?

Похоже, хмурилась она на саму себя. Стыдно было осознавать, как она ошибалась.

Женя вытащила платок из кармана, перегнулась через подлокотник и принялась оттирать рот Давида.

– Любовь моя, у тебя все лицо в чернилах.

– Это важно?

– Правильный ответ: «Моя прекрасная жена, очисти же его своими поцелуями».

– Спонтанность. – Давид задумчиво кивнул и вытащил блокнот, чтобы записать последние рекомендации. – В следующий раз буду готов.

– Технически позже уже наступило. Давай попробуем еще раз.

Как удобно им друг с другом. Как легко. Зоя подавила укол ревности. Некоторые люди предназначены для любви, а некоторые – для войны. Одно с другим не смешивается.

– Я напишу Алине, – предложила Женя. – Такие новости должны прийти от меня. Но… это значит, что тебя не будет на свадьбе?

– Мне жаль, – сказала Зоя, хоть это и было не совсем правдой. Ей хотелось бы присутствовать ради Жени, но большую часть жизни она обходила стороной подобные события, не будучи уверенной, что там ей место. Лучше всего ей было во время очередного важного задания, а не в украшенной розами церкви, где звучат клятвы в вечной любви.

– Я прощаю тебя, – сказала Женя. – Почти. Гости должны любоваться невестой, а не роскошной Зоей Назяленской. Только позаботься о нашей девочке. Мне ненавистна сама мысль о том, что Дарклинг снова приблизится к Алине.

– И мне тоже.

– Я надеялась, нам не придется рассказывать ей о его возвращении.

– Что мы успеем закопать его в землю и она никогда ничего не узнает?

Женя усмехнулась.

– Я бы ни за что не стала закапывать его. Кто знает, что потом вырастет на этом месте?

– Вовсе не обязательно, что он переживет эту поездку, – задумчиво сказала Зоя. – Всякое может случиться.

– А ты бы убила его за себя или за меня?

– Честно сказать, я уже точно и не знаю.

Женя чуть вздрогнула.

– Я рада, что его не будет здесь. Пусть и недолго. Невыносимо знать, что он в нашем доме.

Наш дом. Значит, вот чем стало теперь это место? Вот что они из него сделали?

– Его должны судить, – вмешался Давид.

Женя наморщила нос.

– А может, его нужно сжечь на костре, по фьерданскому обычаю, и развеять прах над морем. Я – чудовище, раз так говорю.

– Нет, – отрезала Зоя. – Как любит напоминать мне король, все мы люди. А ты… Когда я оглядываюсь назад, мне ненавистна мысль, какой легкой мишенью для манипулятора я была.

– Жаждущая признания и полная гордыни?

Зоя скривилась.

– Все было настолько очевидно?

Женя взяла Зою под руку и положила ей голову на плечо. Зоя постаралась не напрягаться. Ей была непривычна подобная близость, но маленькая девочка внутри жаждала ее, помнила, как легко было смеяться с тетей, как ей нравилось, когда Лада забиралась к ней на колени, требуя сказку. Она притворялась, что ей это не нравится, но только там чувствовала себя на своем месте.

– Мы все были такими. Он забрал нас из семей, когда мы были так малы.

– Об этом я не жалею, – возразила Зоя. – Я за многое его ненавижу, но не за то, что научил меня сражаться.

Женя подняла на нее взгляд.

– Просто помни, Зоя, он учил тебя сражаться не просто так, а по его приказу. А для тех, кто осмеливался ему перечить, у него были только наказания.

Из-за него у Жени появились шрамы, из-за него она пережила столько боли.

Нет, это было неправдой. Зоя знала, что Женю вынудили пережить, когда они были совсем девчонками. Все знали. Но другие гриши не пытались ее утешить или поддержать. Они издевались над ней, задирали носы, не звали с собой за стол и исключали из дружеского круга. Они совершенно непростительно оставили ее в одиночестве. А Зоя была худшей из всех. Дарклинг был не единственным, кто заслужил наказание.

«Но теперь я смогу все исправить, – поклялась Зоя. – *Я могу сделать так, что он никогда сюда не вернется».*

Она позволила себе прижаться щекой к Жениной шелковистой макушке и пообещала себе и ей: чем бы ни закончилась их поездка, Дарклинг сюда не вернется.

12. Николай

Зоя не стала дожидаться прощания. С Алиной связались, и она – хвала ее великодушию или нездоровой тяге к мученичеству – согласилась на встречу. Зоя взялась за подготовку поездки с предсказуемо беспощадной тщательностью и спустя неделю уехала. До рассвета, без фанфар и прощальных слов. Николай одновременно был задет и благодарен. Она была права. Слухи о них стали досадной помехой, а помех им и так хватало с лихвой. Зоя была его генералом, а он – ее королем. Для всех было лучше помнить об этом. И теперь он мог бывать в Малом дворце, не боясь наткнуться на нее и пострадать от ее ядовитого языка.

«Великолепно, – сказал он себе, выходя из Большого дворца. – *Так почему у меня такое чувство, будто мои внутренности медленно поглощает волькра?»*

Он миновал туннель из ветвей, в которых теперь узнавал айву, и направился к озеру, где увидел два своих новых флайера, мягко покачивающихся на волнах и поблескивающих корпусом в сером утреннем свете. Это были невероятные машины, но у Равки не хватало денег на то, чтобы производить их в необходимых количествах. Пока. Возможно, вливание шуханского золота решит эту проблему.

Шпионы Тамары сообщили новости о публичном приступе фьерданского принца, и в этом не было ничего хорошего для Равки. Они возобновили дипломатические переговоры, но Николай знал, что Фьерда отдельно ведет переговоры с Западной Равкой, убеждая ее отделиться. Ярл Брум годами принимал стратегические решения для своей страны, и слабость принца Расмуса лишь добавила ему дерзости.

Лазарет находился в крыле корпориалов в Малом дворце, за внушительными дверями, покрытыми красным лаком. Здесь находились отдельные палаты для пациентов, нуждающихся в непрерывной заботе и тишине, и одна из них была отведена для принцессы Эри Кир-Табан. Коридор тщательно охранялся гришами и дворцовой стражей.

Эри лежала на узкой койке. На ней был зеленый шелковый халат, расшитый бледно-желтыми цветами. Ее кожа была ярко-розовой, сияющей и упругой. Огонь спалил волосы у нее на голове, и теперь ее украшала повязка из мягкой белой ткани. На лице не было ни ресниц, ни бровей. Женя говорила, что потребуется несколько дней, чтобы вернуть коже и волосам Эри прежний вид, но самый серьезный ущерб удалось устранить. Чудом было то, что ей вообще удалось выжить, – чудом, сотворенным целителями-гришами, которые восстановили ее тело и снимали боль, пока шло восстановление.

Николай присел рядом с постелью. Эри ничего не сказала. Она повернула голову набок, переведя взгляд с него на сады за окном. Одинокая слеза скатилась по ее пылающей щеке. Николай вытащил из кармана платок и промокнул ее.

– Я бы хотела, чтобы вы ушли, – заговорила Эри.

Именно эти слова она произносила всякий раз, когда он собирался с силами, чтобы поговорить с ней, с тех самых пор, как ее истинная личность была установлена. Но он не мог тянуть еще дольше.

– Нам нужно поговорить, – заявил он. – Я принес романы и черешню в качестве подкупа.

– Черешню. Посреди зимы.

– В теплицах гришей не бывает зимы.

Она закрыла глаза.

– Я нелепо выгляжу.

– Вы розовая и практически безволосая. Как младенец, а младенцы всем нравятся. – На самом деле она выглядела скорее как лысый кот, которого его тетушка Людмила любила больше всех своих детей, но говорить леди такие вещи было не слишком вежливо.

Эри не желала поддаваться его обаянию.

– Вам надо всем нужно посмеяться?

– Нужно. Согласно королевскому указу и проклятью моего собственного характера. Я считаю, что жизнь практически невыносима без смеха.

Она вернулась к разглядыванию садов.

– Вам нравится вид? – поинтересовался он.

– Этот дворец ничто по сравнению с величием Амрат Ена.

– Могу себе представить. Равка никогда не могла сравниться с Шуханом по красоте пейзажей или дворцов. Мне говорили, что архитектор То Юл-Хан однажды взглянул на Большой дворец и заявил, что это оскорбление божественного взора.

Уголок губ Эри дрогнул в намеке на улыбку.

– Вы изучаете архитектуру?

– Нет. Мне просто нравится конструировать разное. Устройства, приборы, летающие машины.

– Орудия войны.

– Это необходимость, а не призвание.

Эри покачала головой, и еще одна слеза скатилась по щеке. Николай подал ей платок.

– Оставьте себе, – сказал он. – На нем вышит герб Ланцовых. Вы можете в него высморкаться и таким образом отомстить вашим пленителям.

Эри прижала платок к глазам.

– Почему? Почему Тавгарады совершили такое? Шенье охраняла колыбель, в которой я спала младенцем. Тайен учила меня лазать по деревьям. Я не понимаю.

– Что произошло в тот день до нашего приезда?

– Ничего! Ваши стражи передали мне письмо от сестры. Ответ на свадебное приглашение, отправленное по вашему настоянию. Она просила, чтобы я сообщила Тавгарадам о свадьбе, и я отнесла письмо им. Они… они сказали, что письмо – это шифровка. Что пришло время для побега.

– Но в письме вашей сестры оказался другой приказ.

– Я сама его читала! – заплакала Эри. – Там ничего такого не было!

– А что еще могло заставить Тавгарадов решиться на такие действия?

Эри снова отвернулась.

На самом деле Николай и не ждал, что она поверит ему. Принцесса никак не хотела принять мысль о том, что она не должна была вернуться живой из своей поездки в Ос Альту, что ее старшая сестра с самого начала планировала ее смерть. Даже после того, что она пережила, а может, и по причине того, что она пережила, она не могла смириться с этой мыслью. Физической боли хватало с лихвой, но очередное предательство сестры было слишком сложно осознать.

Правильнее всего было подождать, дать ей шанс оправиться. Но он потратил необходимое время, притворяясь галантным ухажером. И теперь ему требовался кто-то, кто мог бы поддержать его аргументы.

– Секунду, пожалуйста, – попросил он, выходя в коридор.

Вернулся он, толкая перед собой кресло на колесах.

– Майю! – воскликнула Эри.

Николай намеренно разлучил их на многие недели после попытки Майю Кир-Каат убить его. До прошлого вечера он не пытался поговорить с Майю или переманить ее на свою сторону. Невозможно было испытывать сочувствие к убийце Исаака. Слишком всеобъемлющим было собственное чувство вины. Командуя армией, ты часто отправляешь на смерть сотни солдат. Будучи королем, знаешь, что жертв будет еще больше. Но Исаак погиб, изображая Николая, под его личиной, защищая его корону.

– Мне сказали, что ты при смерти! – пожаловалась принцесса Эри.

– Нет, – прошептала Майю.

Ее держали под строгим надзором, и гриши-целители не позволяли ей полностью поправиться. Она все еще представляла слишком большую угрозу. Майю Кир-Каат пыталась убить короля, а женщины-Тавгарады славились как одни из самых лучших бойцов в мире.

– Прошлым вечером я показал Майю письмо, присланное вашей сестрой, – сказал Николай.

– Это просто письмо! Ответ на приглашение!

Николай откинулся на спинку кресла, взмахом руки предложив Майю продолжить.

– Я узнала поэму, которую она цитировала.

– «Да будут они как олень, спасающийся от охоты», – сказала Эри. – Я помню, что один из учителей читал мне ее.

– Она из «Песни об Олене», написанной Ни Юл-Ман, – сказала Майю. – Вы помните, как она кончается?

– Не особо. Мне никогда не нравилась современная поэзия.

Грустная улыбка коснулась губ Майю, и Николай подумал, не вспомнила ли она Исаака, который поглощал стихи, как иные пьяницы – вино.

– Она рассказывает о королевской охоте, – продолжила Майю. – Стадо оленей гонит через леса и поля стая безжалостных гончих. Чтобы не позволить жестокой своре растерзать их, олени кидаются вниз с утеса.

Брови Эри нахмурились.

– Тавгарады убили себя… из-за поэмы?

– По приказу королевы.

– А еще они пытались убить и вас, – добавил Николай.

– Но почему? – удивилась Эри. Она открыла рот и тут же закрыла, пытаясь найти какой-нибудь довод, какое-то логичное объяснение. В конце концов у нее вырвался тот же вопрос: – Почему?

Николай вздохнул. Он мог бы сказать, что королева Макхи безжалостна, но она была безжалостной не более, чем необходимо.

– Потому что, посылая приглашение, я подтолкнул ее к этому. Королева Макхи не хотела, чтобы мы поженились. Ей не нужен был союз между Шуханом и Равкой. Спросите себя вот о чем: если Майю послали изображать вас, чтобы затем убить меня и себя, тогда зачем подвергать риску вас? Почему бы не оставить вас дома, в безопасности, пока Майю Кир-Каат выполняет всю грязную работу?

– Предполагалось, что я буду помогать Майю, отвечать на возникающие вопросы, разбирать с ней моменты, понятные только королевской особе. А после того, как… все было бы кончено, я бы вернулась домой.

– Министры вашей сестры знали о заговоре с целью моего убийства?

Как спокойно он говорит о собственной смерти. Он действительно стал хорош в этом. «Может, дело в демоне?» – задумался он. В постоянной близости тьмы из бездны. Или он становится все более безрассудным?

Розовые пальцы Эри нервно сминали простыни в складки.

– Я… полагаю, знали.

Он посмотрел на Майю, которая, пожав плечами, сказала:

– Не мне было спрашивать.

– Моя сестра велела мне хранить молчание, – медленно произнесла Эри, разглаживая только что сделанные складки. – Она сказала… она сказала, что народ не одобрит ее… наш план.

Николай оценил то, что она не пыталась свалить всю вину за попытку покушения на сестру.

– Думаю, нет, – подтвердил он. – Люди любят вас. Они не захотели бы подвергать вас опасности. – Он выпрямился и хлопнул в ладоши. – Она рассчитывала на их любовь к вам. Если бы вы погибли в тот день вместе с Тавгарадами, мне нечем было бы доказать, что они убили себя сами или что вы стали их жертвой. Как только о вашей гибели стало бы известно, народ Шухана поднялся бы, требуя мести, и у королевы Макхи появилась бы причина развязать войну.

– Королева не знает, что я жива, да? – внезапно осенило Майю.

– Нет, определенно.

Майю посмотрела на Эри.

– Мы – последние свидетели. Только мы знаем детали заговора, организованного ей против короля. Мы обе были ее пешками.

Николай встал и покатил кресло Майю назад в коридор. Но не успели они добраться до двери, как Эри окликнула:

– Майю Кир-Каат. – Она приподнялась, и теперь ее фигура отчетливо выделялась на фоне окна: спина прямая, поза исполнена истинно королевского достоинства. – Я прошу прощения за то, что потребовала от тебя моя сестра… и за то, что потребовала я.

Майю изумленно посмотрела на нее. Долгое мгновение они смотрели друг на друга – принцесса и простолюдинка. Потом Майю кивнула. Николай не знал, была ли это благодарность или просто принятие.

– Зачем вы позволили нам встретиться? – спросила Майю, пока он катил ее по коридору мимо стражи.

– Мне нравится собирать моих возможных убийц в одной комнате.

Ответ был так себе. Он понимал, что рискует, позволяя этим двоим встретиться, найти общий язык. Они обе были участницами заговора против него. Они обе несли ответственность за смерть Исаака. Они обе были связаны с шуханским троном узами крови и традиций. Но слова Майю имели намного больший вес, чем слова Николая. И он решил сделать ставку на правду.

– Я точно не знаю почему. Мое чутье подсказало, что позволить вам поговорить – это правильно. Полагаю, во мне живет надежда, что вы поможете мне сохранить трон и не допустить войны между нашими странами.

Они добрались до комнаты Майю. Здесь не было окон и красивого вида. Комната скорее походила на тюремную камеру.

– Если королева Макхи хочет войны, то того же хотят и Тавгарады.

– А ты уверена, что ты все еще Тавгарад? – спросил он.

Стрела попала в цель. Майю уперлась взглядом в колени и произнесла:

– Вы ничуть не похожи на Исаака. Если бы хоть одна из нас встречала вас прежде, нас бы ни за что не удалось обмануть двойником.

– А если бы вы встретились со мной, ваш заговор был бы раскрыт, не осуществившись. Меня бы никогда не обманула телохранительница в наряде принцессы.

– Вы так уверены?

– Да, – просто ответил он. – Но Исаака учили быть солдатом, а не королем.

Когда Майю подняла глаза, в них плескалась ярость.

– Вы болтливый, тщеславный глупец. Вы тот, кем Исаак никогда не был.

Николай встретил ее взгляд.

– Я мог бы заметить, что мы оба оказались глупцами.

– Он был лучше, чем вам когда-либо удастся стать.

– Вот тут спорить не стану. – Николай присел на край ее кровати. – Ты влюбилась в него.

Майю отвела взгляд. Она была солдатом. Плакать она бы не стала, но ее голос дрогнул, когда она заговорила.

– Я думала, что полюбила короля. Я думала, что все это невозможно.

– Одна из этих вещей – правда. – Становилось ли ему легче от того, насколько она сожалела о смерти Исаака? Что они оба горевали о той жертве, что он принес? Даже если и так, сейчас он не мог ее пощадить. – Майю, мои шпионы раздобыли сведения о твоем брате.

Майю закрыла лицо руками. Николай вспомнил, что Толя и Тамара рассказывали ему о кеббен, о связи между близнецами. Он понимал, что эти слова значат для нее.

– Он жив, – продолжил Николай.

– Я знаю. Я бы знала, если бы он умер. Я бы почувствовала. Они причинили ему боль?

– Он – участник программы по созданию *кергудов*.

– Королева Макхи поклялась, что освободит его. – Майю издала горький смешок. – Но с чего бы ей держать слово? Я не справилась. Король жив.

– Спасибо тебе за это. – Николай внимательно посмотрел на нее. – Ты раздумываешь над тем, чтобы покончить с собственной жизнью.

По ее лицу было видно, что это правда.

– Я – узница в чужой стране. Ваши гриши не дают моему телу оправиться. Из моего брата пытками вынимают душу, а я не могу ничего с этим поделать. – Она подняла глаза к потолку. – И я убила невинного человека, хорошего человека, просто так. Я не Тавгарад. Я не принцесса. Я никто.

– Ты – сестра Рейема Юл-Каат, а он все еще жив.

– Но кем он стал? Кергудом… После всего, что им приходится вынести, они теряют человечность.

Николай подумал о прячущемся у него внутри демоне и о его силе.

– Возможно, главная сила людей в том, что мы не сдаемся – даже если надежда потеряна.

– Тогда я, наверное, больше не человек. – Мрачная мысль, но тут она с задумчивым видом спросила: – Вы заставите принцессу Эри стать вашей женой?

– Не думаю, что мне придется.

Майю недоверчиво покачала головой. А возможно, это был жест скорби по скромному парню, который предстал перед ней в облике короля.

– Вы так надеетесь на свое очарование?

– У меня дар убеждения. Я однажды уговорил дерево сбросить листья.

– Чепуха.

– Ну, дело было осенью. Не могу сказать, что это полностью моя заслуга.

– Очередная глупость. Вы рассчитываете, что сможете убедить нас с Эри выступить против королевы Макхи.

– Думаю, королева привела весомый аргумент за меня. Ее решение чуть не стоило вам обеим жизни.

– Скажите мне, что вы пощадили бы меня или Исаака, если бы на кону стояло будущее вашей страны.

Здесь и сейчас не было места для лжи.

– Не могу.

– Скажите, что вы не пожертвовали бы моей жизнью или жизнью Эри ради своей короны.

Николай поднялся.

– И этого тоже не могу. Но прежде, чем я приговорю кого-нибудь к смерти и мы дружно отправимся в лучший мир, я прошу тебя задержаться в этом и постараться не терять надежду.

– Надежду на что?

– На то, что не бывает вопросов с лишь одним ответом. Ты все еще жива, Майю Кир-Каат, и я бы хотел, чтобы так и было. И Исаак, этот храбрый, ослепленный любовью мученик, хотел бы того же.

Она закрыла глаза.

– Несмотря на то, что я вонзила нож ему в сердце?

– Думаю, да. Любовь никогда не добавляла мужчинам рассудительности. Думаю, это одна из тех вещей, в которых мы с Исааком похожи, – неспособность перестать любить тех, кого не следует. Дай мне шанс показать, как все могло бы быть.

Когда-то он говорил почти те же самые слова Зое. «*Дай мне шанс. Дай мне время*». Каждый день он молился о том, чтобы найти способ удержать страну от развала, сделать мирную жизнь реальностью. Но одному ему было не справиться.

Он направился к двери.

– Я велю целителям восстановить твое тело.

– Вы… правда?

Она не поверила ему.

– Будь ты друг или враг, Равка увидит тебя в расцвете сил, Майю Кир-Каат. Я никогда не уклонялся от вызова.

Николай собирался отправиться в Лазлайон верхом, чтобы встретиться с Давидом и остальными фабрикаторами, но ему нужно было проветрить голову, а небо подходило для этого лучше всего. Вместо того чтобы вернуться в Большой дворец, он направился к озеру. Развязав канат, которым его любимый флайер был пришвартован к причалу, он прыгнул на палубу «Ястреба» и завел пропеллеры. Натянул очки, и спустя мгновение флайер заскакал по глади озера, как плоский камешек, а затем рванулся ввысь.

Демону нравилось летать. Николай чувствовал, как он подставляет морду ветру, страстно желая вырваться на свободу, чтобы оседлать облака. Флайер скользнул над стенами Ос Альты и повернул на северо-восток, проплывая над обширными пастбищами. Здесь, наверху, мир казался больше, а сам он ощущал себя не королем, а скорее корсаром, которым когда-то был. *Нам нужен король, а не искатель приключений.* Как жаль.

Ему пришлось быть королем, разговаривая с Эри и Майю. Ему нужно казаться уверенным и авторитетным и при этом достаточно человечным. Но встреча с ними, разговор об Исааке растревожили его. Именно Николай когда-то привел Исаака во дворец и определил в стражу. Они были одного возраста, но как же мало успел Исаак увидеть за свою жизнь. Он больше никогда не появится дома, не встретится с сестрами и матерью. Он никогда не переведет поэмы и не увидит начало нового дня. Николай знал, что чувство вины лишь затмевает разум, замедляет его, мешает принимать сложные решения, которые потребуются от него в ближайшие дни. Оно не несло пользы, но отмахнуться от него, словно от очередного скачка настроения, Николай не мог. Исаак доверял ему, и это доверие стало причиной его смерти.

Слишком быстро перед ним возникли блестящие крыши Золотого Болота, поместья князя Крыгина, и сады наслаждений, под которыми скрывалась секретная база по разработке равкианского оружия. Он заглушил двигатели и позволил «Ястребу» мягко спланировать сквозь туманную завесу, стрекот двигателей сменился шумом ветра, разрывающим густую тишину небес. Ему показалось, что откуда-то снизу послышался свист. Он осознал, что это, опоздав всего на какую-то секунду.

Бум.

Что-то врезалось в правое крыло «Ястреба». Оно тут же вспыхнуло, и маленькое судно погрузилось в клубы дыма.

Святые, сохраните. В него стреляли.

Нет, это было не совсем так. Давид и его команда были уверены, что Николай прибудет верхом, и сейчас проводили испытания оружия. Николай, по сути, сам подставился под

выстрел. Это был по-настоящему глупый поступок. *К счастью, мне довелось увидеть ракету в действии, прежде чем погибнуть в жаре пламени.*

Николай снова завел двигатель, пытаясь выровнять маленький флайер, но тот уже вошел в штопор, несясь к земле на ужасающей скорости.

Демон ворвался в его разум, буйный и дикий, и закричал, требуя свободы.

Но Николай не собирался отдавать контроль. *Если это конец, то ты умрешь вместе со мной.* Может быть, таким образом ему удастся избавить свою страну от Каньона. И Зоя наконец-то сможет спокойно убить Дарклинга.

Думай.

Николай запутался, в какой стороне земля. Шум двигателя набатом бил по голове. Рычаги управления в его руках были совершенно бесполезны. *«Вот и все»,* – подумал он, отчаянно пытаясь снова нажать на газ.

Демон завизжал, но Николай не выпустил его. *«Я умру королем».*

Его вдавило в сиденье. Желудок совершил кульбит. Казалось, гигантская рука подхватила флайер и подкинула его вверх.

Мгновение спустя машинка плавно опустилась на покрытую туманом гладь Золотого Болота. Николай услышал крики, а затем его выдернули из рубки.

– Я в порядке, – заверил он. Хоть в какой-то момент он успел крепко приложиться головой об сиденье. Он ощупал затылок. Тот кровоточил. И высока была вероятность того, что его вот-вот вырвет. – Я в порядке.

– Давид, – сказала Женя. – Ты чуть не убил короля.

– Его там быть не должно было!

– Это моя вина, – подтвердил Николай. Он сделал неуверенный шаг на причал, затем еще один, пытаясь сориентироваться. – Я в порядке, – повторил он.

Надя и Адрик, должно быть, призвали ветер, чтобы замедлить падение. Давид, Женя и Леони уставились на него, как и команда инженеров Первой армии. Испытание оружия, как он и думал. Жаль только, что понял он это слишком поздно.

– Отличная вышла тренировка, – сказал он, пытаясь не обращать внимание на пульсацию в голове. – На случай, если меня еще раз подстрелят.

– Если такое случится, рядом не будет шквальных, чтобы тебя спасти, – заметил Адрик. – Почему ты не катапультировался?

– На нем нет парашюта, – ответила Женя, кинув на короля злобный взгляд.

– Я не думал, что он мне понадобится, – возразил Николай. – Не предполагалось, что меня ждет нападение. Кстати, значит ли это, что ракеты рабочие?

– Абсолютно нет, – отрезал Давид.

– Вроде того, – смягчила Леони.

– Покажите, – попросил Николай.

Женя уткнула руки в бока.

– Ты сейчас сядешь и позволишь мне осмотреть себя, чтобы убедиться, что нет сотрясения. Затем выпьешь чашку чая. И только после этого, если я буду добрая, сможешь обсудить с Давидом все эти взрывающиеся штуки.

– Ты же понимаешь, что я король?

– А ты?

Николай посмотрел на Давида в поисках поддержки, но Давид лишь пожал плечами.

– Я не спорю с женой, особенно когда она права.

– О, ладно, – сдался Николай. – Но я требую печенья к чаю.

Они спустились в лаборатории на лязгающем латунном лифте. Темные комнаты и узкие коридоры производили не особо радужное впечатление, зато гарантировали конфиденциальность. Николай был благодарен за те несколько минут перерыва, что позволили ему собраться

с мыслями. В него стреляли множество раз и попадали неоднократно, превратили в теневого монстра, и даже пыталась проткнуть ножом для бумаги одна во всех отношениях приятная молодая леди, которой не понравились его попытки прочесть ей романтический сонет. Но если начистоту, сколько вообще слов рифмуется со «сто строк Анне»[4]? А еще он был почти уверен, что старший брат пытался его отравить, когда ему было двенадцать. Но в этот раз смерть была близка как никогда. Демон внутри него все никак не успокаивался. Он тоже почувствовал близость смерти и помнил, как оказался в ловушке, бессильный, пока они пикировали на землю.

Что бы произошло, если бы Николай выпустил демона на свободу? Помогло бы это ему? Смог бы он его контролировать? Риск был слишком велик.

Они устроились за столом в одном из кабинетов с чертежами, и Женя принялась осматривать его затылок, а Давид – заваривать чай.

– Почему мой ведущий ученый суетится вокруг чайника? – спросил Николай.

– Потому что ему не нравится, как заваривают чай все остальные, – объяснил Адрик, вынимая жестянку с шоколадным печеньем из шкафа и ставя ее на стол.

– Я написал инструкции, – сказал Давид, откидывая растрепанные волосы со лба. В тусклом свете лаборатории он казался еще бледнее. Как бы Николай ни ценил рвение Давида, фабрикатору не помешал бы отпуск.

– Любовь моя, – мягко сказала Женя. – Никто не заваривает чай в семнадцать шагов.

– Заваривает, если хочет сделать все правильно.

– Поговорите со мной о моих ракетах, – вмешался Николай.

Надя поставила на стол поднос с различными чашками и блюдцами, по большей части щербатыми, хотя роспись в виде золотых колибри была превосходна. Николай подозревал, что это остатки из коллекции Крыгина, жертвы его зачастую буйных гостей.

Давид с Надей посмотрели на Женю, которая милостиво кивнула.

– Можете приступать.

– Что ж, – начал Давид, – ракета, по сути, очень простая штука.

– Как чашка чая? – невинно спросила Леони.

– Вроде того, – согласился Давид, не заметив озорной блеск в ее глазах. – Любой ребенок сможет ее построить, если у него есть сахар и нитрат калия.

Женя одарила Николая подозрительным взглядом.

– Почему мне кажется, что ты так и делал?

– Конечно, делал. Если есть возможность, нужно ее использовать. Помнишь люк в западной бальной зале?

– Да.

– Он был там не всегда.

– Ты проделал дыру в потолке?

– Маленькую.

– Тем фрескам сотни лет! – воскликнула Женя.

– Иногда приходится ломать традиции. В буквальном смысле. А теперь не мог бы кто-нибудь, пожалуйста, отвлечь Женю?

Надя села чуть прямее.

– С ракетами возникает три проблемы. Установить заряд, не взорвав. Запустить, не взорвав. Нацелить, не взорвав.

Николай кивнул.

– Я уловил идею.

[4] Содрогание.

– Нам пока удается выполнить два пункта из трех, но не все три, – сказала Леони, сияя солнечной улыбкой, особенно яркой на фоне ее коричневой кожи. Ей каким-то образом удалось преподнести все так, словно это хорошие новости.

Николай знал, если бы они смогли довести до ума ракеты, это бы все изменило. Силы Равки и Фьерды в воздухе были приблизительно равны. Но у Фьерды было то, что можно назвать решительным преимуществом на земле. Ракеты позволили бы Николаю наносить удары, держа войска далеко от линии фронта, а еще они стали бы подходящим ответом танкам. Война велась бы на расстоянии.

– Насколько большими могут быть эти ракеты? – спросил Николай.

– Достаточно большими, чтобы сровнять с землей целую фабрику, – ответил Давид. – Или половину городского квартала.

В комнате внезапно стало очень тихо; осознание того, что они обсуждают, накрыло их, и даже воздух, казалось, сгустился от понимания, к каким последствиям может привести их сегодняшнее решение. *«Дай мне шанс показать тебе, что может быть»,* – сказал как-то Николай Зое. Он имел в виду мир. Компромисс. А не это.

– А какова дальность? – спросил Николай.

– Я точно не знаю, – сказал Давид, – проблема в весе. Сталь слишком тяжела. Алюминий, скорее всего, тоже. Они сгодятся для испытаний, но если мы собираемся пустить ракеты в бой, нужен более легкий металл.

– Например?

– Титаний легче и одновременно прочнее, – вставила Леони. – И он не разрушается.

– А еще он более редкий, – заметила Надя, накручивая прядь своих светлых волос на палец. – И у нас в запасе его не так много.

– Мы серьезно обсуждаем это? – тихо спросила Женя.

– Я сделаю тебе такие ракеты, которые мы тестируем сейчас, – сказал Давид. – Но даже если мы добудем еще титания, я не стану делать их больше.

– Могу я спросить почему? – задал вопрос Николай, хоть и полагал, что ответ ему известен.

– Я не стану изготавливать ракету, способную уничтожить целый город.

– А если нам нужна всего лишь угроза?

– Если мы построим ракету, – пояснил Давид, – на этом все не закончится. Так никогда не бывает.

Давид был одним из самых талантливых фабрикаторов и мыслителей своего времени, а возможно, и всех времен. Но его таланты всегда были обращены на служение военным целям. Таков был жребий равкианца. Так продолжалось сотни лет.

И Давид был прав. Лишь недавно они все сражались с саблями и мушкетами, затем появились винтовки, и мечи стали бесполезны. То, что они обсуждали, привело бы к пугающим темпам развития, и если бы Равке удалось построить управляемую ракету, то Фьерда в итоге тоже бы смогла.

– Нам нужно решить, какую войну мы хотим вести, – сказал Давид.

– Не думаю, что у нас есть возможность выбирать, – возразил Николай. – Мы не можем не думать о том, что произойдет, если Фьерда разработает эту технологию раньше нас. Даже если и нет, они отлично подготовятся к следующей нашей встрече.

Давид надолго замолк.

– Вещи, которые Дарклинг просил меня сделать… Я делал их бездумно, легкомысленно. Я помог надеть ошейник на Алину. Я создал люмию, которая позволила ему войти в Каньон без ее силы. Без моей помощи ему не удалось бы… Я не хочу взваливать на себя ответственность еще и за это…

Николай обратил свое внимание на Женю.

– И ты согласна с ним?

– Нет, – ответила Женя, взяв Давида за руку. – Но я тоже была орудием Дарклинга. Я знаю, каково это, и выбор только за Давидом.

– Нам не хватит титания на убийцу городов, – примирительно заметила Леони. – Может быть, это и неважно.

– Это важно, – возразил Адрик. – Нет смысла ввязываться в войну, если не собираешься ее выиграть.

– Есть кое-что еще, – добавил Николай. – Ходят слухи, что фьерданский наследный принц не переживет эту зиму.

Женя покачала головой.

– Я и подумать не могла, что он настолько плох.

– Никто не мог. Я подозреваю, что королевская семья тщательно хранила этот секрет, и тут я их вполне понимаю. Возможно, наш союз с Шуханом заставит их притормозить – учитывая, что мы заключим его. Но мы должны помнить, что принц может умереть и у Гримьеров не останется выхода, кроме как развязать войну.

Леони потерла пальцем скол на своем блюдце, постепенно восстанавливая его своей силой.

– Я не понимаю. Если Расмус умрет, на троне по-прежнему будет его отец. Его младший брат станет наследником.

– Наследовать будет нечего, – ответил Адрик. – Во Фьерде к королевской семье относятся не так, как в Шухане или даже в Равке. Они следуют воле Джеля, а благословение Джеля – это сила. Все фьерданские правящие династии занимали трон силой. Гримьерам придется доказывать, что они все еще достойны править.

– Возможно, мне стоит попытаться занять их трон, – предположил Николай.

Адрик фыркнул.

– Ты хоть по-фьерданski-то говоришь?

– Говорю. Так плохо, что один милый парень по имени Кнут однажды предложил мне немаленький рубин, чтобы я замолчал.

– Так, значит, сейчас у Гримьеров юный, слабый, больной принц, который должен наследовать старому королю? – уточнила Надя.

– Да, – ответил Николай. – Королевская семья уязвима и знает об этом. Если они выберут мир, рискуют прослыть слабаками. Если выберут войну, то победить им нужно будет любой ценой, и Ярл Брум будет подталкивать их именно к этому решению.

– У нас есть земенцы, – сказала Леони, как всегда полная надежды.

– И Керчия не станет открыто поддерживать Фьерду, – добавила Женя. – Они не станут рисковать своим драгоценным нейтралитетом.

– Но они, вероятно, достаточно злы на нас, чтобы предложить фьерданцам тайную помощь, – сказал Адрик.

– А что насчет Апрата? – спросила Женя, вертя свою чашку на блюдце.

Николай покачал головой.

– Он много раз переходил на другую сторону. Я сомневаюсь, что он сам знает, кому служит.

– Он всегда переходит на сторону тех, кто, по его мнению, победит, – сказал Давид. – Именно так он сделал во время гражданской войны.

– Это объясняет, как он оказался во Фьерде, – мрачно заметил Адрик.

– К несчастью, – признал Николай, – Адрик прав. У Фьерды есть наземное преимущество, и если они им воспользуются, это будет означать конец свободной Равки.

Демидов займет трон. Гришей отправят под суд. Его народ будет в подчинении у марионеточного короля, служащего интересам Фьерды. А его страна? Она станет сценой для неизбежной войны между Фьердой и Шуханом.

– Мое желание быть всеми любимым вступает в противоречие с необходимостью выиграть эту войну. Я, словно счетовод, пытаюсь подсчитать потерянные жизни и жизни спасенные.

– Нам приходится принимать ужасные решения, – сказала Женя.

– Но принимать их все равно нужно. Я надеюсь, что эту войну можно закончить дипломатическими путями. Надеюсь, мы сможем предложить фьерданцам мир, на который они согласятся. Надеюсь, нам никогда не придется применять те жуткие орудия, которые мы пытаемся построить.

– А что случится, когда надежды не останется? – спросил Давид.

– Мы вернемся к тому, с чего начали, – подвел итог Николай. – К войне.

13. Нина

Королевская стража проводила Нину обратно к апартаментам Брумов. Делая очередной шаг, она ждала, что вот-вот по коридору разнесется приказ заковать ее в цепи, кинуть в тюремную камеру, а затем сжечь как ведьму, для верности. Все ее тело покрывал холодный пот, а сердце бешено стучало.

Но приказа не последовало. Как только Нине стали понятны желания королевы Гримьер, ее страх за сына, она, ни секунды не сомневаясь, сыграла на них. Это было жестоко, но если бы ей удалось управлять верой королевы в Джеля, значит, она смогла бы открыть дверь и для святых, а возможно, и для гришей. На кону стояли жизнь Нины и будущее ее страны, и она собиралась использовать любое оружие, имеющееся в ее арсенале, чтобы победить в этой борьбе.

Все Брумы ждали ее в большой гостиной, где ревел огонь в камине. Поднос с холодным ужином из вяленого мяса и маринованных овощей стоял на столе, вместе с ячменным отваром и бутылкой *бреннивина*, но было непохоже, что к нему хоть кто-то прикасался. Нина направилась прямо к Ханне и практически упала в ее объятия.

На этот раз ей не пришлось изображать слабость или тревогу. В разговоре с королевой она совершила отчаянный поступок, сделала очередной безрассудный ход, но, возможно, это окупится.

– Что случилось? – спросила Ханна. – Что она сказала?

– Очень немного. – Нина пыталась собраться с мыслями, пока Ильва усаживала ее на диван и наливала стакан воды. Она была слишком занята тем, что пыталась прийти в себя после аудиенции у королевы Агаты, поэтому не успела придумать подходящую ложь. – Я едва понимаю, что и думать.

По крайней мере, это было правдой.

– О чем она тебя спрашивала? – встрял с вопросом Брум. Он пристально разглядывал Нину, и вся его поза говорила о напряжении. Он пригласил к себе домой почти незнакомую женщину, и сегодня его дочь вместе с этой женщиной подвергли его политическую карьеру серьезному риску.

– Она беспокоится за своего сына, – сказала Нина. – Джель не одарил меня детьми, но я ее прекрасно понимаю. Она отправила дознавателей в мою деревню, чтобы подтвердить, что я та, за кого себя выдаю.

Тут Ханна судорожно втянула воздух, и лицо ее посерело.

– И что же они найдут? – спросил Брум.

– Ярл! – воскликнула Ильва. – Как ты можешь такое спрашивать?

– Лучше узнать все сейчас, чтобы понимать, как мы можем защититься.

Нина взяла Ильву за руку.

– Пожалуйста, – попросила она, добавив в голос благоговения. – Не ссорьтесь. Конечно, ваш муж хочет защитить свою семью. Это его долг, и его честь зависит от этого. Я даже передать не могу, как бы мне хотелось, чтобы мой муж по-прежнему был рядом и заботился обо мне. – Она позволила усталости прозвучать в голосе, и он дрогнул. – Коммандер Брум, я могу заверить вас, что люди королевы не найдут причин сомневаться во мне или моей печальной истории.

Брум, казалось, слегка оттаял.

– Время сейчас опасное. Для всех нас.

– Но, возможно, это изменится, – сказала Ильва. – Своей добротой и набожностью Ханна и Мила сегодня завоевали истинную признательность принца Расмуса. Он хочет встретиться с ними снова. Такой интерес может быть только к лучшему.

– Я в этом совсем не уверен, – пробормотал Брум, наливая себе крохотную рюмку *бренниви*на. – Принц капризен. Болезнь сделала его непредсказуемым и скрытным.

Тут Ханна запротестовала.

– Он страдает от боли, папа. Может быть, именно поэтому он не всегда в хорошем настроении.

– Может быть. – Брум сел. И заговорил, тщательно подбирая слова: – Он не в восторге от моих советов. Вероятно, он может выместить это на тебе.

– Если дело в этом, то тут мы бессильны. – Ханна произнесла это будничным тоном. – Он наследный принц. Если ему в голову придет велеть вздернуть меня за пальцы ног, он это сделает. Если его мать, королева, решит отправить Милу прочь, в метель, босиком, она это тоже сделает. Но сейчас он всего лишь велел присоединиться к нему за обедом, и я не вижу причин ему отказать.

Ильва улыбнулась.

– Знаешь, она права. Мы вырастили очень рассудительную дочь.

Но на лице Брума застыло непримиримое выражение.

– Просто будь настороже, Ханна. И ты тоже, Мила. Ледовый Двор – неподходящее место для мягких сердец.

Niweh sesh, вспомнилось Нине, пока они с Ханной желали всем спокойной ночи.

У меня нет сердца.

Два дня спустя Ханна надела одно из своих новых платьев, из шелка цвета морской пены, а Нина нарядилась в более скромное шерстяное, розового цвета. После Представления их завалили приглашениями так, что времени ни на что другое не оставалось, но сейчас Нина, застегивая на шее Ханны ожерелье из голубых топазов, сказала:

– Твой отец был прав.

Ханна рассмеялась.

– Слова, которые я никогда не ожидала услышать из твоих губ.

– Это опасное время. Ты лечила принца, когда мы разговаривали с ним несколько дней назад. Ты не можешь так больше делать.

– Почему нет? Если я могу хоть немного помочь, я должна. – Она замялась. – Мы не можем просто бросить его. Я знаю, каково это – не соответствовать высоким идеалам фьерданцев. Это боль, которая никогда до конца не проходит. А вокруг него тысячи людей, которые разглядывают его, осуждают. Что, если мы поможем ему поправиться, стать лучше, пока он принц, а он потом станет хорошим королем?

А вот это звучало интересно. Противоядие жажде войны Брума, тот, кто сможет направить Фьерду в сторону мира. Все инстинкты Нины кричали, что тут стоит рискнуть, что это стало бы идеальным завершением партии, разыгранной ей с королевой Гримьер. Просто все становилось по-другому, когда рисковать приходилось еще и Ханне.

– Если он обнаружит, кто ты на самом деле…

Ханна взяла свою накидку.

– Как он это обнаружит? Я – дочь самого известного во Фьерде охотника на ведьм. Я воспитывалась в монастыре Гефвалле под бдительным оком хранительницы…

– Да снизойдут на нее вечные страдания.

– Как велит Джель, – продолжила Ханна с наигранной праведностью. – Я исцеляла наследного принца на глазах у всего королевского двора, и никто не догадался, кто я. Кроме того, разве не этого ты хотела? Возможности приблизиться к людям, которые могут что-нибудь знать о Вадике Демидове?

– Не настолько приблизиться. Милый граф. Возможно, герцог. Но не принц.

Ханна усмехнулась.

– Зачем разменяться по пустякам?

Ее глаза сверкали, а щеки разрумянились. Нина вот уже несколько недель не видела ее такой счастливой.

Святые угодники, все дело в том, что она кому-то помогает. Гриши всегда выглядели и чувствовали себя лучше, используя силу. Но здесь было нечто большее.

– Ты слишком хорошая, Ханна. Тебе выдался шанс помочь какому-то капризному сопляку королевской крови, и ты светишься, словно увидела гору вафель в три фута вышиной.

– На самом деле, я никогда не пробовала вафель.

Нина демонстративно схватилась за сердце.

– Вот за что еще можно предъявить счет этой проклятой стране. – Она замерла на мгновение, потом взбила кружево на вороте Ханны, зацепившееся за ожерелье. – Просто… будь осторожна. И не увлекайся.

– Не буду, – заявила Ханна, поднимаясь в облаке шелестящего шелка. Затем оглянулась через плечо. – Кстати, это твоя прерогатива.

На этот раз их привели в большую круглую комнату, опоясанную колоннами, с фонтаном в центре из трех мраморных сильфид, держащих кувшин в высоко поднятых изящных руках. Там проходила своего рода вечеринка или камерный светский раут, и негромкие разговоры эхом разлетались под высоким потолком.

– Что именно мы здесь делаем? – спросила Ханна.

– Полагаю, ищем что-нибудь выпить и пытаемся сделать вид, что тут нам и место?

– Я говорила, что ненавижу вечеринки?

Нина взяла Ханну под руку.

– А я говорила, что обожаю их?

Они миновали толпу людей на пути к столу, заставленному стаканами с чем-то розовым и шипучим. Не может же это быть…

– Ох, ну у тебя и вид, – заметила Ханна со смехом. – Это лимонад, а не шампанское.

Нина постаралась скрыть свое разочарование. Пора бы уже привыкнуть. Если бы фьерданцы могли объявить веселье преступным деянием, они бы так и сделали. Тут она заметила голубую орденскую ленту и грязновато-русую макушку, мелькающую в толпе.

Она не стала приглядываться, но это почти наверняка был Вадик Демидов, окруженный группкой аристократов, в сопровождении Апрата.

– Давай попробуем подойти поближе, – шепнула она.

Но не успели они и шагу сделать в направлении Демидова, как перед ними вырос Йоран. В своем мундире дрюскеля он казался черной вороной и совершенно выбивался из этого буйства шелка и шифона пастельных оттенков.

– Принц Расмус требует вашего присутствия.

– Конечно, – отозвалась Ханна.

Другого ответа принцу не существовало. Их отвели в альков, полускрытый от гостей серебристыми деревцами в горшках и кремовым занавесом. Это место идеально подходило для того, чтобы наблюдать за всеми, не будучи замеченным.

Принц Расмус восседал на кресле с подушками – чем-то среднем между софой и троном. Он не облокачивался на подушки, как в прошлый раз, и стремление сидеть прямо, не показывая усталости, дорого ему обходилось. Он был бледен, и Нина заметила, как часто вздымается и опускается его грудь. Именно об этом говорил Брум. Королевская семья понимала, что принцу необходимо появиться на публике – особенно после катастрофы на Представлении, – но постаралась разместить его подальше от суматохи, чтобы не слишком утомить.

Нина с Ханной присели в реверансах.

– Проходите, – велел принц, вяло махнув рукой. Он, похоже, был в значительно худшем настроении, чем в предыдущую их встречу.

Они вошли и устроились на низких пуфах.

– Вам обеим нужно поработать над реверансами, – заметил принц с неудовольствием.

Ханна в ответ лишь улыбнулась.

– Боюсь, что мой тренировками не улучшить. Я никогда не славилась особой грациозностью.

Это было совсем не так. Ханна была полна грации, когда скакала на лошади. Ей просто не шла манерность двора. А что касается Нины, сама она могла изобразить идеальный реверанс, но вот Мила Яндерсдат, вдова торговца рыбой, этого безусловно не умела.

Теперь взгляд Расмуса задержался на Нине.

– Хозяйка носит шелка, а горничную нарядила в шерсть. Это говорит о мелочном и завистливом характере.

Он точно был сильно не в духе. Нина заметила, как слегка дрогнули пальцы Ханны, и одарила ту предупреждающим взглядом – не слишком сильно, не слишком быстро.

– Шерсть очень мне подходит, – сказала Нина. – Я бы не знала, как себя держать в шелках и сатине.

Наглая ложь. Она не могла представить себе ничего лучше, чем скользящие по обнаженному телу сатиновые простыни. Матиас был бы глубоко шокирован. А что сказала бы Ханна? Мысль проскочила в голове внезапно, вызвав чувство вины.

– Я полагаю, большинство женщин очень быстро привыкает любить роскошь, – заметил принц. – Я не вижу украшений ни на шее Милы, ни в ее ушах. Твоему отцу следует это исправить, Ханна. Он же не хочет прослыть скрягой.

Ханна склонила голову, а затем кинула на принца взгляд из-под ресниц.

– Я должна была бы сказать, что передам ваш совет, но я не собираюсь этого делать.

Расмус тяжело вздохнул.

– Какая наглость – признаться, что проигнорируешь совет принца. – Пальцы Ханны снова шевельнулись, и принц испустил глубокий вздох, наполненный заметным облегчением. – И все же я тебя не виню. Твой отец может производить устрашающее впечатление. – Он кинул взгляд на Йорана, застывшего навытяжку рядом с ним. – Но Йоран его, конечно, не боится, да? Отвечай, Йоран.

– Я испытываю глубочайшее уважение к коммандеру Бруму.

Трудно было представить, что охраннику всего лишь шестнадцать, особенно на фоне принца.

– Йоран всегда ведет себя подобающе. Служить мне – это великая честь. По крайней мере, так говорят. Но я-то знаю. Это что-то вроде наказания. Йоран разочаровал доброго коммандера Брума и теперь должен нянчиться с немощным принцем.

– Вы вовсе не немощный, – возразила Ханна.

Принц снова глубоко вздохнул. Его плечи чуть расслабились, капельки пота исчезли со лба.

– Иногда я чувствую себя хорошо, – сказал он. – Иногда я вовсе не чувствую себя немощным. – Он издал короткий смешок. – А сегодня я на самом деле чувствую, что проголодался. Йоран, вели, чтобы нам принесли закуски.

Но слуги уже услышали его и кинулись исполнять приказ.

– Мы видели здесь Вадика Демидова, – решилась Нина.

– О, да, – подтвердил Расмус. – Маленький Ланцов никогда не пропускает вечеринки.

– Он действительно королевских кровей?

– Это главная тема разговоров на всех приемах отсюда и до Элбьена. Почему тебя это интересует?

Ханна легко рассмеялась.

– Мила помешана на Вадике Демидове.

– Джель Всемогущий, почему? Он же просто скучный, неотесанный деревенщина.

– Но у него такая чудесная история, – вздохнула Нина. – Мальчик-принц, вырванный из нищеты.

– Да, полагаю, есть в этом что-то от сказки. Но не сказать, что его нашли в семействе козопасов.

– А откуда же он появился?

– Точно не знаю. Прозябал на какой-нибудь запущенной даче, которую ему не хватало денег обогреть. По крайней мере, именно это я вроде бы слышал.

– И вам нисколько не любопытно? – настаивала Нина.

Вернулись слуги и поставили перед ними блюдо с копченым угрем и сельдью.

– С чего бы?

Нина почувствовала подступающее раздражение.

– Он же будет королем, не так ли?

– Ну так и я буду, если, конечно, доживу.

Повисло неловкое молчание.

– Я… Я сегодня не в настроении, – сказал наконец Расмус. Это не было извинением, но звучало так близко к нему, как мог позволить себе будущий король. – Мои родители решили, что мне нужно появиться на людях как можно скорее после происшествия в начале праздника Сердцевины.

– Им следовало дать вам возможность отдохнуть, – заметила Ханна.

– Нет, я чувствовал себя довольно неплохо. Но мероприятия вроде этого… Мне тяжело находиться в комнате, полной людей, которые, не сомневаюсь, желают мне смерти.

– Ваше высочество! – в ужасе воскликнула Ханна.

Нина посмотрела на Йорана, но лицо охранника оставалось бесстрастным.

– Это не может быть правдой, – сказала она.

– Я знаю, что люди говорят обо мне. Я знаю, они хотели бы, чтобы я вовсе не появлялся на свет и чтобы наследником мог стать мой младший брат.

Лицо Ханны приобрело свирепое выражение.

– Что ж, тогда вам необходимо остаться в живых, чтобы досадить им.

Принц, казалось, удивился и в то же время обрадовался.

– Ты сильна духом, Ханна Брум.

– Это необходимо, чтобы выжить.

– Так и есть, – задумчиво подтвердил принц. – Именно так и есть.

– Вы когда-нибудь бывали в Равке? – спросила Нина, надеясь вернуть беседу к Демидову.

– Никогда, – ответил принц. – Должен признать, она меня интригует. Говорят, равкианские женщины очень красивы.

– О, это правда, – подтвердила Ханна.

– Ты там бывала?

– Однажды, недалеко от границы.

Принц слегка поерзал, словно привыкая к новому для него ощущению комфорта.

– Если вас так интересует Демидов, я вас представлю.

– О, правда? – восторженно выдохнула Нина. – Как волнительно.

Брови принца дернулись, и Нина могла поклясться, что в этот момент он думал, какая же Мила Яндерсдат восторженная дурочка. И это к лучшему. *Никто не опасается тупого лезвия.*

Он отдал короткий приказ слуге, и чуть погодя Демидов уже фланировал по залу в их направлении с Апратом в хвосте. Вот такое везение. Нина собиралась держаться от священника как можно дальше.

– Не торопится, – буркнул принц Расмус. – Ручаюсь, стоит твоему отцу щелкнуть пальцами, и маленький Ланцов кинется к нему со всех ног.

Нина задумалась. Какая часть политических вопросов Фьерды решалась по указке Брума и насколько сильно это злило принца? Они с Ханной поднялись, чтобы поприветствовать Демидова, коротко поклонившегося принцу.

– Принц Расмус, чем могу быть полезен?

Принц выгнул бровь.

– Можете начать с поклона, Демидов. Вы пока не король.

Щеки Демидова вспыхнули. Его сходство с сосланным королем Равки было почти сверхъестественным.

– Мои самые искренние извинения, ваше высочество. – Он отвесил глубокий, почти издевательский поклон. – Я не имел намерения вас оскорбить, хотел лишь выразить признательность за все, что ваша семья делает для меня и моей страны.

Нина ощутила жгучее желание стукнуть ему по зубам, но вместо этого расцвела улыбкой, словно и вообразить не могла большего счастья, чем встреча с этим притворщиком.

Расмус подпер голову рукой с видом утомленного многочасовой нудной лекцией студента.

– Позволь представить тебе Ханну Брум, дочь Ярла Брума.

Ханна сделала реверанс.

– Это большая честь.

– Ах, – воскликнул Демидов, склоняясь к руке Ханны и запечатлевая на ней поцелуй. – Это честь для меня. Ваш отец – великий человек.

– Я передам ему ваши слова.

– Надеюсь, я не покажусь вам грубым, но… Я бы хотел спросить про вашу удивительную прическу. Это новая мода?

Ханна коснулась рукой обрезанных прядей.

– Нет. Я остригла голову в знак преданности Джелю.

– Ханна и ее компаньонка очень набожны, – вставил принц Расмус.

– Следовало догадаться, что это как-то связано с их варварской религией, – пробормотал Апрат по-равкиански.

– Она похожа на солдата больше, чем золотоволосые бойцы ее отца, – ответил Демидов, не переставая улыбаться.

Нина прищурилась. Его равкианский был безупречен, но этому не стоило придавать большого значения.

– Если позволите, – отважилась Ханна, – я бы хотела представить свою компаньонку, Милу Яндерсдат.

Демидов улыбнулся, но глаз улыбка не коснулась.

– Очарован.

Он определенно счел, что разговор со служанкой ниже его достоинства, но постарался скрыть это. Нина решила использовать выпавший шанс, несмотря на пронизывающий взгляд Апрата.

– Какое невероятное счастье быть представленной вам, ваше высочество! – воскликнула она, награждая его титулом, который проигнорировал принц Расмус. Немного лести никогда не повредит. – Принц Расмус рассказал, что вы выросли в деревне. Как это, должно быть, чудесно.

– Я всегда предпочитал деревню городу, – заявил Демидов довольно неубедительно. – Свежий воздух и… все прочее. Но я рад буду снова оказаться в Ос Альте.

– У вас был красивый дом? – спросила Ханна.

– Одна из тех прелестных дач в озерном крае, которые я видела на иллюстрациях? – поддержала ее Нина. – Они выглядят просто невероятно.

– Все, как вы и сказали. В моем поместье царила элегантная сельская простота, какой не увидишь в залах роскошных дворцов.

Взгляд Демидова забегал. Затем он облизнул губы. Он лгал, но не о том, что вырос на даче. В нем ясно чувствовалось характерное смущение благородной нищеты. Именно такое мог бы испытывать бедный родственник Ланцовых. Нинино сердце упало.

– Но вы быстро привыкнете к роскоши Ос Альты, – сказал Апрат по-фьерданski с чудовищным акцентом. – Так же как привыкнете быть справедливым и набожным королем.

– И послушным, – едва слышно вставил принц Расмус. Нина заметила, как дернулась жилка на щеке Демидова. – Не найдется ли для нас немного вина, Йоран? Или, может быть, вы предпочитаете этот гадкий квас, который так сильно любят в Равке?

Демидов открыл было рот, но Апрат опередил его.

– Наш король следует по пути святых. Он не употребляет горячительное.

Принц Расмус махнул слуге, который поспешил наполнить бокалы.

– А разве Санкт-Эмеренс не святой покровитель всех пивоваров?

– Вам знакомы святые? – спросил Апрат с заметным изумлением.

– У меня масса времени для чтения. Я всегда любил эту великолепно кровавую книгу, в которой собраны истории всех мучеников с иллюстрациями. Даже лучше, чем страшилки о ведьмах и русалках.

– Они предназначены для обучения, а не для развлечения, – напряженно сказал Апрат.

– Кроме того, сейчас каждую неделю новый святой, – продолжил Расмус, очевидно наслаждаясь издевательством над священником. – Санкта-Зоя, Санкта-Алина, Беззвездный святой.

– Ересь, – прорычал Апрат. – Последователи так называемого Беззвездного святого – просто кучка идиотов, собравшихся, чтобы нести смуту в Равку.

– Я слышал, их ряды растут день ото дня.

Демидов успокаивающе положил руку на рукав священника.

– Когда мы вернемся в Равку, моим первым указом будет искоренение культа Беззвездного и запрет на эту ересь, заражающую нашу страну.

– Так давайте же вознесем молитву Джелю, чтобы вы вернулись на родину как можно скорее, – предложил принц Расмус.

Демидов нахмурил брови. Он понимал, что его только что оскорбили, но не был уверен как.

Апрат повернулся к Демидову.

– Идемте, ваше высочество, – возмущенно потребовал он.

Но Демидов понимал, что нельзя просто повернуться спиной к принцу.

– С вашего разрешения?

Принц Расмус взмахом отпустил их, и Демидов со священником удалились.

– Не думаю, что вы им по нраву, – заметила Ханна.

– Думаешь, мне стоит об этом переживать? – весело поинтересовался принц Расмус.

Нина именно так и думала. Демидов не обладал шармом Николая, но был одновременно и приятен в общении, и дипломатичен. И, если он, конечно, не был потрясающим актером, она сомневалась, что он солгал о своем родстве с Ланцовыми. Он определенно был равкианцем. Она видела его реакцию, когда Расмус предположил, что новый король станет фьерданской марионеткой. *Ему это ничуть не понравилось.* В нем была гордость аристократа. Но была ли она гордостью Ланцова?

Нина повернулась к принцу и прикусила губу.

– Вы на самом деле верите, что на троне Равки сидит бастард? – спросила она шокировано.

– Ты же видела Демидова. Говорят, он вылитая копия свергнутого короля. Если это так, неудивительно, что его жена пошла на сторону.

Нина решила попробовать зайти с другой стороны.

– Возможно, она поступила мудро. Я слышала, Николай Ланцов – настоящий лидер, равно любимый богатыми и бедными.

– О, да, – включилась Ханна. – Он сам сражался на войне. В пехоте, а не офицером! А еще говорят, что он инженер…

– Он неотесанный дурак без капли крови Ланцовых в жилах, – отрезал Расмус.

– Это трудно доказать, – заметила Нина.

– Но у нас есть письма его гулящей матушки.

– Они, наверное, заперты в каком-нибудь магическом хранилище? – поинтересовалась Ханна.

– А может, в тюремном секторе, – добавила Нина. Вот это было бы просто чудесно. План тюрьмы Нина знала наизусть.

Принц покачал головой.

– Не так давно тюремную систему безопасности взломали, хоть вспоминать об этом и не любят. Нет, твой дорогой папочка взял на себя обязанность сохранить письма королевы Татьяны. Конечно, никому другому это бы не доверили.

Неужели они все это время находились с Ниной под одной крышей?

– Значит…

– Их тщательно спрятали в секторе дрюскелей. Мне удалось на них взглянуть лишь одним глазком. Но я слышал, что они очень откровенные. Может, Йоран подсмотрит украдкой и выучит пару пикантных абзацев для нас.

Сектор дрюскелей. Самая защищенная, неприступная часть Ледового Двора, полная охотников на ведьм и волков, натасканных искать гришей.

Нина вздохнула и потянулась за кусочком ржаного тоста. Раз уж, судя по всему, она на всех парах несется к катастрофе, стоит хотя бы насладиться едой.

Ханна не стала даже дожидаться, пока они окажутся за закрытыми дверями и прямо по дороге яростно зашептала:

– Я знаю, что ты задумала. Ты не можешь пробраться в сектор дрюскелей.

Нина старательно улыбалась всю дорогу в маленькую оранжерею, находящуюся в апартаментах Брумов.

– Могу. А тебе придется мне помочь.

– Значит, ты позволишь мне пойти с тобой.

– Конечно, нет. Мне всего лишь нужно, чтобы ты нарисовала план и рассказала мне о протоколах безопасности. Твой отец наверняка водил тебя туда.

– Женщинам не позволяют появляться в этой части Ледового Двора, по крайней мере внутри зданий.

– Ханна, – неверяще выдохнула Нина. – Что, даже когда ты была ребенком?

– Если тебя там поймают…

– Не поймают. Это мой шанс помочь прекратить войну. Если у Фьерды не будет этих писем, для свержения короля Николая не найдется веских оснований.

– Думаешь, этого хватит, чтобы остановить моего отца?

– Нет, – признала Нина. – Но этого хватит, чтобы усилить поддержку Николая со стороны знати Равки. И ему придется преодолевать на одно препятствие меньше.

– Даже если я нарисую тебе план, как ты попадешь внутрь? Единственный вход в сектор дрюскелей – ворота в кольцевой стене, и охрану там усилили после побега из тюрьмы два года назад.

Ханна была права. Нине придется покинуть Ледовый Двор и снова войти через усиленно охраняемые ворота, ведущие в псарни, тренировочные залы дрюскелей и казармы.

– Хочешь сказать, что твой отец выезжает из Ледового Двора всякий раз, когда ему надо провести смотр отрядов? Это полная ерунда.

– Есть еще один путь, но придется пересечь ров. Его используют только на посвящении в Рингкаллу и во время чрезвычайных ситуаций. Тебя должны будут впустить изнутри. Даже я не знаю, как это сделать.

Тайный мост. Матиас и Каз воспользовались им во время ограбления Ледового Двора, но любой, кто пытался пересечь ров по нему, был как на ладони. Нина посмотрела на здания Белого острова, на мерцающий циферблат Эльдерклока.

– Тогда мне придется выйти, а затем уже войти заново. В день королевской охоты.

Таким образом, у Нины оставалось два дня, чтобы подготовиться. В ее мозгу уже начал формироваться план. Ей придется связаться с Рингсой и попросить флакон духов у садовника.

Ханна застонала.

– Я надеялась, что мы придумаем уважительную причину для отсутствия.

– А я думала, ты ухватишься за шанс снова прокатиться верхом.

– В дамском седле? Преследуя несчастного оленя, которого никто не станет потом есть, зато его рога прибьет над камином какой-нибудь толстяк.

– Мы можем уговорить принца раздать это мясо бедным. И считай дамское седло… вызовом.

Ханна кинула на нее испепеляющий взгляд. Вечеринки, балы и прочие светские развлечения Сердцевины вымотали ее, а вот Нину, наоборот, заставили ожить. Ей нравилось наряжаться вместе с Ханной, нравилась людская круговерть, и у нее наконец-то появилась возможность собрать нужные ей сведения.

Благосклонность принца служила пропуском на лучшие приемы, а еще она почти весь вчерашний вечер подслушивала разговоры Брума с Редвином, пока те ужинали копченым угрем с маринованным луком и обсуждали планы создания какого-то нового оружия. Личина Милы Яндерсдат делала ее практически невидимкой – молодая женщина без связей, не особо сообразительная или осведомленная, с радостью прислуживающая своей госпоже, – для всех, кроме королевы. Королева Агата следила за Ниной на каждом приеме. Она и прежде была благочестива, посещала часовню Священного источника каждое утро и вечер, чтобы помолиться Джелю о здоровье сына. Но с тех пор, как Расмус пошел на поправку, она стала еще более религиозной. Неплохой первый шаг.

– Нам не придется ехать *на* охоту, – сказала Нина. – Нам просто нужно будет выбраться наружу, а потом уговорить твоего отца взять нас с собой в сектор дрюскелей.

– Он этого не сделает! Женщинам туда нельзя.

– Даже в псарни?

Ханна замялась.

– Я знаю, что он водил маму посмотреть на волков.

– И ты бывала внутри.

– Я же говорила, это было много лет назад.

– Тебе нравилось ходить с ним, правда?

Маленькая девочка-гриш, даже не понимающая, кто она на самом деле, сопровождала своего отца – охотника на ведьм на работу.

– Мне нравилось проводить с ним время везде. С ним… с ним было весело.

– С Ярлом Брумом?

– Когда я была очень маленькой. А потом… он не то чтобы изменился. У него всегда был суровый нрав, но… Ты когда-нибудь видела окаменевший лес? Деревья все еще выглядят как деревья, но уже не гнутся на ветру. Не шелестят листвой. Он стал могущественным командером Брумом, несгибаемым, беспощадным охотником на ведьм, Серпом Фьерды. Чем больше похвал на него лилось, тем меньше он напоминал моего отца.

«Такова Фьерда», – подумала Нина, и уже не в первый раз. Ей не было жаль Ярла Брума, вне зависимости от того, каким отцом он был в молодости. Но она понимала, что все началось не с него и на нем не закончится. Фьерда, со своими суровыми традициями и застарелой ненавистью, взращивала в мужчинах гнев и стыд. Слабые здесь становились еще более слабыми, а сильные – жестокими.

– Можешь нарисовать мне план зданий в секторе дрюскелей?

Ханна тяжело вздохнула.

– Это, наверное, самая худшая идея из всех, что приходили тебе в голову.

– Может и так, но план-то ты мне нарисуешь?

– Нарисую, но тебе все равно придется проходить через ворота.

– Не беспокойся, Ханна Брум. У меня дар обходить фьерданскую защиту.

14. Зоя

– Где она?

На дирижабле они добрались до поля в нескольких милях от санатория, и всю дорогу солнечные солдаты изгибали свет вокруг судна, чтобы замаскировать их полет. Этот трюк придумал Давид, а впервые использовала Алина, скрываясь от войск Дарклинга во время гражданской войны. Зоя помнила тот кошмарный полет из Прялки – когда они час за часом призывали ветер, чтобы оторваться от преследователей. В тот самый день Адрик лишился руки из-за теневых солдат Дарклинга.

Сейчас она смотрела на Дарклинга, сидящего напротив нее в экипаже. Он был закован в кандалы по рукам и ногам, и снаружи карету сопровождали четверо солнечных солдат. Остальной взвод отправился вперед, чтобы подготовить санаторий и обеспечить безопасность.

На корабле Дарклинг летел с завязанными глазами, а теперь окна экипажа были прикрыты занавесями, мешавшими разглядеть пейзаж, но пропускавшими дневной свет. Чем меньше он знал о том, куда они едут, тем лучше. Несмотря на сковывающие его цепи, необходимость делить с ним экипаж, где по углам собирались тени, вызывала беспокойство.

«У него нет силы», – приходилось ей повторять про себя. И она знала, что ему так же нелегко, как и ей. Воспоминание о том, какое лицо у него было при взлете дирижабля, будет радовать ее до конца ее дней.

– Где она? – повторил он, и его серые, словно кварц, глаза блеснули в сумраке. – Сейчас-то ты уже можешь мне сказать.

– А ты разве сам не знаешь? – притворно удивилась Зоя. – Твоя драгоценная Елизавета была практически всеведущей.

Дарклинг изучал задернутую занавеску так, словно за ней открывался великолепный вид.

– Она мне не сказала.

Зоя даже не потрудилась скрыть свою радость.

– Ревнивая святая. Кто бы мог подумать? Я расскажу тебе о встрече после того, как ты расскажешь о терновом лесе. Монастырь, о котором ты рассказывал, настоящий?

– Настоящий.

– Но здесь какой-то подвох, так?

– Вероятно, он расположен в Сикурзое.

В горах на границе Равки и Шухана. Пологие холмы патрулируют шуханские солдаты, а на горные склоны за ними весьма нелегко взбираться. Но Тамара нашла бы способ довести их туда, куда нужно.

– Неудобное препятствие, но едва ли непреодолимое.

– Вероятно, что тропу к этому монастырю завалило оползнем около трех сотен лет назад, и только монахам известен путь сквозь него.

– Мы просто пройдем поверху.

– Вероятно, что на протяжении трех сотен лет до этого никто не видел и не слышал этих монахов.

– Святая кровь, – выругалась она. – Так ты понятия не имеешь, есть ли у этих монахов семена терна.

– Я знаю, что у них они есть.

– Ты даже не знаешь точно, существуют ли сами монахи!

– Возможно, это вопрос веры. Ты думаешь о том, чтобы убить меня, Зоя?

– Да.

– Твой король этому не обрадуется.

– Я не собираюсь этого делать. Мне просто нравится об этом думать. Это успокаивает, как приятная, легкая мелодия. Кроме того, смерть слишком хороша для тебя.

– Вот как? – В его голосе прозвучало нечто похожее на любопытство. – А что бы могло стать для меня достойной расплатой? Вечность в муках?

– Неплохо для начала. Хотя позволить тебе жить дальше, долго жить, без твоей силы тоже отличный вариант.

Теперь его лицо заледенело.

– Не совершай ошибку, Зоя Назяленская. Я прожил сотни жизней, умер и вернулся на эту землю не для того, чтобы прожить обычным человеком. Я найду путь к моей силе. Тем или иным способом я избавлюсь от остатков душонки Юрия. Но *обисбайя* – единственный способ для твоего короля избавиться от демона и для мира избавиться от Каньона. – Он откинулся на спинку сиденья. – Я слышал, на твою жизнь покушались.

Проклятье. Кто из стражей проболтался? И что он успел подслушать?

– Чем могущественнее ты становишься, тем больше у тебя врагов, – сказал он. – Апрат весьма плохой враг.

– С чего ты взял, что за нападением стоит Апрат?

Из убийцы удалось вытащить немногое, но он определенно был из святых стражей Апрата. Зоя подозревала, что устранить ее Апрат решил не столько из-за того, что ее называют святой – хоть и это было довольно раздражающим, – сколько для того, чтобы ослабить войска Равки. Его фанатичные последователи с радостью совершили эту попытку.

Самодовольная улыбка скользнула по губам Дарклинга.

– После сотен лет нетрудно поднатореть в догадках. Апрату нужны святые, которыми он может управлять. Слабая девчонка, а еще лучше мертвая. Это убийство превратилось бы в твою мученическую смерть.

– Я не святая. Я – солдат.

Он попытался развести руками, но на запястьях предупреждающе звякнули кандалы.

– И все же, разве мы не творим чудеса?

– Юрий точно еще там, и это он разглагольствует, да? – Эта поездка начинала казаться бесконечной. – Я не творю чудеса. Я практикую Малую науку.

– Ты не хуже меня знаешь, что когда-то грань между святым и гришом была размыта. То было время чудес. Возможно, это время вот-вот наступит снова.

Зоя не желала иметь с этим ничего общего.

– А когда один из убийц Апрата проскользнет мимо моей охраны или фьерданская пуля попадет мне в сердце, я воскресну, как Григорий? Как Елизавета? Как ты?

– А ты так уверена, что тебя можно убить?

– О чем это ты говоришь?

– Силу, которой я владею, которой владели Елизавета, Григорий и Юрис и которая теперь течет по твоим венам, не так-то легко стереть из этого мира. Ты можешь подстрелить птицу в небе. Но вот поразить само небо намного сложнее. Только наша собственная сила может уничтожить нас, и даже это не гарантирует успех.

– А как насчет твоей матери?

Взгляд Дарклинга снова скользнул к занавешенному окну.

– Давай не будем говорить о прошлом.

Она была Зоиной наставницей, почитаемой и обожаемой, безмерно могущественной.

– Я видела, как она бросилась с вершины горы. Она пожертвовала собой, чтобы остановить тебя. Это была ее мученическая смерть?

Дарклинг ничего не ответил. Но Зоя уже не могла остановиться.

– Григория сожрал медведь. Елизавету четвертовали. И они все равно воскресли. В Элбьенских горах рассказывают истории о Темной Матери. Она появляется, когда ночи становятся длинными. И крадет жар из кухонных очагов.

– Лжешь.

– Возможно. Всем нам есть что рассказать.

Зоя подняла занавеску, затем опустила стекло и вдохнула морозный зимний воздух.

Деревья стояли укутанные в снегу, ветви берез блестели от наледи.

Она почувствовала, как что-то внутри шевельнулось, будто бы просыпаясь, будто бы тому, что бы там ни пряталось в ней, тоже захотелось вдохнуть сосновой свежести. Эти леса должны были казаться пустыми, возможно, даже зловещими, особенно из-за растущих теней, но вместо этого…

– Ты это чувствуешь? – спросил Дарклинг. – Здесь мир более живой.

– Помолчи.

Она не хотела делить это с ним. Была зима, но ей слышались птичьи трели, шорох лесных зверьков в кустах. Она видела следы зайца на белом покрывале снега.

Она потянулась и подняла занавеску со стороны Дарклинга. Отсюда им был виден пологий холм и заброшенный санаторий.

– Что это за место? – спросил Дарклинг.

– Когда-то давно здесь была дача одного князя. А холм покрывали его виноградники. Потом, во время вспышки чумы, здесь был изолятор. Виноградники перекопали, чтобы хоронить умерших. К тому времени, как карантин закончился, князь уже умер, и дом никому не был нужен. Считалось, что он проклят. Мы решили, что это самое подходящее место для этого злополучного предприятия.

Санаторий находился на большом расстоянии от деревень и городов и давно имел репутацию проклятого. Не было нужды беспокоиться о нежданных гостях.

Пока они наблюдали, к дому подъехал экипаж, из которого вышли трое – мужчина, парнишка в сопровождении рыжей кошки, которая сразу же рванула в лес, и маленькая, хрупкая девушка с длинными, белыми как первый снег волосами. Она подняла лицо к небу, словно позволяя зимнему солнцу наполнить ее светом. Алина Старкова, Солнечная святая.

«Напугана ли она? – гадала Зоя. – *Заинтригована? Зла?»* Она ощутила, как дракон шевельнулся, словно его окликнули. Нет. Ей не хотелось чувствовать то, что чувствовала сейчас Алина. Ее собственные эмоции были для нее достаточным грузом. Мал накинул шаль на плечи Алины, обняв ее, и они продолжили разглядывать старый виноградник.

– Очаровательно.

Зоя посмотрела Дарклингу в лицо.

– Ты можешь язвить, но я вижу твою зависть.

– Зависть к жизни отказника?

– Зависть к такой жизни, которой ни ты, ни я никогда не знали и не узнаем, – тихой, мирной и полной нерушимой любви.

– В любви нет ничего нерушимого. Думаешь, любовь защитит тебя, когда фьерданцы придут за Грозовой ведьмой?

Она так не думала. Но, возможно, ей хотелось бы верить, что в жизни есть нечто большее, чем бояться самой или пугать других.

Она опустила занавеску и постучала в крышу. Экипаж начал подниматься вверх по разбитой подъездной дороге, петляющей из стороны в сторону. Наконец, он с грохотом остановился.

– Сиди здесь, – велела Зоя, пристегивая его оковы к сиденью.

Она выбралась из экипажа, прикрыв за собой дверь. Мал и Алина стояли на крыльце санатория, но стоило Алине увидеть Зою, как она кинулась вниз по ступенькам, улыбаясь и

раскрыв объятия. Зоя сморгнула предательские слезы. Трудно было угадать, какого приема ждать от Алины, учитывая все обстоятельства. Она позволила себя обнять. Как всегда, от равкианской святой пахло хвоей и краской.

– Он там? – спросила Алина.

– Да.

– Ты приносишь мне самые худшие подарки.

Кошка вернулась с прогулки и принялась тереться об Мишины ноги. Затем переместилась к Зое.

– Привет, Накошка, – прошептала она, поднимая животное на руки и прислушиваясь к расслабляющему урчанию.

Миша ничего не сказал, просто смотрел, но лицо у мальчика было напряженным. Ему недавно исполнилось одиннадцать, но трагедий в его жизни с лихвой хватило бы десятерым старикам.

– Ты готова? – спросила Зоя у Алины.

– Нисколько. Разве мы не могли встретиться в каком-нибудь другом месте, не так напоминающем… кошмарный сон?

– Поверь мне, я бы тоже предпочла сейчас сидеть в роскошном номере отеля Ос Керво и потягивать вино.

– Здесь вовсе не так плохо, – возразил Мал. – Мы редко куда-нибудь выбираемся.

– Разве что на охоту время от времени? – спросила Зоя.

Знать любила охотиться в окрестностях Керамзина, а в компании двух скромных селян они не стеснялись выпить, посплетничать и даже обсудить дела государственные. Так Алина с Малом превратили приют в пункт сбора сведений.

Солнечные солдаты рассыпались, чтобы обойти санаторий и оцепить периметр. Юная рядовая с солнечными татуировками на обоих предплечьях вышла из здания.

Она поклонилась Зое, но не обратила внимания на девушку с покрытой шалью головой. Насколько знали эти солдаты, да и все остальные равкианцы, Алина Старкова умерла в Тенистом Каньоне.

– Дом сильно пострадал от воды, поэтому мы поставили кресла в прихожей.

Зоя спустила Накошку с рук.

– Там есть горячий чай?

Рядовая кивнула. Алина обожгла Зою взглядом, но та лишь пожала плечами. Если уж им придется терпеть Дарклинга, нужно, по крайней мере, делать это в цивилизованных условиях.

– Не спускайте глаз с двери, – приказала Зоя. – Если услышите что-нибудь необычное – что угодно, – не ждите моей команды.

– Я охраняла его в солнечной тюрьме, – заметила татуированная девушка. – Он показался мне довольно безобидным.

– Я не просила оценить угрозу, – отрезала Зоя. – Будьте бдительны и готовьтесь бить на поражение. Если он вырвется на свободу, второй раз схватить его не удастся, ясно?

Девушка кивнула, и Зоя отпустила ее, раздраженно взмахнув рукой.

– Все так же любишь заводить друзей? – со смехом спросила Алина.

– Эти ребятишки могут и сами погибнуть, и нас подставить.

Мал улыбнулся.

– Нервничаешь, Зоя?

– Не глупи.

Он повернулся к Алине.

– Нервничает.

– А ты нет? – спросила Алина.

– О, я в ужасе, но от Зои такого не ожидал.

Алина туже затянула шаль.

– Давайте покончим с этим.

Зоя прошагала к экипажу и заглянула внутрь. Отстегнув оковы Дарклинга от сиденья, она снова надела повязку ему на глаза.

– Это действительно необходимо?

– Вообще-то нет, – признала она. – Веди себя хорошо.

С солнечными солдатами по бокам она отконвоировала его через двор и вверх по лестнице.

– Вытри ноги, – сказала Алина.

Дарклинг застыл, услышав ее голос, а затем повиновался.

Зоя встретилась с подругой взглядом, и та подмигнула. Пусть маленькая, но победа.

Внутри было холоднее, чем снаружи, выщербленные мраморные полы и разбитые окна санатория служили плохой защитой от мороза. Прихожая когда-то была величественным залом, с двойной лестницей, ведущей в западное и восточное крыло. Но теперь одна из этих лестниц прогнила полностью. Разбитая люстра лежала на боку в углу, среди гор пыли и стекла, которые смели туда солнечные солдаты. Вдоль стен стояло старое медицинское оборудование – погнутый остов кровати, ржавая металлическая ванна, нечто похожее на кожаные крепления для сдерживания пациентов.

Зоя подавила дрожь. Упомянутый ей отель казался все более и более желанным. В центре комнаты был накрыт стол с самоваром и стаканами. Его окружали четыре кресла. Зоя не знала, что Миша тоже будет.

Двое солнечных солдат подвели Дарклинга к креслу, и он уселся, звеня оковами. Они и понятия не имели, что находятся рядом с Алиной Старковой, что их сила происходит от ее потери.

Зоя знаком велела им занять позиции у основания лестницы. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал их разговор. Солдат расставили также у каждого выхода, а сверху до Зои долетал отдаленный, но успокаивающий гул двигателей. Она реквизировала два вооруженных флайера Николая, чтобы патрулировать сверху.

Когда они остались одни, Алина попросила:

– Миша, не мог бы ты налить чаю?

– Ему тоже? – спросил Миша.

– Да.

Мальчик послушно принялся расставлять аккуратно помещенные в подстаканники стаканы на столе.

– Я налью себе сама, – сказала Зоя. У нее было особое отношение к сахару, а еще ей требовалось время, чтобы проникнуться этой необычной сценой. Было так странно, что после всей пережитой боли и принесенных жертв им всем довелось встретиться в этом заброшенном месте.

Комната погрузилась в молчание. Накошка жалобно мяукнула.

– С чего начнем? – спросил Мал.

– Решай сам, – предложила Алина.

Мал пересек комнату и сдернул повязку с глаз пленника. Дарклинг и глазом не моргнул, ничем не показывая, что дезориентирован, просто окинул комнату взглядом, как будто оценивал ее на предмет покупки.

– Вы привезли меня не в Керамзин, – произнес, наконец, он.

Алина застыла. Как, впрочем, и все остальные. Зоя понимала, какое это потрясение. Лицо Дарклинга было другим – остались острые скулы, сверкающие серые глаза, но его черты слегка изменились, и шрамы, оставленные когда-то волькрой, исчезли. Но его голос – твердый, холодный как стекло, с повелительными нотками – остался прежним.

– Нет, – подтвердила Алина. – Я не желала видеть тебя в своем доме.

– Но я уже бывал там.

Лицо Алины застыло.

– Я помню.

– А ты помнишь меня? – спросил Миша. Он был слишком юн и не успел научиться скрывать ненависть за вежливыми словами.

Дарклинг поднял бровь.

– А должен?

– Я заботился о твоей матери, – напомнил Миша. – А вот мою мать разорвали твои монстры.

– Как и мою. В итоге.

– Говорят, ты теперь святой, – процедил Миша.

– А ты что на это скажешь, парень?

– Скажу, что мне следует убить тебя своими руками.

– Многие уже пытались. С чего ты взял, что справишься?

Мал опустил руку на Мишино плечо.

– Оставь, Миша. Угрозы лишь позволяют ему чувствовать свою значимость.

– И как же нам звать тебя теперь? – спросила Алина. – Как вообще тебя зовут?

– У меня тысячи имен. Пожалуй, это не имеет особого значения. Вот только имя Юрий мне совсем не идет. – Он уставился на собеседницу. – Ты выглядишь по-другому.

– Я счастлива. Такой ты меня еще не видел.

– Живя в безвестности.

– В мире. Мы выбрали такую жизнь, какую хотели.

– Выбрала бы ты такую жизнь, если бы не пришлось пожертвовать своей силой?

– Я не жертвовала своей силой. У меня ее отняли, потому что я погибла из-за жадности, что движет тобой. Я заплатила свою цену за использование *мерзости.* Как когда-то пришлось заплатить тебе.

– И от этой мысли тебе становится не так горько?

– Нет. Но часть меня исцеляется с каждым ребенком, которому я могу помочь, с каждым разом, когда удается позаботиться о тех, кто пострадал в ходе твоих войн. И, возможно, когда наша страна станет свободной, моя рана совсем затянется.

– Сомневаюсь. Ты могла бы править этой страной.

– Потрясающе, – внезапно произнес Мал, отодвинувшись от стола, чтобы вытянуть ноги. – Ты умер. – Он повернулся к Алине. – А ты притворилась, что умерла. Но вот вы снова встретились и начинаете ровно с того места, на котором остановились. Тот же спор, хоть и в другое время.

Алина ущипнула его за бедро.

– Очень невежливо делать такие точные наблюдения.

Серые глаза Дарклинга изучали Мала с большим интересом, чем когда-либо ранее.

– Я так понимаю, мы связаны кровным родством.

Мал пожал плечами.

– У всех есть нелюбимые родственники.

– И у тебя, сирота?

Мал рассмеялся искренне и удивительно тепло.

– Он произносит это как оскорбление. Ну ты и ископаемое, старик.

– Нож Алины, отмеченный моей тенью и твоей кровью, – голос Дарклинга звучал задумчиво, словно он припоминал любимый рецепт. – С его помощью вы чуть не прикончили меня. Вам, едва вышедшим из детского возраста, это удалось намного лучше, чем кому-либо до вас.

– Но недостаточно хорошо, – рыкнул Миша.

– Ты заставил нас тащиться в это ужасное место, – сказала Алина. – Чего же ты хочешь теперь?

– Того же, чего хотел всегда, – создать безопасное место для гришей.

– С чего ты взял, что справишься? – поддела она, повторив насмешливое замечание Дарклинга в адрес Миши. – Нельзя сказать, что у тебя прежде не было возможности попытаться. Сотни попыток.

– Если не я, то кто?

– Николай Ланцов. Зоя Назяленская.

– Два чудовища, еще более неестественных, чем все, что когда-либо создавал Морозов или даже я.

Услышав это, Зоя вздернула брови. Услышать, что ты чудовище, от чудовища – это все равно что получить знак отличия.

– У меня такое ощущение, что я говорю с покойником, – заметила Алина. – Так, может, не стоит кидать камни в чужой огород.

Оковы Дарклинга звякнули.

– Они дети, едва способные понять, кто они и где их место в этом мире. Я же…

– Да, мы знаем, вечен. Но прямо сейчас ты просто человек без капли силы, сидящий в доме, полном призраков. Зоя годами сражалась, чтобы обеспечить безопасность гришам. Она восстановила Вторую армию из обломков, что ты оставил после себя. Николай объединил Первую и Вторую армии, чего не бывало за всю историю Равки. А как насчет новых разработок Жени Сафиной и Давида Костюка?

Зоя тщательно помешивала свой чай, боясь показать, как много значат для нее слова Алины. После войны она начала работу в качестве одного из выбранных Алиной членов Триумвирата без тени сомнений. Она была уверена, что рождена, чтобы повелевать. Но спустя какое-то время, после долгого пути и многих провалов, в ней зародилось сомнение.

Дарклинг выглядел озадаченным.

– Если Равка настолько сильна, почему же Фьерда решилась напасть? Почему волки снова у наших границ? Ты действительно веришь, что эти щенки могут управлять страной?

– Безопасность для гришей. Объединенная Равка. Что, если именно они позволят этой мечте стать реальностью? Почему это должен сделать именно ты? Почему ты должен стать спасителем?

– Потому, что я лучше всех подхожу на эту роль.

Что-то в его голосе заставило Зою задуматься, а был ли он сейчас так же уверен в своих словах, как до этого чаепития со святой.

Плечи Дарклинга поднялись.

– Меня всегда было легче считать злодеем, я знаю. Но можешь ты хоть на мгновение представить, что все мои поступки были ради блага моей страны и моего народа?

– Могу, – согласилась Алина. – Конечно, могу.

– Не говори так! – выкрикнул Миша, и лицо его вспыхнуло. – Ему всегда было наплевать на всех нас!

– Скажи мне, что ты жалеешь о чем-то, – мягко попросила Алина. – О чем угодно. – Ее голос был нежным, просящим. Полным надежды. Зое была знакома эта надежда. Когда ты следуешь за кем-то, веришь в кого-то, тебе не хочется вдруг узнать, что ты был глупцом. – Даже для тебя еще не слишком поздно.

– Я здесь не для того, чтобы лгать, – заявил Дарклинг.

Алина разочарованно выдохнула, а Зоя лишь покачала головой.

– Ты правда считаешь, что была рождена именно для такой жизни? – спросил Дарклинг. – Жалкой и бессильной? Где ты вытираешь сопливые носы детям, которые вскоре забудут о тебе? Рассказываешь им на ночь сказки, которым никогда не стать правдой?

На этот раз Алина улыбнулась. Она взяла Мала за руку.

– Я не бессильна. Сказки учили нас, что важны лишь короли и королевы. Они ошибались.

Дарклинг наклонился вперед, но внезапно Зоя поняла, что видит перед собой вовсе не его. Перед ней было скуластое, полное отчаяния лицо Юрия, и его же испуганный голос крикнул:

– Он собирается…

Дарклинг, казалось, рухнул на колени. Он потянулся и схватил соединенные руки Алины и Мала. Самовар рухнул на пол.

Зоя вскочила, откинув кресло, но было слишком поздно.

– Нет! – вскрикнула Алина. Накошка зашипела.

Тени хлынули в комнату. Зоя ничего не видела, не могла сражаться. Она заблудилась во тьме.

15. Николай

В утро перед церемонией Николай одевался с особой тщательностью. «*Зоя должна быть здесь*», – думал он, прикалывая веточку голубого гиацинта на лацкан. Это был знаменательный день, поворотный момент для Равки, кульминация их тщательно продуманных планов и, возможно, надвигающаяся дипломатическая катастрофа. Но какую возможную пользу принесло бы присутствие Зои рядом с ним сегодня? Она бы смогла увидеть его в новом великолепном наряде?

Который, кстати, не особо хорошо на нем сидел. Они месяцами путешествовали вместе, справлялись с трудностями, сталкивались с чудесами. Она стала его самым близким поверенным, самым надежным советником. И все же он отослал ее прочь. *«Не просто прочь, жирный ты лицемер».* Он отправил ее на невыполнимое задание в компании их самого опасного врага. Ну, одного из них. По правде говоря, в последнее время становилось непросто определить, кто же опаснее – фьерданцы, с их военной техникой и пленными гришами, керчийцы, с их непревзойденным флотом и бездонной казной, тлен, медленно поглощающий их мир, или шуханцы, которые вот-вот должны были прибыть сюда.

Флайеры Николая засекли дирижабль королевы Макхи издалека, и ему прислали сообщение о том, что гости на подходе. Они приземлились в Полизной, где выгрузили лошадей, экипажи и огромную толпу слуг, включая двенадцать Тавгарадов в черных мундирах. Генерал Пенский встречал гостей в парадном мундире, и эскорт из его солдат проводил их до самой Ос Альты. Николай заранее убедился, что толпы зевак, собравшиеся на улице, находятся под присмотром солдат Первой армии и сердцебитов, готовых замедлить пульс любого, кто решит устроить неприятности. Пусть они и не воевали с Шуханом уже несколько лет, но антишуханские настроения в народе были довольно сильны, а ему не хотелось добавлять напряженности этому и без того непростому дню.

Толя постучал в дверь гардеробной Николая и заглянул внутрь.

– Они у ворот. Ты снова взялся за корабли. Так нервничаешь?

Николай посмотрел на маленькую проволочную лодочку в своих ладонях. Старая привычка из детства – придавать кусочкам и обрывкам форму животных или предметов.

– А тебя не беспокоит вся эта сумасбродная затея? – спросил Николай.

– Беспокоит, – мрачно признал Толя. – Но это правильное решение. Я точно знаю.

– Святые, ты что, надел кафтан?

Толя с Тамарой обычно предпочитали оливковую форму солдат Первой армии. Они отказывались носить знаки отличия Второй армии с самых первых дней появления в Малом дворце. Но вот Толя стоял перед ним в красном кафтане сердцебита, с черной вышивкой на рукавах и с убранными в низкий хвост на затылке длинными волосами.

– Сегодня мы поддерживаем гришей Равки, – заявил Толя.

Зоя очень расстроится, что пропустила такое.

Николай кинул последний взгляд в зеркало, на ордена, прикрепленные к ленте на груди. Затем коснулся пальцами голубой бархатной ленты, спрятанной в кармане.

– Идем, – вздохнул он. – Чем скорее начнем, тем скорее закончим.

– Складывается впечатление, что ты не любишь свадьбы, – заметил Толя, пока они шли по дворцу.

– Я очень люблю свадьбы, особенно ту часть, где уже можно выпить. Поражен, что удалось найти кафтан твоего размера.

– Его мне сделали фабрикаторы. Пришлось сшить два вместе.

Они спустились по лестнице, у которой уже выстроилась перед оставшимися членами Триумвирата королевская стража. Ступени из белого мрамора начисто отмыли от следов тра-

гедии, произошедшей здесь совсем недавно, и все балконы с балюстрадами были украшены облаками голубой и зеленой гортензии – в цветах Равки и Шухана. Если бы только так же просто было объединить две страны.

– Толя! – воскликнула Женя, едва они присоединились к ним с Давидом у подножия лестницы. – Красный тебе к лицу.

– Не привыкай к этому виду, – буркнул Толя, но это не помешало ему в ответ на комплимент надуться от гордости, словно павлин.

На Жене был кафтан из мерцающей золотой ткани, а в рыжих локонах переливались нити речного жемчуга. Давид в кои-то веки подстригся.

– Вы оба выглядите потрясающе, – сказал Николай.

Давид взял руку жены и легким поцелуем коснулся костяшек. Щеки Жени порозовели от удовольствия. Николай знал, что жест Давида был отработан. Фабрикатору не давались спонтанные проявления любви, но они радовали его жену, а ему нравилось видеть ее счастливой. Затем Давид потянулся к ее волосам и пропустил сквозь пальцы шелковистый рыжий локон. Женя вспыхнула еще ярче.

– Что ты делаешь? – шепнула она.

– Изучаю нечто прекрасное, – сказал он без малейшего намека на лесть, словно и в самом деле пытался разгадать формулу, объясняющую красоту женщины перед ним.

– Прекратите пожирать друг друга глазами, – велел Николай, на самом деле не имея в виду ничего подобного. Они заслужили свое счастье. Проклятые везунчики.

По главной аллее проскакал всадник, предупреждая, что шуханцы добрались до ворот с двуглавым орлом, а возникший несколько мгновений спустя столб пыли на дороге свидетельствовал о том, что гости прибыли на место.

Экипажи шуханцев отличались исключительной элегантностью – покрытые черным лаком, отливающим зеленью, словно спинка жука, со скрещенными позолоченными ключами – эмблемой Шухана – на дверцах.

Рядом с экипажами скакала процессия Тавгарадов, на иссиня-черных, как и их мундиры, лошадях, с лихо заломленными фуражками на головах. На этих самых ступенях их сестры погибли несколькими неделями ранее. По приказу их королевы. И Николай знал, что эти женщины столь же быстро предадут себя огню, стоит только Макхи отдать приказ.

Главная карета остановилась у ступеней, и из нее вышла королева. Она была высокой и стройной, и пусть некоторое сходство с принцессой Эри присутствовало, Макхи выглядела как ожившее изображение королевы, сошедшее с полотна художника: глаза цвета молочного шоколада сияют, бронзовая кожа безупречна, черные волосы блестящей волной ниспадают до талии. На ней был шелковый наряд цвета молодой листвы с расшитым взлетающими соколами подолом и корона, усыпанная крупными зелеными камнями, легко посрамившими бы знаменитый изумруд Ланцовых. Два министра в темно-зеленом быстро возникли по обеим сторонам от нее.

У королев Табан не было мужей, но было множество консортов, чтобы ни один мужчина не мог заявить права на их детей или претендовать на трон. Макхи никогда не пойдет под венец, но пойдут ее сестры. С целью заключения союзов.

Николай отвесил низкий поклон.

– Королева Макхи, мы приветствуем вас в Большом дворце и надеемся, что вам здесь понравится.

Королева огляделась, скривив губы в едва заметной усмешке. У нее появилась первая возможность оскорбить его страну.

– Небеснорожденная правительница Шухана и носительница короны Табан приветствует вас. Мы благодарны вам за гостеприимство.

По крайней мере, начало было неплохим.

Николай предложил королеве руку.

– Почту за честь проводить вас в королевскую часовню. Или, возможно, вы предпочтете немного отдохнуть и освежиться?

Королева кинула взгляд на своих министров, застывших с бесстрастными лицами. Она коротко вздохнула и положила руку на сгиб локтя Николая.

– Будет лучше, если мы покончим с этим неприятным делом поскорее.

Николай повел ее по дорожке, и их свита волной шелка, бархата и сверкающих драгоценностей хлынула следом за ними к королевской часовне, расположившейся почти ровно посередине между Большим и Малым дворцами.

– Говорят, что эта часовня была построена на месте первого равкианского алтаря, – сказал Николай. – Где помазали на царство первого короля из Ланцовых.

– Очаровательно, – процедила королева и добавила еле слышно: – Все эти любезности действительно необходимы?

– Нет, но так мне легче поддерживать разговор с женщиной, пытавшейся организовать мое убийство и захватить мой трон.

Рука Макхи на его руке чуть напряглась.

– Где моя сестра? Я бы хотела поговорить с ней до церемонии.

Еще бы не хотелось, но этому не бывать. Николай проигнорировал ее слова.

Часовню восстанавливали с большим тщанием после нападения Дарклинга, и талант работавших над ней фабрикаторов не позволял усомниться, что ее темные своды и золотой купол станут еще краше, чем прежде. Здесь пахло полированным деревом и ладаном. Скамьи были битком забиты гостями – знатнейшими представителями дворянства Равки в роскошных нарядах и гришами в ярких, усыпанных самоцветами кафтанах.

– Кто будет проводить эту пародию на церемонию? – спросила Макхи, через проход разглядывая позолоченный алтарь, украшенный изображениями тринадцати святых. – Слышала, у вашего священника дела в другом месте. Представить только – моя сестра станет женой бастарда.

Казалось, запас вежливости у Макхи иссяк.

– Я и не думал, что королевы Табан придают большое значение тому, что дети рождаются вне брака.

Карие глаза Макхи сверкнули.

– Прочитали это в какой-то книге? Брак – ничто. Родословная – все.

– Благодарю за то, что объяснили мне разницу. Владим Озваль проведет эту церемонию.

Молодой священник уже стоял у алтаря, одетый в длинную коричневую рясу с вышитым на ней золотым солнцем. Он был одним из солнечных стражей, оставивших службу у Апрата, чтобы последовать за Алиной Старковой. Он сражался бок о бок с Солнечной святой в Каньоне, получил часть ее силы, и, если Зоин рассказ был правдой, носил отпечаток ладони Заклинательницы солнца на груди, как знак отличия. Когда Апрат бежал во Фьерду, священники Равки собрались, чтобы выбрать нового главу церкви, того, кто станет духовным наставником короля. Среди кандидатов были и более опытные, старшие священники, но большая их часть была приспешниками Апрата. В конце концов победила новая стража, и главой был выбран Озваль. Очевидно, спорить с тем, на ком Заклинательница солнца оставила свою метку, было крайне непросто.

– Я почти ничего не вижу, – возмутилась королева Макхи. – Мы должны стоять в центре часовни.

– Пока нет, – возразил Николай. – Равкианская традиция.

Адрик и Надя встали и повернулись к гостям, встав бок о бок, в одинаковых синих кафтанах с манжетами, по обычаю шквальных расшитыми серебром. Бронзовая рука Адрика была

отполирована до блеска. Они запели, сплетая голоса в идеальной гармонии. Это была старинная равкианская народная песня о первой жар-птице и колдуне, пытавшемся ее поймать.

Давид и Женя уже начали свой неспешный путь по проходу. За Женей тянулся необычайно длинный шлейф.

– Кто эти люди? – спросила Макхи. – Где моя сестра?

– Это два члена Триумвирата гришей, Давид Костюк и Женя Сафина.

– Я знаю, кто они. Но что они здесь делают? Я прямо сейчас пойду к алтарю и остановлю все это действо, если…

Николай положил руку на затянутый шелком локоть королевы и тут же убрал под ее яростным взглядом.

– Даже думать не смейте о том, чтобы коснуться священного тела королевы Макхи Кир-Табан.

– Тысяча извинений. Но я искренне считаю, что лучше не устраивать сцен.

– Вы думаете, я побоюсь устроить здесь скандал?

– Нет, хоть и следовало бы. Сомневаюсь, что вам захочется, чтобы все эти люди узнали, где сейчас ваша сестра.

Макхи вскинула голову, окатив Николая презрительным взглядом. Ощущения победы не было, скорее настороженность. Эта королева была безжалостна, исключительно умна и особо опасна, когда ее загоняли в угол. Но ему придется это сделать.

– Давид и Женя обвенчались без всякой помпы во время довольно поспешной поездки в Кеттердам, – объяснил Николай. – У них не было возможности обменяться клятвами в Равке.

И они делали это прямо сейчас.

– Здесь, в присутствии наших святых и наших друзей, – начала Женя, – я произнесу слова любви и долга. Для меня не обуза, а честь поклясться тебе в верности и вечной любви и отдать тебе свою руку и свое сердце как в этой жизни, так и в следующей.

Это была традиционная равкианская клятва, которую произносили и дворяне, и простые люди.

А вот клятвы гришей звучали совсем иначе.

– Мы – солдаты, – провозгласил Давид низким, взволнованным голосом. Он не привык выступать перед большим скоплением людей. – Я буду сражаться рядом с тобой во время войны. Я найду свой покой рядом с тобой во время мира. Я навсегда стану оружием в твоих руках, бойцом на твоей стороне, другом, ждущим твоего возвращения. – Его голос становился громче и уверенней с каждым произнесенным словом. – Я вижу твое лицо в основе творения в сердце мира, и нет никого прекраснее тебя, Женя Сафина, храбрее и несокрушимее.

Клятва эхом пронеслась по часовне. Лицо Жени сияло, словно эти слова зажгли в ней скрытый прежде свет.

Толя, возвышающийся над женихом и невестой, поднял терновые венцы сперва над головой Давида, затем над Жениной, в то время как Владим читал молитву. Николаю хотелось бы принять участие в церемонии, стоять рядом с друзьями в этот счастливый момент, пусть даже вокруг них все так неопределенно. Но эта свадьба была устроена специально для королевы Макхи, и у него не было ни малейшей возможности покинуть ее.

– Отвечайте на мой вопрос, – прошипела Макхи. – Нас пригласили сюда на вашу свадьбу с моей несчастной сестрой.

– Не припомню, чтобы в приглашении об этом было хоть слово.

Щеки королевы Макхи запылали от возмущения.

– Королевское венчание. Там было написано «королевское венчание».

– А мы с вами сейчас на венчании в королевской часовне.

– Где принцесса Эри? Она в заключении? Свадьба уже состоялась?

– Ну что вы, какая мне польза от тихой церемонии? И кому бы я продемонстрировал свой потрясающий новый костюм?

– Где моя сестра? – прошептала она яростно.

Владим как раз завершал церемонию. Давид наклонился, чтобы поцеловать Женю. Он с улыбкой пропустил между пальцев все тот же янтарный локон. Гости разразились аплодисментами.

Теперь настала очередь Николая заговорить.

– Она дома, ваше величество. В Амрат Ен. В Шухане.

Макхи медленно моргнула.

– Дома, – повторила она. – В Шухане.

– Да, – ответил Николай. – Она отбыла на дирижабле два дня назад, в сопровождении полка гришей и солдат Первой армии, а также в компании Тамары Кир-Батар.

– Тамара Кир-Батар – полукровка и предательница.

– Из полукровок и бастардов выходят неплохие спутники. А еще она одна из моих самых доверенных советников и преданных друзей, поэтому я со всем уважением прошу вас следить за своим языком. Принцесса Эри должна была уже приземлиться и отправиться побеседовать с другими вашими министрами.

– С моими… моими министрами? Вы с ума сошли?

– Она расскажет им о задуманном вами заговоре с целью убить меня, а затем и ее, чтобы получить основания для вторжения в Равку и развязывания войны с Фьердой – войны, на которую ваши подданные ни за что бы не согласились без веской причины, коей стало бы убийство принцессы Эри Кир-Табан, столь любимой в народе. Должно быть, жутко раздражает жить, зная, насколько вашу сестру обожают.

Макхи рассмеялась, и Николай невольно восхитился ее выдержкой.

– И вы ожидаете, что Эри сможет? Застенчивая, робкая, прекраснодушная Эри? Она не выдержит расспросов. Она не политик, не правитель, и ей ни за что не убедить…

– Она в компании с Майю Кир-Каат.

Королева Макхи была слишком опытным дипломатом, чтобы показать, насколько потрясена. Ее глаза лишь слегка расширились.

– Да, – ответил Николай. – Завербованная вами убийца жива. Майю Кир-Каат подтвердит рассказ Эри и объяснит, какие инструкции вы прислали ее Тавгарадам.

– Это было всего лишь стихотворение.

– Даже если ваши министры не подкованы в поэзии своей страны, думаю, при дворе у вас множество ученых мужей и жен, которые поймут значение этого стихотворения, как поняли его ваши стражи, как поняла его Майю.

Макхи фыркнула.

– Что ж, пусть изложат свою историю. Пусть прокричат о ней повсюду, хоть до самых небес. Я – королева, и этого не изменить и не исправить. Лишь королева Табан может назвать другую королеву Табан.

Николаю стало даже чуть неловко за тот удар, что он собирался нанести. Но он делал это ради Равки. И ради Исаака тоже.

– Очень верные слова. Но, полагаю, ваша бабушка все еще жива и продолжает ухаживать за своими розами во дворце Тысячи Звезд. Я всегда мечтал увидеть его собственными глазами. Она – все еще королева Табан и может забрать корону назад, сказав лишь слово.

Второй взрыв приветственных криков взорвал воздух, и Давид с Женей начали свой путь по проходу под дождем из лепестков айвы, в сопровождении Толи с широчайшей улыбкой на лице и Жениным шлейфом в руках.

Николай с радостью присоединился к аплодисментам, и тут заметил, как золотые глаза Толи встретились с разъяренным взглядом королевы Макхи. Улыбка гиганта увяла. Он отпу-

стил сестру, чтобы разрушить планы Макхи, и определенно не выглядел готовым простить ей это расставание. Когда свадебный кортеж проходил мимо них, он шепнул по-шуханski несколько слов, отчего королева чуть не зарычала.

Но к тому моменту, как они покинули часовню вслед за счастливыми молодоженами, она смогла взять себя в руки. Снова оказавшись в окружении своей охраны, сопровождаемые по пятам озадаченными шуханскими министрами, Николай и Макхи снова вошли под своды леса по дорожке, ведущей к Большому дворцу. Здесь, под сенью деревьев, Николай остановился. Небо нависло над ними тяжелым серым покрывалом. Было похоже, что вот-вот пойдет снег.

– И чего же вы хотите добиться? – потребовала ответа королева. – Моя сестра никогда не желала короны и не способна править.

– Мне нужен договор, скрепляющий мир между Шуханом и Равкой и подтверждающий нынешнюю границу, проходящую в районе Двух Столбов. Любой акт агрессии против Равки должен расцениваться как акт агрессии и против Шухана. А еще вы гарантируете соблюдение прав всех гришей.

– Прав кого?..

Зоя с Тамарой работали над формулировками договора вдвоем.

– Вы закроете все ваши базы, где гриши умирают под воздействием наркотика, в процессе создания солдат-кергудов. Вы перестанете включать ни в чем не повинных людей в эту программу. Вы гарантируете гришам те же права, которые есть у других ваших граждан.

– Кергуды – это выдумка, антишуханская пропаганда. Если…

– Мы сейчас не ведем переговоры, ваше величество.

– Я могла бы убить вас на этом самом месте. Ваша охрана и в подметки не годится моим Тавгарадам.

– Вы уверены? – спросил Толя, возникая позади них. – Мой отец когда-то тренировал Тавгарадов. Он учил и меня.

– Это, безусловно, добавило бы живости празднику, – съязвил Николай.

Губы королевы Макхи изогнулись в презрительной усмешке.

– Я прекрасно знаю, кем был твой отец, Толя Юл-Батар. Кажется, предательство у тебя в крови.

В голосе Толи звенела сталь, чье острие было отточено годами гнева.

– Майю Кир-Каат и ее брат снова будут вместе. Вы больше никогда не разлучите близнецов-кеббен.

– Ты смеешь отдавать приказы королеве Табан?

– У меня нет ни королевы, ни короля, ни подданства, – заявил Толя. – Есть лишь то, во что я верю.

– Королева Макхи, – спокойно заговорил Николай, – пожалуйста, поймите, я знаю, что вы используете всю вашу потрясающую изворотливость, чтобы вернуть назад власть во всей полноте, как только окажетесь дома. Но сведения, собранные источниками Тамары, свидетельство Майю и проклятую популярность принцессы Эри не так-то просто обойти. Равка не должна решать, кто будет править Шуханом, и вы сами сказали, что Эри не нужна корона. Но если вы не станете соблюдать условия договора, мы поможем ей отнять ее у вас.

– Тогда начнется гражданская война.

– Я знаю, во что она способна превратить страну, но в ваших силах предотвратить ее. Подпишите договор. Закройте лаборатории. Все так просто. На моих гришей больше не будут охотиться, и мы сможем стать добрыми соседями, если не друзьями.

– Из Эри вышла бы намного лучшая марионетка Равки, чем из меня.

– Так и есть. Но у меня нет желания быть кукловодом. Даже одной страной управлять довольно тяжело, а союз сильного Шухана с Равкой поможет охладить фьерданские амбиции.

– Я обдумаю это.

– Не похоже на согласие, – заявил Толя.

– Это начало, – сказал Николай. – Пообедайте с нами. Окажите нам честь. А затем можем взглянуть на договор.

Макхи фыркнула.

– Надеюсь, ваш шеф-повар лучше ваших архитекторов.

– А я надеюсь, вам понравится заливное.

Николай встретился взглядом с Толей, когда они двинулись следом за Макхи к дворцу. Толя подверг риску жизнь сестры, чтобы у этой миссии появился шанс. Надя отпустила жену в чужие края во время разгорающейся войны. Тамара, Майю, Эри поставили свои жизни на кон, чтобы появилась возможность наконец-то заключить договор с Шуханом и навсегда изменить мир для гришей. Это был отчаянный шаг, невероятно дерзкий, но они пошли на этот риск, чтобы появился шанс на лучшее будущее.

– Я не знаю, когда снова увижу сестру, – сказал Толя, когда они шли на обед. – Очень странное чувство.

– Никому другому я не смог бы доверить такое сложное задание. Но мне тоже не по себе из-за ее отсутствия. А теперь расскажи-ка мне, что ты нашептал королеве Макхи в часовне.

– Тебе бы стоило выучить шуханский.

– Я подумывал заняться сулийским.

Внезапно демон внутри Николая взвыл, кинувшись вверх, словно дикий зверь, отчаянно пытающийся вырваться на свободу. Перед Николаем мелькнуло видение пустой прихожей, перевернутого самовара, потрясенного женского лица – лица Алины. И все исчезло в нахлынувшей тьме. Николай заставил себя сделать вдох и резко дернул за поводок, связавший их с демоном после *обисбайи.* Он ощутил свои ноги в ботинках, увидел ветви над головой, услышал успокаивающий шум разговоров гостей.

– Что-то случилось? – спросил Толя, успокаивающе придержав Николая за локоть.

– Я не уверен. – Николай сделал очередной вдох, чувствуя, как мечется и визжит демон, натягивая привязь. Не хватало ему, чтобы монстр вырвался на свободу перед доброй половиной равкианской знати и шуханцами. – Что-нибудь слышно от Зои?

– Пока нет.

Было ли его видение реальностью или игрой воображения? Неужели Зоя в беде?

– Они уже должны были закончить в санатории. Давай отправим отряд на перехват, в качестве поддержки. На всякий случай.

– На какой?

– На случай бандитов. Разбойников. Острого приступа сенной лихорадки. – *«На случай, если я послал своего генерала в ловушку».* – Так что ты там сказал королеве?

– Процитировал строчку из поэмы «Песнь об Олене» Ни Юл-Мана.

Теперь Николаю стала понятна реакция королевы.

– Той самой, которую королева использовала, чтобы приказать Тавгарадам убить себя и Эри?

– Именно, – подтвердил Толя. Его глаза сверкнули, как золотые монеты в лучах полуденного солнца. – Пусть гончие рвутся в погоню. Я не боюсь смерти, ведь она подвластна мне.

16. Нина

Через два дня после приема, на котором они познакомились с Демидовым, Нина с Ханной одевались на королевскую охоту, Ханна в темно-зеленое шерстяное платье, отороченное золотистым мехом, Нина в графитово-серое. Теплые плащи были специально оставлены дома.

К стеклянному мосту они пошли длинным путем, чтобы Нина смогла заглянуть в сады, миновали по дороге колоннаду, где когда-то рос священный ясень Джеля, теперь замененный каменной копией, чьи белоснежные ветви раскинулись над двором наподобие огромного купола. Они никогда не зацветут.

– Энке Яндерсдат, – поприветствовал садовник, едва заметив ее. – Вот розовая вода, которую вы просили.

– Как вы добры! – воскликнула Нина, забирая у него крошечный пузырек вместе со вторым, меньшим сосудом, прячущимся за первым. Она опустила оба в карман.

Садовник улыбнулся и вернулся к стрижке изгородей. На левом запястье пряталась едва различимая татуировка тернового куста, тайной эмблемы Санкт-Феликса.

Конюх ждал снаружи у кольцевой стены с двумя лошадьми. И Нине, и Ханне скакать в дамском седле было неудобно, но Ханна была слишком умелой наездницей, чтобы обращать на это внимание. Кроме того, на самом деле они не собирались скакать, просто ехали в королевский лагерь, чтобы присоединиться к принцу Расмусу и Йорану в шатрах, разбитых для охотников.

Главный шатер, размером с церковь, был задрапирован полотнами шелка и прогрет с помощью расставленных повсюду на треногах серебряных жаровен с углями. С одной стороны стояли столы с напитками и едой, а с другой знатные охотники беседовали, устроившись в удобных креслах, накрытых шкурами и одеялами.

На принце были бриджи и сапоги для верховой езды, а его синий бархатный сюртук был подбит мехом.

– Вы присоединитесь к охотникам сегодня, ваше высочество? – спросила Ханна, когда они устроились на низких скамеечках у тлеющих жаровен.

– Присоединюсь, – охотно подтвердил Расмус. – Стрелок из меня не очень хороший, но я справлюсь. Это единственное событие Сердцевины, которое нравится всем.

– Сомневаюсь, что олень от него в восторге, – заметила Ханна.

– Тебе не нравится наблюдать, как мужчины охотятся на диких зверей?

– Не ради забавы.

– Нужно успевать развлекаться, пока есть возможность. Скоро начнется война, и из всех развлечений останется только убийство равкианцев.

Ханна поймала взгляд Нины и спросила:

– Разве мы все еще не ведем переговоры с Равкой?

– Твой отец не слишком поднаторел в дипломатии. Будь его воля, мы бы воевали постоянно.

– Ну, конечно, не постоянно, – возразила Нина.

– А что из себя представляет военный командир, когда нет войны?

Расмус был далеко не глуп.

– Но путь Фьерды выбирает вовсе не Ярл Брум, – сказала Нина. – Это право принадлежит королю. Это ваш выбор.

Расмус замолчал, разглядывая лошадей, стоящих перед входом в шатер.

– И что бы вы выбрали? – мягко спросила Ханна.

Улыбка принца больше походила на гримасу.

– Такие, как я, не подходят для войны.

Но это было не совсем так. Уже нет. Расмус никогда не считался высоким среди фьерданцев, но теперь, выпрямившись, он смотрел Ханне прямо в глаза. Ушла болезненная бледность, делавшая его похожим на мертвеца, брошенного на морозе, и сейчас он выглядел крепким, даже сильным.

– Но в жизни есть многое, кроме войны, – подсказала Нина.

– Не в роду Гримьер. Фьерданский трон достается тому, кто достаточно силен, чтобы его захватить и удержать. И нет никаких сомнений в том, что гриши – это угроза, и они останутся ей до тех пор, пока их не сотрут с лица земли.

– А как насчет тех людей, что считают гришей святыми? – спросил вдруг Йоран с озабоченным лицом. Нина была удивлена. Телохранитель редко присоединялся к их беседам.

Принц Расмус отмахнулся.

– Мимолетная причуда. Кучка радикалов.

«Это мы еще посмотрим». Сердце Фьерды было пропитано ядом. Нина собиралась найти противоядие.

Нина заметила королеву Агату, собравшую придворных в дальнем конце шатра. Нине ни за что бы не позволили приблизиться к ней и заговорить, но она и не думала, что ей придется делать первый шаг.

Она поймала взгляд Ханны, и та попросила:

– Мила, ты не принесешь нам ленты и несколько веточек ясеня? Мы сделаем вам оберег на охоту, принц Расмус. Волка Гримьеров для того, кто рожден для войны, но выбирает другой путь.

– Какая же ты сентиментальная, – удивился Расмус, но возражать не стал.

Нина поднялась и медленно подошла к столу с лентами и ветвями ясеня, убедившись, что королева видит ее.

– Я хочу сделать оберег, – услышала она слова королевы и следом: – Нет, я выберу все, что нужно, сама.

Мгновение спустя королева Агата уже стояла рядом с ней.

– Мой сын крепнет с каждым днем, – шепнула она.

– Такова воля Джеля, – ответила Нина. – Сейчас.

Рука королевы застыла над мотком красных лент.

– Сейчас?

– Священному источнику не нравятся разговоры о войне.

– О чем ты? Джель – воин. Как и вода, он покоряет все на своем пути.

– Вы читали свои молитвы?

– Каждый день! – воскликнула королева, опасно повысив голос. И тут же взяла себя в руки. – Каждую ночь, – продолжила она шепотом. – В одном платье я стояла, преклонив колени, на полу часовни.

– Вы молились Джелю, – сказала Нина.

– Конечно.

И Нина пошла на рискованный шаг, шаг, который мог привести ее к падению. Или к исполнению ее задумки.

– Но что насчет его детей? – шепнула она и, набрав полные руки лент и ветвей, поспешила назад к Ханне и принцу.

Запел рог – призыв к началу охоты. Расмус поднялся, натягивая перчатки.

– У вас не осталось времени, чтобы сделать мне оберег, – сказал он. – Охотники готовы.

– Тогда нам остается только пожелать вам удачи, – сказала Нина, и они с Ханной присели в реверансах.

Расмус и Йоран направились к выходу из шатра, а Нина с Ханной пошли следом, чтобы проводить их. Но не успели они дойти до группы охотников, как раздался голос королевы.

– Я хочу, чтобы ты наблюдал за охотой со мной, Расмус.

Она стояла на помосте, построенном специально для этих целей. Там же был и ее младший сын в окружении королевских фрейлин.

В лагере воцарилась тишина. Раздался смешок. Брум и Редвин уже присоединились к охотникам. Нина видела презрение, написанное на лицах обоих.

– Да, – еле слышно прошептал женский голосок. – Иди, посиди с женщинами и детьми.

Понимала ли королева, какое оскорбление она наносит своему сыну? «*Нет,* – виновато подумала Нина, – *она слишком боялась* за *него*». Возможно, именно потому, что Нина только что напомнила ей о его слабости.

Расмус замер на месте, будучи не в силах отказать королеве, но понимая, какой удар будет нанесен его репутации.

– Ваша безопасность – наша главная задача, – заявил Брум с ехидной улыбкой, змеящейся по губам.

Расмус оказался в ловушке. Он отвесил короткий, резкий поклон.

– Конечно. Я присоединюсь к вам через мгновение, матушка.

Он прошагал к одному из маленьких шатров в сопровождении Йорана. Ханна и Нина нерешительно двинулись следом.

В шатре было полно седел, кнутов и прочей сбруи, сладкий запах кожи висел в воздухе. Расмус стоял спиной к ним.

– Похоже, сегодня мне не стоило надевать верховой костюм, – сказал он, не глядя на них. – Я мог бы нарядиться в шелк и кружево, как одна из матушкиных фрейлин.

– Мы могли бы вернуться во дворец, – предложила Ханна.

– Нет, не могли бы. Моя мать потребовала моего присутствия, и она его получит. Кроме того, я не могу сбежать на глазах у всех. Вы все еще думаете, что именно мне предстоит выбирать путь для Фьерды?

– Любовь заставляет ее так поступать, – сказала Ханна. – Она боится…

– Ханне жаль меня. – Принц Расмус повернулся. – Тебе тоже? Да, Мила? А вот Йоран ничего не чувствует. Давайте проверим. Ступай сюда, Йоран.

– Кто-нибудь проголодался? – нервно спросила Ханна. – Мы могли бы послать за закусками.

– Я бы перекусила, – поддержала ее Нина.

Йоран не выглядел встревоженным, подходя к принцу. Если его абсолютно застывшее лицо что и выражало, так это смирение.

«Что бы это ни было, оно происходит не в первый раз», – поняла Нина.

– Ты что-нибудь чувствуешь, Йоран? – спросил принц.

– Да, ваше высочество.

– Например?

– Гордость, – ответил Йоран. – Сожаление.

– Боль?

– Конечно.

– Но ты этого не показываешь.

Прежде, чем телохранитель успел ответить, принц поднял хлыст и сильно стегнул Йорана по лицу. Раздавшийся звук напоминал свист отведенной ветки холодным утром.

Потрясение накрыло Нину, словно это ее щеку только что рассек удар.

Ханна рванулась вперед.

– Ваше высочество!

Но принц не обратил на нее внимания. Его взгляд был прикован к Йорану, словно тот был самой занимательной вещицей, что принц когда-либо видел. Он занес кнут.

– Не надо! – крикнула Нина.

Принц ударил Йорана еще раз.

Тот не шелохнулся, но Нина видела, как на щеке парня вздулись два красных рубца.

– Больно? – спросил принц. В его голосе было ожидание, как у человека, угостившего друга пирожным и теперь спрашивающего: «Вкусно?»

Йоран встретил взгляд принца.

– Да.

Принц протянул ему кнут.

– Ударь меня, Йоран.

Йоран ничего не сделал. Он бы не стал давать сдачи, не стал останавливать принца, потому что служить Расмусу было его священным долгом, потому что за попытку ударить принца его ждала бы смертная казнь. Расмус бывал ехидным, раздражительным, даже злобным, – но увиденное ими было чем-то глубинным, уродливым. Это был фьерданский яд, разъедавший его вены.

Кнут со свистом рассек воздух и снова ударил Йорана по щеке.

– Иди приведи своего отца, – шепнула Нина Ханне. – Скорее.

Ханна выбежала из шатра, но Расмус, похоже, не заметил этого.

– Ударь меня, – потребовал он. Затем рассмеялся звонким, счастливым смехом. – Он хочет, великий боже, как же он хочет. Вот теперь и Йоран кое-что чувствует. Он чувствует ярость. Правда, Йоран?

– Нет, ваше высочество.

Но в глазах Йорана полыхали гнев и стыд. Принц Расмус произвел обмен. Он заменил свое унижение унижением Йорана. Щека телохранителя начала кровоточить.

Неужели именно таким на самом деле был наследный принц? А она-то решила, что он слабый парень с добрым сердцем. Чтоб вас, она чуть было не поверила, что он похож на Матиаса. Еще один мальчишка, изуродованный традициями Фьерды и ненавистью Брума. Но Матиас никогда не был жесток. Ничто не смогло запятнать его честь и погубить его большое сердце.

– Брум идет, – сказала Нина тихо. Она не могла позволить себе подорвать свою легенду, но смотреть, как это продолжается, не могла тоже. – Вы же не хотите, чтобы он увидел вас с кнутом в руке.

Взгляд Расмуса стал задумчивым, словно он гадал, что получится, если Брум попробует ему помешать. Йоран был из *дрюскелей Брума.* Но Расмус был принцем.

А затем, казалось, чары развеялись. Он пожал плечами и отшвырнул кнут.

– Я собираюсь присоединиться к матери. Приведи себя в порядок, – велел он Йорану.

Принц прошел мимо Нины как ни в чем не бывало.

– Передай Ханне, что я ожидаю увидеть ее позже, на балу.

– Йоран, – начала Нина, стоило принцу выйти.

Он вытащил платок и прижал его к щеке.

– Не позволяй коммандеру Бруму застать меня в таком виде, – попросил он.

– Но…

– Это лишь добавит проблем коммандеру. Всем. Я буду в порядке. Пожалуйста.

Он держал себя в руках, как настоящий солдат, но в глазах была мольба.

– Хорошо, – согласилась она.

Затем отвернулась от него и вышла из шатра, оглядывая толпу. Она заметила Ханну, разговаривающую с Брумом.

Нина поспешила к ним и услышала слова Брума:

– Скажи мне, что тебя расстроило. Я нужен в…

– Папа, пожалуйста, просто пойдем со мной.

– Все в порядке, – вмешалась Нина с улыбкой. – Все хорошо. – И Ханна, и Брум выглядели озадаченными. – Я… Я плохо себя почувствовала, но теперь я снова в полном порядке.

– И это все? – удивился Брум.

– Да, и я… – Она не собиралась заговаривать об этом вот так, напрямик, но ничего не оставалось, как рискнуть. – Я надеялась, что вы возьмете своих волков на охоту.

– *Исенцульфов?* Они не для таких глупых забав. Вот если бы мы охотились на лису…

Этот человек просто не мог не вспомнить про короля Равки.

– О, папа, – воскликнула Ханна. – Мила так опечалена, к тому же здесь намного холоднее, чем мы ожидали. Не мог бы ты отправить одного из своих солдат, чтобы он отвел нас на псарни?

– Ханна, одеваться следует по погоде.

– Я же тебе говорила, что Миле нужен новый плащ, помнишь?

– Я в п-порядке, – сказала Нина и выдавила храбрую улыбку, старательно дрожа.

– Глупые девчонки, – буркнул Брум, окидывая Нину взглядом, от которого у нее все внутри перевернулось. – Я сам отвезу вас назад.

Ханна застыла.

– Разве это не будет расценено как пренебрежение охотой с принцем?

– Принц никуда не едет. Так почему я должен?

Значит, он хотел выказать пренебрежение. То, как принца опозорила собственная мать, ободрило Брума.

Нина пыталась собраться с мыслями, пока они с Ханной плелись за Брумом к кольцевой стене. Был ли Расмус совсем безнадежен? Она считала, что лечение принца – отличная идея, что, набравшись силы, Расмус сможет легче противостоять фьерданской тяге к войне. Ей хотелось верить, что здесь еще не все потеряно. Должна же быть альтернатива жестокости Брума. Но перед глазами вставало лицо Йорана с красными отметинами и пылающими глазами. В них был гнев, стыд и что-то еще. Нина не знала что.

«Соберись, Зеник», – велела она себе. У нее будет лишь один шанс найти письма в кабинете Брума, и ей нужно, чтобы вся ее смекалка была при ней, чтобы использовать этот шанс по полной.

В тени кольцевой стены было еще холоднее, и к тому моменту, как они добрались до ворот *дрюскелей*, Нине уже не приходилось изображать дрожь. Она никогда прежде не стояла у основания стен Ледового Двора. Когда-то ее привезли сюда в тюремном фургоне, а выбиралась она по подземной реке, чуть не утонув в процессе. Она посмотрела наверх и увидела вооруженных стражей, охраняющих зарешеченные ворота. Слышно было, как все громче воют в псарнях волки. Возможно, они походили на тех шуханских солдат, созданных, чтобы вынюхивать гришей. Возможно, они знали, что она идет.

«Ты живешь в доме самого известного охотника на ведьм в этой стране уже много месяцев», – сказала она себе. Но теперь все было по-другому, словно она добровольно шла в клетку, и когда дверь за ней захлопнется, винить, кроме себя, будет некого.

Они прошли под поражающей воображение аркой и оказались во дворе, заполненном клетками.

– *Tigen, tigen*, – ворковал Брум, подходя к клетке справа, в которой огромный волк вскочил на ноги и щелкнул зубами. Волков тренировали сражаться вместе с хозяевами, помогать в охоте на гришей. Животные не обращали внимания на успокаивающие слова Брума, рычали и скалились, тычась мордами в прутья клеток. – Чувствуешь запах охоты, а, Девьер? Не трусь, Мила, – сказал он, смеясь. – Они до тебя не доберутся.

Она вспомнила Трассела, волка Матиаса, его глаз со шрамом и мощные челюсти. Он спас ей жизнь, а она помогла ему отыскать свою стаю.

Она сделала шаг к клеткам, потом еще один. Один из волков заскулил, а затем все животные смолкли, улегшись на пузо и опустив головы на лапы.

– Странно, – сказал Брум, и нахмурился. – Никогда не видел, чтобы они так делали.

– Должно быть, они не привыкли видеть здесь женщин, – торопливо предположила Ханна, но глаза у нее были испуганные.

«Вы знаете меня? – гадала Нина, слушая тихое поскуливание волков. – *Знаете, что Трассел присматривал за мной? Знаете, что я спутница смерти?»*

Брум опустился на колени перед клетками.

– Пусть так…

Раздался сигнал тревоги, высокий, отрывистый звук, взрезавший воздух.

Из караульного помещения донесся крик:

– Коммандер Брум! Красный протокол!

– Где он сработал? – рявкнул Брум.

– В тюремном секторе.

Побег из сектора. Как раз вовремя. В тот вечер, когда они с Ханной обсуждали ее план, она кинула пригоршню специальной соли в огонь, чтобы в небе над Ледовым Двором появился столб красного дыма – сигнал посту Рингсы, спрятанному неподалеку. Подослать слугу в апартаменты Брумов не удалось, но Нина смогла передать сведения одному из садовников, работающему связным и информатором. Ей нужен был отвлекающий маневр, очень громкий, и ровно после десятого колокола. Они его обеспечили, но она не могла знать, сколько в ее распоряжении времени.

Люди Брума выстроились за ним, с ружьями на изготовку, с дубинками и хлыстами на поясах.

– Оставайтесь здесь, – велел он Ханне. – Стража по-прежнему на стене.

– Что происходит? – воскликнула Нина.

– Какие-то беспорядки. Скорее всего, ерунда. Я вернусь, оглянуться не успеете.

Нина заставила слезы выступить на глазах.

– Но вы же не можете просто оставить нас здесь!

– Успокойся, – рявкнул Брум. Нина вздрогнула и прижала руку ко рту, но на самом деле ей хотелось смеяться. Ярл Брум, великий защитник. Вот только слабые, хнычущие женщины ему нравились, только пока были удобны. Из тюремного сектора уже один раз совершили побег, оставив Брума в дураках. Он не собирался допускать этого снова.

– Ты не можешь оставить нас без защиты, – заявила Ханна. – Дай мне оружие.

Брум замялся.

– Ханна…

– Можешь следовать правилам приличия, а можешь дать мне в руки оружие и позволить защитить себя.

– Да ты хоть знаешь, как использовать револьвер?

Ханна уверенно крутанула барабан, проверяя, заряжен ли он.

– Ты отлично меня научил.

– Много лет назад.

– Я не забыла.

На лице Брума застыла тревога, но он сказал лишь:

– Будь осторожна.

А затем со своими людьми скрылся в воротах.

Двое стражей остались на стене, но все их внимание было направлено наружу, и ружья готовы были направиться в сторону любого, кто попытается пробраться через стену.

– Иди, – велела Ханна. – Но поторопись.

Нина поспешно прошла по двору, мимо клеток с волками, молча смотревшими ей вслед, несмотря на шум вокруг. Никогда еще ей так не мешали тяжелые юбки. *«Может быть, именно поэтому фьерданцы заматывают своих женщин во множество слоев шерсти,* – предполо-

жила она, проскальзывая внутрь здания, отмеченного для нее Ханной на карте сектора. – *Так они не смогут убежать слишком быстро».*

Она спешила вперед по длинному коридору, на ходу пытаясь воспроизвести в голове карту Ханны. Справа ей бросилась в глаза огромная столовая, расположившаяся под стеклянной крышей в форме пирамиды. Здесь стояли длинные столы, а на стене висел огромный гобелен, сотканный из лоскутков голубого, красного и фиолетового цветов. Ее шаги замедлились, стоило разуму осознать, что перед ней. Гобелен, покрывающий практически всю стену, был выполнен из обрывков *кафтанов.* Голубой – цвет эфиреалов, вкрапления фиолетового – субстанциалы, ряд за рядом красных лоскутов – корпориалы, ее орден. Орден Живых и Мертвых. Это были трофеи, сорванные с павших гришей. На Нину накатила тошнота. Ей захотелось сжечь эту проклятую тряпку. Вместо этого она загнала гнев поглубже и заставила себя двинуться дальше. Настанет время отмщения, воздаяния для Брума и его приспешников. Но не раньше, чем она выполнит свое задание.

Вверх по лестнице, с увенчанными скалящимися волками балясинами, затем в очередной мрачный коридор. Она отсчитала двери: третья слева. За ней должен быть кабинет Брума. Нина схватилась за дверную ручку и сунула в замочную скважину ключ, снятый ей сегодня утром со связки Брума.

И юркнула внутрь. Комната была очень элегантной, несмотря на отсутствие окон. Каминная полка была уставлена кубками, наградами и памятными мелочами, при виде которых сердце Нины заныло: пустая оружейная обойма, что-то похожее на челюсть ребенка, кинжал с выгравированным на рукоятке женским именем на равкианском – София Баранова.

«Кем ты была? – задумалась Нина. – *Удалось ли тебе выжить?»*

Старомодный мушкет висел над камином рядом с одним из тех хлыстов, которые Брум разработал для сдерживания гришей.

Она заставила себя сосредоточиться на письменном столе Брума. Его ящики и шкафчики не были заперты. Их не было нужды запирать; это место было одним из самых безопасных и тщательно охраняемых в Ледовом Дворе. Но Нина понятия не имела, откуда начать поиски писем королевы Татьяны. Она пролистала расписания и судовые декларации, отложила в сторону стопку бумах, похожих на протоколы суда. Здесь были шифровки, которые она не смогла прочесть, и детальные планы военной базы в Полизной и Ос Альты. На них были непонятные ей значки. Она легко провела пальцами по квадратикам, обозначающим Малый дворец, полигоны, школу. Дом. «*Шевелись, Зеник».*

Но в столе писем не оказалось. Так, где же они? Она посмотрела за портретом светловолосого мужчины в старинной броне – Одан Эйлинг, решила она, основатель ордена *дрюскелей.* Затем прощупала стены, слегка постукивая, заставляя себя не торопиться и работать тщательно. Ельдерклок прозвонил четверть часа. Она отсутствовала уже почти пятнадцать минут. Сколько у нее еще времени до того, как вернется Брум или стража заметит, что Ханна одна?

Она легонько постучала по стене у очага – вот он, глухой *звук.* Она ощупала пальцами стенные панели, ища выемку или щель, аккуратно надавливая там и тут. Меховая шапка висела на крючке прямо на уровне глаз. Она легонько потянула за нее. Панель отъехала вправо. Сейф. Письма должны быть внутри. Она определенно не была взломщиком сейфов и совершенно не старалась овладеть этим искусством, пока жила в Кеттердаме. Но подготовилась к тому, что письма могут оказаться под замком. Поэтому вытащила бутылек с розовой водой из кармана пальто, открыла его и капнула туда несколько капель из второго пузырька, переданного ей садовником. «*Не больше трех капель*, – шепотом наставлял он, – *или он разъест и стенки сейфа».* А Нина не хотела оставлять никаких видимых разрушений. Когда дело будет сделано, останется лишь легкий аромат роз.

Она достала из кармана крошечную резиновую трубку и натянула один конец на горлышко бутылька, а второй просунула в узкую щель между сейфовой дверцей и стеной. Она

нажала на помпу, прикрепленную к бутыльку, нагнетая воздух в трубку, и внимательно прислушалась. Из-за дверцы сейфа донеслось еле уловимое шипение. Все ценности, лежащие внутри, медленно превращались в ничто.

Внезапный звук заставил ее замереть. Она подождала.

Он раздался снова – тихий стон. «*Ох, святые, ну что еще?*» Неужели в соседней комнате дремал *дрюскель*? Или там пряталось нечто похуже? Может, Брум приводил сюда гришей, чтобы пытать и допрашивать?

Она выдернула трубку из щели и засунула всю конструкцию в карман. Время выбираться отсюда.

Ей нужно спуститься по лестнице, добраться до двора, вернуться к Ханне. Но разве сама Ханна не говорила, что прерогатива Нины – увлекаясь, идти до конца?

Нина зажала костяной дротик в руке, чувствуя, как он подрагивает в ожидании ее приказа поразить цель. Затем медленно открыла дверь.

За ней оказалась камера. Не один из тех новомодных боксов, построенных, чтобы удержать гришей, а камера для обычного человека. Вот только человек, сжимающий железные прутья решетки, совсем не выглядел обычным. Он выглядел, как постаревшая копия короля Николая.

В его золотых волосах виднелась седина, а борода была ужасно запущенной. Когда-то дорогая одежда теперь была измята и испачкана. Ему заткнули рот кляпом и приковали цепями к прутьям решетки, чтобы ограничить возможность двигаться. В крошечном помещении не было ничего, кроме койки и ночного горшка.

Нина уставилась на пленника, а тот в ответ вперил в нее отчаянный взгляд. Она знала, кто перед ней.

– Магнус Опьер? – шепотом спросила она.

Он кивнул. Магнус Опьер. Фьерданский корабельный магнат, предположительно являющийся настоящим отцом Николая. Ярл Брум держал его запертым в камере. Знал ли об этом принц Расмус? Знал ли об этом кто-нибудь из дрюскелей?

Она вытащила кляп изо рта пленника.

– Пожалуйста, – просипел Опьер сорванным голосом. – Пожалуйста, помогите мне.

У Нины закружилась голова.

– Почему вас держат здесь?

– Меня похитили из собственного дома. Я – их страховка. Я нужен им, чтобы подтвердить подлинность писем.

Писем от королевы Татьяны, ставящих под сомнение происхождение короля Николая.

– Но почему вас держат здесь как пленника?

– Потому что я не стал бы публично выступать против собственного сына или Татьяны. Я не подтвердил бы подлинность этих писем. Пожалуйста, кем бы вы ни были, вы должны освободить меня!

Собственного *сына.* Значит, Николай Ланцов на самом деле был бастардом. Нина Зеник поняла, что ей на это плевать.

Ельдерклок пробил половину. Ей нужно было убираться отсюда. Но каким образом она могла бы вывести с собой Магнуса Опьера? У нее не было места, в котором можно было бы спрятать беглеца, и плана, который помог бы ему выбраться из Ледового Двора.

«Ты могла бы убить его». Мысль возникла в голове с пугающей ясностью. Опьер был без всякого сомнения похож на Николая. Он был настоящим отцом равкианского короля. А значит, он являлся угрозой будущему ее страны. Ей нужно было подумать.

– Я не могу выпустить вас отсюда.

Опьер стиснул прутья решетки.

– Кто вы? И зачем пришли сюда, если не собираетесь освободить меня?

Еще одна причина убить его. Он видел ее. Он мог бы рассказать *дрюскелям*, мог бы легко описать ее. Мужчина схватил ее за рукав своими костлявыми пальцами. Его здесь определенно недокармливали.

– Пожалуйста, – взмолился он. – Я никогда не собирался вредить своему сыну. Я бы ни за что не стал выступать против него.

Нина понимала, что он в отчаянии, но в его словах была правда.

– Я верю вам. И собираюсь помочь выбраться отсюда. Но вам придется подождать, пока я придумаю план.

– Времени нет, они…

– Я вернусь, как только смогу. Обещаю.

– Нет, – заявил он, и это была не мольба измученного пленника. Это был приказ. В нем слышалось эхо королевского тона. – Вы не понимаете. Я должен передать сообщение…

Нина вернула его кляп на место. Ей нужно было срочно попасть во двор.

– Я вернусь, – поклялась она.

Опьер стиснул прутья решетки, рыча от бесплодных усилий вытолкнуть кляп.

Она закрыла дверь и поспешила по коридору, пытаясь не вспоминать об ужасе, застывшем в его глазах.

17. Зоя

– Солдаты! – крикнула Зоя в темноту.

– Где он? – закричал Миша.

Зоя услышала шаги, открылась дверь. Она развернулась и увидела облитую солнечным светом фигуру Дарклинга на фоне заснеженного холма и солнечных солдат, бегущих к нему.

Она вскинула руки, выпуская порыв ветра, сбивший его со ступенек. Солнечные солдаты ударили по нему светом, но он уже успел встать на ноги, и тьма хлынула из его тела, как река, прорвавшая дамбу.

Зоя призвала бурю, тучи заволокли небо под раскаты грома. Молния пронзила небо, ее разряды стали клинками в Зоиных руках. Но в Дарклинга они так и не попали.

Фонтаном искр осыпалась молния, врезавшись в две груды корчащихся теней – ничегойи, теневые солдаты, созданные из ничего, в нарушение всех правил гришей. *Мерзость.* Скверна.

– Спасибо за то, что привела меня сюда, Зоя, – издевательски поблагодарил Дарклинг, пока его теневые солдаты обретали крылатую форму и отрывали его от земли. – Мое воскрешение завершено.

Все это оказалось уловкой. Его извинения. Его желание увидеть Алину. Даже его предложение повторить *обисбайю.* Неужели и рассказ о монахах, хранящих семена терна, тоже был ложью? Еще одной сказочкой, которую он скормил им, как доверчивым детям? Он был прав. Они действительно были детьми, силящимися что-то понять, спотыкающимися на пути к знаниям, в то время как Дарклинг на всех парах несся впереди них. Они были глупцами, решившими, что смогут понять или контролировать его. Он и не собирался выселять Юрия из тела. Ему нужны были Алина и Мал – Заклинательница солнца, убившая его, и усилитель, в котором текла кровь его предков. Он не чувствовал ни вины, ни стыда. Как же она ошибалась в том, чего он хотел.

– Подайте сигнал флайерам! – крикнула она солнечным солдатам, а затем обернула свой гнев на него. Если бы у нее только хватило времени овладеть всеми дарами, доставшимися ей от Юриса. – Тебе некуда деться. Солдаты короля станут преследовать тебя до края земли вместе со мной.

Воздух сотрясся от выстрелов, когда флайеры начали обстреливать Дарклинга сверху. Один выстрел нашел свою цель, и Дарклинг взревел от боли и ярости. *Значит, его все-таки можно ранить.*

Но тут ничегойи обвились вокруг него облаком извивающихся тел и крыльев, поглощая пули, словно тех и не было.

Двое теневых солдат взмыли в небеса, и мгновение спустя флайеры стали пикировать на землю.

Зоя закричала, швырнув свою силу порывом ветра, остановившим их смертельный полет.

«Больше ни одного», – поклялась она себе. Она больше не потеряет ни единого бойца по вине этого негодяя.

– Я победил многих королей и пережил многих врагов, которые были сильнее вас, – выкрикнул Дарклинг. Тени мелькали и обвивались вокруг него, поднимая ввысь. – А теперь я стану тем, кто так необходим народу. Спасителем. Когда я закончу, они поймут, что может сделать настоящий святой.

Тьма клубилась вокруг него, словно тени исполняли радостный танец, приветствуя вернувшегося хозяина. Солнечные солдаты разгоняли тьму своим светом. Но Зоя заметила, как шевелятся его руки – Дарклинг собирался использовать разрез. Он убьет их всех.

Мы – дракон. Сознание Юриса вторглось в ее собственное, подталкивая к чему-то большему, пусть даже ее сердце отвергало это. Нет. Она не может. И не станет.

Она выбросила руки вперед, пуская волну ветра, согнувшую деревья и сбившую солнечных солдат с ног, одновременно защитив их от удара. *Больше ни одного.* Она призвала с неба стрелу чистого искрящего электричества, чтобы прикончить Дарклинга, как следовало бы уже давным-давно.

Но тут ее окутала тьма, а когда она через секунду рассеялась, он исчез.

Алина стояла наверху лестницы, и ее лицо призрачно серело в зимнем свете. Из правой руки у нее текла кровь. Миша кричал, и в крике этом слышалась агония дикого зверя. Мал держал его. Накошка смотрела на все это, замерев, и лишь хвост ее чуть подергивался, словно ничего необычного не произошло.

– Отпусти его, – мягко попросила Алина.

Миша стрелой пролетел по ступеням, не замечая слез ярости, струящихся по щекам, и кинулся в лес, в том направлении, куда улетел Дарклинг. У Мала рука тоже кровоточила.

Солнечные солдаты медленно поднимались на ноги. Они выглядели потерянными, напуганными.

– Все целы? – спросила Зоя.

Все закивали.

– Переломов нет?

Все покачали головами.

– Тогда готовьте экипаж. Мне нужно вернуться на дирижабль. Мы оставим сообщение на ближайшей базе, чтобы на его поиски отправили разъезды.

– Ты не найдешь его, – сказала Алина. – Пока он этого сам не захочет. Он всегда может найти убежище в тенях.

– Но я, черт возьми, могу попытаться, – возразила Зоя. – Нам нужно вывезти вас отсюда. Мы можем спрятать вас…

Алина покачала головой.

– Мы возвращаемся в Керамзин.

– Он найдет вас. Не стоит его недооценивать.

Зоя понимала, что ее слова прозвучали холодно, даже зло. Но она не знала, как еще сдержать волну страха и беспомощности, грозившую захлестнуть ее. Она позволила ему сбежать и теперь понятия не имела, что он может натворить и кому навредить. *Она* допустила, чтобы это произошло.

– Я знаю, каков Дарклинг, – сказала Алина. – Знаю, как он обращается с врагами.

– Мы оба знаем, – добавил Мал, доставая из кармана платок, чтобы перевязать Алине руку. – И мы не позволим ему выгнать нас из собственного дома.

– Вы не понимаете. Он убьет их. – Он убьет их всех, и Зоя не сможет его остановить. – Мы можем найти место, где на время спрячем сирот. Мы можем…

Алина положила руки на Зоины плечи.

– Зоя. Остановись.

– Мы не станем сдергивать детей с места, – поддержал Мал. – Они и так достаточно настрадались.

– Тогда я направлю к вам отряд солдат Первой армии и Заклинателей.

Мал громко вздохнул.

– У вас нет лишних солдат, к тому же они с ним все равно не справятся. Только детей напугают.

– Пусть они испугаются, зато будут в безопасности.

– Безопасности нет, – сказала Алина спокойно. – И не было. Не в моей жизни. Но я верю в то, что сказала. Именно вы с Николаем можете все изменить.

– Как он это сделал? Что там произошло?

– Он воткнул это в наши руки.

Мал разжал пальцы. На его ладони лежал длинный окровавленный шип.

Кусочек тернового леса. Дарклинг, должно быть, спрятал его где-то в одежде Юрия. Он хранил его со времени неудачной обисбайи и их битвы в Каньоне, дожидаясь своего часа.

– Ему нужна была наша кровь, – сказала Алина.

Солнечная святая и следопыт – еще один потомок Морозова. Двое людей, которым почти удалось прикончить его. «*Только наша собственная сила может уничтожить нас, и даже это не гарантирует успех*». Он все это время насмехался над ними, давая им подсказки, раскрывающие его план. «*Я так понимаю, мы связаны кровным родством*».

Паника набросилась на Зою, как рвущий душу, дышащий в лицо зверь.

– Я позволила ему уйти. Я подвела всех нас.

– Пока нет, – возразил Мал. – Если, конечно, ты не надумала сдаться.

Алина улыбнулась и слегка встряхнула подругу.

– Я выбрала тебя в командиры не за то, что ты бежишь от битвы.

Зоя вырвалась и прижала ладони к глазам.

– Проклятье, как вам удается сохранять такое спокойствие?

Алина рассмеялась.

– Я далека от спокойствия.

– Точно, до сих пор трясусь от ужаса, – поддержал Мал.

– Он не показался вам каким-то другим? – спросила Алина.

Мал пожал плечами.

– Как по мне, нет. Такой же мрачный и невыносимый.

– Как зовут того паренька? Монаха?

– Юрий Веденин, – ответила Зоя. – Я и подумать не могла, что этот тощий коротышка может принести столько проблем.

– Могу поспорить, когда-то ты и про меня говорила то же самое.

Зоя нахмурилась.

– Ты бы выиграла спор.

– В письме Жени говорилось, что, по вашему мнению, Юрий все еще внутри него. Думаю, вы правы. Дарклинг показался мне другим, немного не в себе.

Мал выгнул бровь.

– Хочешь сказать, он когда-то был в себе?

– Не совсем, – согласилась Алина. – Так вечность влияет на человека.

Перевязанной рукой она погладила Зою по щеке, и та застыла, внезапно ощутив, что она снова с тетей, на их кухоньке в Новокрибирске. «*Я могла бы остаться здесь*, – как-то сказала Зоя. – Я могла бы остаться *с тобой и никогда не возвращаться.* – Но тетушка лишь погладила Зою по волосам и сказала: – Только *не моя храбрая девочка. Ты из тех, у кого сердце бьется сильнее, чем у остальных*».

– Зоя, – позвала Алина, возвращая ее в настоящее, в это проклятое место, к ее страхам. – Ты не одна. А его можно победить.

– Он бессмертный.

– Тогда почему он вздрогнул, когда ты призвала бурю?

– Я ничего не сделала!

– Он видит в тебе что-то, что его пугает. Всегда видел. Почему, как ты думаешь, он так старался заставить нас сомневаться в себе? Он боится того, чем мы могли бы стать.

«*Мы – дракон. Мы не складываем крылья, чтобы принять смерть*». Какая-то частичка ее страха вдруг растворилась.

– Зоя, ты же знаешь, что мы всегда рядом, если будем нужны тебе.

– Но твоя сила…

– Я все еще могу держать в руках ружье. Я была солдатом до того, как стала святой.

«Она мне нравится. Бесстрашная». Шепот Юриса, как эхо Зоиных собственных мыслей о девочке-сироте, которую она когда-то ненавидела и презирала. Смех дракона прокатился по ней волной. «*Потери сделали ее решительнее. Если бы только я мог сказать то же самое о тебе».*

Зоя вздохнула.

– Это все, конечно, прекрасно, – сказала она. – Но что я скажу королю?

18. Николай

Обед вышел долгим, но веселым, а повар Николая превзошел себя, подав семь различных блюд в желе. Макхи со свитой отбыла, как только начались танцы – и был подписан договор. Станет ли она ему следовать, зависело теперь лишь от Тамары, Эри и Майю.

– Вы могли бы задержаться, – предложил Николай, когда были поданы лошади и экипаж, готовые доставить королеву на дирижабль.

– Сегодня вечером я сделала все, что могла, – ответила Макхи. – Даже выдержала чудовищный обед. А теперь мне пора возвращаться, чтобы оценить ущерб, который успела нанести моя сестра.

Перед тем как забраться в экипаж, Макхи подала знак Николаю, очевидно желая сказать ему пару слов в отсутствие своих министров.

– Кое-что произошло в Амрат Ене. Появилось какое-то пятно. Такие же случаи были рядом с Безом и Пааром.

– Его называют *Киликлава*, вампир. То же случалось и в Равке.

– Я знаю. Но я подумала, не могли ли эти явления быть прикрытием для испытаний какого-нибудь нового оружия Равки.

– Это не оружие, – сказал Николай. – По крайней мере, не то, которым мы могли бы управлять. Пятна тлена поразили уже Блуждающий остров, Фьерду и Новый Зем.

Она замолчала, обдумывая его слова.

– Тени, мертвая земля, остающиеся на месте пятна. Все это напоминает Каньон.

– Так и есть.

– Ходят разговоры о возвращении Дарклинга, ставшего Беззвездным святым.

– Я слышал эти разговоры.

– А что вы станете делать, если он все-таки нашел способ вернуться?

Если бы только Николай знал. Но он сомневался, что слова «*привяжу его к большому терновому кусту и наконец-то отправлю в ад навсегда*» смогут вызвать доверие.

– Сначала мне надо справиться с волком у дверей. А потом посмотрим, что за чудовища прячутся в темноте.

– Вы сообщите мне обо всем, что узнаете.

– Сообщу.

– И если вы выясните, кто повинен… – Ее голос прервался, и Николай понял, что от этого тлена пострадала не только земля. Для королевы это было очень личным делом. – Я сама накажу его.

Но кто был виновен? Каньон создал Дарклинг, но и Николай с Зоей, и Юрий сыграли немалую роль в его возвращении. Как же сказала Зоя? «*Мы все теперь монстры*».

Николай мог сказать только полуправду.

– Если все прояснится, вы будете вольны совершить возмездие.

– Жду с нетерпением. – Макхи забралась в экипаж. – Вас, возможно, удивит, как долго я могу хранить обиду.

– Жаль, что вы не встретились с генералом Назяленской. Думаю, у вас двоих нашлось бы предостаточно тем для разговоров.

Дверца экипажа закрылась, в облаке пыли и перестуке подков делегация шуханцев отбыла.

Николай вернулся в бальную залу, где музыканты как раз заиграли веселую мелодию. Королева Макхи осталась на прием только из-за того, что ее заподозрили бы в слабости, сбеги она сразу после подписания мирного договора.

Странно было пить, есть и провозглашать тосты в отсутствие Тамары, зная, что она в опасности, что, если все пойдет не так, она может никогда не вернуться в Равку. Надя пожелала Жене с Давидом всего наилучшего и ушла пораньше, поскольку слишком беспокоилась за любимую женщину, чтобы спокойно наслаждаться праздником. Толя заявил, что смирился с тем, что они с сестрой оказались разделены, но Николай видел печаль на его лице. Несмотря на устрашающие размеры, именно Толя был более скромным из двух близнецов – убийца, который мог бы стать ученым, повернись судьба по-другому.

– Куда делся Давид? – спросил Николай, когда Женя, улыбающаяся и раскрасневшаяся от танцев, рухнула в кресло и жадно глотнула вина из бокала. В золотом наряде, с повязкой, вышитой рубинами, она, казалось, излучала сияние.

– Мы танцевали, и в середине танца он пробормотал что-то про носовые конусы и испарился. Это было так романтично.

– Давид танцевал?

– Знаю! Он шепотом считал шаги и наступал мне на ноги чаще, чем на пол. – Ее улыбка освещала всю залу. – Я никогда еще так не веселилась. И подумать только, на моей свадьбе была королева.

– И король, – напомнил Николай с притворным возмущением.

Она отмахнулась от него.

– Тобой никого не удивишь. Платье у нее было просто божественное.

– Я почти уверен, что она хотела всех нас поубивать.

– Так обычно на свадьбах и бывает. Когда можно надеяться услышать что-нибудь от Тамары?

– Мы получили сообщение об их прибытии и встрече с министрами Макхи.

Кто мог знать, что ждет их впереди? Надежда на союз. Шанс заключить мир.

К полуночи веселье начало угасать, знать, спотыкаясь и пошатываясь, разбрелась к своим экипажам, гриши смеющейся и поющей вереницей потянулись к Малому дворцу. Свечи погасили, и Николай отправился в свои апартаменты, чтобы просмотреть почту, полученную с дневным курьером. Больше всего на свете ему хотелось завалиться в кровать, посчитав прошедший день успешным, но его планы пока только начали осуществляться, и дел предстояло еще слишком много.

В гостиной было слишком пусто и тихо. Он привык проводить это время с Зоей за обсуждением дневных событий. Когда они сталкивались с очередной проблемой вдвоем, все выглядело не таким уж сложным, и сегодня он ощутил это как никогда ясно. И дело даже не в том, что они шагнули в неизвестность своей аферой со свадьбой и попытками привлечь шуханцев на свою сторону. Демон сегодня почти вырвался на свободу. Николай чуть не потерял контроль и до сих пор не был уверен, чем это было вызвано и может ли повториться вновь. Ему удалось приструнить проклятую тварь, но, судя по ощущениям, придется всю ночь держать руку на поводке. Он почти боялся засыпать. Возможно, безопаснее будет этого не делать.

Он позвонил, чтобы принесли чаю. И собрался провести всю ночь за работой.

Поднос принес Толя. Он скинул красный кафтан и снова надел свой оливковый мундир.

– Не могу заснуть.

– Можем перекинуться в картишки, – предложил Николай.

– Я работаю над новой поэмой…

– Или пострелять друг другом из пушки.

Толя кинул на него свирепый взгляд.

– Немного культуры тебе бы не повредило.

– Я ничего не имею против культуры. Ставлю тебя в известность, что мне доводилось засыпать на самых лучших балетах. Налей и себе чашечку. – Пока Толя разливал чай, Николай спросил: – Толя, вот Тамара нашла девушку своей мечты. А как вышло, что ты все еще один?

Толя пожал огромными плечами.

– Со мной моя вера, мои книги. Я никогда не желал ничего большего.

– Ты был влюблен в Алину?

Толя закончил с чаем, прежде чем сказать:

– А ты?

– Я дорожил ей. И это до сих пор так. Думаю, со временем я бы смог ее полюбить.

Толя сделал глоток из своей чашки.

– Я знаю, что для тебя она была просто девушкой, а для меня она была святой. Это совсем иная форма любви.

Откуда-то издалека донесся громкий звон колокола.

– Что там? – спросил Толя, удивленно подняв брови.

Николай уже вскочил на ноги.

– Сторожевые колокола в нижнем городе. – Он не слышал их с той самой проклятой вечеринки в честь его дня рождения, когда была вырезана большая часть представителей рода Ланцовых. – Бери…

Вдруг он услышал отдаленный гул двигателей в небесах. «*Святые вседержители, этого не может быть…*»

Затем последовал свист и громкий рев, напоминающий шум разъяренной толпы.

Бум. Первая бомба взорвалась. Комнату тряхнуло, Николай с Толей едва удержались на ногах. Последовал еще один взрыв, и еще.

Николай рванул на себя дверь. Половина коридора обвалилась, погребя оставшуюся часть под горой обломков. В воздухе висела гипсовая пыль. Николаю оставалось лишь молиться, чтобы никто из слуг или стражников не попал в эту ловушку.

Он пронесся по коридору, преследуемый по пятам Толей, и схватил первого попавшегося стражника, молодого капитана по имени Ярик. Тот был покрыт пылью, и из раны, оставленной каким-то обломком, сочилась кровь, но ружье он держал на изготовку, и взгляд у него был ясный.

– Ваше величество, – крикнул он. – Нужно доставить вас в туннели.

– Собирай всех, кого найдешь. Прочеши дворец и отправь их в подземелья.

– Но…

Бум.

– Крыша может обрушится, – сказал Николай. – Шевелись!

Сама земля сотрясалась. Казалось, мир разваливается на куски.

– Мобилизуй всех гришей в город, – велел Николай, пока они с Толей бежали к Малому дворцу. – Там понадобятся целители и шквальные, чтобы разгребать завалы. Подай сигнал Лазлайону, пусть поднимают в воздух наши флайеры.

– Куда ты собираешься? – спросил Толя.

Николай уже несся к озеру.

– Вверх.

Его сапоги простучали по доскам причала. Он запрыгнул в рубку *«Сапсана»*. Не такой проворный, как *«Ястреб»*, он тем не менее был вооружен более мощными орудиями. Он был быстрым и смертоносным. Складывалось ощущение, что он, словно зверь, ожил под руками пилота.

Флайер набрал разгон по воде, а затем Николай окунулся в лунный свет, обшаривая взглядом небо. Демон внутри него визжал от нетерпения.

Фьерданские бомбардировщики были построены из тяжелой стали. Они располагали солидной огневой мощью, но были крайне неповоротливыми. У них не должно было получиться доставить свой жуткий груз так далеко; слишком уж они были тяжелы, слишком много

горючего требовали. *Игра на расстоянии.* И Фьерда только что сделала ход, навсегда изменивший эту игру. Боеголовки Давида больше не могли существовать только в проекте.

Николай не мог даже представить, что фьерданцы осмелятся бомбить гражданские цели или рискнут навредить шуханской королеве. Знали ли они, что она успела отбыть, или им просто повезло? Или это королева Макхи с самого начала знала, что скоро на город упадут бомбы?

Он не был уверен, и у него сейчас не осталось времени на размышления.

Далеко внизу он видел пожары, разгорающиеся в разных частях верхнего и нижнего города. Он не знал, насколько сильно пострадал Большой дворец, но два купола Малого обрушились и одно крыло было объято пламенем. По крайней мере, им не удалось попасть по общежитиям. В классах и мастерских в такой час никого не должно было быть. Он заметил дымящийся кратер на берегу озера, в нескольких футах от того места, где маленькие гриши тренировались и спали. Они целились в школу.

Николай вгляделся в ночь. Фьерда выкрасила свои флайеры в темно-серый, для маскировки. Их было почти невозможно разглядеть и трудно услышать за ревом «Сапсана».

Поэтому он заглушил двигатель. Он позволил крыльям судна поймать ветер и прислушался. *Вот.* Слева от него, на тридцать градусов. Он подождал, пока облака разойдутся, и увидел движущуюся тень, чуть светлее окружающей ее ночи. Снова запустив двигатель, он отправил флайер в пике, открывая огонь.

Фьерданский бомбардировщик превратился в огненный шар.

Грохот выстрелов резанул по ушам, и он круто забрал вправо, уходя от другого бомбардировщика. Нужно было как-то улучшить видимость. Облака обеспечивали прикрытие, но и мешали тоже. Пули отскакивали от фюзеляжа *«Сапсана».* Он не мог сказать, какой урон нанесен его судну. Вспомнилось, как он несся к земле в тот раз, когда его подбила ракета Давида. Теперь под рукой не будет шквальных, готовых спасти его. Нужно приземлиться и оценить ущерб.

Нет. Он не станет садиться, пока люди внизу, его люди, все еще находящиеся под ударом.

Облака были настолько плотными, что он не мог ничего разглядеть. А вот демон внутри него мог. Он сам был ночью. И хотел летать.

Николай засомневался. Он никогда прежде не пробовал ничего подобного. И не знал, чем это все может закончиться. Что получится, если ослабить контроль? Сможет ли он потом восстановить его? «*Пока ты раздумываешь, твои люди гибнут».*

«Ступай, – велел он демону внутри. – *Время охоты».*

Ощущения при освобождении монстра всегда были странными – словно в легких не осталось воздуха и он рвется вверх из глубины, пробивая головой гладь воды. А затем Николай оказался в двух местах одновременно. Он был собой, королем, пошедшим на недопустимый риск, корсаром, сделавшим необходимую ставку, пилотом, чьи руки сжимали штурвал «Сапсана», – и демоном, несущимся в ночи, творением тьмы, расправившим крылья.

Чутье монстра позволило уловить рев двигателя, запах топлива. Он заметил жертву, нырнул.

И схватил… в мыслях его демона не нашлось подходящего слова. Он ощущал лишь радость от того, что сталь поддается под хищными когтями, слышал скрежет металла, чувствовал ужас человека, вырванного из рубки и разодранного жадными клыками. Кровь хлынула в рот демона – в его рот, – горячая и солоноватая, с привкусом железа.

И вот он снова поднялся в воздух, оттолкнувшись от пикирующего вниз бомбардировщика в поисках новой жертвы. Демон захватил контроль. Он ощутил присутствие еще одного бомбардировщика до того, как Николай его увидел. Был ли этот последним?

Жаждущий разрушения демон пронесся сквозь ночь и врезался во вражеское судно, вцепившись когтями в стальную обшивку.

«Нет». Николай велел ему отступить. «*Я хочу, чтобы они знали. Хочу, чтобы жили в страхе».* Демон взобрался на нос судна и пробил лапой стекло в рубке. Фьерданец за штурвалом закричал, и Николай заглянул ему прямо в глаза. «*Пусть поймут, с чем они сражаются. Пусть знают, что их ждет, когда они в следующий раз попробуют появиться в небе Равки».*

Он видел, как его демон отражается в зрачках врага.

Я – монстр, и монстр – это я.

Демон распахнул усеянную клыками пасть, но в реве, вырвавшемся из его горла, звенела ярость Николая – на то, что сделали с его народом, с его домом. Фьерданец что-то пролепетал и завыл, а затем демон учуял в воздухе запах мочи.

«Лети домой и расскажи всем, что ты видел, – думал Николай, пока демон рассекал крыльями ночь. – *Заставь их поверить тебе. Скажи, что Равкой правит король-демон и что возмездие грядет».*

Николай потянул демона назад, и, к его удивлению, тот не стал сопротивляться. Тень скрылась внутри короля, но теперь все было по-другому. Он чувствовал удовлетворение демона; его жажда крови и насилия была утолена. Сердце демона билось в унисон с его собственным. Это пугало, но все же он тоже ощущал удовлетворение. Он собирался быть мудрым, добрым королем, но прямо сейчас не ощущал в себе ни мудрости, ни доброты, лишь ярость и боль от раны внутри, что горела, как и город под ним. Присутствие демона помогало с этим справиться.

Когда «Сапсан» снизился, Николай попытался сосчитать столбы дыма, поднимающиеся над Ос Альтой. Лишь с приходом дня можно будет оценить истинные размеры ущерба и подсчитать количество потерянных жизней.

Он посадил судно на воду и позволил ему прибиться к берегу озера. Теперь, когда в ушах больше не стоял рев двигателя, стали слышны звуки ужаса и паники – звон сторожевых колоколов, крики людей, пытающихся тушить пожары и вытаскивающих друзей и родных из-под завалов. Им понадобится его помощь.

Николай скинул камзол и бросился бежать. Он соберет шквальных, солнечных солдат. Они помогут с поисками выживших. Он знал, что его флайеры, должно быть, уже поднялись с площадок в Полизной и Золотом Болоте, чтобы патрулировать небо в поисках вражеских машин. Нужно будет издать указ о затемнении. Его уже применяли на верфях и базах, которые можно было считать военными объектами. Но теперь каждый город Равки погасит свои огни и будет жить в темноте.

Приближаясь к Малому дворцу, Николай увидел, что мастерские фабрикаторов и лаборатории корпориалов были полностью уничтожены, но подумал, что все исследования, которые они потеряли, можно будет извлечь из-под завалов или воссоздать заново. Затем заметил массивную фигуру Толи в толпе. Он собирался было окликнуть его, но разглядел слезы на его глазах и прижатую ко рту ладонь.

Шквальные пытались расчистить завал неподалеку. И Женя была рядом с ними. Она стояла на коленях, прямо в своем золотом подвенечном наряде.

«Он пробормотал что-то про носовые конусы и испарился».

Ужас закрался в сердце Николая.

– Женя? – Он опустился на колени рядом с ней.

Она вцепилась в его рукав. На мгновение показалось, что она не узнает его. Ее рыжие волосы были густо покрыты пылью, а лицо залито слезами.

– Я не могу найти его, – сказала она потерянным голосом. – Я не могу найти Давида.

19. Майю

Майю ждала. В этом она была хороша. Ей пришлось такой стать. Работа солдата – сражаться, работа стража – сохранять бдительность.

– Это целое искусство, – как-то сказал ее прежний командир. – Твой человеческий разум может метаться, но глаз сокола остается острым.

Она смотрела в окно дирижабля. В темноте видно было немного, и она не поняла, куда отправились Тамара с принцессой. Они не сочли нужным посвятить ее во все свои планы – еще одно напоминание о том, что, несмотря на сыгранную когда-то роль принцессы, она осталась простым телохранителем, которого ценят за верность и готовность подчиняться, в дополнение к умению владеть мечом и ружьем.

«Зачем делать крюк?» – гадала она. Что, если королева Макхи успела вернуться в столицу раньше них? Но она всегда следовала инструкциям, подчинялась правилам и поэтому сейчас сидела в ожидании.

– Учительский любимчик, – называл ее брат Рейем и был прав. Она любила похвалы и расцветала даже от самой простенькой. Потому что всегда знала, что Рейем – лучший боец.

Дело было даже не в том, что он был быстрее и сильнее, а в том, что его инстинкты были более выражены.

– Она этого не слышит, – сказала как-то их мать, наблюдая за детским поединком Майю и Рейема. Поединок должен был быть шуточным, ничего не значащим, но Майю знала, что ее родители смотрят, и от этого становилась неуклюжей. – Смотри, Рейем не сомневается. Майю думает, Рейем слушает. Он слышит музыку битвы.

«Я тоже смогу услышать», – поклялась она себе. Но как бы ни старалась, не слышала ничего, лишь собственные мысли, постоянные, раздражающие, требующие внимания.

Майю и сейчас ничуть не изменилась, и ее мятежный ум был заполнен возможными сценариями исхода, когда ей следовало оставаться спокойной и собранной. Хотелось, чтобы у нее были часы или какой-нибудь другой способ отмерять время.

Они покинули Равку за два дня до свадьбы, после того, как шпионы сообщили Тамаре, что дирижабль королевы Макхи покинул столицу. Они летели на шуханском грузовом судне, перехваченном равкианскими войсками несколько месяцев назад и укомплектованном новым экипажем.

Она думала, что они полетят прямо в Амрат Ен, но, очевидно, у Тамары с принцессой были другие планы. Они приземлились в темноте, и единственным намеком на их местоположение был густой запах роз в воздухе, а потом Майю молча наблюдала за тем, как Тамара и Эри собираются на выход в сопровождении нескольких гришей – сердцебитов, шквальных и инфернов. Десять солдат Второй армии. Короля Николая, должно быть, совсем не обрадовала перспектива отпустить их. И ради чего? Чтобы они могли сопроводить принцессу Эри в сентиментальной прогулке по ботаническому саду?

Само собой, Эри вернулась с охапкой роз ярко-оранжевого и кораллового цвета. Майю нацепила на лицо безучастную маску, пряча презрение. Она знала, что Эри – чувствительное создание, но, серьезно, не могла же принцесса подумать, что букет прекрасных цветов сможет тронуть министров Макхи? Если бы только Тамара и Эри рассказали ей о своих планах!

Они не доверяли ей. А с чего бы? Королева Макхи, та, кому Майю, предположительно, должна была подчиняться в первую очередь, пыталась убить принцессу Эри дважды. Сама Майю пыталась убить короля Тамары – пусть даже на самом деле это был вовсе не король Николай. Она была здесь потому, что они нуждались в ее свидетельстве, но частью плана она не стала, не в полной мере.

Во время путешествия Майю слушала, как Тамара и Эри обсуждают и строят схемы, то разматывая нити их плана, то связывая вновь, чуть аккуратнее, чуть крепче, чем раньше. Она знала, что улавливает лишь фрагменты их плана, и говорила мало, потому что ей было нечего сказать. Прежде ей никогда не приходилось особо интересоваться политикой, и она не позволяла себе подслушивать разговоры старших коллег.

Но теперь все изменилось, и если она собиралась выжить, если хотела найти способ спасти брата, ей придется учиться. Это было нелегко. Обсуждения Эри и Тамарой расстановки сил при дворе Табан создавали у нее ощущение, что она смотрит через мутную линзу, которая то фокусирует, то размывает, то снова фокусирует изображение, да еще и показывает то, что прежде ей никогда не доводилось видеть.

– Нам не видать удачи с министром Йервеем, – сказала Эри. – Он – коварнейший из советников Макхи и ее самое доверенное лицо.

– А разве он не был доверенным лицом и у вашей матери? – спросила Тамара, и у Майю сложилось ощущение, что ответ ей известен и она просто проверяет принцессу Эри.

– О да. Он всегда был умен и очень амбициозен. Он происходит из старой семьи докторов, служащих королевам Табан.

– Докторов, – бесцветно произнесла Тамара.

Эри кивнула.

– Ваша догадка верна. Это те самые доктора, которым принадлежали первые попытки найти источник силы гришей и покорить ее. – Должно быть, Эри заметила, как сжались челюсти Тамары. – Я знаю, как это звучит, и полагаю, что вы правы, но все начиналось достаточно невинно.

– Мне трудно в это поверить.

Эри развела руками, и жест этот вышел очень грациозным. На ней было дорожное платье из зеленого бархата с высоким воротником и крошечными пуговками на рукавах, идущими от локтя до запястья. Целители-гриши и Женя Сафина отлично справились со своей работой. Ее тело полностью исцелилось, а волосы отросли. Конечно, ей было далеко до потрясающей красоты Макхи, но было в ней что-то легкое, изящное, из-за чего казалось совершенно неуместным ее присутствие в трюме дирижабля, среди гор смотанных канатов и ящиков с оружием, припасенным командой Тамары. Майю с трудом подавила желание вытянуть ноги, размять мышцы на руках. Король сдержал свое слово, и ее сила была полностью восстановлена. Остался лишь крошечный шрам на груди, как напоминание о том, что она пыталась пронзить кинжалом собственное сердце.

– Они начинали со вскрытий умерших, – продолжила Эри. – Пытались изучить внутренние органы и мозг гришей, чтобы понять, есть ли биологические различия между ними и обычными людьми.

– А когда вам не удалось обнаружить эти различия, вы подумали, почему бы не присмотреться поближе к живым?

– Вы говорите «вам», словно это я занималась исследованиями. Я не играла абсолютно никакой роли в правительстве моей сестры.

Тамара скрестила руки на груди.

– И это, по вашему мнению, вас оправдывает? Способность не замечать жестокости – отнюдь не повод для гордости.

Королева Макхи за подобную наглость уничтожила бы Тамару на месте – даже несмотря на ее топоры, висящие у бедер, как два полумесяца. Но Эри просто задумалась. В ней не было королевского высокомерия.

– Эти исследования были ужасны, – признала она. – Моя мать не без причины положила конец этим экспериментам.

– Тогда откуда взялись кергуды? – спросила Майю, не в силах больше держать язык за зубами. Странно было обращаться к принцессе Табан подобным образом, но Эри не выглядела шокированной или оскорбленной.

– Я не знаю. Мне впервые стало известно о них всего несколько недель назад.

– Как такое возможно? – Майю не смогла скрыть негодование в голосе. – Вы – принцесса.

– Ты тоже некоторое время была принцессой, – мягко напомнила Эри. – И как, по-твоему, много в этом смысла?

На это Майю ответить не смогла, но гнев ее ничуть не угас. Николай, Макхи, все эти короли, королевы и генералы принимали свои важные решения, определяли, кому жить, кому умереть, кому страдать, кому радоваться. Прежде ее это не задевало, нисколько. Она была рада следовать приказам, счастлива, что нашлось и ее место в мире. Пока не потеряла сначала Рейема, а потом Исаака.

Тамара обнажила один из своих топоров, крутанув его в ладони.

– Кергуды охотились на гришей, служащих по контракту в Кеттердаме. Они нападали даже на территории Равки. И вы утверждаете, что никогда о них не слышали?

– Нет, – подтвердила Эри. – И сомневаюсь, что слышало большинство шуханцев.

– А советники Макхи?

– Я не уверена.

В этом отчасти и была проблема. Слишком многого Эри не знала. И как вообще она собиралась оказать королеве Макхи хоть какое-нибудь сопротивление?

– Ваша сестра весьма решительна, – сказала Тамара, словно прочитав мысли Майю. – Ей, должно быть, пришлось открыть лаборатории еще до смерти вашей матери, до того, как она стала королевой.

Эри нахмурилась.

– Был один случай… ученый пытался сбежать в Керчию. Его поймали фьерданцы. Я знаю, что было расследование. Но здоровье моей матери уже пошатнулось, и она не смогла сама руководить им. Вскоре после этого она умерла.

– Как вовремя, – протянула Тамара и одним движением загнала топор в ножны.

Майю встретилась с ней взглядом. Неужели она пытается намекнуть, что Макхи каким-то образом причастна к смерти матери?

Эта паутина была слишком запутана, в ней было слишком много нитей и пауков. Их с братом неизбежно бы поймали и съели.

Майю уже один раз удалось обмануть смерть. Она должна была умереть от собственной руки, в тот же вечер, когда убила Исаака. Его кровь все еще оставалась на лезвии кинжала, который она воткнула в свое сердце. То есть намеревалась воткнуть. Но промахнулась. Случайность? Или в решающую секунду ее желание жить победило желание спасти брата и послужить своей королеве?

Если бы ей удалось убить себя, исполнила бы королева Макхи их уговор? Она в этом сомневалась. И не особо верила, что когда-нибудь увидит Рейема снова.

Родители Майю поощряли их с братом соревнование, считая это все игрой, забавой.

– Кто поднимется на холм, чтобы принести воды?

– Я! – кричали они хором.

– Кто нанесет три удара, ни разу не подставившись?

– Я! – раздавался дружный вопль.

Но побеждал всегда Рейем. Правда, он никогда не зазнавался. Просто ерошил ее волосы и говорил:

– В следующий раз победа будет за тобой. Пойдем-ка утащим по кусочку зеленой дыни.

Майю почти хотелось, чтобы он был жесток, чтобы были причины его ненавидеть. Но он был ее лучшим другом и любимым товарищем по играм. Когда они бегали по лесу, ее не

волновало, что он быстрее. Когда они рыскали по запруженному ручью в поисках головастиков, именно она была более зоркой, каким-то образом угадывая, куда смотреть. Она радовалась его победам и его подаркам, потому что они были *кеббен.* И знала, что он разделяет все ее неудачи, потому что они близнецы. Она бы тоже с радостью разделила его провалы – если бы они были.

Они вместе бродили по рынку, когда заметили плакат, сообщающий о прибытии королевского тренера, который ехал в их город, чтобы выбрать девушек, подходящих для подготовки в Тавгарады. «КТО ОСМЕЛИТСЯ ПОКАЗАТЬ СВОИ УМЕНИЯ?» – было написано на плакате большими красными буквами.

«Я смогу», – подумала Майю. Им нужны были только девушки. Наконец появилось то, в чем Рейем не мог участвовать. Она пришла на поле перед академией, заполнила все документы и присоединилась к остальным кандидаткам. Она бегала, сражалась, ползала на животе, все время твердя про себя *«Я смогу, я смогу, я смогу»*.

И смогла. Ее выбрали для поездки в Амрат Ен и прохождения подготовки.

Реакция матери на эту новость была для нее как пощечина.

– Она не готова! Она недостаточно хороша!

Отец был более рассудителен.

– Ее бы не выбрали, если бы у нее не было шанса.

– Ее выбрали из-за того, что она послушна, а не из-за ее умений. Что с ней станется, когда она провалит подготовку?

– Она вернется домой, – сказал отец Майю.

– Опозоренная? Она недостаточно сильна, чтобы пережить такой провал.

Но тут они ошибались. Вся жизнь Майю состояла из провалов. Ее постоянное соперничество с Рейемом хорошо подготовило ее к предстоящим испытаниям. Прочие «соколята», выбранные для подготовки в Тавгарады, всегда были лучшими из лучших в своих городках и деревнях. Первые поражения давались им нелегко.

Но не Майю. Ей нравилось тренироваться. Нравилось, что от усталости затихал круговорот мыслей в голове, нравился режим, упорядочивший ее жизнь. Нравилось, что она выбралась из тени Рейема. В его отсутствие, в череде изнуряющих поединков, тренировок, уроков по сборке и разборке оружия, лазанья по стенам и пробежек по крышам, ее разум наконец-то успокоился.

И в этой тишине она все-таки услышала музыку битвы. Стать Тавгарадом означало присоединиться к танцу, начавшемуся столетия назад. Первая из королев Табан путешествовала в сопровождении отряда элитных телохранительниц и стаи тренированных соколов. Она доверяла лишь им, своим птицам, и никому больше. Эти хранительницы затем подготовили себе смену, и их символом стал сердоликовый сокол. Теперь Майю стала частью этой традиции, и это наполняло ее гордостью, пылавшей в ней во время тяжелейших тренировок, под палящим солнцем и проливным дождем.

Эта гордость привела ее домой на весенних каникулах. Она скучала по Рейему больше, чем полагала возможным. Зависть исчезла, погашенная ее успехами, осталась лишь пустота в сердце, вызванная отсутствием ее близнеца. Едва увидев его, она пустилась бежать, чувствуя прилив благодарности к брату, к своим командирам и к королеве, которые помогли ей освободиться от ревности.

Майю с Рейемом сидели рядом, украшая пирожные с кремом, в окружении анемонов в белых мраморных вазах, расставленных матерью, и она рассказывала брату все о дворце, о тренировочных полях, о своих наставниках.

– По возвращении мне присвоят должность, – сказала она ему. – И я еще очень долго не смогу приехать домой.

– Отлично, – со смехом заявил Рейем. – Мать с отцом снова начнут хлопотать надо мной.

– Это тебя не беспокоит?

Рейем вытер сахарную пудру с пальцев. Он недавно поступил в воинскую часть и неплохо справлялся, но отличиться пока не успел.

– Я знаю, что ты этого заслуживаешь. Ты так много трудилась, а вот я разленился от похвал. Но… Похоже, я немного завидую.

Майю расплылась в улыбке.

– Рейем, мне тебя не жаль. Когда ты пытаешься, когда готов терпеть неудачи, вот тогда ты узнаешь что-то новое. Полезно делать то, в чем ты не особо хорош.

Сколько раз с тех пор Майю проклинала себя за эти слова. Потому что Рейем начал пытаться и преуспел. Она даже не представляла насколько, пока в казармах Тавгарадов не появился ее отец.

– Твой брат пропал, – сообщил он. Отец выглядел болезненно-хрупким, кожа посерела от тревоги и дорожной усталости. – Говорят, что он дезертировал и уже, должно быть, мертв.

Майю знала, что такого не может быть.

– Рейем никогда бы этого не сделал. И я бы почувствовала… если бы его не стало.

Потребовалось много месяцев, но Майю удалось по кусочкам собрать слухи и факты и в итоге обнаружить, что ее брат – ее близнец, который вовсе не рвался выделяться в своем полку, пока она его не подстегнула, – настолько хорошо проявил себя как солдат, что попал в программу «Железное сердце». Кергуды среди Тавгарадов считались выдумкой. Никто не мог подтвердить, что они существуют на самом деле, и все же постоянно ходили слухи об их невероятных способностях – вместе с ужасными байками о том, какие муки они переживают при превращении и чего лишаются, когда оно закончено. Она как раз решила найти и освободить его, когда ее вызвала к себе королева Макхи.

Майю думала, что о ее расследовании стало известно, и теперь ее сошлют или казнят.

Вместо этого королева сказала:

– Ты же из Нехлу, одного из крупнейших городов. Поэтому у тебя нет просторечного акцента?

– Моя мать была учителем, ваше величество, – ответила Майю. – Она хотела, чтобы у нас было как можно больше возможностей найти свое место в мире.

– Искусство красноречия у Тавгарадов не в почете. Ваши кулаки говорят за вас. Мать учила тебя сносно делать реверанс?

Не учила, но Майю была готова учиться сама. Это был ее дар. Она всегда была открыта новому. Королева предложила ей возможность спасти брата.

По крайней мере, так Майю тогда подумала.

Теперь же, сидя в трюме грузового судна, она слышала в голове слова короля Равки: «*Ты – сестра Рейема Юл-Каат, а он все еще жив*». Если существовал хоть малейший шанс, что брату еще можно помочь, она им воспользуется.

– Где мы? – спросила она, когда дирижабль начал снижаться во второй раз. – Это не дворец.

– Храмовые поля неподалеку от Амрат Ена, – ответила Тамара. Она повернулась к Эри и оставшимся гришам. – Это место слишком открыто. Будьте бдительны.

И она была права. Темнота скрыла их, но инстинкты Майю твердили, что они совершенно не защищены. Возможно, вместо того чтобы найти брата, она добьется лишь того, что убьют ее.

– Вот, – сказала Тамара, протягивая ей перевязь с изогнутой саблей.

– Откуда у тебя это? – спросила Майю, закрепляя ее на поясе. Меч-коготь считался традиционным оружием Тавгарадов и часто соседствовал с пистолетом, поэтому получить его было непросто, к тому же ни одной из Тавгарадов не разрешали брать его с собой в Равку.

– От отца, – ответила Тамара. – Ему когда-то давно подарил его один из учеников. Так что я надеюсь получить его обратно. Вперед.

– Почему именно это место? – спросила Майю, пока они спускались по длинной дороге к полям, где она когда-то тренировалась, чтобы стать Тавгарадом. Майю знала, что часть гришей Тамары размещена вокруг храма, пусть и не видела их.

– Мы не можем просто взять и заявиться к воротам дворца, – объяснила Тамара. – Мои агенты установили связь с министрами Нагхом и Цзиун. Мы встретимся с ними в храме Нейяр. Мои люди советовали амбар чуть дальше в поле, но принцесса настояла на храме.

– Министры будут сомневаться, – сказала Эри. – И храм поможет придать нашим словам вес.

Нейяр. Одна из Шести Стражей, священных хранителей Шухана.

Майю был знаком этот храм. Она вспомнила о нем, едва увидела шестигранный холл Малого дворца. Он был построен в форме шестиугольника с шестью входами, каждый из которых охранялся тонкими гранатово-алыми колоннами, а в центре, под открытым небом, возвышалась статуя Нейяр, сжимающей свой знаменитый меч, Нешйенер. Именно здесь Майю давала клятву, когда ее принимали в Тавгарады. И именно здесь она собиралась ее нарушить и предать королеву.

Они вошли через восточный вход. Министры уже ждали их, окруженные охраной.

– Вы поклялись прийти в одиночестве, – укорила Тамара.

Министр Нагх отшатнулся.

– Что за вероломство! – возмутился он. – Вы привели равкианского пса-убийцу под крышу одного из наших храмов?

Все члены шуханского правительства знали о двух близнецах-кеббен, которые служили сначала Солнечной святой, а затем королю Равки. Татуировки Тамары, ее топоры, ее короткие волосы позволяли безошибочно опознать ее.

– Она – враг, – поддержала министр Цзиун, в подтверждение своих слов плюнув на пол прямо под ноги Тамаре.

Та не шевельнулась, но ее золотые глаза сузились, а Майю поразилась заносчивости чиновников. Тамара явно была не из тех, кого стоило бы провоцировать, и Эри, видимо, считала так же.

– Друзья, – произнесла принцесса ласково. – Я не верю, что вы расцениваете появление Тамары Кир-Батар как угрозу. Будь это так, вы бы ни за что не стали говорить о ней в подобном тоне. Только не тогда, когда знаете, что она сердцебит. Только не тогда, когда видите, что эти топоры привычны ей как украшения любой другой женщине. Она рисковала своей жизнью, чтобы спасти мою. Надеюсь, теперь вы меня выслушаете.

– Спасти вашу *жизнь?* – вскипела Цзиун. – О чем вы говорите, принцесса? Королева должна была присутствовать на вашей свадьбе в этот самый момент. Неужели мы послали ее в ловушку? Вы должны объясниться.

– Ловушку подстроила сама королева, – вмешалась Тамара.

– Ты смеешь…

Эри выступила вперед.

– Я все объясню. Если только вы дадите мне такую возможность. Именно для этого Тамара и сопроводила меня сюда.

«Мы пропали», – подумала Майю. У Эри не было ни капли авторитета Макхи или ее величия.

Министр Нагх фыркнул.

– И что получит с этого предательница?

– Возможность посмотреть на двух старых пердунов в храме, – пробормотала Тамара.

– Что ты сказала? – рявкнул министр.

Тамара натянула на лицо искусственную улыбку.

– Я сказала, возможность посмотреть, как воцарится мир между нами.

– Пожалуйста, – взмолилась Эри. – Как принцесса Табан я прошу вас выслушать меня.

Министры обменялись взглядами и чуть склонили головы. Они не могли ей отказать, но и не собирались поддаваться.

– Дорогие друзья, – начала принцесса, используя формальное обращение, – история моя печальна, но я надеюсь донести ее до вас.

Эри говорила не как политик. Она рассказывала свою историю в стиле величайших поэтов. Казалось, будто из ее уст полилась музыка, словно она взяла в руки хатуур и наигрывает печальную балладу, каждый новый куплет которой повествует об очередной трагедии: коварный план убийства короля, провальное покушение, предательство сестры. Нет, в Эри не было огня Макхи. В ней была нежность, мягкость, которая так не нравилась Майю. Но теперь ей на ум невольно приходили мысли о легендарных генералах, создававших видимость ослабленного фланга, чтобы заманить врага в ловушку. Майю наблюдала, как выражения лиц министров меняются с крайнего недоверия на ошеломление, затем на ярость и, наконец, отражают всепоглощающий страх. Потому что, окажись история Эри правдой, у них не останется выбора, кроме как бросить вызов Макхи.

У Майю от волнения перехватило горло. Ее собственная история вплеталась в рассказ Эри тихим фоном, мотивом, столь гармоничным, что он был едва различим. Чем стала для нее необходимость надеть чужие одежды, примерить чужую корону, поверить, что влюблена в короля, быть вынужденной выбирать между смешным, нежным парнем, с которым, по ее мнению, у нее не было шансов, и братом, отнятым у нее королевой Макхи.

А еще это была история Исаака. Человека, отдавшего свое сердце предательнице и расставшегося с жизнью ради своего короля. У Майю не было права горевать по нему. Она выбрала Рейема. Она вонзила нож в сердце Исаака. Иногда ей хотелось, чтобы в последний момент рука не дрогнула и она сейчас тоже была бы мертва. Но кто тогда стал бы сражаться за Рейема? Ей необходимо было найти брата, чтобы все эти жертвы не были напрасными.

Майю подтвердила ее рассказ своим свидетельством, когда принцесса Эри попросила ее об этом. Собственные слова казались ей нескладными, речь грубой и простоватой на фоне ораторского дара Эри. И все же для стража Тавгарада выступить против королевы было не таким уж и малым делом. Затем Тамара показала министрам письмо, отправленное Макхи, а Майю растолковала, какое сообщение скрывалось в его строках.

Затем министры отошли посовещаться, а Майю, Тамара и принцесса Эри остались ждать. Следующий шаг, сделанный министрами, позволил бы им понять все, что нужно.

Министр Нагх и министр Цзиун медленно обернулись. Затем преклонили головы и опустились на колени перед принцессой.

– Мы подвели вас. Мы должны были защитить вас от происков вашей сестры.

– Но это я должна просить у вас прощения, – возразила Эри. – Поделившись своей историей, я подвергла вас серьезному риску. Теперь мы все в опасности.

– Вы можете все исправить, – вмешалась Тамара. – В этот самый момент королева Макхи может возвращаться в столицу. Заберите Эри во дворец и возьмите под свою защиту.

– Мы это можем, – согласился Нагх, пока они поднимались. – Конечно, мы это можем. Молим лишь о милосердии, когда вы станете королевой.

– Мне не нужна корона, – сказала Эри. – Лишь справедливость и мир.

«Я должна бы почувствовать облегчение», – подумала Майю. Она всегда считала принцессу бесполезной, неспособной сражаться неженкой, любящей попивать чай, наигрывая свои песенки, и мечтать о спокойной жизни.

Она думала, что обаяние и нежность Эри – это ее слабости. Теперь ей пришлось задуматься. Может быть, принцесса всегда была тонким дипломатом, использующим незаметное воздействие обходительности и вежливости в качестве оружия там, где Макхи больше полагалась на силу и хитрость? Какой же лидер нужен был Шухану?

Но для следующего шага требовались не только чувственные речи. Во многом дворец был для них сейчас самым опасным местом. Там они окажутся в окружении стражи, Тавгарадов и шпионов Макхи. Но именно там им необходимо было оказаться. Недостаточно было просто встретиться с министрами. Расследование должно было проводиться публично, и принцесса Эри оказалась бы в безопасности, только если бы все узнали, что она вернулась на родную землю, и Макхи лишилась бы возможности втайне строить против нее козни.

– Вам лучше вернуться во дворец ночью, – предложил министр Нагх. – Под покровом темноты.

– Да, – согласилась Эри. – Мы присоединимся к вам у садовой калитки через два часа.

Министры отбыли, многословно заверив принцессу в своей преданности. Но Тамара и Эри, похоже, не собирались следовать за ними.

– Мы сегодня никуда не пойдем, да? – спросила Майю.

Эри покачала головой.

– Мы не можем отправиться во дворец, прячась во тьме, как преступники.

– Вы не верите, что министры помогут нам?

Тамара чуть заметно пожала плечами.

– Цзиун и Нагх, похоже, довольно честные и правильные, но нам нужна защита получше, чем обещания политиков.

С этим Майю была полностью согласна. Она уже устала полагаться на слово чести королев, королей и прочих правителей.

– А что, если Макхи будет ждать нашего прибытия?

Тамара сверкнула злой усмешкой.

– Мы на это и рассчитываем.

Рассвет пришел и погас, а они все так же оставались в храме, потому что ждали появления людей на рынке, окружающем храмовые поля. Шуханский дирижабль с гришами давно улетел.

Эри переоделась в новые шелка, а когда вернулась, Тамара протянула ей сверток, обернутый тканью.

– Он у тебя, – выдохнула Эри с заметным облегчением.

Тамара размотала ткань.

– *Хатуур?* – недоверчиво спросила Майю. – А я надеялась, что там оружие.

– Это и есть оружие, – сказала Эри. – Красота во всех проявлениях – это оружие.

Тамара фыркнула от смеха.

– Вы говорите как Зоя.

Эри, очевидно, это сравнение пришлось не по вкусу.

– Она – сплошное неистовство, как и моя сестра. Нет, хатуур – это нечто гораздо большее.

– Вы готовы? – спросила Тамара. – Как только мы начнем, пути назад не будет.

Эри положила пальцы на струны *хатуура.* Какое-то время она молчала, настраивая инструмент, позволяя нотам взлетать в воздух и тут же гаснуть.

– Я еще никогда не была так напугана, – призналась она. – Мне казалось, что можно вообразить, будто все это – просто представление, но это не так, правда?

– Правда, – подтвердила Тамара. – Все по-настоящему.

Майю хотелось кричать. Они на самом деле собирались идти во дворец в открытую, посреди белого дня. Как могла Тамара позволить принцессе совершить такую глупость? Им ни за что не добраться до дворца. Королева Макхи подошлет убийцу, который разделается с ними, не успеют они оказаться в черте города. Но Майю была солдатом, а солдат учили повиноваться.

– Я никогда не хотела стать героем какой-нибудь истории, – призналась Эри, уставившись на чуть изогнутый гриф *хатуура.* – Я хотела лишь петь о них песни. Герой должен думать о вероятности войны, о жизнях, брошенных на чашу весов, о женщинах, сгоревших заживо по

приказу жестокой королевы. Но я понимаю, что больше всего меня волнует моя собственная жизнь.

Тамара похлопала по своим топорам.

– Это лишь означает, что вы хотите выжить, принцесса. И здесь нечего стыдиться.

Эри прижала пальцы к струнам.

– Что ж. Начнем.

Она спустилась по ступеням храма прямо на утренний рынок. В ту же секунду покупатели прекратили торговаться, удивляясь тому, что Эри Кир-Табан, Небеснорожденная, вернулась к ним. Майю знала, что принцесса не в первый раз играет на храмовых полях, но все думали, что она в Равке, принимает ухаживания и готовится к браку с равкианским королем.

Принцесса плыла по рыночной площади в облаке шелка цвета молодой листвы, с убранными назад волосами и хризантемой, воткнутой за левым ухом. Она играла, и люди шли следом, прихватив детей, хлопая и приплясывая. Песню Эри выбрала не случайную – «Цветочная дева». *«Она – наше солнце, и с ней возвратилась весна».*

Когда они вошли в город, люди высыпали из домов с колокольчиками и барабанами в руках, чтобы подыграть принцессе. Они бросали цветы ей под ноги.

– Они и в самом деле любят ее, – произнесла Тамара в изумлении.

– Мы слышали, вы ездили на встречу с варварами! – крикнул кто-то.

– Думали, вы станете женой Короля шрамов!

– Но теперь, как видите, я вернулась, я не замужем и счастлива снова быть с вами, – откликнулась Эри, и люди разразились приветственными криками.

Они прошествовали по мосту, и Эри завела новую песню, ликующую и патриотичную, военный гимн Шухана. Боевую песню.

Королева Макхи ждала их на широком дворцовом балконе, выходящем на реку.

– Сестра! – воскликнула она, распахивая объятия. – Как это похоже на тебя – прибыть таким необычным способом.

Не присматриваясь, невозможно было разглядеть, что зубы королевы сжаты, а глаза, скользнувшие с Эри на Майю и назад, чуть прищурены.

– Разве мы не рады видеть возвращение нашей сестры? – крикнула она толпе, и люди взорвались приветственными криками. – Разве не счастливы, что она в безопасности и добром здравии? Так пусть этот день станет днем пиров и поздравлений!

Макхи хлопнула в ладоши, и на площадь хлынули дворцовые слуги, раздающие пирожные с изюмом и золотые монеты.

Майю разглядывала лицо королевы, ее кривую улыбку, руки, раскинутые в покровительственном жесте.

«Она хочет быть любимой, – поняла вдруг Майю. – *Как хотела и я. Она не может понять, почему ей предпочитают сестру, хоть она и умнее, и сильнее, и красивее. Всю свою жизнь она будет пытаться разгадать эту загадку, уверенная в том, что разгадка есть, и предлагать подданным взятки деньгами и сладостями, чтобы продемонстрировать свою щедрость».* Королева Макхи пыталась убить Эри, и даже не один раз, а дважды, чтобы не жить вечно в ее тени. Должно быть, в отличие от сестринской зависти сестринской любви ей не хватило.

Как только они вошли во дворец, их окружила стража. Министр Йервей, доктор королевы, вышел вперед, чтобы поприветствовать их.

– Принцесса Эри, вы в добром здравии? Думаю, нам следует осмотреть вас и назначить подходящие отвары, способные восстановить ваши силы после такого долгого путешествия.

– Благодарю, министр Йервей. Но я прекрасно себя чувствую. Обо мне хорошо заботились наши равкианские друзья.

– А где же все остальные Тавгарады?

– Об этом я расскажу только моей сестре, – ответила Эри невозмутимо.

– Она примет вас в зале для аудиенций.

Министр Цзиун откашлялась.

– Боюсь, что доступ в этот зал сейчас закрыт. Могу я предложить вам проследовать в зал Колышущихся перьев?

– Но я только что был в зале для аудиенций… – возразил Йервей.

– Там случился потоп.

– Потоп?

– Немного протек один из фонтанов, – вмешался министр Нагх. – Рабочие все еще там.

Майю тщательно скрыла облегчение. Возможно, Нагх и Цзиун с самого начала собирались исполнить то, что пообещали принцессе Эри. Возможно, их убедил вид толпы, провожавшей ее по улицам города. Это не имело значения. Они сыграли свою роль. Эри и Тамаре нужно было поговорить с королевой с глазу на глаз, а не на виду у всех министров, в месте, где она смотрела бы на них сверху вниз, облеченная всей властью, на протяжении тысячелетий принадлежащей королевам Табан.

– Понятно, – пробормотал министр Йервей. Больше сказать ему было нечего.

Зал Колышущихся перьев был выполнен в сочетании белого и золотого и напоминал о подсвеченных золотистыми лучами облаках. Освещение здесь очень шло Эри, делая черты ее лица мягче. Слуги принесли им хрустальные кувшины с вином и водой, а также блюдо нарезанных красных слив. Но они тут же исчезли, когда двери с грохотом распахнулись и в зал ворвалась Макхи в сопровождении своих Тавгарадов.

– Ты смеешь вызывать меня, как какую-то служанку?

Эри лишь улыбнулась. Она поднялась и отвесила низкий поклон.

– Прости, если обидела, сестра. Зал для аудиенций был затоплен, к тому же нам лучше было поговорить наедине.

– Время для разговоров прошло, – отрезала Макхи. – Ты должна была прийти ко мне со своими тревогами. Но вместо этого стала плести интриги с королем варваров. Ты пошла к моим министрам с абсурдными россказнями о покушениях, стихах и тайных лабораториях. Мы встретимся в зале суда, где ты отречешься от своих обвинений и отдашься на мою милость.

– Я не могу, – вздохнула Эри. – Даже ты, моя Небеснорожденная сестра, не заставишь меня лгать.

– У тебя нет доказательств.

– Я – доказательство, – заявила Майю, стыдясь того, как дрогнул ее голос. – Я, которой велели убить короля, чтобы спасти брата.

– У тебя тоже нет этому доказательств. Все, что я вижу, так это девчонку, подозрительно хорошо выглядящую, в то время как ее сестры – Тавгарады загадочно погибли.

– У нас есть твое письмо, – мягко напомнила Эри. – Оно должно было сгореть со мной, не так ли? Я не могла полностью поверить до этого момента. Но я ни с чем не перепутаю этот твой взгляд, Макхи. Помню его еще с тех пор, когда мы были детьми и мама ловила тебя на том, что тебе делать запрещали.

Макхи вскинула подбородок.

– Чего ты хочешь?

– Следуй договору, подписанному тобой в Равке, и выдели им денег из нашей казны. Оставь свои мечты о войне. И положи конец программе по созданию кергудов.

– Даже не признавая того, что твои слова – правда, я могу согласиться придерживаться договора, пока его условия для нас приемлемы.

– Тогда ты должна закрыть лаборатории.

Макхи грациозно взмахнула рукой, словно избавляясь от насекомого.

– Чушь. Создание кергудов, о котором ты говоришь, – не более чем очередная теория заговора, глупые выдумки.

– Я видела кергудов собственными глазами, – вмешалась Тамара. – Я их не выдумала.

Подбородок Макхи поднялся еще выше.

– Я встречала твоего брата в Ос Альте. Такой же невежа и грубиян, как и ты.

– Вы отведете нас в эти лаборатории, – сказала Майю.

Она устала от этих препирательств. Ей хотелось увидеть брата.

– Вы действительно считаете, что можете диктовать мне условия в моем собственном дворце? Вы сильно переоценили влияние министров Цзиун и Нагх.

Эри покачала головой.

– Я и не думала полагаться на их влияние.

До этого она стояла перед позолоченным столиком. Теперь она отошла за него и наклонилась, чтобы понюхать розы ярко-кораллового цвета, поставленные ей в вазу до прихода сестры. Кончики их лепестков словно окунули в золото.

Лицо королевы побелело.

– Они прекрасны, не так ли? Яркие, как огонь, но почти не имеют запаха. Вся их красота на поверхности. Думаю, мне больше по душе дикие розы. Но эти цветы очень редкие.

– Ты сорвала их в саду нашей бабушки, – голос королевы Макхи опустился до еле слышного шепота.

– Она мне их подарила. Ей всегда нравились хорошо рассказанные истории.

Теперь Майю поняла, где приземлялся дирижабль посреди ночи и откуда взялся запах роз в воздухе. Тамара и Эри обратились за защитой к бабушке Эри. Леути Кир-Табан, Небеснорожденная, все еще считалась королевой Табан. Она отдала корону дочери, когда решила, что готова уйти на покой и наслаждаться жизнью. Когда умерла ее дочь, Леути дала Макхи, выбранной ее дочерью наследнице, свое благословение. Но забрать это благословение Леути могла в любой момент. Розы – цветы, которые Майю по своей наивности приняла за простой каприз, – выращивались в садах Леути и нигде больше.

– Нашей бабушке следует быть осторожнее в саду, – заявила Макхи. – Всякое может случиться.

– Знаю, – согласилась Эри. – Поэтому мы оставили с ней целую команду стражей – гришей, в дополнение к ее собственным Тавгарадам.

– Какая забота.

– Я рассказала ей не все, – продолжила Эри. – Хотя, конечно, и могла бы. Ты отведешь нас в лаборатории, Макхи, или нашей бабушке все станет известно.

– Я подумаю над этим, – заявила королева и, не сказав больше ни слова, развернулась и удалилась.

– Думаете, она заглотила наживку? – спросила Тамара, стоило королеве и ее страже уйти.

Эри вытянула из вазы один цветок и поставила его в другое место, просто так.

– Да. Ей не удержаться.

Майю посмотрела на розы, затем в окно, на солнце в зимнем небе и сады, раскинувшиеся внизу. Оставалось молиться, чтобы Эри была права.

«Я найду тебя, Рейем, – поклялась она про себя. – *Найду».*

20. Зоя

Они стояли на берегу озера неподалеку от Малого дворца и смотрели, как горит тело Давида.

Инферны зажгли пламя. Шквальные защищали огонь от снега и сырости. Когда придет время, прочники сделают кирпич из пепла, оставшегося от Давида. Таким был обряд – правильный способ попрощаться с мертвыми. Когда было тело. Когда хватало времени. Многие из них остались на полях сражений, умерли в тюрьмах и лабораториях, далеко от тех людей, которые позаботились бы об их телах, произнесли слова любви и поминовения.

«Кто скажет их обо мне? – гадала Зоя. – Николай? Женя? И что они скажут? *Она была невозможной, жутко тщеславной, резкой и ядовитой, как ягоды тиса. Она была храброй».* Это мало что меняло.

Зоя смотрела, как языки пламени вздымаются к ночному небу, пляшут, словно зажжены не по печальному поводу, и отражаются бликами в воде. Обычные солдаты собрались на побережье, чтобы отдать дань уважения, вместе с гришами, дворцовыми стражами и нулевыми – специальным отрядом, объявившим, что не относятся ни к Первой армии, ни к гришам, которые работали вместе, бок о бок, в единстве, рожденном слиянием новых технологий и Малой науки, ради будущего, рождающегося из идей Николая и мастерства Давида.

Зоя знала, что должна защитить это будущее. Должна найти способ продвинуться в подготовке к войне, определить, кого из субстанциалов взять на место Давида в Триумвирате. Она была генералом. Бойцом. Это был ее долг, и она непременно исполнит его, но сейчас… Сейчас она не могла думать, не могла найти внутри себя то самое место, тот бункер, который смог бы выдержать любой удар или бурю.

«Ты не можешь спасти их всех».

Возможно, Юрис был бессмертным, возможно, в его драконьих глазах смерть одного человека воспринималась, как нечто незаметное в великом потоке времени. Но Зоя не могла воспарить вместе с драконом. Никогда еще она не чувствовала себя такой смертной и незначительной.

– Побудь со мной, – попросила Женя. – Постой рядом.

И вот Зоя была здесь, на этом берегу, где все они когда-то тренировались, рядом со школой, где они все сидели на уроках, и держала Женю под руку. Николай стоял с другой стороны от Жени, обняв ее за плечи, словно они пытались таким способом уберечь ее от горя, раз уж им не удалось уберечь ее от потери.

Зоя чувствовала, как подруга, закутанная в красный кафтан, привалилась к ее боку. У гришей не было цвета траура. Слишком многих им приходилось оплакивать.

Женя дрожала, и Зое ее тело казалось невесомым, словно та улетала ввысь вместе с искрами костра. Но ее горе тяжелым грузом повисло на Зое, неподъемное и плотное, как мокрое пальто, тянущее ее вниз, путающееся в ногах. Ей хотелось сбросить его, но дракон не позволял, не хотел, чтобы она сбегала от этой боли.

– Я не могу этого сделать, – прошептала Женя. Ее лицо опухло от слез. Прежде яркие локоны теперь безжизненными прядями падали на спину.

– Тебе не нужно ничего делать, – заверила ее Зоя. – Просто будь здесь. Стой на месте.

– Даже это.

– Я держу тебя. Я не позволю тебе упасть.

Эти слова казались ложью. Зоя распадалась на части. Она разбилась вдребезги о камни. «*Ты достаточно сильна, чтобы пережить падение».* Юрис был неправ. Но она задолжала Жене это и еще намного больше.

– Николай, – сказала Зоя, – я не думаю, что она сможет говорить.

Николай кивнул. Он окинул взглядом толпу людей, стоящих в темноте, с освещенными пламенем лицами.

– Мы с Давидом общались языком цифр, – начал он. Наши самые серьезные беседы превращались в чертежи какого-нибудь нового изобретения. Не стану притворяться, что понимал его.

Зоя ожидала услышать слова короля, намеревающегося сплотить свои войска, но голос Николая был хриплым и усталым. Сейчас он был просто человеком, горюющим о потере друга.

– Я был недостаточно умен, чтобы поспевать за полетом его гениальных мыслей, – продолжил Николай. – И все, что мне оставалось, это уважать его выдающийся ум и желание распорядиться правильно теми дарами, что достались ему при рождении. Я полагался на него в поисках ответов, которые не мог найти. Он освещал мне путь, когда казалось, что я заблудился. Давид видел вещи, невидимые для других. Сквозь призму мира он глядел на загадки другой стороны. И я знаю, что он отправился разгадывать эти загадки. – Легкая улыбка скользнула по губам Николая. – Я вижу его сидящим в огромной библиотеке; он уже погружен в работу, склонил голову над решением очередной задачи, пытаясь неизвестное сделать понятным. Когда я зайду в лабораторию, когда я проснусь посреди ночи с новой идеей, я буду скучать по нему… – Его голос прервался. – Я уже по нему скучаю. Пусть Святые встретят его на лучших берегах.

– Пусть Святые встретят его, – пронеслось в толпе.

Но Давид не верил в Святых. Он верил в Малую науку. Он верил в то, что миром правят факты и логика.

«А во что веришь ты?» Зоя не знала. Она верила в Равку, в своего короля, в то, что у нее есть шанс стать частью чего-то лучшего, чем она сама. Но, возможно, она этого не заслуживала.

Теперь все глаза были обращены на Женю. Она была женой Давида, его другом, его товарищем. Все ждали ее слов.

Женя выпрямилась, подняла подбородок выше.

– Я любила его, – заговорила она, и ее тело тряслось, словно его раздирали на части и тут же торопливо сшивали снова. – Я любила его, а он любил меня. Когда я была… когда никто не мог до меня достучаться… он заметил меня. Он… – Женя уткнулась лицом в Зоино плечо и всхлипнула. – Я любила его, и он любил меня.

Существовал ли на свете более ценный дар? Более невероятное открытие?

– Я знаю, – сказала Зоя. – Он любил тебя больше всего на свете.

Драконий глаз распахнулся, и она ощутила эту любовь, и всю чудовищность Жениной потери. Было невыносимо думать, что она ничего не может сделать для того, чтобы хоть как-то уменьшить боль подруги.

– Скажи им, Зоя. Я не могу… Не могу.

Женя казалась такой хрупкой, ушедшей в себя, словно побег диковинного, нежного растения, прячущегося от зимней стужи.

Что Зоя могла сказать ей? Всем им? Как могла она поделиться с ними надеждой, которой у нее не было?

«Вот что делает любовь». Эти слова частенько повторяла ее мать. Когда в кладовой было пусто, когда муж не мог найти работу, когда кожа на руках трескалась от стирки соседских вещей. «*Вот что делает любовь».*

Зоя представила Сабину, с красными от щелока руками, прекрасным лицом, исчерченным морщинами, словно скульптор, сотворивший эту красоту, потерял контроль и вырезал слишком глубокие линии под глазами и в углах рта. *«Трудно представить, каким он был красавчиком,* – говорила обычно Сабина с горечью, глядя на Зоиного отца. – *Моя мать предупреждала меня, что не будет мне жизни с сулийцем, что они с отцом отвернутся от нас. Но мне было все равно. Я была влюблена. Мы встречались под луной. Танцевали под музыку, что играли его братья. Я думала, любовь станет нашей броней, крыльями, щитом, укроющим от*

всего мира». Она смеялась, и смех ее походил на стук костей в чашке предсказательницы, что пророчит одни только беды. Сабина простирала потрескавшиеся руки, указывая на их убогую лачугу, холодную печь, стопки грязного белья, земляной пол. «*Вот он, наш щит. Вот что делает любовь».* Отец не говорил ничего.

Зоя видела своих сулийских дядей лишь однажды. Они пришли, как стемнело, по требованию ее матери. Сабина уже отправилась в кровать и велела Зое остаться с ней, но стоило матери задремать, Зоя ускользнула, чтобы поближе рассмотреть этих черноволосых и черноглазых незнакомцев с такими же темными и густыми бровями, как у нее. Они были похожи на ее отца и в то же время нет. Их смуглая кожа словно светилась изнутри. Плечи были гордо расправлены, головы высоко подняты. Рядом с ними ее отец казался стариком, хоть на самом деле был младшим из братьев.

– Уйдем с нами, – сказал тогда дядя Деж. – Сейчас. Этой ночью. Прежде, чем проснется эта мегера.

– Не смей так называть мою жену.

– Хорошо, прежде чем проснется твоя любящая женушка. Ты умрешь здесь, Сухм. Ты уже почти мертв.

– Я в порядке.

– Мы не должны жить среди них, быть запертыми в их домах, увядать под их крышами. Ты рожден для жизни под открытым небом, под звездами. Ты рожден быть свободным.

– У меня ребенок. Я не могу просто…

– Мать – порченый плод, и дочь вырастет кислым яблочком. Я уже вижу тень печали, нависающую над ней.

– Умолкни, Деж. У Зои доброе сердце, и она вырастет сильной и красивой. Такой, какой могла бы стать ее мать. В другой жизни. С другим мужем.

– Тогда отпусти ее с нами. Спаси ее из этой дыры.

«Да. Заберите меня отсюда». Зоя прихлопнула рот руками, словно произнесла эти слова вслух, призвала своего рода проклятие в этот мир. От нахлынувшего чувства вины она задохнулась, на глазах выступили слезы. Она любила мать. Правда, правда. И не хотела, чтобы с той случилось что-то плохое. Не хотела бросать ее одну на произвол судьбы. Она тихонько вернулась в кровать к Сабине, крепко обняла ее и плакала, пока не уснула. Но снилось ей, что она едет в сулийской кибитке, и на следующее утро она проснулась растерянная и сбитая с толку, все еще чуя запах сена и лошадей, все еще слыша веселую болтовню сестер, которых у нее никогда не было.

Больше своих дядей она никогда не видела.

«Вот что делала любовь».

Любовь все разрушала. Оставляла после себя скорбящих родственников и вдов, страдания и слезы. Любовь и горе были двумя сторонами одной монеты. Горе было тенью, накрывающей все с уходом любви.

«*Я слишком долго прожила в этой тени*», – думала Зоя, глядя на берег, на людей, столпившихся на холоде, в ожидании, что кто-то скажет нужные слова.

– Пожалуйста, – шепнула Женя.

Зоя изо всех сил пыталась найти в голове слова надежды, ободрения. Но не находила ничего, кроме правды.

– Я когда-то… – Ее голос был хриплым от непролитых слез. Ей был ненавистен его звук. – Я когда-то верила, что солдат может быть лишь одного вида. Такого, каким стремилась стать сама. Безжалостный и неумолимый. Я преклоняла колени перед алтарем силы – бурей, ударом сердцебита, разрезом. Когда меня выбрали в члены Триумвирата, я… – Стыд затопил ее, но она заставила себя продолжить: – Я не выносила людей, выбранных вместе со мной. Я была самой могущественной, самой опасной и полагала, что лучше знаю, как всем руководить. – Зоя

почувствовала, как захлестывают ее воспоминания о долгих вечерах, проведенных в спорах с Давидом и Женей. Когда они начали составлять общие планы вместо того, чтобы ссориться?

– Я не знала ничего. Давид не ставил себе цель научить меня силе молчания, однако научил. Женя не пыталась убедить меня быть добрее, просто день за днем показывала, чего можно добиться добротой. Давид не был… Он не был легким человеком. Не шутил, не улыбался напоказ, не пытался подстраиваться под собеседника. Ненавидел пустые разговоры и мог настолько погрузиться в работу, что забывал о еде и сне. Единственной, про кого он не забывал никогда, была Женя. Когда он смотрел на нее, становилось понятно, что он решил свое идеальное уравнение. – Она пожала плечами, не в силах облечь свои мысли в слова. – Давид оказался совсем другим солдатом. Его сила заключалась в уме и в умении молчать, в его готовности выслушать, в вере, что у каждой проблемы есть решение. Сегодня по всей Ос Альте похороны. Люди скорбят. Мы столкнулись с новой, ужасающей угрозой, с новым видом врагов и новым типом войны, но также, как мы скорбим сегодня вместе, мы вместе встретим эту угрозу. И в бою, так же, как и в скорби, мы встанем плечом к плечу. Мы пойдем вперед, как истинные солдаты, – и постараемся стать такими бойцами, как был Давид, – движимыми не жаждой мести, не яростью, но желанием узнать больше и стать лучше. Давид Костюк возвращается к основе творения в сердце мира. Он навсегда останется с нами.

Большая часть солдат не знала традиционного ответа, но его знали гриши.

– Как возвращается он, вернемся и все мы.

В этих словах, в тихом слаженном ответе, было пусть небольшое, но утешение. Сможет ли она стать таким же солдатом, как Давид? Зоя не знала. Она боялась того, что может произойти, когда пролетит этот момент тишины, когда прах Давида будет собран и станет частью белых стен, окружающих дворец. Место рядом с ним будет оставлено для Жени. Тысячи тел, тысячи кирпичиков, тысячи духов, оберегающих многие поколения гришей. Ради чего?

Фьерданцы заставили их ступить на неизведанную территорию. Зоя знала, что обратной стороной ее скорби станет ярость, и неизвестно, что произойдет, когда она вырвется на свободу.

– Мне нужно подойти к нему, – прошептала Женя. – В последний раз.

Она вынула из кармана раскрытый блокнот. Зое потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это. Взгляд зацепился за несколько слов, нацарапанных каракулями Давида: *темы комплиментов – волосы (цвет, текстура), улыбка (причины и воздействие), таланты (портняжничество, зелья, чувство стиля – уточнить понятие «стиля»), зубы? размер ступней?*

– Его конспект, – сказала Зоя.

Сюда Давид записывал для себя небольшие напоминания о том, как порадовать Женю.

Женя посмотрела на озеро.

– Мне нужно перебраться на ту сторону.

Зоя могла дать знак проливному, но дракон был рядом, и ей хотелось быть той, кто поддержит Женю в этот момент. Она подняла руки, медленно соединив ладони. «*Разве не все мы одно? Если наша наука настолько мала*». У нее не было времени на оттачивание своих способностей или измерение силы, переданной Зое Юрисом вместе с его жизнью. Но способности шквальных не слишком отличались от умений проливных. «*Мне нужно дать ей это*». Этого требовал дракон. В этом нуждалось скорбящее сердце самой Зои.

На поверхности озера возник лед, сияющая белая дорожка, с каждым сделанным Женей шагом движущаяся вперед, от берега к погребальному костру Давида. Она остановилась перед огнем, и волосы ее сияли, как перья жар-птицы. Женя прижалась губами к обложке блокнота.

– Чтобы у тебя было напоминание, когда мы встретимся вновь в другой жизни, – слетели с губ тихие слова. И блокнот полетел в огонь.

Зоя не должна была расслышать эти слова, слишком большим было расстояние. Она и не хотела знать такие личные, такие болезненные вещи. Но видела все глазами дракона и слышала его ушами. На каждую жизнь, оплаканную Зоей, приходилась тысяча оплаканных драконом.

«Как? Как ты смог выжить в этом мире, который все отнимает?»

Она не услышала его ответа, лишь треск пламени и холодное молчание звезд, прекрасных, ярких и равнодушных.

После церемонии прощания Зоя собиралась проводить Женю в ее комнаты, но та отказалась.

– Я не могу быть одна. Ты встречаешься с королем?

– Да, но…

– Я не могу быть одна, – повторила Женя.

– Там будут Леони и Надя.

– Я знаю. Фьерданцы не станут ждать, пока мы оплачем своих мертвых. Нужно выбрать того, кто будет представлять субстанциалов в Триумвирате.

– Время есть.

В глазах Жени застыла боль.

– Правда? Я все еще вижу его таким, каким его достали из-под завала. На нем был свадебный костюм и… в руках была ручка. Его пальцы… – Женя подняла руку, коснулась губ кончиками пальцев. Слезы снова навернулись на ее глаза. – Они были все в чернилах.

Зои там не было. Она вернулась в Ос Альту слишком поздно, чтобы помочь, слишком поздно, чтобы сражаться.

– Если ты не готова…

Женя смахнула слезы.

– Я – член Триумвирата, а не просто скорбящая вдова. Мне нужно быть там. И я не могу остаться наедине со своими мыслями.

Это Зоя вполне могла понять.

Все собрались в ее гостиной, за столом, за которым когда-то сидели сначала опричники Дарклинга, а потом стражи Алины. Королевские покои уцелели, но завалы вокруг них не успели разобрать.

Толя укрыл плечи Жени шалью и устроил ее у огня, пока Зоя мерила комнату шагами, не зная, с чего начать. Надя и Леони принесли с собой стопку записей, скорее всего, касающихся разработки ракет. Адрик тоже был здесь. Зоя задумалась, не решил ли Николай отстранить ее и отдать ее пост младшему брату Нади. У него были для этого все основания.

– Простите за задержку, – произнес Николай, наконец появляясь в дверях. – Трудно справиться с потоком корреспонденции с тех пор, как… Что ж. – Он налил чашку чая и отнес Жене, поставив ее на блюдце в руках девушки. – Ты голодна?

Она покачала головой.

Он подвинул кресло, чтобы сесть к ней поближе. Долгое время все молчали.

Наконец король тяжело вздохнул.

– Я не знаю, с чего начать.

В последние дни по всей Ос Альте проходили похороны, ведь опасность миновала и появилась возможность отыскать тела, обгорелые, заваленные обломками. Король присутствовал на всех, куда успевал, тихо появляясь в церквях, где священники читали молитвы над усопшими, помогая их семьям перебраться из опасных районов города. Зоя крайне редко видела его с тех пор, как вернулась в столицу, и была этому рада. Встретиться с ним означало встретиться со своим провалом. Вместо этого она пыталась помочь навести порядок в хаосе, возникшем после бомбежки, устанавливая новые правила затемнений для всей Равки, направляя дипломатические ноты протеста Фьерде, присоединяясь к командам гришей, которые расчи-

щали завалы и проводили спасательные операции в нижнем городе, благодарно погружаясь в круговорот дел.

Она не была готова к ужасающей тишине похорон или к тому моменту, когда придется оценивать весь нанесенный им ущерб. Никто не был к этому готов.

– Куда еще атаковали? – спросил Толя. Лучше говорить о войне, чем о потерянной любви.

– Полизная приняла основной удар, – ответил Николай. – Мы потеряли половину наших флайеров, большую часть дирижаблей. Наши запасы титания уничтожены.

Он сообщал все это равнодушным, уверенным тоном человека, передающего прогноз погоды. Но Зоя слишком хорошо его знала. Выражение его глаз было столь же понятным, сколь незнакомым: он выглядел раздавленным.

– Все? – ужаснулась Надя. – Мы даже не начали изготовление корпусов ракет.

– Придется использовать другой металл.

Но даже Зоя понимала, что это означает. Ракеты будут слишком тяжелыми, и их нельзя будет запустить с безопасного расстояния, к тому же шквальным будет намного труднее точно навести их на цель.

– Ос Керво станет следующей целью Фьерды, – сказала Зоя, потому что кто-то должен был это сказать.

– Мы разослали предупреждения о затемнении по всем городам, – сказал Николай, глядя в сторону. Он едва взглянул на нее с тех пор, как она вернулась. – Но я думаю, Фьерда не станет торопиться. Они напали на нас в надежде напугать запад и заставить его признать Вадика Демидова. Такую же стратегию выбрал Дарклинг во время гражданской войны.

– Он снова взял надо мной верх.

В ее словах звучало смирение и лишь капля гнева. Но в них не было ни намека на чувство, разъедающее ее изнутри, колющее, не дающее покоя ни днем, ни ночью. Легко было испытывать ярость. Даже печаль. Но стыд? *«Я позволила ему ускользнуть».* Что бы ни сделал теперь Дарклинг, кому бы ни причинил вред – вина за это ляжет на нее.

– Я согласился на то, чтобы его вывезли из дворца, – возразил Николай. – Дарклинг уже не в первый раз застает нас врасплох, но давайте не будем забывать, что ни один из его планов так и не сработал.

Пока нет. Но на этот раз он может победить и продолжит побеждать. Возможно, им следовало найти способ заключить с ним союз, на самом деле привлечь его на свою сторону. Может быть, фьерданцы не решились бы продолжать войну, знай они, что Дарклинг вернулся. Но как можно было ожидать от Жени, что она согласится работать бок о бок с тем, кто отдал ее в руки насильника? И как смогла бы Зоя сидеть на военном совете вместе с тем, кто убил ее тетю?

– Что он станет делать? – спросила Леони. Она сидела рядом с Адриком.

На похоронах они тоже были вместе. Для гришей обычным делом было влюбиться в партнера, с которым работал под прикрытием, но эти романы редко продолжались, когда уходило ощущение опасности и агенты возвращались домой. Однако Адрик и Леони, похоже, стали исключением, несмотря на то что Зоя с трудом могла представить себе, как они ладят друг с другом. Может быть, непреклонная мрачность и неизменная жизнерадостность были правильным сочетанием.

Николай откинулся на спинку кресла.

– У Дарклинга талант устраивать зрелища, сравнимый разве что с моим. Он захочет обставить свое возвращение с как можно более широкой оглаской.

– У моей сестры шпионы и информаторы практически в каждом более или менее крупном городе Равки, – заявил Толя. – Мы будем спрашивать о всех новоприбывших и незнакомцах.

– По крайней мере, с Тамарой все в порядке.

Веснушки на побледневшем лице Нади вспыхнули ярче, но она лишь сказала:

– Слава всем святым.

Сообщения Тамары гласили, что при поддержке договора Эри совет министров шуханской королевы согласился утвердить и поддерживать этот новоиспеченный союз. Оставались открытыми вопросы сохранения влияния и закрытия секретной программы создания кергудов.

– Нужно предупредить солдат на северной границе, чтобы держали ухо востро на случай появления Беззвездных, – предложил Николай. – Не хотелось бы, чтобы они перешли границу с Фьердой.

– Думаешь, Дарклинг захочет объединиться с фьерданцами? – спросила Надя.

– Может быть, – сказал Толя. – Так он тоже уже делал.

Надя печально рассмеялась.

– Даже не знаю, за кого болеть.

Зою терзали те же сомнения. Чем больше фьерданцев поклонялись равкианским святым, тем больше становилось сочувствующих Равке и тем больше, гипотетически, слабели военные настроения. Но эта же вера могла помочь Дарклингу обосноваться там. Толя скрестил на груди свои ручищи.

– Апрат ведет активную борьбу против присвоения Дарклингу статуса Святого. Фьерданцам придется разорвать соглашение со священником, если они решат заполучить Дарклинга в союзники.

– Думаешь? – спросил Николай. – Апрат – приспособленец. Он делает все, чтобы выжить. Если он почует в Дарклинге сильного союзника, можно не сомневаться, что на него внезапно сойдет озарение. А возвращение из мертвых может стать грандиозным появлением. Возможно, Фьерде и не придется выбирать между священником и новоявленным Святым.

– Не думаю, что Дарклинг объединится с Апратом, – заметила Женя.

Это были ее первые слова. В комнате внезапно воцарилась тишина, словно ее отрезало от мира стеклянной стеной.

Николай повернулся к Жене.

– Ты знала его лучше, чем кто-либо из нас, и намного дольше. Почему?

Она отставила чашку в сторону.

– Гордость. Дарклинг не прощает. Он карает. Он покарал тебя за то, что ты предал его под личиной Штурмхонда. Он покарал меня за то, что я выбрала Алину. Когда Дарклинг затевал переворот, он доверил Апрату столицу. Священник должен был употребить свое влияние на благо дела Дарклинга. Вместо этого он собрал армию из верующих в поддержку Алины Старковой.

– Потому что верил, что ею будет легче управлять, – сказал Николай.

– Глупо с его стороны. Но в этом Дарклинг и Апрат похожи, – продолжила она окрепшим голосом. – Они оба ее недооценили. Недооценили каждого из нас. Все, чего Дарклинг когда-либо хотел, – это чтобы его любили, обожали в его стране. Он не станет объединяться с Апратом, потому что тот совершил непростительный грех – настроил людей против него.

– Тогда как он поступит?

Пальцы Жени сжались в кулаки, сминая ткань *кафтана.*

– Вопрос в том, что станем делать мы?

– А что мы можем сделать? – спросил Адрик, и в кои-то веки его мрачный тон полностью подходил к ситуации. – Даже с учетом поддержки от шуханцев и земенцев, достаточно ли у нас флайеров и ракет, чтобы снова столкнуться с фьерданцами на поле боя?

Надя с Леони обменялись взглядами, и Леони закусила губу.

– Если бы мы нашли, где взять титаний, то могли бы немедленно начать производство.

Толя сделал глубокий вдох.

– Я знаю, что всех нас терзают ярость и горе. То, что сделали фьерданцы, непростительно, но…

– Но? – повторила Зоя.

Он встретился с ней взглядами.

– Наш следующий шаг определит не только то, какой будет эта война, но и то, какими будут все последующие. Запустить ракету, не подвергая опасности жизни солдат и пилотов? У войны должна быть цена. В какой момент мы превратимся в таких же монстров, как фьерданцы?

– Возможно, это именно то, что нам нужно, – заявила Зоя. – В этом мире процветают злодеи. В мире, где такие люди, как Давид, погибают под завалами в день собственной свадьбы, такие монстры, как Дарклинг и Апрат, почему-то продолжают жить.

– Значит ли это, что и нам нужно стать злодеями? – спросил Толя, и Зое послышалась мольба в его голосе.

– Тебе никогда не приходилось чувствовать себя самым слабым, Толя. Милосердие ничего не стоит, если мы не можем защитить себя.

– Но чем все это закончится?

На это у Зои не было ответа. Николай много раз повторял: если река вырвалась на свободу, вспять ее не повернуть.

Женя нежно коснулась руки Толи.

– Давид ненавидел войну. Он был изобретателем, творцом. Он мечтал о том времени, когда сможет создавать чудеса, а не оружие. – Она потянулась к Зое, и та неохотно дала ей руку, чувствуя непрошеную боль в горле. – Но он понимал, что нам не под силу установить мир в одиночку. Фьерданцы показали нам, кто они такие. И лишь от нас зависит, кем мы захотим стать.

– И кем же? – спросила Зоя, потому что на самом деле не знала. Все, что у нее когда-либо было, – это гнев.

– Мы построим ракеты, – сказала Женя. – Заставим их понять, на что способны. А потом дадим им выбор.

Зоя задумалась, кому придется делать этот выбор. Родителям, не желающим посылать своих детей на смерть? Ярлу Бруму и его злобным *дрюскелям?* Королевскому роду, желающему любой ценой удержать трон?

– Речь всегда шла лишь о том, чтобы остановить войну, – сказал Николай. – Если фьерданцы решат, что мы не сможем сдержать их напор, нас просто сметут с лица земли.

Надя поерзала в своем кресле.

– Но без титания…

– У нас будет титаний, – заявил Николай.

Зоя не смогла скрыть удивления.

– Земенцы согласились продать свой?

– Нет, – ответил он. – У них нет такого количества на продажу, по крайней мере, обработанного. Зато у керчийцев есть.

Адрик фыркнул.

– Эти ни за что не продадут нам его по той цене, которая нам по карману.

– Поэтому я и не собираюсь просить. Так случилось, что я знаком со специалистом по другому виду переговоров.

Толя нахмурился.

– Переговоров?

– Он хочет сказать, что собирается украсть его, – пояснила Зоя.

Чашка Жени звякнула о блюдце.

– Если керчийцы узнают, что мы замешаны в чем-то подобном, это станет дипломатической катастрофой.

Николай коротко, ободряюще сжал плечо Жени и поднялся. Сейчас он походил не на короля, правящего огромной страной, а на корсара, приготовившегося открыть огонь по вражескому судну.

– Может, и так, – согласился он. – Но Кеттердам – именно то место, где можно рискнуть.

21. Монах

Он не знал, куда идти. Он не задумывался ни о чем, кроме того, как снова стать целым и вернуть себя. У него даже не было абсолютной уверенности, что его план сработает. Но он все же сохранил шип из тернового леса, а эти сироты подарили ему прекрасный шанс его опробовать.

Алина.

«Она жива». Голос Юрия, словно зуд комара, от которого ему никак не удавалось избавиться, эхом раздавался в голове. «*Санкта-Алина, Дочь Двух Столбов, Алина-из-Каньона. Она живет».*

Да, Алина Старкова здорова, счастлива и живет со своим следопытом. Если это можно назвать жизнью. Благоговейный лепет Юрия все не стихал.

Ее вопросы зацепили его, у нее всегда был дар проникать ему под кожу. «*Почему ты должен стать спасителем?»* Ответ на ее вопрос был очевиден, и, как и прежде, он звучал так: кто еще сможет защитить гришей и Равку? Безответственный мальчишка, любящий играть в пиратов? Мстительная девчонка, настолько боящаяся своих чувств, что не может овладеть великой силой, подаренной ей? Они были опасны. Опасны для него, для его страны, даже для самих себя. *Дети.*

Теневые солдаты несли его через поля и леса, а он в это время блуждал в своих мыслях, пока наконец не добрался до городка у реки. Это место казалось ему знакомым, как, впрочем, и многие другие. В Равке ему был знаком каждый камень, каждый куст. А вот ружья, танки и летательные аппараты, наводнившие этот мир, стали для него сюрпризом, причем неприятным. Если бы его план воплотился, если бы ему с Алининой помощью удалось превратить Каньон в оружие, Равка никогда бы не стала такой уязвимой перед этим парадом жестокости.

«Она жива. Санкта-Алина, отдавшая свою жизнь за Равку».

– Я отдал свою жизнь за Равку, – прорычал он, хотя вокруг не было никого, кроме деревьев, и Юрий, наконец-то призванный к порядку, затих.

Он велел ничегоям доставить себя к высокому мосту через реку и остаток пути до городка проделал пешком, не зная, куда ему направиться. Он был бос и по-прежнему одет в оборванную рясу Юрия и его поношенные брюки, к тому же залитые кровью там, где его оцарапала пуля. Ужасно хотелось помыться и надеть все чистое. Человеческие слабости.

Лавочники, стоящие на порогах своих магазинчиков, поглядывали на него с опаской, но им не стоило его бояться. По крайней мере пока. Городок был небольшим, но он заметил, что иконы были почти в каждом окне. В таком захолустье люди, как правило, были религиозны, и это стало только заметнее во время гражданской войны. Алина определенно пользовалась популярностью. На иконах она всегда была с белыми волосами и сияла так, словно проглотила солнце. Очень драматично. Еще он увидел Юриса – святого военного времени, если такие бывали, – и Санкту-Марью, покровительницу тех, кто далеко от дома. Ни следа Беззвездного святого.

«Всему свое время», – сказал он себе, и Юрий поддержал его. В этом их мнения полностью совпадали.

В его мыслях то и дело мелькали имена. Стасик. Кирилл. Кириган. Антон. Ерык. Лавина воспоминаний. Он когда-то был ими всеми, но кем ему стать сейчас? У него было достаточно времени, чтобы обдумать это во время заключения в стеклянной тюрьме, но теперь, когда он был свободен, по-настоящему свободен в своем выборе, он понял, что подходит только одно из них. Самое первое: Александр. Ему больше не было нужды скрывать свою непохожесть. Святым суждено жить вечно.

Он вышел на грязную городскую площадь и увидел крохотную церквушку, увенчанную одним выбеленным известью куполом. Сквозь распахнутую дверь он видел священника, копошащегося у алтаря, и женщину, зажигающую свечку за упокой. Сойдет для убежища. Они просто не смогут прогнать босоногого бродягу прочь.

И только оказавшись внутри, в густой, прохладной тени древних стен, Александр понял, куда попал. Над алтарем висело изображение мужчины с железными цепями на запястьях и ошейником на шее, чей взгляд был устремлен в никуда. Санкт-Илья-в-Цепях.

Ему на самом деле было знакомо это место. Он вернулся к истокам: эту церквушку отстроили на руинах дома Ильи Морозова, деда Александра, которого бросили в реку с того самого моста, который Александр пересек по пути сюда. Он был известен как Костяной кузнец, величайший фабрикатор из всех когда-либо живших. Но и это было далеко не все.

– Здравствуйте? – поприветствовал его священник, повернувшись к двери.

Но Александр уже растворился в тенях бокового придела, обернув их, словно саван, вокруг себя.

Он тихо двинулся к двери, которая, как он помнил, должна была привести его в подвал, а затем вниз по шаткой лестнице в каморку, куда отправлялись старые скамьи и изъеденные молью гобелены. Его воспоминания были такими же темными и покрытыми пылью, как это место, но план церкви и того, что было под ней, намертво врезался в память, и поэтому он знал, что под этой комнаткой есть еще одна. Он нашел лампу и стал искать люк.

Много времени на это не потребовалось. Стоило ему потянуть за металлическое кольцо, как петли пронзительно заскрипели. Возможно, священник услышит и прочтет молитву за упокой блуждающих душ.

В голове возмущенно забормотал Юрий, потрясенный подобным святотатством, но Александр не обратил на него внимания.

«Я покажу тебе чудеса», – пообещал он.

«Это святое место», – возразил Юрий.

Александр чуть не рассмеялся. Что превращало эту церковь в святое место? Позолоченные нимбы святых? Слова священника?

«Молитвы, произносимые под этой крышей».

Александр скривился в темноте. Праведность монашка начинала утомлять.

Он спустился в комнату под подвалом.

Здесь пол представлял собой грязевое месиво, и в свете лампы не было видно ничего, кроме земляных стен, сквозь которые тут и там пробивались корни.

Но он знал, чем эта комната была давным-давно: мастерской на задах дома Морозова, местом, где его дед разрушал границы между жизнью и смертью, воскрешал разных тварей в надежде вложить свою силу в их кости. Он пытался создать свои собственные усилители и преуспел.

Александр пытался следовать по его стопам. Он уговорил мать привести его в этот город, в дом, в котором она жила ребенком. Когда она увидела, что на месте мастерской ее отца выстроили церковь, она смеялась добрый час без перерыва.

– Знаешь, они ведь убили его, – сказала тогда Багра, вытирая выступившие от смеха слезы. – Предки тех самых мужчин и женщин, что живут в этом городе и молятся в этой церкви, кинули его в реку. Истинная сила пугает их. – Она взмахом руки указала на икону над алтарем. – Им нужна лишь ее иллюзия. Образ на стене, тихий и безопасный.

Но Александру была нужна именно сила, которую он и нашел в этом подвале, – дневники деда, описания его экспериментов. Они стали его навязчивой идеей. Он был уверен, что сможет повторить то, что удалось Илье Морозову. Результатом стал Каньон.

«Дар, – прошептал голос Юрия в голове, и вот он уже стоит в Новокрибирске и смотрит, как волна теней обрушивается на него, слышит крики вокруг. – *Ты спас меня в тот день».*

Александр уставился в темноту подземной комнаты. Он определенно не собирался никого спасать. Но было приятно, что кто-то помнит и то хорошее, что он сделал для этой страны.

Он ощупывал земляную стену, холодную и влажную под его пальцами, пока не наткнулся на нишу, в которой когда-то нашел дневники, завернутые в промасленную ткань. Сейчас там было пусто. Нет, не совсем. Пальцы нащупали что-то – кусочек дерева. Часть детской игрушки. Изогнутая шея лебедя, вырезанная с исключительным тщанием и отломанная у основания. Мусор.

«Почему ты отправился к Алине? – жужжал в отдалении Юрий. – *Зачем искал ее?»* Чтобы вернуть свою силу, конечно. Вселенная хотела унизить его, заставить опуститься на колени перед двумя жалкими сиротками, словно несчастного попрошайку.

«Почему ты пошел к ней?»

Потому что с ней он снова становился человеком. Когда-то она была наивной, одинокой, отчаянно нуждалась в одобрении. В ней было все, что прежде позволяло ему так успешно манипулировать своими солдатами. Так как же ей удалось превзойти его? Исключительно за счет упрямства. Из-за этого прагматического чувства, которое помогло ей выжить в приюте и выдержать столько лет, не используя свою силу. И кое-чего еще. Когда-то, сотни лет назад, он помнил, что это. «*Даже для тебя еще не слишком поздно*». Может быть, Алина и была права, но он отвоевал себя у смерти вовсе не для того, чтобы быть спасенным.

Ему не в чем было каяться. Все, что он сделал, было сделано для гришей, для Равки.

А пятно тлена? Стоило ему добавлять его в список своих предполагаемых преступлений? Пришлось признать, что отчасти это его вина. Хотя, если бы этот король-сопляк сподобился лечь и умереть, как было задумано, *обисбайя* была бы завершена и Каньон никогда бы не вышел из своих границ. Да и настолько ли это вообще ужасно? Равка переживала вещи и похуже, как и он.

Александр посмотрел на сломанную игрушку в своей руке. Не стоило ему приходить сюда. Он чуял запах взрытой земли с нотками ладана из церкви наверху. Это место было всего лишь очередной могилой.

Ему захотелось выбраться из темноты, снова оказаться под бледными лучами зимнего солнца. Он закрыл за собой люк и поднялся по подвальной лестнице, но затем замер в дверях церкви. До него долетал голос священника, шепот и шорохи толпы. Должно быть, они появились здесь, пока он сидел внизу, погруженный в свои мысли.

Какой сегодня день? Может, они собрались здесь на заутреню?

Священник рассказывал притчу о Санкт-Николае – маленьком мальчике, которого чуть заживо не съели матросы-каннибалы, но он все равно продолжил помогать беднякам и голодающим. Рассказ был такой же кровавый и дикий, как и прочие жития святых.

Может быть, настало время для новой истории, о единственном святом, величайшем из всех, что были до него, который не раздавал свою силу, как ростовщик под проценты, в виде молитв и добрых дел. Может быть, настало время новых чудес.

Притаившись за дверью, он поднял руки и сосредоточился на иконе за спиной священника. Медленно, неторопливо потекли из разведенных рук Санкт-Ильи извивающиеся жгуты теней; тени каплями крови собирались у его рта.

У прихожан вырвался дружный вздох. Священник обернулся и рухнул на колени. Александр пил их страх и изумление. Они били в голову, как дешевая вишневая настойка, которую он пробовал в… точно вспомнить он не смог.

«Видишь, Юрий. Вот и начался твой век чудес».

Он пронесся по церкви, скрывшись в водовороте из теней, и прихожане закричали от ужаса.

Александр не мог просто объявиться и сказать, что воскрес. Слишком многие затаили на него обиду, слишком много возникло бы ненужных вопросов. Нет, у него была идея получше. Он станет Юрием, позволит монашку говорить от своего имени, а когда придет время, тот станет его избранным – парень, пришедший из ниоткуда и получивший великую силу. Всем так понравилась Алинина сказочка. И эта понравится тоже.

Он отправится в Каньон. Найдет последователей Беззвездного святого. Научит этот мир благоговеть.

22. Нина

Нине не хотелось выбираться из кровати. Ханна сказала родителям, что та заболела, что устрицы, поданные вчера к завтраку, не пошли ей впрок.

– Я и забыл, что она непривычна к роскошествам Ледового Двора, – сказал Брум, чей голос долетал до нее через приоткрытую дверь. – Но она должна присоединиться к нашему празднику.

«На это я должна бы разозлиться».

Мысль мелькнула и пропала. Ей казалось, что она тонет, но всплывать на поверхность не хотелось. Хотелось просто лежать здесь, в этой кровати, под тяжелыми, как толща воды, одеялами. Не хотелось думать или делать вид, что с ней все в порядке.

Казалось, кто-то вскрыл ее грудную клетку и вынул сердце. Фьерданцы бомбили Ос Альту. Они бомбили дома, где в кроватках спали невинные дети, рынки, куда люди шли по своим делам. Они бомбили дом Нины, место, где она, будучи маленькой девочкой, нашла любовь и признание. Сколько ее друзей погибло? Скольких из них ранили? Она же была в кабинете Брума, видела карту столицы Равки, но ничего не поняла. Если бы только она… Нина погружалась все глубже и глубже…

Новость сообщили во время бала, сразу после королевской охоты. Она была с Брумами в бальной зале, в той же самой, где у принца случился приступ. В руках у нее была тарелка с копченой рыбой и икрой, и она лениво размышляла, что ни одного шпиона до нее так хорошо не кормили. Пошли слухи, что принцу Расмусу запретили присоединиться к королевской охоте, но ущерб его репутации был несколько сглажен рассказами о том, как хорошо он выглядел в охотничьем костюме, и о том, что он кажется крепче день ото дня.

– Еще посмотрим, – пробормотал Брум. – Плечики, подшитые к камзолу, не сделают из него сильного короля.

Старик Редвин на это только фыркнул.

– Надо посадить его на лошадь и посмотреть, что из этого выйдет.

– Это жестоко, – тихо заметила Ханна. – Вы смеетесь над ним из-за его слабости и порицаете, когда он осмеливается измениться.

Редвин рассмеялся.

– Твоя девочка успела привязаться к этому бледнолицему сопляку.

Но лицо Брума было холодным.

– Никто не порицает принца, Ханна. И тебе не мешало бы об этом помнить. Возможно, сейчас Расмус к тебе и благосклонен, но если его отношение изменится, я не смогу тебя защитить.

От его слов Нина вздрогнула, ясно припомнив хлыст в руке Расмуса и кровь на щеке его телохранителя.

Но Ханна не опустила глаз, встретив тяжелый взгляд отца с отчаянной решимостью. Нина понимала, что должна ее подтолкнуть, слегка коснуться руки, напомнить о том, что они должны выглядеть ранимыми и нежными, чтобы никто не увидел их истинной силы, но не смогла. Ведь это была настоящая Ханна, девушка с сердцем волка. Лечение принца шло на пользу не только самому Расмусу; оно напомнило Ханне о том, кем она могла бы быть, кем она стала бы, если бы Фьердой не управляла кучка мужчин, подобных ее отцу.

Их противостоянию положили конец крики из тронного зала, шум, переходящий в рев, затем в приветствия и аплодисменты.

– Что происходит? – спросила Ильва.

Нине никогда не забыть улыбки, озарившей лицо Брума, выражения чистого наслаждения.

– Столица Равки пылает! – крикнул кто-то.

– Мы разбомбили Ос Альту!

– Застали их врасплох!

Нина не могла точно сказать, откуда доносятся голоса. Люди пожимали руку Бруму, хлопали его по спине. Ей же казалось, что она стоит на берегу бушующего моря, и волны захлестывают ее снова и снова, а она отчаянно пытается удержать равновесие.

Ханна схватила ее за руку.

– О чем они? – прошептала Нина. Собственный голос прозвучал словно с огромного расстояния.

– Похоже, что был рейд, – ответила Ханна. – Фьерданские бомбардировщики нанесли удар по Ос Альте.

– Но это… это невозможно. Город слишком далеко.

Пол зашатался под ее ногами.

– Ты в порядке, Мила? – спросила Ильва.

– Соберись, – шепнула Ханна на ухо Нине. – Отец заметит.

Нина собрала всю свою выдержку и натянула на лицо выражение крайнего изумления.

– Так, значит, Николай Ланцов мертв?

Слова оставили гадкий привкус во рту. Она чувствовала, как течет по спине холодный пот.

– Нет, – с горечью признал Брум. – Проклятому бастарду удалось вывернуться на этот раз.

«На этот раз. А как же Адрик и Леони? Зоя? Все остальные?»

– Один из пилотов вернулся со странным рассказом про монстров в небе над городом, – продолжил Брум. – Думаю, его контузило.

– Помоги мне, – взмолилась Нина, глядя на Ханну. – Уведи меня отсюда.

И Ханна помогла, позволив потоку доброжелателей увлечь отца и мать и вытащив Нину из комнаты.

Нина не понимала, что с ней происходит. Ей уже доводилось видеть сражения. Она держала на коленях умирающего возлюбленного, и все равно теперь ей казалось, что весь мир осыпается горой осколков к ее ногам, словно сделанный из стекла. Сердце неслось вскачь. Платье казалось слишком тесным. Сколько людей погибло, пока она тут играла в шпионку? Она же видела карту, просто не поняла ее предназначение. Хотелось кричать, рыдать. Но Мила Яндерсдат не могла себе позволить ничего такого.

К тому времени, как они добрались до апартаментов Брумов, ее платье промокло от пота. Дрожа, Нина схватила таз для умывания, и ее вырвало. Она без сил опустилась на пол. Ноги отказывались ее держать.

Будь благословенна сила Ханны, потому что именно она дотащила Нину до кровати и переодела ее в ночную рубашку. Нина знала, что вот-вот лишится чувств. Она схватила Ханну за руку.

– Заставь его заболеть, – потребовала она.

– Что?

– Ханна, возвращайся на праздник как ни в чем не бывало. Мне нужно, чтобы ты ослабила принца.

– Но Расмус…

– Пожалуйста, Ханна, – взмолилась Нина, стиснув ее пальцы. – Сделай это ради меня.

Ханна убрала пряди волос с покрытого потом лица Нины.

– Хорошо, – согласилась она. – Хорошо. Но обещай мне, что ты отдохнешь.

Лишь когда подруга ушла, Нина позволила себе погрузиться в волны беспамятства. Так она и пролежала, зарытая под толщей одеял, целую ночь и следующий день. Ханна пришла и ушла. Она пыталась заставить Нину поесть. Но Нина слышала ее словно с далекого расстоя-

ния. Она плыла в каком-то потоке тишины и хотела остаться здесь, погруженная в безмолвие. Слишком много боли ждало ее на земле.

Но за дверями в ее комнату раздался голос Брума.

– Меня не волнует, что она больна. Пусть хоть при смерти лежит. Если королева желает ее видеть, эта торговка рыбой пойдет без разговоров.

Королева Агата. Нина смутно припоминала, что говорила Ханне. Инстинкты возобладали над потрясением, и ей хватило сил привести новый план в действие. Но теперь нужно было взять себя в руки, чтобы извлечь из ситуации выгоду.

– Уверена, что, если дело в том, что она съела, ей уже должно было стать лучше, – вставила Ильва. – Пойти на встречу с королевой необходимо.

– У меня нет времени на все это. Через полчаса мне нужно быть за стеной на *Дрокстеринге*. Я не стану заставлять своих людей ждать из-за простушки со слабым желудком.

Дрокстеринг. Нина постаралась запомнить это слово. Оно было из старофьерданского и обозначало празднование победы в войне. Действо проходило в лесах и, как правило, растягивалось на всю ночь.

– Я приведу ее, – сказала Ханна. – Только… только дайте мне минутку, привести ее в порядок.

Нина заставила себя сесть. От ее кожи шел кисловатый запах пота и страха. Волосы спутались, а голова кружилась от голода и обезвоживания.

– Ты встала! – воскликнула Ханна, кидаясь к ее кровати. – Джель милосердный, я уж было подумала, что ты ушла от меня навсегда.

– Я встала, – прохрипела Нина.

Ханна налила ей стакан воды.

– Нина, слуги королевы здесь. Они принесли паланкин. Она говорит, что услышала о твоей болезни и теперь хочет показать тебя своему личному доктору.

Нина сильно сомневалась, что королева хочет именно этого.

– Есть какая-нибудь еда? – спросила она.

– Могу принести бульон и подсушенный тост. Ты меня слышала? Королева…

– Слышала. Чашку бульона, пожалуйста.

– А еще тебе нужно помыться.

– Как грубо.

– Зато честно.

У Нины не было времени на ванну, поэтому она постаралась как можно тщательнее обмыться холодной водой из таза для умывания и воспользовалась духами. Холод ее не смущал. Ей нужно было что-то, способное ее разбудить.

Она провела щеткой по волосам, но вот с серым цветом лица и тенями под глазами сделать ничего было нельзя.

– Ханна, можешь мне помочь? – спросила Нина, взявшись за бульон. – Нужно, чтобы ты перекроила меня. Можешь сделать меня…

– Менее похожей на труп?

– Нет, лучше. Праведной.

Ханна подвела ее к окну, где было больше света. Ее руки мягкими движениями скользили по лицу Нины.

– Можешь не задерживать дыхание, – разрешила Ханна.

Нина прикусила губу.

– Прекрати! – велела Ханна, схватив ее за подбородок. – Ты разрушишь все мои труды.

– Прости.

Щеки Ханны вспыхнули, и она отпустила Нинин подбородок, сосредоточившись вместо этого на волосах.

– Твой отец упоминал что-нибудь о пропавших письмах? – спросила Нина.

– Я не слышала, чтобы он с кем-нибудь обсуждал их, и, насколько знаю, не было введено никаких новых протоколов безопасности.

Тогда Брум, наверное, еще не успел понять, что они пропали, но поймет, как только откроет сейф.

– Вот! – заявила Ханна мгновение спустя. – Готово.

– Так быстро?

Ханна подала ей зеркало.

– Смотри сама.

Нина посмотрела на свое отражение. Ее кожа сияла, как полированный мрамор, румянец, нежный, как лепестки роз, цвел на щеках. Светлые волосы лежали платиновой волной. Она выглядела так, словно искупалась в лунном свете.

– Ты тренируешься.

Ханна выглядела почти виноватой.

– Немного. На себе. Почему королева хочет тебя видеть?

– Здоровье ее сына ухудшается.

– Из-за меня.

– Из-за того, что я умоляла тебя помочь мне, помочь нашим странам.

– Как страдания принца должны помочь Равке и Фьерде?

– Ты должна мне довериться, – попросила Нина. – А Расмусу пойдет на пользу немного пострадать, после того, что он сделал с Йораном в охотничьем шатре.

– Ему не нравится чувствовать себя слабым, – вступилась Ханна.

– Никому не нравится. Но нельзя быть добрым лишь тогда, когда чувствуешь себя хорошо.

В дверь постучали.

– Ханна. – Голос Ильвы был тихим, но встревоженным. – Миле пора идти. Прямо сейчас.

Они завернули Нину в халат Ханны и накинули на волосы и плечи шаль, чтобы Ильва с Брумом не увидели результат портновского искусства дочери.

Тяжело опираясь на Ханну, Нина позволила вывести себя в коридор и усадить в паланкин, который держали слуги королевы.

– Она тяжелая, – посетовал один из них.

– От нее больше проблем, чем пользы, – пробурчал Брум.

– Папа! – воскликнула Ханна.

– Довольно, Ярл, – возмутилась Ильва. – Она плохо себя чувствует.

Нина откинулась назад и смотрела на потолок все время, пока ее несли по коридорам Белого острова. Потом прикрыла глаза и потянулась к духам на кладбище, к Линор Рудхольм, бывшей фрейлине королевы. «*Скажи то, что мне нужно знать. Скажи мне, чего ты хочешь*».

Ответ был ясным и жестоким: «*Чтобы род Гримьеров прервался*».

Этого Нина обещать не могла. Выбирая между жестокостью Брума и мелким пакостничеством принца Расмуса, она склонялась к принцу. Фьерда вместе с самой судьбой сговорились, чтобы заставить ее выбирать между двумя никудышными вариантами.

«Я могу обещать лишь месть. А теперь говори со мной».

Паланкин принесли в тот же тронный зал, где Нина встречалась с королевой прежде.

– Тебе нужно посетить моего доктора? – требовательно спросила королева, восседающая на своем алебастровом троне.

Нина села прямо, позволив шали соскользнуть, а свету из окон осветить ее свежесотворенное лицо.

– Мне не нужен доктор. Чем он смог помочь вашему сыну?

Королева резко втянула воздух.

– Поставьте ее, – велела она. – И уходите.

Мгновение спустя слуги удалились, оставив их наедине – королеву, сидящую на троне, и Нину, стоящую перед ней.

– Так ты не была больна? – спросила королева.

– Я впала в транс, – легко солгала Нина. – Где ваш сын, королева Агата?

– Он не встает с постели. И… и постоянно кашляет кровью. Что с ним происходит? Я молилась каждый день, дважды в день, я…

– Ваша жажда войны разгневала Джеля.

Королева Агата нахмурилась.

– Нападение на Ос Альту?

– Именно гриш спасла вашего сына и подарила ему благословение Джеля.

– Но это нападение стало большой военной победой Фьерды!

Конечно, стало. Нина все еще видела перед собой торжествующее лицо Брума в тот вечер, крики ликующей толпы. Но сказать королеве прямо о том, что ей нужно, она не могла. Агата должна была прийти к этому сама.

Нина подняла голову, зная, что свет обрисует контуры ее лица.

– Знаете ли вы, что находится между Большим и Малым дворцами в столице Равки?

Агата потянулась к пуговицам на серебряном платье, словно то внезапно стало слишком тесным в груди.

– Королевская часовня.

– На месте Первого алтаря. Где возносились первые молитвы первым святым.

– Это фальшивая религия.

Но ее слова прозвучали тихо и неуверенно.

– Именно туда Фьерда направила удар.

– Это был приказ Ярла Брума, а не моего сына.

– Разве не вы правите этой страной? Разве все это делается не именем Гримьеров?

Агата облизала губы.

– По… по Джерхольму ходят слухи, что гриши – дети Джеля.

Наконец-то. Это прорыв.

– Джель – заботливый отец. Он защищает своих детей. Как и любой другой любящий родитель.

Королева сжала виски пальцами, словно от одной мысли о гришах, осененных божественным благословением, могла расколоться голова.

– Это ересь.

Нина широко и беспомощно развела руками.

– Я не могу объяснить всего.

– Ты – лгунья и еретичка. Ты противоестественна, со всеми твоими трансами и предсказаниями. Ты…

Нина откинула голову и закатила глаза, блеснув белками.

– Кровь все текла и текла. Ты знала, что потеряешь и этого ребенка, как всех предыдущих. И отправила свою милую Линор в подземелья, чтобы она привела тебе целительницу – гриша. Ее звали Полина. Ты пообещала ей свободу. Но на самом деле не собиралась отпускать ее. Она проводила с тобой часы, сидела рядом ночами. Она была рядом день за днем, исцеляя тебя и твоего малыша прямо в утробе. Она рассказывала истории, когда тебе было тревожно. А когда ты плакала, пела колыбельную.

– Нет. – Вырвавшееся слово походило на стон.

Нина пела ужасно, но она приложила все усилия, чтобы следовать мотиву, напеваемому ей мертвой фрейлиной.

– *Dye ena kelinki, dya derushka, shtoya refkayena lazla zeya.*

Это была старинная равкианская народная песня. *«Далеко в горах, высоко в деревах жар-птица спит на златых ветвях».*

– Ты… ты знаешь равкианский?

– Никогда прежде не произносила ни слова. Я знаю лишь то, что показывает мне Джель. Полина рассказала тебе, что у нее есть дочь, и ты обещала, что она сможет увидеть свою крошку снова.

У королевы вырвалось рыдание.

– Мне нужна была ее помощь!

– Джель прощает вас за это. – «*А я – нет,* – подумала Нина. – *Ваш древесный бог слишком уж великодушен».* – Но он не простит новых убийств гришей. Только не тогда, когда одному из них ваш сын обязан жизнью.

– Я… но как я могу остановить все это? Наш народ хочет войны.

– Так вам сказали или вы узнали это сами? Ваши генералы хотят войны. Простые люди хотят, чтобы их сыновья и дочери остались в живых. Они хотят мирно жить в своих домах и растить хлеба. Так кого вы станете слушать – генералов или Джеля? Выбор за вами.

Нина вспомнила строчку из книги о святых, прочитанную когда-то в детстве: *«Вы можете выбрать путь веры или путь страха. Но лишь один путь приведет вас туда, куда вы стремитесь попасть».*

– Я не знаю, что мне делать.

– Знаете. Прислушайтесь. Вода слышит и понимает.

Она поклонилась и повернулась к выходу.

– Ты смеешь показывать мне спину?

Рискованный шаг, но Нина должна была продемонстрировать Агате, что она закована в броню веры. Она не могла позволить себе выказать страх.

– Вам следовало бы беспокоиться о Джеле, моя королева, – заметила она. – Сделайте так, чтобы он не повернулся к вам спиной.

Она выскользнула из тронного зала и поспешно зашагала по коридору. Зашла ли она слишком далеко или это было в самый раз? Приведут ли посаженные ею семена к миру? Или она просто поставила под угрозу свою жизнь и жизнь Ханны?

Сейчас раздумывать над этим было незачем. Она сделала свой выбор, и впереди ждало еще много работы. До этого рассудок ее был затуманен, и она не придала значения словам, которые Брум произнес под дверью комнаты, но теперь в мозгу вспыхнуло слово – «Дрокстеринг». Дрюскели сегодня ночью уйдут в лес, далеко от Ледового Двора, чтобы отпраздновать подлое нападение на Равку.

И у нее появится шанс помочь Магнусу Опьеру сбежать из сектора дрюскелей. Равка истекала кровью, и Нина была не в силах исправить чудовищный ущерб, нанесенный врагами. *Но Николай Ланцов все еще был жив.* А значит, была жива и надежда. Она могла нанести удар по Фьерде и, возможно, обеспечить своему королю небольшое преимущество в этой борьбе.

Пришло время устроить кое-кому небольшие неприятности.

23. Николай

Николай собирался поспать, но, проворочавшись с боку на бок достаточно, чтобы понять бесплодность своих попыток, поднялся с непривычной ему кровати в Ирисовых Покоях с твердым намерением поработать. Но и в этом не преуспел. Он уже написал письмо в Кеттердам, и теперь оставалось лишь дождаться ответа. Хоть он и пытался сосредоточиться на чертежах ракеты, привезенных им из Лазлайона, невозможно было смотреть на планы, нарисованные Давидом, с пометками на полях, сделанными его корявым почерком, и не сдаться под натиском печали, не утонуть в бесконечной череде размышлений о том, что могло бы спасти жизнь его другу. Перед глазами стояло изломанное тело Давида, извлеченное из-под завалов, кровь и грязь на его расплющенной груди.

Николай подошел к окну. Территорию дворца укрыл снег. Отсюда не было заметно следов устроенной бомбежкой разрухи. Мир, казалось, замер в тишине, спокойствии и безмятежности. Он отправил весточку Тамаре с просьбой разузнать, знала ли шуханская королева о предстоящем нападении, встречались ли шуханцы и фьерданцы, чтобы заключить союз против Равки – той кости, из-за которой они грызлись вот уже несколько веков. Но он думал, что дело не в этом. У Макхи была своя шпионская сеть. Она видела, что Равка слаба, и решила заполучить ее с помощью интриг, до того, как Фьерда сделает это с помощью силы. Если бы не храбрость Исаака и любовь судьбы к закрученным поворотам сюжета, шуханской королеве это вполне бы удалось. Но там, где Макхи не преуспела со скальпелем, Фьерда могла справиться с помощью топора. Они, должно быть, радуются сейчас каждому разрушенному зданию, каждому уничтоженному кораблю и флайеру, даже не подозревая, удар какой силы нанесли Равке: Давид Костюк был мертв.

Дружба Николая с Давидом была не напоказ. Они особо не делились личными тайнами и не распевали в подпитии застольные песни. Большую часть совместного времени они проводили в молчании, разбираясь в сложных инженерных проблемах, оценивая работу друг друга, подталкивая друг друга вперед. Для Давида могущество и очарование Николая не имели значения. Его волновала лишь наука.

Здесь, в своей мастерской, вдали от линии фронта, он должен был находиться в безопасности. Но безопасности больше не было нигде. К северу отсюда фьерданцы поднимали бокалы за внезапное нападение и ждали, чем же ответит Равка. Когда Равка не сможет ответить, ждать они больше не станут. Они начнут вторжение. Но откуда? Когда?

Движение в саду под окнами привлекло его взгляд. Он заметил темные волосы, синий шерстяной плащ. Зоя. Она прошла мимо кустов и фонтанов, направляясь в сторону леса.

У него не было шанса поговорить с ней с тех пор, как она вернулась. Он не винил ее за то, что она его избегала. Он послал ее на задание, не обеспечив соответствующей поддержкой. Он позволил врагам вторгнуться в их дом. Но куда же она направлялась сейчас? Николай никогда не позволял себе задумываться о Зоиных ночных прогулках по дворцу. Ему и не хотелось. Если у нее и был любовник, то это никак его не касалось. И все же в уме он перебирал вероятности, и каждая почему-то была хуже предыдущей. Один из королевских стражей? Симпатичный инферн? Она всегда была приветлива с генералом Пенским, и в этом виноват был сам Николай. Он заставил их тесно сотрудничать. Конечно, генерал был на двадцать лет старше ее и носил весьма пышные, а лучше сказать, роскошные усы, но кто Николай такой, чтобы осуждать ее вкусы?

Он натянул брюки прямо поверх ночной рубашки, нырнул в пальто и ботинки и, вылетев из спальни, за считанные секунды преодолел коридор, не придавая значения встревоженным взглядам стражи.

– Все в порядке! Вольно! – крикнул он на бегу. После нападения фьерданцев все были на грани, и не было никаких причин вгонять кого-то в панику из-за того, что ему приспичило изображать влюбленного мальчишку.

Что вообще он собирается сказать ей? *«Я вижу, ты спешишь на свидание, остановись, именем короля?»*

Ее сапоги оставили следы на снегу, и он углубился в лес. Но под деревьями было темно, и след терялся. «*Это ошибка*». У нее есть право на личную жизнь. Да и ему, черт возьми, ни капли не хочется увидеть ее в объятиях другого мужчины.

Он уловил тень движения между ветвей. Зоя стояла лицом к изгороди, опоясывающей западную часть сада. Дыхание облачками пара вырывалось из ее рта, шевеля обрамляющий лицо мех серебристой лисы на ее капюшоне. Проклятье, ну куда она может здесь пойти?

Она прошла вдоль стены к дальней части парка фонтанов, где он играл ребенком и где сейчас находился секретный туннель в Лазлайон. Он открыл было рот, чтобы окликнуть ее, – и замер, потому что Зоя отвела плотную завесу из плетей винограда, под которой в стене обнаружилась дверь.

Он не мог не принять вызов. То, что у Зои есть от него секреты, его не удивляло, но что они есть и у дворца?

– Я думал, это время миновало, – пробормотал он.

Зоя вытащила из кармана ключ и, открыв дверь, исчезла внутри. Он помедлил. Она не закрыла дверь за собой. «*Поворачивай,* – велел он себе. – *Ничего хорошего из этого не выйдет*».

На досках двери были вырезаны две звездочки, похожие на звездочки с фрески в ее комнате – две крохотные искорки, нарисованные на флаге мечущейся по штормовому морю лодочке. Он никогда не спрашивал, что они значат.

Ему нужно было узнать, что скрывается с той стороны двери. В самом деле, это может быть вопросом национальной безопасности.

Николай миновал завесу из высохших лоз и оказался, как сразу стало понятно, в бывшем дворцовом огороде. Он считал, что огород давно зарос, поглощен лесом, после того как овощные грядки перенесли поближе к кухне. Его не было ни на одном из новых планов дворца.

Но чем бы ни было это место когда-то, теперь оно полностью изменилось. Здесь больше не было ни ровных рядов капусты, ни аккуратных изгородей, столь любимых дворцовыми садовниками. Вдоль дорожек росли ивы, чьи обледеневшие ветви подметали мягкие сугробы, словно волосы вдов, склонившихся до земли под грузом горя. Цветы и кустарники всех мастей разрослись далеко за пределы клумб и побелели от мороза, образовав свой собственный мир из снега и льда, сад-призрак. Зоя зажгла лампады вдоль старых каменных стен и теперь стояла спиной к нему, похожая на статую, которая изначально была частью этого сада, как те каменные девы, которых обычно ставят в центре лабиринта.

– Мне не хватает места, – сказала она, так и не повернувшись.

Значит, все это время она знала, что он рядом. Хотела ли она, чтобы он пошел за ней?

– Ты ухаживаешь за этим садом? – Он попытался представить себе Зою, утирающую со лба пот, выступивший под палящим солнцем, с грязью, забившейся под ногти.

– Когда мою тетю убили и я вернулась в Малый дворец, чтобы сразиться с Дарклингом… Мне нужно было место, где я могла побыть одна. Я тогда гуляла по лесу часами. Там меня никто не беспокоил. Я уже не помню, когда нашла дверь, но мне показалось, что это моя тетушка оставила ее, чтобы я обнаружила, чтобы решила ее загадку.

Лицо Зои было поднято, капюшон соскользнул, и идеальный профиль четко выделялся на фоне мерцающего звездами неба. Начал падать снег, и снежинки путались в ее темных волосах.

– Я сажаю новое растение в память о каждом погибшем грише. Сердцелистник для Мари. Тис для Сергея. Астильбу для Федора. Даже для Ивана нашлось место. – Она коснулась паль-

цами замерзшего стебля. – Этот к лету зацветет ярко-оранжевыми цветами. Я посадила его для Хэршоу. Эти георгины были посажены для Нины, когда я думала, что ее схватили и убили фьерданцы. Летом на них расцветают ужасно странные красные цветы. Размером с обеденную тарелку. – Теперь она повернулась, и он увидел слезы на ее щеках. Она подняла руки в полумолитвенном, полурастерянном жесте. – Мне не хватает места.

Так вот, значит, куда ускользала Зоя по ночам все те разы, что он видел ее, – не к любовнику, а в этот сад скорби. Здесь, вдали от любопытных глаз, там, где никто не видел, как трескается ее броня, она плакала. Здесь, где гриши могли жить вечно – каждый потерянный друг, каждый погибший солдат.

– Я знаю, то, что я сделала, непростительно, – сказала вдруг Зоя.

Николай изумленно моргнул.

– Ты, несомненно, заслуживаешь наказания за свои преступления… но за какие именно?

Она злобно воззрилась на него.

– Я упустила самого ценного нашего пленника. Я позволила самому опасному врагу вернуть свои силы и впала в бешенство.

– «Бешенство» звучит как преувеличение. Скорее, в ярость.

– Не делай вид, что все забыто. Ты почти не смотришь на меня с тех пор, как я вернулась.

«Потому что потом мне будет трудно отвести от тебя взгляд. Потому что перспектива столкнуться с этой войной, с этими потерями без тебя приводит меня в ужас. Потому что мне совсем не хочется сражаться за будущее, если я не придумаю способ провести его с тобой».

Но он был королем, а она его генералом, и ничего из этого сказать он не мог.

– Я смотрю на тебя сейчас, Зоя. – В тишине замерзшего сада его глаза встретились с ее, синими, глубокими, как колодцы. – Ты никогда не должна просить у меня прощения.

Он помедлил. Не хотелось сообщать, что его связь с тем, кого она так ненавидит, стала крепче, но и иметь секреты не хотелось тоже. Если они выживут в этой войне, если каким-то чудом смогут удержать фьерданцев от вторжения в Равку, ему придется заключить настоящий брак, настоящий союз с кем-то другим. Ему придется скрепить мир с фьерданцами, женившись на их представительнице, или умаслить раненую гордость керчийцев, навсегда связав себя с дочерью Хайрема Шенка. Но это ждало его в будущем, которое могло никогда не наступить.

– Я почувствовал, когда Дарклинг вырвался на свободу. Демон… демон как-то об этом узнал. И на мгновение я оказался в той комнате вместе с вами.

Он думал, что она почувствует отвращение, даже страх, но Зоя лишь сказала:

– Жаль, что тебя там не было.

– Правда?

Теперь она выглядела ужасно раздраженной.

– Конечно. Кому еще я могла бы доверить прикрыть мою спину в бою?

Николай с трудом удержался от того, чтобы не пуститься в пляс.

– Это, пожалуй, самый лучший комплимент, который я когда-либо получал. А ведь однажды прима королевского балета сказала мне, что я танцую вальс как ангел.

– Может, если бы ты был там… – Ее голос прервался. Но им обоим было понятно, что в данной битве появление Николая ничего бы не изменило. Если уж Зое с солнечными солдатами не удалось остановить Дарклинга, существовала вероятность, что остановить его нельзя. «*Еще один враг, с которым неизвестно как бороться».*

Она мотнула головой в сторону стен.

– Видишь, что растет вокруг?

Николай уставился на перекрученные серые ветки, растущие по периметру сада.

– Терновник.

Обычный, предположил он, не тот древний лес, что нужен им для обисбайи.

– Я взяла отростки из туннеля, идущего к Малому дворцу. Это сплошные колючки, шипы и гнев, прикрытый миленькими, но бесполезными цветами, превращающимися в горькие, несъедобные ягоды. В нем нечего любить.

– Как же ты ошибаешься.

Взгляд Зои встретил его собственный, и в ее глазах блеснуло драконье серебро.

– Да?

– Посмотри, как он растет, защищая все в пределах этих стен, какой он сильный, сильнее всех в этом саду, стойко выносящий любую погоду. Несмотря на то, какой была зима, он расцветает снова и снова.

– А что, если зима слишком длинная и холодная? Что, если он не сможет снова зацвести?

Ему было страшно касаться ее, но решился. Он взял ее руку в перчатке в свою. Она ее не отняла, но закрылась от него, словно бутон цветка, смыкающий лепестки с приходом ночи. Тогда он обнял ее. Зоя, похоже, засомневалась, но с тихим вздохом позволила себе прильнуть к нему. Смертоносная Зоя. Яростная Зоя. Ощущение ее тепла рядом с ним было благословением. Он был сильным для своей страны, своих солдат, своих друзей. Но быть сильным для нее оказалось совсем другим ощущением.

– Тогда ты станешь ветвями без цветов, – прошептал он ей в волосы. – И поможешь всем нам сохранить силу до прихода лета.

– Это была не метафора.

– Конечно, нет.

Ему хотелось стоять так, под тихо падающим снегом, целую вечность, чтобы покой этого места укрыл их от остального мира.

Зоя вытерла глаза, и он понял, что она плачет.

– Если бы три года назад ты сказал, что я стану оплакивать Давида Костюка, я бы рассмеялась тебе в лицо.

Николай улыбнулся.

– Скорее, пнула бы меня.

– Он и я… у нас не было ничего общего. Нас связывало лишь решение поддержать Алину – решение сражаться с ней бок о бок, хоть мы и знали, что перевес на стороне Дарклинга. У него были более опытные бойцы, а еще многолетний опыт планирования.

– Но мы победили.

– Победили, – согласилась она. – Но ненадолго.

– Так как вы это сделали? Как мы это сделали?

– Честно? Я не знаю. Может, это было чудо. Может, Алина и впрямь святая.

– Ты бредишь от горя. Но если уж нам повезло с одним чудом, может, повезет и со вторым.

Они вышли из сада и углубились в лес. По дороге они уже привычно разделились – она к гришам, он в Большой дворец. Он хотел окликнуть ее. Хотел кинуться за ней по снегу. Но его стране не был нужен влюбленный мальчишка, ухлестывающий за одинокой девчонкой. Ей был нужен король.

– И она получит короля, – заявил он в пустоту и уверенным шагом двинулся в сторону темной громады дворца.

24. Майю

После того как королева Макхи заявила, что подумает над рассекречиванием лабораторий – тех самых, существование которых она до сих не признала, – Тамара и Майю сопроводили Эри в покои в дворцовом крыле, известном как Гнездо. Это были те самые комнаты, где выросла сама Эри, где растили всех детей Табан. Мальчиков учили и тренировали вместе с девочками, пока они не достигали возраста, в котором могли выбрать свою стезю – медицину, религию, армию. Все девочки считались потенциальными наследницами, хоть предпочтение зачастую отдавалось старшим дочерям.

Тамара и Майю охраняли Эри посменно. Они сомневались, что Макхи примет какие-то действия против принцессы, особенно когда находится под подозрением, но не собирались оставлять ей ни малейшего шанса. Тамара предупредила министров Нагха и Цзиун о том, что им тоже следует укрепить охрану собственных домочадцев.

Через три дня после их прибытия в облаках шелков и духов явились с визитом две сестры Эри. Керу, с глазами цвета кофе и неизменным рукоделием в руках, и Йени, с белой прядкой в пышных волосах и острым взглядом. Джхем не пришла, скорбя по своей дочери Акени, ставшей добычей тлена. Тамара выскользнула в соседнюю комнату, намереваясь подслушать их разговор, но оставалась наготове на случай опасности.

Майю не слишком хорошо знала принцесс. Ее включили в свиту принцессы Эри, а у прочих были свои собственные Тавгарады. Обе сестры были яркими и громкими, каждая по-своему впечатляла. В темных зимних шелках они напоминали драгоценные камни – изумруд, аметист, сапфир. Эри казалась цветком из другого сада, скромным, с бледными лепестками мятно-зеленого наряда, с ожерельем из зеленого агата на шее и серебряными гребнями в волосах.

Сестры попросили Эри рассказать им про Равку, принесли цветы и фрукты, чтобы поздравить ее с возвращением домой, рассказали о собственных планах замужества и консортах Макхи. И Керу, и Йени должны были вскоре выйти замуж и после этого навсегда лишиться статуса наследниц трона Табан.

– Керу отложила день свадьбы, – сказала Йени, трудясь над вышиванием букета фиалок.

– Лишь потому, что хочу найти правильный оттенок персикового шелка для свадебного наряда.

Йени подняла бровь и пробежала пальцами по белоснежной прядке в волосах.

– Скорее потому, что возможная наследница Макхи погибла.

Принцесса Эри судорожно вздохнула.

– Ей было всего восемь лет.

Йени снова коснулась волос рукой.

– Я… Я не хотела показаться черствой. Я имела в виду…

Керу проглотила кусочек сливы.

– Ты имела в виду, что я воспользуюсь смертью ребенка и добьюсь от Макхи, чтобы она назвала меня наследницей.

– Не говори мне, что это не приходило тебе в голову, – заявила Йени.

– Приходило, – признала Керу. – Но Макхи не назовет ни одну из нас.

– Однако ходят слухи, – хитро заметила Йени. – О тебе, милая Эри.

Эри не поднимала глаз от своих нетронутых слив.

– Да?

– Слухи о том, что ты вернулась без равкианского мужа, потому что собралась бросить вызов Макхи.

– Какая глупость, – сказала Эри. – Вы обе знаете, что я никогда не хотела короны. Я бы с радостью сидела где-нибудь на берегу моря и смотрела на волны или ухаживала за садом, как бабушка.

– Тогда зачем ты вообще пыталась выйти замуж за короля Равки?

– Потому что Макхи – королева и она мне велела. – Она встретилась с ними взглядом, сначала с одной, потом с другой. – А мы все должны делать то, что она велит.

Сестры согласно зашептались и через какое-то время допили чай и ушли, несомненно, затем, чтобы разобрать каждое слово, которое услышали.

Когда дверь за ними закрылась, Эри со вдохом откинулась на спинку кресла.

– Я вижу твой неодобрительный взгляд, Майю.

Майю не стала этого отрицать.

– У вас был шанс убедить их, переманить на свою сторону, рассказать о том, что пыталась сделать королева.

– Майю, у моих сестер еще меньше влияния, чем у меня. – Эри задумчиво смотрела на вазу с ярко-оранжевыми розами, которую она поставила в центр стола до прихода сестер. – Они либо поддержат Макхи, либо используют нашу размолвку, чтобы попытаться занять трон, а это сделает Шухан уязвимым.

– Они настолько властолюбивы?

Эри задумалась. Затем оторвала лепесток, успевший потерять свою свежесть, и сжала его в ладони.

– Нет. Ни одну из них не назовешь прирожденной интриганкой. Ни одну из них не готовили к трону. Но власть притягательна, поэтому нам лучше хранить свои секреты при себе.

Майю посмотрела на принцессу.

– Вы близки с сестрами?

– Так, как близки кеббен? Нет. Я люблю их, но по-настоящему ссориться нам не приходилось.

– Никогда?

– Думаю, нет. О, у нас, конечно, бывали мелкие дрязги. Как, наверное, и у всех сестер. Но мы никогда серьезно не ругались. Потому что не верили, что наша сестринская привязанность выдержит такое испытание. Поэтому мы всегда были очень вежливы друг с другом. Почему ты улыбаешься?

– Я вспомнила о Рейеме. О том, как мы обычно кричали друг на друга. Он меня однажды укусил. Сильно, до крови.

– Укусил?

– Я это заслужила. Я сбрила ему бровь, пока он спал.

Эри рассмеялась.

– Ты, похоже, была маленьким чудовищем.

– Так и было. – Но вспоминать о Рейеме было слишком тяжело. – Он никогда не был зол на меня, хоть у него были все основания стать вредным. У родителей он был любимчиком, но всегда делился со мной всем – книгами, сладостями. Он хотел, чтобы я была счастлива.

– Так всегда с кеббен, – сказала Тамара, войдя в комнату и взяв с блюда ломтик сливы. – Один не может быть счастлив, если другой страдает.

– Тогда… ты понимаешь, что мне пришлось сделать? Почему я согласилась на задание Макхи?

Тамара закинула в рот очередной ломтик сливы, медленно прожевала.

– Ты убила невинного человека. Исаак был безоружен.

– Он был лжецом, – заявила Эри, бросаясь на защиту Майю. – Притворщиком.

– Он служил своему королю, – возразила Тамара.

– Как и я служила своей королеве, – сказала Майю, хотя эти слова отдавали пеплом на языке.

– И все же лишь один из вас мертв.

Она была права. Исаак заслуживал лучшего.

– Но ты поможешь мне найти брата, – сказала Майю. Ее слова не были вопросом. Она не могла позволить горю и стыду поглотить ее, пока Рейем не окажется на свободе.

– Помогу. Но не ради тебя или твоего брата. Единственный способ положить конец пыткам гришей – это найти лаборатории, где создают кергудов.

Эри дернула за струну хатуур, лежащий на чайном столике.

– Перед нами долгий путь, и ни одной из нас не пройти его в одиночестве. Давайте не будем омрачать его ссорами. Всем нам довелось пережить потери.

Майю положила руку на рукоять своего изогнутого меча.

– А что потеряли вы, Эри?

В глазах принцессы мелькнула грусть.

– Разве ты не догадалась, Майю? Сестру.

В этот момент в небе над городом вспыхнули огни фейерверков – голубых и золотых. Цвета Равки.

– Это знак, – сказала Тамара. – Посланник королевы Макхи в пути.

Говорили, что никому не известны все тайны дворца Амрат Ена, но Тавгарадам было известно больше, чем всем остальным. Существовало множество тайных ходов, по которым перемещались как сами стражи, так и члены королевской семьи, скрытые комнаты, откуда за королевской особой можно было присматривать, не беспокоя ее, и, конечно, секретные выходы на случай непредвиденных ситуаций или восстания.

Майю провела Тамару и Эри по тайной лестнице в туннель, проходящий под садами и заканчивающийся за дворцовыми стенами – точнее, за тем, что от них осталось. Тлен поразил это место. Эта часть парка и фруктовых садов выглядела как воронка взрыва и оставляла ощущение, схожее со старой шахтой, выработанной до того, что в ней не осталось ни капли жизни.

– Что это? – спросила Эри. – Чем это вызвано?

– С этим врагом придется разобраться позже, – сказала Тамара. – Не останавливайтесь.

Следом за ней они спустились с пологого холма в сливовые сады и уселись в экипаж, ждавший их там. Тамара перемолвилась парой слов с двумя всадниками. Те были одеты как крестьяне, но носили револьверы.

– К королеве, – велела Тамара. Но прежде, чем Майю смогла разглядеть их получше, всадники пустили лошадей в галоп, поскакав прямо через поля.

Несмотря на то, что главные дороги поблизости от дворца были хорошо ухожены, чтобы избежать лишнего внимания, экипажу пришлось ехать по проселочным дорогам, и его кидало из стороны в сторону на каждом ухабе. Майю с Тамарой привыкли к таким поездкам, а вот принцесса, как заметила Майю в тени экипажа, чувствовала себя ужасно.

Майю считала мили в голове, пытаясь разглядеть придорожные столбы. Если карта в ее голове была верной, они направлялись в долину Кем Аба. В основном там занимались сельским хозяйством и животноводством, но также вполне могли быть скалы и каньоны, где можно было спрятать правительственную лабораторию.

Экипаж сбросил скорость, и Тамара открыла дверцу, встав на подножку, чтобы поговорить с очередным всадником, скачущим с ними бок о бок.

– Это место в миле отсюда, – сказала она, когда экипаж остановился. – Дальше лучше пешком. Неизвестно, что нас там ждет.

– Дирижабль? – спросила Эри.

– Уже вылетел.

Эри потеребила нижнюю губу зубами.

– А что, если мы ошиблись? Что, если там ничего нет? Если моя бабушка…

– Время колебаний прошло, – перебила ее Майю. – Идем вперед.

Ночь была темной, холодной и тихой, лишь кваканье лягушек и шорох ветра в тростнике нарушали безмолвие. Майю с радостью выбралась из экипажа. Ощущение земли под ногами вселяло уверенность, ускоряло реакцию.

Через несколько минут она заметила огромное строение с островерхой крышей.

– Что это за запах? – поморщилась Эри.

– Навоз, – ответила Тамара.

Где-то впереди раздалось низкое мычание.

– Это молочная ферма, – воскликнула Майю.

Тамара подала им знак двигаться дальше.

– Здесь была молочная ферма.

Королева Макхи спрятала свою секретную лабораторию на видном месте. Но ее гонец привел их прямо к нужной двери.

Она заглотила наживку. Эри намеренно сказала Макхи, что оставила охранников-гришей во дворце Тысячи Звезд для охраны бабушки. Они знали, что эта угроза не остановит Макхи, и знали, что использовать Тавгарадов для нападения на Леути Кир-Табан она не сможет. Те никогда бы не подняли руку на королеву Табан, пусть даже она больше и не сидела на троне. Так кого могла бы использовать Макхи против боевого отряда гришей? Конечно, солдат, которых, предположительно, не существовало – *кергудов.* Чтобы задействовать их, ей пришлось отправить гонца с сообщением в одну из секретных лабораторий, и шпионы Тамары последовали за ним.

Майю оставалось лишь надеяться, что Рейем сейчас именно в этих стенах. Никаких охранных постов вокруг фермы не было, только нечто похожее на сторожку.

– Мы точно знаем, что это здесь? – спросила она.

Тамара кивнула.

– У сторожа винтовка. Если коровы тут не пытаются идти на прорыв, такая огневая мощь явно ни к чему. – Она махнула вправо, в сторону забора. – А в кронах тех деревьев сидит дозорный.

Майю и Эри уставились в темноту.

– Откуда ты знаешь? – спросила Майю.

– Чувствую его сердцебиение, – объяснила Тамара. *Сердцебитка.* Иногда Майю забывала. Тамара была смертельно опасна даже без своих топоров или пистолетов.

– Останьтесь здесь, – велела она.

– Никогда не делала ничего подобного, – прошептала Эри, когда они остались одни в темноте. – А ты?

– Только во время тренировок, – призналась Майю.

Она же была Тавгарадом. Она не должна была бояться смерти. Она вообще ничего не должна была бояться. Но она никогда не видела настоящего сражения, никогда не участвовала в настоящей битве. Исаак стал первым человеком, которого она убила.

Что ждало их за этими дверями? И если их поймают, что она станет делать? Ответ пришел быстрее, чем она ожидала. Она будет сражаться до последней капли крови – за себя, за брата, за Исаака, который погиб без вины. Она попыталась призвать ту сосредоточенность и спокойствие, которые в нее пытались вдолбить инструкторы.

Возможно, она слишком долго прожила в городе. Ей казались непривычными и черное, бездонное небо с россыпью звезд на нем, и звуки, заполняющие этот простор: лягушачий хор, стрекот сверчков и чье-то чириканье в ветвях деревьев. Она раздраженно вздохнула.

– В деревне намного больше шума, чем я ожидала.

Эри прикрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Вот о чем я так мечтаю.

– О ферме?

– О мире. Я всегда мечтала построить собственный дом в горах, в ущелье, где можно было бы соорудить небольшой амфитеатр и, возможно, преподавать музыку. А ты бы отправилась со мной, я полагаю. Ты и остальные мои Тавгарады.

Молчание повисло между ними, как дань памяти женщинам, которых они обе знали.

– Они не кричали, – произнесла Эри с дрожью в голосе. – Я кричала, пока они сгорали. – Она открыла глаза, и в них блеснули слезы, превращенные лунным светом в капельки серебра. – А ты бы сделала это? Если бы не оказалась в лазарете и получила приказ от моей сестры?

Да. Даже не ради Рейема. Не ради ее долга перед ним. И сейчас она понимала, что нарушает клятву, которую когда-то дала и которой жила все это время, – защита королевы Табан превыше всех остальных. Она состояла на службе у Эри, входила в ее свиту, но в конечном итоге именно королева Макхи была той, кому она служила. Майю нравилась эта простота, эта определенность. Больше ее никогда не будет.

– Я бы умерла вместе со своими сестрами, – подтвердила она.

– И этим приговорила бы к смерти и меня?

– Я не знаю. – Майю вспомнилось замешательство в глазах Исаака, когда он понял, что она сделала. Он пытался сказать ей, что он не король. Но к тому времени было слишком поздно. – Я считала, что понимаю смерть. Теперь я в этом не уверена.

Они услышали тихий глухой звук, а секунду спустя к ним подбежала Тамара.

– Ты убила его? – спросила Эри.

– Просто замедлила пульс. Некоторое время он полежит без сознания, а потом очнется с головной болью.

Майю увидела, во что одета Тамара, и ужаснулась.

– Где ты это взяла? У тебя нет права носить…

– Я не могу войти туда в равкианской военной форме. И прав у меня достаточно. Я – гриш. Таких, как я, подвергают пыткам в этих стенах.

Майю постаралась погасить вспыхнувшую было внутри ярость. На Тамаре был черный мундир Тавгарадов, короткие волосы спрятались под заломленной набок черной пилоткой, на плече был вышит сердоликовый сокол. Майю понимала, что эти вещи, эти символы отличий и традиций, не должны больше иметь для нее значения. Но они имели.

Она постаралась разглядеть что-нибудь в темноте за спиной Тамары.

– Они внутри?

– Гонец королевы Макхи прибыл за пятнадцать минут до нас. Он уже ускакал. Свет горит, но на первом этаже нет окон. Возможно, они прямо сейчас готовят кергудов к нападению, а возможно, решили подождать до утра. Я не знаю, с чем мы столкнемся. Эри, мы, возможно, будем вынуждены принять бой…

– Меня учили сражаться.

– Я знаю, – сказала Тамара. – У нас был поединок, и я помню, что вы сможете постоять за себя. Но *кергуды* – необычные солдаты, и если с вами что-нибудь случится, все наши планы рухнут. У нас не будет рычага давления на Макхи. Поэтому придерживайтесь плана и, если что-то пойдет не так, бегите. Выбирайтесь наружу и возвращайтесь к Нагху и Цзиун.

Эри кивнула.

– Хорошо.

Тамара махнула Майю.

– Идем.

Встав по бокам от принцессы Эри, они двинулись прямо к главной двери.

– Эй, вы! – окликнул их сторож, поднимая фонарь повыше.

– Назовите… ох! – Он согнулся в глубоком поклоне. – Принцесса Эри, мы слышали, что вы вернулись к нам, но… мы… простите, ваше высочество, но нам не сообщили о вашем прибытии. Особенно в такой час.

– Гонец доставил вам сообщение сестры?

– Несколько минут назад.

– Распоряжения королевы изменились, и я должна их доставить.

Она продемонстрировала свиток, запечатанный зеленым воском.

– Могу я взглянуть?

– Прошу прощения?

Эри, казалось, выросла на шесть дюймов. Брови изумленно выгнулись. В голосе зазвенел лед. Несмотря на подбородок с ямочкой и миниатюрный рост, сейчас она была копией королевы Макхи. И это было замечательно, ведь на зеленом воске не было оттиска королевской печати.

У сторожа был такой вид, словно он готов немедленно провалиться под землю.

– Простите меня, ваше высочество. – Он зазвенел ключами.

Дверь открылась в сумрачную прихожую. За столом сидели двое мужчин. На одном была военная форма, а второй был в докторском халате. Они выглядели чуть сонными, словно их недавно подняли с кроватей. Перед ними лежала стопка бумаг и бутылек с коричневато-оранжевой жидкостью.

– Принцесса Эри Кир-Табан доставила сообщение от своей августейшей сестры, – почтительно выдохнул сторож.

Солдат и доктор поднялись и поклонились, но лица у них были озадаченные.

– Моя сестра передумала использовать кергудов для этого задания, – заявила Эри.

Доктор поднял бутылек с жидкостью.

– Мы их еще не будили. Нам отложить процедуру?

Эри переплела пальцы рук, и Майю поняла, что она пытается скрыть волнение.

– Да. Да, отложите. Но, раз уж мы здесь, мы бы хотели все осмотреть.

Мужчины обменялись неуверенными взглядами.

– Сестра заверила, что я буду просто поражена теми успехами, которых вы здесь достигли.

– Королева говорила с вами обо мне, – удивился доктор. – Польщен.

Эри одарила его самой теплой из своих улыбок.

– Значит, вы покажете мне и моим стражам ваш замечательный проект?

Солдат окинул взглядом черные мундиры Тамары и Майю.

– Будет лучше, если они останутся здесь. Это полностью засекреченный объект.

Принцесса весело рассмеялась.

– Полагаете, моей сестре об этом неизвестно? Но она бы ни за что не послала меня сюда без моей охраны. – Принцесса прищурилась. – А почему вы хотите оставить меня без защиты?

– Я… я бы никогда…

– У меня есть враги в правительстве. Как и у каждого члена рода Табан. Может быть, сейчас вы увидели возможность нанести удар нашей семье?

– Нам забрать его для допроса? – спросила Тамара.

– Нет! – Солдат выставил перед собой поднятые руки. – Я исключительно верен роду Табан. И рад пригласить вас со стражами внутрь.

После этого Эри снова улыбнулась.

– Очень хорошо.

Она махнула рукой, и доктор кинулся к толстой металлической двери, которой в простом амбаре было явно не место.

Когда дверь со скрежетом распахнулась, Майю ощутила пробежавшую по телу дрожь. Помещение за дверью поражало размерами, но было тускло освещено.

– Что это за запах? – спросила Тамара. Запах был приторным, назойливым.

– Успокоительное, которое мы используем. Приходится контролировать добровольцев, когда они под воздействием *парема.* Но без него они не смогли бы создавать кергудов.

Добровольцы. Он имел в виду гришей.

– Мы используем его и для *кергудов.* Ночью они, как правило, становятся беспокойными, поскольку у них больше нет как таковой потребности в сне.

Что он этим хотел сказать? Почему у Рейема больше нет потребности в сне?

Бывшую ферму разделили на три огромные зоны. Слева было нечто вроде общежития – ряды двухъярусных коек и умывальников. Большая часть его обитателей лежала на своих койках. Они тяжело, часто дышали, а их тела напоминали скелеты, обтянутые сероватой восковой кожей.

– Сколько… – Тамара сглотнула. – Сколько доброволец может прожить в таком режиме?

– По-разному, – ответил доктор. – Тем, кто постарше, приходится тяжелее, но иногда это, похоже, зависит от силы воли.

Молодой парень, лежащий на ближайшей нижней койке, поднял голову и окинул их пустым взглядом. У него были льняные волосы и розовая кожа со здоровым румянцем. Он совсем не походил на шуханца. Майю толкнула Эри.

– Откуда они берутся? – спросила принцесса.

– О, вот это Бергин. Он из Фьерды.

– И он приехал сюда по своему желанию? – спросила Тамара.

Доктору хватило совести изобразить смущение.

– Можно сказать. Определенно по желанию, после первой дозы парема.

Он махнул Бергину, и тот поднялся. На парне было что-то вроде униформы: свободные серые брюки и куртка из той же ткани. Майю увидела на его лице то же отчаяние, ту же безнадежность, что и у прочих узников. Но было в нем и кое-что еще – гнев. Он все еще злился. Он все еще боролся.

– Бергин был переводчиком, служившим в корабельном концерне во Фьерде. Но когда его силы обнаружили, он пытался сбежать из страны. Наш патруль перехватил его и предложил убежище.

Ярость вспыхнула в голубых глазах Бергина. Майю сомневалась, что в рассказе доктора было хоть слово правды. Вероятнее всего, шуханские солдаты взяли Бергина в плен, а затем подсадили на парем, заставив стать «добровольцем».

– Он у нас работает над Саранчой.

– Саранчой? – повторила Тамара.

– Превращение из обычного солдата в кергуда – невероятно сложный процесс, поэтому мы стараемся объединить добровольцев и солдат в пары на весь срок. Конечно, иногда доброволец умирает, не закончив работы, но нам стало удаваться тщательнее отмерять дозы, чтобы продлить им жизнь.

– Замечательно, – похвалила Тамара, и в голосе ее полыхнула неприкрытая жажда крови. Доктор, похоже, ничего не заметил, но заметил Бергин, и в его глазах появилась настороженность. Он встал, опираясь на один из огромных, похожих на плиты, столов, которые занимали весь центр комнаты.

– Вот здесь и творятся великие дела, – заявил доктор.

Майю увидела сверла, косторезы, длинные куски латуни и стали, устройство, которому пытались придать форму крыла. Пол был металлическим, с несколькими широкими стоками. Чтобы легче было смывать кровь. *«Это вовсе не старая ферма,* – поняла она. – *Это бойня. Место жестокой резни».*

У дальней правой стены расположилось совсем другое общежитие. Здешние кровати больше походили на гробы, закрытые латунные саркофаги.

– А это наши малыши с железными сердцами, *кергуды.*

Перед ними были доказательства существования программы Макхи, пыток гришей и прочих зверств, творимых ее учеными. Но был ли здесь ее брат?

Тамара положила руку на плечо Майю, и та поняла, что ее трясет.

– Как их зовут? – спросила Эри.

– Саранча, Буревестник, Скарабей, Мотылек…

– Нет! – воскликнула Майю, не в силах подавить гнев. – По-настоящему.

Доктор пожал плечами.

– На самом деле, я не знаю.

Майю схватилась за рукоятку меча, пытаясь справиться с нахлынувшим разочарованием. Она посмотрела на принцессу, пытаясь заставить ту понять, чего она хочет. Да, они получили доказательства, но где же ее брат?

– Любопытно, – сказала Эри. – Безопасно ли открывать эти… контейнеры?

– О, абсолютно, – заверил доктор, уже отщелкивая замки на крышке одного из саркофагов. Крышка отошла с неожиданным хлопком. – Мы будим их, используя стимулятор из обычной *юрды.* Но они безопасны в любом состоянии. Кергуды – идеальные солдаты.

«Неужели и я такая? – задумалась Майю. – *Солдат, который убьет невинного человека, приговорит к смерти принцессу, будет смотреть, как горят его сестры по приказу королевы?»*

Доктор поднял крышку. Внутри лежала женщина. Дыхание ее было поверхностным, брови хмурились во сне.

– Они плохо спят, – пробормотал доктор.

Спящая, казалось, что-то учуяла, ее ноздри затрепетали. Тамара отошла от контейнера. Ходили слухи, что кергуды чуют присутствие гришей по запаху. Идеальные солдаты. Идеальные охотники.

– Следующий, пожалуйста, – велела Эри.

Доктор щелкнул замком и откинул следующую крышку.

– Мы специально изготавливали более широкие камеры сна для тех экземпляров, у кого есть крылья.

Майю посмотрела на лежащего в контейнере мужчину с латунными крыльями, сложенными за спиной. Изо лба у него торчали изогнутые металлические рога. Не Рейем. Был ли он вообще здесь? И если нет, как им найти место, где его держат?

Доктор открыл крышку третьего контейнера. Он улыбался.

– А вот это покажется вам интересным, принцесса. Это наша новая разработка. Саранча. Он оснащен металлическими клешнями, вплавленными в позвоночник. Отлично перенес вживление.

Майю поняла, что там ее брат, даже не взглянув.

Внутри саркофага и впрямь оказался спящий Рейем. Лицо у него было такое же тревожное, как и у прочих, словно во сне он был не охотником, а жертвой. Она не видела его почти год, но это был все тот же Рейем, высокий и стройный, с длинными волосами, как всегда, убранными с лица в высокий пучок. На щеке у него был крошечный шрам полумесяцем, оставшийся от камня, который Майю швырнула в порыве гнева, вовсе не желая ранить брата. Он тогда плакал от боли, но родителям все равно сказал, что просто упал.

К его спине крепились крылья, а к бедрам – клешни, суставчатые, как лапы насекомого. Майю ощутила тошноту.

Доктор перешел к следующему саркофагу.

Бергин уставился на нее со своего поста у стола, но Майю было все равно. Она потянулась и взяла руку Рейема в свои.

– Брат, – шепнула она. Лоб Рейема разгладился. Он сжал ее руку во сне. Майю почувствовала, как сжимает горло от подступающих слез. – Я здесь, Рейем. Все будет хорошо.

– *Кеббен*, – прошептала Тамара. Ее лицо смягчилось. Наверное, как никто другой, она понимала, каково это – быть разлученной со своим близнецом.

– Мы должны забрать его отсюда.

Тамара кивнула.

– Мы уже послали своих людей во дворец, разбудить министров. Я не хочу оставлять Макхи ни малейшего шанса опустошить это место прежде, чем они все увидят.

– Мы перехватили ваших гонцов, – прозвучал у входа высокий, ясный голос.

Королева Макхи стояла рядом с металлическими дверями, окруженная своими Тавгарадами.

– Ваше величество! – воскликнул доктор, поклонившись до земли.

Тамара подвинулась, закрывая принцессу Эри.

– Как неожиданно увидеть тебя в этом мундире, Тамара Кир-Батар, – сказала Макхи, вплывая в помещение.

Доктор наморщил лоб, словно пытаясь припомнить, где слышал это имя.

– Милая Эри, – продолжила Макхи. – Ты правда решила, что меня так просто обвести вокруг пальца? Ты – новичок в играх, в которые я привыкла играть с детства.

– Рейем, – настойчиво прошептала Майю. И сжала его ладонь. – Рейем, пожалуйста, проснись. – Им нужно было убираться отсюда немедленно.

– Позволь мне, – сказала королева, нажимая комбинацию кнопок на стене. С громким шипением облако оранжевого порошка вылетело из отверстий в изголовье саркофага.

– Нет! – вскрикнул Бергин.

Глаза ее брата распахнулись, едва он вдохнул стимулятор.

– Рейем?

Он окинул Майю ничего не выражающим взглядом.

– Эти крепчайшие узы, связывающие кеббен, всегда казались мне ерундой, – заявила Макхи. – Предполагалось, что у меня будет близнец. Но я прикончила его еще в утробе. По крайней мере, так мне рассказывала нянька. Она сказала, что именно поэтому я родилась с половинкой души. И сейчас с наслаждением посмотрю, как твой брат убьет вас всех.

– Рейем, это я. Это Майю. – Он крепче сжал ее руку. – Да, это я. Ты знаешь меня. Рейем, ты должен пойти с нами.

– Давай, – велела королева, – делай то, для чего тебя создавали.

Рейем сжал кулак. Майю закричала и рухнула на колени, когда брат разом сломал все кости в ее руке.

25. Нина

Убывающая луна висела над Ледовым Двором, и края ее то и дело скрывались за тучами, обещавшими снег. Из королевского дворца до Нины долетали звуки праздника – фьерданская знать пировала и танцевала, отмечая вероломное нападение на Ос Альту. Где-то в дремучем лесу Брум со своими дрюскелями возносил благодарность Джелю и готовился к грядущей войне.

Но для Нины война не прекращалась уже очень давно. И сегодня она собиралась нанести удар. Она уже уничтожила письма королевы Татьяны. А теперь собиралась умыкнуть единственного человека, который мог подтвердить их существование.

План был простым, но чудовищно рискованным. Сперва Нине нужно было пробраться в сектор дрюскелей. Она не могла просто выйти из Ледового Двора и как ни в чем не бывало вернуться назад, поэтому пришлось рассматривать вариант с секретным мостом через ледяной ров. Вариант был не из приятных. Последние несколько месяцев она по большей части сидела и строила козни. С этим она всегда справлялась великолепно, но сегодня ей нужна была сила и подвижность того солдата, каким она была прежде, а не изворотливость того шпиона, которым она стала теперь. А еще ей нужна была Ханна. Нине не нравилось подвергать ее риску, но пришлось признать, что будет менее подозрительно, если их поймают, пока они разгуливают вокруг Ледового Двора вместе, чем если ее, постороннюю, застанут шныряющей в одиночестве.

Они оделись в костюмы для верховой езды – две девушки, отправившиеся на одну из столь любимых Ханной прогулок. Нина была несказанно рада избавиться от тяжелых юбок. Они должны были пересечь ледяной ров вместе, одевшись в белое и прикрыв волосы для лучшей маскировки. Если предположить, что их не поймают на месте и не запрут в комнатах в ожидании наказания, дальше Ханна должна была поднять их на стену.

– А внизу двери нет? – спросила Нина. Стоило, пожалуй, делать отжимания каждое утро.

– Только дрюскели знают, где она. Но это будет вовсе не сложно. Нужно будет только найти открытое окно.

– И способ в это окно забраться.

Ханна сохраняла невозмутимость.

– Я могу взять веревки с крюками из сарая у подножия Эльдерклока. Их обычно используют, чтобы чистить шпиль.

– Милостивый Джель, ты уже проделывала это раньше.

– Разок. Или два.

– Ханна!

Ханна пожала плечами.

– В первый раз я забралась на стену, просто чтобы проверить, смогу ли попасть на крышу посольского сектора.

– А во второй раз?

Ханна виновато поморщилась.

– Я, может быть, просто хотела сходить на рыночную площадь сама по себе. А в третий…

– Ты сказала, два раза!

– В бухту приплыли киты. Я, что, должна была пропустить это?

Нина рассмеялась, хотя мысли о том, что Ханна устраивала сумасбродные побеги из Ледового Двора, оставляли тяжелое чувство. Если Ханна примет чье-нибудь предложение на исходе праздника Сердцевины, она окажется запертой здесь навсегда. Но сейчас Нине надо было сосредоточиться на Магнусе Опьере.

Переход через ледяной ров дался им нелегко, и, несмотря на теплые сапоги, ноги Нины окоченели к тому моменту, как они выбрались на тонкую полоску берега у сектора дрюскелей. Потребовалось несколько попыток, чтобы зацепить крюк за что-нибудь, но спустя считаные секунды Ханна уже взлетала вверх по веревке, словно белка.

– В самом-то деле, – пробурчала Нина себе под нос. – Могла бы хоть вид сделать, что это нелегко, чтобы пощадить мое самолюбие.

Как только Ханна оказалась на крыше, она принялась тянуть веревку, пока Нина карабкалась, с благодарностью встречая каждый узел и петлю, что они завязали на веревке. Теперь им предстояло преодолеть промежуток, разделявший стену и то самое здание, в котором находилась столовая и кабинет Брума. Нина постаралась не думать о том, на какой высоте от земли находится, и принялась вспоминать свой план. За спиной у нее болтался узел с одеждой, которую они стащили из гардероба самого Брума. Это был не лучший ход, но Брум большую часть времени носил мундир, а им нужно было чем-то заменить лохмотья Опьера. Как только она освободит Опьера, она поможет ему перебраться через ров и отведет в сады. Затем он пересечет мост в компании остальных гуляк, расходящихся по домам, и попадет прямо в объятия Рингсы. До его ухода Ханна перекроит ему лицо. Его сходство с Николаем было слишком опасным, и Нина не хотела, чтобы оружие такой силы оказалось в руках у неподходящих людей.

Наконец Нина добралась до другой стороны промежутка и плюхнулась на крышу сектора дрюскелей. Ханна убедилась, что веревка прочно закреплена на одной из дымовых труб, а затем обмотала ее вокруг пояса Нины.

– Готова? – спросила она.

Нина стиснула веревку.

– Быть спущенной, как мешок с мукой, в логово зловещих охотников на ведьм?

– Это была твоя идея. Мы все еще можем повернуть назад.

– Не сомневайся в решениях мешка с мукой. Мешок с мукой умен не по годам.

Ханна закатила глаза и уперлась ногами в край крыши, а Нина шагнула в пустоту. Ханна крякнула, но веревку не выпустила. А затем стала медленно спускать Нину вниз.

Первые два окна, которые она нащупала, оказались крепко заперты, а вот третье поддалось, и она ввалилась внутрь, с глухим стуком рухнув на покрытый ковром пол. Она оказалась на лестнице. Сначала она потеряла ориентацию, но потом спустилась на этаж и вскоре уже стояла у двери в кабинет Брума. На этот раз ключа у нее не было. Слишком рискованно было воровать его снова, поэтому она решила просто взломать замок. К ее стыду, это заняло у нее довольно много времени. Ей показалось, что она слышит над ухом смех Каза Бреккера. «*Заткнись, Бреккер. Поговорим, когда ты наконец-то подстрижешься по-человечески*». Хотя, может быть, он уже подстригся. Она надеялась на это, хотя бы ради Инеж.

Нина точно не знала, все ли дрюскели ушли в лес или кого-то оставили здесь, и не собиралась это выяснять. Она пошла прямо к двери, ведущей в камеру Опьера, заранее приложив палец к губам, чтобы призвать его хранить молчание.

Камера оказалась пустой. И безупречно чистой. На мгновение Нину охватил жуткий страх, что она все это выдумала и что никакого Опьера здесь вовсе не было.

«*Я знаю, что я видела*». Так где же он был? Неужели его куда-то перевели после пропажи писем? Нет, если бы Брум узнал о пропавших письмах, он бы усилил охрану сектора. И он ни за что не убил бы Опьера, фьерданцы не стали бы разбрасываться такими козырями.

Нужно было выяснить, куда его перевели. И времени у нее было немного.

Нина пролистала документы на столе Брума, следя за тем, чтобы все оставалось на своих местах. Здесь должен быть какой-нибудь приказ о переводе, переписка на тему нового места заключения столь ценного пленника. Она видела обычные планы и карты и какой-то набросок из пересекающихся парабол рядом с длинными строками уравнений. Оружие? Подпись сверху

гласила: *Hajefetla.* Певчая птичка. Там же были модели нового шлема, что-то вроде модификации винтовки, морское судно.

Нина колебалась. Карты, планы – еще больше трагедий на подходе? Если бы только она поняла, какие цели увидела тогда на столе Брума, она смогла бы предупредить Зою и короля Николая о грядущем ударе. Она могла бы спасти сотни жизней. Но если она украдет эти планы, Брум поймет, что кто-то побывал в его кабинете. Была большая вероятность, что агенты Рингсы в Ледовом Дворе будут скомпрометированы, не успев осуществить все задуманные планы, да и Ханна окажется в серьезной опасности. Нина решила сообщить обо всем, что запомнит, связным Рингсы, но пока нужно было сосредоточиться. Времени у нее было немного, и потратить его следовало на поиски Магнуса Опьера.

И тут она заметила странное слово: *Rëvfeder.* Старый лис.

Нина пробежала глазами по листу, и это оказался вовсе не приказ о переводе. Это был отчет о побеге. Магнусу Опьеру удалось каким-то чудом выбраться из своей камеры, из сектора дрюскелей и, наконец, из Ледового Двора – и прихватить письма королевы Татьяны с собой. «*Что ж, спасибо, что взял вину на себя, Магнус».* Следующая строчка отчета заставила желудок Нины сделать кульбит – кусок чего-то похожего на заостренную кость был найден в замочной скважине двери в камеру Магнуса Опьера.

Нина вспомнила, как он хватал ее за руки, умоляя освободить его. Она-то решила, что это отчаяние, а похоже, все это было лишь притворством. Неужели Магнус Опьер, самый ценный и важный пленник во Фьерде, действительно сбежал из Ледового Двора?

«Изворотливый мерзавец. Вот уж точно, старый лис». Он стащил один из ее костяных дротиков и использовал его, чтобы взломать замок своей клетки. Если бы ей понадобились еще какие-нибудь доказательства того, что Опьер – отец Николая, то они были налицо.

И где же он был теперь? Нина не знала и не имела возможности выяснить. Нужно связаться с Рингсой и передать эти сведения в Равку. На данный момент она больше ничего не могла сделать. В отчете звучали предположения, что он мог вернуться в свой дом к северу от Джерхольма, чтобы встретиться с дочерью, или в Эйлинг, где были пришвартованы некоторые его корабли. Отчет утверждал, что у него нет никаких средств. «*Он не мог купить билет на корабль. Он не мог рассчитывать, что ему удастся пересечь границу с Равкой. Повторный захват цели,* – как утверждалось в отчете, – *был лишь вопросом времени*».

Нина задумалась. Магнус Опьер не принадлежал к аристократам. Он всего добился сам, став корабельным магнатом с наработанными за годы жизни связями и знакомствами, а также налаженной сетью производства парусных судов. А еще он был отцом Николая Ланцова. Возможно, у него не было денег, но раз он сумел выбраться из Ледового Двора, на отсутствие изобретательности ему явно жаловаться не приходилось.

Звук, донесшийся со двора внизу, положил конец Нининым раздумьям. Ворота открывались. Неужели дрюскели вернулись так быстро?

Она сунула отчет назад к документам на столе и поспешно покинула кабинет, убедившись, что дверной замок закрыт. Кабинет Брума остается в том же состоянии, в каком тот его покинул.

Нина стала спускаться по лестнице, но услышала голоса внизу. *Проклятье.*

Она кинулась назад тем же путем, каким пришла, и неслышной тенью заметалась по коридору, дергая дверные ручки одну за другой и вознося молчаливые молитвы, чтобы хоть одна оказалась открытой.

И вот одна из ручек повернулась. Она скользнула в комнату и прикрыла за собой дверь с щелчком, который эхом раздался в ее ушах.

– Что ты здесь делаешь?

Она резко обернулась. Перед ней стоял Йоран в своем черном мундире, с яростью на лице и прищуренными в подозрении глазами. Должно быть, сегодня принца охранял кто-то другой.

Мысли Нины бешено, словно вспугнутые птицы, заметались в голове, вызывая панику.

«Ты правда собираешься это сделать?» Она не успела даже задуматься, как губы словно сами по себе выпалили:

– Коммандер Брум велел мне встретиться с ним здесь.

Теперь она снова была Милой, заламывающей пальцы и кусающей трясущиеся губы.

Рука Йорана зависла над пристегнутым к поясу хлыстом.

– Коммандер ни за что бы не осквернил эти комнаты присутствием женщины.

Нина поудобнее перехватила дротики в рукавах. Она не хотела убивать Йорана, но сделала бы это, появись в том нужда. Труднее всего было бы заставить его смерть выглядеть как несчастный случай. Тело его было здоровым, не тронутым смертельными недугами и хворями, которые мог бы использовать Нинин дар.

– Мне нечем гордиться, – сказала она, и глаза ее как по заказу наполнились слезами. – Я знаю, на что согласилась.

Йоран скривился. Рядом с принцем Расмусом он никогда не показывал эмоций, и теперь злость заметно изменила его лицо, превращая его в жестокого охотника на ведьм, которым он и являлся.

– Он сказал, что вернется рано, – продолжила она. – Но вместо него вернулись остальные.

– Я не знаю, какую игру ты ведешь, но коммандер определенно об этом услышит.

– Он показал мне путь через ледяной ров, – сказала Нина, позволив дротикам скользнуть между пальцами.

От этих слов Йоран опешил. Секрет тайного моста не был известен никому, кроме *дрюскелей.*

– Этого не может быть.

Придется как следует прицелиться. Два дротика в уголки глаз, чтобы прошли прямо в мозг. Она сможет извлечь их перед уходом и, если повезет, сведет всю грязь и кровь к минимуму. Выглядеть будет так, словно с ним случился припадок.

Нина шагнула влево, переместившись так, чтобы свет падал прямо на лицо Йорана и помогал как следует прицелиться, – и застыла.

– Это же мощи.

Кости, разложенные на алтарном покрове, разместились на крышке сундука с одеждой. Доска с грубо вырезанным знаком солнца была прислонена к стене.

Йоран попытался спрятать открывшуюся ей картину своим телом, но было слишком поздно.

– Это алтарь, – выдохнула Нина. – Святым. Так вот почему ты сегодня не с принцем. Ты пришел помолиться.

Йоран ничего не отрицал. Он стоял, пригвожденный к месту, как животное, застывшее в предчувствии опасности. Хотя сам и наполовину не осознавал ее серьезности. Она могла убить его прямо сейчас. Быстро. Легко.

– Чьи это кости? – Она старалась говорить как можно мягче, спокойнее, словно спрашивала, что он вчера ел на ужин, а не какую именно ересь принес в стены Ледового Двора.

Йоран открыл рот. Она заметила, как дернулся его кадык, словно слова с боем прорывались наружу.

– Алины, – просипел он. – Я… я купил их в Джерхольме. Я знаю, что они скорее всего фальшивка, но…

– Но они дарят тебе утешение.

Люди по всей Равке, а теперь, похоже, и по Фьерде, хранили мощи, предположительно принадлежавшие святым. Фаланги пальцев, позвонки, обрывки древних одеяний. С помощью своего дара Нина могла видеть, что кости, купленные Йораном, не человеческие.

– Она была солдатом, – произнес он почти умоляюще. – И спасала людей. Не важно, фьерданцев или равкианцев.

– Так ты этого хочешь?

Нина подошла ближе. Из коридора до нее донеслись голоса. Нужно было выбираться отсюда, вылезти из окна и спуститься к рву вместе с Ханной. Но также нужно было заставить Йорана довериться ей. Если бы он рассказал Бруму о том, что она была здесь, ее песенка была бы спета.

– Я хочу быть… хорошим. – Он покачал головой, споря с самим собой. – Солдаты не хорошие. Они верные. Храбрые.

Он еще никогда не выглядел столь юным. Она частенько забывала, что он на самом деле всего лишь мальчишка, которому нет и семнадцати.

– Но они могут быть и хорошими.

– Не мы. – Тут он поднял на нее глаза, и взгляд был затравленным. – Не я.

– Алина Старкова была не просто солдатом, – сказала она очень спокойно. – Она была гришом.

Он зажмурился и пригнулся, словно готовился получить заслуженную, по его мнению, оплеуху.

– Знаю. – Голос его был резким. – Я знаю, что это святотатство.

– Вовсе нет.

Глаза Йорана распахнулись.

– Может быть, сила гришей и не походит на то, во что нас учили верить, – продолжила она. Эти слова были сказаны Матиасом давным-давно. Они стали для нее исцеляющим бальзамом, даром, который помог ей снова встать на ноги и принять то, кем она стала. – Может быть, их сила – дар Джеля, еще одно проявление его могущества в этом мире.

– Нет… нет, это богохульство, это…

– Кто мы такие, чтобы полагать, что нам известен Высший замысел?

Йоран уставился на нее так, словно пытался найти правду в чертах ее лица.

– А коммандер… он знает, что ты так думаешь?

– Нет, – призналась Нина. – Это неподобающе. Но я не могу запретить себе так думать.

Йоран обхватил голову руками.

– Знаю.

– Среди твоих братьев есть еще такие, кого посещают подобные мысли?

– Да, – подтвердил Йоран. Его подбородок упрямо выпятился. – Но я не скажу тебе их имена.

– А я не спрашивала. И не стану.

Она не собиралась доносить на Йорана – зачем ей это? Но после сегодняшнего провала новость о том, что поклонение святым распространяется даже в рядах тех, кого учили ненавидеть гришей, стала для нее путеводной нитью, в которую она вцепилась обеими руками.

– Ты можешь помочь мне вернуться на Белый остров? – попросила она.

– Почему бы тебе не дождаться Брума, если он твой… если ты его…

Веселье темным пузырем поднялось внутри у Нины. Эти люди легко проливали кровь и сеяли страдания, но при одной мысли об удовольствии их мозг размягчался до состояния масла.

Нина схватила Йорана за руку.

– Я скажу ему, что не была здесь этим вечером, что мне не удалось набраться решимости прийти. Если он узнает, что я вышла из его комнат, что осмелилась заговорить с тобой, мне придется… мне придется рассказать о том, что я обнаружила.

Йоран застыл.

– Меня приговорят к смерти.

– Я – одинокая женщина в доме могущественного мужчины. У меня нет настоящих союзников. И я сделаю все, чтобы выжить.

Йоран выглядел потрясенным.

– Так ты не хотела становиться его шлюхой? – Это слово заставило Нину ощетиниться.

– В это так трудно поверить?

– Коммандер Брум… он бы не стал. Он бы не применил силу…

– А ему и не было необходимости применять ее. Он предпочитает другие виды подчинения. – При этих словах выражение лица Йорана изменилось. *Он знал, что это правда. Он видел, как сильно Брум любит власть.* – У женщины в моем положении нет права на отказ. Без щедрости коммандера Брума я бы пропала. И если человек вроде Ярла Брума решил поставить под удар мою репутацию…

Взгляд Йорана забегал. Она видела капельки пота, выступившие у него на лбу. Он оказался на перепутье. У него больше не было уверенности в том, что хорошо и правильно; алтарь за его спиной был тому доказательством. Он кивнул раз, словно спорил с самим собой, затем еще.

– Да, – сказал он. – Я тебе помогу.

Нина почувствовала, как перехватило горло. Йоран был полон достоинства, того, что она пыталась найти в принце Расмусе. Он не хотел быть убийцей. Не хотел становиться жестоким. Ненависть, излучаемая Брумом, еще не успела искорежить его до конца. «*Прояви немного милосердия к моему народу*». Ради этого мальчика, все еще пытающегося сохранить в себе крохи доброты, она попытается.

– Нам нужно идти прямо сейчас, – сказал Йоран. Он замялся, только сейчас разглядев, во что она одета. – Почему на тебе костюм для верховой езды?

– Он велел мне. Хотел наказать меня.

Лицо Йорана побагровело от такого предположения. Нина сама чуть не покраснела, заявив это. Ей показалось, что голос Ханны над ухом произнес: *«Бесстыжая»*.

– Как ты попала в сектор? – спросил он.

– Через тайный ход, – солгала она в ответ.

Йоран покачал головой, возмущенный тем, что Брум раскрыл секрет дрюскелей ради дешевой интрижки.

– Я могу отвести тебя туда же.

Он убрал свой алтарь, спрятав все в одежный сундук, и вышел в коридор. Мгновение спустя она услышала голоса в коридоре, и один принадлежал Йорану, кому-то что-то рассказывавшему. На секунду Нине показалось, что он подаст сигнал тревоги и сообщит о ней своим братьям, что все его сочувствие было просто уловкой. А затем он открыл дверь и помнил ее за собой.

В конце коридора он поднял край гобелена, изображающего белого волка с орлом в окровавленной пасти, и нажал на один из камней. Стена отъехала в сторону, открывая узкую, крутую лестницу, вырезанную в скале. Нина с трудом скрыла удивление. Ведь предполагалось, что этим путем она и пришла.

Оказавшись внизу лестницы, она услышала скребущиеся звуки. Дверь открылась, выпустив порыв ледяного ветра. Отсюда ров, казалось, был полностью покрыт коркой льда с плещущейся под ним стылой водой. Но Нина знала, что подо льдом есть прозрачный стеклянный мост. Она посмотрела наверх как раз вовремя, чтобы заметить, как потрясенное лицо Ханны исчезает за краем стены и веревка быстро скользит следом.

– Отсюда я пойду одна, – сказала Нина.

– Ты справишься?

– Не хочу, чтобы ты рисковал быть пойманным ради меня.

На лице Йорана отразилась боль.

– Он накажет тебя за то, что не дождалась. За то, что не сделала, как он велел.

– Я знаю, – ответила она, опустив глаза.

– Ты должна найти способ выбраться из его сетей.

Должна. Но только когда ее работа будет окончена, и ни минутой раньше.

– Я попытаюсь, но мне трудно оставить Ханну.

Едва произнеся эти слова, она поняла, что говорит правду.

Йоран замялся.

– Будет лучше, если ты попросишь ее держаться подальше от принца. Он не… Он слаб.

– Он становится крепче день ото дня.

Йоран резко покачал головой.

– Я видел множество раненых мужчин, тех, кто потерял конечности, кто всю жизнь прожил, борясь с болью или слабостью. Но они терпеливо несли свою ношу, а не пытались играть в игры, подобные тем, что так любит Расмус. Изъян не в его теле. Он в его душе.

– Ханна пока видела от него только хорошее. – Неубедительный аргумент, особенно после того, что у нее на глазах Расмус сделал с Йораном. – Тогда, на охоте, он был унижен…

– Он уже не в первый раз так срывается. Я видел, как он сшиб мальчика с лошади и заявил, что это шутка. Ребенок расколол череп об камни мостовой, но никто и слова не сказал, потому что Расмус – принц.

Может, это был несчастный случай? Плохо закончившийся розыгрыш? Нине в это верилось с трудом.

– Он меняется, – сказала она с надеждой, которую на самом деле не ощущала. – Чем сильнее он становится, тем меньше ему нужно доказывать свою силу.

– Он испытывает свою новую силу, – возразил Йоран, – ждет, пока кто-нибудь его остановит. Но ты знаешь, что никто этого не сделает.

Нина поставила ногу на невидимый мост, чувствуя, как в сапоги проникает холод. Она заставила себя идти медленно, аккуратно, хотя больше всего на свете ей хотелось бежать прочь от сектора дрюскелей и от слов Йорана, в которых было столько правды.

Она поплотнее запахнула пальто, пытаясь защититься от пронизывающего ветра. Ей больше ничего не оставалось, кроме как идти вперед. Ты выбрала свою дорогу. И идешь по ней. И надеешься, что когда-нибудь она приведет тебя домой.

26. Монах

Александр украл одежду и обувь из чьего-то фургона по пути в Полвост. Найти последователей Беззвездного оказалось труднее, чем он предполагал, и он стал уставать от скитаний. Время от времени он пил из ручьев, но не тратил времени на охоту. Голод ему не досаждал. Он помнил, как тосковала Елизавета по ощущениям – по вкусу вина, прикосновению кожи, мягкому покалыванию земли под босыми ногами. Александра все это ничуть не беспокоило. Он жалел лишь о том, что сейчас не зима. Хотелось поднять лицо к солнцу и ощутить его тепло. Холод теперь пугал его. Он напоминал о смерти, о безмолвии небытия, без времени и места, с одной лишь мыслью, что он должен держаться, что когда-нибудь этой жуткой неподвижности придет конец. Как долго его окружала тьма.

Через какое-то время он заметил, что слабеет. Телу Юрия требовалось питание, поэтому он направился в пивную в Шуре. Денег у Александра не было, но он предложил нарубить дров и починить крышу в обмен на еду. Молодых парней в городке уже не было, они ушли в солдаты, готовясь дать отпор фьерданцам.

– А что вы думаете о королевской затее с войной? – спросил он у стариков, устроившихся на крылечке.

Седой дед, первым ответивший на его вопрос, настолько усох от старости, что лицом походил скорее на грецкий орех, чем на человека.

– Наш Николай не хотел этой войны, но, если она нужна этим холодным северным ублюдкам, он им покажет сполна.

Его морщинистый приятель сплюнул на деревянные ступени.

– Будешь целовать ледяные задницы этих ублюдков, когда они пройдут здесь маршем. У нас нет ни танков, ни ружей, как у фьерданцев, и от того, что наши дети пойдут на смерть, это не изменится.

– По-твоему, мы должны позволить им бомбить наши города?

И так по кругу, все та же старая песня. Но они и правда любили своего короля.

– Вот увидишь, он найдет выход и из этой западни, прям как в прошлый раз. Хитрый лис всегда вывернется.

Александр задумался, читали ли они эту историю. Ему припомнилось, что у нее весьма кровавый конец. Лис лишился шкуры, попав под нож охотника. А может, все-таки спасся? Точно вспомнить Александр не смог.

Он сидел в конце стола в пивной, жевал грубый ржаной хлеб с ломтями баранины, которую тушили так долго, что прожевать ее стало почти невозможно. Вот это и значит быть живым. Елизавета могла бы считать себя счастливицей. Подумать только, Зоя ее все-таки убила. Вероятно, этим она избавила его от необходимости марать руки самому. А если бы Зоя смогла овладеть той силой, что ей досталась? Она все еще была уязвима, податлива. Ее гнев позволял легко ею управлять. Когда закончится эта война и будут подсчитаны все жертвы, ей может снова понадобиться наставник. Когда-то она была одной из лучших его учениц, потому что зависть и гнев заставляли ее учиться и сражаться усерднее, чем ее сверстники. А затем она отвернулась от него. Как Женя. Как Алина. Как его собственная мать. Как и вся Равка.

«Она вернется к тебе».

Ему не нужна была жалость Юрия. Он глотнул кислого пива и прислушался к болтовне посетителей. Все разговоры были о войне, о налете на Ос Альту и, само собой, о пятнах тлена, так досаждающих королю и его генералу.

– Пилигримы разбили лагерь возле Гайены. Они пытались разбить свои чертовы черные палатки здесь, но мы их вытурили взашей. Не нужны нам здесь эти нечестивцы.

– Они говорят, мол, эта зараза – наказание за то, что Дарклинга так и не признали святым.

– Я так скажу, пусть хоть богом признают, если это поможет вернуть пастбища. Где мне, чтоб его, пасти свой скот?

– Если бы он вытащил моего муженька-лентяя из кровати, я бы и паломничество к Каньону совершила.

Гайена. Вот, наконец-то, и сведения о культе Беззвездного. Он доел свой ужасный обед и выбрался из пивной, но прежде с помощью теней стащил с одного из столов пару очков. По дороге он позволил лицу снова принять черты Юрия, вытянуть лицо, вернуть безвольный подбородок. Никакой бороды, разумеется. Он не был портным. И слабосильное тело он возвращать из ссылки не собирался. Александру понадобится каждая капля его силы. Он нацепил очки на нос. Теперь придется смотреть поверх стекол. Он также не стал возвращать себе плохое зрение Юрия, посаженное за годы, проведенные над книгами.

Парень заметно воодушевился перспективой воссоединения с верующими. «*Это мое предназначение. В этом смысл всего*».

На этот раз Юрий не ошибся. У каждого своя роль.

Александр обнаружил лагерь Беззвездных под мостом, где они, как скопище троллей, поставили свои палатки и подняли над ними черные флаги. Он на глаз оценил их обороноспособность и запасы. На удивление среди пилигримов было много молодежи, и почти все они были мужчинами. Все были одеты в черное, многие носили накидки с неуклюже вышитым на них символом – солнце в затмении. Он заметил мула, нескольких тощих лошадей, ящик, накрытый брезентом, в фургоне – склад оружия, предположил он. И вот с этим ему придется работать? Он сам не знал, чего ждал. Если не армию, то хотя бы ее зачатки, но не это жалкое сборище.

«Я не должен был бросать их». Снова Юрий. Теперь его присутствие было более настойчивым, словно возвращение облика Юрия сделало его голос сильнее – вместо одного комара целый рой.

– Юрий? – К нему подошел мощный мужчина с грудью колесом и бородой с проседью.

Александр порылся в памяти Юрия в поисках его имени и нашел его.

– Чернов!

Его тут же сдавили в мощных, хоть и излишне духовитых объятиях, чуть не оторвав от земли. По ощущениям походило на объятия с медвежьим ковриком, срочно нуждающимся в чистке.

– Мы боялись, что ты умер! – воскликнул Чернов. – Мы слышали, что ты отправился в путешествие с королем-отступником, и все – от тебя больше ни слова.

– Я вернулся.

Чернов нахмурился.

– Ты говоришь по-другому. И выглядишь тоже.

Александр знал, что оправдываться не стоит. Вместо этого он схватил Чернова за руку и посмотрел ему в глаза.

– А я и сам стал другим, Чернов. Сколько вас здесь?

– На последней перекличке было тридцать два верующих. Но мы приютили нескольких путешественников, которые пока не нашли пути к Беззвездному.

– Правда?

Разбазаривание ценных ресурсов.

– Да, – подтвердил Чернов. – Как ты и проповедовал. Все равны перед тьмой.

Ему пришлось взять себя в руки, чтобы не расхохотаться. Вместо этого он кивнул и с жаром повторил:

– Все равны перед тьмой.

Чернов провел его по лагерю, и по пути Александру то и дело приходилось отвечать на приветствия людей, считавших его старым другом. Если бы они только знали. По дороге он

непринужденно расспрашивал Чернова о других местах, где есть последователи культа Беззвездного святого. По подсчетам Чернова, их паства разрослась почти до тысячи человек. Жалкая цифра, но ведь это было только начало.

– Мы решили двинуться на юг, туда, где потеплее, и подальше от северных границ. Не хотим оказаться под перекрестным огнем, когда грянет буря.

– А потом?

Чернов улыбнулся.

– А потом мы продолжим трудиться на благо возвеличивания имени Дарклинга и отстаивания его права называться святым. Как только короля Николая свергнут, Вадика Демидова коронуют, мы обратимся с прошением…

– Демидов будет фьерданской марионеткой.

– Какое нам дело до политики такого толка?

– Будет вам дело, когда гришей начнут отправлять на костер.

– Гришей?

Александру с трудом удалось скрыть свой гнев.

– Разве Дарклинг не был гришом?

– Он был святым. Это разные вещи. Что на тебя нашло, Юрий?

Александр улыбнулся, отступая.

– Прости. Я лишь хотел сказать, что мы могли бы найти новых последователей среди гришей.

Чернов хлопнул его по спине.

– Стоящая цель. Возьмемся, когда война закончится. – Он почти решил вырвать руку Чернова из сустава. Но вместо этого вернулся к своей теме: – А что насчет Апрата? Святоша вернется в Равку с Демидовым, ведь так? Он на всех углах протестовал против признания Дарклинга святым.

– Мы считаем, что со временем сможем привлечь его на свою сторону.

Все было не так. В этом Юрий и Александр были полностью солидарны. В свое время Юрий был одним из святых стражей Апрата. Он наблюдал за тем, как Апрат сначала переметнулся на сторону Алины, а потом и вовсе ушел в тень и, пока Алина с Дарклингом вели свою войну, отсиживался со своими сторонниками под землей. Беззвездные не должны выпрашивать милостыню из рук священника, каким бы влиянием он ни обладал на народ Равки.

– Солнце скоро сядет, – заметил Чернов, а пилигримы начали собираться вместе, глядя на запад. – Ты как раз успел к началу службы. Сегодня проповедует брат Азаров.

– Нет, – возразил Александр. – Сегодня проповедую я.

Чернов моргнул.

– Я… ну… Может, тебе лучше немного освоиться, заново познакомиться с…

Александр не стал слушать дальше. Он прошел прямо через толпу, слыша тихие восклицания «Юрий!» и «Брат Веденин!» от тех, кто еще не видел его в лагере. Прочие были незнакомцами, присоединившимися к Беззвездным уже после того, как Юрий покинул их ряды.

– Брат Азаров, – обратился Александр, подходя к юноше с соломенными волосами, собиравшемуся говорить. Всем своим видом он напоминал стакан прокисшего молока.

– Брат Веденин! Я так рад видеть вас снова. Ваших проповедей нам ужасно не хватало, но я начал пробовать себя на этом поприще.

– Чернов хочет вас срочно видеть по какому-то очень важному делу.

– Правда?

– Чистая. Очень срочно. Ступайте сейчас же.

Он обошел брата Азарова и занял то место, что подходило ему больше всего, – перед толпой почитателей.

Александр посмотрел на их лица, растерянные, но нетерпеливые, жаждущие, чтобы кто-нибудь дал им то, во что можно верить, зажег божественную искру. «*Я разожгу в вас пожар. Я дам вам новое имя для огня*».

Радость Юрия переполняла его. Мальчишка сам был неплохим проповедником. Ему было знакомо это ликование.

– Некоторые из вас знают меня, – начал он, и его голос летел над толпой, освещенной золотистым светом закатного солнца. Он слышал, что в ответ на незнакомый голос толпа заволновалась и забурлила. – Я уже не тот человек, что был раньше. Я совершил путешествие в Каньон, и там мне явился сам Беззвездный.

– Видение? – раздался голос Чернова посреди пораженных выкриков толпы. – Что ты увидел?

– Я узрел правду. Я увидел, чем мы можем лучше послужить делу Беззвездного святого. Тем, что не станем жить как трусы. – Встревоженный шепот пронесся над пилигримами. – Мы не пойдем на юг. Мы не станем прятаться от войны.

Чернов выступил вперед.

– Юрий, ты же это не всерьез. Нас никогда не заботили политики и их игры.

– Это не игра. Апрат предал Дарклинга. Он выступил против признания его святым. Он вступил в союз с врагами Равки. А вы готовы пресмыкаться, дрожа, словно жалкие твари без когтей и клыков.

– Для того, чтобы выжить!

– Для того, чтобы потом побежать на поклон к продажному священнику, когда тот присоединится к двору Демидова? Для того, чтобы снова молить его обратить на нас внимание, читая молитвы перед городскими воротами? Мы предназначены для большего. – Он посмотрел на тех, кто наблюдал за ним, злобно перешептываясь. – Нет сомнений, что некоторые из вас пополнили наши ряды лишь затем, чтобы избежать битвы. Вы не хотели браться за оружие, поэтому нацепили рясу и подхватили знамя Беззвездного. И я говорю вам сейчас – вы здесь не нужны!

– Юрий! – воскликнул Чернов. – Это не наш путь.

Александру хотелось разрубить его на месте, но время показывать свою истинную силу еще не пришло. Он прожил немало жизней, скрывая, насколько силен. Можно было подождать и еще немного.

Он простер руки над толпой.

– Вы боитесь. Я понимаю ваш страх. Вы не солдаты. Как и я. И все же Дарклинг говорил со мной. Он обещал, что вернется. Но только если мы выступим от его имени.

– И что вы предлагаете? – спросил брат Азаров, испуганно глядя на него.

– Мы пойдем на север. К границе.

– Навстречу войне? – взвизгнул Азаров, брызгая слюной.

Александр кивнул. Он не собирался тратить время, кочуя из деревни в деревню, привлекая ничтожное количество последователей балаганными фокусами. Нет, ему нужен был момент славы, что-то выдающееся с толпой свидетелей. Он бы инсценировал свое возвращение на поле боя, с тысячами равкианских и фьерданских солдат в качестве свидетелей. И там превращение Юрия из скромного монашка в избранного спасителя было бы полностью завершено. Там он бы научил мир тому, что есть благоговение.

Фьерданцы лучше вооружены и подготовлены, и когда юный король Николай потерпит неудачу, что непременно случится, тогда и только тогда Дарклинг вернется и покажет Равке, как выглядит истинная сила. Он спасет всех. Он сотворит для них чудо. И станет святым, защитником, отцом, королем.

– Юрий, – поморщился Чернов. – Ты просишь слишком многого.

– Я ничего не прошу, – возразил Александр, раскинув руки еще шире. – Это Беззвездный отдает нам приказ. – Из его ладоней заструились тени. Толпа закричала. – Вам решать, что вы ответите.

Он откинул голову назад, заставив тени волной взметнуться над людьми. Все попадали на колени. До него донеслись рыдания. А брат Азаров, скорее всего, потерял сознание.

– Вы побежите на юг или понесете знамена нашего святого на север? – потребовал он ответа у толпы. – Что вы скажете Беззвездному?

– На север! – раздались крики. – На север!

Они сбились в кучу, завыв, когда тени скрыли закатное солнце.

– Прости, что сомневался в тебе, – сказал Чернов, подходя, со слезами на глазах.

Александр улыбнулся и позволил теням рассеяться. Затем положил руку на плечо Чернова.

– Не нужно извинений, брат. Мы с тобой изменим этот мир.

27. Николай

Они отправились в Кеттердам на борту *«Баклана»*, громадного дирижабля, способного доставить весь груз титания в Равку – если предположить, что они смогут до него добраться. Но нельзя было подлететь к городу на равкианском судне, поэтому им пришлось посадить дирижабль на острове контрабандистов у керчийского побережья. Адрик со своими шквальными должны были спрятать его в тумане, пока Зоя с Николаем отправятся на *«Волка волн»*, самый известный из кораблей корсара Штурмхонда.

Множество людей успело побывать в роли Штурмхонда с тех пор, как Николай придумал для себя эту личину. Это помогало поддерживать легенду корсара и его влияние, пока сам Николай сидел на троне. И, само собой, существовало немало того, что корсар без определенного подданства мог легко сделать, в отличие от короля, связанного правилами дипломатии. Дар Штурмхонда устраивать, прорывать блокады и приобретать украденное, не единожды сослужил Равке добрую службу. Было приятно снова надеть знакомый бирюзовый камзол и повесить на бедра перевязь с пистолетами Штурмхонда.

Зоя ждала его на мостике *«Волка волн»*. На ней, как и на прочих матросах, были штаны и рубаха из грубого полотна, а волосы были убраны в косы, но ей, похоже, было не по себе без привычного *кафтана*. Николай не раз наблюдал за тем, как вживается в роль Нина, как меняется ее походка, речь, без особых, казалось бы, усилий. Зоя таким даром не обладала. Со своей прямой как меч спиной и гордо поднятым подбородком, она совсем не походила на грубую, простоватую морячку, скорее на прекрасную аристократку, которой взбрело в голову денек поизображать простолюдинку.

Она обежала его взглядом с короны на голове до кончиков сапог.

– Ты выглядишь дико в этом наряде.

– Дико привлекательным? Согласен.

Она закатила глаза, и корабль рванул вперед, чтобы причалить в кеттердамской гавани. – Тебе слишком нравится играть в пирата.

– В корсара. И да, нравится. В этом есть определенная свобода. Когда на мне этот камзол, я отвечаю только за людей на этом судне. А не за целую страну.

– Это просто притворство, – заявила она.

– Приятная иллюзия. На борту корабля любой может стать кем угодно.

Они облокотились на перила.

– Ты скучаешь по всему этому, да? – спросила она.

– Скучаю. Может быть, если все наши планы полетят к чертям и Вадик Демидов отнимет у меня корону, я снова стану Штурмхондом. Я смогу служить своей стране даже без короны на голове.

Его выбило из колеи то, насколько привлекательной показалась ему эта идея. Он не возражал против того, чтобы быть королем. Проблемы для того и нужны, чтобы их решать. Препятствия – чтобы их преодолевать. Союзники – чтобы их привлекать своим шармом или своевременной взяткой. Он с радостью поднимал меч и перо на защиту Равки, мог не спать и не есть днями и ночами, чтобы увидеть успех своего начинания. Но короли редко могут себе позволить действовать – и совсем не так, как корсары или генералы. Быть королем означало сомневаться в каждом шаге, просчитывать бесчисленные варианты перед принятием решения, понимая, что твой выбор может привести к последствиям, за которые заплатят другие. «*Нам нужен король, а не искатель приключений*». Зоя была права, но это не значило, что он должен этому радоваться.

Она кинула на него заинтересованный взгляд.

– А ты бы мог это сделать? Отказаться от трона?

– Я не знаю. Когда ты жаждешь чего-то так долго, трудно представить себе жизнь без желаемого.

Он полагал, что говорит сейчас не только о Равке.

Зоя встала чуть прямее – воплощение приличий.

– Взрослеть – значит учиться обходиться без этого.

– Какая печальная мысль.

– Все не так плохо. Если долго голодать, забываешь о голоде.

Он наклонился ближе.

– Если тебе так легко потерять аппетит, возможно, ты просто никогда не была голодна. – Она отвернулась, но он успел заметить легкий румянец, окрасивший ее щеки. – Знаешь, ты могла бы отправиться со мной, – предложил он небрежно. – Шквальной всегда будут рады на борту.

Зоя сморщила нос.

– Питаться соленой треской и молиться Святым Апельсинам, чтобы не заболеть цингой? Пожалуй, нет.

– Что, ни малейшая часть тебя не рвется к подобной свободе?

Потому что, видят святые, он рвался.

Она рассмеялась, подставив лицо соленому ветру.

– Я жажду скуки. Я бы с радостью посиживала в гостиной Малого дворца, попивая чай, или засыпала бы в середине очередного занудного совещания. Я бы с удовольствием наслаждалась обедом, не думая обо всей ждущей меня работе. Хотела бы хоть одну ночь проспать спокойно, без…

Она резко замолчала, но Николай слишком хорошо понимал, что она хотела сказать.

– Без кошмаров. Не просыпаясь в холодном поту. Я знаю.

Зоя подперла подбородок руками и уставилась на воду.

– Мы так долго ждем обещанного будущего. Дня, когда все гриши будут в безопасности, когда в Равке наступит мир. Но всякий раз, как мы пытаемся ухватить его, оно утекает сквозь пальцы.

Иногда Николай гадал, неужели природой заложено ему быть неугомонным, Зое – безжалостной, а Равке – вечно воевать под знаменами Ланцовых. Неужели отчасти из-за этого он и стал королем? Он жаждал мира для своей страны, так неужели какая-то его часть со страхом ждала этого? Кем он будет без тех, кто ему противостоит? Без проблем, которые нужно решать?

– Я обещал тебе это будущее. – Как бы ему хотелось сделать эту мечту реальностью для них обоих. – Я не выполнил обещание.

– Не будь смешным, – оборвала она, надменная и властная, как истинная королева. Но следующие слова она произносила, не глядя на него: – Ты дал Равке шанс. А мне дал страну, за которую я могу сражаться. Я всегда буду тебе благодарна за это.

Благодарность. Этого ли он хотел от нее? Тем не менее Николай понял, что ему приятны ее слова. Он откашлялся.

– Похоже, мы прибыли.

Матросы опустили сходни, и Николай с Зоей спустились на причал Пятой гавани.

Зоя уперла руки в бока, обозревая мешанину из людей и грузов перед ними.

– Бреккер, само собой, не потрудился нас встретить.

– Лучше не демонстрировать, что мы знакомы, в кеттердамских доках.

Проще и безопаснее было бы отправить делегацию от имени короны, но Бреккер игнорировал все обращения, пока Николай сам не написал письмо. Им с Зоей прежде уже доводилось работать с этим молодым мошенником. Они не были друзьями или близкими знакомыми, но все же проще было обратиться за помощью к Казу Бреккеру, чем к совершенному незнакомцу.

– Ты – король.

– Только не в этом камзоле.

– Даже с чайкой на голове ты все равно останешься королем Равки, и этот крысеныш из Бочки не переломился бы, окажи он тебе хоть каплю уважения. – Они смешались с толпой туристов и матросов на набережной. – Ненавижу этот город.

– А как по мне, здесь довольно живая атмосфера, – сказал он, переходя на керчийский.

– Если под живой ты имеешь в виду заселенную крысами, покрытую угольной пылью кучу человеческих отбросов, – ответила она тем же, порадовав его весьма заметным акцентом. – И язык их мне не нравится.

– Люблю здешнюю суету. Чувствуется, что этот город процветает; хотелось бы, чтобы такое место появилось и в Равке – с торговлей, промышленностью. Наша страна не должна навсегда остаться бедным родственником, мнущимся у двери.

Зоино лицо стало задумчивым, когда они свернули в Восточный Обруч, где обе стороны канала усеивали игорные дома, как роскошные, так и убогие. Каждый фасад был более крича-щим, чем предыдущий, чтобы привлекать туристов, ищущих развлечений. У каждого входа надрывались зазывалы, обещая самый большой куш и самую живую игру.

– Ты не согласна, – констатировал он с заметным удивлением.

Зоя окинула взглядом впечатляющее здание, которое, Николай мог поклясться, когда-то называлось «Изумрудным… Миром? Дворцом?» Тогда его фасад был зеленым с золотом, в каэльском стиле. Теперь его отделка блистала кучей фальшивых драгоценностей, а надпись над входом гласила: «Серебряная Шестерка».

Зазывала кричал на старика-попрошайку, выпроваживая того с насиженного местечка на лестнице.

– Вали отсюда! Не заставляй натравливать на тебя стражу.

Старик сполз на пару ступенек вниз, тяжело опираясь на свою палку, помогающую под-держивать его искореженное временем и болезнями тело.

– Подадите монетку старому дураку, упустившему свою удачу?

– Я сказал, вали! Ты отпугиваешь жирных голубей.

– Полегче, – вступился Николай. – Все мы друг другу братья.

– Нет у меня братьев, – буркнул зазывала.

Николай сунул свернутый крюге в шапку старика.

– Стоит поблагодарить твоих родителей за то, что не стали плодить таких, как ты.

– Эй – рявкнул зазывала, но они уже пошли дальше.

– Вот о чем я, – сказала Зоя, когда они шли по очередному мосту. – Весь город готов удавиться за монетку.

– И от этого только богатеет.

Бочка кипела заразительной энергией: уличные торговцы, продающие с лотков бумаж-ные кульки со скворчащим мясом и залитые сиропом стопки вафель, фальшивые маги, подби-вающие прохожих испытать свою удачу, пьяные туристы в масках Серого Бесенка или Поте-рянной Невесты и создания невероятной красоты с нежными ручками, гладкими ножками, с роскошными телами, едва прикрытыми лоскутками шелка, и позолоченными скулами, зама-нивающие одиноких и любопытных в дома удовольствий Восточного Обруча. Сплошной поток денег, текущих сквозь это место, бесконечное море людей – ничего подобного в Равке не было.

Она покачала головой.

– Ты смотришь на этот город с позиции короля. Или принца, когда-то прибывшего сюда учиться, или корсара – хозяина морей. С моей точки зрения вид открывается совсем другой.

– Потому что ты гриш?

– Потому что я знаю, что такое быть проданной. – Она махнула в сторону оживленной улицы и канала, кишащего гондолами и торговыми лодчонками. – Я знаю, что нам это нужно. Работа нашим людям, деньги в нашу казну. Но Кеттердам был построен на костях угнетенных.

Гришей-контрактников. Сулийцев, земенцев и каэльцев, которые приезжали сюда в поисках лучшей доли, но не получили даже права владеть землей или занимать места в Торговом совете.

– Тогда мы возьмем у керчийцев только то, что нам нравится, и выбросим остальное. Мы построим нечто большее, место для всех.

– Если судьба подарит нам хоть малейший шанс.

– А если не подарит, мы его украдем.

– Кеттердам плохо на тебя влияет. – Легкая улыбка скользнула по ее губам. – Но, думаю, я тебе верю. Наверное, все дело в камзоле.

Николай подмигнул ей.

– Не в камзоле.

– Подойдешь ближе и очутишься в канале.

– Вряд ли.

– Я правда желаю Равке процветания, – сказала Зоя. – Но всей Равке. А не только знати в роскошных дворцах и купцам с флотилиями кораблей.

– Тогда мы построим это будущее вместе.

– Вместе, – повторила Зоя. На лице ее отразились сомнения.

– Что за судьбоносные мысли скрываются в твоей прекрасной голове, Назяленская?

– Если мы переживем войну… Когда установится мир, тебе придется отослать меня куда-нибудь.

– Ясно, – сказал он, не желая показать, как сильно его обеспокоили ее слова. – Ты уже думала куда?

– В Ос Керво. Нам понадобится там кто-то достаточно авторитетный.

– Значит, ты уже все обдумала.

Она коротко кивнула.

– Обдумала.

И это к лучшему. С наступлением мира понадобится новый союз, невеста, которая поможет Равке сохранить независимость. Внезапно в голове вспыхнуло воспоминание, мимолетный образ Зои, склонившейся над его кроватью. Она поцеловала его в лоб. Прикосновение ее губ было прохладным, как морской бриз. Но вряд ли это было на самом деле и уж точно не случится впредь. Скорее всего, ему это приснилось.

– Что ж. Ты можешь занять любой пост, какой пожелаешь. Предполагая, что мы выживем.

– Тогда лучше постараться, – заявила она, одернув рукава своей грубой рубашки. – Мне потребуется не менее двух дней, чтобы смыть с себя вонь дешевых духов и трюмной воды. Как мы можем быть уверены, что Бреккер вообще нам поможет?

– Он из тех, кто считает, что все имеет свою цену, поэтому, думаю, поможет.

– Но сможет ли он помочь нам?

– Насчет этого у меня уверенности нет. Но у нас нет времени на сбор сведений, которые понадобились бы, реши мы украсть титаний сами. Он знает этот город и его дела лучше, чем кто-либо другой.

– Святые, – выдохнула Зоя, когда впереди показался «Клуб Воронов». Он походил на огромную черную хищную птицу посреди стаи крикливых павлинов. И в три раза превышал размерами все остальные здания в этом квартале.

– Похоже, мистер Бреккер расширяется.

– Зачем вообще людям заходить в подобное место? – спросила Зоя в тот момент, когда две хихикающие земенки в деревенских платьях скрылись внутри. – Оно похоже на замок демонов.

– Потому, что им нравятся острые ощущения, – раздался голос за их спинами – старый попрошайка шел за ними через весь Обруч. Но теперь он остановился, распрямив скрючен-

ную спину, и сбросил дурно пахнущие обноски вместе с седыми лохмами, которые оказались париком. Палка в его руках оказалась тростью с набалдашником в виде головы ворона.

Каз Бреккер стер грим с лица и пробежал рукой в перчатке по волосам.

– Разве вы не знали, генерал Назяленская? Именно ради острых ощущений голуби и слетаются в Бочку.

На лице Зои отчетливо отразилось желание жестоко утопить мерзавца в канале, а вот Николай не смог сдержать смеха.

– Мистер Бреккер. Мне следовало догадаться.

– Да, – согласился Каз. – Следовало. Но я вижу, что у вас нынче множество забот.

Возможно, он говорил о войне. А возможно, и о чем-то другом, но от легкого движения брови Каза у Николая осталось ощущение, что он стоит голым посреди Обруча, а на груди у него большими буквами написаны все его тайные желания. Он был рад, когда Бреккер снова обратил свое внимание на Зою.

– К слову, генерал Назяленская, Керчия – конечно, страна без морали и закона, но здесь простой человек может урвать себе кусок, даже если по его венам не течет кровь аристократов или магия.

– Гриши не практикуют магию, – презрительно огрызнулась Зоя. – Это Малая наука. А подслушивать – грубо.

– Лучше разжиться информацией, чем остаться с носом из-за хороших манер. Идем?

Швейцар встал навытяжку, когда Каз провел Зою и Николая между крыльев ворона и вошел с ними в клуб. Он направил их к незаметной дверце в стороне от игорного зала, которую охраняли двое крепких парней.

– К чему этот маскарад? – спросила Зоя. – Может, вам просто нравится переодеваться?

– Мне нравится знать, во что я ввязываюсь, а еще – насколько отчаянно положение клиента. Я мог сесть с вами за стол переговоров и выслушать рассказ, безусловно отшлифованный до мельчайших подробностей во время вашего путешествия, а мог узнать, каково истинное положение дел, прямо из ваших уст.

Они прошли через карточный зал. Каз отпер еще одну дверь, и они оказались в туннеле, где едва можно было выпрямиться во весь рост, слабо освещенном зеленоватым фосфоресцирующим светом. Пару минут спустя пол чуть пошел под уклон, а воздух стал прохладным и влажным.

– Мы проходим под каналами, да? – поинтересовался Николай, не в силах скрыть волнение в голосе. – Когда вы построили туннель?

– Когда он мне понадобился. Вы собираетесь выкрасть титаний, который керчийские военные хранят в Рентвире.

Откуда Бреккер получал все эти сведения? В письме не было никаких деталей, лишь просьба встретиться и поговорить.

– Именно.

– Это укрепленная военная база на одном из самых опасных участков керчийского побережья. С моря без божественного вмешательства к ней не подобраться, а с воздуха слишком велик риск быть подстреленным. Дорога что внутрь, что наружу всего одна, и ее тщательно охраняют. Поэтому вероятность того, что вас схватят, почти стопроцентная. У меня целый список врагов, которые спят и видят, когда я вляпаюсь во что-нибудь противозаконное и загремлю в Хеллгейт.

– Так, значит, вы покинули криминальную стезю? – скептически поинтересовалась Зоя.

– Я знаю, за что стоит браться. Зачем мне браться за это дело?

– Потому, что вы любите вызовы? – предположил Николай.

– Похоже, вы меня с кем-то путаете.

– Я так не думаю, – возразил Николай. – У меня есть кое-что, что вам будет интересно. Безопасность для Призрака.

От него не укрылась легкая заминка в уверенной поступи Бреккера.

– Продолжайте, – сказал Каз.

– По моим данным, некий корабль под командованием юной сулийки, плавающий без флага, внес заметную сумятицу в работорговлю как в Кеттердаме, так и за его пределами. Особо мне нравится история о двух работорговцах, которых оставили связанными, измазанными в дегте и перьях прямо на ступенях Штадхолла. Лично я в восторге от ее артистизма, но вот Торговый совет был не настолько впечатлен, возможно, потому, что на груди одного из них была записка, гласившая: «Новый особняк Герта Ван Верента оплачен телами». История наделала шуму в газетах, и мистер Верент – бывший член Совета с безупречной репутацией – теперь под следствием.

– Уже нет.

– Нет?

– Его признали виновным и приговорили к двум годам в Хеллгейте. Политические соперники уже разорвали его состояние на куски.

– Как быстро работает керчийское правосудие, когда речь идет о больших деньгах, – изумился Николай. – Капитан и ее команда известны как Призраки, но мне из надежных источников стало известно, что эту загадочную сулийку зовут Инеж Гафа.

– Никогда о ней не слышал.

– Нет? – притворно удивился Николай. – Для меня это неожиданность, учитывая ее связи с Отбросами и ее потрясающее умение протыкать людей ножами с тем же усердием, с каким близорукая старушка пытается вышить одеяло. Но, может, и к лучшему, что вы никак не связаны.

– Вот как?

Они остановились перед громадной железной дверью со сложным запирающим механизмом.

– Вы когда-нибудь слышали о *моросеях*? – спросил Николай.

– Мой равкианский не слишком хорош.

Даже если это было правдой, Николай не сомневался, что Бреккеру отлично известно, на что способны *моросеи*. Но если он хочет поиграть, что ж, он получит игру.

– Это военные подводные корабли, перемещающиеся, не поднимаясь над поверхностью моря. Они могут незаметно атаковать судно, и избежать их атаки практически невозможно. Некоторым весьма могущественным керчийцам известна технология их производства. Если враги Призрака убедят керчийское правительство использовать это оружие против нее, она со своим экипажем может быть уничтожена из-под воды в любую секунду.

– Непростая для нее ситуация, без сомнений. – Голос Каза звучал ровно, но Николай видел, как сжали его пальцы голову ворона, венчавшую трость. – Как, впрочем, и для того, кто изобрел такое чудовищное оружие.

Угроза была более чем очевидна.

– Без сомнений. Но что, если, когда технологию передавали Керчии, мудрейший король Равки – вы его, кстати, встречали? Такая редкость, когда человек наделен сразу и умом и красотой, – велел пометить корпуса *моросеев* кусочками родия для того, чтобы с помощью фабрикатора и определенного устройства в его распоряжении корабль мог получить предупреждение о любом подводном судне в радиусе трех миль и уклониться от опасной встречи. Если бы вышеназванный корабль того пожелал.

– Система предупреждения.

– Точно.

Бреккер потянулся к ручке запирающего устройства.

– И в вашем распоряжении имеется такое устройство?

– Не у меня лично, – сказал Николай. – Я знаю, что лучше не носить с собой ничего ценного, когда идешь на встречу со знаменитым вором по прозвищу Грязные Руки. Но это устройство совсем недалеко.

Бреккер крутанул ручку.

– Идемте со мной, *Штурмхонд*. Если мы собираемся такое провернуть, нам потребуются услуги специфических умельцев.

28. Зоя

Они выбрались из туннеля в незнакомой части города, и Зоя задумалась, не решил ли Бреккер намеренно сбить их с толку.

– Мы в Гелдине, – прошептал Николай. – Элитном районе для состоятельных купцов.

У Николая в голове всегда была точная карта. Казалось, они попали в другую страну, а не в другой район города. Улочки здесь были опрятными и милыми, с чистой булыжной мостовой и аккуратными кирпичными домами. Зоя заметила кружевные занавески на окнах, женщину, несущую покупки, прислугу, подметающую крыльцо. Обычные люди, живущие обычной жизнью. Они ходили за покупками, обедали, лежали по ночам без сна, думая о здоровье детей или о делах, ждущих их с утра. Смогут ли они найти способ подарить такую простую, мирную жизнь равкианцам? Наступит ли то время, когда гриши смогут свободно выбирать свое призвание, вместо того чтобы становиться солдатами? За это стоило сражаться.

Они подошли к элегантному особняку с растущими у входа красными тюльпанами. Бреккер дважды стукнул в парадную дверь набалдашником трости.

Зоя сразу же узнала юношу, высунувшего голову из-за двери, – Джеспер Фахи. Они встречались, когда им в последний раз пришлось работать с командой Бреккера. Он был темнокожим и сероглазым и брился почти наголо. Если память ей не изменяла, он был великолепным стрелком.

– Я не должен впускать тебя, – заявил Джеспер.

Бреккер остался невозмутимым.

– И почему?

– Каждый раз, когда впускаю, ты просишь меня нарушить закон.

Некто за спиной Джеспера заявил:

– Проблема не в том, что он предлагает, проблема в том, что ты соглашаешься.

– Но ты посмотри, кого он привел, – сказал Джеспер, с удовольствием оглядывая Николая. – Того парня с летающими кораблями. Входите! Входите!

Джеспер распахнул дверь, открыв вид на огромный холл и на свой потрясающе броский наряд, состоящий из бирюзового жилета и брюк в мелкую клетку. Они не должны были смотреться вместе, но Зоя вынужденно признала, что смотрятся. Он мог бы дать пару уроков князю Крыгину.

– Я слежу за вашими похождениями, капитан Штурмхонд, – заговорщицки шепнул Джеспер.

Каз Бреккер раскусил настоящую личность Николая еще в их первую встречу, но Зоя сомневалась, что он поделился этим со своей командой. Они все по-прежнему считали, что имеют дело с легендарным Штурмхондом, а не с королем Равки.

– Тебе стоит к нам как-нибудь присоединиться, – тут же предложил Николай. – Хороший стрелок на борту не помешает.

– Правда?

– Ты забыл, как ненавидишь открытое море? – напомнил стройный юноша с золотисто-рыжими кудрями и сияющими голубыми глазами. Уайлен… что-то там. Она не смогла вспомнить его фамилию, лишь то, что Женя помогала перекроить его в рамках их плана по спасению Кювея Юл-Бо и его знаний о *юрда-пареме*.

– Я могу приспособиться, – заверил Джеспер. – Я невероятно легко приспосабливаюсь.

Они последовали за Джеспером и Уайленом через гостиную, заваленную музыкальными инструментами различной степени разобранности, со столом, на котором высились кучки чего-то подозрительно похожего на порох. Сквозь высокие окна Зоя разглядела сад и женщину, сидящую перед мольбертом, а за ней неспешные серые воды Гельдканала.

Четкие линии и точные пропорции интерьера были типичны для домов богатых купцов Кеттердама, но создавалось впечатление, что этот дом захватила банда, состоящая из циркачей, бандитов и безумных ученых. На столе в трапезной разместились краски и чистые холсты вперемешку с чем-то похожим на составляющие некоего химического эксперимента.

Зоя подцепила кусочек ткани, выглядящий так, словно его обесцветили.

– Здесь живет фабрикатор?

– Наш приятель, – заявил Джеспер, падая в кресло и вытягивая длинные ноги. – Контрактник, который иногда заглядывает на обед. Тот еще тунеядец.

– Его никогда не обучали? Работа сделана на примитивном уровне.

Джеспер фыркнул.

– А я думал, что в этом есть некая грубая элегантность.

– Нет, – вмешался Уайлен. – Его не обучали. В этом вопросе он непоколебимый.

– Независимый, – поправил Джеспер.

– Упрямый.

– Но стильный.

Каз стукнул тростью об пол.

– Вот поэтому я стараюсь заходить пореже.

Джеспер скрестил руки на груди.

– А тебя никто и не просит заходить почаще. И я не помню, чтобы отправлял приглашение к обеду.

– У меня есть работа, которая потребует умений вас обоих.

– Каз, – начал Уайлен, аккуратно собирая полупустые стаканы, расставленные по всей комнате. – Мы бы не хотели делать ничего незаконного.

– Это не совсем правда, – вставил Джеспер. – Уайлен не хотел бы, а я просто хочу, чтобы Уайлен был доволен. – Он замер, не в силах скрыть свой интерес. – Это незаконно?

– Совершенно, – подтвердил Каз.

– Но оплата великолепная, – вставил Николай.

– Нам не нужны деньги, – заявил Уайлен.

– Разве это не чудесно? – счастливо вздохнул Джеспер.

Каз разгладил лацкан сюртука затянутой в перчатку рукой.

– Это ради Инеж.

Уайлен поставил грязные стаканы.

– Что же ты сразу не сказал? Что нужно делать?

– Влезть на базу в Рентвире и экспроприировать огромное количество титания.

– Это проблемы не составит, – заявил Джеспер, расчищая место на столе, пока Уайлен раскатывал рулон бумаги рядом с картой керчийского побережья. – Охраняют ее ужасно.

Николай поднял брови.

– Мистер Бреккер заставил нас поверить, что задание практически невыполнимо.

Зоя нахмурилась.

– Просто набивал себе цену.

– Спасибо тебе, Джеспер, – кисло объявил Каз.

Джеспер пожал плечами.

– Ну что сказать? У меня природная склонность к честности.

– А у меня на голове золотая шляпа, – буркнул Каз.

– Будь так, я бы попросил примерить, – сказал Джеспер. – Итак, первый вопрос: как нам переместить такое огромное количество металла?

Николай кивнул.

– У нас дирижабль на Вельгелюке.

– Ну, само собой.

– Он оснащен тросами и лебедками и способен поднять тяжелый груз.

Каз ткнул в карту.

– База расположена на крохотном языке земли, выдающемся в море. Погода там неизменно ужасная. Сильные ветра, дождь.

– С этим я справлюсь, – заявила Зоя. Успокоить бурю для нее было не сложнее, чем призвать.

– Проблема в том, как попасть внутрь базы. На въезде там пункт вооруженной охраны, а у нас нет времени изготавливать фальшивые документы.

– Не говоря уже о том, что все мы широко известны, – добавил Уайлен.

Каз пожал плечами.

– Одна из побочных сторон успеха.

– Есть ли возможность подобраться с моря? – спросил Николай.

– Там нет безопасного места для высадки, даже если бы мы шли под керчийским флагом. Единственный путь для нас – отвлечь охрану и повредить прожекторы на башнях. Тогда мы сможем просто пролезть через забор.

– Звучит как предложение пошуметь, – воскликнул Джеспер, выстукивая пальцами по столу бодрый мотивчик.

– Как я уже говорил, – продолжил Каз, – нам понадобятся ваши особые умения. Как только мы войдем, найдем титаний и подадим знак нашим людям в небе. Но нам нужно будет как-то скрыть шум подлетающего к базе дирижабля.

– Я могу обеспечить раскаты грома, – предложила Зоя. – А откуда ты столько знаешь о том, как попасть на эту базу?

Николай усмехнулся.

– Потому, что сам подумывал украсть титаний.

– Правда? А какое применение ты нашел бы такому количеству титания?

Взгляд Каза обдавал холодом.

– Если он кому-то понадобится, я могу его продать. Вот так просто.

«Может быть, и так», – подумала Зоя. А может быть, у Каза, как и у Николая, был слишком живой, деятельный ум, которому постоянно требовались новые вызовы. Он решил, что база – это ребус, и не смог отказать себе в удовольствии решить его.

– Один вопрос, – сказал Уайлен. – Для чего вы используете этот титаний?

– А какое это имеет значение?

– Потому что, в отличие от Каза, у меня есть совесть.

– И у меня есть совесть, – возмутился Каз. – Она просто знает, когда лучше держать рот на замке.

Джеспер фыркнул.

– Если у тебя и есть совесть, то она сидит в каком-нибудь темном уголке, связанная, с кляпом.

– Там очень много металла, – заметил Уайлен, не желая менять тему. – Вы собираетесь использовать его для производства оружия, да?

Зоя ждала. Только Николай мог решить, что стоит рассказать этой банде юных монстров.

К ее удивлению, он сунул руку в карман камзола и швырнул на стол связку бумаг. Чертежи Давидовой ракеты.

Уайлен развязал их и принялся пробегать глазами страницу за страницей.

– Это ракеты. Вам нужен титаний, чтобы увеличить их дальность.

– Да.

– И вы хотите сделать их больше.

Теперь и Николай выглядел удивленным.

– Да. Возможно.

– Это для Равки. Из-за бомбового удара по Ос Альте. Ты устроил блокаду Фьерды ради них, а теперь помогаешь им создать оружие.

– Тот удар был проверкой. Он задумывался как провокация. Если Равка не ответит, Фьерда поймет, что им просто нечем. Они вторгнутся в Равку и останутся там, пока каждый равкианец не попадет под фьерданское иго, а все гриши не будут брошены в тюрьму.

– Или что похуже, – вставила Зоя.

Джеспер подошел к комоду и вытащил кобуру из шкафчика. Потом сунул в нее оба своих револьвера с перламутровыми рукоятками.

– Когда мы выступаем?

Но Уайлен не выглядел таким же уверенным.

– Этот титаний может помочь остановить войну, – сказал Николай.

Уайлен провел пальцем по чертежу.

– И вы в самом деле можете заряжать и направлять эти штуки?

– Можем. Вероятно. Будем надеяться.

– У меня есть пара идей, – сказал Уайлен. – Проблема ведь в соплах, так?

– В соплах? – переспросил Джеспер.

– Да, – ответил Николай. – Для запуска и управления ракетой.

– Какое странное слово, – сказал Джеспер.

– Это точное слово, – возразил Уайлен. – И лишь чуть-чуть странное. Можно?

Николай кивнул, и Уайлен принялся что-то прикидывать прямо на чертеже.

Внезапно Зоя ощутила острый укол в сердце. Слишком просто было вообразить в этой комнате Давида, склонившегося над лежащими на столе планами, представить, как рад он был бы встретить человека, говорящего с ним на одном языке. Судя по выражению лица Николая, его посетила та же мысль. Осознание, кого они потеряли, связало их, как струна, впилось крюками в их сердца. Может, не стоило ей просить о переводе в Ос Керво. Она хотела вместе с ним строить то будущее, о котором они так мечтали. Она хотела строить с ним мир. Пусть даже он женился бы, она все равно могла остаться во дворце, служить рядом с ним. Это был правильный выбор, достойный – вот только при этой мысли хотелось вытащить из буфета бутылку виски и утопить в нем все подобные идеи.

Совсем не помогал и тот факт, что Николая ничуть не огорчила перспектива потерять ее. «*Вот и хорошо*, – сказала она себе. – *Вот так все и должно быть*». Да и было ли что терять, на самом деле? Они были товарищами, друзьями; все остальное было лишь иллюзией, столь же очевидно фальшивой, как и дешевые фокусы магов Восточного Обруча.

– Лучше будет начать, – резко сказала она. – Нам многое предстоит обсудить.

Потребовалось несколько часов, чтобы решить, что они намерены делать, подготовить нужное снаряжение и отправить сообщение на *«Баклан»*. План выглядел достаточно простым, и это заставляло Зою нервничать. Уайлен с Джеспером должны были отправиться вперед, чтобы осмотреться на местности, а затем встретиться с ними в небольшой бухте в паре миль от базы. Там Зое легче всего было подняться на борт «*Баклана*», чтобы вместе со своими шквальными направить его на позицию над базой, как только Николай с Казом окажутся внутри. *«Волк волн»* Штурмхонда должен был остаться на причале Пятой гавани на случай, если возникнут какие-либо обвинения. Хотя если все пойдет по плану, то не будет ни шумихи, ни разговоров. Они войдут и выйдут незамеченными, а количество титания на первый взгляд останется неизменным. Вот только теперь это будет по большей части алюминий.

– Я считаю ужасно несправедливым, что мне не удастся прокатиться на дирижабле, – заявил Джеспер, когда Каз вытолкнул их из столовой.

Николай подмигнул.

– Король Равки будет признателен тебе за помощь, а у него куча дирижаблей. Ворота Ос Альты всегда для тебя открыты.

– Для всех гришей, – пробормотала Зоя, проходя мимо.

Если Джеспер хотел скрыть свой дар, это было его делом, но дракон учуял его силу, как только они вошли в дом. Зоя не могла винить его в том, что он хранит свои способности в секрете, чтобы жить полной жизнью, любить и не знать несчастий, а не оглядываться в постоянном страхе. Возможно, когда-нибудь гриши перестанут быть мишенями.

Каз, Зоя и Николай отправились в бухту в повозке. Джеспер рассказывал, что в богатых купеческих семьях уже появились новые моторизированные экипажи, но они были бесполезны на узких улицах города. Кроме того, они хотели подобраться как можно тише и незаметнее.

Как только они добрались до тех утесов, где Каз предложил встретиться с *«Бакланом»*, Зоя почувствовала, что что-то не так. Вдалеке виднелись огни морской базы, подмигивающие сквозь туман. Но здесь, на вершине утеса, щупальца тумана нагоняли жуть, и дракон внутри встрепенулся, словно чуя опасность. Ей оставалось лишь надеяться, что древнее существо ничем себя не проявит. Она сейчас не могла себе позволить отвлекаться на возвращение драконьего зрения, только не тогда, когда им необходимо выполнить задание.

Далеко внизу серебрилась в лунном свете узкая полоска песчаного пляжа. Волны разбивались о россыпь белых скал – иззубренных, громадных призраков, стоявших словно стражи. «*Они охраняют это место*, – подумала Зоя. – *Ни одно судно не найдет здесь безопасную гавань. И нас здесь быть не должно*». Если пляж перед морской базой хоть немного походил на этот, Зоя понимала, почему никто не рисковал приближаться к ней с моря. Ветер завывал среди утесов, как хор плакальщиц.

– Непросто будет остановить дирижабль над базой и не дать тронуться с места, – заметил Каз. – У нас не выйдет ни поднять, ни опустить платформы для груза.

Зоя подняла руку, и ветер стих, создавая вокруг них кокон из тепла и спокойствия.

– Проблем не будет, как только я окажусь на борту.

– Постарайся сдерживаться, – напомнил Николай. – Нам не нужно, чтобы стража поняла, что оказалась в сердце урагана.

– Как-нибудь справлюсь.

Стук копыт возвестил о приближении двух всадников.

– У нас проблема, – огорошил Джеспер, легко соскакивая с коня. Уайлен спешился намного менее уверенно, определенно не имея в этом большого опыта. – Они заперли груз.

– Как? – спросил Каз.

– Они установили что-то вроде металлического панциря, чтобы защитить груз от капризов погоды.

Зоя нахмурилась.

– Титаний не ржавеет.

– Но во дворе базы хранится и другой груз, – сказал Каз. – Железо. Возможно, древесина, которая гниет, если намокнет. Раньше они просто все накрывали брезентом, но, похоже, военные становятся все более разборчивыми.

– Этого не было в собранных тобой сведениях? – спросила Зоя, начиная злиться.

– Должно быть, его успели установить за последние три недели. А когда торопишь работников, не жалуйся, если работа сделана не так.

– Либо запасись временем, либо готовься рискнуть, – сказал Джеспер.

– А я предпочитаю не рисковать, – добавил Каз.

Зоя перекинула косу на спину.

– Ты хочешь сказать, что не сможешь обойти металлическую крышку?

– Конечно, смогу. Но нужна команда побольше. Это не банковское хранилище, это военная база. Если Джеспер и Уайлен займутся смотровыми вышками, мне придется пробраться внутрь, найти механизм, открывающий крышку, и запустить его так, чтобы никто на базе не заметил. Нам неизвестно, где стоят посты охраны внутри и какая система сигнализации исполь-

зуется. Предполагая, что мы все-таки попадем внутрь, нам понадобится время, чтобы разобраться, что к чему, и как минимум два дозорных.

– Уверен, величайший вор Кеттердама сможет найти решение этой проблемы, – сказал Николай.

– Я не падок на лесть, только на пачки банкнот. Это невозможно, если вы хотите провернуть все тихо и бескровно. Но если согласитесь снять пару охранников или позволите Уайлену взорвать дыру в этом панцире…

– Нет, – твердо сказал Николай. – Отношения Равки с Керчией и так достаточно напряженные. Я не хочу давать керчийцам повод нарушить свой нейтралитет и использовать *морсеев*, чтобы помочь Фьерде прорвать мою блокаду.

– Если бы Инеж была здесь… – протянул Джеспер.

Взгляд Каза затвердел.

– Ты можешь повторять это сколько хочешь, но ее здесь нет. Лучше всего будет подождать. К завтрашнему дню я найду еще двух Отбросов. Анику. И Ротти, может быть.

Откуда-то издалека донесся громкий вопль, пронзительный крик, который мог бы принадлежать и человеку, и животному, и чему-то совсем другому. Зоя ощутила, как ее пронзает дрожь, не имеющая ничего общего с холодом. «*Это место не для нас*». Она чуяла это нутром.

– Святые, – выдохнул Джеспер, – что это было?

Последовал еще один вопль, долгий и пронизывающий. Туман вокруг них словно вскипел, образуя фигуры, которые таяли до того, как Зоя успевала их разглядеть.

Джеспер положил ладони на рукоятки револьверов.

– Говорят, что эти скалы прокляты.

– Ты же на самом деле в это не веришь, – сказал Уайлен.

– Я во многое верю. В привидений. В гномов. В настоящую любовь.

Новый звук – тихий свист – казалось, пополз прямо из моря, усиливаясь и стихая в ритме волн. Зое показалось, словно кто-то ледяными пальцами провел ей вдоль позвоночника, от чего все волоски на руках встали дыбом.

– Довольно, – отрезала она.

Она и так много вытерпела от этой покинутой святыми страны. От взмаха ее руки туман разом исчез, открыв окружившую их группу людей, в шакальих масках и черных шарфах, скрывающих лицо. Блики лунного света плясали на стволах их ружей.

– Сулийцы, – прошептал Джеспер.

– Вам не рады в этом месте, – произнес хриплый голос. Невозможно было сказать, из какой части круга он раздался. Последовал тот же низкий, шипящий свист.

– Мы не собирались причинить никакого вреда, – начал было Джеспер.

– Поэтому вы пробрались в наш лагерь под покровом ночи?

– Давайте отдадим их морю, – предложил кто-то. – Отправим их покричать в полете.

– Мои извинения, – заговорил Николай, выступая вперед. – У нас не было намерений…

Щелк-щелк-щелк. Как щелканье пальцев. Звук взводимых курков.

– Нет, – вмешалась Зоя, кладя руку ему на плечо. – Не извиняйся. Так ты только все портишь.

– Я вижу, – согласился Николай. – Но тогда каков протокол поведения для засады?

Зоя повернулась к сулийцам.

– Наша цель – остановить войну. Но нам не следовало вторгаться на чужую территорию.

– Возможно, вы пришли в поисках смерти, – произнес еще один голос.

Зоя пыталась найти в памяти слова, которым научил ее отец и которые она не произносила с детства. И даже тогда они произносились исключительно шепотом. Мать не желала, чтобы в ее доме звучала сулийская речь.

– *Mati en sheva yelu.*

У этого действия не будет эха. Фраза казалась непривычной для ее языка. Она чувствовала удивление Николая, ощущала взгляды остальных.

– Ты говоришь по-сулийски, как сборщик налогов.

– Тихо, – шикнула женщина в маске шакала, выступая вперед. – Мы видим тебя, *zheji*.

Zheji. Дочь. Это слово, как внезапный удар, вышибло из нее воздух. Маска была похожа на те, что носили по всей Бочке, но те были дешевыми подделками, сувенирами для туристов, не понимающих их истинного значения. Среди сулийцев маски шакала считались священными, и их носили только истинные видящие. *Дочь.* Она не хотела слышать это слово даже от матери, предавшей ее, почему тогда это слово, произнесенное незнакомкой, так ее взволновало?

– Мы видим стены, возведенные вокруг твоего сердца, – продолжала женщина. – Такое случается, когда живешь далеко от дома. – Шакал повернулась, оглядев всю компанию. – Тени повсюду.

– Что ты сказала? – спросил Николай у Зои едва слышно. – Почему ты знаешь эти слова?

Сотни лживых оправданий разом вспыхнули в мозгу, сотни легких способов избежать объяснений, остаться той, кем она всегда была.

– Потому что я сулийка.

Простые слова, но она никогда прежде не произносила их вслух. Она почти почувствовала, как руки матери зачесывают ее волосы, надевают ей шляпку, чтобы защитить лицо от солнца. «*Ты светлокожая, как и я. У тебя мои глаза. Никто не узнает».* Семья носила фамилию матери, чтобы не привлекать внимания. Набри, фамилия ее отца, была стерта, как грязное пятно.

Женщина в маске шакала, казалось, услышала ее мысли.

– Твой отец угас, как угасаем все мы, если не живем среди себе подобных.

– Я не живу, – заявила Зоя. Протест? Мольба? Она ненавидела дрожь в своем голосе. Эти люди не знали ее. У них не было права обсуждать ее семью.

– Представь себе, как ярко ты бы засияла, если бы тебе не пришлось все это время блуждать в тенях. – Она приглашающе махнула рукой. – Идемте с нами.

– Сейчас они поведут нас на смерть? – спросил Джеспер.

– Без понятия, – ответил Каз.

Джеспер выругался.

– Жаль, не надел парадный костюм.

– Думаю, стоит уже разыграть королевскую карту, – обратился Каз к Николаю. – Ты так не считаешь?

– Что за королевская карта? – полюбопытствовал Уайлен.

Голос шакала долетел до них сквозь туман:

– Мы не признаем королей.

– Я мог бы принять это со смирением, – пожаловался Николай. – Если бы у меня было хоть немного практики.

По длинной тропе они начали спуск с вершины утеса туда, где ветер выл над волнами. Сердце Зои бешено стучало, словно у зверька, пойманного в ловушку. На нее нахлынула паника – слепая, бездумная паника. *Почему?* Она знала, что Николай не питает презрения к сулийцам. Никогда не питал. И ей было все равно, что подумают эти крысеныши из Бочки. Так почему она чувствовала себя так, словно эта скала вот-вот раскрошится прямо у нее под ногами? Просто потому, что рассказала им, кто она такая? И в этом вся причина? Неужели это страх быть замеченной?

На середине тропы они обошли валун, за которым Зоя увидела вход в пещеру, похожий на гигантский черный зев, открывшийся в скале.

И снова заговорила шакал.

– Если вам нужно попасть на базу, этот туннель проходит под смотровыми вышками и заканчивается в подвале Рентвира.

– Откуда он взялся? – удивился Николай.

Каз совсем не выглядел удивленным.

– Керчийцы заставили сулийцев строить эту базу.

– А мы всегда оставляем черный ход, – сказала женщина в шакальей маске. – Возле входа в подвал дежурят два часовых. Дальше справляйтесь сами. Дочь, ты можешь посадить в этих скалах свой корабль.

– Почему вы помогаете нам? – спросила Зоя.

– А нельзя просто сказать спасибо и пойти своей дорогой? – поинтересовался Джеспер.

Женщина в шакальей маске отвела Зою в сторону.

– Твое сердце принадлежит не одной тебе. Когда это закончится, когда всему придет конец, помни, откуда ты.

– Король…

– Я сегодня говорю о королевах, не о королях. Помни, дочь.

С этими словами она растворилась в тенях.

Внезапно они остались одни у входа в пещеру. Сулийцы пропали.

Зоя накинулась на Каза.

– Ты знал, ведь так? Ты и не собирался лезть на базу через забор. Ты знал, что у сулийцев здесь лагерь. Ты знал, что они знают путь внутрь.

Каз уже, прихрамывая, входил в туннель.

– Я не вхожу в дверь, пока не буду уверен, что смогу вылезти в окно. Джеспер, Уайлен, отправляйтесь на утес и разберитесь с прожекторами. Мы с Николаем откроем панцирь изнутри.

– Как ты мог быть уверен, что я говорю по-сулийски? – окликнула она его.

– Я крутанул рулетку. К счастью, выпал мой номер.

– Когда-нибудь удача у вас закончится, мистер Бреккер.

– Тогда я просто украду еще. – Он остановился и обернулся к ней через плечо. – Сулийцы никогда не забывают своих соплеменников, генерал Назяленская. Так же, как и вороны.

29. Майю

Майю рухнула на пол, когда Рейем поднялся из своего саркофага. Он все еще сжимал ее руку в своем кулаке. Боль превосходила все, что она когда-либо испытывала. По ее венам словно тек жидкий огонь.

Она уловила блеск серебра и поняла, что во лбу Рейема застрял топор.

Он отпустил ее и через всю комнату кинулся к Тамаре.

Та швырнула второй топор, в качестве отвлекающего маневра, одновременно сжимая руки в кулаки. Рейем схватился за грудь, затем словно стряхнул воздействие сердцебитки и ринулся вперед.

Он врезался в Тамару, и ее тело ударилось об стену с чудовищным лязгом.

Она упала, но в ту же секунду вскочила на ноги.

– Уведи Эри, – рявкнула она Майю.

Но как? У нее была всего одна здоровая рука, а между ними и выходом стояла Макхи в окружении своих Тавгарадов. Майю неловко вытащила свой изогнутый меч левой рукой. Окинула взглядом стены в поисках другого выхода.

– Пол, – подсказал Бергин, и голос его звучал хрипло, словно даже попытка заговорить его утомляла. – Там шлюз.

Конечно. Сточным водам нужно куда-то уходить.

– Спрячьтесь за меня! – велела она принцессе и сильно ударила сапогом по ближайшей решетке – раз, другой. Та поддалась. – Идите! Я их задержу.

Майю пихнула Эри в сток, надеясь, что принцессе хватит сообразительности бежать так далеко и так быстро, как только можно.

– Остановите ее, – приказала Макхи. – И дайте равкианской предательнице дозу парема.

Майю закрыла сток своим телом, пытаясь остановить Тавгарадов, но те отшвырнули ее и прыгнули в сток вслед за Эри. Доктор ринулся к панели управления. Он потянул за один из рычагов, и облако оранжевого порошка вылетело из ближайшего к Тамаре отверстия.

Тамара закричала и попыталась увернуться, но Рейем схватил ее и швырнул на пол, пришпилив клешнями ее руки, пока она изо всех сил пыталась не вдыхать отраву.

– Нет! – вскрикнула Майю. Она знала, что у Тамары в кармане есть антидот, но ее держал Рейем. Она никак не могла достать его.

– Еще один доброволец для лаборатории, – сказала королева.

Майю бросилась к Тамаре.

Рейем ударил ее, и кулаки у него были словно камни. Должно быть, их усилили металлом. Он схватил ее за воротник. Майю поняла, что он сейчас швырнет ее. Она сломает ребра, возможно, раскроит череп.

– Рейем! – крикнула она. – Пожалуйста.

– Dje janin ess! Scön der top!

Рейем застыл.

– Scön der top, – повторил Бергин, и его истощенное тело затряслось.

Майю понятия не имела, что все это значит. Она не знала фьерданского, и, насколько ей было известно, Рейем тоже на нем не говорил.

– Чего ты ждешь? – рявкнула королева Макхи. – Я разбужу всех моих монстров, если понадобится. Пощады не будет. Как и спасения. – Она нажала некую последовательность кнопок, и крышки саркофагов открылись. – Ну и кто теперь вас спасет?

Голова Рейема дернулась, словно он наконец очнулся от затяжного кошмара.

– Я, – рыкнул он. Он с глухим стуком уронил Майю и убрал свои клешни, освобождая Тамару. Та выхватила капсулу с порошком из своего кармана и закинула ее в рот, после чего забилась в конвульсиях.

Рейем рванулся вперед и схватил доктора, швырнув его в стену, а затем принялся крушить металлическую панель управления так, словно она была из сухого дерева. Затем он бросился на двух оставшихся Тавгарадов Макхи. Они двинулись ему навстречу, и в руках у них блеснули клинки, но они не шли ни в какое сравнение с тем оружием, в которое превратился Рейем.

Он даже не старался отражать атаки. Казалось, он просто не чувствует ударов их сабель. Он схватил обеих стражниц за горло и швырнул в стену возле их королевы. Они рухнули на пол, и Майю поняла, что больше они не поднимутся. Следом Рейем схватил за шею королеву.

– Ну и кто теперь спасет тебя?

– Саранча! – завопил доктор.

Но Рейем больше не был Саранчой.

– Поставь ее, – попросила Тамара, заходясь кашлем и утирая пот, градом катившийся по лицу.

– Мы не можем убить ее, как бы сильно мне этого сейчас ни хотелось.

– Рейем? – позвала Майю, сомневаясь, что он услышит и прислушается к ней.

Он бесцеремонно уронил королеву, осевшую безвольной грудой шелка, затем размозжил панель, позволявшую закрыть остальные саркофаги.

Макхи лежала на полу, силясь вздохнуть.

Рейем обернулся.

– Майю. – На его лице застыло затравленное выражение. Он был ее братом и в то же время не был. В нем появилась какая-то оцепенелость, холодность, которой не было раньше. – Я знал, что ты придешь.

У Майю вырвался всхлип, и она бросилась к брату. Боль пульсировала в сломанной руке, когда она повисла на его шее. Его тело было странным на ощупь, не говоря уже о сложенных за спиной жестких крыльях. Ее разум пока не мог всего этого осознать. Ее близнец. *Кеббен.*

– Бергин, – обратился Рейем к гришу-фьерданцу. – Ты в порядке?

– Нет. – Бергина сильно трясло. – Мне нужно… пожалуйста.

– Ему нужна очередная доза парема, – сказал Рейем.

Тамара поднялась, чуть прихрамывая.

– Попробуй лучше вот это.

Она протянула ему капсулу с антидотом.

– Что это?

– Свобода.

Бергин положил капсулу на язык и медленно разжевал. Его тело начало содрогаться.

Рейем кинулся к нему, прижав истощенное тело гриша к своему мощному туловищу.

– Что с ним происходит? Что ты ему дала?

В его голосе отчетливо звучала сталь.

– Антидот, – ответила Тамара. – Какую бы гадость ни подмешивали в парем, которым его пичкали, она явно сильна. Я ощутила на себе, но я получила не полную дозу, а его тело к тому же ослаблено. С ним все будет в порядке.

Снизу послышались крики и звук шагов Тавгарадов, возвращающихся, без сомнений, с Эри в хвосте.

Тамара схватила Макхи за лиф платья и, вздернув вверх, приперла к стене.

– Зови назад своих соколов. Прикажи им привести Эри.

Несмотря ни на что, Майю тяжело было видеть, как грубо обращаются с королевой Табан.

– Я велю им придушить ее на месте.

– Не сомневаюсь, что ты так бы и сделала, если бы была уверена, что тебе это сойдет с рук. Но смерть Эри будет непросто объяснить твоим министрам, не так ли?

Майю видела, как королева взвешивает свои шансы, обдумывая следующий ход.

– Ведите ее сюда! – крикнула Макхи наконец.

Тавгарады выбрались из сливного отверстия, покрытые кровью и нечистотами. Они тащили Эри за собой, связав ей руки. Вряд ли ей удалось далеко уйти в туннелях.

Издалека до Майю донесся шум, похожий на рев двигателя дирижабля.

Принцесса Эри огляделась, замечая Тамару, королеву, потерявшего сознание доктора.

– Так мы… мы, что, победили?

Королева Макхи расхохоталась.

– Мы победили? – передразнила она. – И вот эта дурочка собирается взять в свои руки судьбу страны? Чего, как ты думаешь, вы сегодня здесь добились? Здесь нет министров, которые могли бы засвидетельствовать мои предполагаемые преступления. К тому времени, как ты их привезешь сюда, я велю увезти всех кергудов, а эту лабораторию спалить дотла.

– Мы не оставим вам подобной возможности, – заявила Майю.

– Я – *королева.* Это так трудно понять? Думаешь, ты сможешь вот так просто взять и привести меня во дворец под конвоем твоей равкианской сторожевой псины? Тебя повесят как предательницу. Мои войска окружили здание, и любой посланный тобой гонец будет перехвачен. Так что вернемся к ответу на твой вопрос, моя маленькая сестричка, – нет, вы не победили.

– Оглянись вокруг, Макхи, – обратилась к ней Эри. – Разве такое наследие ты хочешь оставить после себя? Пытки?

– То, что ты называешь пытками, я называю наукой. Если бы мы строили танки, как фьерданцы, или ракеты, как равкианцы, ты сочла бы это более приемлемым? Люди умирают. Такова суть войны.

Рейем ударил кулаком в стену, оставив глубокую вмятину.

– Быть кергудом – значит умереть тысячу раз.

– У вас нет на это права! – воскликнула Майю, чувствуя, как вскипает внутри гнев. – Вы – королева, но не бог.

Макхи сделала глубокий вдох и окинула их всех высокомерным взглядом. В этот момент она выглядела прирожденной правительницей.

– Это было не мое право. Это был мой *долг.* Сделать мою страну сильной.

– Больше тебе не нужно нести груз этого долга.

Все обернулись. Леути Кир-Табан, Небеснорожденная и королева рода Табан, вошла в лабораторию, одетая в роскошный наряд из зеленого бархата, расшитого розами цвета пламени. Ее окружали ее собственные Тавгарады – у некоторых из них в волосах было не меньше седины, чем у нее, – и гриши в ярких, как драгоценные камни, кафтанах.

– Бабушка? – выдохнула Макхи и моргнула, словно пытаясь избавиться от возникшей перед глазами картины. – Но ты же была в своем дворце.

– Я не такая дурочка, какой ты меня считаешь, – мягко заметила принцесса Эри. – Я бы никогда не оставила нашу бабушку во дворце Тысячи Звезд. Для этого я слишком хорошо тебя знаю. Как только шпионы Тамары увидели, что ты вызвала кергудов, мы отправили сообщение в бабушкино укрытие.

Майю вспомнила тех двух всадников, одетых как крестьяне. «К королеве», – велела им Тамара. Майю тогда предположила, что речь идет о Макхи.

Леути кивнула в знак подтверждения.

– Благодарю тебя за предложенный дирижабль, Тамара Кир-Батар.

– Это честь для Равки, – ответила Тамара с поклоном.

Макхи судорожно пыталась расправить платье.

– Боюсь, имело место недопонимание.

– Мне все совершенно понятно, – заверила королева Леути. – Пользуясь властью королевы Табан, я лишаю тебя своего благословения. Корона больше не твоя.

30. Нина

Гелидбель был завершающим событием праздника Сердцевины, последним официальным балом перед тем, как предложения будут сделаны.

Брум сдержал слово и обеспечил ткани для новых нарядов Милы Яндерсдат. Большая часть была скромной и непритязательной. Но бальное платье, надетое Ниной сегодня, мерцало серебром, а длинные бусины, похожие на сосульки, колыхались при каждом шаге. Ее фигуре не шли длинные платья с высокой талией, бывшие сейчас модными во Фьерде, но это платье было прекрасным.

«Я бы лучше надела кафтан», – подумала Нина, глядя на себя в зеркало. Ее страна находится в шаге от войны, а она расхаживает тут в бальном наряде и бархатных туфельках.

– Ты похожа на зимнее утро, – сказала Ханна, встав за ее спиной.

– А ты похожа на сокровище дракона.

Наряд Ханны находился на грани приличия, поскольку был сшит из полос янтарного шелка, чередующихся с нанизанными на нити крохотными бусинами, сияющими как капельки расплавленного золота. Невозможно было сказать, где здесь ткань, а где кожа. Портные Ильвы превзошли сами себя.

Но Ханна не сводила глаз с Нины, избегая смотреть на свое отражение.

– Поверю тебе на слово.

Она разгладила подол своего платья и тут же скрючила пальцы, словно ей не нравилось ощущение гладкого шелка под рукой.

– Ханна, что не так? Ты волшебно выглядишь.

– Это… Там не я. – Ханна закрыла глаза и покачала головой. – Знаешь, о чем я больше всего скучаю, вспоминая монастырь?

– О любящей и заботливой натуре хранительницы?

Улыбка скользнула по губам Ханны, и Нина почувствовала прилив облегчения. Она чувствовала боль, которую излучает подруга, и не понимала, в чем дело.

– Никаких зеркал, – сказала Ханна. – Предполагалось, что мы не должны быть тщеславными и заботиться о своей внешности. Но в этом доме? Мне порой кажется, что здесь по зеркалу на каждой стене.

– Ханна…

– Не говори, что я красивая. Пожалуйста.

– Хорошо, только не плачь, – беспомощно взмолилась Нина. Она большим пальцем смахнула слезу со щеки Ханны. – У тебя все лицо будет в пятнах прямо перед балом.

– Слезы? – удивилась Ильва, влетая в комнату. – Что-то случилось?

Нина с Ханной вздрогнули при звуках ее голоса, и у Нины тут же вспыхнуло лицо, словно ее поймали за чем-то неподобающим.

Ханна выдавила улыбку и сказала:

– Я сомневаюсь, что папа одобрит этот наряд.

– Сердцевину проводят не для одобрения отцами, – заявила Ильва, сияя. – Ты станешь королевой бала, а это увеличит твои шансы найти мужа.

Святые, как же Нину разозлили эти слова. Они решили использовать праздник Сердцевины в своих играх, и использовали не без успеха, но чем все это могло обернуться для Ханны?

Они подхватили свои накидки и пошли следом за Ильвой, готовые отправиться во дворец. Брума нигде не было видно, и Нина задумалась, не отправился ли он ловить Магнуса Опьера и было ли королевской семье Фьерды известно, что их самый ценный пленник сбежал.

Бал проводили в похожей на огромную пещеру зале, где они впервые встретили принца, но сегодня это место стало почти неузнаваемым. Белые лилии укрывали все поверхности,

вились вокруг колонн, спускались с люстр, их раскрытые лепестки походили на маленькие фейерверки, а сладкий запах густой волной распространялся по зале. Нине казалось, словно она окружена рекой меда. Прибыли ли эти цветы из обычных фьерданских теплиц или это сила гришей заставила их расцвести?

Играла музыка, смех и шум голосов накатывали легкими волнами. Казалось, никого не заботила война на пороге. «*Нет,* – поняла она, – *дело в том, что они не боятся. Они уверены, что победят*». Король с королевой сидели на тронах, глядя на гостей с бесстрастными лицами. Нина заметила четки, зажатые в левой руке королевы.

В центре залы, над фонтаном, олицетворявшим силу Джеля, висел огромный венок из лилий и зеленых ветвей ясеня. Он изображал жизнь посреди зимы, с Источником – отцом обновления, и цветами – символами плодородия. Нина посмотрела на Ханну, на других девушек, представленных во время Сердцевины, каждая из которых, стараясь выглядеть как можно лучше, вплела цветы в волосы. Сегодня был последний день их девичества, после него они должны были стать женами и матерями.

– Они в нетерпении, – заметила Нина, немало этому удивившись.

Взгляд Ханны блуждал от одной девушки к другой – одни болтали, другие, заметно волнуясь, стояли рядом с матерями и компаньонками, стараясь не позволить распущенным локонам спутаться в духоте бальной залы.

– Им не терпится заставить родителей гордиться ими, перестать быть обузой семье, создать свой собственный дом.

– А тебе? – спросила Нина.

– Честно?

– Конечно.

Ханна одарила ее непонятным взглядом.

– Я хочу закинуть тебя на спину лошади и ускакать с тобой так далеко и быстро, как только возможно. И никаких дамских седел.

Не успела Нина придумать достойный ответ, как Ханна уже направилась к столам с прохладительными напитками.

Нина смотрела ей в спину, отмечая ее длинные плавные линии. Сейчас она снова была испугана, как в тот раз, когда наткнулась на Йорана в секторе дрюскелей. Ханна была серьезна? Или просто пошутила? Нина уперла руки в бока. Она, черт возьми, собиралась это выяснить. Потому что, да, она была солдатом и шпионом, и у нее был долг перед Равкой, но… но мысль о том, чтобы ускакать с Ханной Брум в новый мир, была не из тех, которые легко выкинуть из головы.

Но стоило Нине добраться до Ханны, как появился Йоран и отвел их к принцу. Ильва замахала на них руками, расплывшись в счастливой улыбке и весело подмигнув. Ее приводило в восторг то внимание, которое оказывал ее дочери принц Расмус. Ханна с Ниной навещали его каждый день на этой неделе, и Ханна энергично взялась за лечение принца. Ходили слухи о том, что Фьерда и Западная Равка готовятся заключить союз, чтобы свергнуть Николая, и Нине оставалось только надеяться, что выздоровевший принц сможет бросить вызов Бруму и проявит себя как будущий король. Если бы у нее было чуть больше времени, она смогла бы заставить Расмуса и его мать задуматься о мире.

Что до Йорана, Нина понимала, что, скажи он хоть слово Ярлу Бруму, ее бы давным-давно отволокли в тюрьму в кандалах. Телохранитель принца никак не напоминал ни об их встрече, ни о состоявшемся между ними разговоре.

Наследный принц привычно занял целый угол бальной комнаты, устроившись в сводчатом алькове. Здесь было столько лилий, что казалось, будто они попали в зачарованную беседку, и Расмус выглядел как настоящий сказочный принц, правитель пещер Истамера. Щеки его украшал здоровый румянец, плечи были широко расправлены. Весьма заметные

изменения по сравнению с прошлой неделей, когда он внезапно почувствовал себя плохо. Нине почти стало стыдно, но это чувство испарилось, стоило ей вспомнить о бомбах, сброшенных на Ос Альту, и о том, как он бил Йорана, весело при этом смеясь. Он стоял в окружении толпы лордов и леди, но глаз не сводил с приближающейся Ханны.

– Джель-Вседержитель! – воскликнул принц. – Ты потрясающе выглядишь, Ханна.

Ханна с улыбкой присела в реверансе, исчез любой намек на ту бунтарку, что хотела ускакать из Ледового Двора на свободу. Несмотря на короткие волосы и провокационное платье, она казалась воплощением истинно фьерданской скромности и женственности. Какой талантливой актрисой она стала. Нине это было ненавистно.

– Ступайте, – велел Расмус, махнув рукой придворным, столпившимся вокруг него. – Не хочу, чтобы меня что-то отвлекало от созерцания этого волшебного создания.

Придворные, бросив в сторону Ханны несколько понимающих смешков, ушли без единого возражения, поскольку давно привыкли к капризам принца.

– Вы тоже хорошо выглядите, энке Яндерсдат, – произнес Йоран, когда Нина с Ханной устроились в низких креслах напротив Расмуса.

– Бедный Йоран, – рассмеялся принц. – Думаешь, я повел себя невежливо, не обратив внимания на Милу в ее дешевых блестках? – Лицо Йорана затопил бордовый румянец, и Расмус вздернул бровь. – Неужели мой верный страж поражен стрелой страсти? Она слишком стара для тебя, Йоран, к тому же ты здесь для того, чтобы играть роль моего злобного охранника, а не для того, чтобы пялиться на вдовушку рыбака.

Нина весело хихикнула. Ей было наплевать, что думает о ней принц, а еще она понимала, что замечание по поводу ее наряда было попыткой уколоть Брума, заплатившего за него.

– А вот это и правда немного невежливо, ваше высочество, – сказала она. – Но я рада быть в тени света Ханны. И вы сами сегодня выглядите очень хорошо, если позволите так сказать.

– Позволяю… хотя ты заставишь нашего приятеля Йорана ревновать. Возможно, тебе стоило бы сказать комплимент и ему тоже.

Нина улыбнулась Йорану. *«Твоя тайна в надежных руках».*

– Вы сегодня кажетесь чуть менее суровым, Йоран.

– Правда? – удивился принц Расмус. – Разве что в районе лба.

– Какое сегодня столпотворение, – заметила Ханна. – Никогда еще не видела в этой зале столько людей.

– Они все хотят поглазеть на меня, и я с радостью предоставлю им такую возможность. И, само собой, всем хочется поговорить о войне.

– Я вижу тут Вадика Демидова, но рядом с ним нет Апрата, – сказала Нина.

– Демидов всегда рад угоститься едой и вином за чужой счет. Что касается священника, он в последнее время стал очень скрытным. Твоему отцу это сильно не по вкусу. Он хочет, чтобы моя семья изгнала его обратно в Равку или в любую дыру, согласную принять его.

«Великолепная идея», – подумала Нина. Чем реже она видит священника, тем лучше.

– А что решила ваша семья? – спросила Нина.

Расмус скривился.

– Мать стала подозрительно суеверной и не расстанется со священником. Она проводит в часовне Джеля дни и ночи.

«Ну еще бы». Но Нина предоставила Ханне выдохнуть удивленное «Оу?».

Расмус понизил голос и наклонился вперед.

– Она не хочет позволять Бруму бомбить гражданские цели. Несет какой-то бред, словно крестьянка, узревшая лик Джеля в куске хлеба. Утверждает, что духи мертвых говорили с ней и что Джель снова нашлет на меня хворь – лишь потому, что я немного подрастерял веру.

Ханна виновато опустила глаза и коснулась пальцами веточки лилий в серебряной вазе.

– Может, это и суеверия, – согласилась Нина. – Но если Брум решил бомбить города, то вы могли бы принять совсем другое решение, чтобы показать ему, что у вас свои планы на будущее Фьерды.

– Любопытно, – протянул Расмус, окинув оценивающим взглядом сперва Нину, а затем и Ханну. – Жена рыбака открыла для себя политику. Она критикует решения твоего отца, Ханна. Что ты на это скажешь?

Ханна склонила голову набок, изобразив раздумья.

– Скажу, что сильные люди демонстрируют силу, а великие – силу, сдерживаемую милосердием.

Расмус рассмеялся.

– У тебя талант к дипломатии, Ханна Брум. И мне на самом деле нравится играть более заметную роль в выборе нашей военной стратегии. Хотя, признаюсь, наши генералы были в шоке, когда я присоединился к их заседаниям.

Это было хорошо. По крайней мере, Нина на это надеялась. «*Лучше, чем Брум. Это все, что нам нужно*». Сила, сдерживаемая милосердием. Принц, который выберет мир, а не войну, если выпадет такой шанс.

– Я рада, что вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы участвовать в них, – сказала Ханна.

– Не скрою, мне и самому это понравилось. Сегодня мы большую часть времени обсуждали планы впечатляющего пополнения нашего вооружения.

– Новое оружие? – спросила Нина. Неужели речь идет о тех чертежах с пометкой «Певчая птичка», что она видела на столе у Брума?

– Что-то вроде того. Но давайте больше не будем обсуждать войну и замшелых генералов.

– Лучше бы им вспомнить, кому предстоит править этой страной, – заметила Ханна.

Расмус с довольным видом сел чуть прямее.

– Да. Лучше помнить, как бы ни хотелось некоторым об этом забыть. Сообщаю, что сегодня я уже трижды танцевал. И мы с тобой тоже отправимся танцевать чуть позже, Ханна. Не могу дождаться, когда смогу потрясти весь двор видом твоего наряда.

– Почту за честь, ваше высочество.

– Все так говорят. Но это не всегда так. Придворные дамы раньше с трудом выносили необходимость танцевать со мной. Я не успевал за музыкой. Начинал хрипеть к концу каждого танца. Меня приходилось терпеть, как терпят детские концерты.

Лицо Ханны стало задумчивым.

– Мне хорошо знакомо это чувство. Каждый раз, когда какой-нибудь солдат приглашал меня на танец, я понимала, что это лишь очередная попытка заслужить благосклонность моего отца. Каждую минуту, проведенную с такими кавалерами, я чувствовала, как не терпится им поскорее от меня избавиться.

– Потому что ты слишком высокая, слишком крепкая. Мы – противоположные стороны медали. Думаю, нам стоит отправиться танцевать прямо сейчас и заставить их всех говорить о нас.

Ханна рассмеялась.

– Но музыка для танцев пока не звучит.

– Если Его Королевское Высочество желает танцевать, зазвучит.

Он предложил ей руку, и Ханна с улыбкой приняла ее. Нина почувствовала, как вдруг сжалось сердце. «*О, как это мелко с твоей стороны, Зеник. Вряд ли у вас с Ханной могло бы быть здесь совместное будущее*». Пусть Ханна и говорила о том, чтобы ускакать куда-нибудь, но это лишь от волнения, от перспективы отправиться на очередной бал, провести очередной вечер за пустыми разговорами. Она не сможет оставить Фьерду, как и Нина не сможет оставить

Равку. А когда задание Нины будет выполнено? Она определенно не собирается и дальше жить при фьерданском дворе под личиной жеманной дурочки.

Нина следила за тем, как Ханна с принцем Расмусом плывут в море пар под плавный мотив, наигрываемый музыкантами. Она любила танцевать и умела это делать. По крайней мере, когда-то. Ей давно уже не выпадала возможность потанцевать – или попеть, или сделать то, чего ей сейчас хочется.

«Радуйся за Ханну. Радуйся за них обоих». Она прикусила губу. Она пыталась, черт побери. Рядом с Ханной дурной характер Расмуса становился мягче; Нина замечала в нем проблески того мужчины, которым он мог бы стать, если бы им удалось избавить его от яда Фьерды, от требований, что она налагала на своих правителей и мужчин в целом. А Ханна? Легко было заметить, чем она пожертвовала, чтобы стать девушкой, способной вызвать интерес принца, но что она приобрела? Всю свою жизнь она не вписывалась. Она не была похожа на нежных придворных красавиц. Они с Расмусом стояли лицом к лицу, равные по росту и телосложению. Но Ханне и не нужно было выглядеть как все остальные. Теперь она, сияющая, необычная, ликующая, стала предметом зависти, а не насмешек. *Девушка с волчьей кровью.*

– Я должен поблагодарить тебя, – произнес Йоран, вырывая Нину из ее мыслей. – Ты могла бы рассказать обо мне Бруму. Спасибо, что не стала.

Нина понимала, что следующий шаг ей нужно сделать крайне осторожно.

– Ты не должен стыдиться своей веры.

– Как ты можешь говорить такое?

С Йораном Нина могла позволить себе чуть приподнять маску Милы. Перед ним не требовалось изображать угодливую глупышку, как перед Расмусом или Брумом.

– Слишком уж много во Фьерде стыда. Я не понимаю, почему ты не можешь искать утешения в молитвах своим святым.

– Коммандер Брум утверждает, что святые – это ложные боги, придуманные, чтобы отвратить нас от Джеля.

– Определенно, не все святые, – возразила Нина, хоть и понимала, что именно подразумевал под этим Брум. – Не Санкт-Эгмонд, построивший Ледовый Двор, и не Санкта-Урсула-из-Волн.

– Брум не верит, что они были святыми, считает их просто людьми, получившими благословение Джеля. Он говорит, если мы откроем сердца языческой религии, Джель покинет нас и Фьерда будет обречена.

Нина медленно кивнула, словно бы в раздумье.

– Я слышала о культах фальшивых святых, вроде Беззвездного. Слышала истории о пятнах тлена, которые кто-то считает знаками его возвращения. Как думаешь, его последователи смогли бы найти здесь поддержку?

– Трудно поверить, но… Брум утверждает, что люди настолько отчаянно хотят на что-то надеяться, что готовы поверить любому дешевому спектаклю.

Нина именно на это и рассчитывала.

– А как насчет чудес здесь? И в Равке? Рыбаки, спасенные в море? Костяной мост в Ивце?

– Эффектные трюки для слабых разумом. Именно так…

– Так говорит Брум, я понимаю. Ты веришь всему, что говорит коммандер Брум?

– Так меня учили.

– А на самом деле?

Йоран посмотрел на пары, кружащиеся по залу.

– Ты злишься из-за… из-за того, как он с тобой обошелся.

– Да, – согласилась Нина, и, вероятно, это было самое искреннее слово, произнесенное ей в Ледовом Дворе. – Но ты тоже начал задумываться. А что, если Брум неправ?

– Насчет чего?

Нина постаралась сохранить ровный, дружелюбный тон.

– Насчет гришей. Джеля. Насчет того, как следует вести войну. Насчет всего этого.

Лицо Йорана посерело.

– Тогда для меня не осталось никакой надежды.

– Даже у святых?

– Да, – сказал он бесцветным голосом. – Святым ни к чему такая душа, как у меня.

Нина поднялась и подошла к нему. Должен же быть способ достучаться до этого мальчика. При правильном подходе он мог бы раскрыть ей секрет нового оружия Фьерды.

– Все солдаты убивают. И ни один из них не может утверждать, что все смерти справедливы.

Йоран обернулся, и Нина удивленно вздохнула, увидев бездну отчаяния в его глазах. Он был похож на человека, переставшего искать ответы. Он остался один среди льдов, и его сердце истекало кровью.

– Ты не понимаешь, – заговорил он.

– Не будь так уверен.

Ей приходилось убивать, и не раз.

– Я убил безоружного человека.

А Нина позволила толпе призрачных женщин разорвать на куски хранительницу.

– Пусть так, но…

Йоран схватил ее за руку.

– Он был моим братом. И предателем. Я выстрелил в него и оставил умирать в чужом городе. Я…

Мой брат. Предатель.

– Молчи, – выдохнула она.

Что бы ни собирался сказать Йоран, она не хотела этого слышать. Не хотела знать.

Но Йоран не стал молчать.

– Он сказал мне… Он сказал, что в мире много того, чего мне не нужно будет бояться, если только я пошире открою глаза. И я открыл. – Его голос прервался. – Теперь я боюсь всего.

Дрюскели приезжали в Кеттердам во время аукциона. Они назначили цену за голову Матиаса. Нине казалось, что она падает. Она стояла на коленях на булыжной мостовой, глядя на то, как гаснет свет в прекрасных глазах Матиаса. Она обнимала его, пытаясь удержать рядом с собой. Он умирал у нее на руках.

– А ты и должен бояться, – рыкнула Нина, пихнув Йорана в тень алькова, подальше от любопытных глаз. Он слишком опешил, чтобы сопротивляться, и со следующим вздохом ее костяной дротик уже прижимался к его яремной вене. – Ты должен дрожать и плакать в своей кровати, как и следует такому подлому трусу. Ведь это ты убил Матиаса Хельвара. Признавайся.

В его широко распахнутых глазах вспыхнуло изумление.

– Я… Кто ты?

– *Признавайся.* Я хочу услышать твое признание, прежде чем оборву твою никчемную жизнь.

– Мила?

Голос Ханны. Он казался таким далеким.

– В чем дело? – требовательно спросил принц.

Рука Йорана накрыла Нинину, пряча костяной дротик. Он заставил ее застывшее тело повернуться.

– Я сделал энке Яндерсдат неприличное предложение, а она поставила меня на место.

– Это правда? – спросил принц.

Нина не могла говорить. Казалось, ее челюсти сжаты намертво. Если бы она попробовала разжать их и заговорить, то начала бы кричать и не смогла остановиться.

Ханна подошла к ней и обняла за плечи.

– Мне нужно отвести ее домой.

– Не говори глупостей, – возразил принц Расмус. – Она в порядке. Он же не зажал ее в углу, чтобы задрать юбки.

Ханна удивленно посмотрела на него.

– Дело не в этом.

– Она вдова, а не невинная девушка, Ханна. Не упрямься.

– Йоран сказал…

– Йоран подарил одинокой вдове немного внимания. Да ей это в радость.

Что-то изменилось в лице Ханны, словно гнев исказил прекрасные черты.

– Она выглядит обрадованной?

Нина представления не имела, как она выглядит в данный момент. Как привидение. Как мстительный дух, жаждущий возмездия. Как уничтоженная женщина.

– О Ханна, не будь такой занудой. Ты даже хуже моих наставников.

– А вы не будьте таким легкомысленным и жестоким.

Из голоса принца исчезла вся теплота.

– Следи за языком, Ханна Брум. Я не стану терпеть оскорбления ни от тебя, ни от твоего отца.

Вмешался Йоран:

– Это я во всем виноват, ваше высочество. И могу лишь умолять энке Яндерсдат о прощении.

– Только я могу велеть тебе умолять, – оборвал его Расмус. – У тебя нет другого хозяина, кроме меня. – И тут он внезапно улыбнулся. – Давайте-ка все прекратим злиться и продолжим веселье. Мне следует быть хорошим, добрым и терпеливым – таким же, как Ханна. Йоран, ступай, найди нам чего-нибудь покрепче пунша.

Йоран поклонился, и Нина вцепилась в руку Ханны, боясь, что, если отпустит ее, тут же кинется вслед телохранителю и вцепится ему в глотку.

– А теперь улыбнись мне, Ханна. Иногда принцы жестоки. Это их прерогатива.

Пальцы Ханны напряглись в Нининой ладони, но она все равно заставила себя улыбнуться и присесть в реверансе.

– Конечно, ваше высочество.

«Я научила ее этому, – подумала Нина. – *Научила лгать и изображать покорность. Я взяла дикарку и научила ее носить поводок».* Сейчас это, возможно, и было притворством, но Нина знала – если слишком долго играть роль, показное смирение может стать настоящим.

Представление Ханны полностью удовлетворило принца.

Он усмехнулся, сверкнув глазами.

– Какой прекрасной невестой кому-то ты станешь. Пойдем еще потанцуем? Мы можем отвести бедняжку Милу к твоей матери, а Йорану останется лишь наворачивать круги с кучей бокалов в руках.

– С огромным удовольствием, ваше высочество, – сладко пропела Ханна.

– Вот так. Я подчинил Брума своей воле. Это оказалось несложно. – Принц рассмеялся, но Нина не нашла в себе сил поддержать его.

Бал Нина покинула рано. Ей не хотелось бросать Ханну, но Ильва настояла.

– Мне кажется, ты снова заболеваешь, Мила. У тебя руки ледяные, и я никогда еще не видела тебя такой бледной.

Она вернулась в комнату, но не знала, как заставить себя начать приготовления ко сну. Поэтому улеглась на застеленную кровать прямо в своем чудесном серебристом платье. Из

головы никак не уходили воспоминания о тяжести тела Матиаса. Она все еще чувствовала его в своих руках и этот груз могла бы носить вечно. В тот последний раз, когда он взял ее за руку, его пальцы были липкими от собственной крови.

Она закричала в подушку, чтобы выплеснуть боль хоть куда-нибудь, хоть как-нибудь. Но слышала лишь его голос.

«Я хочу, чтобы ты спасла остальных… других дрюскелей. Поклянись, что хотя бы попытаешься им помочь».

Матиасу выстрелили в живот. Он видел своего убийцу. Он знал, кто это. Дрюскель, как и он, на самом деле просто мальчишка. И этот мальчишка действовал не по приказу своего командира. Если бы Йорана послали за Матиасом, его бы наградили за убийство. Вместо этого его приставили личным охранником к принцу – в качестве напоминания, что он ослушался командира, что убил одного из своих. Но это все же не было настоящим наказанием. Не тем, которое положено за убийство.

«Некоторые фьерданцы достойны спасения. Пообещай мне».

Она пообещала, но видят святые, даже не догадывалась, чего ей будет стоить это обещание.

Дверь распахнулась, и Ханна ворвалась в комнату.

– Я пришла, как только смогла.

Нина села, пытаясь стереть горячие слезы, катящиеся по щекам.

Ханна обняла ее и прижалась своим лбом к ее.

– Мне так жаль. Я убью его, если он причинил тебе боль. Я не понимаю, почему принц…

– Нет, – перебила ее Нина. – Йоран не… Он не приставал ко мне.

– Тогда что случилось?

Нина не знала, что сказать, с чего начать объяснения.

– Он обидел меня. Сильно. Я… я хотела убить его. И все еще хочу. Так я ему и сказала.

– Ты угрожала телохранителю принца?

Нина спрятала лицо в ладонях. И это после всех ее разглагольствований о поддержании легенды и о соблюдении крайней осторожности.

– Да. Он может отправиться прямиком к твоему отцу. Он знает, что я не та, за кого себя выдаю. – И тут ее пронзила новая стрела страха. – Почему ты вернулась так быстро? Что-то случилось с принцем?

– Нет. Бал рано закончился. Дрюскели ушли. Принц и королевская семья покинули зал с эскортом солдат.

– Война, – сказала Нина. – Она начинается.

Ханна кивнула.

– Думаю, да.

Нина вскочила с кровати и принялась расхаживать по комнате. Ей было трудно привести мысли в порядок. Она подвергла и себя, и Ханну опасности, но у нее еще был крохотный шанс что-то предпринять. Война пришла, а значит, дрюскелей отправят на фронт сражаться против гришей Равки. И ей может больше не представится возможность отомстить.

– Ханна, прости. Мне надо идти.

Взгляд Ханны был спокойным.

– Куда?

– Я…

Если она сделает то, что собралась, если убьет Йорана, спрятаться будет негде. Ее будет ждать смертный приговор. А если ей каким-то образом удастся сбежать? Она никогда больше не увидит Ханну.

Ханна медленно поднялась.

– Это из-за Матиаса.

Нина отшатнулась. Ханна никогда прежде не произносила его имя.

– Я знаю, ты любила его, – продолжила Ханна. – Мой отец частенько проклинал имя Нины Зеник, гришийской шлюхи, обольстившей его лучшего ученика.

– Ты знала его? – прошептала Нина.

– Немного. Только как одного из солдат отца.

– Он… – Тело Нины сотрясала дрожь. Ей казалось, что комната полна духов – девушки, которой она была, парня, которого она любила, и той, кого она любила сейчас, – храброй, доброй и полной силы. Той, кого она не заслуживала. – Йоран убил его. Он сам это сказал. Он выстрелил в безоружного и оставил его… – Ее голос оборвался. Невысказанные слова душили ее. – Он оставил его умирать. Но Матиас нашел в себе силы добраться до меня.

Ради последнего поцелуя. Ведь их было так мало. Нина сжала руки в кулаки, чувствуя, как поднимается внутри волна гнева.

– Это может быть мой последний шанс.

– На что?

– На то, чтобы свести счеты, – выплюнула Нина. – Увидеть торжество справедливости.

– Йорану нет и семнадцати, – тихо сказала Ханна. – Ему, наверное, было пятнадцать, когда умер Матиас.

– Матиас не *умер.* Он не отошел в мир иной, лежа в своей кровати. Не попал под карету. Он был хладнокровно убит.

– А он сказал тебе, кто его убил?

Нина отвернулась.

– Он отказался.

«Прояви немного милосердия к моему народу». Матиас мог бы признаться ей, что его убил юный дрюскель, возможно, он даже знал имя Йорана. Вместо этого он просил за свою страну и своих братьев. Он не хотел, чтобы она искала отмщения. Но как насчет того, чего хотела она? Как насчет скорби, которая никогда больше не покинет ее?

Ханна положила руку на плечо Нины, мягко развернув ее к себе.

– Йоран был мальчиком, взращенным в ненависти. Как и Матиас. Как и Расмус. И я.

– Ты не понимаешь.

Эти же слова Йоран сказал ей несколько часов назад. Он был уверен, что не заслуживает спасения. Может быть, Нина так же думала про себя.

Но Ханна лишь покачала головой.

– Никто из нас не понимает, пока не станет слишком поздно. Если ты это сделаешь, тебя раскроют. И казнят.

– Может быть.

Лицо Ханны окаменело.

– Значит, это так просто? Покинуть это место? Бросить меня?

Нина посмотрела Ханне в глаза. Разве это она собиралась сделать? Как могла она бросить то, что никогда не было названо, о чем никогда не говорилось, чего никогда не могло быть?

– Принц Расмус хочет жениться на тебе, – сказала Нина.

– Я знаю.

– Правда?

– Я не дура. Из-за моего отца, а не из-за меня.

– Это неправда, – возразила Нина. – Я видела, как он на тебя смотрит.

Смех Ханны был хриплым, холодным и внезапным, похожим на стучащий по стеклу град.

– О, я в этом уверена. Я вроде нового завоевания. Одна из Брумов, которую можно подчинить своей воле. Я понимаю, откуда родом его жестокость. Он слишком долго прожил в зависти к другим и ненависти к себе. Мне знакома эта болезнь.

– Но в тебе нет ни капли жестокости.

– Я могла бы тебя удивить. Но, возможно, со временем мне удастся исцелить и его сердце.

Нина поджала губы.

– Ты станешь королевой.

– Я могла бы направлять его, менять ход его мыслей. Мы могли бы создать Фьерду заново.

– А ты смогла бы быть счастлива с ним?

Этот вопрос ей из себя пришлось буквально выдавливать.

– Нет. Не с ним. И не с любым другим. – Ханна склонила голову. – Возможно, я вообще не умею быть счастливой.

– Когда мы отправились на праздник Сердцевины…

– Я знаю. Я думала, что смогу заставить себя захотеть такой жизни, замужества, захотеть быть… как все. Думала, что если достаточно долго и хорошо буду играть свою роль…

– То игра станет реальностью.

Спокойствие Ханны испарилось. Она села на кровать, а когда подняла на Нину глаза, в них плескались смятение и страх.

– Я не знаю, что делать. Мы закинули удочку и поймали принца. Если он попросит моей руки, я не смогу ему отказать. Но, Нина… Нина, сказать «да» я тоже не смогу.

Нина понимала, что ей нужно отправляться на поиски Йорана, пока принц не уехал из Джерхольма, пока она не лишилась своего шанса. Но она не могла оставить Ханну.

– Это все я, – заявила она. – Со своей ложью и интригами.

Она плюхнулась на кровать рядом с Ханной. Месть может подождать. Одно дело пожертвовать своей жизнью, но она не бросит Ханну в заложниках у будущего, которого та никогда не желала. Она не оставит ее одну в этом месте.

– Королева была права. Ты – хорошая, а я… я втянула тебя во все это. Общение со мной не пошло тебе на пользу.

Ханна поймала ее взгляд.

– Сладости тоже не идут мне на пользу. Мне постоянно говорят, что верховая езда делает меня мужеподобной, а от ветра портится и старится кожа. Я знаю все, что не идет мне на пользу. И все равно не могу от этого отказаться.

Горло Нины пересохло.

– Не можешь? – спросила она тихо. – Отказаться?

Глаза Ханны сияли, как топазы. Она медленно кивнула.

– С тех самых пор, как мы встретились. Когда ты выскочила на просеку – девушка, которой я всегда мечтала стать.

Слишком многое сегодня случилось – она узнала, что сделал Йоран, смотрела на Ханну и принца, понимая, что сама толкнула их друг к другу. «*Может быть, такова моя судьба,* – подумала она, – *находить любовь и тут же терять*». Но Нина все-таки заставила себя заговорить. Она не станет отнимать у Ханны шанс остаться с родителями, жить среди своего народа, даже если именно этого ей хочется больше всего.

– Если ты сможешь полюбить его, я найду в себе силы тебя отпустить.

Ханна наклонилась и отвела влажную прядь волос с Нининой щеки. Нина ощутила касание крепкой ладони Ханны на своем затылке, ее дыхание на своих губах.

– Никогда меня не отпускай, – прошептала Ханна.

– Никогда, – повторила Нина и сократила дистанцию между ними, почувствовав мягкое прикосновение губ Ханны, гладкий шелк ее платья под руками; и весь этот момент был похож на блики на воде – такой же завораживающе яркий и короткий, ослепляющий своей красотой.

31. Николай

Николай следил за тем, как Зоя застегнула на себе специальный трос и поднялась на борт *«Баклана»*. Он знал, что с ней все будет хорошо. Из них всех она была менее хрупкой, менее уязвимой. Его поведение не поддавалось логике, но она, похоже, была потрясена их встречей с сулийцами и собственным признанием, которое не должно было звучать как признание. Когда началась война, он оказался не способен ее защитить, так же как не смог защитить Давида. Поэтому несколько коротких мгновений он наблюдал, как она поднимается, и к черту логику.

Когда полосы тумана скрыли дирижабль, он кинулся к туннелю в скалах, пытаясь догнать Каза. Черные стены туннеля влажно поблескивали в свете фонаря Бреккера.

На базу они вошли легко, просто затаившись и дождавшись, пока охрана закончит обход в комнатах над подвалом и двинется осматривать остальные. Николай и Каз неслышно последовали за ними, хоть Каз и стал хромать заметнее после долгого пути по туннелю. Хорошо, что ему не придется повторять этот путь. Покинуть базу они должны были по воздуху вместе с украденным титанием.

Спустя два вскрытых замка они оказались в темном коридорчике, перед дверью с маленьким круглым окном. Базу построили вокруг центрального двора, полного строительных материалов, которые раньше хранились под открытым небом. Теперь большую часть груза защищал металлический панцирь, доходящий до стен базы и возвышающийся над ними, словно спина кита. Они не заметили усиленной охраны, поэтому Николай рвался поскорее войти.

– Этот склад, судя по всему, не слишком хорошо защищен.

– Так и есть, – подтвердил Каз. – Они больше полагаются на защиту внешнего периметра. Кто-то чересчур расслабился.

Николай задумался, нельзя ли то же самое сказать о самых значимых военных целях Равки. Возможно, стоит пересмотреть систему безопасности на собственных военных базах и во дворце. Из Бреккера, скорее всего, вышел бы отменный консультант по безопасности – если бы Николай не опасался, что он украдет золотые купола прямо с крыши Малого дворца.

– Ты слишком нервный для монарха, – сказал Каз, разглядывая склад.

– А ты многих из них встречал?

– Целую кучу людей, называющих себя королями.

Николай снова заглянул в окошко.

– Возложенная на плечи судьба целой страны действительно заставляет понервничать. Нам еще не пора?

– Чтобы сделать такой ход, дается только один шанс. Если предположить, что нам удастся открыть панцирь, не привлекая внимания стражей и не включив никакой сигнал тревоги, у нас будет около тридцати минут, чтобы подменить титаний алюминием.

– Маловато. Но, думаю, мы справимся.

– Нет, если выберем неудачный момент. Около тридцати минут – слишком расплывчато. Поэтому мы наблюдаем за стражниками, чтобы выяснить, с какой периодичностью они делают обходы.

Над складом загрохотал гром. Зоин сигнал. Он означал, что дирижабль занял позицию над железным панцирем, защищающим груз.

Наконец Каз скомандовал:

– Приготовься.

Затем толкнул дверь, и они проскользнули на склад.

Буря уже разбушевалась вовсю, управляемая Зоей и Адриком, как оркестр дирижерами. Николай слышал раскаты грома и стук дождя по металлической крыше. Им нужны были эти

звуки. Найти пульт управления оказалось довольно легко, но чудовищный скрип, который издал панцирь, открываясь, оказался намного громче, чем ожидал Николай.

– Керчийские инженеры, – пробормотал Каз.

Наконец панцирь разъехался, позволяя увидеть бегущие по ночному небу тучи и зависший над крышей *«Баклан»*. Хотя над ними ярился гром и сверкали молнии, благодаря шквальным ни одна капля дождя не упала на груз.

Грузовой люк дирижабля открылся, и оттуда показались тросы.

– Ступай, – велел Каз. – Я покараулю.

Николай выбежал на середину склада, испытав внезапный прилив благодарности к Казу за его наблюдательность. Ему не нравилось ощущение такой незащищенности. Оставалось надеяться, что стражники не собьются с привычного ритма, завершая обход снаружи. Он схватил конец троса и прицепил его якорь к металлической перекладине у основания панциря. На отдельном тросе, в созданной шквальными тишине, вниз спустили погрузочную платформу. На ней был уложен алюминий. Николай аккуратно подвел платформу к нужному месту и опустил рядом со сверкающей горой титания.

Затем снял крюки, прицепленные к платформе, и закрепил их на поддоне с титанием. Работа пошла бы быстрее с еще одной парой рук, но Казу нужно было стоять на страже. По крайней мере, титаний был достаточно легким, направлять подъем поддона было удобно.

Платформа, поддон, платформа, поддон. Под завывания ветра Николай отправлял титаний наверх и принимал алюминий внизу, но работа шла невероятно медленно. Руки и спина начинали ныть. Он не знал, сколько времени прошло, но вдруг раздался тихий свист Каза. Мгновение спустя появился и сам вор.

– Стража на подходе. Нужно убираться отсюда сейчас же.

– Не может быть, чтобы прошло полчаса. У нас только половина титания на борту. А то и меньше.

– Можешь забрать свою половину, а можешь нарваться на перестрелку. Джеспер будет очень расстроен, если все пропустит.

Им нельзя было допускать столкновения. Ни одного равкианского агента не должны были обнаружить на этой базе, что уж там говорить о короле Равки, пусть даже под прикрытием.

Николай посмотрел на корабль и подал знак Адрику, склонившемуся над грузовым люком.

– Идем.

Каз ударил по рычагу, и металлический панцирь стал медленно закрываться. Они запрыгнули на последний поддон с титанием, и их начали поднимать в дирижабль.

Чуть менее чем в сотне футов от люка дирижабля Николай понял, что что-то идет не так.

Он уставился на трос, по-прежнему прицепленный к перекладине внизу.

– Якорный трос не отцепляется. – Николай махнул рукой Адрику, чтобы тот попробовал поднять якорь еще раз, но механизм заклинило. Якорь не двигался с места. – Мне придется спуститься вниз. Отцеплю его вручную.

– Времени не хватит, – заявил Каз. – Стенки панциря сойдутся раньше. Пусть отцепят трос, как только мы окажемся наверху.

– Не пойдет. Если они отцепят трос, якорь останется на складе, как свидетельство, что кто-то побывал там, где не должен был. Расследование может привести к Равке.

Николай видел огни, движущиеся вдоль западной стены базы. Охрана была на подходе.

– Сколько у меня времени?

– Две минуты. Может, три. Расслабься, Штурмхонд. Они не смогут доказать, что трос из Равки. По крайней мере, не сразу.

– Я не могу позволить этому случиться. – Николай посмотрел на дирижабль, на лица солдат и гришей, глядящих вниз. Как ему хотелось приказать им отвернуться. Скрыть то, что он собирался сделать, было невозможно. – Скажи-ка, Бреккер, ты веришь в монстров?

– Во всевозможных.

– Тогда приготовься встретить одного.

Он закрыл глаза и спустил демона с поводка. Это было нетрудно. Монстр всегда ждал своего часа.

Каз вскинул трость, как только в воздухе перед ними возникла тень, принявшая человекообразную форму.

– Святые трижды проклятые.

Демон расправил свои черные крылья и ринулся к дыре в закрывающемся панцире. Руки Николая вцепились в трос, но больше он помочь ничем не мог. Он все видел глазами демона. Он чувствовал, как руки демона – его руки – вытянулись, мышцы напряглись, вылезли когти. Мгновение спустя монстр рывком высвободил якорь. Трос отскочил с неожиданной силой и хлестнул по одному из аккуратно составленных поддонов с алюминием с гулким лязгом, заставив бруски разлететься.

– Так старались не оставить следов, – съязвил Каз, хоть его глаза и напоминали два блюдца, когда он смотрел на демона, свечкой взмывающего прямо к ним.

– Они могут и не заметить, – с надеждой сказал Николай.

Якорь вылетел из отверстия за доли секунды до того, как панцирь закрылся. Но демон остался заперт внутри.

– А теперь что? – поинтересовался Каз.

Николай чувствовал, как демон несется к панцирю. Нет. Он пытался остановить его, замедлить его полет, заставить снова стать тенью, но тот был слишком опьянен своей свободой. Он пробил металлическую крышку, оставив после себя огромную дыру.

– Думаешь, и это не заметят? – спросил Каз.

Николай глянул наверх и увидел, как Зоя резко опускает руку вниз по дуге.

– Держись крепче!

Ветвистая молния просвистела рядом с ними, обжигая жаром небо.

Она ударила в панцирь, прямо в дыру, проделанную демоном, оплавив металл, после чего появление дыры вполне можно было списать на ярость бури.

Дождь порывом налетел на Николая с Казом, когда Зоя позволила ему хлынуть на крышу внизу. Адрик укрыл дирижабль облаками, чтобы спрятать его от глаз любого стражника, которому вздумается посмотреть на небо сквозь дыру в панцире.

Через пару мгновений они оказались внутри грузового отсека дирижабля, вымокшие до костей.

Демон секунду повисел в воздухе, впитывая буйство грозы и красоту бурной ночи, бесстрашный, как всегда жаждущий крови и разрушений. Николаю не хотелось загонять его назад – и не потому, что его пугало присутствие монстра внутри. Просто какая-то часть его ненавидела снова и снова запирать демона в клетку.

Но тот не сопротивлялся. Возможно, границы между ними начали стираться. Возможно, это тоже была проблема. Он не мог игнорировать раскаяние, посещавшее его, когда он тянул эту тьму назад.

«Ты еще полетаешь», – пообещал он.

Люк дирижабля с грохотом захлопнулся. Экипаж уставился на него. Николай понимал, что случится, когда он выпустит монстра, что он выставит на обозрение. Но на какое-то мгновение его полностью поглотило торжество демона. Зоя качала головой, а вот Каз выглядел заинтригованным, теперь, когда первый страх прошел.

«Что сейчас будет?» – гадал Николай, а равкианские солдаты стояли и смотрели на него. Он видел ужас на их лицах, их потрясение. Адрик стоял в двух шагах от него, подняв руку, словно собирался призвать ветер в защиту. В кои-то веки лицо его было потрясенным, а не угрюмым.

«Надевай маску слабости, когда хочешь, чтобы люди убедились в твоей человечности, но не в том случае, когда ты действительно ее *чувствуешь».* Такой совет он дал Алине много лет назад. А сейчас, похоже, настало время воспользоваться им самому. В первый раз в жизни он решил отдать предпочтение преуменьшению.

Он хлопнул в ладоши, потерев их друг о друга, как хозяин огромного поместья, вернувшийся с охоты к ждущему его вкусному ужину и креслу у камина.

– Все прошло почти так, как и задумывалось, – сказал Николай самым непринужденным, легким тоном, который сумел изобразить. – Кто хочет выпить?

Это не сработало. Точнее, не совсем. Часть экипажа села и выпила с ним, взявшись за уничтожение его запасов бренди чуть более активно, чем решились бы в другой ситуации, в надежде снова вернуть доверие, существовавшее между ними до этого мрачного откровения.

Когда один из них отважился спросить:

– Что это… что это была за штука?

Николай просто ответил:

– Еще одно оружие в нашем арсенале.

– Похоже на горгулью.

Николай наполнил стакан собеседника.

– Тише. А то оно услышит.

Служивый побледнел.

– Я не имел в виду ничего плохого.

Но Николай лишь рассмеялся, и остальные его поддержали, хоть и нервно, но с готовностью. Это были друзья, товарищи, те, кто хорошо его знал и хотел найти способ принять или, как минимум, не обращать внимания на то, что они увидели.

Для некоторых из них этого было недостаточно. Николай точно знал, сколько солдат и гришей сейчас на борту, и знал, что больше половины экипажа решили не садиться за один стол с монстром. Зоя поговорит с гришами. Она сделает все возможное, чтобы ответить на их вопросы и успокоить их тревоги. Но все равно шансы, что они захотят дезертировать, были высоки. А еще, что примутся болтать.

Возможно, теперь и настал конец всему. Глупо было рассчитывать, что ему удастся хранить подобный секрет вечно.

«*Но я мог бы сохранить его»*, – понял он, в очередной раз по кругу наполняя стаканы. Он мог позволить отцепить трос и оставить якорь на складе, где его нашли бы керчийские военные. Да, они могли бы догадаться, что здесь замешана Равка. Могли бы понять, что титаний пропал. Они могли бы предпринять какие-то шаги, чтобы отомстить. Ничего хорошего. Но его секрет все еще оставался бы секретом.

«Еще одно оружие в нашем арсенале». В этих словах могло быть больше правды, чем он сам понимал. Давид знал, что, если технология появилась, ее развитие невозможно контролировать. Танки становились больше. Ружья стреляли чаще. Бомбы наносили больший урон. В ночь подлого налета на Ос Альту демон стал оружием в руках Николая. Может, нет ничего удивительного, что он решил использовать это оружие снова. Но одно дело отправить вражеского пилота домой со страшной байкой для запугивания фьерданцев, и совсем другое – командовать солдатами, утратившими доверие к своему королю. Николаю оставалось лишь надеяться, что тем солдатам, которые попытаются рассказать историю об этой ночи, не поверят, а те, кто останется на службе, смогут снова начать ему доверять.

Джеспер и Уайлен ждали *«Баклан»* на скалах, все в грязи, но внешне невредимые. Сулийцев нигде не было видно, но Николай подозревал, что они рядом, наблюдают.

Когда Каз стал готовиться к высадке на скалы, Николай и Зоя подошли вместе с ним к хлопающим от ветра дверям трюма.

Николай отдал ему металлическую коробку.

– Для Призрака, – сказал он.

Каз взял ее, тут же сунув под мышку.

– Дьявольское устройство для защиты от других твоих дьявольских устройств.

– У меня дар к наведению порядка и пылкая любовь к хаосу.

Каз поднял бровь.

– У человека с монстром внутри.

– Я вижу, как крутятся колесики в вашей голове, мистер Бреккер, решая, как вы можете использовать такую информацию. Я бы попросил, как аферист аферисту, чтобы вы держали ее при себе.

– Я считаю секреты самым выгодным вложением. Чем дольше их хранишь, тем они ценнее.

– Мы могли бы вышвырнуть его из дирижабля прямо сейчас, – предложила Зоя.

– Могли бы, но не станем.

– Почему это?

– Потому что у мистера Бреккера самая лучшая страховка из всех. Он доказал, что может быть полезен.

– Кстати, о секретах, – сказал Каз, хватаясь за трос. – До меня дошли слухи из керчийских колоний. Некий монарх с супругой больше не в ссылке.

– По чьему приказу? – спросил Николай, чувствуя охватившее его напряжение.

– По требованию Ярла Брума и фьерданского правительства. Вечная проблема, когда сохраняешь жизнь врагам.

– Они мои родители.

– Это аргумент? – Каз покрепче сжал свою трость и кивнул кабельщику, готовый к спуску. – Маленький совет от одного ублюдка другому – иногда лучше позволить своему демону уйти в прошлое.

Трос пошел вниз, и Каз исчез.

Николай собирался немного поспать, но вместо этого внезапно оказался в темном грузовом отсеке. Он улегся на холодный пол рядом с одним из поддонов с краденым титанием, надежно закрепленным с помощью тросов и брезента. Здесь было тихо и пусто, единственным звуком был тяжелый гул двигателей дирижабля. Ему почти удалось убаюкать Николая.

В какой-то момент он услышал, как в соседнем посадочном отсеке садится флайер. Он знал, что это гонец, с которым они должны были встретиться над Истиноморем. Он услышал громкие голоса, топот бегущих ног. Новости не могли быть хорошими. Еще один город бомбили? Фьерданцы уже на марше?

Ему захотелось снова оказаться на керчийской базе, спешить, чтобы не поймали, слушать рев бури. Лучше уж это, чем столкнуться с реальностью войны, которую он так старался предотвратить. *«Баклан»* полетит прямо в Лазлайон, где была надежда, что Надя и ее команда фабрикаторов смогут использовать их скудные запасы краденого титания, чтобы дать Равке преимущество в грядущих сражениях. Что же до *«Волка волн»*, его прекрасный покоритель морей простоит в одной из гаваней Кеттердама еще два дня, чтобы назойливые члены Торгового совета успели его как следует осмотреть. Приветт встретит их в качестве Штурмхонда, одетый в роскошный лазоревый камзол, который Николай уже отослал на корабль. С ним нелегко было расстаться. В этом камзоле было открытое море, мечты о другой жизни, которую он мог бы вести. *«А ты бы мог это сделать?* – спросила как-то Зоя. – *Отказаться от*

трона?» Он так долго и тяжело за него сражался, но какой-то тихий внутренний голос все равно твердил *«Да»*. Как и демон, он жаждал свободы. И все же понимал, что не может бросить Равку на произвол судьбы, как это сделал его отец, забывший о долге в угоду желаниям. Пусть его бестолковая, выматывающая душу страна требовала многого, карала любящих ее людей за преданность, он все равно не смог бы отвернуться от своего народа.

Николай слышал, как открылась дверь, и повеяло запахом полевых цветов.

– Прячешься? – спросила Зоя, закрывая за собой дверь.

– Я в засаде. Это намного более содержательно. – Он похлопал по полу рядом с собой. – Присоединишься?

Он ожидал, что она закатит глаза и скажет ему поднимать свою задницу. Вместо этого она легла рядом, почти коснувшись его плечом. *«Святые вседержители,* – подумал Николай. – *Я лежу рядом с Зоей Назяленской. Где-то князь Крыгин роняет слезы в суп*». Они уставились на темный потолок грузового отсека, в пустоту.

– Ты спал? – спросила она.

– Конечно, нет. Когда-нибудь война закончится, и мы с тобой отлично вместе выспимся.

– Ты так себе представляешь соблазнение?

– Нынче? Да.

– Признаюсь честно – твое предложение невероятно привлекательно.

– Я слышал, прибыл гонец, – сказал он. – Война?

– Война. Наши разведчики доложили о новой мобилизации фьерданских войск.

– Мы знаем, куда они направятся?

– Ждем сообщений от разведки. – Она глубоко вздохнула. – Мне нравится, как здесь пахнет. Опилками. Маслом.

– Я и не знал, что ты поклонница верфей.

– Возможно, любой запах становится хорош после Кеттердама. – Он видел ее профиль в тусклом свете. – Титания недостаточно, да?

– Да, – признал он. – Возможно, Давид и нашел бы решение проблемы, но… Надя, Леони и их команда наверняка смогут соорудить что-то и из этого количества. Уайлен внес кое-какие изменения в чертежи системы диагностики, это может помочь. У него талант к разрушению.

– Возможно, если фьерданцы увидят малые ракеты, им достаточно будет угрозы чего-то большего.

– Нет, если не остановить Брума.

Николай со своими инженерами пытался соединить детали орудий и планов, переданные Ниной через Рингсу, со сведениями от шпионов Тамары, но все еще не был уверен, с чем им придется столкнуться.

– Нина считает, что принц Расмус может выступить против этого разжигателя войны, – сказала Зоя. – Я хотела вернуть ее домой, но… возможно, среди фьерданцев ей безопаснее.

– Прошу прощения?

– Знаю, знаю. Сама не могу поверить, что говорю такое.

– Милость принца – ненадежная страховка.

– Ты тоже когда-то был принцем.

– Да, но это же *я.* Скажи мне кое-что, Назяленская. Когда Фьерда получит свою марионетку на троне, допустим, они оставят нас обоих в живых, как думаешь, сможешь ты контролировать Вадика Демидова?

– Для начала нам нужно проиграть, Николай.

Он уставился на собеседницу.

– Звучит подозрительно обнадеживающе. Что ты сделала с моим генералом-скептиком?

– Все не так безнадежно. В романах полно историй про всякий сброд, которому выпадали невероятные шансы.

– Так ты читаешь романы?

– Когда есть время.

– Значит, нет.

– Читаю, когда не могу уснуть.

– Значит, постоянно. Если у фьерданцев будет свидетельство от моей матери, тогда всему придет конец.

Зоя не ответила, и он понял, что она тщательно взвешивает свои слова.

– Неужели она сможет предать тебя?

Ему не хотелось так думать, но позволить себе притворство он не мог.

– Я выслал ее из ее же страны и лишил короны. Она может заявить, что я предал ее первым.

– Я не разговаривала с собственной матерью с тех пор, как мне исполнилось девять.

Когда она пыталась отдать Зою замуж за знатного старика с туго набитым кошельком.

– Всегда разумно начать отдаляться заранее.

– Самое ужасное… я по ней не скучала. И не скучаю. Наверное, я скучаю по тому, чего никогда не имела.

Николаю было знакомо это чувство – желание иметь отца, которому можно довериться, старшего брата, который стал бы его товарищем, а не соперником. Настоящую семью.

– Я бы хотел, чтобы мои родители были другими, но они ничем мне не обязаны. Если моя мать решит опровергнуть законность моего происхождения, я не стану ее винить.

Но все равно это будет чертовски больно.

Зоя приподнялась на локтях.

– Все это будет неважно, если мы победим, по-настоящему победим. Равка любит победы больше, чем королевскую кровь.

А у Равки давненько не было повода что-то отпраздновать.

– Поэтому Дарклинг и расширил Каньон, да? – предположил Николай. – Он искал оружие, которое не оставит сомнений в равкианской мощи. Он знал, что, если подарит людям победу, его в конце концов полюбят. Что твои гриши сказали о том, что случилось на базе?

– О твоем демоне? – Она вздохнула и снова опустилась на пол. – Они потрясены. Адрика лишила руки именно *ничегоя* Дарклинга. При виде этого создания ему тяжело не вспоминать о тех ужасных днях. Я помню, как Толя пытался исцелить его, и вся эта кровь… по палубе корабля, на котором мы сбежали, разлилось целое море его крови.

– Адрик уйдет?

– Не думаю, что он решит дезертировать. Но за остальных не поручусь. Некоторым тайнам лучше оставаться тайнами.

– Думаешь? – Он повернул голову, пытаясь разглядеть в темноте изгиб ее бровей, темные локоны. Она выглядела такой же, как всегда, – невозможно прекрасная Зоя. – Почему ты не говорила мне, что ты сулийка?

– Думаю, ты и сам догадываешься, Николай.

– Ты правда считаешь, что это что-то изменило бы в моем отношении к тебе?

– Нет. Не в твоем. Но спроси себя, стали бы генералы Первой армии относиться ко мне с таким же уважением, знай они, что я сулийка?

– Если бы не стали, не были бы моими генералами.

– Ты полагаешь, что все так просто? Что с ними было бы так легко разобраться? – Она покачала головой. – К тебе не испытывают ненависти. Тебя жалеют. Как ты выучилась читать в сулийских повозках? Тяжело было расти в такой нищете? Они хихикают над темными волосами на твоих руках или заявляют, что ты совсем как равкианка, считая, что сделали комплимент. Они не дают тебе повода выступить против них. – Зоя прикрыла глаза. – Я не выделялась, потому что быть Зоей Назяленской безопаснее, чем быть Зоей Набри. Полагаю, мне казалось,

что это меня убережет. Теперь я в этом не так уверена. Та женщина на скалах назвала меня дочерью. Это слово… Я и не знала, насколько хочу его услышать. Нет, я не жалею, что отвернулась от родителей. Но трудно бывает не гадать о том, что бы случилось, если бы отец заступился за меня. Если бы мы стали жить с его народом. Если бы существовало другое место, кроме Малого дворца, куда я могла бы вернуться, другой человек, кроме Дарклинга, который заставил бы меня почувствовать свою силу и талант.

– Еще не поздно, Зоя. Там, на скалах, они выбрали помощь из-за тебя, а не из-за меня или Бреккера.

Зоин смех был резким.

– Но ведь они меня совсем не знают, разве нет?

– Я бы тоже выбрал тебя.

Слова вырвались прежде, чем он успел их обдумать, и вернуть их было невозможно.

Между ними повисло молчание. *«Может быть, пол треснет и я провалюсь прямиком в ад»,* – с надеждой подумал он.

– Своим генералом?

Голос осторожный. Она предлагала ему спасательный круг, возможность вернуться в знакомые воды привычных отношений.

«Ты ведь отличный генерал».

«Лучшего предводителя не найти».

«Ты бываешь колючей, но именно это Равке и нужно».

Так много легких ответов.

Вместо этого он произнес:

– Своей королевой.

Разглядеть выражение ее лица не удалось. Была ли она рада? Смущена? Зла? Каждая клеточка его тела молила перевести все в шутку, позволить им обоим избежать опасности этого момента. Но он не стал. Он все же был корсаром и сейчас зашел слишком далеко.

– Потому что я надежный солдат, – уточнила она, но без особой уверенности в голосе. В нем звучали нотки напряженной неуверенности, как у человека, готового и к дружеской шутке, и к удару. – Потому что я знаю все твои секреты.

– Я действительно иногда доверяю тебе больше, чем себе, – а о себе я очень высокого мнения.

Разве не говорила она сама, что никому другому не доверила бы прикрывать ее спину в бою?

«*Но ведь это не вся правда, ты, жалкий кусок труса».* Ну и к демону все. Они вообще скоро могут умереть. Темнота и окружавший их со всех сторон гул двигателей дарили ощущение безопасности.

– Я бы выбрал тебя своей королевой, потому что хочу тебя. Все время хочу тебя.

Она перекатилась на бок, положив голову на согнутую руку. Короткое движение, и вот он чувствует ее дыхание на своих губах. Сердце его пустилось вскачь.

– Как твой генерал, должна предупредить, что это был бы ужасный выбор.

Он тоже повернулся на бок. Теперь они смотрели друг на друга.

– Как твой король, должен сказать, что никому не удастся меня переубедить. Никакая сила не сможет погасить мое желание.

Николаю казалось, что он пьян. Может, с высвобождением демона что-то высвободилось и у него в голове. Она, наверное, посмеется над ним. Или от души врежет и заявит, что у него нет такого права. Но остановиться он уже не мог.

– Я бы надел на тебя корону, если бы мог, – сказал он. – Показал бы тебе мир с палубы корабля. Я бы выбрал тебя, Зоя. Генералом, другом и невестой. Подарил бы сапфир размером

с желудь. – Он сунул руку в карман. – А взамен попросил бы лишь, чтобы ты вплела в волосы эту проклятую ленту в день свадьбы.

Она протянула руку, и пальцы ее зависли над лежащей в его ладони синей бархатной лентой.

И тут же отдернула ее, баюкая пальцы, словно их обожгло пламя.

– Ты женишься на сестре королевы Табан, которая возжелает корону, – сказала она. – Или на богатой керчийке, а может, на фьерданке из королевской семьи. У вас будут наследники и будущее. Я не та королева, что нужна Равке.

– Но что, если ты – та королева, что нужна мне?

Она закрыла глаза.

– Тетушка рассказывала мне одну историю много лет назад. Я не помню ее всю, но помню, как она описывала главного героя: «у него было золотое сердце». Мне так нравились эти слова. Я заставляла ее повторять их снова и снова. Ребенком я была уверена, что и у меня золотое сердце и что оно будет освещать все, чего коснется, а я буду всеми любима, как герой этой истории. – Она села, подтянув к себе колени и обняв их руками, словно пыталась сделать укрытие из своего тела. Ему хотелось опрокинуть ее обратно на пол, прижаться своими губами к ее. Ему хотелось снова встретиться с ней взглядом и увидеть в нем возможность. – Но я не такая. Внутри у меня шипы и туман, как в терновом лесу. – Она поднялась и отряхнула свой *кафтан.* – Мне не суждено стать невестой. Я рождена, чтобы быть оружием.

Николай заставил себя улыбнуться. Он же не сделал ей настоящего предложения. Они оба знали, что это невозможно. И все же ее отказ ранил так же сильно, как если бы он встал на одно колено и просил ее руки, как ослепленный любовью глупец. Было больно. Святые, как же было больно.

– Что ж, – сказал он бодро, приподнявшись на локтях и посмотрев на нее со всей иронничностью, которую смог изобразить. – Оружие тоже неплохо иметь под рукой. Оно полезнее, чем невесты, и вряд ли начнет в печали слоняться по дворцу. Но если ты не встанешь рядом со мной у руля Равки, что ждет нас в будущем, мой генерал?

Зоя открыла дверь грузового отсека. Свет хлынул в отсек, озарив ее лицо, когда она повернулась к нему.

– Я буду сражаться рядом с тобой. Как твой генерал. И друг. Пусть я во многом ошибалась, но одно знаю точно: Равке нужен именно такой король.

32. Майю

Во дворец они вернуться не могли. По крайней мере, не поднимая шума, который никому не был нужен.

Почти никому.

– Отведите нас в Амрат Ен, – потребовал Бергин, жестом указав на прочих пленных гришей, истощенных до крайности. Им всем дали антидот, но они еле стояли на ногах, и сейчас сложно было судить о том, какой неисправимый вред был нанесен их телам.

Майю прислонилась к стене у панели управления, разбитой ее братом. Ее брат стоял навытяжку, совершенно неподвижно. Слишком неподвижно. Казалось, он весь механический, как и крылья за его спиной, словно заводной солдатик, не нуждающийся в отдыхе. А в чем он нуждался? И кем теперь был?

Снаружи, под ночным небом, Эри беседовала со своей бабушкой. Макхи увели в экипаж Леути и оставили под охраной Тавгарадов, которые ей больше не подчинялись, поскольку она не была больше королевой.

Бергин сделал глоток воды. Его перестало трясти, и пусть он по-прежнему выглядел очень хрупким, в глазах его полыхал гнев.

– Доставьте нас в столицу, и пусть все посмотрят, что королева Макхи называет наукой.

Майю думала, что Тамара поддержит Бергина, но она лишь покачала головой.

– Посмотри вокруг, – сказала она, держа руку на костлявом запястье пленного гриша и считая его пульс. – Это лишь одна лаборатория. Наша разведка полагает, что их несколько. Я знаю, что есть еще одна рядом с Кобу, но нам нужны сведения о других.

– Доктор расскажет нам о них, – сказал Бергин.

– Это не единственная проблема.

– Что еще? Я провел почти три месяца в бреду, меня пичкали *паремом* и заставляли творить невообразимое. Сохранить остатки человечности мне помогло лишь присутствие Рейема.

Их взгляды встретились, и Майю почувствовала, насколько крепка связь между ними.

Но Рейем отвел свой взгляд.

– Я не знаю, осталось ли что-то человеческое во мне.

Майю тоже не была в этом уверена. Дело было даже не в крыльях или этих чудовищных клешнях, а в том, что в брате словно погасла некая искра. А может, ей на смену пришел другой огонь. *«Кем ты стал теперь, Рейем? Чем ты стал*?»

– Ты заговорил по-фьерданski, и он пришел в себя, – обратилась Майю к Бергину. – Как ты это сделал?

– Я не знаю как, – признался тот. – Процесс превращения ужасно изнурителен. Он причинял боль нам обоим.

Мощные плечи Рейема дрогнули.

– Я ненавидел тебя так же, как ненавидел докторов и охрану. Пока не понял, что ты мучаешься не меньше.

Бергин прислонился головой к металлической раме койки.

– Чаще всего была лишь боль и работа. Они заставили меня… – Он опустил голову. – Прости, Рейем.

Повисла тишина, отягощенная всеми теми ужасами, что пришлось пережить Бергину и ее брату.

Майю дотронулась здоровой рукой до руки брата, и он осторожно взял ее в свою. Тамара с Бергиным сделали все, что могли, для ее второй руки, и на смену острой боли пришла слабая пульсация.

Она тихо сказала:

– Ты сказал королеве, что умирал тысячу раз.

На его щеке дернулся мускул.

– Твое сердце останавливают, твою плоть отделяют от костей, ты впадаешь в забытье, чтобы очнуться в этом кошмаре снова и снова. И все ради того, чтобы превратиться в живое оружие.

– Я начал учить его фьерданскому, – сказал Бергин. – Чтобы хоть как-то отвлечь от боли. В основном, ругательствам.

– Что ты сказал, чтобы заставить его очнуться? – спросила Тамара.

Бергин усмехнулся.

– Поверь, ты не хочешь этого знать. Это очень грязные ругательства.

В лабораторию вошла Эри. Лицо она успела умыть, но платье все еще было в грязи.

– Нам больше нельзя здесь оставаться. Скоро рассвет. На полпути к столице есть небольшой летний дворец. Королева Леути велела нам отправляться туда. Мы сможем поесть, принять ванну, переодеться и решить, что нам делать дальше.

Бергин ударил по койке кулаком.

– Не будет никакого наказания ни Макхи, ни остальным. Вот увидите.

– Почему не будет? – спросила Майю. Задавая этот вопрос, она почувствовала себя наивной девочкой, вновь пытающейся угнаться за старшим братом.

– Потому что все они Табан, – объяснил Рейем. – Пятно на одной из них – пятно на всех.

– Эри не такая, – возразила Майю. – Народ любит ее. Люди знают, что она никогда не сделала бы ничего подобного. Справедливость восторжествует.

Она посмотрела на принцессу, но та в ответ лишь указала на дверь.

– Идем. У нас будет время все обсудить, когда мы поедим и отдохнем.

Потребовалось время, чтобы разобраться с лабораторией. Тамара привела доктора в чувство, и он, в свою очередь, разбудил остальных *кергудов* под наблюдением королевы Леути и Эри. Вместе с Рейемом их было четверо, но кроме него никто больше не помнил своих настоящих имен. Они ничего не спрашивали и ни о чем не просили. Они просто стояли – кто-то с крыльями, кто-то с рогами, кто-то с клешнями, – ожидая приказа. Идеальные солдаты. Может быть, они были изменены сильнее, чем Рейем? А может, просто ни у одного из них не было своего Бергина, который напоминал бы им, что они состоят не только из боли и гнева?

Майю смотрела, как запирают лабораторию и Бергин с Рейемом кидают последний взгляд на место, ставшее для них ожившим кошмаром. Здесь находились доказательства, и пока все должно было остаться неприкосновенным.

«Но я вернусь», – пообещала она себе. Пусть ей никогда не удастся прогнать пустоту из глаз брата, но она разнесет это место по кирпичику, если придется. А потом посмотрит, как оно сгорит дотла.

Поездка в летний дворец не заняла много времени. Он расположился в зеленой лощине на берегу прекрасного озера и служил убежищем для членов королевской семьи и важных гостей короны в жаркие летние месяцы.

Майю с братом и Бергиным сидела в гостиной, выходящей в сад, и смотрела, как медленно поднимается над озером солнце. Других гришей и *кергудов* расселили в отдельные, тщательно охраняемые комнаты, но Бергину разрешили остаться с Рейемом.

– И что будет теперь? – спросил он. – Я не могу вернуться в Фьерду.

Майю не знала. Она не загадывала дальше того момента, когда найдет и освободит Рейема.

– Мы могли бы отправиться домой, – предложила она. – Мама и па…

– Нет, – резко оборвал ее Рейем. – Я не хочу, чтобы они увидели меня таким.

– Они думают, что ты мертв.

– Хорошо. Пусть оплачут меня.

– Рейем, – взмолилась Майю. Ей нужно было узнать, что есть шанс вернуть назад хоть часть их прежней жизни. – Они любят тебя. Больше всего на свете. Больше меня. Больше, чем свою жизнь. Они будут любить тебя так же, как любили прежде.

– Но я не уверен, что смогу ответить на их любовь.

Майю отвела взгляд. Ей было невыносимо вспоминать своего милого, веселого, щедрого брата и понимать, что его больше нет.

В дверь постучали, и вошла Тамара.

– Им нужны твои показания.

Майю поднялась и почувствовала прикосновение к руке.

Рейем смотрел на нее. Сестра. *Кеббен.* Пусть на этом все закончится.

В ответ она смогла лишь улыбнуться и кивнуть. Он навсегда останется ее братом, неважно, чего он лишился.

Королева Леути ждала в храмовом зале, на троне, в окружении своих Тавгарадов и сидящей справа от нее Эри. Статуи Шестерых Стражей сияли в залитых солнцем нишах стен. Макхи усадили на низкую подушку слева от королевы, чтобы смирить ее гордыню. Но она и там сидела, гордо выпрямившись и с таким безмятежным лицом, словно сама занимала трон.

– Майю Кир-Каат, – обратилась королева Леути. – Ты расскажешь нам свою историю?

Майю не смогла скрыть своего удивления. Она ожидала, что ей придется лишь подтвердить сказанное Эри, как случилось во время разговора с министрами Нагхом и Цзиун. Она посмотрела на Тамару, затем на Эри, которая чуть заметно кивнула ей в знак поддержки.

– Начни со своего брата, – подсказала принцесса. – Когда ты узнала, что он исчез?

Майю сделала глубокий вдох.

– Мне сказали, что он мертв, но я не поверила. Я слышала разговоры о *кергудах*, да и не только я. Поэтому решила разыскать его.

Сначала она говорила с запинкой. Ей казалось, что слова приходится вытягивать из себя, но постепенно история начала раскручиваться, а потом захватила ее, и оставалось только следовать ее развитию. В какой-то момент она поняла, что плачет. Никогда еще ей не приходилось рассказывать кому-то свою историю, историю Исаака, никогда у нее не получалось соединить начало с серединой и с тем, что могло бы стать концом.

Когда она закончила, королева Леути произнесла:

– Ты сослужила короне хорошую службу, Майю Кир-Каат. Я бы хотела попросить тебя остаться одной из наших соколов. В грядущем Эри понадобится защита тех, кому она сможет доверять.

Майю отдала честь.

– Я с радостью буду служить нашей будущей королеве.

– Но я не стану королевой, – мягко возразила Эри.

– Значит…

Леути подняла руку.

– Я останусь на троне до тех пор, пока не подрастет одна из моих правнучек. Эри и Макхи станут при ней регентами.

– Вы не можете говорить этого всерьез! – воскликнула Майю. Солдат, которым она была когда-то, возможно, промолчал бы, зная свое место, но, побывав в жуткой лаборатории, та девочка из прошлого необратимо изменилась, к тому же кто-то должен был высказаться от имени жертв жестокости Макхи. – Макхи нарушала ваши заветы, даже не успев стать королевой. Она виновна в появлении *юрда-парема*. Она виновна в том, что мой брат… что никто из этих людей никогда не станет прежним. Они были солдатами, которые служили вашей семье и этой стране. Они заслуживают лучшего.

– Лаборатории закроют, – сказала королева Леути, – а у Макхи не будет больше доступа к распоряжению казной. Она не сможет возобновить эту программу. Всех *кергудов* отправят в убежище.

– В убежище? – переспросила Майю. – Вы имели в виду в ссылку, да?

– Их существование должно остаться тайной. На время они останутся в этом летнем дворце, чтобы отдохнуть и восстановить силы, а мы отправимся в столицу.

Майю не могла поверить тому, что слышала.

– Бергин был прав. Он говорил, что правосудия не будет. И Макхи со своими приспешниками не понесут наказания. – Она обратила свой гнев на Эри. – А я сказала ему, что вы не такая.

Но ответила ей Тамара.

– Если станет известно, что натворила Макхи, воцарится хаос. Каждая из сестер бывшей королевы Табан сможет претендовать на престол.

– Они убивали гришей! – закричала Майю. – Таких же, как ты! Разве тебе…

Тамара даже не поморщилась.

– Я – гриш, но я еще и шуханка. Я не хочу видеть, как эту страну разрывает гражданская война, подобная той, что была в Равке.

– Тебе наплевать на Шухан. Тебе просто нужно заполучить союзника, чтобы дать отпор фьерданцам. Макхи должна предстать перед судом.

– Суда не будет, – отрезала королева Леути. – Макхи объявит о своей болезни и о том, что рада будет послужить своей стране вместе с сестрой.

Майю вскинула руки к небесам. Неужели то, что сделали с ее братом, с гришами, с ней и Исааком, ничего не значит?

– Вы знаете, что она на этом не успокоится. Макхи нельзя доверять.

– С этим я полностью согласна, – сказала королева Леути. – Поэтому и позаботилась о страховке.

Она подала знак своим стражам, и вошел министр Йервей, человек, служивший личным врачом у трех королев Табан.

– Он? – неверяще спросила Майю. – Йервей – ее самый доверенный советник.

Но Макхи не выглядела торжествующей. Впервые за весь разговор маска безмятежности дала трещину и показалось ее побелевшее лицо. Королева Леути печально посмотрела на внучку.

– Я надеялась, что это неправда, – сказала она. – Но вижу, что министр Йервей не солгал. Эри должна была стать наследницей вашей матери.

– Это… этого не может быть, – выдохнула Эри.

Губы Макхи искривила усмешка.

– Она сказала, что мне от рождения присуще коварство Табан, а вот доброты Табан не досталось.

– Боюсь, она была права, – вздохнула королева Леути. – Министр Йервей подготовил признание, не так ли?

– Так, ваше величество. Четыре копии, как вы и приказали.

– Макхи, ты тоже подпишешь эти признания. Потом мы их запечатаем. Одно останется у меня, одно – у Эри, одно – у министров Нагха и Цзиун, – незнакомых с его содержимым. Одно отправится в Равку с Тамарой Кир-Батар. Ты будешь следовать условиям, установленным мной, и собственноручно тобой подписанным договором, или твои преступления против короны станут достоянием гласности и тебя станут судить, как предательницу рода Табан.

– Я никогда не склоню головы перед другой королевой Табан, – процедила Макхи.

– Это твое решение. В этом случае ты удалишься от двора и проведешь остаток дней во дворце по своему выбору, под охраной Тавгарадов по *моему* выбору. Если тебе нужно занятие, рекомендую садоводство.

– Ваше величество, – обратилась Тамара, выступая вперед. – Я хотела попросить…

– Я знаю, о чем ты хотела попросить, Тамара Кир-Батар. Я не могу послать войска в помощь твоему королю.

– Королева Макхи подписала договор. Нападение на Равку – это нападение на Шухан.

– Мы отправим королю Равки наши самые искренние извинения и заверения в дружеских чувствах, но мы не можем посылать наших солдат умирать в чужой войне.

– Бабушка, – вмешалась Эри, – но Николай Ланцов спас мне жизнь.

– Мы перед ним в долгу, – подтвердила Майю. Она не любила равкианского короля, но они с братом были обязаны ему жизнью. Он мог бы приговорить ее к смерти за те преступления, что она совершила. Он мог бы заставить Эри стать его женой, чтобы скрепить союз, и бросить на произвол судьбы гришей и *кергудов*, запертых в секретных лабораториях. – Мы не можем оставить его страну без помощи.

Леути подняла руку.

– Мы отдаем этот долг, соблюдая наш договор и соглашаясь поддержать права всех гришей. Мы не сможем этого сделать, если нас сочтут марионетками Равки.

Тамара посмотрела сперва на Леути, потом на Макхи и, наконец, на министра Йервея.

– Вы заключили с фьерданцами какое-то соглашение, не так ли? Они хотят, чтобы вы оставались в стороне.

– Фьерда дала нам понять, что если они захватят Равку, то будут уважать наши суверенные границы.

Тамара медленно покачала головой.

– Вам остается только надеяться, что они более надежны, чем вы с внучкой.

– Мы не можем послать помощь королю Ланцову. Министры нас не поддержат и будут правы. Это не наша война.

– Станет вашей, если Равка не будет стоять между вами и Фьердой.

Королева Леути Кир-Табан, Небеснорожденная, не дрогнула.

– Если волки придут, мы их встретим. А пока пусть лис разбирается с ними сам.

33. Монах

Александр обозревал свою армию верующих, своих последователей, людей, с которыми он построит новую жизнь. Впервые за несколько сотен лет ему захотелось виски.

– Они готовы, – доложил брат Чернов, светясь гордостью, и его густая, с проседью борода, казалось, встала дыбом от волнения.

«Готовы умереть, я полагаю», – подумал Александр, но ничем не показал своего разочарования.

Вместо этого он хлопнул Чернова по спине.

– Вперед, к откровению.

Здоровяк почтительно следовал за ним, пока они обходили лагерь. Александр понятия не имел, где именно нападут фьерданцы, поэтому привел своих последователей – а теперь они *принадлежали* ему – в местечко к северу от Адены, чтобы дождаться слухов о битве. Но они требовали отправиться на запад, в Каньон, чтобы проводить ночи в единении с Беззвездным святым. *«Я прямо здесь»*, – хотелось ему крикнуть. Но выбора ему не оставили, и пришлось согласиться на паломничество в святые пески.

Его это не особо расстроило. Отчасти по практическим причинам. В Каньоне негде было укрыться, там не было травы для лошадей и добычи для охотников. Им приходилось питаться вяленым мясом и сухарями, принесенными с собой, и запивать парой баррелей разбавленного пива и водой из фляг.

Они спали на голой земле, без малейшего укрытия, будь то скала или дерево, способного защитить от ледяного зимнего ветра. И все равно его спутники ликовали. Они проводили службы на закате, а в течение дня молились и тренировались. В конце концов, им предстояло вступить в битву, и, хотя Александр не ждал, что они смогут проявить себя в сражении, нужно было, чтобы они хотя бы внешне напоминали солдат.

– Откуда у вас такие познания в военном деле, Юрий? – спросил брат Азаров, когда Александр в очередной раз отправил паломников бегать. Он и сам был солдатом до того, как дезертировал, чтобы примкнуть к Беззвездным.

– Получил, когда был в святой страже, – солгал Александр.

Юрий никогда даже ружья в руках не держал. Монах был счастлив, проводя жизнь в библиотеке.

– Нам нужно больше оружия, – заявил он.

Густые брови Чернова взметнулись вверх.

– Зачем? Когда Беззвездный…

– Мы не можем указывать Беззвездному святому, когда явиться. Поэтому нужно быть готовыми защищаться самостоятельно.

«Они что, так жаждут умереть?» – гадал он.

«Они веруют, – последовал ответ Юрия. – *Веруют в тебя».*

И это к лучшему, но война есть война.

– В старой крепости к востоку от Раевости есть тайник с оружием, – сказал брат Азаров. – Нас размещали там ненадолго.

– Думаешь, оно все еще там? – спросил Александр.

– Если Беззвездный ведет нас, оно там будет.

Александр с трудом подавил желание закатить глаза. Если он правильно помнил, старая крепость давно пустовала и использовалась только как склад боеприпасов.

– Мы отправимся туда сегодня ночью, – сказал он.

– После службы.

– Конечно.

Когда пришла ночь, они запрягли в фургон двух лошадей и отправились в старую крепость. Миновать охрану удалось довольно легко. Трудно было лишь призвать тень, скрывавшую их передвижения, так, чтобы не показать свою силу брату Азарову.

Но удача вскоре от них отвернулась.

– И это все? – спросил Александр, глядя на ящик древнего оружия. Он взял одно из старых, еще однозарядных ружей. – С таким же успехом мы могли бы просто забить ими врага до смерти.

– Беззвездный защитит нас.

Александр изучающе посмотрел на брата Азарова в темноте подвала.

– Ты солдат…

– Я *был* солдатом.

– Что ж. Ты когда-то был солдатом и теперь собираешься выйти на поле битвы, вооруженный лишь верой?

– Если того требует наш святой.

Александра должна была обрадовать такая вера, когда достаточно показать фокус с тенями, чтобы люди пошли за тобой на смерть. Так почему ему было неспокойно?

«Ты защитишь их?»

Он мог бы. И защитит, если будет нужда. Его сила вернулась к нему. Он мог создать *ничегой*, чтобы те сражались за него. Его последователи могли бы выйти на поле боя с кирками и лопатами и все равно остаться победителями.

И все же его что-то тревожило.

Они выбрали несколько ружей, на вид вполне пригодных к использованию, и в молчании поскакали назад, к Адене. Поскольку они взяли фургон, теперь им надо было встретить брата Чернова с помощниками на окраине городка, чтобы помочь доставить купленные на рынке припасы.

Александр никак не мог прогнать из головы мысли о первой созданной им армии.

Тогда королем был Евгений Ланцов, и ему на протяжении всего своего царствования пришлось воевать с Шуханом. Он не смог удержать южную границу, и его войска были истощены до предела. Александр жил тогда под другим именем. Леонид. Первый Дарклинг, поставивший свой дар на службу королю.

Его мать советовала ему не ходить. Они жили тогда у старого кожевенного завода, где запах дубильных веществ и потрохов всегда висел в воздухе.

– Когда о тебе узнают, изменить этого не получится, – предупреждала она его.

Но он ждал именно такого правителя, как Евгений, – практичного, дальновидного и попавшего в отчаянное положение. Александр отправился в столицу, попросил аудиенции у короля и во время нее выпустил тени на свободу. Тогда Большой дворец еще даже не построили, был лишь обветшалый замок из грубого камня и гнилых бревен.

Король и его придворные были в ужасе. Кто-то назвал его демоном, другие заявляли, что он обманщик и лицедей. Но король оказался слишком прагматичным, чтобы упустить такой шанс.

– Ты со своими талантами отправишься на границу, – велел он Александру. – Будь то настоящее волшебство или фокусы, ты используешь их против наших врагов. И если победа будет за нашей армией, ты получишь награду.

Александр отправился на юг с солдатами короля, и когда они сошлись с шуханцами в битве, он спустил тьму на противников, ослепляя, не давая двинуться с места. Войска Равки в тот день победили.

Но когда Евгений предложил Александру обещанную награду, тот отказался от царского золота.

– Есть и другие, такие же, как я, гриши. Они всю жизнь скрываются. Дай мне право предложить им убежище, и я создам для тебя такую армию, какой мир еще не видел.

Александр путешествовал по всей Равке, по местам, где они бывали с матерью, в отдаленные земли, куда он отправлялся один, учиться. Он знал тайные тропы и укрытия гришей, и куда бы ни приходил, везде обещал новую жизнь, в которой не будет места страху.

– Нас будут уважать, – убеждал он. – Почитать. У нас наконец-то появится дом.

Сначала они не хотели идти с ним. Они были уверены, что это уловка и что, как только они окажутся за двойными стенами столицы, их всех убьют. Но несколько гришей согласились отправиться с ним и стали первыми солдатами Второй армии.

Само собой, от знати и священников посыпались протесты, обвинения в темной ворожбе, но поскольку на военном поприще продолжались победы, споры постепенно затихли.

И только Апрат короля Евгения продолжил борьбу против гришей. Он предрекал, что святые отвернутся от Равки, если король не перестанет селить ведьм и колдунов под своей крышей. Каждый день он приходил к королю и разглагольствовал до тех пор, пока не начинал задыхаться и краснеть. И однажды просто испустил дух. А если ему немного и помог в этом корпориал, прятавшийся за занавешенным окном, так ведь никто и не заметил.

Следующий Апрат был более осмотрителен в своих возражениях. В его проповедях прозвучала легенда о Яромире, Санкт-Феликсе и Первом алтаре, история о невероятных солдатах, которые помогли королю объединить страну, и спустя два года Александр начал строительство Малого дворца.

Тогда он думал, что выполнил свою задачу, что нашел своим людям надежное убежище, дом, где им не приходилось нести наказание за свою силу.

Что же изменилось? И ответом было – все. Короли жили и умирали. Их сыновья бывали честными, а бывали продажными. Войны заканчивались и начинались снова – и снова, и снова. Гришей так и не приняли: их ненавидели в Равке, на них охотились за ее пределами. Люди сражались с ними сначала мечами, потом ружьями, чем дальше, тем хуже. Процесс был бесконечным, а ему хотелось положить всему этому конец. Найти силу, равной которой не будет. Мощь, которую нельзя будет не брать в расчет. Результатом стал Каньон.

Его первые солдаты были давно мертвы. Любовницы, союзники, бесчисленные короли и королевы. И только он продолжал жить. Вечность требовала практики, а у него была возможность попрактиковаться. Мир стал другим. Война стала другой. А он не стал. Он путешествовал, учился, убивал. Он встретил свою сводную сестру, превратившуюся в легенду и ставшую святой. Он по всему миру искал других детей его матери, в стремлении ощутить родство, увидеть себя в других. Он менял жизни, как змея меняет кожу, становясь одновременно привлекательнее и опаснее с каждым новым воплощением себя. Но, возможно, в каждой сброшенной коже он оставлял кусочек того, кем на самом деле был.

Брат Азаров, вздрогнув, проснулся, когда Александр остановил фургон на покатой дороге, ведущей в Адену. Он зевнул и чмокнул губами. Было раннее утро, и Александр заметил, что в городке ярмарка. Даже отсюда чувствовалось, что настроение у людей мрачное из-за нависшей над страной угрозы войны, но на рыночной площади все равно было людно – горожане запасались провизией, дети играли или помогали родителям за прилавками, соседи обменивались приветствиями.

Александр спрыгнул с козел, чтобы размять ноги и убедиться, что оружие надежно спрятано в глубине фургона.

– Вы уже бывали в Адене? – спросил брат Азаров.

– Да, – ответил он, не подумав. Юрий здесь никогда не был. – Нет… Но всегда хотел.

– Да? – Азаров уставился на городок, словно надеясь разглядеть, чем он мог так заинтересовать кого-то. – Почему? Там есть что-нибудь интересное?

– В местном соборе есть отличная фреска.

– С изображением Санкты-Лизаветы?

Разве это ее город? Да, теперь он вспомнил. Она даже устроила здесь какое-то чудо, чтобы заманить молодого короля в Каньон. Но в здешней церкви не было фрески.

– Я имел в виду статую, – исправился он. Она тогда заставила ее плакать черными слезами и покрыться розами.

– Кто ты?

Александр оторвал взгляд от ружейных патронов, которые сортировал.

– Прошу прощения?

Брат Азаров стоял рядом с фургоном. Его соломенные волосы спутались во время ночной вылазки, глаза были прищурены.

– Кем бы ты ни был, ты не Юрий Веденин.

Он выдавил из себя смешок.

– Тогда кто же я?

– Я не знаю. – Лицо у Азарова было мрачным, и Александр только сейчас догадался, что все эти расспросы про Адену были просто ловушкой. – Предатель. Агент этого проклятого Ланцова. Один из шпионов Апрата. Я уверен лишь в одном – в том, что ты обманщик, а вовсе не слуга Беззвездного святого.

Александр медленно повернулся.

– Слуга? Нет. Я больше не стану никому служить, ни в этой жизни, ни в следующей. – Он обдумал свои варианты. Можно ли было заставить брата Азарова понять, что он видит, кто перед ним? – Слушай внимательно, Азаров. Ты на пороге великого открытия…

– Не приближайся ко мне! Ты – язычник. Еретик. Ты собрался повести нас в бой и посмотреть, как нас всех перебьют.

– Беззвездный святой…

– Не смей произносить его имя!

Александр чуть не расхохотался.

– Ни один человек еще так сильно не страдал от иронии судьбы.

– Брат Чернов! – крикнул Азаров.

Внизу, на площади, брат Чернов поднял голову и помахал. Они с другими пилигримами несли корзины и ящики, полные еды и других припасов.

Александр пихнул брата Азарова за фургон, зажав ему рот ладонью.

– Ты просил чудес, и я показал тебе чудеса. Ты не в состоянии понять, какие силы тут задействованы.

Азаров забился в его руках. Он оказался силен, этот бывший солдат. Внезапно ему удалось высвободить голову из захвата.

– Я в состоянии узнать зло, когда его вижу.

Тут Александр не сдержал улыбки.

– Может, и так.

Он сотворил *ничегою*, возвышающуюся крылатой тенью позади Азарова. Призывать *мерзость* оказалось больно – воздух словно забрали из легких, и на мгновение нахлынул ужас, будто он оторвал кусок своей жизни, чтобы создать другую. Творение. Скверна. Но он успел к ней привыкнуть.

Глаза Азарова в ужасе округлились, когда он заметил тень монстра за своей спиной. Ему так и не удалось повернуться. С его губ слетел короткий всхлип, когда когтистая лапа *ничегои* пробила грудь. Он опустил глаза на нее – в черных когтях твари билось его все еще живое сердце. И рухнул на землю.

«Убийца! – Тоскливый вопль Юрия сиреной бился в его мозгу. – *Ты не имел права!»*

«Умолкни. Азаров мечтал отдать за меня жизнь и отдал».

Александр оглянулся. Пилигримы были на подходе. У него оставались считанные секунды, чтобы решить, что делать с телом. *Ничегоя* могла бы унести тело прочь, но в воздухе будет видно и ее, и Азарова. Придется спрятать труп в ящике с ружьями и надеяться, что удастся избавиться от него по возвращении в лагерь.

Он услышал крики на рыночной площади. Похоже, надвигалась буря, и темные облака уже укрыли тенями город.

Нет, не буря. Слишком быстро оно двигалось, это пятно тьмы, поглощающее дом за домом. Все, что в него попадало, превращалось в тень, еще доли секунды сохранявшую прежнюю форму, а потом развеивающуюся черным дымом. *Киликлава.* Вампир. Неужели он каким-то образом привлек пятно в Адену, или это было просто совпадение?

Люди с криками разбегались, пытаясь обогнать его, уйти с пути.

Александр не мог отвести взгляд. Тень текла прямо к нему. Брат Чернов и его спутники нырнули в кусты, побросав корзины и коробки.

Беги.

Он понимал, что должен. Но было слишком поздно. Какой будет для него смерть во второй раз? Старая кляча успела лишь испуганно заржать, прежде чем и ее, и фургон поглотила тьма.

Тень выросла над ним волной – и распалась. Она закружилась вокруг него водоворотом черноты. Он словно вглядывался в воды ночного озера. И тут все пропало. Александр обернулся и увидел, как пятно течет по дороге и лугу, пока оно не остановилось где-то у самого горизонта.

Оно появилось тихо, быстро, как выпущенная из невидимого лука стрела, и исчезло точно так же. На городской площади – на том, что от нее осталось, – рыдали и голосили люди. Половина города осталась такой же, как и была, – полной красок, с торговыми рядами, заваленными вяленым мясом, горами репы и мотками шерсти. А вот другая просто исчезла, словно стертая чьей-то небрежной рукой, оставившей серый мазок, полосу забвения там, где мгновение назад кипела жизнь.

Пилигримы уставились на него, стоило им выбраться из канавы, в которой они спрятались.

Александр посмотрел себе под ноги. Между его сапогами была грязь, камешки и даже зазубренный осколок стекла. Слева и справа от него не было ничего, кроме безжизненного серого песка. Пропал фургон, все ружья. И тело брата Азарова.

На круглом лице подошедшего брата Чернова без труда читалось изумление.

– Оно пощадило тебя.

– Не понимаю, – сказал Александр, изо всех сил стараясь изобразить потрясение. – Брат Азаров оказался не столь удачлив.

Это пилигримов, похоже, не волновало. Они смотрели на него с благоговением на лицах.

– Воистину, на тебе благословение Беззвездного святого.

Тощий юный пилигрим посмотрел на город.

– Но почему Беззвездный спас от тлена брата Веденина, а не тех невинных людей?

– Для нас его пути неисповедимы, – заявил брат Чернов, когда они двинулись в долгий обратный путь к лагерю. – Когда Дарклинг возвратится и будет признан святым, тлен больше не побеспокоит нас.

И тут Чернов тоже ошибался.

Александр оглянулся на город. То, что он устроил в Новокрибирске в начале гражданской войны, было намного хуже. Но *он* все контролировал. А у вампира не было хозяина. Его нельзя было вразумить или уговорить. Почему тлен пощадил его? Возможно, потому что узнал в нем силу, создавшую Каньон. А может быть, тлен притягивало лишь живое, а в нем он почувствовал нечто неестественное, что не вызывало жажды.

Остаток дня они провели в Каньоне, составляя новый план своего похода на север и решая, где достать оружие и припасы. Они тренировались и молились, потом съели скудный ужин из сухарей и солонины и легли спать.

– Отдыхайте, – велел он всем. – Отдыхайте, и мы подождем знака.

Когда на поле битвы наступит подходящий момент, он выпустит *ничегою*, и они поймут, что Беззвездный святой вернулся.

Эти люди были изгоями, понял он, пробираясь между спящими пилигримами. Такими же, какими когда-то были гриши.

«Даже для тебя еще не слишком поздно». Так сказала Алина. Или его мать? Или этот комар? Это не имело значения. Всю свою долгую жизнь он ясно видел цель и шел к ней. Она позволяла ему убивать без раскаяния и придала смелости завладеть силой, которая была ему недоступна. Она помогла ему воскреснуть из мертвых. И сейчас ему нужна была эта ясность.

Александр улегся на одеяла, оставленные специально для него. От них сильно пахло лошадьми. Он набрал пригоршню мертвого песка Каньона и пропустил его сквозь пальцы. Неужели это его наследие? Эта рана, где ничего больше не вырастет? Пятна тлена, поглощающие его страну, когда его народ идет на войну?

Он посмотрел на звезды, драгоценными камнями вспыхивающие на ночном небосводе. Беззвездный. Его последователи произносили это имя с благоговением, и в ближайшие дни их число вырастет. Но люди не поднимают глаза к нему в поисках тьмы. Они жаждут найти свет.

«*Все изменится*, – поклялся он себе. – *Я буду нести избавление, пока они не запросят о пощаде».*

34. Николай

Настроение в Лазлайоне было безрадостным. Николай собирался поговорить с Адриком до приземления, но не смог найти шквального. На *«Баклане»* было не так много места, чтобы можно было не натыкаться друг на друга, – и это значило, что Адрик его избегает.

– На два слова, – сказал Николай, когда они высадились на скрытую туманом посадочную полосу у тайного входа в лаборатории.

Адрик подозрительно оглянулся, но все же ответил:

– Да, ваше величество.

– Если тебе кажется, что ты не сможешь служить дальше, ты можешь подать прошение об отставке. Мы отчаянно нуждаемся в обученных гришах, но я не могу оставить в наших рядах солдата, у которого в сердце живут сомнения.

– Я не собираюсь уходить в отставку.

– Ты уверен? Подумай, прежде чем отвечать.

Адрик был моложе Николая, но обычно мрачное выражение его лица заставляло об этом позабыть. А теперь он выглядел как мальчишка – мальчишка, чье тело искалечил один из монстров Дарклинга, но который продолжал сражаться тогда, когда многие опускали руки.

– А вы… сколько в вас от вас, а сколько – от этой твари?

– Я не знаю, – честно признался он. – Но демон не подчиняется Дарклингу. Он мой.

– Вы в этом уверены?

У Николая не было для этого никаких оснований. И все же он был уверен. Может быть, тьма внутри него когда-то и принадлежала Дарклингу и демон родился из силы их заклятого врага. Но они начали налаживать контакт еще когда встретились лицом к лицу в терновом лесу. И теперь это был его монстр.

– Я уверен, – заявил Николай. – Если бы не был, я думаю, ты понимаешь, что я не решился бы встать во главе армии.

Адрик окинул его задумчивым взглядом.

– Я все еще на вашей стороне, Король шрамов. Пока. А после войны посмотрим. Может, меня убьют на поле боя и беспокоиться будет не о чем.

– Вот это Адрик, которого я знаю.

Адрик пожал плечами, и уныние окутало его, словно изрядно поношенный плащ.

– Эта страна давно уже проклята, – буркнул он, направляясь в сторону лабораторий. – Может, ей и нужен проклятый король.

– Он придет в себя, – сказала Зоя, подходя к нему со стопкой писем в руках. – Доклады от наших командующих. Предположения наших разведчиков о направлении удара фьерданцев.

Странно было испытывать благодарность к войне, но он был рад, что им с Зоей нужно обсудить много чего, *никак* не связанного с тем, что он сказал на дирижабле. Забрал бы он эти слова назад, если бы мог? Он ненавидел робость, появившуюся в ней, то, как она старательно пыталась сохранять дистанцию. Но война – вещь непредсказуемая. Он может и не пережить грядущую битву. Не стоило жалеть о том, что он открыл ей свое сердце, по крайней мере, часть.

– На что бы ты поставила? – спросил он.

Зоя задумалась.

– Вечный Мороз. Идеальная местность для фьерданских танков, и облачность мешает нашим флайерам.

– Не Аркеск?

– Это было бы весьма разумно с их стороны, если бы не крошечное препятствие в виде блокады Штурмхонда. Они не получат никакой поддержки с моря. Кроме того, нам известно,

что они ведут тайные переговоры с Западной Равкой. Думаешь, они все равно вторгнутся на западные земли?

– Возможно, – сказал Николай.

Если переговоры – просто обманка, они могли бы так и сделать. Аркеск был ближе к фьерданской столице, и каменистая местность вокруг него была непростой, но проходимой.

– Деревья их замедлят. Это может стать нашим преимуществом.

– Святые подмышки, – выругалась Зоя.

Николай поднял глаза и увидел князя Крыгина, спешащего к ним в броском камзоле и бриджах с орхидеями.

– Тысяча извинений, что помешал, но у ворот небольшой инцидент. Там мужчина, который требует встречи с королем.

Николай нахмурился. *«Баклан»* полетел прямо в Лазлайон под прикрытием тумана. Никто не должен был подумать, что король сейчас во владениях Крыгина.

– Кто он? – спросила Зоя.

– Без понятия, – ответил Крыгин. – Он слегка неопрятен. Издалека больше похож на кучу тряпья. Я могу велеть страже прогнать его.

– Нет, – возразила Зоя. – Я хочу знать, почему он решил искать короля именно здесь. Пусть его обыщут и приведут в дом.

– Он отказывается входить. Твердит, что хочет поговорить с королем наедине.

Брови Зои удивленно поднялись.

– Наедине?

– Незнакомец в лохмотьях, осмеливающийся приказывать королю, – сказал Николай. – Я заинтригован.

– Он может оказаться убийцей, – предупредила Зоя.

– Кошмарным.

– Или, напротив, отличным, раз уж ты загорелся желанием с ним встретиться.

– Одолжите мне своих охранников, Крыгин. Давайте-ка посмотрим, что скажет нам этот незнакомец.

Дорога до ворот была неблизкой, но Николай ничуть не возражал. Ему нужно было подумать. Попытка угадать, куда Фьерда направит свой удар, была из разряда смертельно опасных игр. Равка не могла себе позволить растянуть войска, но если он выберет неверное место для засады, фьерданцы беспрепятственно пройдут через северную границу. Итак, выберут враги Аркеск, или Вечный Мороз, или что-то совсем другое?

Князь Крыгин описал незнакомца очень точно. Тот был высок – и это все, что Николай мог сказать по поводу его внешности. Он был закутан в толстую шерстяную шинель, шапка была натянута на уши так, что из-под нее едва поблескивали ярко-голубые глаза, к тому же его покрывал слой сажи.

– Проклятье, – выругался Николай, внезапно догадавшись, кто это может быть. – Он, должно быть, из Ос Альты и при бомбежке потерял друзей или семью. – А теперь пришел искать того, кто за это ответит, и Николай не винил его за то, что для этого он выбрал короля. Что ж. Это далеко не самое плохое из того, с чем ему предстоит столкнуться в ближайшие дни.

Николай поприветствовал незнакомца.

– Мне передали, что было велено явиться.

– Не велено. Я попросил.

Он говорил по-равкиански с легким акцентом.

– Время позднее. Чем я могу вам помочь?

Незнакомец сунул руку в карман. В ту же секунду Зоя и охрана Крыгина выстроились перед Николаем с заклинаниями и ружьями наготове.

– В таких ситуациях лучше двигаться медленно, – посоветовал Николай.

Незнакомец поднял руки, показывая, что в них нет оружия, лишь маленький пакет, упакованный в коричневую бумагу.

– Для короля, – сказал он, протягивая пакет. – И только для короля.

Зоя осторожно взяла пакет.

– Давай его сюда, – велел Николай. – Если он собирается убить меня с помощью самой крохотной в мире бомбы, по крайней мере, это будет интересная смерть.

Он разорвал обертку. Там оказалась миниатюра с изображением Татьяны Ланцовой, бывшей королевы Равки. Его матери. Взгляд Николая метнулся к незнакомцу, стоящему перед ним. Своего настоящего отца он видел лишь на портрете, на такой же миниатюре, которая принадлежала его матери. Магнус Опьер был вылитым Николаем. За исключением ярко-голубых глаз.

– Оставьте нас, – обратился он к Зое и охране.

– Это небезопасно… – начала было Зоя, но замолкла, увидев выражение его лица. – Хорошо, – согласилась она. – Но мы отойдем к началу аллеи. И я не спущу с вас обоих глаз.

Он слушал, как стихают в отдалении их шаги, но не мог отвести взгляда от человека, стоящего перед ним.

Опьер размотал шарф, и Николай судорожно вздохнул.

– Татьяна говорила, что ты пошел в меня, – сказал Опьер. – Но я и представить не мог, что настолько.

– Значит, все это правда.

– Боюсь, что так.

Верил ли сам Николай, хотя бы отчасти, что это какая-то шутка? Что его мать ошиблась? Что слухи, распространяемые Фьердой, так и останутся слухами? И вот перед ним доказательство: все слухи были правдой. *Он* – самозванец. В нем нет крови Ланцовых. Ни одной капли. На самом деле, он вообще скорее фьерданец, чем равкианец.

Николай обвел взглядом потрепанную одежду Опьера. Почему тот сбежал из Фьерды? Зачем проделал весь этот путь, чтобы повидать сына, с которым даже не встречался? Может быть, он на самом деле задумал убийство.

– Зачем приходить ко мне сейчас, под личиной бродяги, с портретом моей матери? Из сентиментальности?

– Я пытался добраться поскорее. Чтобы предупредить тебя о бомбежке.

Значит, Николай оказался прав. Опьер действительно был в Ос Альте во время налета.

– Ты знал, что они задумали?

– Подслушал их планы там, где меня держали. Я добрался вовремя, чтобы поднять тревогу, но это не помогло.

– Так это *ты* заставил звонить колокола в нижнем городе.

А Николай гадал, как им удалось разглядеть фьерданские флайеры раньше его дозорных.

– Да. Но бомбы все равно упали.

Значит, у этого человека есть совесть. Или, по крайней мере, он умело притворяется.

– Как ты нашел это место? Откуда узнал, что я буду здесь?

– Я не знал. Но я понимал, что надежды встретиться с тобой во дворце нет, а когда услышал рассказы о Лазлайоне… – Он пожал плечами. – Я слышал, что ты частый гость в княжеских владениях. И надеялся, что за этим кроется нечто большее.

– И ты с кем-то поделился своими предположениями?

– Нет.

Николай не знал, чему верить. Казалось невозможным, что человек, чья зловещая тень так долго омрачала его мысли, стоит теперь перед ним во плоти. Никогда ему еще так не хотелось быть обычным человеком. Обычным человеком, который поприветствовал бы этого

незнакомца, пригласил бы его на чашку чая или бокал виски, нашел бы время понять его. А не королем.

– Ты не ответил на мой вопрос, – повторил Николай. – Зачем приходить сюда? Зачем искать меня после всех этих лет? Собираешься меня шантажировать? Или пришел убить равкианского короля?

Опьер гордо выпрямился.

– Ты обо мне настолько невысокого мнения?

– Я не могу составить о тебе *мнение*. Ты для меня чужой.

– Я хотел узнать тебя, – сказал Опьер. – Я держался на расстоянии ради твоей матери. Я ни за что бы не рискнул навредить ни ей, ни тебе. А теперь… я здесь потому, что эгоист, потому что хотел хоть раз увидеть сына, прежде чем исчезнуть.

– Исчезнуть?

– Это лучшее, что я могу для тебя сделать. Единственное, по сути. Я собираюсь стереть себя с лица земли. Пока я живу, я представляю для тебя угрозу.

– Святые вседержители, ты же не хочешь сказать, что кинешься на меч во славу моего трона?

Опьер рассмеялся, и у Николая дрожь прошла по позвоночнику. Это был его смех.

– Я вовсе не настолько самоотвержен. Нет, я отправляюсь в Новый Зем. У меня есть деньги. И время. Все, чтобы построить там новую жизнь. Возможно, я даже обращусь к портным, чтобы начать с абсолютно чистого листа.

– Какая жалость, – вздохнул Николай. – Мы чертовски хороши собой.

Опьер усмехнулся.

– Только подумать, скольким бедняжкам никогда не удастся увидеть это лицо.

– Так… так это на самом деле все, за чем ты пришел? Встретиться со мной?

– Не все. Не совсем все. У тебя есть сводная сестра.

– Линнея.

Опьер, казалось, обрадовался.

– Ты знаешь о ней? Она учится на инженера в университете Кеттердама. Фьерданские законы запрещают напрямую передать ей мое имущество, но я нашел обходной путь. Я лишь прошу… если ты выиграешь войну, я бы хотел попросить, чтобы ты присматривал за ней, взял ее под свою защиту, пусть я так и не смог взять тебя под свою.

– Мне, наверное, понравится быть старшим братом. Хотя я не очень-то люблю делиться.

Даже если Равка проиграет войну, Николай найдет способ связаться с Линнеей Опьер. Это он сможет. Если останется жив.

– Я даю тебе слово.

– Надеюсь, ты удержишь свою корону, – сказал Опьер. – А если тебе когда-нибудь захочется поболтать подольше или появится время на путешествия, можешь оставить мне сообщение в «Золотом Часе», в Кофтоне.

– В таверне?

– С весьма сомнительной репутацией. Я намереваюсь купить ее, так что работники будут знать, как со мной связаться. Полагаю, и имя мне придется взять новое.

– Не рекомендую Ланцова.

– Вычеркну его из своего списка.

Николаю хотелось, чтобы он остался. Хотелось поговорить с ним, хотелось узнать, какой была его мать до того, как праздная, полная зависти и ревности жизнь ожесточила ее сердце. Хотелось поговорить о кораблях и о том, как Опьер построил свою империю, спросить, где он побывал во время своих странствий. Но каждая минута, проведенная с отцом, подвергала их обоих еще большей опасности.

– Прошу прощения за корыстный интерес, но не знаешь ли ты чего-нибудь еще о планах Фьерды?

Опьер улыбнулся. Он, казалось, гордился сыном.

– Знаю, что Ярл Брум надеется выдать дочь за принца Расмуса.

– Наша разведка полагает, что Расмус может предпочесть дипломатию открытому конфликту.

– Может, и так. Но если он породнится с Брумом, я бы не стал ни на что рассчитывать. Если Бруму не удастся взять принца под контроль, он найдет способ его уничтожить. У нас, фьерданцев, есть черта характера… мы называем ее *gerkenig*. Жажда действия. Мы лезем туда, куда не следует, потому что не можем справиться с собой. Если Брум увидит возможность, он ей воспользуется. Я сам этим частенько грешу.

– Безрассудство.

– Не совсем. Скорее необходимость ухватить момент.

– Звучит на удивление знакомо.

– Я так и подумал.

Издалека, откуда-то со стороны лабораторий под Золотым Болотом, донеслись звуки взрывов.

– Фейерверки, – сказал Николай.

– Само собой, – согласился Опьер, и Николай понял, что тот ему не поверил. – Полагаю, пришла пора прощаться.

– Не уверен, что успел как следует поздороваться. Мне…

Николай силился подобрать слова, чтобы описать, что чувствует. Жаль, что уходит этот незнакомец? Хочется вернуть отца, которого у него никогда не было? Важно, что Опьер готов оставить прежнюю, знакомую жизнь, чтобы поддержать легенду о законнорожденности Николая?

Тот человек, которого Николай большую часть жизни считал отцом, был постоянным источником неловкости и стыда. Николай никогда его не понимал, никогда не стремился быть на него похожим. Он прочитал достаточно книг и видел достаточно пьес, чтобы понимать, каким должен быть отец – добрым и понимающим, способным дать мудрый совет, научить владеть мечом и кулаками. Вообще-то, в большинстве пьес отцов убивали, и за них приходилось мстить, но в первом акте они определенно казались мудрыми и любящими. Николай вспомнил, что сказала Зоя о своей матери тогда, на борту дирижабля: «*Наверное, я скучаю по тому, чего никогда не имела*». Вот и Николай даже не думал, что ему не хватает отца, поскольку на самом деле никогда его не имел. Он в этом не сомневался до того момента, когда оказался у ворот и увидел Магнуса Опьера.

– Вот, – сказал Николай. – Твоя миниатюра. – И протянул портрет матери.

– Оставь себе. Не хочу оглядываться назад. Слишком много сожалений. – Опьер поклонился. – Удачи, ваше величество.

Николай смотрел, как его отец уходит. И задумался о тех бешеных амбициях, что привели его сюда, заставили бороться за корону, в то время как он мог бы выбирать из сотен других жизней. Он мог бы оставить будущее Равки в руках своего брата. Мог бы привыкнуть к мысли, что у него есть отец. Он мог бы любить кого пожелает, жениться на ком пожелает – предполагая, что вредное создание скажет «да». Но все эти жизни исчезали, испарялись на каждом новом перекрестке, с каждым сделанным выбором. Он пожертвовал ими ради Равки. Стоило ли оно того?

Он не знал. Но стоять у ворот и размышлять об этом не собирался.

– Зоя, – позвал он, возвращаясь к ним с охраной. – Ты когда-нибудь слышала слово *gerkenig*?

– Полагаю, это жаркое, – сказал князь Крыгин. – Возможно, из палтуса?

– Это не жаркое, – возразил Николай. – По крайней мере, насколько мне известно. Но оно подкинуло мне идею.

Зоя заправила темную прядку за ухо.

– Это заклинание, которое поможет нам увеличить количество титания в четыре раза?

– Боюсь, что нет. Это заклинание связано с кровью.

– Нашей или фьерданской?

– Сохранит нашу, прольет фьерданскую.

Это означало, что придется снова отпустить Зою одну. Что они ввяжутся в чудовищную авантюру. Аркеск или Вечный Мороз? Если фьерданцы все еще не решили, куда направить удар, может быть, ему удастся подтолкнуть их к нужному решению.

Николай отправился назад в лаборатории. Близился рассвет, а ему надо было готовиться к очередному заданию. А еще написать письмо Зое, где он попросит ее позаботиться о Линнее Опьер, если ему не удастся выжить, скажет все, что не успел сказать на том проклятом дирижабле и что не мог сказать сейчас, потому что был не настолько отчаян. Он шел уверенно, не замедляя шаг.

Он тоже решил не оглядываться назад.

35. Нина

Ильва застала их в постели Нины, полураздетых, запутавшихся в шелках, с распухшими от поцелуев губами.

Она застыла в дверях, но затем нашла в себе силы выдавить:

– Твой отец уже отправился на базу, а нас ждут на летном поле через час. Соберите самое необходимое и оденьтесь потеплее. И Ханна, во имя Джеля, прикрой этот след на шее.

Как только дверь закрылась, Ханну с Ниной разобрал нервный смех, но длилось это недолго.

– Меня отошлют назад в монастырь, – запаниковала Ханна.

Нина фыркнула.

– Жить в уединенном месте, в окружении толпы девиц? Туда тебя отправят в последнюю очередь.

Ханна застонала и, на ходу сбрасывая платье, направилась в гардеробную, чтобы налить воды в таз. Ее тело было мускулистым и смуглым, и Нине захотелось затащить ее назад в их теплую постель и остаться там на целую вечность. Но вечности у них не было. По крайней мере, не во Фьерде.

– Ты права, – сказала Ханна, плеща водой себе в лицо. – Меня скорее решат выдать замуж.

– За принца.

– Ты так уверена, что он сделает предложение?

– Да.

Прошлым вечером Ханна и сама была в этом уверена. А этим утром им обеим хотелось верить, что найдется какой-нибудь выход. Но даже если бы принц не сделал Ханне предложение, его сделал бы кто-нибудь другой. Она стала звездой праздника Сердцевины.

Нина стянула свой бальный наряд через голову и надела вместо него простое шерстяное платье.

– Ханна… Давай сбежим.

– Что? – Ханна уже успела облачиться в юбку с блузкой и теперь убирала с шеи след, оставленный Ниной в порыве страсти.

– Давай сбежим. Как ты и хотела, только без всех этих скачек. Отправимся в Равку. Или в Новый Зем.

Она знала, что скажет Ханна: что она не может разочаровать родителей, что должна остаться, поскольку принесет больше пользы гришам и всей Фьерде в качестве принцессы, а в будущем и королевы.

Ханна натянула вязаный фьерданский жилет поверх блузы.

– Как он смотрится?

– Просто ужасно.

– Я так и думала. – Ханна уселась на кровать, чтобы натянуть ботинки. – Думаешь, Рингсе удастся нас вытащить?

Нина застыла, забыв про пуговицы, не уверенная в том, что услышала.

– Я… Да. Думаю, да.

Ханна улыбнулась ей, и Нине показалось, словно в грудь ей ударил столп солнечного света. Она решила, что лучше будет присесть.

– Тогда бежим. Но не прямо сейчас. Если мы все-таки сможем помочь Расмусу, мы попытаемся. А затем уедем.

– Уедем, – повторила Нина, до конца не веря в происходящее. Им понадобится время, чтобы все спланировать и чтобы Нина могла решить, что делать с Йораном.

– Нам нужно быть очень осторожными. Моя мать может попытаться разлучить нас.

– Я думала, ты откажешься.

– Ты хочешь отговорить меня?

– Нет! Конечно, нет. – Нина схватила Ханну за руки и сдернула с кровати. Святые, какая же она высокая. – Я просто… – Она не знала, что сказать. Что давно перестала на что-то надеяться после того, как потеряла Матиаса, что была убеждена, что это был ее последний шанс на счастье. До сих пор. До Ханны. Она встала на цыпочки и запечатлела поцелуй на губах Ханны. – Никогда не отпускай меня.

– Никогда, – пообещала Ханна. – Думаешь, мир возможен?

– Только если Равка даст Фьерде решительный отпор. Если Фьерда вторгнется в Равку, то она ни за что не пойдет на мирные переговоры. Но если Равка покажет свою мощь, Фьерде придется обдумать и такую возможность.

– Не думаю, что отец отступит. Только не в этот раз. Его репутация этого не выдержит, ведь мира в его представлении о будущем Фьерды нет.

– Тогда давай надеяться, что принц достаточно силен, чтобы выбрать другой путь.

– Мы удостоверимся, что так и есть. А потом вырвемся на свободу из этого места.

Свобода. Безумное слово. Волшебное слово. Нина уже не была уверена, как она ощущается. Но намеревалась вскоре выяснить.

Дирижабль был не из тех роскошных машин, что предназначались для аристократов и королевских особ, а из армейских, выкрашенных в серый с голубым, чтобы лучше сливаться с морем и небом. Их разместили в каюте с еще одной семьей, и в течение целого дня они летели над Истиноморем. На закате Ильва пришла позвать их на высадку. Она едва могла смотреть им в глаза.

– Где мы? – спросила Ханна.

Нина выглянула из окна, но открывшийся внизу вид ее озадачил.

– Это остров?

Но стоило дирижаблю приземлиться, как Нина поняла, что это вовсе не остров. Они оказались на огромной морской базе. Она видела огромные пришвартованные военные суда и ряды тяжеловооруженных флайеров на взлетном поле, готовых взмыть в воздух. По обе стороны базы полукругом высились зубцы шпилей – смотровые башни. Они походили на зубы, придавая базе вид распахнутой пасти. Солдаты в форме и армейский персонал сновали по палубе как муравьи, большей частью собравшись у центрального скопления зданий, служащего командным центром. На его плоской крыше был нарисован флаг Фьерды – скалящийся волк Гримьеров.

Ужас прижал Нину к земле, как монстр невероятной силы, змеей зашипел на ухо гибельные предсказания. Ей немногое было известно о военном оружии, но она знала, что у Равки подобной чудовищной конструкции точно нет. Она превосходила всякое воображение.

Дирижабль сел на одной из посадочных полос базы, и она, вслед за Ильвой и Ханной, спустилась вниз по трапу.

Редвин в мундире *дрюскеля* уже ждал их на палубе. Он усмехнулся, и Нина поняла, что, проживи она хоть сотню лет, никогда бы не пожелала еще раз увидеть на его морщинистом лице это отвратительное выражение нетерпеливого ожидания.

– Добро пожаловать в «Пасть Левиафана».

– Где коммандер Брум? – спросила Нина.

– Там, где и должен быть, – отрезал Редвин. – Я провожу вас в ваши комнаты.

– Что это за место? – шепотом спросила Ханна. В ее голосе звучал тот же ужас, что сковал Нину изнутри. Все их планы и интриги казались бессмысленными перед лицом подобной мощи.

Их комнатой оказалась тесная каюта с двухъярусными койками у обеих стен.

– Что ж, к счастью, ванная у нас отдельная, и хорошо, что мы все будем вместе, – провозгласила Ильва бодро. Нина подозревала, что сказано это было с умыслом. Мать Ханны, наверное, никогда больше не оставит их с Ханной наедине.

Брум явился в их тускло освещенную каюту за полночь. Нина впервые за последние несколько месяцев видела его таким счастливым.

– Время пришло, – заявил он.

Губы Ильвы тронула дрожащая улыбка.

– Ты должен пообещать мне, что вернешься невредимым.

– Попроси меня быть храбрым, а не вернуться невредимым. Мы с моими парнями отправляемся на северный фронт. Но вы здесь будете в безопасности, под присмотром Редвина, к тому же сможете наблюдать вторжение с высоты птичьего полета. Наши корабли все-таки прорвали блокаду Штурмхонда. Побережье Равки открыто для нашего удара.

На Нину накатила тошнота. Неужели Керчия помогла уничтожить корабли Штурмхонда? Но если Фьерда намеревалась захватить побережье…

– Вы на самом деле не вели переговоры с Западной Равкой.

– Умная девочка, – похвалил Брум. – Нет, у нас не было причин вести с ними настоящие переговоры. Их флот – не чета нашему. После прорыва блокады мы можем напасть с моря на юге и по земле на севере. Наши силы зажмут Ос Керво в клещи.

Войска, наступающие с севера, должно быть, уже на марше. Второй фронт будет открыт с моря. Фьерда использует эту кошмарную базу, чтобы штурмовать пляжи к югу от Ос Керво. У Западной Равки не останется и шанса, а как только фьерданцы закрепятся на побережье, они двинутся на восток и захватят столицу Равки.

Но эти сведения были теперь для нее бесполезны. У нее не было возможности выйти на связь с Рингсой, а если бы и была, эти сведения безнадежно опоздали бы.

Вторжение с высоты птичьего полета. Ей придется смотреть на то, как Фьерда сметет защиту запада. И останется ли у них потом хоть какая-то надежда? Равка никогда не сможет оправиться от такого удара. Речи о заключении мира не будет.

Когда Брум ушел, Нина попыталась отдохнуть, но сон не приходил.

У нее было ощущение, что она летит куда-то во тьме и никак не может остановиться.

Ильва разбудила их до рассвета и отвела на одну из смотровых башен.

– Заплети косы, Мила, – предложила она. – И пощипай щеки, чтобы добавить румянца. За вторжением будет наблюдать много важных людей. Никогда не знаешь, чье внимание можешь привлечь.

Нина подавила желание закатить глаза и повиновалась. Если этот спектакль поможет ей подольше задержаться в доме Брумов, она с радостью наведет красоту и пофлиртует.

Когда они оказались на огромном открытом пространстве палубы, Нина разглядела мерцающие на равкианском побережье огни. Под покровом ночи «Левиафан» подобрался поближе к земле.

Когда они уже собирались войти в башню, их окликнули:

– Ханна Брум!

Принц Расмус шагал по палубе в военном мундире, окруженный королевской стражей, с мрачным Йораном за спиной. При виде юного *дрюскеля* Нина ощутила новую вспышку гнева. Она постаралась подавить его ради Ханны, ради их общей безопасности, но знала, что расплата неминуемо грядет. Конечно, Ханна хотела бы, чтобы Нина жила будущим, но та не могла этого сделать, пока не примирится с призраками своего прошлого.

– Что этот щенок здесь делает? – пробурчал Редвин. Затем с трудом выдавил из себя натянутую улыбку. – Ваше высочество, я и представить себе не мог, что вы почтите нас своим присутствием на борту «Левиафана».

– Почему бы и нет?

– Исключительно потому, что вам было бы намного безопаснее в Джерхольме, в окружении семьи.

– «Пасть Левиафана» достаточно безопасна для дочери коммандера Брума. Думаю, даже такой изнеженный принц, как я, может находиться здесь безбоязненно. Особенно когда моя страна воюет. Кроме того, *кто-то* же должен будет принять капитуляцию Равки. Идем, Ханна, посмотрим на вторжение вместе.

Он протянул ей руку.

Редвин загородил Ханну собой. Он действовал как солдат, не как политик. Никто не смеет противиться желаниям наследного принца.

– Что вы делаете, Редвин? – в панике зашептала Ильва. – Принц в своем праве. Ступай, Ханна. Мила…

– Мила может остаться с вами, – заявил принц. – Мне бы не хотелось, чтобы вы остались в одиночестве, Ильва.

Ильва застыла, не зная, что предпринять. Ханна не могла пойти с принцем без сопровождения компаньонки.

Йоран тоже чуть заметно качнул головой, но Нина не знала, как этому помешать. Она вцепилась в руку Ханны.

– Я бы предпочла, чтобы моя подруга пошла со мной, – сказала Ханна.

– Но твою подругу не приглашали, – ответил принц.

– Ваше высочество… – начала Ильва, взяв дочь под руку. Но взгляд принца не оставил места для возражений.

Ханна никогда прежде не оставалась с принцем наедине. Это было неприлично, даже неприемлемо. Если, конечно, он не собирался предложить ей брак. Неужели именно к этому все и шло? Собирался ли принц назвать Ханну своей невестой или решил просто использовать как пешку в своей бесконечной борьбе с Брумом? Правдой могло быть и то, и другое. Если он отведет ее на смотровую площадку без Милы в качестве компаньонки, ему придется сделать Ханне предложение, или ее репутация будет уничтожена. Никто больше не посватается к ней. А если он все-таки сделает предложение, Ханне придется сказать «да». Нине хотелось закричать. Им следовало бежать прошлой ночью, подальше от дворца, подальше от всего этого. Но эту катастрофу спровоцировала она сама. Она решила, что они с Ханной встанут между принцем и Брумом, став преградой на пути войны, а теперь эта преграда готова была пасть, как блокада Штурмхонда.

– Все будет хорошо, – сказала Ханна. А Нине на ухо прошептала: – Мы найдем выход. В нем еще есть что спасать. Я точно знаю.

– Идем же, Ханна, – поторопил принц. Он все еще протягивал ей руку. Это не было приглашением. Это был приказ.

– Ты должна меня отпустить, – шепнула Ханна.

Никогда.

Нина с трудом заставила пальцы разжаться. Ханна улыбнулась, подплыла к Расмусу и взяла его под руку.

– Встретимся, когда победим, – сказал принц.

Нина поймала взгляд Йорана, мысленно внушая ему свою волю. *У меня к тебе огромный счет. Приглядывай за ней.*

– Он… он же сделает предложение? – спросила Ильва. Раньше она радовалась, замечая, какое внимание принц оказывает Ханне, но такого рода внимание не нужно было ни одной девушке.

– Этот жалкий сопляк не осмелится поступить по-другому, – прорычал Редвин. – Коммандер Брум с него голову снимет.

Редвин мог разоряться сколько угодно. Но Нина с Ильвой хорошо в этом разбирались. Статус Брума не позволял противостоять принцу. Хотя, если сегодня Брум вернется с победой, кто знает, какое влияние он мог бы приобрести на этой волне?

– Она будет принцессой, – заявила Ильва, когда они вслед за Редвином направились к смотровой башне, словно эти слова были заклинанием и исполняли волю говорившего. – Все будет хорошо. – Нина ничего не сказала, и Ильва стиснула ее руку в коротком ободряющем пожатии. – Принц должен спросить, а она должна согласиться. Ты же понимаешь это, да? Только это может обеспечить безопасность вам обеим. – Она замялась. – Ты можешь служить их семье. Не такая уж неслыханная вещь. Нужно только соблюдать осторожность.

Нина заставила себя кивнуть и сказать:

– Да. Конечно. Как захочет Ханна.

Взгляд Ильвы стал отрешенным.

– Чего мы хотим… то, чего мы хотим для себя и своих дочерей, неважно. Важно то, что мы можем вынести.

Выжить в этой стране. Выживать всю жизнь. Найти того, кто тебя защитит, раз уж нельзя защищаться самой. Рожать детей. Молиться за мальчиков. Молиться, чтобы необычная, непокорная дочь, которую ты вырастила, нашла свою дорогу. Бояться за нее, приглядывать за ней и понять, что все твои страхи и бдительность ничего не стоят, как только налетает буря. Ильва не видела никакого другого выхода для Ханны. И Нина не была уверена, что сама может его увидеть.

Редвин сопроводил их в кабину стального лифта, тут же вознесшегося ввысь. «*Даже лифт работает лучше»,* – горько подумала Нина, вспомнив грохочущее латунное устройство, на котором она когда-то ездила в Лазлайоне. Всего несколько часов назад она была уверена, что им с Ханной удастся найти выход из этой истории. А теперь эту надежду поглотил страх.

Лифт дернулся и остановился на вершине башни, и они оказались в комнате, опоясанной окнами с различными подзорными трубами, установленными рядом. Огромная толпа офицеров собралась, чтобы посмотреть на вторжение, и атмосфера в комнате была напряженной, но полной скрытого торжества. Вдалеке Нина разглядела изгиб залива, покрытые водорослями дюны, усеянные равкианскими солдатами и танками, и пересекающие водную гладь фьерданские корабли, паромы с танками и войсками, направляющиеся к берегу Равки.

Войска Равки казались особо потрепанными и жалкими на фоне металлических чудовищ, которыми командовали фьерданцы. Нина видела, как солдаты Первой армии взбираются на скалы, граничащие с низкими утесами залива. Почему не послали проливных? Неужели им велели поберечь силы? Теперь у них был антидот к *парему*. Почему они не использовали гришей, чтобы поднять волны и затопить фьерданские корабли до того, как те причалят? Должно быть, вторжение фьерданцев было слишком неожиданным и они не успели организовать достойную оборону.

Нина наблюдала, как флот захватчиков подбирается все ближе к берегу, словно вечно голодные монстры глубин со стальными спинами.

– Первый удар, – провозгласил Редвин. – Мы прорвемся на сушу, затем окружим Ос Керво с юга, пока войска Брума заходят с севера. Земля покраснеет от равкианской крови.

Но Нина вовсе не была в этом уверена. В ее голове мелькнула мысль, полная одновременно ужаса и надежды.

– Почему они не встречают сопротивления? – спросила Ильва.

– Равкианцы рассчитывали на то, что блокада Штурмхонда выдержит. Эти идиоты стянули все войска к северу. А наше нападение с юга осталось отражать минимальное количество солдат.

Блокада Штурмхонда. Но как фьерданцам удалось прорвать ее?

Нина наклонилась к длинной трубе и настроила ее на равкианских солдат. Трудно было что-то разобрать с такого расстояния, но они казались слишком неподвижными. Словно просто стояли и ждали. Она перевела трубу на фигуры, которые заметила на скалах, – и узнала знакомые локоны цвета воронова крыла, летящие по ветру.

Не простой солдат. И не проливной. Зоя Назяленская. Самая сильная шквальная в Равке и генерал гришей. Если Равка сосредоточила все свои силы на севере, то что Зоя делала здесь?

– Тебя это пугает, Мила? – спросила Ильва. – Я уже давно солдатская жена. Я привыкла к жестокости сражений. Но нам вовсе не обязательно на них смотреть.

– Нет, – перебила ее Нина. – Я хочу посмотреть.

– Наконец-то проявление характера! – каркнул Редвин. – Тебе понравится сладкий вкус первой победы.

Фьерданцы спрыгивали в воду, подняв ружья, и накатывали на пляж волной насилия.

Один за другим солдаты на скалах поднимали руки. Армия шквальных.

Зоя была последней. Молния расколола небеса – не один зигзаг, как шквальные призывали когда-то на глазах у Нины, а потрескивающая сеть, тысячи зазубренных копий света, сделавших небо густо-фиолетовым, прежде чем ударить в воду.

Толпа вокруг Нины ахнула.

– Милостивый Джель! – заорал Редвин. – Нет!

Но было слишком поздно.

Море внезапно озарилось светом, забурлив, как кипящий котел, исходя паром по всей поверхности. Нина не слышала, как кричали солдаты на отмелях, но видела, как они широко открывали рты и тряслись, когда ток проходил сквозь их тела. Фьерданские паромы с танками, казалось, разваливались на куски, крыши машин стекали ручьями расплавленного металла, гусеницы приварились к палубам.

Блокаду Штурмхонда вовсе не прорвали. Она была намеренно снята, чтобы открыть дверь в западню и заманить туда фьерданский флот. Именно этого равкианцы и ждали.

Молния исчезла, оставив после себя чистое небо с парой облачков. Зоя со своими шквальными закончила выступление.

Смотровая площадка погрузилась в молчание. Офицеры смотрели на останки своего флота, на тела людей, колышущиеся на ласковых волнах, лижущих побережье Равки, на военную технику, больше похожую на груду металлолома, части которой постепенно погружались в пучину.

Ильва прижала ладони ко рту. В глазах ее стояли слезы. Нина гадала, что чувствует сейчас Ханна, наблюдающая за этой катастрофой в компании принца.

Сама Нина не могла радоваться смерти солдат, у большинства из которых не было выбора, куда идти или против кого сражаться. Но ей вспоминался зимний бал, радостные тосты, то, с какой готовностью Фьерда взялась отмечать канун того, что, по их мнению, должно было стать началом падения другой страны.

Такой была война. Не парады и угрозы, а кровь и жертвы, и Равке этого тоже не избежать.

– Мы пропали, – прошептала Ильва. – Сколько смертей за одно мгновение.

– Закрой свой рот! – рявкнул Редвин. – Вот почему женщинам нельзя и на пушечный выстрел приближаться к полям сражений.

«Именно женщина только что засунула твой «сладкий вкус победы» прямо тебе в глотку», – с удовлетворением подумала Нина.

– Это ерунда, – продолжал Редвин, рубанув рукой воздух и обращаясь уже к офицерам. – Эта атака – просто страховка. На северном фронте равкианцев ждет такой кошмар, от которого им ни за что не оправиться.

– Еще больше танков? – спросила Нина, изобразив робкую надежду.

Редвин рассмеялся, и от этого звука у Нины волосы встали дыбом.

– О нет, малышка. Оружие, которого не видел этот мир. И наследный щенок помогал с его разработкой.

– Принц Расмус? – Ее удивление было абсолютно искренним.

– Да, он намного кровожаднее, чем мы смели надеяться. Идея пришла к нему из оперы, вообразите.

Hajefetla. Певчая птичка. Неужели Редвин говорил о планах, которые она видела на столе у Брума, об оружии, которое упоминал принц на балу? И это *Расмус* изобрел новое оружие. Расмус, который, как они надеялись, должен был повести страну к миру, которого Нина описывала королю Николаю как возможного союзника. Они и прежде знали, что он жесток, но надеялись, что это мелкая жестокость, детская привычка, рожденная постоянным недовольством собой. Им хотелось верить, что его еще можно очистить от яда Фьерды. Но он жаждал войны так же, как и Брум. Она вспомнила слова Йорана, сказанные им в ту ночь у ледяного рва: *«Он испытывает свою новую силу»*. Расмус вовсе не хотел создавать новый мир, где жизнь и милосердие ценятся выше смерти и силы. Он собирался доказать всему миру, что является фьерданцем до мозга костей. Ей нужно придумать, как предупредить Николая о том, что на принца нельзя рассчитывать. Но сначала нужно найти способ сбежать из этой башни и добраться до Ханны.

– Не могу этого вынести, – выдохнула Нина. – Слишком тяжело смотреть, как страдают наши солдаты.

Ильва приобняла Нину за плечи и повела к лифту.

– Мы оставим это мужчинам. – Как только двери кабины закрылись, она сказала: – Все будет в порядке, Мила. Если Редвин сказал, что преимущество на нашей стороне, значит, так и есть.

«Именно этого я и боюсь».

Когда они вышли на палубу, Нина с радостью подставила лицо соленому ветру. Легко было сказать:

– Ильва, может, вы пойдете без меня? Я пока не готова возвращаться в нашу каюту. Мне нужно привести мысли в порядок.

Ильва сняла свою шаль и накинула на плечи Нины.

– Ты не сможешь пойти к ней, Мила. Его стражи тебя не пропустят. Как бы я хотела, чтобы ты пошла. Как жалею сейчас, что не отправила вас к хедьютам.

– Я не стану искать ее, – солгала Нина. – Мне просто нужно немного подышать.

– Что ж. Но старайся не попадаться никому на глаза, Мила. После такого поражения… солдаты часто ищут, на ком сорвать гнев.

Нина кивнула. Но, как только Ильва отвернулась от нее, тут же ринулась в толпу сновавших по палубе солдат и матросов, пытаясь добраться до башни, в которую, как ей помнилось, принц увел Ханну. С дротиками на изготовку она потянулась к своей силе, ощущая связь с мертвыми телами как в воде, так и в лодках, плывущих назад к «Пасти Левиафана». Она доберется до Ханны. Если для этого придется сразиться с Йораном, тем лучше. А потом? Она точно не знала. Украдет лодку, и они отправятся в безопасное место, подальше отсюда.

Она толкнула дверь, ведущую в смотровую башню, и сморщила нос. Здесь стоял странный запах – ладана и вскопанной земли. Внезапно что-то кольнуло ее в шею, и она провалилась в темноту.

36. Зоя

Порыв ветра помог Зое спуститься со скал. На глаза попалась часть пляжа, принявшая на себя удар молнии, – песок здесь покрылся стеклянной коркой. Не глядя на море и колышущиеся на волнах тела, она взобралась на покрытые водорослями дюны и присоединилась к своим бойцам. Вблизи раскрашенные щиты, расставленные по всему пляжу, совсем не так сильно походили на танки, как издали, – это был трюк, призванный обмануть врага. Но они и должны были выглядеть правдоподобно лишь издалека. На эту уловку их вдохновил опыт знакомых из «Клуба Воронов». Если бы фьерданцы увидели, что залив остался совсем без защиты, они могли бы заподозрить, что их ждет ловушка, и, возможно, догадались бы о грядущей буре. Равкианские солдаты были обуты в сапоги на резиновой подошве вместо кожаной, предосторожности ради.

– Как много погибших, – прошептала Женя, когда Зоя вошла в штабной шатер Триумвирата и попросила воды.

– Это необходимо было сделать.

Ей некогда было оплакивать солдат, которых она никогда не видела, ведь сейчас ее собственные солдаты готовились принять удар с севера. Она говорила Николаю, что рождена, чтобы быть оружием. В этом она была хороша, в этом она разбиралась.

Она прошагала к подготовленному для нее флайеру. Пора было лететь.

– Ты в порядке? – спросила Женя, надевая летные очки. С тех пор, как не стало Давида, она часто задавала этот вопрос, словно слова могли защитить их от беды.

– Просолена насквозь. Новости с северного фронта?

– Они на позициях.

– Тогда время отправляться.

Зоя старалась не обращать внимания на охвативший ее страх. Они должны были лететь низко над землей, чтобы фьерданские разведчики не заметили их в воздухе. Полк гришей и солдат Первой армии оставался здесь на случай, если Фьерда решит еще раз попытаться захватить пляж, но Зоя полагала, что их морская база уже отправилась на север, чтобы поддержать вторжение там.

– У нас есть кое-какие новости, – сказала Женя, отвлекая Зою от размышлений. – На поле битвы видели Беззвездных.

Зоя стукнул кулаком по металлической обшивке флайера.

– На стороне Равки или Фьерды?

– Трудно сказать. Они не рвутся в драку. – Женя запнулась. – Он с ними.

Конечно же, Дарклинг явился на поле битвы в окружении своих последователей. Но что он задумал? Николай как-то сказал, что у Дарклинга талант устраивать зрелища.

– Сражение для него просто декорация, – догадалась она. – Он собирается с помпой обставить свое чудесное возвращение.

Она вспомнила слова Алины, обращенные к нему: «*Почему ты должен стать спасителем?*»

Дарклинг станет ждать подходящего момента, возможно, смерти Николая, а затем появится в роли святого, ведущего людей за собой к… чему? К свободе? Ему еще никогда не приходилось сталкиваться с фьерданской военной техникой. Он не сможет победить их в одиночку, как бы на это ни рассчитывал. А Зоя лучше наглотается *парема*, чем снова встанет под его знамена.

– Генерал! – К ней бежал солдат с запиской в руках. – Меня попросили передать это вам.

Женя выхватила листок из его рук.

– Кто? – спросила Зоя.

– Мужчина в монашеской рясе. Он вышел на берег немного дальше по побережью.

– Ряса была черной или коричневой?

– Коричневой с символом Заклинательницы солнца.

Женя быстро пробежала взглядом по листу.

– Ох, святые.

– Дай мне.

– Зоя, держи себя в руках.

– Проклятье, да о чем там говорится?

Она выхватила записку из Жениных рук.

Там было всего несколько слов на равкианском: «*У меня Мила Яндерсдат. Приходи в восточную смотровую башню на борту «Пасти Левиафана». Твоего прихода она будет дожидаться в камере».*

Зоя смяла записку в руке. Апрат схватил Нину.

– Это ловушка, – сказала Женя. – Он не хочет переговоров. Он хочет, чтобы ты действовала необдуманно. Зоя? Зоя, что ты делаешь?

Зоя двинулась назад к шатру.

– Действую необдуманно.

– Мы следуем определенной стратегии, – возразила Женя, спеша следом. – Она работает. Нужно ее придерживаться. И Николаю ты нужна, чтобы помочь с управлением ракетами.

Зоя замялась. Она не хотела оставлять своего короля без необходимой поддержки. Проклятье, она хотела сражаться бок о бок с ним в этой битве. Каждый раз, когда она вспоминала, как он лежал на полу грузового отсека *«Баклана»*, пристроив голову на руку, и говорил все те слова, те нелепые, прекрасные слова… «*Никакая сила не сможет погасить мое желание».* Эти воспоминания были сладким ядом. Даже зная, какие страдания это ей причинит, она не могла удержаться и не сделать глоток.

«Тебе нужно было согласиться, – в сотый раз мелькнула в голове мысль. – *Нужно было сказать, что ты его любишь».* Но что хорошего к этим словам могли добавить такие, как она? Николай заслуживал большего. Равка требовала большего. Но пусть всего лишь на час, на день он мог бы принадлежать ей. А если что-нибудь случится с ним на поле битвы? Она слишком боялась сказать ему «да», показать свои истинные чувства, признать, что с самой первой встречи она увидела в нем того самого героя из тетушкиных историй, юношу с золотым сердцем, несущего в себе надежду и свет. Святые свидетели, Зое ужасно хотелось быть поближе к этому свету, хотелось ощущать его тепло как можно дольше.

Она покачала головой и нырнула в шатер, избавляясь от формы солдата Первой армии, надетой, чтобы скрыть ее личность.

– Там есть и другие шквальные, – сказала она, роясь в своем сундуке в поисках чего-нибудь неброского. – Адрик может управлять ракетами. А я вернусь, не успеешь оглянуться. И притащу с собой Нину Зеник.

– Возможно, ее уже нет в живых.

Зоя чуть не порвала рубашку из грубого полотна, которую вытягивала со дна сундука.

– Она не умерла. Я запрещаю.

Женя уткнула руки в бока.

– Не сверкай на меня своими драконьими глазами, Зоя. Нина не ребенок. Она солдат и шпион, и она бы не хотела, чтобы ты пожертвовала собой ради нее.

– Она *жива.*

– А если нет?

– Я убью любую фьерданскую тварь, осмелившуюся встать на моем пути.

– Зоя, остановись. Пожалуйста. Я не хочу потерять еще и тебя!

Услышав надрыв в Женином голосе, Зоя застыла. Он резанул ее прямо по сердцу, затопив внезапной, всепоглощающей болью. В янтарных глазах Жени стояли слезы.

– Зоя, – прошептала она. – Я не смогу делать все в одиночку. Я… я не смогу остаться последней из нас.

По телу Зои прошла дрожь. Она видела страдания подруги, но не знала, чем помочь, кем стать в этот момент. Именно Женя обычно предлагала утешение, вытирала слезы, выслушивала и исцеляла. *«А мне нужно с чем-то бороться».* Что-то ломать, разрушать. Это был ее единственный дар.

Зое казалось, что она задыхается от переполнявших ее горя и стыда, но все-таки выдавила из себя слова:

– Я должна была быть рядом, чтобы защитить его. Вас обоих.

– Защити меня сейчас. Не уходи.

– Я должна, Женя. Апрат представляет угрозу для Николая, и так будет всегда, если его не устранить.

Женя недоверчиво рассмеялась.

– Ты не собираешься сражаться с Апратом. Ты собираешься спасать Нину.

Зоя прижала ладони к глазам.

– Это было *моим* заданием, Женя. Когда Нину впервые взяли в плен на Блуждающем острове, я была ее командиром. Я давила на нее сильнее, чем стоило. И я позволила ей уйти в приступе раздражения. Если бы не я, Нину не поймали бы фьерданцы. Она бы не очутилась в Кеттердаме и не влюбилась в охотника на ведьм. Я не могу снова потерять ее. – Она сделала глубокий вдох. – Если Нина у Апрата, значит, ее легенда раскрыта. Он может сдать ее Ярлу Бруму. Я не могу позволить, чтобы ее пытали, только не тогда, когда могу предотвратить это.

Женя развела руки в стороны.

– Все люди в этом лагере оказались здесь из-за решений, принятых Триумвиратом. Они сделали свой выбор, решив встать между Равкой и разрушением. Это же выбрала и Нина. Мы все солдаты. Почему ты так строго спрашивала с Нины, если не хотела, чтобы она пользовалась полученными умениями?

– Потому что хотела, чтобы она выжила!

– Зоя, знаешь, почему Дарклинг проиграл гражданскую войну? Как Алина смогла его остановить?

Зоя сжала переносицу.

– Нет. К сожалению, нет.

– Потому, что он всегда сражался один. Он допустил, чтобы сила построила вокруг него стену. А у Алины были мы. И у *тебя* есть мы. Ты отталкиваешь нас, держишь нас на расстоянии, чтобы потом не нужно было нас оплакивать. Но случись что, и ты будешь скорбеть. Вот так выглядит любовь.

Зоя отвернулась.

– Я больше не знаю, как это делать. Не знаю, как продолжать жить.

– И я тоже. Бывают дни, когда я и вовсе не хочу. Но я не могу прожить жизнь без любви.

Зоя захлопнула крышку сундука.

– И в этом наше с тобой различие.

– Ты не знаешь, во что ввязываешься. Ты очень сильная, Зоя. Но не бессмертная.

– Посмотрим.

Женя встала у нее на пути.

– Зоя, Апрат знает, что ты та, кто может изменить ход этой войны.

Дракон внутри Зои оскалил зубы, и она усмехнулась.

– Он не знает обо мне ничего. Но скоро мы это исправим.

37. Николай

С побережья к западу подул сильный ветер, и Николай задумался, не совершил ли он ужасную ошибку. Местность, лежащая перед ним, была каменистой и пустынной. По крайней мере, никакой грязи. Но ее отсутствие облегчало путь фьерданским танкам. Он надеялся, что их замедлит лес, но фьерданцы накачали пленных гришей паремом и заставили одурманенных шквальных валить деревья, уничтожая древесных великанов, испокон веков несших стражу на северной границе, расшвыривая их мощные стволы, как сухие ветки. В графитовом небе раннего утра, ближе к горизонту, все еще были видны звезды. Когда он смотрел в сторону побережья, то мог различить приглушенно-серую линию моря. Возможно, некоторые из поваленных деревьев скатятся со скал и упадут прямо в объятия волн. Возможно, течение унесет их к далеким берегам, где запутает в сетях какого-нибудь рыбака, или вынесет на пляж, и со временем они станут частью чьего-то дома. Под новой крышей соберется семья, даже не представляя, что крыша эта построена из частички Равки, страны, которой, возможно, не суждено быть целой.

Как только разведчики и флайеры Николая подтвердили догадки о продвижении фьерданских войск, силы Равки разбили лагерь на небольшой возвышенности к северу от крохотного городка Пачесьяны. Грязная маленькая деревушка служила им оперативным штабом, откуда генерал Пенский отправил войска Первой армии рыть траншеи – широкие и глубокие противотанковые и другие, в которых скрывались их ракетно-пусковые установки.

Николай не знал, куда собираются нанести удар фьерданцы, и поэтому у равкианских войск не было возможности возвести оборонительные укрепления. Поэтому он позволил прорвать блокаду Штурмхонда, чтобы соблазнить противника возможностью нанести два удара одновременно – в заливе и здесь, на границе рядом с Аркеском. Он предоставил волку возможность сомкнуть челюсти вокруг Ос Керво и одним громадным рывком захватить всю Западную Равку.

Рискованная ставка и правильная ли? Очень скоро он это узнает.

Николай не стал ждать наступления рассвета. Это на грязных полях Нежек им пришлось прятаться до последнего. Но не сегодня. Сегодня фьерданцев не ждет никаких грандиозных ловушек, никаких минных полей. Вместо этого врагам будет продемонстрирована мощь, которая, как надеялся Николай, заставит их задуматься.

– Солнечные солдаты! – крикнул Адрик. Приказ прокатился по объединенным рядам гришей и солдат Первой армии.

Заклинатели Солнца, наследники Алининой силы, разместились вдоль всей линии фронта и находились под командованием Адрика, самого высокопоставленного эфиреала на поле. Зоя была на юге. Но времени размышлять об ожидавших ее опасностях не было. Он мог только верить в нее, как верил всегда. И пусть оставались слова, которые он хотел бы ей сказать, и другие, которые хотел бы взять назад, их время прошло. Его битва была здесь.

Адрик поднял свою латунную руку и отдал приказ:

– Свет!

Солнечные солдаты залили земли под Аркеском потоками света. Николай, прищурившись от этой яркости, смотрел на пустынное поле, на изрытую ямами землю вдалеке, там, где когда-то высился лес. Он мог представить, что фьерданцы сейчас делают то же самое, гадая, что за странное солнце взошло на юге. Недолго им осталось гадать.

– Шквальным приготовиться! – рявкнула Надя своему наряду эфиреалов.

– Первый залп! – крикнула Леони своим фабрикаторам. – Пуск!

Раздался треск, за которым последовал низкий свист, когда ракеты отправились в полет, тускло блестя титаниевой оболочкой в лучах фальшивого солнца. Они описали дугу в небе,

как серебряные дротики, пущенные в горизонт, и тут шквальные подхватили ветер с залива и направили ракеты в цель – на фьерданские танки, на фьерданские полки.

Когда они достигли целей, отрывистый ритм взрывов разорвал воздух, сотрясая землю нескончаемым барабанным боем. По шаткой лесенке Николай взобрался на недавно построенную вышку и уставился в бинокль. Фьерданские линии скрылись в дыму и пламени. Сновали туда-сюда люди, пытаясь сбить пламя, помочь пострадавшим товарищам, вытащить тела из-под завалов. Он словно снова видел перед собой Ос Альту в ночь налета. Издалека этих солдат можно было принять за равкианцев, друзей, его собственных подданных, пытающихся прийти в себя от этого внезапного удара. Землю усыпали дымящиеся черные воронки. Сколько погибло от одного удара? За доли секунды?

Игра на расстоянии. Фьерданцы своим ударом намеревались вывести из строя флайеры Равки и по большей части преуспели. Но они не рассчитывали на титаниевые ракеты Равки. Если они планировали использовать ружья и артиллерию, им нужно было подойти поближе и вновь поставить людей и танки на линию огня. Фьерданцы с самого начала предоставили им огромный выбор целей. Их арсенал был полон. Их армия не была истощена многолетней войной на два фронта. Это бросалось в глаза.

Николай не собирался давать им возможность прийти в себя после первого удара. Он подал сигнал наземным войскам, и генерал Пенский отдал приказ о наступлении своему танковому батальону, за которым последовала пехота и гриши, возглавляемые Адриком. Это был их шанс перехватить инициативу и заставить врагов поспешно отступить.

– Слишком оптимистично будет рассчитывать на то, что они соберут вещи и отправятся домой? – спросила Надя, когда Николай спустился вниз.

– Не отправятся, – заявил Толя, закидывая ружье на свою широкую спину. – Только не под командованием Брума.

Николай был согласен. Политическая карьера Брума была тесно связана с успехом военной кампании – ему нужна была жестокая и решительная победа, вследствие которой Фьерде отошла бы Западная Равка и открылся бы прямой путь на восток. Будь у них достаточно титания, равкианцы могли бы просто отступить и ударить по войскам Фьерды еще раз и еще, пока не обескровили бы их, сделав продвижение вперед невозможным. Но нельзя построить дом из воображаемых кирпичей.

Никогда еще Николай не чувствовал такой усталости и страха за своих людей, но в них самих вспыхнула надежда. Предыдущим вечером он обходил лагерь, разговаривая с солдатами и командирами, останавливаясь тут и там, чтобы выпить или перекинуться в карты. Он пытался не думать о том, скольким из них не удастся пережить эту битву.

– Мы готовы ко второму залпу? – спросил он.

– По вашему приказу, – доложила Нина.

– А Беззвездные?

Толя повернул голову на восток.

– Встали лагерем на периферии боевых действий.

– Не готовятся?

– Нет.

– Вооружены?

– Трудно сказать, – заметил Толя. – Хорошо это или плохо, но они верующие. Они могут пойти в рукопашную и с палками наперевес, если придется.

– Может, кто-нибудь пристрелит Дарклинга, – мечтательно предположила Надя.

– Тогда придется послать Ярлу Бруму благодарственную открытку. – Николай не знал, что задумал Дарклинг, но солнечные солдаты будут готовы.

Появилась Леони, успевшая испачкать свой фиолетовый *кафтан* пылью и копотью.

– Фьерданцы снова выстраиваются в линию.

– Второй залп, – скомандовал Николай.

Она мрачно кивнула, и они с Надей вернулись на позиции. Николай знал, что никто из них не забудет увиденного сегодня. Они были бойцами, солдатами, обе видели сражения и не только. Но сегодняшнее побоище было совсем другим. Это было уничтожение на расстоянии, мгновенное и неотвратимое. Давид предупреждал их о том, что это изменит все. Если ракеты станут больше и увеличится дальность, значит, они смогут поражать более крупные цели издалека. *«Но чем все это закончится?»* – спросил как-то Толя. И Николай не смог ответить. Сегодня им нельзя было просто оттеснить фьерданцев за границу. Им нужно было разбить врагов наголову, чтобы те усомнились в необходимости войны с Равкой.

– Толя…

– От Зои с Женей пока ничего.

Получилось ли у них? Его войскам не помешала бы подмога гришей и солдат Первой армии с юга. А ему необходимо было знать, что с ней все в порядке.

По линии равкианских войск прокатились приказы, и мгновение спустя второй залп ракет взмыл в воздух, направляясь еще глубже в ряды противника. Но на этот раз фьерданцы были готовы. Их танки покатились по тлеющим телам собственных солдат, и пехота рванула вперед.

Вот и все: два залпа, все их ракеты. Он видел, как в траншеях команда Леони перезаряжает пусковые установки, но эти ракеты были стальными, а не титаниевыми, и не содержали заряда. Николай не хотел, чтобы возможные шпионы Фьерды поняли, насколько Равка слаба.

Многие битвы велись неделями, превращая поле в мешанину из пуль и крови. Но Равка не могла себе такого позволить. У них было недостаточно вооружения, флайеров и солдат. Поэтому для них все решалось здесь и сейчас. Если святые следили за этим сражением, он надеялся, что они на стороне Равки. Надеялся, что они защитили Зою, сражающуюся на юге. Надеялся, что они поведут в бой и его.

– Проклятье, что ты делаешь? – рявкнул Толя. – Положи ружье.

Николай проверил прицел своего ружья.

– Даже я, знаешь ли, не рискну героически вылететь на поле боя без оружия.

– Ты отдаешь приказы и нужен нам живым, а не в качестве пушечного мяса для фьерданских пулеметов.

– Отдавать приказы могут и командиры. Это наш последний шанс что-то изменить. Если мы проиграем, Равке не нужен будет король.

Толя вздохнул.

– Тогда, полагаю, и королевские телохранители не понадобятся. Идем вместе.

Чем ближе они подходили к линии фронта, тем более оглушающим становился грохот танков и рев артиллерийских орудий, которые сливались в один сплошной гул, молотом бьющий по голове. Они шли сквозь ряды, мимо раненых и тех, кто еще готовился вступить в бой.

– Korol Rezni! – кричали солдаты при виде его.

Король шрамов. Больше его не раздражало это прозвище.

– Кто идет в битву со мной? – крикнул он в ответ.

И они проревели свои имена, следуя за ним по пятам.

Николай чуял запах пороха, горящей плоти и взрытой земли – словно все поле превратилось в огромную могилу. Ему вспомнился Хальмхенд, мертвые тела, лежащие вокруг, кровь на губах умирающего Доминика. *«В конце концов эта страна уделает тебя, брат. Имей это в виду»*. Николай тогда поклялся, что найдет способ все изменить. Но в конце концов вся его дипломатия и изобретения привели к тому же самому – к кровавой бойне.

Сначала он шел, затем перешел на бег, и вот оказался в гуще сражения. Весь мир вокруг него сузился до грохота канонады и рева танков среди дыма и крови. Мелькали фигуры, и у него были лишь доли секунды, чтобы отличить друга от врага. Помогали фьерданские шлемы

незнакомого Николаю вида, они значительно отличались от равкианских. Он выстрелил, затем еще раз, перезарядил. Кто-то кинулся на него слева – серый мундир. Он выхватил из-за пояса нож и метнул в мягкий живот нападавшего. С какой радостью он навсегда забыл бы это чувство, ощущение, что смерть идет с тобой бок о бок, дышит тебе в спину, направляет твою руку, но в любой момент может обрушить на тебя лезвие своей косы.

Пуля оцарапала его плечо, и он пошатнулся, теряя равновесие. Рядом возник Толя, прикрывавший его, пока Николай выпрямлялся и перезаряжал ружье, чтобы ринуться в бой. Он не мог запомнить всех этих лиц, мелькавших перед глазами как призраки, всех тел под ногами, но знал, что будет видеть их в кошмарах.

– Николай! – закричал Толя.

Но Николай и сам уже услышал рев приближающегося чудовища – гигантского транспортера, который они уже видели в первом столкновении с Фьердой, того самого, в котором привезли одурманенных гришей. Гигантские гусеницы сотрясали землю, визжали металлические шестерни, в воздухе висел смрад горящего топлива.

До начала битвы Николай отдал оставшимся флайерам приказ по возможности сдерживать воздушные силы фьерданцев и не забывать приглядывать за чудовищным транспортером. И теперь он видел, как он снижается, выпуская целые облака земенского антидота. Но шквальные, едущие на машинах впереди, на этот раз были в масках.

Они подняли руки, и мощный порыв ветра отправил антидот обратно, отчего флайеры сбились с курса.

– Эти маски! – взревел Толя, заглушая шум.

Это были не обычные маски, которые носили и на равкианской стороне. Николай заподозрил, что они использовались, чтобы постоянно подавать гришам *парем*.

Огромный металлический зев транспортера распахнулся, и оттуда потянулась еще одна цепочка изможденных гришей с масками на лицах. По всей протяженности фьерданских линий солдаты устанавливали странные объекты – огромные металлические диски, по форме напоминающие нечто среднее между блюдом и колоколом, сияющие в холодных лучах зимнего солнца. Нинины параболы. *Певчая птичка.* Внезапно Николай понял, что за странные шлемы были на фьерданцах.

– Открывайте огонь! – рявкнул он. – Стреляйте по гришам! Стреляйте по колоколам!

Но было слишком поздно. Фьерданские солдаты подвесили гигантские молотки и ударили по дискам. Воздух заполнил странный гул. Одурманенные гриши выгнули руки, и люди вокруг закричали.

Звук сокрушал. Николай зажал ладонями уши, глядя, как по всему полю его солдаты делают то же самое, бросая оружие, падая на колени. Он никогда не слышал подобного звука, ввинчивающегося в мозг, в кости, взрывающегося в черепе. Думать было невозможно.

Фьерданцы, защищенные своими странными шлемами, ринулись вперед, открыв огонь, расстреливая беспомощных равкианских солдат и гришей. Шлемы были созданы специально, чтобы защитить их от этого чудовищного, парализующего звука.

У Толи из ушей потекла кровь. Николай почувствовал, как что-то потекло по шее, и понял, что с ним творится то же самое. Вибрация словно разрывала его на части. Ракеты Равки по сравнению с этим казались детскими игрушками.

Он надеялся дать своей стране шанс победить. Он надеялся, что, несмотря на численное и техническое превосходство противника, сможет найти выход для своего народа. Бессмысленная, глупая гордыня. И вот как все это закончится. Равку поставят на колени.

По крайней мере, он сражался до конца, как настоящий король.

Но, возможно, Равке был нужен не король. И даже не искатель приключений.

Возможно, его стране нужен был монстр.

У него в рукаве остался один козырь, последняя уловка хитрого лиса, капля надежды, облаченная во тьму, – его демон. Но как только его солдаты увидят, кто он на самом деле, как только враги узнают правду, корона будет потеряна для него навсегда. Да будет так.

«Лети, – приказал он. – *Останови их. Помоги моей стране сохранить свободу».*

Демон медлил. Существо внутри него *было* им, и оно понимало, что на этот раз значит свобода. Больше не будет секретов.

Хорошо. Пусть трон достанется Вадику Демидову. Но Равка выживет.

Демон с ревом вырвался из его тела.

Он несся над полем битвы прямо к жутким колоколам. Он видел, как солдаты смотрят вверх и страх искажает их лица при виде демона. Они тыкали пальцами и кричали, выпучив от ужаса глаза.

Но звук колоколов был слишком мощным. Вибрация проходила сквозь его теневое тело, разрушая его, разрывая на куски. Он пытался снова собрать его воедино, но чем ближе к фьерданцам он подлетал, тем тяжелее ему это давалось. Его крылья, тело – все развеивалось в воздухе.

Очередная ошибка. На этот раз последняя. Демон вот-вот разлетится на куски, и Николай знал, что умрет вместе с ним.

Равка падет. После тысячелетнего правления династии Ланцовых. Его народ, его страна, гриши. Все погибнет.

Боль разрывала Николая. Демон рассеивался, распадался на части. Его смертное тело, стоя коленями в грязи, подняло голову вверх и закричало. Это все, что у него было. Последний шанс сразиться за свою страну, прежде чем он уйдет в небытие.

Он сжал зубы, ощутив выросшие во рту клыки.

Мы умрем вместе.

В ответном реве демона звучала боль, гнев и железная решимость. Они понеслись к колоколам.

38. Монах

Так, значит, мальчишка собрался умереть. Хотя, возможно, они все здесь умрут.

Если бы его голова не раскалывалась от звона, Александр бы рассмеялся. Вместо этого он упал на колени, как и остальные Беззвездные, и прижал ладони к ушам, пытаясь найти выход из положения. Очки, служившие ему маскировкой, свалились с носа и теперь лежали разбитые в грязи. *«Ждите знака,* – велел он пилигримам. – *Беззвездный укажет нам путь».*

Он намеревался призвать огромное пятно тьмы, чтобы закрыть солнце и наполнить всех благоговением.

Не нужно было бы знаков. Но он оказался не готов к появлению подобного оружия.

Очередная попытка создать *ничегою* не удалась – они не успевали принять форму. Одурманенные гриши Фьерды каким-то образом усиливали вибрацию этих колоколов, мешая его теням стать материальными.

Он не слышал криков окружавших его Беззвездных, но видел их распахнутые рты и глаза, полные ужаса и смятения. На фьерданской части поля он видел истощенных шквальных, рабов Фьерды, хрупких, дрожащих, с загнанными, пустыми лицами. Так действовал *парем.* Он никогда прежде не видел его действия и не понимал, что он может сотворить с его людьми. Гриши как орудие против гришей. Фьерда все-таки осуществила свою мечту о господстве. А теперь они были в шаге от того, чтобы осуществить мечту о завоевании.

Ему нужно выбраться отсюда, избавиться от этого звука.

Александр, пошатываясь, поднялся на ноги и поковылял между Беззвездными, слишком оглушенными болью, чтобы обращать на него внимание.

И тут его пронзило ощущение, словно огромный крюк впился во внутренности. Он обернулся и увидел, как взмывает в небеса демон молодого короля, тот самый, которого он создал когда-то из своей силы и которого в последний раз видел во время *обисбайи*, когда пытался присвоить его себе.

Мальчишка выпустил его на свободу. Это будет стоить ему трона. Это будет стоить ему всего. А зачем? Чтобы героически погибнуть за страну, которая все равно отвернется от него? Неужели этот мальчишка ничему не учится?

«Жертва». Шепот Юрия в голове, исполненный благоговения.

«Он – идиот. Это передо мной ты должен благоговеть».

Что хорошего принесет этот широкий жест королю? Александр ощутил, что демон начинает распадаться так же, как и его *ничегои*. Он был сильнее их, может, потому что целиком вырвался из Николая, а не был собран по кускам из теней вокруг, а может, потому что был связан с сознанием короля. И все равно он не мог сравниться с колоколами.

«Нет, мог бы. При твоей помощи».

Само собой, Юрию ничего так не хотелось, как заставить Александра пожертвовать собой во имя общего дела.

«Они пошли за тобой. Они поверили в тебя».

Александру нужно было бежать. Он спасется, как всегда, потом соберется с силами и разработает новый план. Фьерданцы быстро выкашивали ряды равкианских солдат, и как только они доберутся до Беззвездных, Александр уже ничего не сможет поделать. Ему нужно выбраться отсюда. У него целая вечность, чтобы разработать новую стратегию, отнять Равку у фьерданцев, набрать последователей и проложить новый путь к успеху. Он слишком много сил вложил в свое воскрешение, чтобы вот так просто рисковать жизнью.

И все же его не отпускала мысль о том, что случится с гришами, если фьерданцы победят сегодня. Ему ни к чему будут чудеса и великое воскрешение, если всего этого никто не увидит.

Возможно, было еще не слишком поздно вмешаться и спасти ситуацию. Александр расставил ноги и поднял руки ладонями вверх, призывая тени. На этот раз он не пытался придать им форму. Вместо этого посланные им тонкие щупальца тьмы стелились над полем в поисках знакомой силы. *Подобное притягивает подобное.*

Он закричал, когда тени встретились с демоном. Они влились в него, придавая ему форму.

Больше. Тело Александра била дрожь, пока он судорожно пытался сохранить рассудок в этой оглушающей, сводящей с ума вибрации, сверлящей его череп. Лоскуты его теней обвивали тело демона, придавая силы, связывая, помогая обрести целостность.

Существо взревело. Александр чувствовал связь с разумом демона, с разумом Николая.

«Монстр – это я…»

Тень мысли.

Крылья демона взрезали бледное полотно зимнего неба, неся его к колоколам. Он врезался в один, затем в еще один, опрокидывая их на землю, превращая в груды стекла и металла. Какой-то солдат пытался выстрелить в демона, но тот сорвал с него шлем и вогнал когти в лицо, купаясь в его крови, как в бальзаме.

Фьерданцы бросились врассыпную, охваченные страхом при виде возникшего перед ними чудовища. Одурманенные гриши не проявили никакого интереса, в их мыслях царил *парем*.

С торжествующим ревом король-демон разбил последний колокол. Лавина звука иссякла. Наступила блаженная тишина. В рядах равкианских солдат раздались крики, и они, шатаясь, стали подниматься на ноги. Они истекали кровью. Они были измучены. Но не побеждены. Солдаты хватали ружья, равкианские гриши вскинули руки, и все они, плечом к плечу, снова кинулись в бой.

– Что произошло? – воскликнул брат Чернов.

Александр едва его слышал. В ушах все еще звенело от того ужасного звука, и помощь в поддержании демона нелегко ему далась. Он видел, как монстр пятном тьмы летит назад к королю через поле, откликаясь на зов своего истинного хозяина. Беззвездные не видели, что сделал Александр, и ничего не поняли. Их придавила к земле сокрушительная мощь колоколов.

– Что нам делать? – спросил брат Чернов.

Александр точно не знал. Колокола были уничтожены, но у фьерданцев появилось преимущество. Их войска перестроились и усилили натиск, и вскоре король был окружен.

– В небе демоны!

Сначала Александр решил, что монашек говорит о теневом монстре Николая, но тот указывал куда-то на юго-восток.

– У кого есть подзорная труба? – потребовал он, и брат Чернов тут же дал ему трубу.

Что-то приближалось к полю, хоть пока и трудно было сказать что. Но наверняка можно было утверждать, что это новые проблемы для короля. На юге у Николая союзников не было.

– Где же знак? – взмолился брат Чернов. – Почему Беззвездный покинул нас? Что нам делать?

Александр смотрел, как фьерданцы окружают короля и его войско. Колокола дали им шанс отрезать Николаю путь к отступлению. Александр подумал, что мог бы отправить *ничегой* на помощь. Он мог бы попытаться спасти короля Равки во второй раз.

А мог бы позволить ему умереть, а потом взять под контроль войска Равки и повести их в бой самому.

Мальчишка был храбр: он уничтожил колокола, рискнув жизнью и верностью народа. Но это не значило, что сегодня ему было суждено победить.

«Мои извинения, Николай. Вряд ли стоит надеяться на два чуда за одно утро».

– Что нам делать? – безнадежно повторил Чернов.

Александр повернулся спиной к последнему королю из рода Ланцовых. Пусть умрет мучеником.

– То, что мы умеем лучше всего, – сказал он, обернувшись к своей пастве. – Молиться.

39. Зоя

Зоя понимала, что ведет себя неосторожно, поддавшись тому же безрассудству, за которое много раз ругала Нину, но не собиралась допускать, чтобы одну из ее подчиненных использовали как пешку. Апрат хотел поиграть, значит, они поиграют. Вот только правила диктовать будет Зоя.

На кромке пляжа она осторожно, не привлекая внимания, потянула вниз облака, чтобы спрятаться в туманной дымке. Затем призвала ветер, который несся над волнами, позволяя ей скользить по воде. Эту силу дали ей чешуйки Юриса, усилители, полученные ей от него самого. Это был не совсем полет, и ей потребовалось изрядно сосредоточиться на заклинании, но Апрат был готов встретить замаскированный флайер или лодку. Ее шансы вытащить Нину возрастут, если она застанет священника и его стражу врасплох.

«А что, если Нина мертва?»

Зоя потеряла столько же союзников, сколько врагов отправила в могилу. А Нина даже не была ее другом. Она была подчиненной, вездесущей ученицей с даром к языкам, готовой самой создать кучу проблем, если они не находились на ее голову. Но Зоя была ее командиром и учителем, а значит, девушка была под Зоиной защитой.

Юрис в ее голове рокочуще расхохотался. «*Зоя-из-сада, когда ты прекратишь себя обманывать?*»

По мере приближения к громадной фьерданской базе Зою все сильнее охватывала дрожь. База была даже больше, чем казалась с берега. Она медленно обогнула ее, вглядываясь в призванный ею туман, чтобы понять, где находится. Восточную башню она нашла легко, но та была двадцати этажей в высоту. Где именно Апрат держит Нину? Он сказал, что в камере и… Почти на самом верху здания была гладкая стена, на ее поверхности не было даже окон. Там, наверное, и находятся камеры.

Но как она должна туда добраться? Она могла бы вознестись на восходящих потоках воздуха, но вряд ли бы осталась незамеченной, да и внезапная буря была бы более чем подозрительной. Она еще раз обогнула базу и заметила на нижнем уровне несколько пирсов, где могло бы пришвартоваться небольшое суденышко. На одном из них два фьерданца как раз чинили поврежденный корпус военной лодки.

Зоя шагнула на пирс и подняла руки, сжимая пальцы в кулаки. Солдаты ахнули и схватились за горло, когда воздух покинул их легкие. Когда они рухнули на палубу без сознания, она стянула с одного из них форму. Затем связала обоих, сунула кляпы и убрала с глаз подальше. К радости, шинель и фуражка хорошо ее скрывали. В войсках Фьерды женщины не служили.

Она прокралась по пирсу и по металлической лесенке поднялась на главную палубу. Опустив голову, двинулась вперед, изображая занятость. Зоя была плохой актрисой и не славилась богатым арсеналом уловок, но ей всего лишь нужно было дойти до башни. Морская база рассекала волны, набирая скорость, торопясь на север, по мнению Зои, на подмогу к остальным фьерданским войскам.

Зоя добралась до восточной башни и скользнула внутрь. Пользоваться лифтом, скорее всего, было небезопасно, но, сунувшись на лестницу, она услышала доносящийся сверху топот ног. По-фьерданski она не говорила. И не хотела рисковать, встречаясь с такими же солдатами. Значит, выбор в пользу лифта.

Она вошла и нажала кнопку этажа прямо под обзорной площадкой, боясь предположить, что может там увидеть. На десятом этаже лифт рывком остановился. Зоя уткнулась глазами в пол, и в поле зрения возникли начищенные черные сапоги. Вошедший нажал кнопку, и они снова поехали вверх. Он сказал что-то по-фьерданski.

Она неразборчиво буркнула в ответ, чувствуя, как рвется сердце из груди.

Теперь в его голосе звучала злость. Он схватил Зою за подбородок и поднял его.

Морщинистое лицо. Черный мундир с эмблемой в виде белого волка. *Дрюскель.*

Он потянулся за пистолетом, но Зоя оказалась быстрее. Порыв ветра ударил его в грудь, с лязгом впечатав в стену лифта, после чего он безжизненной кучей сполз на пол.

Святые вседержители. Теперь у нее на руках было мертвое тело.

Зоя неистово жала на кнопки верхних этажей, молясь, чтобы, когда двери откроются, перед ними никого не оказалось.

Лифт остановился в помещении, похожем на орудийный зал. Из каждого окна высовывались пушки. И здесь, похоже, никого не было – пока. Она затащила тело в коридор, а затем воспользовалась шансом запустить молнией в пушки, оплавляя их длинные дула. Мелочь. Но раз уж она тут очутилась, можно кое-что разрушить на память о себе.

Двери лифта закрылись, наконец отправив ее на этаж, где, как она надеялась, находились тюремные камеры. Если она все правильно рассчитала, это место должно тщательно охраняться. Она вскинула руки.

Двери открылись в полной тишине. Перед Зоей были два длинных серых коридора, идущих вправо и влево от лифта. По обе стороны коридоров тянулись двери. Были ли за ними гриши?

Она выбрала правый коридор и понизила давление, чтобы заглушить звук своих шагов. Но, как оказалось, могла бы и не утруждаться. Едва завернув за угол, она увидела фигуристую девицу с длинными светлыми волосами, сидящую в кресле в конце коридора, и Апрата, стоящего у нее за спиной в компании двух святых стражей в коричневых рясах. *Нина.* Зоя не видела ее с тех пор, как та покинула Малый дворец, уехав на задание, и успела забыть, насколько тщательно поработала над ней Женя. Она словно смотрела на незнакомку – если бы не упрямый блеск в ее глазах. Отличительная черта Зеник.

Апрат держал нож у ее горла.

– Тише, генерал Назяленская. Вы же видите, где оказались, да? – Он обвел свободной рукой стены без окон. – В тупике. Сомневаюсь, что даже несравненная Нина Зеник сможет выжить с перерезанной яремной веной.

– Легко ли вам будет объяснить смерть девушки, известной своей добротой и благочестием и к тому же находящейся под покровительством семейства Брумов?

Апрат улыбнулся. Десны у него были черными.

– Когда я покажу всем костяные дротики, которые мы нашли в ее одежде, и раскрою все ее связи с Рингсой, полагаю, Ярл Брум лично вручит мне медаль. Мы забрали Нинино оружие, а ее сила бесполезна против моих лучащихся здоровьем стражей. Давайте проверим, не захочет ли она использовать свой извращенный дар, чтобы призвать на службу несколько трупов?

Нина ничего не сказала, лишь поджала губы, пристально глядя на Зою.

– Сомневаюсь, что захочет, – продолжал Апрат. – Она не сможет призвать мертвых, не разрушив свою легенду и не поставив под удар свою дорогую Ханну Брум, которой грозит обвинение в преступном сговоре. А это может помешать ее обручению с наследным принцем.

– Чего вы хотите? – спросила Зоя. – Я могу стать вашей пленницей, если вы отпустите Нину.

– Нет! – вскрикнула Нина.

– Вы меня не так поняли, Зоя Назяленская. Я хочу, чтобы вы были не моей пленницей, а моим товарищем. Но помните, – пригрозил он, – мои монахи наготове. Один шаг в мою сторону, и всю комнату заполнит *парем* в виде газа.

Взгляд Зои метнулся к камерам, к потолку, оббежал двух стражей, стоящих рядом с Апратом. В стенах были отверстия, но священник мог попросту блефовать. В кармане у нее был антидот. Может, стоит рискнуть? Ей придется проглотить антидот, а потом справляться сразу и с побочными эффектами, и со стражами одновременно.

Зоя покачала головой.

– В вас есть хоть немного любви к Равке?

– Равкой должны править святые люди, а ваш король не такой. Он – суть скверны. Святые требуют избавить их от него.

– Мне кажется, вы видите скверну там, где вам удобно. И точно так же поступаете со своими святыми. Чего вам надо? У нас мало времени.

– Вас заметили?

– Я убила человека по пути наверх.

– Понятно, – сказал Апрат слегка отстраненно. Затем толкнул одного из монахов. – Приведи мне мальчишку.

Страж послушно пошел и открыл ближайшую камеру, чтобы вывести из нее истощенного пленника.

– Этого бедного ребенка забрал из фьерданской деревни Ярл Брум. Он сердцебит. А может быть, целитель. Его никто не обучал. Но теперь он делает все, что велит ему *парем*. – Апрат достал из своей рясы маленький пакетик, и сердцебит тут же поднял голову, принюхиваясь, после чего тихо застонал. – Мы с вами уедем отсюда вместе, Зоя Назяленская. Вы присягнете в верности Вадику Демидову, истинному Ланцову. А затем станете моей святой, символом новой Равки.

– А если я откажусь, ваши монахи будут пытать Нину?

– Ее будет пытать сердцебит. Один из вас. Он будет снимать с нее кожу дюйм за дюймом. А когда ее сердце не выдержит, я заставлю его исцелить ее и начать все сначала. А может, я и мисс Зеник угощу этим порошком. Я так понимаю, что она уже пережила одну встречу с паремом. Сомневаюсь, однако, что ей так же посчастливится второй раз.

Впервые Зоя заметила, как в глазах Нины вспыхивает паника. *«Я не позволю этому случиться,* – поклялась она про себя. *– Я не подведу тебя».*

– Если Нина Зеник умрет здесь сегодня, – продолжал Апрат, – кто вспомнит ее имя? Она не святая и не сотворила чудес.

– Я вспомню, – заявила Зоя, чувствуя, как поднимается внутри ярость. – Я помню все их имена.

– Мы с вами покинем эту башню. Вы объявите, что перешли на нашу сторону, и предложите свои услуги истинному наследнику Ланцовых. Вы примкнете к нам и увидите падение фальшивого короля.

– Ну и где кончается твой план, священник? Ты сказал мне, каковы твои намерения, но что насчет твоей цели?

– Демидов на троне. Равка очищена от скверны и освящена Святыми.

– А ты сам?

– Я займусь вопросами духовности в Равке. Я преподнесу тебе такой дар, который никто больше не сможет.

– То есть?

– Я знаю, где находятся секретные базы Брума, все тайные места, где он держит пленных гришей. Мужчин, женщин, детей, возможно, даже друзей, которых ты давно считаешь погибшими. Даже королю и королеве Фьерды неизвестно, где их искать, лишь Ярлу Бруму и моим шпионам. Охотник на ведьм не настолько осторожен, каким привык себя считать, да и мои последователи прекрасно поработали. Вижу, мне удалось привлечь твое внимание.

Гриши в камерах. Гриши, которых пытают и используют в экспериментах. Гриши, которых она может спасти.

– Ты хочешь заставить меня выбирать между моим королем и моим народом.

– Разве гриши недостаточно страдали? Подумай обо всех темницах, двери которых распахнутся, если ты встанешь на мою сторону. Представь, сколько мучений еще придется вынести тебе подобным до тех пор.

– Знаешь, что я думаю? – спросила Зоя, подбираясь ближе. Если ей удастся запустить молнию до того, как монахи выпустят газ, они с Ниной быстро разберутся со всеми людьми Апрата. – Речь сейчас идет не о святых или восстановлении духовной чистоты Равки, а лишь о твоей жажде власти. Ты не выносишь мужчин с королевской кровью? Женщин, с рождения наделенных силой? Или уверен, что ты на самом деле знаешь, как лучше для Равки?

Глаза священника чернели, как две могильные ямы.

– Я ждал, что святые заговорят со мной, с тех пор, как был ребенком. Может, и ты твердила те же молитвы, шептала те же желания? Как и многие другие дети. Но со временем я понял, что никто не отвечает на мои молитвы, что мне придется построить собственный храм и заполнить его собственными святыми. – Он поднял пакет с *паремом.* – И теперь они говорят, когда я этого хочу. Говори, Санкта-Зоя.

Сердцебит, впившийся взглядом в пакетик с желанным порошком, согнул пальцы в воздухе. Нина закричала, и кровь потекла из ее глаз и носа.

– Прекрати! – крикнула Зоя.

Апрат подал знак сердцебиту, тот тихо захныкал, но замер. Священник высыпал немного оранжевого порошка на язык гриша в качестве награды.

Зоя видела, как глаза сердцебита закатились, видела, как струится кровь из носа Нины.

– Она же тебе как сестра, да? А может, как дочь? – Апрат улыбался светло, безмятежно. – Будешь ли ты той матерью, которую она заслуживает? Матерью, которую они все заслуживают?

Зое вспомнилась собственная мать, волокущая ее по церковному приделу в руки старика, который должен был стать ее мужем. Вспомнился священник, стоящий за его спиной и готовый освятить этот неправедный брак за мелкую монету. Вспомнились ей и сулийцы, окружившие ее на керчийских скалах. *«Дочь»,* – шептали они. *Дочь.*

Зоя посмотрела на сердцебита, посмотрела на камеры. Сколько из них было занято? Сколько таких камер было на других военных базах, в секретных лабораториях? Выберет ли она своего короля или свой народ, ей все равно не спасти всех. В голове звучали Женины слова: *«Ты отталкиваешь нас, держишь нас на расстоянии, чтобы потом не нужно было нас оплакивать. Но случись что, и ты будешь скорбеть. Вот так выглядит любовь».*

Понимание обожгло ее, как драконье пламя, сделав легкой, словно пепел. Ей никогда не спасти всех. Но это не значит, что она – такая же Сабина, ведущая своих детей на заклание.

Дочь. Почему это слово так напугало ее тогда? Она вспомнила, как Женя брала ее под руку, как Алина кинулась обниматься на ступенях санатория. Как Николай привлек ее к себе в том зимнем саду, как мирно и спокойно ей было в его объятиях в тот момент.

Вот что делает любовь. В легендах любовь исцеляет от ран, восстанавливает разбитое, позволяет тебе жить дальше. Но любовь – не заклинание, не молитва, которую шепчут на ночь, не средство от всех болезней. Это тонкая, хрупкая нить, которая становится прочнее через общение, через совместно преодоленные трудности и заслуженное доверие. Мать Зои была неправа. Ее погубила не любовь, а ее окончание. Она верила, что любовь заменит все в жизни. Она позволила нити истрепаться и лопнуть.

Вот что делает любовь. Старое эхо, но сейчас она слышала не Сабину. Говорила Лилиана, та, что без страха пришла в церковь, рискуя всем, чтобы защитить ребенка, который даже не был ее собственным. *Вот что делает любовь.*

Как же долго боялась Зоя сблизиться с кем-то? Как мало доверяла крепости связующей нити? Потому-то она и шарахалась от даров, преподнесенных ей драконом. Чтобы получить их, требовалось открыть свое сердце миру, и она отказалась, испугавшись того, что могла потерять.

«Дочь. Мы видим тебя».

Ей не удалось уберечь Давида, но Женя не отвернулась от нее. Ей не удалось предотвратить возвращение Дарклинга, но Алина не прокляла ее за это. А Николай предложил ей королевство, предложил любовь, которую она искала всю свою жизнь, пусть даже боялась принять ее, пусть даже была такой трусихой, что не смогла посмотреть ему в глаза и признать, что не судьбу и благополучие Равки пыталась она защитить, а свое собственное испуганное сердце.

Юрис знал. Юрис все это видел.

«*Открой дверь*».

За дверью ждала любовь, и это ее пугало.

«Открой дверь». Дракон уже видел этот самый момент, эту самую комнату.

Она обратила взгляд на Апрата.

– Как получается, что, будь то война или революция, короли или колдуны, тебе всегда удается выжить?

Священник улыбнулся.

– Это дар, который я могу разделить с тобой. Я понимаю людей лучше, чем они сами понимают себя. Я даю людям то, что им нужно. Утешение, защиту, чудо. Ты можешь прожить тысячи жизней, Зоя Назяленская, но моя вера значит, что у меня впереди вечность.

Зоя встретилась взглядом с Ниной.

– Вечность может оказаться короче, чем ты думаешь.

Ей не пришлось поднимать руки, чтобы призвать разряд, внезапно мелькнувший в воздухе. Он окружил стражей Апрата искрами голубого огня. Они затряслись, выгорая изнутри, и рухнули как подкошенные.

– Нина! – крикнула Зоя. Через секунду трупы стражей поднялись под действием Нининой силы. Они схватили Апрата.

«*Простите,* – обратилась она к безымянным, безликим пленникам в камерах. – *Простите, что не могу спасти вас. Но я смогу отомстить за вас. Смогу любить и отпустить вас*».

– Газ! – заорал Апрат, выпучив глаза.

Зоя услышала, как открываются отверстия, как шипит вырывающийся из них парем. Она рванулась вперед и схватила Нину, чувствуя в себе силы Юриса и дракона. Силы, накопленные ими за жизни, что они прожили, за битвы, в которых сражались, наполнили ее тело. Обняв Нину, она врезалась в стену, круша металл и камень, и вылетела прямо в раскинувшееся ей навстречу небо.

Нина закричала.

«Ты достаточно сильна, чтобы пережить падение».

Они стремительно падали в море. Зоя ощутила обвившие ее руки Жени, крепкие объятия Лилианы. Ощутила присутствие Николая рядом с собой и меч Юриса в своих руках.

С резким, судорожным вздохом она распахнула крылья.

40. Майю

Они опоздали.

Поле боя было усеяно телами, и фьерданцы окружили короля, сжимая кольцо все плотнее.

– Поставьте меня! – рявкнула Тамара. Ее нес Буревестник, чьи двойные металлические крылья делали его похожим на стрекозу.

– Их слишком много! – сказал Рейем. Одной рукой он держал Бергина, другой крепко прижимал к себе Майю, но у той все равно бешено колотилось сердце от страха, что они вот-вот упадут.

– Там внизу моя жена, – прорычала Тамара. – Поставьте меня на ноги и можете бежать дальше на юг.

Они спустились к земле. Майю видела потрясенные лица, глядящие на них, гришей, вскинувших руки, чтобы защищаться от существ из их кошмаров – *кергудов*.

– Отставить! – гаркнула по-равкиански Тамара. – Толя, да скажи ты им!

Люди на земле принялись кричать друг на друга.

Король Николай удивленно посмотрел на них.

– Отставить! – скомандовал он. – Это союзники. – Судя по голосу, он и сам в это не верил. – Следите за фьерданцами.

Некая тень кружила вокруг равкианских войск, пытаясь сдержать фьерданских солдат, мешая им прицелиться. Но они все равно подступали ближе.

Как только фьерданцы увидели крылатых шуханцев, они сразу открыли огонь. Рейем кувыркнулся в воздухе, подставляя спину под выстрелы, чтобы прикрыть Майю и Бергина. Пули стучали по его спине и крыльям, словно дождь по металлической крыше.

– Рейем! – крикнула она.

– Я в порядке, – сказал он, и его спокойный голос странно контрастировал с безумием, творившимся вокруг.

Буревестник крепко обнял Тамару, защищая ее, а Мотылек и Скарабей ринулись на фьерданцев, не обращая внимания на летящие в них пули. Некоторые из солдат с криками обратились в бегство от монстров, спустившихся с небес, другие пытались держать оборону. Но они не выдерживали никакого сравнения с *кергудами* по силе и скорости. Те были неутомимыми и совершенно бесстрашными. Мотылек наклонил голову, используя свои рога как таран. Майю видела, как Скарабей, сияя клешнями, вырвал ружье из рук солдата, а следом и руки из его туловища.

– Отпустите нас! – потребовала Тамара.

Саранча и Буревестник послушно разжали руки. Ноги Майю ударились об землю, и она припала на одно колено, прежде чем смогла вернуть равновесие. Скарабей и Мотылек отбросили фьерданцев назад, но тех было слишком много, и заставить их отступить не удавалось.

– Смею ли я надеяться, что вы здесь не для того, чтобы убить нас всех? – прокричал Николай сквозь шум битвы.

Тамара обняла брата.

– Я пришла спасти твою задницу, младший братик.

– На две минуты! – буркнул Толя. – Ты на *две минуты* старше меня.

Они вытащили свое оружие, встав спиной к спине. Майю выхватила ружье из рук убитого солдата.

– Я думал, вы не смогли послать подкрепление, – сказал король Николай. У него была рассечена губа, а на мундире смешались грязь и кровь. Он был ранен в левое плечо, но ружье в руках держал уверенно.

– Королева запретила, – подтвердила Тамара.

Тут Майю посмотрела королю в глаза.

– Но, насколько правительству известно, *кергудов* не существует.

– Интригой на интригу, – хмыкнул Николай. – Что ж, добро пожаловать.

После аудиенции у королевы Леути и принцесс в летнем дворце Тамара с Майю вернулись к Бергину и Рейему.

– Ты был прав, – сказала Майю. – Макхи станет править страной вместе с Эри в качестве регента. Ни суда. Ни наказания. Род Табан останется незапятнанным.

Бергин пожал тощими плечами.

– Идет война. А они хотят мира и стабильности. Справедливость – это роскошь, недоступная таким, как мы.

– Они собираются привезти сюда и других *кергудов*, – сказала Майю. – Для восстановления.

– В ссылку, – уточнил Рейем. – Может, это и к лучшему. Мы не подходим для жизни рядом с людьми.

– Не говори так, – сказал Бергин. – Мы живы. И свободны.

– Правда? Как долго позволят существовать *кергуду*, который угрожает трону Табан? Мы – секрет, раскрытия которого нельзя допустить. – Он посмотрел в окно, на берег озера. – К тому же мы не предназначены для жизни в изоляции, без цели. Мы созданы для битвы.

– Равка не позволит причинить вам вред, – поклялась Тамара. – Я не позволю. У нас теперь договор.

– Защищающий права гришей, – возразила Майю. – А какое вам дело до *кергудов*?

Золотые глаза Тамары блеснули.

– Они такие же жертвы *парема*, как и гриши.

– Это не важно, – вздохнула Майю. – Что нам даст этот договор, если Равка падет перед фьерданцами?

– Не надо недооценивать короля Николая, – ответила Тамара. – Он будет сражаться до последней капли крови. Как и я.

Бергин поднялся.

– Если ты отправляешься на войну, я хочу с тобой.

Рейем обернулся.

– Ты… ты уедешь?

В голосе брата не было слышно эмоций, но Майю ощутила охватившее его смятение.

– Пусть Равка и не моя родина, но я – гриш. Я буду сражаться за короля, давшего мне свободу.

– Тогда и мы должны сражаться, – сказала Майю. Она сама не ждала от себя таких слов. Но Николай с Тамарой помогли ей найти Рейема – а еще она нутром чуяла, что, если бы не Бергин, ей бы уже некого было искать. Скарабей, Мотылек, Буревестник… у всех у них были друзья, семьи, жизни, и все это стерлось во время перерождения в *кергудов.* А ей нужно было благодарить гриша за то, что в Рейеме сохранились человеческие черты.

– И мы будем, – твердо сказал Рейем. – Твое дело – мое дело, Бергин. Мы будем сражаться за гришей. Воин-*кергуд* стоит десяти солдат, если не больше. Остальные тоже будут сражаться. Нам нужна цель.

– Я вам благодарна, – сказала Тамара. – Правда. Но королева Леути…

– Королева Леути сказала, что мы не можем послать шуханские войска, – сказала принцесса Эри. Она застыла в дверях, и ее маленькая фигурка, казалось, парила в воздухе, а на губах играла улыбка. – Но она ничего не сказала о призраках. По утверждению нашего правительства, моих сестры и бабушки, *кергудов* не существует. А призраки могут отправляться, куда пожелают.

Она поплыла дальше, словно и сама была призраком, и в этот момент Майю поняла, что если она переживет грядущую битву, то вернется на свою должность Тавгарада и станет с радостью служить принцессе.

Вот только будет ли у нее такая возможность? И теперь она стояла на поле боя, прижав ружье к плечу, целилась и стреляла, снова и снова, не зная, находят ли ее пули цель, ужасаясь грохоту крови в ушах, бешеному биению своего сердца. Краем глаза она видела Скарабея, словно ураган несущегося сквозь ряды фьерданцев, пока Мотылек, Буревестник и Саранча – Рейем – нападают с воздуха, отрывая солдат от земли и ломая им шеи с ужасающей техничностью.

– Рад, что они на нашей стороне, – признался Толя, утирая пот со лба.

– Будем надеяться, что это не изменится, – сказала Тамара.

До Майю донеслось несколько коротких взрывов, и внезапно она оказалась перед стеной огня, надвигающейся на них со стороны фьерданцев. Она посмотрела вверх – фьерданские флайеры сбрасывали бомбу за бомбой.

И не поверила своим глазам.

– Они убивают собственных солдат вместе с равкианцами!

– Им плевать, – процедила Тамара. – Они хотят победить любой ценой.

Два равкианских флайера кинулись наперехват фьерданским, разрушив их строй, но те тут же перегруппировались, лоб в лоб встретив шквал огня равкианцев. Один из фьерданских флайеров подбили, и он с воем ушел в штопор, оставляя в небе след огня и дыма. Он рухнул на поле боя, погребая под собой солдат, сбил танк и взорвался, превратившись в столп пламени. Его место в строю уже занял другой. Любая жертва ради победы.

– Трубите отступление! – прокричал король Николай. – Пусть шквальные и проливные создадут маскировочную завесу. Нужно уводить наших людей отсюда.

– Это наш последний шанс… – начал было Толя.

– Если они готовы бомбить своих же солдат, у нас нет шансов. У них больше огневой мощи, и Бруму плевать, сколько будет жертв, лишь бы Фьерде досталась победа. Я не собираюсь кидать людей в эту мясорубку. Отступаем!

Приказ разнесся по линии, и тут же туман начал заволакивать поле битвы. Но Майю понимала, что он не поможет. Фьерданцы получили приказы, и было неважно, увидят ли они цель, поскольку точность их не волновала. Они просто разбомбят это поле в клочья.

Майю увидела, как Рейем взмыл к строю флайеров, разрезая крыльями воздух. Рядом с ним летело нечто – та тень, которую Майю видела в начале, но теперь удалось разглядеть, что она похожа на человека. Вдвоем они схватили один из фьерданских флайеров и оторвали ему крылья. Равкианские шквальные отбросили обломки подальше, пытаясь защитить солдат внизу.

– Идем, – сказал Рейем, приземляясь рядом с ней. И обхватил ее поперек пояса. – Мне нужно вытащить тебя отсюда.

– Ступай, – поддержала Тамара.

– Бергин… – попытался Рейем, но Бергин лишь покачал головой. Он не оставит эту битву.

– Нет! – крикнула Майю. – Мы должны вытащить и Тамару с остальными.

– Забудь об этом, – сказал Толя. – Это наша битва. За каждого гриша.

– За каждого гриша, – повторил Бергин.

– Это самоубийство! – воскликнула Майю. – Их слишком много.

Тамара схватила короля за плечо.

– Николай, пусть *кергуды* унесут и тебя. Ты можешь выжить.

Но король лишь рассмеялся, и смех его, яростный и самую малость сумасшедший, ничуть не напоминал Исаака.

– Ни в коем случае, Тамара. Если здесь сегодня погибнет независимость Равки, я погибну вместе с ней.

До Майю донесся рев фьерданских двигателей. Они снова выровняли строй и заходили на очередной виток над полем.

– Они возвращаются!

Король взобрался на танк, а теневой монстр завис над ним. Он обернулся к *кергудам.*

– У вас нет причин помогать мне, но я все равно прошу о помощи. Битва проиграна, но если мы сможем разрушить строй бомбардировщиков, то дадим шанс выжить всем на этом поле – неважно, равкианцам или фьерданцам.

– Николай, – взмолился Толя. – Пожалуйста. Это безумие. Если демон умрет, ты тоже погибнешь.

Король усмехнулся.

– Воспитание, Толя. Если уж меня решили отправить в ад, надо непременно попрощаться перед уходом.

Его китель порвался, всю одежду покрывали пятна крови. Он никогда еще не был менее похожим на того юношу, что ухаживал за ней. И никогда еще он не был более похожим на короля.

– Это не ваша страна. У меня нет права вам приказывать, поэтому я прошу. Сражайтесь за меня. Сражайтесь за каждого гриша, за каждого солдата, за каждого ребенка, мечтающего снова увидеть свою мать, за каждого отца, который хочет засыпать без страха перед завтрашним днем, за каждого художника, плотника, каменщика и фермера, которым судьбой предписано намного больше, чем умереть с ружьем в руках. Сражайтесь за всех нас.

Солдаты, оставшиеся подле короля, ответили на его слова дружным ревом.

– За всех нас!

Теневой монстр, кружащий над головой короля, испустил пронзительный вой и взмыл в небо. «*Он управляет этим существом»,* – осознала Майю. Это был демон короля.

Буревестник и Мотылек тоже рванули ввысь, в них еще оставалось что-то человеческое, а возможно, они просто жаждали битвы.

– Майю? – позвал Рейем.

Он бы бежал, если бы она сказала. Они могли бы спастись, вернуться домой, к родителям. Или попытаться спасти этих людей.

«Это расплата», – поняла она. Расплата за Исаака, за невинного юношу, который, возможно, любил ее и которого уже не вернуть.

– Вырви их сердца, – велела она брату.

– Обещаю.

И он исчез, взмыв ввысь по широкой дуге, в сопровождении Буревестника и Мотылька. Они присоединились к демону в небе, врезавшись в строй фьерданских бомбардировщиков, как стрела. Тело короля, стоявшего на башне танка, беспомощно осело на колени, словно тому вздумалось помолиться, а дух был поглощен атакой.

– Построиться! – рявкнула Тамара. – Защищаем короля.

Они окружили танк, глядя, как демон с *кергудами* рвутся навстречу столкновению.

– Мы станем свидетелями их гибели, – сказал Толя.

– Все оплакивают первый упавший лепесток, – тихо процитировала Майю. *– Но кто вспомнит об остальных осыпавшихся цветах?*

– Я буду петь для тебя, когда придет срок, – продолжила Тамара строфу.

Толя прижал руку к сердцу.

– Еще долго после того, как отцветет весна.

И лишь они понимали, что на самом деле означает для нее этот момент, эта потеря.

В глазах Толи стояли слезы.

– Пусть святые примут тебя, Николай, – сказал он. – Ты умираешь, как король.

Майю следила, как сокращается расстояние до столкновения – две сотни ярдов, одна. Она не могла позволить себе отвести взгляд.

– Прощай, брат, – прошептала она.

Воздух содрогнулся от рева. Громадная фигура пронеслась над полем и бросилась наперерез *кергудам* и фьерданским бомбардировщикам, заставив их разлететься в стороны. Серебряные молнии вспороли небо.

– Что за… – начала Тамара. Но слова застыли у нее на языке.

Все уставились на небо, и Майю чуть не закричала.

Она смотрела на дракона.

41. Нина

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не урони меня!

Если у Зои и был дар речи, она им не пользовалась.

Поскольку была драконом.

Драконом.

Минуту назад Нина чувствовала запах парема, коснувшийся ноздрей, и вот уже ее дергают назад и врезаются вместе с ней в стену, проламывая ту, как соломенную. Они падали, и ветер свистел в ушах. Нина зажмурилась, зная, что ее тело разобьется, когда они врежутся в воду, так же точно, как разбилось бы, окажись внизу камень. А затем… падение превратилось в полет.

Она услышала голос в голове, который сказал… что-то. *Открой дверь.*

Тело Зои, похоже, изменило положение, и Нина закричала, уверенная, что в любой момент может снова полететь в море. Руки судорожно искали, за что уцепиться, – и находили лишь блестящую черную чешую.

Что случилось с Апратом и его монахами? Как ей удастся вернуться назад к Ханне? Ни одна мысль в ее голове не держалась больше мгновения. Вся логика и здравый смысл растворились во взрывной смеси ужаса и восторга. Она *летит.* Она летит *на спине дракона.*

Они неслись над волнами, и Нина видела отражение дракона, мелькающее на воде. Он был громадным, с широчайшими крыльями, но все равно грациозным. Соленые брызги жалили ее щеки.

– Куда ты направляешься? – удалось выдохнуть Нине. – Куда несешь меня?

Но ответ вскоре пришел сам собой – вглубь страны, к месту сражения.

Нина ощутила запах битвы, еще не видя ее. Дым от бомбежки и артобстрела стелился над полем густой пеленой. До нее долетал стрекот флайеров и гул двигателей.

Эскадрилья, судя по всему, фьерданских бомбардировщиков окружила поле, затем выстроилась клином, стальным наконечником смертоносного копья. Она заметила, что навстречу вражеским судам что-то двигалось – маленькие, крылатые фигурки. Одна из них отличалась от прочих, походя на изорванную тень. *Кергуды.* Шуханские солдаты, созданные для того, чтобы преследовать и ловить гришей. Так почему они пытаются встать на пути у фьерданских флайеров?

И почему дракон несется прямо к ним?

– Зоя? – окликнула она. – Зоя, что ты…

Нина распласталась на Зоиной спине, когда они ринулись в бой. Она видела, как в разные стороны разлетаются *кергуды*. Слышала стрекот фьерданских пулеметов. Пуля оцарапала ее бедро, заставив вскрикнуть, но пулеметный огонь, похоже, ничуть не беспокоил Зою – точнее, ту, в кого Зоя превратилась.

Дракон взмыл в небо, перевернулся в воздухе и обрушился на бомбардировщики. Желудок Нины подскочил к горлу. Зоя убьет ее, если ее вырвет.

Дракон распахнул чудовищные челюсти, а внутри у него, казалось, зарождался ураган. Серебряная молния вырвалась из его глотки. Она вспорола воздух, поразив флайеры разрядами тока. Они вспыхнули и рухнули вниз, как раздавленные жуки. Ноздрей Нины коснулся свежий, чуть химический запах – озон.

Она крепче вжалась в драконью спину, чувствуя, как покалывает кожу чешуя, и понимая, что земля далеко, далеко внизу. Она видела несущуюся за ними по полю тень, накрывающую ряды равкианцев и фьерданцев, с одинаковым ужасом уставившихся вверх.

У Нины внезапно мелькнула мысль, что все это не по-настоящему, что, когда тот бедный, одурманенный сердцебит начал пытать ее, она не выдержала боли и умерла, и угасающий мозг

создал этот дикий сюжет, чтобы укрыться от правды. Это казалось более вероятным, чем то, что ее друг и наставница внезапно превратилась в огромное чудовище из детских сказок.

Дракон выпустил очередную ветвь серебристых молний, создавая стену огня, и, когда они повернули на восток, Нина поняла зачем. Зоя отрезала фьерданцам путь к отступлению. Их войска оказались зажаты между стеной огня и солдатами Равки.

Фьерданские танки направили свои мощные орудия на дракона, и Нина ахнула, когда Зоя резко накренилась вправо, уходя от их снарядов. Затем сразу же пустила молнию, и разряд поразил военные машины Фьерды, расплавив дула и заставив экипажи искать укрытие.

Громадные крылья дракона били по воздуху. Громогласный рев сотрясал его тело, и Нина ощущала, как он проходит и сквозь нее тоже. Она видела тела солдат и гришей с масками на лицах. Видела последователей Беззвездного в рясах с вышитым на них солнечным диском в затмении. А еще, недалеко от отряда короля, строй черных мундиров, скопление *дрюскелей* с хлыстами и ружьями наготове, движущихся к королю Николаю.

Брума среди них она не заметила. Знал ли он, что Фьерда собирается бомбить поле боя вместе со своими же солдатами? Может быть, он даже сам отдал этот приказ.

Нина все так же крепко прижималась к шее Зои. Она не знала, смогут ли ее разглядеть с такого расстояния, но не собиралась никому давать такой возможности.

– Открыть огонь! – приказал командир *дрюскелей*. Но те стояли потрясенные, окаменевшие, задрав головы к небу и раскрыв рты.

Нину оглушило ощущение могущества. Так много месяцев она прожила в страхе и неопределенности, гадая, что станет с ее страной, собирая надежду по крупицам, не зная, удастся ли им с Ханной выжить. Святые, как же здорово было снова чувствовать себя сильной, наконец-то ничего не бояться. Одним мощным выдохом, единственной молнией Зоя могла бы уничтожить их всех – сотни фьерданских солдат и отряд охотников на ведьм, натасканных Брумом. И это будет сделано. Какой солдат тогда осмелится снова пойти против Равки, против гришей?

Нина смотрела на людей внизу – они задирали головы, прикрывали глаза и не отрываясь смотрели на смерть, спустившуюся с небес на черных крыльях. Они всегда боялись гришей, и сейчас, в этот самый момент, Нина вынуждена была признать, что у них было на это право – ведь гриши со своими силами были в разы смертоноснее обычных солдат. Фьерда позволила этому страху возобладать над ними, управлять ими, стать силой, определяющей путь целого народа.

Но разве сейчас в поднятых вверх лицах не читалось и благоговение? То самое, которое Нина выпестовала своими фальшивыми чудесами, своими робкими попытками изменить фьерданский образ мыслей. Зачем все это было, если в итоге их всех просто сотрут с лица земли?

«Прояви немного милосердия к моему народу».

Проклятье, Хельвар.

«Некоторые фьерданцы достойны спасения. Пообещай мне».

Она пообещала. И в конце концов ей так и не удалось забыть об этой клятве. Когда она произносила те слова, когда давала ту клятву, она говорила не только с Матиасом, но и с тем, кто его убил, и с теми, кто сейчас замер на поле битвы под ними.

– Зоя! – крикнула она, сомневаясь в том, что та ее вообще услышит, как и в том, является ли это существо по-прежнему Зоей Назяленской. – Зоя, пожалуйста. Если ты их уничтожишь, дело Брума никогда не умрет. Они всегда будут бояться нас. И всему этому не будет конца!

Дракон взревел и распахнул пасть.

– Зоя, пожалуйста!

Нина ощутила запах озона в воздухе. Услышала потрескивание электрических разрядов.

Она спрятала лицо в драконьей чешуе. Смотреть на то, что последует, не было сил.

42. Николай

Юрис.

Такой была первая мысль, посетившая Николая при виде дракона с иссиня-черной, блестящей на солнце чешуей. Пока у того из пасти не вырвался в небо сноп молний. Ему была хорошо знакома сила Зои, и он мгновенно узнал ее.

Пришлось отозвать демона. Он давно уже перестал думать о том, что видели солдаты вокруг него, как и о том, станут ли его проклинать из-за монстра, живущего у него внутри. Каким-то невероятным образом преимущество оказалось на стороне Равки. Молнии Зои создали огненную стену, не дающую фьерданцам отступить, а сама она кружила над ними, готовая вершить возмездие.

Век Святых. Веденин предсказывал его, и вот, в этот потрясающий момент, он начался. Но не с появлением Елизаветы или Дарклинга, а принесенный на крыльях дракона. Николай вспомнил обо всех историях, о Санкт-Феликсе, который стал зверем, чтобы сражаться за своего короля, о Юрисе, который победил дракона, но лишь для того, чтобы самому принять его форму. Зоя стала тем, что мир не видел с легендарных времен.

Дракон распахнул пасть и издал разгневанный рев. В нем Николаю послышалась вся печаль Зои, весь ее гнев и горе, с которым она оплакивала каждого павшего солдата, каждого потерянного друга, глубокое одиночество, сковавшее ее в той жизни, что она вынуждена была вести. Сам воздух, казалось, ожил, давление упало, заскользили змейки электрических разрядов.

Она собиралась убить их всех.

«Не надо, – молча взмолился Николай. – *Не поддавайся этому. В жизни должно быть нечто большее, даже для солдат вроде нас».*

На мгновение он встретился с драконом взглядом и там, в этом нечеловеческом серебре, в этих зрачках-щелочках, увидел ее. Увидел девушку, которая стояла в заснеженном саду, уткнувшись в его плечо, и рыдала.

«Должно быть нечто большее».

Она изогнула чешуйчатую шею, и сноп молний рванулся в небо трескучей сеткой, раскаляя воздух и заставляя волосы на руках Николая становиться дыбом. А фьерданцы остались целы. Зоя их пощадила.

– Санкта!

Николай не понял, откуда раздался крик. Он повернул голову и увидел на поле коленопреклоненную фигуру в черной рясе.

– Санкта-Зоя! – снова выкрикнул некто в черном.

Затем поднял голову, и Николай наткнулся на серый взгляд Дарклинга. Этот подлец подмигнул ему.

– Санкта! – Еще один голос, дрожащий от слез.

– Сенжи! – На этот раз с фьерданской стороны.

– Санкта-Зоя Штормовая!

Один из дрюскелей отбросил ружье.

– *Senje Zoya daja Kerkenning!* – крикнул он, падая на колени. – *Me jer jonink. Me jer jonink.*

Святая Зоя-среди-Молний. Прости меня. Прости меня.

Капитан *дрюскелей* вышел вперед с поднятым пистолетом. Неужели он убьет этого мальчика? Выстрелит ему в голову за то, что в ней поселились языческие мысли? Если он посмеет, что тогда будет?

Но двое фьерданских солдат преградили капитану путь, схватили его за руки и забрали оружие. Капитан *дрюскелей* закричал что-то, брызгая слюной и краснея от ярости. *Богохуль-*

ство, ересь, измена, скверна. Все эти слова и раньше обращались против гришей. Если бы фьерданцы сегодня победили, может быть, эти обвинения и имели бы силу. Но этим людям не хотелось умирать. Один за другим *дрюскели* опускались на колени. Зое удалось завоевать их верность своим милосердием.

Николай снова посмотрел на Дарклинга. Он стоял в окружении Беззвездных, шепчущих молитвы. По всему полю преклоняли колени рыдающие солдаты и стояли растерянные гриши. С севера донесся звук трубы – фьерданский сигнал к отступлению. Дарклинг усмехнулся, глядя на Николая, словно сам все это подстроил.

А над ними раскинул свои громадные крылья дракон, и Николай видел, что на спине у него кто-то сидит, хоть и не смог разглядеть кто. Громадное создание взревело, и облака вокруг него налились электрическим светом. Грянул гром, прокатившийся до самых гор, и небеса расколола молния, такая яркая, что пришлось прикрыть глаза.

Когда он снова взглянул на небо, Зоя исчезла.

43. Зоя

Зое мешал думать смех Юриса в голове.

«Санкта-Зоя».

Она не была святой. В жизни не слышала большего вздора. Но помогла ли она Равке добиться мира? Правильно ли поступила, оставив фьерданцев в живых? Она летела вдоль побережья в поисках места, где могла бы приземлиться, подальше от любопытных глаз. Ей нужно было побыть немного в прохладной темноте, чтобы привести в порядок мысли и еще раз разобраться в самой себе. Она чувствовала, что изменился и ее разум, а не только тело. И с трудом представляла себе, кто же она теперь. Слишком многое обрушилось на нее: паника солдат на поле, изумление Дарклинга, дикая ярость капитана *дрюскелей*, тоска Нины. Николай. Она все еще ощущала в себе его страх за нее. «*В жизни должно быть нечто большее, даже для солдат вроде нас».* В те короткие мгновения она этому даже верила. «*Мы могли бы найти защиту друг в друге».* Она была связана со всеми ними.

Знания Юриса эхом отдавались в ней – пещера к северу от Ос Керво, выдолбленная в скале утеса. Он пролетал над этим побережьем не один раз. Пещера была небольшой, но она вроде бы помещалась.

«Я должна была убить фьерданцев. Я должна была нанести им удар, от которого они бы никогда не оправились». Но это был прежний голос, голос обиженного ребенка, который боялся, что в мире могут найтись люди более жестокие и сильные, чем он. Она могла бы навсегда остаться такой же кровожадной, злобной девчонкой, а могла бы позволить себе стать кем-то другим. Если ей удалось помочь Равке добиться мира, тогда, наверное, кусочек мира мог бы найтись и для ее сердца.

Она приземлилась, неловко ударившись о землю и чуть не врезавшись в стену пещеры, потому что не успела вовремя снизить скорость. Совершенно неуклюже.

– Ты должна отнести меня назад, – раздался голос Нины.

Зоя пожала громадными крыльями. «*Слезай, или я тебя сброшу».*

Нина взвизгнула и почти скатилась с нее, мешком рухнув на пол пещеры. Ее одежда намокла, а волосы выглядели так, словно их укладывали вилами.

– Ты в моей голове? – пискнула Нина, прижимая пальцы к вискам. – Ты можешь читать мои мысли?

Слава святым, нет. Но она могла чувствовать. Многое. Это приводило в ужас. Ведь она всегда боялась именно этого – глубокой, неразрывной связи с миром вокруг. Но она все же открыла эту дверь. И ворвалась в нее. Теперь закрыть ее было нельзя.

Нина поднялась на ноги. Она смотрела на Зою огромными глазами, и Зое стало интересно, что она видит. Ее собственное зрение стало острее, обоняние ярче. Каждый вздох рождал странные ощущения в желудке, в легких. Во что же она превратилась?

– Я… я все еще не… не могу поверить, что это ты.

Зоя тоже не до конца в это верила. И все же именно этого от нее хотел Юрис, это и был его истинный дар, отданный вместе с чешуей в тот самый момент, когда она отнимала его жизнь, а он – ее. Однако неизвестно было, как долго ей удастся пробыть в этом теле. Оно все еще казалось ей чужим, ненадежным.

Ей нужно было найти какое-то объяснение для Нины. «*Были времена, когда солдаты оборачивались животными, когда гриши не носили усилители, сами становясь ими».*

– Но ты стала не медведем или ястребом, Зоя. Ты – *дракон.* А ты можешь… Это навсегда?

Зоя ощутила дрожью прошедшее по телу ощущение одиночества Юриса. Он мог по желанию становиться и драконом, и человеком. Она надеялась, что тоже так сможет.

«Я не знаю».

– Зоя, ты должна вернуть меня на борт «Пасти Левиафана».

«Ты вернешься домой, в Равку».

– Нет, не вернусь. Мое задание не выполнено.

Утробный рык сотряс Зою, и она щелкнула мощными челюстями в воздухе.

«*Ну почему ты такая упрямая?»*

– То же самое я могу спросить у тебя! – заявила Нина, осмелившись пнуть Зоину переднюю лапу своей крошечной ножкой.

«Я рисковала жизнью, чтобы вернуть тебя назад, Нина. Апрат вполне мог остаться в живых. Твоя легенда может быть разрушена».

– Я собираюсь это проверить. Я должна.

Зоя фыркнула, подняв волну пыли и мелких камешков. Цена обретения драконьей формы оказалась слишком высокой, как она и боялась. Ее пронзала Нинина боль, и от этого Зое хотелось лишь крепче прижать ее к себе, укрыть от любой беды. Это было невыносимо.

«Обещай, что вернешься к нам».

– Не могу.

«Тогда обещай, что будешь осторожной».

– И этого тоже обещать не могу.

«Испорченная девчонка».

Но она все равно собиралась отпустить Нину. Нина Зеник была солдатом. Зоя хорошо ее обучила. И у нее было право самой выбирать свой путь.

«Забирайся на спину и держись крепче», – велела Зоя.

Нина рассмеялась.

– Вот это я могу.

Зоя изогнула шею, чтобы взглянуть на свою пассажирку. Ее лицо сияло, щеки разрумянились. Она больше не выглядела той убитой девушкой, которую Зоя помнила. Она лучилась счастьем и нетерпением, окружавшими ее золотым ореолом.

Зоя вырвалась из пещеры и позволила шквалу Нининого восторга нести ее над морем.

На подлете к «Левиафану» она окружила их обеих туманом, но на борту базы царил такой хаос, что прятаться не было особой необходимости. Она видела, как причаливают и отчаливают понтоны и лодки, как солдаты, офицеры, санитары и врачи уплывают и прибывают с берега. На поле боя воцарилось временное затишье, но Зоя понимала, что до мира еще далеко.

Снова прощаться с Ниной было нелегко, но Зоя не собиралась вставать у нее на пути. Если та на самом деле полагала, что сможет и дальше работать под прикрытием как Мила Яндерсдат, значит, у них в стане врага будет ценный сотрудник, имеющий доступ к важным для Равки сведениям. Но было и кое-что еще. Зоя ощущала, как сильно Нину тянет к… кому-то полному жизни, яркому, как новое солнце, золотисто-медному. Похоже, эта девчонка не в силах устоять перед фьерданцами. Зоя задумалась, стоит ли ей предупредить Нину о том, что влюбляться, работая под прикрытием, крайне опасно. Но с ее стороны глупо было бы рассчитывать на то, что это поможет сдержать Нинины эмоции.

– Должна предупредить, – заговорила Нина, когда они опустились на воду невдалеке от одного из причалов. – Передай королю, что мы не можем рассчитывать на принца Расмуса. Ханна все еще питает надежды на его счет, но он не тот, кем мы его считали. Совсем не тот.

Одним союзником меньше. Принц позволил традиционной для его страны ненависти выбирать за него путь.

«Я создам шумиху, чтобы ты могла незаметно слиться с людьми на базе».

Нина усмехнулась.

– Особого труда это не составит.

Зоя пихнула Нину мордой. Этот жест был более дружеским, чем все, что она когда-либо позволяла себе в человеческом теле.

«Постарайся беречь себя».

Нина положила руку на Зоин чешуйчатый бок. Затем на короткий миг прижалась щекой к Зоиной голове.

– Спасибо, – шепнула она и скрылась из виду в многолюдье базы.

Зоя задумалась, удастся ли ей еще раз увидеть Нину Зеник.

Она поднялась над волнами, чтобы тут же штопором нырнуть вниз, а затем вырваться из тумана, по дуге пролетая над базой. Снизу до нее долетали крики людей, она ощущала ледяные волны их ужаса и с наслаждением окуналась в них. Страх был языком, который понимали абсолютно везде. Она втянула в себя воздух и выпустила сноп ветвистых молний, затем круто накренилась влево и направилась в сторону берега, паря на громадных крыльях и чувствуя животом соленые брызги, стоило чуть снизиться над водой. Она все еще ощущала силу Нининой решимости, ровное биение ее отважного сердца.

«Когда ты связан со всем миром, нет предела твоим познаниям».

И, видимо, шквалу чужих эмоций. А это здорово ее изматывало. Она была Зоей, и рыцарем, известным как Юрис, и драконом, которого он когда-то убил.

Она пролетела над полем боя, проследив за отступлением фьерданцев. Тяжело было видеть все эти тела, лежащие на земле, ощущать скорбь, переполнявшую солдат, когда они заботились о своих раненых и оплакивали своих мертвых. Но она не заметила ни следа Беззвездного или его последователей. Дарклинг первым преклонил колени, но она по-прежнему не питала иллюзий по поводу того, что он внезапно решил перейти на их сторону. Он еще не сдался, и она представления не имела о его дальнейших намерениях. Его присутствие на поле боя разрывало цепи страха, паутину жизни, напоминая о вечности, лежащей впереди.

Зоя повернула к городку Пачесьяны, где находился штаб армии Равки. Показался солдатский палаточный городок, а за ним и шатер командования. Она понимала, что нужно постараться приземлиться на очень маленьком пространстве, но навалившаяся усталость была сильнее, чем ожидалось. Она сделала слишком много и слишком быстро. Внезапно пришло ощущение, что контроль над драконьей формой ускользает от нее, и вот она уже не летит, а падает.

Порыв ветра подхватил ее, смягчив падение. Когда она упала на землю, столкновение вышло мягким, но настолько внезапным, что вышибло из нее дух. Какая-то часть ее жаждала поддаться усталости и скользнуть в беспамятство.

Она почувствовала, как кто-то обнял ее, приподнимая голову.

– Зоя?

Голос Николая. Голос короля. Голос талантливого, изобретательного мальчишки, брошенного в компании книг и изобретений, вечно слонявшегося по дворцу в одиночестве. Его боль и тревога затопили ее.

– Пожалуйста, – шептал он. – Пожалуйста.

И тут сознание дракона отступило, оставив ее разум благословенно свободным от всех мыслей, кроме ее собственных. Зоя заставила себя открыть глаза. У Николая была разбита губа. Волосы покрывала сажа. Но он был жив и в этот, такой короткий, момент обнимал ее. Ей захотелось свернуться калачиком в его руках и заплакать. Хотелось хоть часок полежать рядом, наслаждаясь ощущением безопасности. Но нужно было так много ему сказать, и ждать она не хотела.

Зоя с ощутимым трудом села.

– Фьерданцы?

– Осторожнее, – попросил он, продолжая поддерживать ее. – Надя смягчила твое падение, слава святым, но ты все равно сильно ударилась о землю.

– Фьерданцы, – повторила она. – Они отступают?

– У нас перемирие.

Зоя заметила Толю, хмурившего свои густые брови, Тамару, покусывающую губу, Надю с защитными очками на шее, Леони, крепко сжимающую ладонь Адрика, Женю, с прижатой ко рту рукой. Облегчение затопило ее, и внезапно захотелось всех их обнять. Вместо этого она сказала:

– Мы не получим поддержки от фьерданского принца. Нина, похоже, переоценила свое влияние.

– Я бы так не сказала, – задумчиво протянула Тамара. – Две армии только что провозгласили тебя святой.

– На самом деле Дарклинг провозгласил тебя святой, – уточнил Николай.

– Возможно, этому поспособствовало превращение в дракона, – добавил Толя.

– Ты давно *знала*, что так умеешь? – поинтересовалась Женя. – Поверить не могу, что ты мне не сказала.

Зоя покачала головой. Ей было невероятно холодно, словно теперь, когда драконий огонь внутри нее угас, она не сможет согреться до тех пор, пока он не вспыхнет снова.

– На поле были кергуды, – вспомнила она. – Они летали рядом с демоном Николая.

– Все в порядке, – заверил ее Толя, опустившись на корточки. – Они сражались на нашей стороне. Но им пришлось на время исчезнуть. Им нельзя рисковать, вызывая вопросы.

– Они не существуют, – пояснила Тамара. – По крайней мере, согласно словам королевы Шухана.

– Ты вернулась, – сказала Зоя.

Тамара подмигнула ей.

– Думаешь, я могу пропустить хорошую драку?

Она протянула Зое руку, помогая подняться на ноги.

Глаза Николая расширились от удивления.

– На тебе совершенно потрясающая броня.

Зоя посмотрела на себя. Грубые крестьянские одежды исчезли. Вместо них ее тело покрывал облегающий костюм из туники и штанов, сделанный из металлических черных чешуек, отливающих синим в лучах солнца. Она узнала эту броню. Именно такую носил Юрис в человеческой ипостаси, и сидела она как вторая кожа. Ее тщеславие было удовлетворено произведенным эффектом, но, черт возьми, этой броне лучше бы оказаться съемной.

Леони склонила голову набок.

– Она удобная?

– Она тяжелая, – буркнула Зоя, вытягивая руку, чтобы фабрикатор смогла пощупать материал.

– Она произведет сильное впечатление в Ос Керво, – заявил Николай. – Фьерда предложила переговоры.

– Вадик Демидов тоже в Ос Керво, – сказал Толя. – Фьерданцы сейчас отступили, но, похоже, решили сменить тактику.

Тамара с отвращением фыркнула.

– Они не смогли победить нас на поле боя и решили продвигать вопрос с наследованием. Они созвали совет из самых знатных равкианцев.

Зоя не могла поверить услышанному.

– Нашу знать? У них нет права командовать нашим народом.

– Мы можем остановить их, – поддержала Женя. – Мы распустим совет.

Николай натянул пару кожаных перчаток тонкой выделки. За то время, что прошло с момента объявления перемирия, он успел переодеться в безукоризненный военный мундир.

– Напротив, – возразил он. – Я приказал послать за ними дирижабли. Они прибудут через несколько часов.

– Во имя всех святых, зачем? – воскликнула Зоя. Если этот человек может усложнить ситуацию, он так и делает.

– Затем, что чем дольше мы позволяем им плести интриги и строить заговоры, тем хуже для нас. Прямо сейчас Западная Равка благодарна нам и в гневе на фьерданцев за их предательство. Женя, посмотри, пожалуйста, мою рассеченную губу и сделай так, чтобы я выглядел добропорядочным монархом, а не разбойником с большой дороги. Бастард я или нет, если у меня и есть шанс сохранить трон, то вот он.

Повисло неловкое молчание.

Его нарушила Тамара, щелкнувшая языком.

– Незаконнорожденность – меньшее, о чем тебе следует беспокоиться.

– Они теперь знают, что живет в тебе, – поддержала ее Зоя. Ее не было всего несколько дней, и все успело полететь к чертям. Он выпустил монстра прямо на поле боя. Он показал всей Равке королевского демона.

– Точно, – согласился Николай. – Но они также знают и что живет в тебе, Санкта-Зоя.

– Не называй меня так.

– Неплохо звучит, – подначила Тамара.

– Дева Драконьего Пламени? – предложила свой вариант Надя.

– Сладкое чешуйчатое возмездие? – сказала Женя.

Зоя повернулась к ним спиной и промаршировала к шатру.

– Я собираюсь переехать в пещеру.

44. Нина

Спеша по палубе базы, Нина каждую секунду боялась услышать окрик, приказывающий ей остановиться. Она вздрагивала при каждом крике, уверенная, что вот-вот ощутит, как хлыст дрюскеля связывает ей руки, или увидит, как несется на нее отряд стражей Апрата.

Но взгляды всех фьерданцев были прикованы к дракону, парящему в вышине.

– Он возвращается! – раздался чей-то крик. – Все в укрытие!

Нине пришлось напомнить себе, что нужно пригнуться и нырнуть под прикрытие стоящего неподалеку флайера.

– Что это за тварь? – спросила она пилота, уставившегося в небо.

– Не знаю, – ответил тот дрожащим голосом. – Я уже видел ее. Она разрушила восточную башню, а потом просто улетела.

– Может, тогда она просто не успела проголодаться, – услужливо подсказала Нина.

Пилот заскулил и плотнее прижался к обшивке флайера.

Она не спеша добралась до каюты Брума, впитывая в себя царящую вокруг суматоху и давая себе время придумать правдоподобную историю. Морская база отправилась на север, на подмогу войскам, сражающимся под Аркеском. Теперь здесь развернули передвижной госпиталь, где собрались медицинские подразделения, которые оказывали помощь раненым и вывозили с поля боя мертвых. Нина чувствовала изменения, произошедшие с этими людьми. Они собирались на одну битву, но вынуждены были сражаться совсем в другой. Даже те, кто задумывался о возможном поражении, не представляли, что оно придет вот так – на крыльях дракона и эскадрильи летающих шуханцев. Никто и представить себе не мог, что фьерданские солдаты склонятся перед гришом. Если даже Нинины мысли слиплись в кучу, как недоваренные клецки, тяжело было даже представить, что творится в головах у окружавших ее людей.

Если рассчитывать на то, что никому не удалось разглядеть ее во время битвы, оставалось придумать лишь, где она провела последние несколько часов. Она могла бы сказать, что ей потребовалось время, чтобы прийти в себя после увиденного во время атаки на побережье, что это зрелище потрясло ее сильнее, чем она думала, а еще, что, когда база присоединилась к атакующим с севера, она просто пыталась не путаться под ногами.

А что, если Апрат выжил и попытается раскрыть ее? Она не знала, какие доказательства ее истинной личности могут быть у священника, но сомневалась в том, что это важно. Фьерданцы просто кинут ее в камеру, а вопросы будут задавать позже. Нина не собиралась этого допускать. Люди Апрата забрали дротики из ее рукавов. Это могло бы сделать ее уязвимой, но здесь повсюду была смерть, трупы усеивали и побережье, и палубу базы, и они могли стать ее солдатами. Ей нужно просто найти Ханну и вытащить их обеих отсюда.

Но каюта Брумов была пуста. Там не было ни следа Ханны с Ильвой.

Нина сменила промокшую одежду на розовое шерстяное платье, которое надевала до этого. Затем заплела волосы в косу и снова отправилась на палубу. Неужели Ханна до сих пор с принцем в западной башне?

Она была в нескольких ярдах от командного центра, когда услышала женские рыдания. Голос походил на Ханнин. Нина бросилась бежать и увидела группу солдат, столпившуюся вокруг кого-то или чего-то. Ярл Брум стоял в стороне, яростно споря с отрядом королевской стражи. На лице у него была грязь, копоть и кровь битвы запятнали его мундир. Она пробиралась сквозь толпу солдат и матросов, пытаясь подойти поближе, как вдруг замерла на месте.

Плакала не Ханна. Это была Ильва. И рыдала она над изломанным телом дочери.

Разум Нины поплыл, не способный осознать увиденное. Это было неправильно. Этого просто не могло быть.

Ханна лежала на животе в луже крови, тело ее изогнулось под неестественным углом, а голова была повернута набок. Ее профиль казался чужим – ее розовые веснушки, полные губы. Нина рухнула на колени, потянувшись к ней. Кровь Ханны пропитала юбку Ильвы. Тело уже было холодным.

– Принц, – выдавила Ильва сквозь рыдания. – Принц… сказал, что она упала.

Нина подняла глаза, посмотрев на вершину западной смотровой башни, куда Ханна ушла смотреть битву вместе с принцем Расмусом.

Не Ханна. Только не ее Ханна. Это снова случилось. Она стояла на коленях на мостовой чужого города. Руки ее были покрыты кровью Матиаса. Неужели всему виной ее любовь? Неужели она убивает все, к чему прикасается? Нине хотелось закричать, и она закричала, не в силах вынести разрывающие ее горе и гнев.

Ханна ни за что не прыгнула бы сама, ведь так? У них были планы на будущее, надежды на побег. Но тут Нине вспомнилась Ханна, сидящая на ее кровати, потерянная, испуганная. *«Если он попросит моей руки, я не смогу ему отказать. Но, Нина… Нина, сказать «да» я тоже не смогу».* Две ночи назад. Целую вечность назад. В тот момент Нина еще верила в счастливый случай.

«Возможно, я вообще не умею быть счастливой», – сказала тогда Ханна.

Нина заметила, что на нее смотрит Йоран, с пепельно-серым лицом, искаженным чем-то весьма похожим на горе.

Она, пошатываясь, поднялась на ноги и схватила его за рукав мерзкого *ведьмачьего* мундира.

– Что случилось? – Ее голос был резким, колким, как разбитое стекло. – Что с ней случилось? Что вы с ней сделали?

– Я не видел, – сказал он, а затем притянул к себе, обняв покрепче. – Постой. Успокойся. – Но на ухо прошептал: – Я не знаю, что случилось. Они поспорили. Принц ударил ее, всего лишь пощечина, но тут с ним вдруг случился приступ. Ханна велела мне бежать за помощью, а когда я вернулся…

Нина вырвалась из его рук. Она не могла думать, не могла дышать. «*Ханна. Ханна. Ханна».* Ее имя было благословением, заклинанием, проклятьем. Принц обидел ее. Для него это, возможно, была всего лишь игра, вроде той, в которую он играл с Йораном, испытывая его терпение, очередная возможность проверить, насколько далеко он сможет зайти в своем извечном соперничестве с Брумом. «*С ним случился приступ».* Ханна напала на него. Она, наверное, не собиралась. Просто испугалась и использовала свою силу против принца.

А что потом? Что между ними произошло, когда Йоран оставил их вдвоем?

– Он это сделал! – процедила она. – Принц Расмус. Где он? Ханна не просто упала и ни за что бы не прыгнула сама. Где он?

Внезапно рядом с ней возник Ярл Брум.

– Замолчи, – прорычал он. И тут же зажал ей рот своей огромной ладонью. Его глаза превратились в кусочки льда.

Нина забилась в его руках, пытаясь укусить за пальцы.

Но Брум лишь сжимал ее крепче, потрясенный ее силой.

– Не смей говорить таких вещей.

Нина не могла дышать. Она взглянула в ненавистные глаза Брума, заметив, что зрачки стали размером с точку, и поняла, какой он трус. Он потерял контроль над своими *дрюскелями* на поле боя. Вторжение провалилось. Он отчаянно цеплялся за свое положение и не мог допустить даже намека на измену. Даже если родная дочь лежала мертвой у его ног.

Нина перестала дергаться. Медленно, опасливо Брум отпустил ее.

– Вы знаете, что это сделал он, – сказала она. – Вы знаете, что он такое.

И Нина тоже знала, но все равно позволила Ханне остаться с ним наедине. Неужели Ханна призналась в том, что она гриш? Или, может быть, отвергла его предложение? Задела его гордость. А может, он просто хотел задеть Брума, показать тому, у кого в руках реальная власть?

Ильва прерывисто застонала.

– Я не должна была позволять ей идти с ним. Не должна была разрешать ей участвовать в празднике Сердцевины.

Нина упала на колени, обвив руками мать Ханны. Она чувствовала, как их обеих трясет от рыданий.

– Я убью его, – сказала Нина. – Клянусь.

– Это ее не вернет.

Но Нине было плевать. Слишком многого она лишилась. Она пощадила Йорана. Умоляла Зою пощадить фьерданских солдат на поле боя. Милосердие, милосердие, всегда это милосердие. Но что хорошего в милосердии, когда смерть все равно забирает лучших из них? Матиаса больше нет. И Ханны.

«Прояви немного милосердия к моему народу».

Может быть, фьерданцы и заслуживали милосердия, но их лидеры – Брум, этот принц-изверг – точно нет. Они с Ханной осмелились мечтать о новом мире, но сделали ставку не на того человека.

Над палубой раздался звук горна. Принц явился.

– Мила, держи себя в руках, – взмолилась Ильва. – Возможно, есть какое-то объяснение.

– Он убил ее, Ильва. Я это знаю, и вы тоже.

Нинину шею сзади сжала сильная рука.

– Ты замолкнешь, или я тебя заставлю, – прорычал Брум.

Нина поднялась, сбросив руку Брума. Дикая истерика, затопившая ее, схлынула, осталась лишь холодная ярость. Она встретилась с ним взглядом, и Ярл Брум – коммандер *дрюскелей,* изобретатель пыток, Серп Фьерды – отшатнулся.

Она знала, что рискует разрушить свою легенду. Знала, что Мила – милая, мягкая, покорная Мила – никогда бы не осмелилась посмотреть Бруму в глаза, никогда бы не допустила, чтобы глаза ее пылали такой откровенной яростью.

– Вы – трус, – заявила она низким, клокочущим голосом. Он больше походил на рык хищника. Она говорила от имени Матиаса, Йорана, Ханны, от имени всех гришей и тех, чьи корни впитали в себя яд ненависти этого человека. – Вы – худший из мужчин. Без чести, без достоинства. *Djel djeren je töp.* Джель отвернулся от вас.

– Мила! – ахнула Ильва.

Губы Брума сжались в узкую полоску.

– Тебе больше не рады в моем доме.

Нина рассмеялась.

– Я не вожу компанию с червями. Мое место с волками.

Теперь Брум мог отчетливо видеть, что она не та, за кого себя все это время выдавала. Но приближались другие генералы и королевские министры.

– Энке Яндерсдат, – настойчиво сказал Йоран. – Мила, вы должны послушать. Принц приказал, чтобы…

Но голос Расмуса уже разнесся над толпой.

– Подойдите, энке Яндерсдат.

Он замер в окружении охраны и придворных, лениво махнув ей рукой. Его лицо было смуглым, сияющим, теплым и живым. Он наконец-то был похож на истинного Гримьера. Словно ему удалось похитить силу Ханны и поглотить ее.

– Я должен отправляться в Ос Керво, на эти мирные переговоры, и вы поедете со мной. Мы должны поддерживать друг друга в нашем горе.

В его словах она не услышала ни намека на раскаяние. Напротив, в его голосе слышалось то же злое веселье, как тогда, когда он держал в руках хлыст. Расмус в худшем настроении.

Нину пронзила дрожь. Как ей убить его? Дротик в горло? Труп, разрывающий его надвое? А может, она просто задушит его голыми руками? Принц думал, что связался с очередной запуганной девушкой, мягкой и послушной. Нежной, как Ханна.

Она заставила себя склониться в реверансе. Ей придется выносить его присутствие, его самодовольство, пока они не останутся наедине. Тогда Нина положит конец его жизни. Она понимала, что потом ее повесят. А может, даже сожгут заживо. Но ей было все равно.

«Я была солдатом до того, как стала шпионом, но теперь с ложью покончено».

Она последовала за наследным принцем Фьерды.

«Перед тем, как покинуть этот мир, я нанесу ему сокрушительный удар».

45. Николай

Николай был в здании ратуши Ос Керво множество раз, старался не заснуть в его главном зале под стеклянным куполом на бессчетных заседаниях. И все же приемный зал выглядел сегодня совсем по-другому, и даже свет, струящийся сквозь витражи наверху, казался ярче.

Зал был построен в форме амфитеатра, с поднимавшимися вверх ступенями, на которых стояли длинные, опоясывающие зал скамьи, которые в данный момент уже были заполнены знатнейшими представителями дворянства Равки. Делегации Равки и Фьерды проводили в зал одновременно, с северного и южного входа, чтобы не выказывать ни одной из стран предпочтения.

– Что-то случилось с Ниной, – шепнула ему Зоя. – Когда я попрощалась с ней, она сияла, готовая бросить вызов всему миру.

Николаю потребовалось мгновение, чтобы понять, о ком говорит Зоя. Он почти забыл, что Нину перекраивали для этого задания. Она входила в свиту принца, что, как надеялся Николай, было добрым знаком. Но эта надежда разбилась, когда он увидел выражение ее лица. Ее глаза были широко распахнуты, рот чуть приоткрыт.

Николай был вынужден согласиться с Зоей.

– Похоже, что она пережила потрясение.

Сам принц оказался почти таким, каким Николай его представлял, опираясь на данные разведки: молодым, среднего для фьерданца роста. Глаза у него горели, и от всего облика веяло какой-то нервной энергетикой, но этого и стоило ожидать от неопытного лидера, когда ставки были так высоки.

Брум, напротив, казался совершенно спокойным, несмотря на поражение, которое чуть не привело к мятежу среди его собственных бойцов. Для него это был шанс восстановить свою репутацию и снова оказаться у руля. Его окружали *дрюскели.*

– Притащил с собой своих волчат, – с некоторым удивлением заметил Николай.

– Хочет продемонстрировать, что он все еще вожак, – заявила Зоя. – Должно быть, отбирал их очень тщательно. Просчитанный риск.

– Пожалуй, ему лучше перепроверить свои расчеты. Они все не сводят глаз с моего генерала.

И кто бы стал их за это винить? Сила оживляла гришей. Она их питала, продляла им жизнь. Лицо Зои до сих пор сияло. Локоны обрамляли его густой волной цвета воронова крыла, чуть завиваясь от сырого морского тумана. Броня, которую она носила, казалась не боевым снаряжением, а второй кожей, покрытой блестящими чешуйками. Она выглядела не как гриш или военачальник, да и, в общем-то, не совсем как человек.

«Каких монстров они могут сделать из нас?» – задумался он, когда они с Зоей уселись на свои места, глядя на окружающих их со всех сторон аристократов и дипломатов. Демон и дракон. Николаю, по крайней мере, хватило такта одеться соответствующе моменту.

Появление людей, вошедших следом за Брумом, стало для него ударом под дых. Его отец. Его мать. И человек, которого Николай тут же определил как Вадика Демидова.

– Он – вылитый старый король, – шепнула ему Зоя.

– Какая трагедия для обоих, – заметил в ответ Николай. Но видеть Демидова в сопровождении своих родителей было больно.

Николай давно подозревал, что фьерданцы, скорее всего, решат использовать его мать и отца – точнее, того человека, которого он когда-то считал отцом, – и керчийцы дали им такую возможность. И все же видеть их здесь было для него нелегким испытанием. Через весь зал он мог почувствовать презрение отца, увидеть его в горьких складках обрюзгшего лица. Мать казалась слабой и уставшей, и он невольно задумался, сама ли она согласилась прийти

сюда сегодня и свидетельствовать против него или ее заставили. Наверное, это была наивная надежда для непутевого сына, отправившего своих родителей в изгнание. Она боялась встретиться с ним взглядом.

«Неужели здесь все и закончится?»

За последние дни он задавал себе этот вопрос далеко не первый раз. Он оглядел зал, фьерданских делегатов, равкианскую знать, а также керчийских и земенских послов, находящихся в Ос Керво, которые на этой встрече должны были играть роль посредников. Апрат со своими святыми стражами тоже пришел, но не присоединился к фьерданской делегации, а занял позицию на верхней галерее. Лицо священника покрывали ссадины и ушибы.

Николай не знал, на кого может положиться. У него были сторонники среди первых семей Равки, но многие выступали против его реформ. Большая часть знати Западной Равки были бы счастливы, если бы его свергли, особенно если при этом им удалось бы отделиться. Но после предательства фьерданцев и попытки вторжения он надеялся, что друзей среди них у него прибавится. Николай был популярен среди простых людей, но их здесь не было. И их голоса в этом зале веса не имели.

«Не совсем так», – пришла в голову мысль. Огромная толпа народа заполнила площадь перед ратушей, и он мог слышать их отдаленные выкрики, пусть даже разобрать, о чем они кричат, было трудно из-за закрытых ставней.

Его переполняла удивительная легкость. Сохранит или нет он равкианский трон, казалось несущественным теперь, когда он мог увидеть свою страну и свой народ свободными. Он не был знаком с Демидовым, но тот мог оказаться не самым худшим кандидатом, особенно когда у Зои было достаточно силы, чтобы бороться с влиянием Апрата. Она могла бы исполнять роль советника и при маленьком Ланцове, чтобы тот мог противостоять Фьерде. А еще чтобы помогать ему избегать всяких нелепых и странных ситуаций и поступков. По сути, ее новая роль ничем бы не отличалась от нынешней.

А Николай? Он будет изгнан. Демидов ни за что не разрешит ему стать одним из членов совета. Ему не позволят закончить свои эксперименты в Лазлайоне, так же, как и занимать какие-либо посты в правительстве. Возможно, это подарит ему определенную свободу. Он мог бы вернуться в море. Мог бы снова стать Штурмхондом и объединиться с легендарным Призраком, наводить ужас на работорговцев, стать бичом… чего-нибудь. Все это звучало весьма разумно и даже волнующе, если забыть о том, что ему придется покинуть женщину, сидящую сейчас рядом с ним.

Пол зала приемов тоже был уставлен скамьями, такими же, как наверху. Но никто не садился. Все стояли – земенцы, равкианцы, фьерданцы, керчийцы – под стеклянным куполом, лицом к лицу, словно собирались танцевать.

Земенский посол выступил вперед.

– Обе страны подготовили свой перечень условий для заключения мира. Слово предоставляется Его Светлейшему Королевскому Величеству Николаю Ланцову, королю Равки.

Николаю с лихвой хватило этой помпезности, поэтому в своей речи он решил обойтись без нее.

– Я ознакомился с вашим списком условий, коммандер Брум. Они абсурдны. Думаю, это умышленный шаг, потому что вы не желаете заключать мир.

– А почему мы должны его желать? – парировал Брум. Похоже, он тоже решил не утруждать себя куртуазностью.

– Это было бы весьма разумным решением, учитывая, насколько разгромное поражение вы сегодня потерпели. – Николай повернулся к Зое. – Очень странно. Он знает, что они проиграли?

Брум рубанул воздух рукой, выражая несогласие.

– Битва – еще не война, а я не верю в то, что у Равки хватит сил продолжать эту войну. Если бы это было не так, вы бы использовали свое преимущество, а не соглашались на перемирие.

Увы, это так.

– Неужели вы так жаждете снова увидеть, как проливается кровь?

– Я жажду защитить суверенность Фьерды от ведьм и демонов, а также от тех, кто извращает и разрушает труды Джеля. Мы все стали свидетелями того, как вы превратились в монстра прямо на поле боя.

– Я – одновременно и человек, и монстр. Думаю, вам это тоже хорошо знакомо.

– А это создание, – Брум указал на Зою, – Грозовая ведьма, или каким еще воплощением скверны она стала. Ни у кого не должно быть такой силы.

– Могу поспорить, то же самое говорили о первом человеке, взявшем в руки ружье.

Со скамей донесся ропот. Николаю хотелось надеяться, что одобрительный. «*Я не окончательно потерял их*». Какие бы сообщения о демонах ни доходили до его соотечественников, король, который стоял сейчас перед ними в начищенных до блеска сапогах и с золочеными эполетами, был до кончиков ногтей цивилизованным правителем.

– Вы можете разглагольствовать сколько угодно, – заявил Брум. – Но от этого не изменится ни то, что у вас почти нет армии, ни то, что перевес на нашей стороне.

– Простите мою бестактность, – вмешался Хайрем Шенк, керчийский посол, который когда-то распивал с князем Крыгиным его великолепное вино, а потом отказал Равке в помощи. – Но можете ли вы вообще говорить от имени Равки, Николай… кто бы вы ни были?

Зал дружно ахнул. Это был вовсе не тот вежливый намек на происхождение Николая, которого все ожидали. Это было неприкрытое оскорбление – месть за то, что Равка помогла земенцам сохранить их торговые пути и передала Керчии технологию, которая теперь ничего не стоила.

Но Николай лишь улыбнулся.

– Я – тот человек, который все еще носит корону с двуглавым орлом, и тот демон, который только что разгромил врагов на поле боя. Обращайтесь, если снова понадобится освежить вашу память.

Но Брум уже ухватился за предложенный шанс.

– Мы отказываемся признавать этого бастарда, самозванного короля правителем Равки. Он не может выступать от имени своей страны, если не имеет никаких прав на ее трон.

– Может быть, и так, – угрюмо заметил земенский посол. – Но кто вы такой, чтобы говорить от лица Фьерды? Почему мы не слышим наследного принца вашей страны?

«Ох, друг, – с горечью подумал Николай, – *в этих водах нам удачи не видать».*

Последовала продолжительная пауза, во время которой все взгляды обратились к принцу Расмусу. У принца был решительный, четко очерченный подбородок и удивительно полные губы.

Он пожал плечами.

– Кто будет править Равкой, решать равкианцам, – протянул он. – А я пришел сюда, чтобы заключить мир.

– Что? – вырвалось у пораженной Нины.

Принц одарил ее мимолетной улыбкой – столь легкой, что Николай решил, будто она ему привиделась, – и потянулся, чтобы коснуться ее руки. Нина отшатнулась. Ей удалось невозможное – она добилась от принца обещания мира. Так почему она казалась настолько потрясенной?

Но ее удивление не шло ни в какое сравнение с яростным неверием на лице Брума.

– Это не… Мы договорились…

– Мы? – переспросил принц, вперив в него жесткий взгляд голубых глаз. – *Мы* — это Фьерда. А *вы* – всего лишь военный командир, который не может удержать под контролем своих собственных солдат. Скажите-ка, если мы вернемся на поле боя, вы уверены, что ваши солдаты согласятся поднять оружие против женщины, которую считают святой?

Ноздри Брума гневно затрепетали.

– Согласятся, или я вырежу сердца из их груди.

– Своими собственными руками? – Принц Расмус окинул *дрюскелей* взглядом, а затем указал подбородком на телохранителя рядом с собой. – Ну что, Йоран, ты поднимешь оружие против своих братьев? Станешь вырезать их сердца во имя Фьерды?

Юный *дрюскель* покачал головой.

– Никогда.

Брум пристально уставился на него.

– Значит, ты – предатель и будешь болтаться в петле.

Несмотря на высокий рост, пареньку вряд ли было больше шестнадцати. И все же он не дрогнул.

– Лучшего я и не заслуживаю, – сказал телохранитель принца. – Я совершал ужасные преступления во имя своей страны, поскольку верил, что делаю все это ради спасения души Фьерды. Так что вешайте меня. Я умру с честью, хоть и не жил с ней.

Лицо Брума залила нездоровая краснота.

– Я не позволю лишить свою страну права защищать свои границы и независимость лишь потому, что несколько наивных юнцов попали под действие чар проклятых ведьм. – Он ткнул пальцем в Зою. – Эта женщина не святая. Она ходячая скверна. И этот мужчина, – распалялся он, повернувшись к Николаю, – такой же нечистый. Дайте слово свергнутой королеве. Она – свидетель того, что он не королевской крови по происхождению.

– Мы выслушаем то, что она хочет нам сообщить, – поддержал Хайрем Шенк.

– Нет, – возразил Николай.

Он знал, что разговор рано или поздно свернет в эту сторону. И понял, что у него нет вариантов, едва увидев своих родителей, входящих в зал в компании нового претендента на престол. Затем вспомнил о Магнусе Опьере, который даже в одежде бродяги был полон достоинства, который проделал путь через две страны, чтобы попытаться спасти своего сына и город, полный невинных людей. Он был изобретателем, строителем.

«Я никогда не был королем», – внезапно понял он. Не трон и корону хотел он заполучить так страстно. Все, чего он желал, – это привести в порядок свою страну, и теперь, наконец, кажется, понял, как это сделать.

Он поймал взгляд выцветших голубых глаз матери и улыбнулся.

– Нет необходимости подвергать королеву Татьяну столь тяжелому испытанию. Нужное вам подтверждение вы найдете в моем собственном признании. Я – незаконнорожденный. Я всегда знал об этом и ничуть этим не огорчен. Никогда не хотел быть Ланцовым.

– Что ты творишь? – яростно прошептала Зоя.

– То, что должен, – ответил Николай.

– В Ланцовых течет кровь первых королей! – вскипел его отец. – Самого Яромира!

– Когда-то великий род необязательно сохранит свое величие. Именно один из Ланцовых не смог удержать Черного Еретика и допустил создание Теневого Каньона. Именно один из Ланцовых оставил управление Равкой на Дарклинга и Апрата и позволил своей стране и народу жить под их гнетом. Мне жаль, что я не могу претендовать на корону Равки, но я счастлив, что во мне нет крови Ланцовых.

– Николай!.. – протестующе вскрикнула Зоя.

Он указал на Вадика Демидова.

– Но и у этого человека прав на трон Равки не больше, чем у меня. – Николай обвел взглядом амфитеатр, вложив в него все до капли влияние, которого он добился потом и кровью, в морях под именем Штурмхонда, на поле битвы как Николай Ланцов. Возможно, у него и не было настоящего имени, но вот побед за ним числилось немало. – Фьерда настояла на том, чтобы все знатные фамилии Равки собрались здесь сегодня. Так давайте предоставим им право решать, кто же будет править этой страной.

– Неужели твоя дерзость позволяет тебе считать, что они выберут бастарда? – со смешком спросил его отец.

Зоя повернулась к Николаю и прошептала:

– Именно этого Фьерда и добивается. Ты не можешь позволить им голосовать и признать их решение законным. Ты должен положить этому конец.

Но у Николая не было таких намерений. И если Зоя злилась уже сейчас, то ему через мгновение, подозревал он, придется искать надежное укрытие.

Он подошел к окнам.

– Яромир, первый король, не относился к королевскому роду, пока не объединил враждующую знать Равки под своими знаменами. Для этого ему понадобилась помощь Санкт-Феликса. И сейчас лишь одному из нас под силу объединить эту страну и подарить ей мир. Солдату, заклинателю и святой.

Он распахнул ставни. Внутрь ворвался зимний ветер, и с ним вместе влетели крики людей, собравшихся внизу. «*Санкта-Зоя. Ребе Два Урга*». Святая Зоя. Дочь Ветра. Единственная, кому он мог доверить страну, за которую сражался и проливал кровь; единственная, кто мог наконец-то привести ее к миру и процветанию.

– Я склонюсь лишь перед одним правителем и лишь одного человека считаю достойным короновать сегодня. Век Ланцовых прошел. – Он опустился на одно колено. – Да начнется династия Назяленских. Слава Королеве-Дракону.

Слова застыли в молчании зала, как мухи в янтаре. Николай слышал бешеный стук своего сердца, крики людей на площади.

«Что будет, если никто его не поддержит? – гадал он. – *Что, если они все просто встанут и уйдут? А я просто останусь здесь?»*

И тут услышал, как кто-то откашлялся, а затем, святые милосердные, раздался голос:

– Слава Королеве-Дракону! Моя Царица!

Князь Крыгин. Этот человек действительно всегда готов спасти ситуацию.

Еще чей-то голос крикнул:

– Королева-Дракон!

Николай не разобрал, кто это был… Раевский? Радимов? Он донесся с левой стороны зала. А затем он и вовсе потерял счет голосам, потому что они слились в дружный хор, следуя один за другим, когда мужчины и женщины из знатнейших семей Равки выкрикивали имя Зои.

Он понимал, что поддерживают ее не все. Были и гневные голоса, и те, кто уже выходил из зала, предвещая кучу проблем. Он также понимал, что не всем, кто сейчас преклонил колени, эта идея придется по вкусу и не вызовет сомнений. Многие из них начнут готовить переворот, не успев покинуть этот зал. Николай одним движением мог обречь на гибель и древнюю династию Ланцовых, и новорожденную – Назяленских. Но он сомневался, что до этого дойдет. Знатные рода Равки не желали жить под управлением фьерданской марионетки.

Он поднял голову и встретился с полным ярости взглядом Зои.

– Я прикончу тебя во сне, – процедила она.

Николай подмигнул.

– Давай. Скажи что-нибудь эпохальное.

46. Зоя

– Что скажешь ты, Зоя Назяленская? Генерал Второй армии?

Земенский посол обратился к ней с вопросом, а она понятия не имела, что на него ответить. В голове билась одна мысль: как только они с Николаем останутся вдвоем, она его придушит. Когда у него в голове созрел этот нелепый, совершенно безумный план?

Она вспомнила образ, переданный ей Юрисом в тот момент, когда она приняла чешуйки-усилители: корону. Тогда она решила, что это типично драконья гордыня, желание посадить на трон королеву-гриша, но теперь пришлось задуматься. Неужели Юрис предсказал этот момент так же, как увидел произошедшее в смотровой башне?

Он намекал на это снова и снова, но она каждый раз умудрялась понять его неправильно. *Только не говори, что ты никогда не задумывалась о том, каково это – быть королевой.*

Зоя задумывалась. Конечно, задумывалась. Когда глупые, мечтательные мысли мелькали в голове. Но теперь все было по-другому. *«Я не могу этого сделать».*

«Не можешь?» Она не была простушкой, вырванной из безвестности. Или принцессой, оказавшейся вдали от дома. Вся ее жизнь была отдана служению гришам, ее стране, ее королю. Разве это не то же самое?

Конечно, нет. Думать так было верхом наивности.

«Мы – дракон, и наше время пришло».

Зоя чувствовала, как взгляды всех присутствовавших в зале скрестились на ней. Слышала, как далеко внизу на центральной площади скандируют ее имя люди. Хорошо. Она не была королевой и уж точно не могла считаться святой, но по-прежнему оставалась генералом. Она может представить, что это просто очередная военная кампания. Если перед ней союзники, то пусть докажут это.

– Я – солдат, – заявила она. – И была солдатом с детства. Согласитесь ли вы, чтобы та, кто провел большую часть времени в траншеях на полях сражений, теперь надела корону? Согласитесь ли на королеву-солдата?

Вперед выступил Пенский, генерал Первой армии. Они были вынуждены работать вместе с тех пор, как Николай взошел на трон. Зоя знала, что никогда ему особо не нравилась, но надеялась, что он, по крайней мере, уважает ее.

Он одернул мундир, пригладил свои пышные белые усы.

– Хорошо, когда королева знает цену битвы. Я согласен на королеву-солдата.

Зоя лишь коротко, сдержанно кивнула в ответ, едва позволив себе выразить малую толику благодарности. Она вся уже покрылась холодным потом, но вынудила себя продолжить.

– Я – шквальная, гриш. – Она бросила пренебрежительный взгляд на Брума. – Некоторые наши враги станут называть меня ведьмой. И некоторые наши сограждане их поддержат. Нужна ли вам королева-гриш?

– Это правда, – заговорил старый князь из Гревьякина, которого они с Николаем навещали несколько месяцев назад. Тогда она весь вечер чувствовала себя ужасно, а теперь радовалась, что ей удалось не заснуть и не показать своих отвратительных манер. – Некоторые станут презирать вас. Другие назовут святой. А я хочу лишь возделывать свою землю и знать, что мои дети в безопасности. Я присягну королеве-гришу, если это принесет мир.

И снова она кивнула, словно ничего другого и не ожидала, словно ее сердце не пыталось вырваться из груди, как певчая птичка из клетки.

Зоя замолкла. Она понимала, на какой риск идет сейчас, но ей не нужна была корона, ради которой пришлось бы промолчать. Она знала, какой след слухи о его происхождении оставили в душе Николая, и не хотела повторения подобного во время своего царствования. А еще больше не хотела скрываться и прятаться. «*Мы видим тебя, дочь».*

Зоя сделала глубокий вдох.

– Моего отца звали Сухм Набри, и я его единственная дочь. Склонитесь ли вы перед королевой-сулийкой?

Над толпой поднялся смятенный, недоверчивый ропот, но Зоя не опустила головы. Она встречала их взгляды один за другим. Кто-то из них, вероятно, приказывал слугам гнать сулийцев со своей земли, а кто-то нанимал их развлечь гостей на празднике и больше ими не интересовался. Некоторые отдавали сулийцам поношенную одежду и крепче спали в эту ночь, гордясь собой за проявленную щедрость, а другие хвалили красоту сулийских женщин и детей, считая себя передовыми людьми без предрассудков. Но лишь некоторые из них знали, что в их семьях тоже есть сулийская кровь, и еще меньше людей готовы были признать, что сулийцы бродили по этим землям задолго до того, как они стали называться Равкой.

Вперед вышел князь Крыгин. Сегодня он выбрал вызывающе яркий кобальтово-синий камзол, отделанный красным позументом.

– Разве сулийцы не славятся своей прозорливостью и стойкостью? – спросил он у зала.

Николай всерьез задумался о том, чтобы вручить ему медаль. Хотя, вероятно, это сделает уже Зоя.

– Так и есть, – подтвердила княгиня Карьева. – Мне неважно, откуда она родом. Но я склоню голову лишь перед королевой, что поднимается к небу на громадных черных крыльях, чтобы вселить ужас в сердца наших врагов.

Николай поднялся.

– Я говорю «да»! – воскликнул он, обращаясь к залу, и лицо его светилось надеждой и торжеством. – Мы принимаем королеву-сулийку, королеву-гриша, королеву Равки!

Никогда еще он не сиял так ярко и не казался таким величественным.

Равкианцы разразились приветственными криками, а на лицах фьерданских делегатов отразилось беспокойство.

Возможно, этого будет достаточно. Возможно. Этот момент был словно сделан из стекла, такой хрупкий, готовый разлететься на осколки от любого ее неосторожного движения.

– Если таково желание народа Равки, – медленно произнесла Зоя, – я буду служить своей стране всем, чем смогу.

– Но откуда нам знать, действительно ли ее сила от святых? – Голос Апрата змеей скользнул по залу. А ведь Зоя почти забыла о нем и его святых стражах. – Неужели мы готовы забыть о пятнах тлена, поразивших не только Равку, но каждую страну, чьи представители сегодня здесь? Может ли оказаться простым совпадением то, что это проклятие обрушилось на наши земли, когда появились сначала демон, а затем и дракон? – Он распростер руки, словно обращаясь к своей пастве, а его вопросы эхом зазвенели под куполом зала. – Как вышло, что Зоя Назяленская, обычный гриш, стала обладательницей таких невероятных способностей? Она приняла форму рептилии, потому что именно ею и является. Я знаком с этой девушкой. Я ведь был духовным наставником при прежнем короле. Так вот, у нее жестокий, холодный нрав, и ей никогда не стать той матерью, в которой так нуждается Равка.

Зое нечего было ответить на его слова. Она была жестокой. И холодной. Сердце в ее груди было сделано из стали, и лишь это помогло ей выжить. Так что она могла возразить Апрату? Об этом Николай не подумал, не так ли? Считалось, что священник говорит от лица народа, и в этом зале его слова имели такой же вес, как и крики толпы за его стенами.

– Так, значит, теперь ты решаешь, каким святым нам молиться?

Этот голос. Прохладный, как ручей. Дарклинг возник в задних рядах зала. На нем по-прежнему была черная ряса культа Беззвездного святого. Как вообще ему удалось проникнуть в зал?

Апрат усмехнулся.

– А кто дал тебе право находиться в этом зале? Безвестному монаху, вставшему под знамена безумца.

– Не стоит уделять излишнее внимание именам, – заявил Дарклинг, выходя на свет. – У меня их слишком много.

Апрат отшатнулся. Большинство людей в этом зале никогда не встречали Дарклинга или видели, но лишь мельком, к тому же его черты все еще не стали такими, какими были раньше. Но у тех, кто знал его, кто работал с ним, кто восхвалял и боялся его, сомнений быть не могло. В свое время Женя узнала его мгновенно. А сейчас, судя по выражению неприкрытого ужаса на лице, узнал его и Апрат.

– Мы все пережили тяжелые годы войн и распрей, – невозмутимо проговорил Дарклинг. – Но из всех людей на земле этот человек должен быть последним, кому дозволено обсуждать королей и королев. На мгновение отбросим в сторону тот факт, что он вступил в союз с врагами Равки во время войны…

– Я предан лишь святым!

Дарклинг проигнорировал выкрик Апрата, подбираясь к нему все ближе.

– Этот человек помог Дарклингу свергнуть старого Ланцова. Он сыграл не последнюю роль в развязывании гражданской войны, чуть не уничтожившей страну, а теперь осмеливается выступать против женщины, которой народ поклоняется как живой святой?

– Мы уверены, что хотим, чтобы он продолжал говорить? – шепнула Зоя Николаю.

– Ничуть.

– Всем известно, что старый король был болен, – сказал Апрат, но взгляд его бешено метался по залу, словно в поисках путей отступления. – Эти обвинения – просто наглая ложь.

– Король стал жертвой яда, не так ли? – поинтересовался Дарклинг.

– Именно так, – подтвердил Николай.

– Он получал яд медленно, в течение долгого времени, от кого-то близкого, пользующегося полным доверием короля. Сколько могло быть таких людей? Мне приходит в голову только один.

Зоя кинула взгляд на старого короля. Его лицо побагровело от ярости, щеки тряслись, как незастывшее желе. На самом деле яд давала ему некая Женя Сафина с целью отомстить. Но эти сведения были далеко не общеизвестны. И для того, чтобы обнародовать их теперь, королю пришлось бы объяснить всем собравшимся, каким образом юная девочка каждый день получала доступ к его телу.

– Ложь! – воскликнул Апрат. – Ложь из уст еретика!

Но стоило ему заговорить, как тени поползли из его рта. Весь зал ахнул, отшатнувшись в единодушной попытке оказаться как можно дальше от священника.

Взгляд Зои замер на руках Дарклинга, хоть и спрятанных в рукава рясы, но все равно чуть заметно шевелящихся.

– Похоже, пришла твоя очередь, – шепотом подсказал Николай.

И она ею воспользовалась. Зоя взмахнула рукой, и зал сотряс оглушающий *раскат грома*.

– Довольно, – заявила она. – Схватить его.

Хаос поглотил зал заседаний, стоило королевской страже столпиться вокруг Апрата. Фьерданцы поспешно отбыли, но все же после того, как наследный принц согласился продлить перемирие до тех пор, пока не будет заключен настоящий мирный договор.

– Разве вы не можете остаться? – спросила перед их уходом Зоя, не сводя глаз с Нины в обличии Милы Яндерсдат. Но Нинино внимание было полностью поглощено принцем, а на лице застыло сомнение, которое становилось тем отчетливее, чем пристальнее – совсем не подобающим скромной фьерданке образом – она смотрела на него.

– Мы вернемся, – заверил их принц Расмус. – Обещаю. – Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой. – Возможно, на вашу коронацию.

Николай отправил стражу и солнечных солдат в погоню за Дарклингом, который каким-то образом исчез из зала. Неважно, насколько сильно он помог им во время совета, они все равно не имели ни малейшего представления о его планах, и Зоя не собиралась позволять ему скрыться и продолжить плести свои интриги. К тому же, если удастся заключить прочный мир, придет черед проблемы с распространением тлена. Ей не было известно, правда ли Дарклинг владеет какими-то сведениями об этом или все его разговоры про обисбайю были лишь частью коварного плана, но собиралась выяснить это во что бы то ни стало.

Знать Равки уже начала интересоваться, когда будет проведена коронация и она начнет принимать прошения о выделении средств из казны, переделе земель и тому подобное. Но в конце концов зал приемов опустел, и Зоя с Николаем остались вдвоем в гулкой пустоте под куполом.

Взмахом руки Зоя отправила порыв ветра закрыть ставни, чтобы хоть немного заглушить чудовищно громкие крики толпы.

Затем повернулась к Николаю.

– Ты совсем не в себе?

– Время от времени. Нахожу это весьма бодрящим. Но сейчас я, как никогда прежде, в здравом уме и твердой памяти, Зоя.

– Я не смогу, Николай. Ты – дипломат, манипулятор. А я…

– А ты?

Она раздраженно всплеснула руками.

– Я – сила.

– Корона никогда не предназначалась мне. Ты – военный командир, гриш, а теперь, благодаря стараниям Нины и дарам Юриса, еще и живая святая.

Зоя рухнула на ближайшую скамью.

– Неважно, что они говорили в этом зале, тебе прекрасно известно, что они никогда меня не примут. Все эти клятвы и заверения не будут стоить и ломаного гроша, когда они не получат того, что им нужно.

Николай опустился перед ней на колени и взял ее за руку.

– Прекрати, – рассердилась она. – Прекрати падать на колени.

Но руку не забрала. Его прикосновение было знакомым, успокаивающим, дающим опору.

– Я не могу. Колени сами подгибаются. Я обратил внимание на твою хитрую оговорку. Ты сказала, что станешь служить Равке, но не говорила, что примешь корону.

– Потому что я все еще жду, когда ты придешь в себя и поймешь, что это невозможно.

Николай усмехнулся.

– Ты знаешь мое отношение к этому слову.

Он вел себя сейчас очень легкомысленно.

– Как ты можешь? – спросила она. – Как можешь вот так просто отказаться от трона, за который столько сражался?

– Дело в том, что я никогда не сражался за трон. Не за него. Битва всегда велась за эту забытую святыми страну. Дарклинг полагал, что является ключом к спасению Равки. Возможно, и я попал в ту же ловушку. Но еще не поздно все исправить.

Она покачала головой.

– Ничего не получится.

– Мы очаруем их, одного за другим, если придется, и ты приведешь Равку к миру и процветанию.

– Я не умею очаровывать.

– Я умею. У меня целый арсенал трюков, который я готов использовать во благо Равки.

– Приемы, парады и светские разговоры. Звучит кошмарно.

– Я буду каждый вечер делать тебе массаж ног.

Что он ей предложил? На лице его застыла улыбка, но она чувствовала внутри него еще и неуверенность, настороженность, знакомую ей самой. Недавно она пообещала себе рассказать ему все, что у нее на сердце, но теперь, когда представился такой шанс, когда они с Николаем были одни в этом огромном, пустом зале, она поняла, что в жизни еще не была так напугана.

– В моей комнате есть фреска, – начала она неуверенно, не зная точно, что собирается сказать, опасаясь тех слов, что могут сорваться с языка. – Штормовое море. Лодка. Флаг с двумя звездочками. Ты когда-нибудь задумывался…

– Что они значат? Только когда вспоминал о твоей спальне. То есть практически каждую ночь.

– Можешь хоть раз побыть серьезным?

– Только один, не больше.

– Эти звезды – я и моя тетя. Лилиана. Она была самой храброй из всех известных мне женщин, и она… она сражалась за меня, когда никто другой не стал, совершенно безоружная. Она была простой женщиной, без титула и состояния, но рискнула жизнью, чтобы спасти меня. Она считала, что я заслуживаю спасения. Она считала… Она считала, что я заслуживаю любви.

Когда звезда Лилианы погасла, Зоя решила, что теперь навсегда обречена сражаться со штормовым морем жизни в одиночестве. Что если уж ей повезло хоть раз в жизни быть любимой, о большем нельзя и мечтать. По крайней мере, так она себе говорила.

– Я не смогу справиться с этим в одиночку, Николай.

– Я буду рядом.

– Как мой советник?

– Если пожелаешь.

Она не хотела спрашивать. Гордость запрещала ей. Но эта чертова гордость уже и так ей дорогого стоила. Она отвела глаза.

– А если… если я пожелаю большего?

Она почувствовала, как его пальцы коснулись ее подбородка, поворачивая голову. В горле внезапно встал болезненный ком. Зоя заставила себя встретиться с ним взглядом. В таком свете его ореховые глаза казались почти золотыми.

– Тогда я с радостью стану твоим принцем, консортом, демоном, кем угодно.

– Ты вскоре возненавидишь меня. Я слишком резкая. Злобная. Желчная.

– Ты именно такая, но это далеко не все, Зоя. Наш народ полюбит тебя не вопреки твоей жесткости, а благодаря ей. Благодаря тому, что ты проявляла милосердие в сложнейшие времена. Благодаря тому, что мы знаем: если придет беда, ты не отступишь. Дай нам этот шанс.

Любовь. Слово, не предназначенное для таких, как она.

– Я не знаю, как поверить тебе, – беспомощно призналась она.

– А что, если я скажу, что мне невыносима мысль о расставании с тобой?

Улыбка тронула ее губы.

– Я скажу, что ты лжец. И что подобные заявления могут впечатлить разве что романтичных дурочек. – Она подняла руку и позволила пальцам скользнуть по контурам его прекрасного лица. Он закрыл глаза. – Мы пойдем дальше вместе, я и ты. Если я не буду справляться с ролью королевы, ты придумаешь, как это исправить и спасти нашу страну. Ты позаботишься об укрытии для таких, как я. Ты будешь идти вперед, и сражаться насмерть, и отпускать свои ужасные шуточки, пока не сделаешь все то, что обещал сделать. Полагаю, именно за это я тебя и люблю.

Его глаза распахнулись, а лицо осветила широчайшая улыбка.

– Святые, скажи это еще раз.

– Не скажу.

– Ты должна.

– Я – королева. И должна делать только то, чего мне бы хотелось.

– А тебе не хотелось бы поцеловать меня?

Хотелось. И она поцеловала, притянув его к себе, чувствуя покалывание щетины на его щеках, мягкость завитков его волос, прячущихся за ушами, и наконец, после всех этих бесконечных дней ожидания, его остроумный, блестящий, идеальный рот. Их окутала тишина, и в голове Зои не осталось ни страхов, ни тревог, лишь ощущение его теплых губ.

Когда поцелуй закончился, он прижался лбом к ее лбу.

– Ты же понимаешь, что сейчас назвала себя королевой? А значит, ты согласна.

– Я *правда* убью тебя.

– При условии, что сначала поцелуешь.

И она сделала ему такое одолжение.

47. Нина

Нине никак не удавалось собраться с мыслями. *«Это какая-то игра? Он играет со мной?»*

Внутри мешались гнев, надежда и смятение. *«Соберись, Зеник,* – отчитала она себя. – *Если ты ждала момента, когда понадобится вся твоя сообразительность, то он настал».*

Легче сказать, чем сделать. Она была почти уверена в том, что видела, как Николай Ланцов – а может, и не Ланцов, раз уж он признался, что незаконнорожденный, – отдал корону Зое Назяленской. Оказавшейся к тому же драконом. И, возможно, святой. А Расмус выступил за продление перемирия и мирный договор с Равкой. Но почему? Неужели поверил в необходимость мира? Или все это было частью какого-то замысловатого плана, очередным трюком, задуманным им вместе с Брумом?

Или здесь дело было и вовсе в чем-то другом? Нина видела изломанное тело Ханны на земле. Но что она видела на самом деле? Ей вдруг вспомнилось, как быстро скользили руки Ханны по ее лицу, отрезали ее собственные локоны. *«Я тренировалась»*, – объяснила она тогда.

«Не надо, Нина. Не смей надеяться».

В лодке, везущей солдат и офицеров назад, на борт «Пасти Левиафана», повисло молчание настолько тяжелое, что давило на плечи. Нина ощущала волны гнева, исходящие от Брума, страх *дрюскелей*, которые подвели его в зале совета.

Йоран, напротив, казался почти счастливым, и лицо его было безмятежным, словно он впервые обрел подобие мира в душе. Он был первым, кто осмелился высказаться в поддержку Зои и идей мира. Смогли бы остальные решиться стать первыми? Или на это был способен только мальчик, переполненный сожалениями, отчаянно жаждущий все исправить, пожертвовать собой в качестве искупления перед святыми? Если бы Нина отомстила, забрав жизнь Йорана, если бы Ханне не удалось ее тогда остановить, что бы случилось сегодня в Ос Керво?

Еще большие сомнения вызывали эмоции, которые исходили от принца Расмуса. Он продолжал поглядывать на нее с выражением, которое легко можно было принять за искреннюю заботу. Она не могла перестать изучать его профиль, цвет его глаз – были ли различия, замеченные ей, реальными или воображаемыми? Казалось, будто голова вот-вот взорвется.

Они высадились на один из причалов, и принц в сопровождении Йорана направился в командный центр.

– Идем, – позвал он Нину.

– Я хотел бы поговорить, ваше высочество, – вмешался Брум, едва сдерживая гнев.

– Тогда можете тоже к нам присоединиться.

Командный центр ничем не отличался от остальных помещений «Левиафана» – сплошь армейская практичность, карты и военное снаряжение. Ящики со снаряжением стояли ровными рядами, карты и графики приливов висели на одной стенке шатра, хотя все остальные стенки не были заняты.

– Вы уверены, что не хотите *отдохнуть*, ваше высочество? – спросил Брум, намереваясь напомнить всем о болезненности принца.

– Думаю, нет. Я себя вполне хорошо чувствую.

– Конечно, вы же не участвовали в сражении сегодня.

– Нет, не участвовал. В своей жизни я нередко пропускал не только сражения, но даже охоту или прогулки. И знаю, что из-за этого вы считаете меня ничтожеством.

– Я никогда не говорил…

– Вы сказали достаточно. Вы называли меня слабаком и щенком.

Брум изобразил возмущение.

– Никогда. Я…

– Вспоминайте, – мягко сказал принц, и Нина снова поймала себя на том, что тянется вперед, прислушиваясь. Его голос звучал грубо, непривычно. Так, словно голосовые связки пришлось спешно изменять. – Вспомните о том, что люди, которых вы когда-то называли верными, больше не хотят служить вам. Вашего друга Редвина нашли мертвым в разрушенной восточной башне. В вашем отряде *дрюскелей* полный разброд. Думаете, сейчас подходящее время подвергать сомнению вашу честность?

Но Брум не стушевался.

– Я всегда с честью служил Фьерде.

– Слишком долго вы служили Фьерде.

Брум рассмеялся.

– Понятно. Вы думаете, что равкианцы будут соблюдать мирный договор, ваше высочество?

– Да, – подтвердил принц Расмус. – А если бы даже и не думал, вас это больше беспокоить не должно.

– Но ваше здоровье…

– Мое здоровье никогда еще не было в таком отличном состоянии.

Нина замялась, а затем сказала:

– Все эти сегодняшние разговоры о яде.

Повисло настороженное молчание.

– Да, – задумчиво произнес Расмус. – Любопытно. С самого детства меня охраняли *дрюскели.*

Теперь Брум казался по-настоящему напуганным. Насколько было известно Нине, к яду он никогда не прибегал. Рассчитывал, что слабое здоровье принца сделает всю работу за него. Но смог бы он это доказать?

– Если у вас есть доказательства такой гнусной измены, – заявил Брум, – я требую, чтобы они были предоставлены. Я не позволю порочить свою честь.

– Я знаю, что сегодня у вас случилась трагедия, – сказал принц. – Ужасная потеря. И вам потребуется отдых и время на размышления. Возможно, на Кенст Хьерте.

– Это ссылка, – сказал Брум тихим, решительным голосом. – Вы не можете всерьез…

– «Не можете» – выражение, незнакомое принцам.

– Ваше высочество, – предпринял еще одну попытку Брум, добавив в голос теплоты. – Это недоразумение и ничего более.

Принц подал знак своей охране.

– Отведите его в каюту и приставьте стражу. Но будьте с ним помягче. Он… он всего лишь тот, кого сделала из него эта страна.

Но не успела охрана схватить Брума, у того в руках оказался пистолет, и он наставил его на наследного принца.

– Нет! – вскрикнула Нина.

– *Strymacht Fjerda!* – выкрикнул Брум.

Выстрелы – один, два, три – разорвали тишину.

Бруму так и не удалось нажать на курок. Он лежал на полу, истекая кровью. Йоран убрал в кобуру пистолет. Он выстрелил в Брума трижды – один раз в ногу и два – в руку.

Принц двинулся было к раненому, но Нина ухватила его за локоть.

– Не нужно. С ним все будет хорошо.

Она посмотрела в глаза Расмуса, уже не такие голубые, как прежде.

– Приведите врача! – велел он, не отводя от нее глаз. – Этому бедолаге нужна помощь.

Врачи и солдаты кинулись вперед.

– Надо было оставить его умирать, – сказал кто-то из них, плюнув на пол рядом с Брумом. – Он пытался убить вас, ваше высочество.

– У меня нет сомнений в том, что он собирался направить оружие на себя. Ведь сегодня он лишился единственной дочери. – Расмус помолчал. – Мила, вы хорошо ее знали. Вы же были ее ближайшей подругой, правда?

– Я любила ее, – сказала Нина, чувствуя, как упрямая, нелепая надежда когтями впивается в сердце. – И все еще люблю.

Брума забрали в лазарет, чтобы обработать раны.

Он должен был вскоре поправиться, хотя этот процесс безусловно пошел бы быстрее при помощи гриша. Ильва настояла на том, чтобы остаться с ним. Нине хотелось как-то ее утешить, но она не могла подобрать подходящих слов.

Они погрузились на королевский дирижабль в молчании. Уже пошли разговоры о намечающейся встрече принца с родителями по вопросу мирного договора и о том, долго ли продлится мир, но все, чего хотелось Нине, это поговорить с принцем наедине.

Они вошли в королевскую каюту, изящно отделанную золотистым деревом и мягким белым шелком. В иллюминаторах заходящее солнце раскрашивало облака золотистым и бледно-розовым, обводя голубым по краям.

– Оставь нас, Йоран, – велел принц.

Йоран замер в дверях, сначала посмотрев в глаза принцу, а потом Нине.

– Все, что потребуется вашему высочеству. Только прикажите. – Он произнес эти слова, как клятву. – Я прослежу, чтобы вас не беспокоили.

И он с поклоном удалился, закрыв за собой дверь. Теперь у их разговора не было свидетелей, лишь небо в облаках за стеклом иллюминатора.

Свет потоком меда растекался по каюте, освещая лицо принца. Он смотрел на нее с выражением, которое она никогда прежде не видела на его надменном лице. В нем угадывался страх, и это заставило ее надежду вспыхнуть с новой силой.

– Где мы познакомились? – шепотом спросила она.

– На прогалине у отравленного ручья, – ответил наследный принц тихим, хрипловатым голосом. – Подо мной был белый конь, и ты даже сначала приняла меня за солдата.

Не успел ее разум возразить, как ноги уже несли ее через каюту. Она обняла его.

– Никогда не отпускай меня, – шепнула Ханна ей в волосы, сжимая в крепких объятьях.

– Больше никогда. – Она отстранилась. – Но… принц?

Виноватое лицо Ханны сказало обо всем, что нужно было знать. Расмус был мертв, размозжил голову при падении. Но умер он в облике Ханны.

– Как? Что случилось на башне?

Ханна сделала глубокий вдох.

– Принц Расмус начал пить, когда уничтожили фьерданские колокола. Он все время потешался над отцом и его планами. Он… он решил, что будет забавно ударить меня.

– Мы знали, каким он мог быть жестоким. Я не должна была отпускать тебя с ним вдвоем.

– Это была всего лишь легкая пощечина.

– Ханна!

– Так и *было*. Это была проверка. Думаю, он хотел проверить, как далеко сможет зайти. Он велел мне ударить его в ответ, как тогда, с Йораном. Подначивал меня. Потом ударил снова. Сказал, что, став мужем и женой, мы будем играть в эту игру, когда ему захочется. Йоран пытался остановить его, но… я испугалась. Я не собиралась этого делать.

– Ты использовала против него свою силу.

Слеза скатилась по щеке Ханны.

– Его сердце. Похоже, я его остановила. Никогда и никому я не причиняла такого вреда.

Нина взяла лицо Ханны в свои ладони.

– Я знаю, что ты не хотела. Знаю, что ни за что не сделала бы этого нарочно.

Ханна всегда была слишком добра и хороша для этого жестокого мира.

– Я велела Йорану бежать за помощью. Попыталась исцелить принца. Но сама понимала, что он мертв.

– Значит, ты перекроила его.

– Да. И себя. Как можно быстрее. Но Йоран… Думаю, он старался не торопиться.

Чтобы помочь Ханне? Или потому, что хотел видеть принца Расмуса мертвым? *«Все, что потребуется вашему высочеству».* Могла ли Нина считать это его искуплением? Имели ли его мотивы значение? Йоран сегодня спас Ханне жизнь. Он выступил против Брума. Он узнал, что Нина – это не Мила Яндерсдат, но сохранил ее тайну. Наверное, это можно было считать началом.

– Я перетянула грудь, поменяла нашу одежду, и… и… я выкинула его тело из окна.

– Святые вседержители!

Ханна опустилась на широкую, обитую бархатом скамью.

– Что я скажу своей матери? Она думает, что я мертва. Ты и представить себе не можешь, каково это – слышать ее рыдания, видеть, как ты на коленях оплакиваешь меня. Я не могу потерять ее, Нина.

– Мы найдем способ ей все рассказать. Со временем. Но Ханна… что нам делать сейчас? Ты должна будешь встретиться с королем и королевой Гримьер.

– Я могу перекроить себя более тщательно перед этим. Хотя, помимо этого, мне не помешал бы твой талант к перевоплощению.

Тут Нина рассмеялась.

– Ты блестяще справилась. Я полностью поверила в то, что ты – Расмус. Тебе повезло, что я не убила тебя на месте.

– Не думай, что я этого не боялась. Но обмануть его родителей?

За последние несколько месяцев Ханна узнала немало хитростей от Нины. Значительная часть ее жизни прошла в стенах Ледового Двора, благодаря чему она неплохо разбиралась в дворцовом протоколе, а время, проведенное в компании принца, позволило ей познакомиться с его привычками, жестами и манерой речи.

– Мы потренируемся. У нас есть время в пути.

Ханну это, похоже, не убедило.

– Если король и королева спросят меня о чем-то из детства Расмуса…

– С этим я могу помочь, – заверила ее Нина. В конце концов, у нее под рукой был целый призрачный совет.

– Правда? – Ханна изогнула бровь. – А ты сможешь любить убийцу?

– Я могу задать тебе тот же вопрос.

Ханна замялась.

– А сможешь ли ты любить меня в этом теле?

– Я люблю твое сердце. Ты ведь знаешь это, правда?

Слезы выступили на глазах у Ханны.

– Я надеялась.

– Но чем все это закончится? Сколько ты сможешь оставаться в этой западне?

– Я не в западне, Нина. – Ханна шумно выдохнула. – Что, если я скажу тебе, что в этом теле я чувствую себя на месте? Что с тех самых пор, как я поняла, на что способны портные, я никак не могла перестать представлять, каково это могло бы быть?

Нина вспомнила виноватое лицо Ханны, когда та призналась, что пыталась изменять себя тайком. Вспомнила о том, как избегала подруга смотреть на свое отражение. Тогда Нина не понимала.

– Ты сказала, что не знаешь, сможешь ли быть счастлива.

– И все еще не знаю. Я не знаю, каково мне будет жить в теле, которое ощущается по-настоящему моим. Я знаю лишь… Я потеряла сегодня отца и, возможно, мать. Но не себя. И

если ради возможности сохранить себя мне придется играть роль принца, что ж, я с радостью соглашусь на эту роль.

– Сказала та, которая утверждала, что ненавидит приемы и балы.

– Я выбирала не лицо. Я не хочу быть Расмусом.

Нина положила руки Ханне на плечи.

– А ты и *не* Расмус. Ты – некто новый, некто, с кем мне не терпится познакомиться.

Улыбка Ханны была робкой, неуверенной и оттого еще более ценной.

– Мы хотели изменить мир. Так, может, это наш шанс.

– Принц и торговка рыбой? Ты же понимаешь, что, если останешься Расмусом, когда-нибудь станешь королем. Королем, который знает, как живется женщине во Фьерде и как это – чувствовать себя одиноким среди множества людей. Истинным воином.

– А ты станешь моей королевой. – Робкий взгляд Ханны пронзил Нину, как луч света, такой яркий после сгустившейся было тьмы. – Если я нужна тебе.

Нина рассмеялась.

– О, ты нужна мне, Ханна Брум.

Щеки Ханны вспыхнули. Это было великолепно.

– Двое гришей, живущие под прикрытием, правят Фьердой, направляя ее к миру с Равкой? Прекрасная мечта. Но принц не может жениться на простой девушке.

– Тогда я дам тебе земли и титулы. Если ты пожелаешь. Ты сможешь остаться здесь со мной и жить во лжи?

Нина заставила Ханну замолчать поцелуем, ни на секунду не сводя глаз с любимой, чудом оставшейся в живых.

– Не во лжи. Ты – мой принц, тебе принадлежит мое сердце.

– И ты согласна вечно жить под чужой личиной?

– Ну, Миле не помешает обзавестись парой новых увлечений и прекратить постоянно метаться и заламывать руки, но, в общем, да. Ради нашей мечты я смогу.

– Если ты хочешь вернуться в Равку…

– Хочу. И точно буду скучать по ней, и заставлю тебя приказывать поварам готовить блины и борщ. – Она уселась к Ханне на колени. – Но здесь мое место.

Ханна обвила Нину руками, и они замерли, прижавшись друг к другу и глядя, как по небу растекается глубокая синева сумерек. Прямо за левым ухом Ханны Нина обнаружила пару розовых веснушек, пропущенных во время панически торопливого перекраивания. Нина обожала Ханнины веснушки. Было бы здорово сохранить хотя бы одну из них.

«*Что бы обо всем этом подумал Матиас?*» – пришла ей в голову мысль. Король-гриш. Королева-гриш. Оставалось надеяться, что ему было бы приятно видеть ее счастливой, что он хотел бы, чтобы ее сердце исцелилось. «*Прояви немного милосердия к моему народу*». Сидя здесь, в тишине, глядя на проплывающие мимо облака, слушая ровный гул двигателей, Нина вдруг поняла, что в ней растет странное ощущение легкости, которое казалось ей давно и прочно позабытым. Покой.

Впереди их с Ханной ждали сражения и опасности. Они собирались совершить нечто дерзкое и даже невозможное, но откуда-то нахлынула уверенность, что они справятся. Нина прижалась щекой к щеке Ханны. Она чтила память Матиаса, и этот путь, где-то между местью и избавлением, был единственно верным. *«Мое место с волками»*.

Нина выпрямилась.

– Ханна, а как мне тебя теперь называть? Расмус?

Ханна вздрогнула.

– Я этого не вынесу. Нужно выбрать мне новое имя. Имя святого. В честь новообретенной веры принца в Детей Джеля.

– Святые свидетели, ты схватываешь на лету. Это ход настоящего политика.

– Но нужно выбрать хорошее имя.

– Как насчет Демьяна? Или Ильи? Один Илья был очень широко известен. Он изменил наш мир.

Ее принц улыбнулся.

– Я не знаю его истории.

– Я тебе расскажу, – пообещала Нина. Снаружи опускалась ночь, и небо усыпали миллиарды звезд. – Я расскажу тебе тысячи историй, любовь моя. И мы перепишем их финалы, один за другим.

48. Николай

Они путешествовали в сопровождении солнечных солдат не только в целях защиты, но еще и потому, что некоторые перевалы в горах были до сих пор завалены снегом.

– Драконом было бы быстрее, – ворчала Зоя, когда они взбирались на очередной перевал.

– И намного заметнее, – отвечал Николай.

– Просто шагайте вперед, – велела Женя. – Не хочу провести еще одну ночь в этих горах.

Николай обернулся назад, глядя, как Зоя помогает Жене взобраться на очередную скалу. Все они были одеты по-походному – в толстые, но теплые тулупы, штаны и меховые сапоги.

– И что же тебя не устраивает – дикие звери, погода или компания?

– Я – королева, – заявила Зоя. – Мне следует возлежать на носилках, чтобы мои нежные ступни даже не касались земли.

– Я могу попросить демона понести тебя.

Зоя фыркнула.

– Спасибо, пожалуй, откажусь. В последний раз, когда ты его выпускал, он чуть не укусил меня.

– Наверное, он так выражал свою привязанность.

– Ты уверен?

– Не совсем, – признал он.

Флайеры донесли их до равнин к северу от Сикурска. Оттуда они вынуждены были продолжать путь пешком. Ветры, бушевавшие над этими вершинами, превращали полет в весьма рискованное мероприятие. Впереди, окруженный солнечными солдатами, брел Дарклинг. Его руки были связаны, а сам он по-прежнему оставался в черной рясе Беззвездных. Казалось, холод его ничуть не беспокоит.

Николай гадал, что ждет их впереди, если они все-таки смогут найти этот монастырь – при условии, что он вообще существует. Он был полностью готов к тому, что эта безрассудная экспедиция окажется очередной хитростью Дарклинга, но это вовсе не значило, что он был готов к самой хитрости. Может быть, Дарклинг вызовет оползень и похоронит их всех под грудой камней или бросит в лабиринтах пещер. Вариантов было неисчислимое множество. У этого человека был припрятан неисчерпаемый запас неприятных сюрпризов.

Они перевалили через гребень, и перед ними раскинулась долина, укутанная серебристым туманом и опоясанная увенчанными снегом пиками Сикурзоя. Он разглядел горные озера, поблескивающие, как замерзшие монеты, и пасущееся вдалеке стадо лохматых бизонов, неспешно бродящих по лугу в поисках первых признаков весны.

Николай предпочел бы отправиться в путешествие после оттепели, но сообщения о пятнах тлена поступали все чаще, а сами пятна становились все больше – мили погубленной, превращенной в мертвые пески земли, сотни мужчин, женщин и детей, исчезнувших в мгновение ока, раны, которые могут никогда не затянуться.

После битвы за Ос Керво их следопытам не удалось разыскать Дарклинга. Последователи Беззвездного святого все так же проводили свои службы, а некоторые даже встали лагерем у дворцовых стен, чтобы обратиться к новой королеве с прошением о признании Дарклинга святым. Но самого его нигде не было. Пока однажды вечером они не вошли в зал советов Малого дворца и не обнаружили его развалившимся в одном из кресел, словно он никуда и не уходил.

Николай тогда, помнится, схватился за пистолеты, а Зоя с Толей встали в боевую стойку. Но Дарклинг просто подпер рукой подбородок и сказал:

– Похоже, уже не в первый раз у Равки проблема, решить которую могу только я.

Справедливости ради стоило бы заметить, что Дарклинг эту проблему и создал, но если собирался им помочь, Николай не видел смысла в препирательствах. По крайней мере, он вывел их на дорогу к монастырю Санкт-Феликса, где, как полагал, можно было найти все ответы. А что, если нет? Даже Дарклинг, вечный всезнайка, не мог сказать, что делать в этом случае. И его это, похоже, ничуть не беспокоило.

– Ты и в самом деле готов наблюдать за гибелью мира? – спросил его Николай.

Тот просто пожал плечами.

– Представь, если ты, конечно, на это способен, сколько времени я живу в этом мире. Ты никогда не задавался вопросом, что ждет в следующем?

«Задавался», – подумал Николай. Даже писал, будучи студентом в Кеттердаме, крайне депрессивные стихи о смерти и неизвестности, некоторые из них – в виде рифмованных двустиший, и все без исключения – невероятно плохие.

Он снова оглянулся на Зою, топающую за ним, в низко надвинутой на уши шапке из чернобурки, с красным от холода носом. Зачем ему думать о другом мире, когда она в этом? За последние несколько недель он видел, как она проводила встречи, дипломатические приемы, нелегкие первые переговоры о мире с фьерданцами. Он был рядом, чтобы очаровать недовольных или помочь советом при необходимости, но Зоина служба в качестве генерала Второй армии заставила ее заранее ознакомиться со всеми тонкостями внешней и внутренней политики Равки. И пусть она никогда не питала особого интереса к сельскохозяйственным реформам, но тут ей на помощь могли бы прийти ее министры. Да и Николай, если бы она позволила.

Они не были женаты. И даже помолвлены. Он давно бы уже попросил ее руки, но хотел сначала поухаживать за ней. Может быть, построить для нее что-нибудь. Или изобрести какой-нибудь милый пустячок, неприменимый в военных целях. Музыкальную шкатулку или механического лиса, в качестве украшения для ее сада. Какая-то часть его была твердо уверена, что ее отношение к нему вот-вот изменится и всему этому придет конец. Он так долго мечтал о ней, что теперь казалась невозможной сама мысль о том, что он будет рядом с ней каждый день, что она будет засыпать в его объятиях каждую ночь. «Не невозможной, – исправился он. – Маловероятной».

Он обернулся, и ручеек камешков потек по склону из-под его сапог.

– Поцелуй меня, Зоя, – попросил он.

– Зачем?

– Мне нужно удостовериться, что ты настоящая и мы все выживем.

Зоя приподнялась на цыпочки и прижалась теплыми губами к его рту.

– Я прямо здесь и чертовски замерзла, поэтому двигайся, пока я не столкнула тебя в пропасть.

Он счастливо вздохнул. Да, это она. Резкая и бодрящая, как крепкий алкоголь. Она была настоящей и принадлежала ему, по крайней мере пока.

Они оказались у монастыря внезапно. Только что протискивались между двух отвесных каменных стен, и вот уже смотрят на украшенные изысканной резьбой арки и колонны из серого камня, образующие фасад монастыря. На расположенных между ними фризах была изображена история появления первых святых стражей – монахов, превратившихся в зверей, чтобы служить первому королю Равки, и не сумевших вернуться в человеческое тело. Юрий верил, что и Санкт-Феликс был среди этих монахов, а подробности истории его мученичества изменились с течением времени после многочисленных пересказов. Феликс прошел через *обисбайю*, обряд Тернового огня, чтобы изгнать из себя зверя. А как быть с тем, что Николаю в последнее время все меньше хотелось расставаться со своим демоном? Он ведь по-прежнему мог трудиться на благо своей страны. В этом ничего не изменилось.

Двери, в которую можно было бы постучать, не нашлось, был лишь длинный туннель, уходящий во тьму. Один из солнечных солдат осветил путь.

– Пахнет чем-то сладким, – заметила Женя, и мгновение спустя они поняли чем.

Перед ними раскинулась огромная, припорошенная снегом поляна под открытым небом. Окружавшие их каменные стены были усыпаны полукруглыми нишами, похожими на сотни голодных ртов, а в центре поляны росло самое высокое дерево из всех когда-либо виденных Николаем.

Его искривленный ствол по обхвату не уступал маяку в Ос Керво. Сеть мощных, толстых корней раскинулась от основания ствола, а высоко вверху сплелись в купол, почти накрывший поляну, его ветви, усеянные алыми цветами и шипами длиной в несколько ладоней.

Терновый лес. Но на этот раз он выглядел совсем по-другому.

– Похоже на священный ясень Джеля, – заметила Зоя.

– Все истории берут где-то начало, – раздался голос из скрытой тенями ниши. Перед ними возникла женщина, закутанная в алые шелка, с черными волосами, заплетенными в три косы, которые она перекинула через плечо. Она была шуханкой с глазами цвета молодой листвы и босыми, несмотря на снег, ногами. – Все боги – это один бог. – Она повернулась к Зое. – *Nae brenye kerr, eld ren.*

Зоя поклонилась.

Николай перевел взгляд с Зои на монахиню.

– Прошу прощения?

– Это каэльский, – объяснил Дарклинг. – Древний каэльский. Язык – чему я весьма удивлен, – известный Зое.

Зоя не одарила его даже взглядом.

– Это значит «Приятно встретить тебя снова, старый друг». Юрис уже бывал здесь.

– Давно, – подтвердила монахиня. – Он хотел снова стать человеком и думал, что мы сможем ему помочь. Ты страшишься такой судьбы?

Зоя, казалось, была удивлена.

– Я все еще человек.

– Правда?

Женя потянулась и взяла Зою за руку.

– В ней вполне достаточно человеческого.

Но Николай полагал, что тут они все были в весьма неоднозначном положении.

– Нам известно, зачем вы здесь, – сказала монахиня. – Но вам не найти помощи в терновом лесу.

Нам? Николай заметил, что фигуры в алом стоят в каждой нише, наблюдая за ними. На вид они были безоружны, но численный перевес определенно был на их стороне.

– Вам известно о пятне тлена? – спросил он, пытаясь сосчитать людей в нишах. Их оказалось больше пятидесяти.

– Оно успело побывать и в наших горах. И нам остается только радоваться, что терновый лес не задело.

– Как и нам, – сказал Николай, поскольку это дерево было их единственной надеждой. До сих пор. – Так вы говорите, что мы не сможем остановить разрастание Каньона?

– Не при помощи *обисбайи.* Теневой Каньон – это прореха в ткани вселенной, ткани первого творения.

– Творения в сердце мира, – пробормотала Зоя.

– До творения была пустота, и именно она теперь просачивается через эту прореху в наш мир.

Николай потер руки.

– Ну и как нам это исправить? – Вопрос, который он задавал всегда. Сломанное можно было починить. Разорванное – зашить. – Как нам закрыть прореху?

– Никак, – сказала монахиня. – Кому-то придется постоянно держать ее края.

Женя нахмурилась.

– Что?

– Кто-то должен будет встать в проходе между мирами, между бездной и творением.

– Уточните, как надолго? – спросил Николай.

– Навсегда.

– Ясно.

– Что тебе ясно? – резко спросила Зоя.

– Кто-то же должен.

– Не будь глупцом, – отрезала она.

Монахиня приблизилась. Невозможно было сказать, сколько ей на самом деле лет.

– Это тень внутри делает тебя таким храбрым?

– Надеюсь, что нет. Я принимал безрассудные решения задолго до того, как обзавелся ею.

Зоя схватила его за рукав.

– Николай, ты же не всерьез. Я запрещаю тебе делать это.

– Тебя еще не короновали. Я сомневаюсь в том, что ты уже можешь что-то запрещать.

– Ты говорил, что будешь рядом со мной.

Он ничего не желал больше. Вместе им удалось остановить войну, и он начал верить, что они смогут вместе прожить жизнь, но это ему придется сделать в одиночестве. Он повернулся к монахине.

– Что мне нужно делать?

– Николай…

– Шип пронзит твое сердце, как и во время *обисбайи*, но на этот раз ты так на нем и останешься, заходясь в агонии, призывая безумие. Если шип извлечь, тлен снова просочится в наш мир, и полотно вселенной окончательно разорвется.

Николай сглотнул. Это выглядело намного неприятнее быстрой, героической смерти.

– Я понимаю.

– Но, Николай, – вмешалась Женя. – Что случится, когда… ну, когда ты умрешь?

– Тлен вернется, – ответила монахиня.

– Так я и думал. – Дарклинг прислонился к одному из гигантских корней дерева. Вид у него был скучающий, словно он каждый день встречал монахов древнего ордена. – Твой широкий жест оценили, юный король…

– Не король, – поправил Николай.

– Консорт или король – неважно, важно, что ты не подходишь для этой задачи.

Зоя посмотрела на терновый лес.

– Значит, это мое мученичество?

– Определенно нет, – вмешалась Женя.

Дарклинг просто рассмеялся.

– Посмотрите только, с каким видом вы шагаете на эшафот. Один – в героическом порыве, другая – с мрачной решимостью. Нет, Санкта-Зоя, ты тоже недостаточно сильна, чтобы стать мученицей. Само собой, это должен быть я.

Глаза Зои превратились в щелки.

– Само собой. Ты же известен своим бескорыстием. Да ты ничего никогда не делал, не просчитав сперва свою выгоду. Так почему решил начать теперь?

– Потому, что только я могу.

– Мне кажется, – спросил Николай, – ты действительно считаешь это поводом для самодовольства?

– Я – бессмертный, – заявил Дарклинг, пожав плечами. – В тебе жалкие крохи моей силы. Зоя только учится владеть своей. А я – стержень. Я – магнит. Я – сила, поднимающая волны.

– Ты и в самом деле все это начал, – сказал Николай. – Помнишь?

– Так, значит, это станет твоим искуплением? – спросила Женя. – Твоей великой жертвой?

Николай удивился, когда Женя изъявила желание отправиться с ними, но она смогла настоять на своем. *«Я больше не спущу с него глаз,* – заявила она тогда. – *Никаких побегов».* За все время они с Дарклингом не обменялись ни словом.

– Не будет мне прощения, крошка Женя?

Зоя резко повернулась к нему.

– Относись к ней с уважением, или я прикончу тебя на месте.

– Не нужно, Зоя, – прервала ее Женя. – Нам с ним давно пора поговорить. Я прощаю тебя за эти шрамы. – Он не смог скрыть удивления, и она рассмеялась. – Не ожидал, да? Я не жалею о них. Я нашла свой путь к той, кем являюсь сейчас, пережив эту боль. Благодаря ей я стала сильнее.

– Считай это моим подарком.

Николай заметил, как Зоины руки сжались в кулаки. Все ее силы уходили на то, чтобы не запустить в Дарклинга молнией.

– Но всего остального я простить не могу, – продолжила Женя. – Ты отдал меня в свиту королевы, потому что нуждался в шпионе. Ты знал, что я привлеку внимание старого короля. Знал, что мне предстояло вытерпеть. – Она прикрыла глаз, вспоминая. – Ты говорил, что я солдат и все мои страдания окупятся будущей славой. Не окупились.

– Цена…

– Не говори мне о цене. – Ее голос зазвенел над поляной, а волосы вспыхнули в лучах солнца, как костер темной осенней ночью. На закрывающей глаз повязке полыхнул Алинин символ. Он походил на падающую звезду. – Если уж эту *цену* необходимо было заплатить, то и платил бы ее сам. Я была всего лишь ребенком, но ты принес меня в жертву на алтарь своей многовековой войны. – Она издала тихий, грустный смешок. – А хуже всего то, что этого никто не помнит. Когда говорят о твоих преступлениях, вспоминают резню в Новокрибирске, жестокое убийство гришей, которым ты когда-то покровительствовал. А то, что пережила я, покрыто тайной. Я думала, что этот стыд – мой крест. А теперь понимаю, что твой. Ты был и отцом, и наставником, и другом. Ты должен был защитить меня.

– Я должен был защищать страну, Женя.

– Страна – это ее люди, – сказала Зоя. – Женя, я, моя тетя.

Дарклинг поднял бровь.

– Когда станешь королевой, тебе будут не так просто даваться подобные расчеты.

– Не будет тебе искупления, – сказала Женя. – Женщина, которой я стала, может простить тебя за то наказание, что ты назначил мне. Но ради той девочки, которой я была, я скажу, что не будет достаточного покаяния, не будет извинения, которое заставит меня открыть тебе сердце.

– Не припомню, чтоб я тебя об этом просил.

Глаза Зои полыхнули серебром, зрачки превратились в щелки.

– А можно я убью его до того, как мы пришпилим его к дереву?

Николай не сомневался, что Дарклинг заслужил и это, и кое-что похуже, но что-то его смущало.

– Что-то здесь не так. В чем подвох?

Дарклинг дернул плечом.

– Вечные страдания станут искуплением за мои преступления. Я прошу лишь об одном.

– Вот и оно.

– Постройте мне алтарь, чтобы обо мне помнили.

Зоя нахмурилась.

– Как о тиране? Убийце?

– Как о Беззвездном святом. Выделите мне главу в ваших книгах. И пусть с приходом ночи зажигают свечу для еще одного святого. Можешь ли ты согласиться на это, милостивая королева? – издевательски протянул он.

Внешне Дарклинг казался ничуть не заинтересованным, но демон внутри Николая чувствовал, что это только маска.

– Он серьезно, – неверяще выдохнул Николай. – Он готов умереть.

– Это не смерть, – уточнила монахиня. – Смерть по сравнению с этим покажется благословением.

Женя склонила голову набок. Она пристально смотрела на Дарклинга.

– Но ведь ты боишься не смерти, да? Он боится, что исчезнет.

Николай вспомнил слова, когда-то сказанные Женей: «*Все, чего Дарклинг когда-либо хотел, – это чтобы его любили в его стране*». Ему хорошо знакомо было это чувство. Он сам столкнулся с ним, когда смотрел в лицо своему демону. Немногих людей в Равке любили. А вот святые – другое дело.

– Зоя? – спросил Николай. Дарклинг хотел, чтобы ему поставили алтарь, чтобы его историю переписали заново, но Николай не мог принять такое решение. – Женя?

Зоя с Женей стояли рука об руку, и когда они взглянули друг на друга, он понял, что перед ними проносятся воспоминания обо всех потерях, которые им пришлось пережить по прихоти этого человека. Он помнил, как мучительно Зое было смотреть на службу Беззвездных, когда они стояли в Каньоне, убившем ее тетю, унесшем жизни сотен людей, и славили имя Дарклинга. Женщина, которой она была тогда, ни за что бы не согласилась на подобную просьбу.

– Неужели мы позволим ему изобразить из себя героя? – спросила Зоя.

Женя коротко кивнула.

– Позволим. Так наши страдания не будут бессмысленными.

Зоя стояла в окружении алых бутонов и шипов – королева, не нуждающаяся в короне.

– Да будет так.

Дарклинг повернулся к монахине.

– С чего начнем?

Монахиня изучающе посмотрела на них. Затем жестом указала на дерево, в то время как со стен спускались, окружая ствол волнами алого шелка, монахи – мужчины и женщины, старые и молодые, равкианцы, земенцы, сулийцы, шуханцы. Мелькнули даже несколько фьерданцев с льняными волосами.

Дарклинг поднял руки.

– Развяжите меня.

Николай с Зоей переглянулись. Если все это было очередной уловкой, он должен был сделать свой ход сейчас.

– Рассредоточиться, – велел Николай солнечным солдатам. – Приготовиться.

– Пока я жив, в тебе будет жить демон, – предупредил Дарклинг, пока Николай ножом разрезал веревки на его запястьях.

– Мы смогли договориться.

– Некоторые договоры существуют недолго.

– У тебя любовь к мрачным пророчествам, да?

– Зоя проживет очень долгую жизнь, – продолжил Дарклинг. – Несмотря на демона, тебе это вряд ли удастся.

– Тогда я буду любить ее и в могиле.

Улыбка тронула губы Дарклинга.

– Храбрые слова. Но время может все изменить.

Николай чуть не рассмеялся.

– Я точно не стану по тебе скучать.

Он спрятал нож и отступил в сторону.

Дарклинг не торопясь потер запястья, словно наслаждался страхом тех, кто вынужден был следить за ним и ждать, что он станет делать.

Он скинул рясу на заснеженную землю, затем отправил следом рубашку и шагнул к стволу дерева. И застыл перед ним, в брюках и сапогах, с белой как снег кожей и волосами темнее воронова крыла.

– Ступай, – напутствовала монахиня с тремя косами. – Если таково твое желание. Если ты осмелишься.

Дарклинг сделал глубокий вдох.

– Мое имя – Александр Морозов, – произнес он, и голос его эхом разлетелся над поляной. – Но я сменил сотню имен и совершил тысячу преступлений.

Монахи прижали ладони к корням дерева, к его стволу, к свисающим вниз ветвям.

Дарклинг широко развел руки, позволяя зимнему солнцу гладить лучами бледный торс.

– Я не сожалею.

Кора дерева-исполина начала двигаться и меняться. *«Они – фабрикаторы,* – понял Николай, глядя на сосредоточенных монахов. – *Каждый из них».*

– Я не раскаиваюсь! – сказал Дарклинг.

Одна из ветвей гигантского терна начала извиваться, как змея, и на конце ее появился единственный шип. Зоя взяла Николая за руку. Теперь они все держались друг за друга: Николай, Зоя и Женя.

Ветвь терна покачивалась взад-вперед, как змея гипнотизировала свою добычу.

– Все, что я делал, я делал ради Равки! – крикнул Дарклинг. – И это тоже. Ради Равки!

Ветвь сделала внезапный скользящий выпад.

Шип пронзил грудь Дарклинга, и тот, выгнувшись, закричал, и крик его – крик человека, страдающего от невыносимой муки, – был ужасен. Николай крепче сжал Зоину руку, когда демон внутри него тоже закричал от боли, что клеймом прижгла все внутри, опалив сердце.

Исполинский терн притянул Дарклинга ближе, обнимая ветвями, поднимая его обессиленное тело, словно мать, укачивающая сына, вернувшегося домой. Массивный ствол разделился, и ветви опустили страдальца во тьму.

Дерево сомкнулось вокруг него, заглушив крики. Его ветви замерли. Монахи стояли в молчании. Николай прижал руку к сердцу. Боль исчезла, демон успокоился.

На коре дерева Николай заметил едва видный отпечаток – ладонь Дарклинга, навсегда прижатая к прутьям его темницы.

Один за другим солнечные солдаты преклонили колени.

Зоя медленно приблизилась к дереву, и снег заглушил звук ее шагов. Она прижала руку к отметке, оставленной Дарклингом, и склонила голову.

– Я не думала, что он действительно это сделает.

– Он стоит в проходе между мирами, – сказала монахиня. – Посмотри своим драконьим взглядом. Что ты видишь?

Зоя прикрыла глаза, подняла лицо к небу.

– Каньон… каньон цветет.

– Расскажи, – попросила Женя.

– Зеленая трава. Сад в цвету. Айвовые деревья. На ветвях множество белых бутонов. Они похожи на морскую пену.

– Тлену конец, – сказала монахиня. – А его ты тоже видишь?

Зоя втянула воздух сквозь сжатые зубы.

– Его боль… – Она содрогнулась и убрала руку, прижав ее к груди, словно сердце пронзил шип.

Монахиня медленно кивнула.

– Тебе предстоит решить, что ты можешь и что не можешь простить, *eld ren*.

Зоя посмотрела на нее.

– А что, если смогу?

– У некоторых сердца бьются сильнее, чем у остальных, – произнесла женщина, и Зоя вздрогнула, услышав эти слова. – Только сердце столь же сильное, как его собственное, сможет освободить его от страданий и подарить покой смерти.

Они поблагодарили монахов, но приглашения разделить с ними кров не получили, а у Николая не было желания задерживаться в этом месте. Кем бы ни был Дарклинг, для них эта поляна теперь стала местом траура.

Не произнеся ни слова, они миновали туннель входа и узкий проход между скал. Всюду ощущалось скорое наступление весны. Мир вот-вот должен был зазеленеть и расцвести. Но сейчас повсюду был лед, снег и серые камни, словно земля укрылась траурной вуалью и скорбела. Николай не чувствовал жалости к тому человеку, которым Дарклинг стал, но жалел о потере того, в ком было столько надежды, столько уверенности, что всего можно добиться, если быть достаточно умным, достаточно сильным и достаточно отчаянным, чтобы поставить на карту все. Кем мог бы он стать, если бы мир вокруг был чуточку добрее? Если бы Равка с самого начала умела ценить своих людей?

Прошлое, изломанное и мрачное, изрытое траншеями, усеянное минами, осталось позади. А впереди лежало будущее – пологие холмы, покрытые вековым лесом, море до самого горизонта и безоблачное небо.

Николай шел за своей королевой по горам и знал, что надежда непременно приведет их домой.

49. Зоя

Утром перед коронацией Зои Женя отослала служанок и настояла на том, чтобы самой заняться ее волосами. Зое странно было позволять подруге прислуживать себе, но она была благодарна и за присутствие, и за умелые действия.

– Ты совсем не спала, – укорила Женя, убирая темные круги под Зоиными глазами.

– Не в первый раз.

Но это было не совсем так. Ответственность, как прежде, висела на ней тяжким грузом, но в последние недели после путешествия в горы ее стали донимать еще и ночные кошмары.

Они с Женей неторопливо позавтракали в нише окна с видом на дворцовый парк, наблюдая, как под утренним солнцем тают последние клочья тумана. Забравшись с ногами на уютный подоконник, они поставили тарелки на колени.

– Здешний вид мне нравится, – призналась Зоя, взяв очередной блин.

Женя пошевелила пальчиками на ногах.

– В Малом дворце окон немного. Секретность важнее пейзажа.

Николай настоял, чтобы Зоя заняла его покои.

– Они принадлежат правителю Равки, – сказал он. – Давай, это же шикарная возможность пожаловаться на мой ужасный вкус.

Зоя действительно терпеть не могла эти покои, но отнюдь не из-за их интерьера. Просто она скучала по своим комнатам в Малом дворце. Все вокруг было новым, и она не могла избавиться от тоски по прежнему и знакомому. Но в день переезда она нашла на своем рабочем столе крошечный кораблик из проволоки, легко прячущийся в ее ладони. На его мачте висел флаг с двумя вышитыми на нем звездами. Она обрадовалась, что теперь напоминание сразу и о Николае, и о Лилиане будет всегда с ней.

Женя помогла ей надеть наряд из бархата глубокого синего цвета, юбка и лиф которого были украшены узорами в виде чешуек, вышитыми серебряной нитью. Он отдаленно напоминал *кафтан*, но подобных *кафтанов* никто никогда еще не видел.

– Он идеален, – сказала Зоя. Создание наряда она доверила Жене. – Спасибо тебе.

– О, мы еще не закончили.

Женя скрылась в гардеробной и появилась оттуда уже с вышитым отрезом кружева, судя по виду, длиной в милю.

Зоя взвесила его на руках. Кружево было почти невесомым и сверкало, как пойманная молния.

– Ты, что, сняла шкуру с дракона?

– Не пришлось, – отшутилась Женя, прикрепляя накидку к рукавам Зоиного наряда. – Стоило сказать, что это для королевы Равки, как он сам выпрыгнул из нее.

– Ты смешна.

– Я восхитительна.

– Шлейф слишком длинный.

– Кто-то как-то мне сказал, что нашей часовне требуется больше зрелищности. – В голосе Жени звенело веселье, но в зеркале Зоя увидела грустную улыбку подруги.

Она сжала ее руку.

– Как бы я хотела, чтобы он сегодня был с нами.

Женя смахнула слезинку со щеки, и они застыли, взявшись за руки, как тогда в горах.

– Давида бы раздражала каждая минута этого мероприятия. Но я бы тоже этого хотела.

Дворцовая часовня никогда не станет для Зои подходящим местом для празднования. В этом зале она наблюдала за коронацией Николая, но здесь же стояла бок о бок с Алиной за алтарем в ту ночь, когда Дарклинг напал на Малый дворец и расправился с половиной людей,

знакомых Зое с детства. В ту ночь они ушли под землю, и прошли годы до того, как Зоя позволила себе по-настоящему выйти на свет. Раны казались слишком глубокими, а страх – слишком сильным. Тогда она не верила, что когда-нибудь снова сможет почувствовать себя в безопасности.

А теперь? Она разрешила Вадику Демидову, последнему из Ланцовых, получившему роскошное поместье и немаленькое состояние – в основном благодаря любезности князя Крыгина, – возложить медвежью шкуру Санкт-Григория ей на плечи. Она слушала проповедь Владима Озваля, священника, которому достался пост ее Апрата, о святых – старых и новых. В айвовой роще, когда-то бывшей Каньоном, началась постройка маленькой часовенки, и поговаривали, что в местах, прежде пораженных тленом, а ныне цветущих, тоже стали появляться маленькие алтари Беззвездному святому. Зоя была не вполне уверена, что может смириться с тем, что Дарклинг стал святым, но пыталась сдержать свое слово.

Когда настал момент, она позволила Владиму надеть корону ей на голову. Эта корона воплощала мощь – изготовленная из остатков титания, украшенная сапфирами, выполненная в форме изогнутых крыльев дракона.

Она окинула толпу друзей и незнакомцев, заметила Женю, сверкающую единственным янтарным глазом, в красном *кафтане*, на котором теперь был вышит дракон; Леони, фабрикатора, которой так восхищался Давид, – ставшую теперь членом Триумвирата и державшую за руку Адрика, который так и не бросил своего короля-демона и который теперь вместо Зои представлял в Триумвирате эфиреалов.

Со всего мира на коронацию съехались сановники: делегация от Торгового совета Керчии, включающая мерзкого Хайрема Шенка, кучу сил потратившего на то, чтобы равкианский престол попал под влияние Фьерды; маршал с Блуждающего острова; земенские министры, без которых Равке не удалось бы выстоять в войне; и даже шуханские принцессы со своей стражей – Эри и Майю, которые обняли Николая, как старого друга, и Макхи, которая окинула презрительным взглядом белые цветы, украсившие дворцовые балюстрады, разодетых придворных у каждой двери, флаги, полощущиеся на зимнем ветру, и заявила: «Во имя Неба, неужели никто из вас не разбирается в церемониях?»

Они убедились, что Тамара с *кергудами* уехали задолго до прибытия шуханской делегации. Зоя понимала, что никогда не сможет быть спокойной в их присутствии, но все равно была им благодарна. Их создавали специально для охоты на гришей, а это значило, что они лучше, чем кто бы то ни было, подходят и для спасения гришей. Саранча, Скарабей, Буревестник и Мотылек согласились присоединиться к Бергину, фьерданскому гришу, в поисках секретных лабораторий Ярла Брума. Команду возглавляла Тамара.

Наследный принц Фьерды дал разрешение на тайную операцию. Кстати, он тоже присутствовал на коронации – вместе с женщиной, недавно ставшей его невестой, – Милой Яндерсдат. На ней был наряд из кремового шелка с декольте такого размера, что иначе как вызывающим его назвать было нельзя, и ожерельем из опалов с орех величиной.

– Фьерда тебе к лицу, – шепнула Зоя Нине, когда им удалось на несколько секунд остаться вдвоем на выходе из часовни.

– Еда все-таки ужасная, но мы справляемся.

– Твой принц совсем не такой, каким я его представляла по докладам разведки. Намного добрее и ничуть не спесив.

– Он – все, чего Фьерда или я можем пожелать от правителя.

Зое не надо было пользоваться драконьим зрением, чтобы услышать глубочайшую убежденность в словах Нины.

– Назад в эту забытую святыми страну ты отправишься с подарком.

– С шеф-поваром и двумя фунтами ирисок?

– С цветком. Он из моего сада.

– Твоего… сада? Зоя Назяленская любит покопаться в земле?

– Испорченная девчонка, – вздохнула Зоя. – Я надеюсь, у тебя он расцветет. Надеюсь, что и ты тоже расцветешь.

Она знала, что Нина к ним не вернется. По крайней мере, не в ближайшее время. Зое будет не хватать ярких цветов георгинов летом, но, возможно, им будет лучше в другой почве.

Среди прочих почетных гостей в часовне присутствовала и группа сулийцев, одетых в шелка. На некоторых были маски шакалов. Другие заплели волосы в косы, украсив цветами. Их усадили рядом с Николаем в передней части зала, вместе с просто одетым парнем и девушкой, прячущей снежно-белые волосы под расшитой бисером шалью.

В зале было немало призраков, душ, которые никогда не обретут покой. И они вместе с ней вступали на эту новую тропу – Лилиана, Давид, Исаак, Хэршоу, Мари, Пажа, Федор, Сергей. Список был длинным и становился все длиннее.

«Ты не можешь спасти их всех».

Нет, но она может постараться стать хорошей королевой. Маленькая девочка всегда будет жить внутри нее, испуганная и злая, и Зоя никогда на забудет о ней и о том, каково это, чувствовать себя одинокой и беспомощной, пусть теперь она больше не одна. У нее есть ее солдаты, ее гриши, ее друзья, ее принц, а теперь, полагала она, ко всему этому добавились еще и ее подданные.

Зоя-из-потерянного-города. Зоя-из-сада. Зоя, истекающая кровью на снегу.

– Встань, Зоя, королева Равки, – провозгласил священник, – носящая корону дракона.

Зоя встала. Взяла в руки скипетр. Слушала приветственные крики людей, под которые разворачивалось ее знамя с драконом, выполненное в цветах Равки – голубом и золотом. Задача, стоящая перед ней, казалась непосильной.

Ничего из этого не было предопределено, ничего не было предсказано. Не существовало пророчеств о короле-демоне, о королеве-драконе, об одноглазой портной, о близнецах-сердцебитах. Они были просто людьми, которые ввязались в бой и сумели выжить.

Но, возможно, в этом-то и была суть: выжить, посметь остаться в живых, зажечь собственный свет, когда вся надежда угасла.

«За тех, кто выжил, – шепнула Зоя тихонько, пока вокруг все опускались на колени и скандировали ее имя. – *И за тех, кого больше нет»*.

Оставшееся утро слилось в вихрь приветствий и поздравлений, пожеланий на будущее и даже нескольких завуалированных угроз от керчийцев. В тронном зале, битком набитом гостями, было чудовищно жарко, и ее тяжелый бархатный наряд ничуть не облегчал ситуацию, но при помощи Николая и Жени Зоя неплохо со всем этим справлялась.

И все же кое-что не давало ей покоя.

– Женя, не могла бы ты найти Алину, прежде чем они со следопытом опять исчезнут? Мне нужно поговорить с вами обеими. Ждите меня в покоях короля.

Женя запечатлела поцелуй на ее щеке.

– В *твоих* покоях.

Николай возник рядом с Зоей, стоило Жене раствориться в толпе.

– Я бы хотел кое с кем тебя познакомить.

Рядом с ним стояла девушка-сулийка, невысокая, с волосами, собранными в толстую косу.

Она присела в реверансе с грациозностью танцовщицы.

– Королева Зоя, для меня это огромная честь.

На мгновение задержав на девушке изучающий взгляд, Зоя заметила ножи, спрятанные в рукавах и за поясом ее вышитой куртки.

– Капитан Гафа, – сказала она тихо, так, чтобы голос ее был неразличим в шумной зале.

Инеж улыбнулась.

– Вы знаете мое имя.

Зоя кинула взгляд в ту часть зала, где столпились сановники из Керчии.

– Вас многие ищут.

Глаза девушки яростно сверкнули.

– Пусть лучше помолятся, чтобы не найти ненароком.

– Если вам что-нибудь нужно…

– Она это получит, – заверил Николай, с достоинством поклонившись.

– Я мечтала попасть сюда, – призналась Инеж, – пройтись по тем же залам, где ступала нога Солнечной святой.

– Тогда, пожалуй, стоит показать вам и Малый дворец, где она училась использовать свою силу.

Улыбка Инеж стала еще шире.

– *Bhashe.*

– *Merema*, – ответила Зоя по-сулийски. – Не за что.

Между бровей Инеж появилась морщинка. Ее темные глаза впились в кого-то, движущегося сквозь толпу.

– Та девушка, – начала она, – в шали. Ее волосы…

– Друзья из деревни, – быстро вставил Николай. – А теперь позвольте познакомить вас с моей сестрой Линнеей. Она с удовольствием послушает рассказ о новых пушках, которые вы используете.

Зоя тоже не отказалась бы пойти с ними и послушать разговоры о кораблях и мореплавании, и о чем там еще говорят корсары и пираты, но Толя уже тащил ее прочь, на встречу с группой каэльских аристократов. Следом пошли земенцы, влиятельные купцы Западной Равки, фьерданские аристократы и князь Крыгин в ярчайшем мандариновом камзоле и с золотой булавкой для шейного платка в виде дракона с куском бирюзы в лапах.

Она не знала, сколько времени прошло и со сколькими людьми она встретилась до того, как Женя наконец-то возникла в одной из дверей зала.

Она извинилась и поспешно двинулась по одному из множества дворцовых переходов к покоям Николая – проклятье, к *ее* покоям. Женя и Алина уже ждали ее в гостиной, устроившись на пару у открытого окна и наслаждаясь благословенно прохладным воздухом после духоты тронного зала.

– Что ж, – заметила Алина, отставив в сторону стакан с квасом, стоило Зое закрыть дверь. – Она действительно неплохо на тебе смотрится.

– А что, были какие-то сомнения?

Женя рассмеялась.

– Я же тебе говорила – все та же Зоя.

– Ты там выглядела такой безмятежной, – словно оправдываясь, сказала Алина.

– Сплошное притворство, – заверила ее Зоя. – По большей части я думала, как бы не упасть в обморок. Это платье весит больше меня самой.

– Красота требует жертв, – без малейшей жалости заявила Женя.

Алина кивнула.

– Главный вопрос в том, как ты собираешься превзойти этот наряд на королевской свадьбе.

– Не спешите, – сказала Зоя. – Николай еще не сделал предложение.

– Разве можно его в этом винить? – заметила Женя. – Ему не особо везет с предложениями.

Алина фыркнула.

– Может, ему стоило предложить мне стать родоначальницей новой династии, а не какой-то там крошечный изумруд.

– Бедняга, – сочувственно протянула Зоя. – Но я и впрямь собираюсь использовать свою руку как приманку для любого подходящего дипломата, торговца или аристократа, пока мы заключаем новые торговые соглашения и договоры.

Женя закатила глаза.

– Очень романтично.

– Не могу же я просто взять и *перестать* быть генералом, – сказала Зоя. – Это отличный стратегический ход.

Их с Николаем романтика никогда не включала в себя букеты цветов и пылкие признания в любви. Она жила в том спокойствии, что они находили друг в друге, в часах тишины, которые они собирали один за другим.

– Но вы *все равно* поженитесь, – настойчиво заявила Женя.

– Не могу не заметить, – вставила Алина. – Хитрый лис отдал трон, но все-таки умудрился остаться королем.

– Принцем, – поправила Женя. – Принцем-консортом. Или он твой генерал?

Зое в самом деле было все равно, какой титул он станет носить. Он принадлежал ей, и это все, что имело значение. Ее взгляд задержался на набросках, которые она обнаружила на своем столе сегодня утром. Это оказались чертежи потрясающего строения, придуманного Николаем, чтобы защитить ее сад. Чертежи были перевязаны ее синей бархатной лентой и сопровождались запиской, гласившей: *«Я всегда буду стремиться подарить тебе лето».* За Зоей ухаживали многие богатые и влиятельные мужчины, которые предлагали ей драгоценности, дворцы, а однажды даже купчую на алмазные прииски. Но это было совсем другое сокровище, то, которое она уже и не надеялась найти.

Она снова повернулась к Жене и Алине, облокотившись на свой стол. Хотелось присесть и вытянуть ноги, но она слишком нервничала из-за предстоящего разговора.

– Тебе известно, что мы делали в горах.

– Да, – подтвердила Алина. – Вы спасли мир и приговорили самого злостного врага Равки к целой вечности пыток.

– Очень плодотворный поход, – заметила Женя.

Зоя побарабанила пальцами по столу.

– Я… Мне снятся кошмары о монастыре и терновом лесе.

Коснувшись древнего дерева, она почувствовала боль Дарклинга. И теперь дракон не позволял ей об этом забыть.

– Что происходит в твоих кошмарах? – спросила Алина.

– Я становлюсь им.

Женя пожевала губу.

– Тебя пытают?

– Хуже… У меня есть все, чего он хотел. Корона. Сила. Я – завоевательница городов, императрица, убийца. – В этих снах она стояла на палубе корабля, глядя на прекрасный город перед собой. Она вскидывала руки, и Каньон черной волной несся вперед, поглощая Новокрибирск. Каждую ночь она просыпалась вся в поту, а в ушах звучали тетушкины крики. – Я не уверена, что мы можем просто оставить его там.

Женя скрестила руки на груди.

– Нет?

– Нет, если хотим править справедливо. Нет, если надеемся, что будущее станет лучше прошлого.

– У тебя жар? – спросила Женя.

Но у Алины на лице было понимающее выражение.

– Ты боишься стать такой, как он. Боишься стать лавиной.

Бессмертной и неуничтожимой, еще одной бедой, которая обрушится на Равку.

– И что мы теперь должны сделать? – спросила Женя. – Освободить его? Простить его?

– Подарить ему смерть, – ответила Зоя.

Женя поднялась и подошла к камину.

– А он ее заслуживает?

– Это не мне решать, – сказала Зоя. – Не в одиночку.

Алина откинула голову на спинку дивана.

– А почему мы вообще это обсуждаем? Насколько я понимаю, Дарклинг знал, на что шел. Он стоит в проходе между мирами. Если он умрет, снова возникнет прореха Каньона, и пустота опять начнет просачиваться в наш мир.

– Да, – сказала Зоя. – Да, но монахиня сказала мне, что сердце столь же сильное, как его собственное, сможет остановить его.

Она повторила слова Лилианы. Она хотела, чтобы Зоя ее услышала.

Женя потрясенно взглянула на нее.

– Кто-то займет его место? Если только ты не уговоришь Ярла Брума…

– Нет, думаю, это была загадка. Не кто-то, а *что-то.* Первое сердце, которое пронзили шипы тернового леса. Сердце Санкт-Феликса.

– Ты говоришь о мощах. – В голосе Алины отчетливо звучало сомнение. – Как та, чьи пальцы прямо сейчас продают по всем деревням, могу вас заверить, они все – подделка.

– Она права, – поддержала Женя. – Пусть даже Санкт-Феликс существовал и его сердце каким-то образом сохранилось, никто не знает, где его искать.

– Это так, – согласилась Зоя. – Да и тот, у кого оно сейчас, вряд ли загорится желанием немедленно расстаться с предметом такой силы.

Женя что-то промурлыкала себе под нос.

– Итак, *если* мы решим, что он заслуживает милосердной смерти, к чему это нас приведет?

Зоя коснулась пальцами крохотного проволочного кораблика, лежащего на столе.

– Бесценный предмет, который невозможно найти, без сомнений, запертый на сто замков. Судя по всему, его придется украсть. И я знаю вора, который мог бы справиться с этим заданием.

Женя застонала.

– Скажи, что ты шутишь. Терпеть не могу этого мерзавца!

– Потому, что он невыносимый грубиян без зачатков морали. Но свое дело знает.

– Думаешь, он согласится? – спросила Женя.

– За соответствующее вознаграждение.

В комнате повисло продолжительное молчание. Наконец, Женя дотянулась до стакана Алины и сделала большой глоток.

– Я не считаю, что Дарклинг заслужил прощение. Не знаю, сколько лет мучений для этого требуется и когда мы превратимся в чудовищ, а он в жертву. Но мне бы не хотелось тратить всю оставшуюся жизнь на подсчеты. Если существует способ разобраться со всем этим, давайте сделаем это раз и навсегда.

– Хорошо, – сказала Алина.

Пока не успела передумать, Зоя позвонила слуге с просьбой привести Николая.

– Решение принято? – спросил он. – Не могу понять, какие у вас лица – безжалостные или милосердные. А может, вы просто проголодались.

– Капитан Гафа все еще здесь?

– Полагаю, она отбыла час назад в компании принца Расмуса и его нареченной.

– Возможно, это знак, – предположила Зоя.

– Зоя, – предупреждающе начала Алина. – Мы приняли решение.

– Ох, ладно, – сдалась Зоя. – Мне нужно, чтобы Штурмхонд передал от меня сообщение в Кеттердам.

– Я слышал, он очень занят в последние дни.

– Думаю, награда придется ему по вкусу.

Николай понизил голос.

– Если речь идет о тебе без платья, я, без сомнений, смогу его уговорить.

– Ты не прекратишь, пока мы не окажемся в центре скандала, да?

– Меня демон подталкивает. Ну, и какое важнейшее сообщение должен будет самый великолепнейший корсар в мире передать в Кеттердам?

Зоя вздохнула. Печально осознавать, что даже если у женщины есть все, что душа пожелает, ей все равно могут понадобиться услуги вора.

– Доставь сообщение в Клуб Воронов, – сказала она. – Скажи Казу Бреккеру, что у королевы Равки есть для него работа.

Благодарности

«Правление волков» – это седьмой из написанных мной романов по *Grishaverse*, история, в основе которой попытки одной девочки найти свой путь во тьме. И, как сказала бы Зоя, это не метафора. Но я благодарна всем тем великодушным людям, что помогали мне осветить этот путь.

Спасибо всем в издательстве Imprint: Дон Райан, Хейли Джозвик, Дэвиду Бриггсу, Рэймонду Эрнесто Колону, дотошному Джону Моргану, Камилле Келлог, моему талантливейшему редактору Эрин Штайн, которая позволяет подбрасывать ей мои безумные идеи, и Натали Соузе, которая вложила так много труда в то, чтобы эти книги стали красивыми. Я глубоко признательна потрясающим ребятам из отделов маркетинга, рекламы и вторичного права издательства Macmillan: Кэтрин Литтл, Мелиссе Зар, Терезе Феррайоло, Джулии Гардинер, Люси Дель Приоре, Эллисон Верост, Мариэль Доусон, Кристин Дюлэйни, Кейтлин Лосс, Джордану Уинчу и команде «Три М»: Молли Эллис, Морган Кейн и Мэдисон Фурр. Огромное спасибо замечательной команде продажников в лице Дженнифер Эдвардс, Джессики Бригман, Джесмин Кей, Дженнифер Голдинг, Марка фон Баргена, Мэттью Мича, Ребекки Шмидт, Зофрины Хинтон и Тейлор Армстронг. И отдельное спасибо Джону Ягеду, который не вписывается ни в один из этих списков.

И как всегда, я с радостью и гордостью объявляю себя частью большой семьи New Leaf Literary. Моя благодарность Хилари Пешн, Джо Вольпу, Веронике Грихальва, Виктории Хендерсен, Мередит Барнс, Абигейл Донохью. Дженни Картер, Кэтрин Кертис, Кейт Салливан, Джордан «Всегда начеку» Хилл, безжалостному Пое Шабазиану и моему агенту Джоанне Вольп, которой каким-то образом удалось не только увидеть пункт назначения раньше меня самой, но и благополучно доставить нас туда.

Сара Риз Бреннан и Холли Блэк позволили мне воспользоваться их необыкновенными мозгами и помогли придать форму ранним наброскам этой книги. Мэри Лу и Даниэль Хосе Олдер направляли меня от начала до конца с невероятной добротой и пониманием. Спасибо Кайлу Люкофф и Джесс Дешай за то, что помогли рассказать историю Ханны. Робин, Рейчел, Зигги, Морган, Мишель, Сара, Теодора, Джимми, Платиновые бургеры и Пижамное братство – объединенные аллитерацией, и те и другие поддерживали меня шутками и умными мыслями, а также спонтанной доставкой керамических призраков. Вся моя любовь и благодарность Кристине, Сэму, Эмили, Райану, моей прекрасной маме и Уолли, который все делает лучше. А еще И, я знаю, ты не любишь громких слов, но все равно спасибо за то, что ты мой друг, мой хранитель и единственный человек, которого я не перестаю любить даже после одиннадцати часов в машине. И последнее спасибо – Жану, которого любят и помнят.